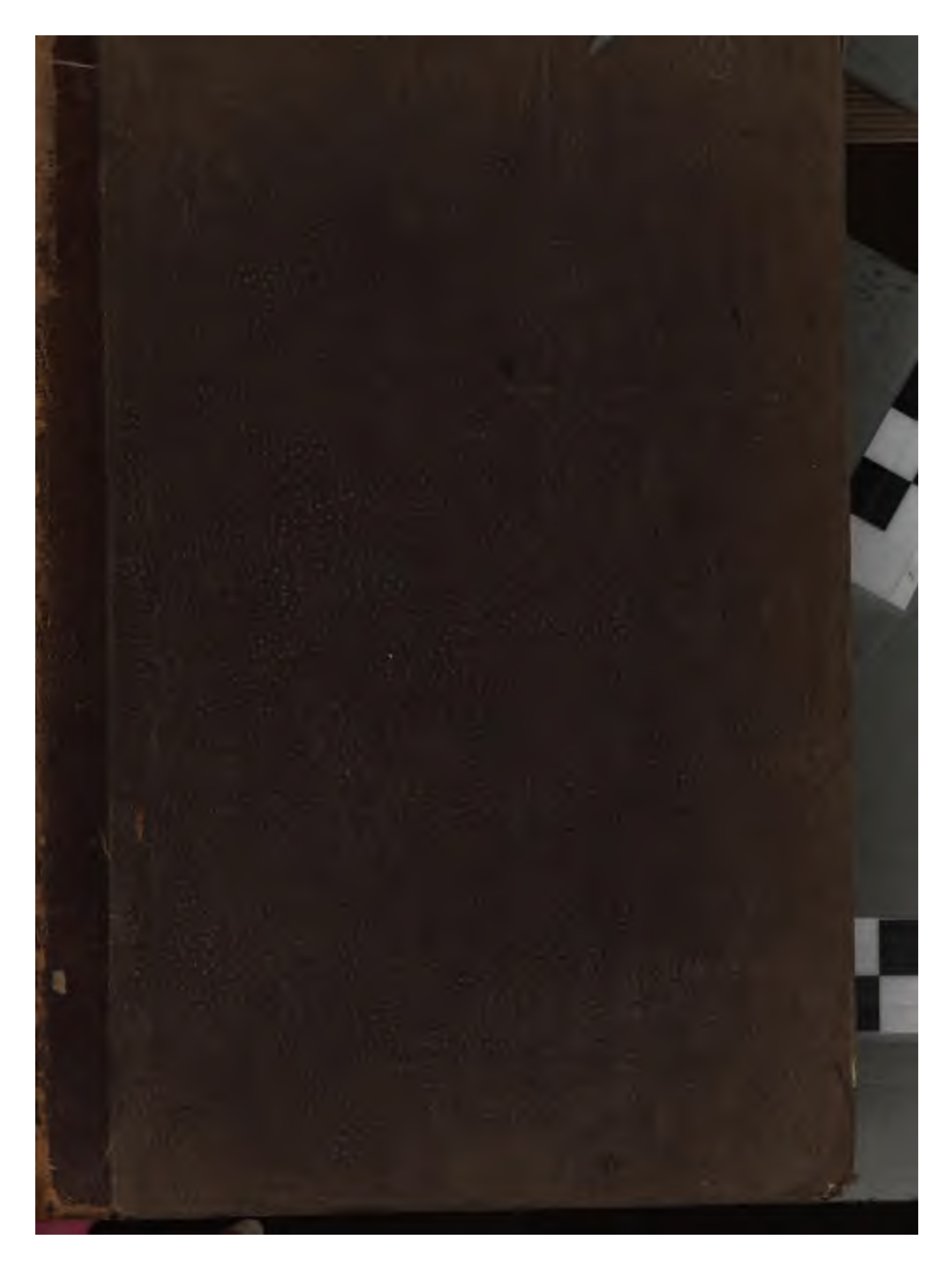

V-96
806

БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ ВЪ ЕЛЕЦКОМЪ ЗЕМСТВѢ
189 г.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Вып. 4-6

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 18 декабря 1862 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

I.

Характеръ Петрова царствованія въ сравненіи съ послѣдующими.— Неопредѣленность престолонаслѣдія. — Между сановниками образуются двѣ партіи: за великаго князя Петра и за Императрицу.— Екатерина объясняется съ своими приверженцами.—Меньшиковъ и Бассевичъ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Екатерина провозглашена царствующею Государынею.—Награды и милости.—Малороссійскія дѣла.— Полуботокъ и пр.—Подметныя письма и народные толки.—Всеобщая распущенность.—Иностранное вліяніе.—Виды на Курляндію и замыслы Меньшикова.—Новыя партіи по поводу престолонаслѣдія.— Замыслы Толстаго, Девіера и пр.—Меньшиковъ поддерживаетъ права великаго князя.—Завѣщаніе и смерть Екатерины.

Со смертію Петра оканчивается тяжелая, но великая эпоха преобразованія. Кипучая дѣятельность преобразователя носилась надъ всею русскою землею; всему давала жизнь, все приводила въ движеніе; теперь мы увидимъ совсѣмъ другое. «Все остановилось, все заснуло», читаемъ мы почти у всѣхъ современниковъ, писавшихъ объ эпохѣ, послѣдовавшей за смертью Петра. До сихъ поръ мы говорили о дѣйствіяхъ правительства; о томъ, какъ на эти дѣйствія смотрѣлъ народъ; что одобрялъ, чему не сочувствовалъ; видѣли, какъ завоевывались области, необходимыя для

вствія Россіи: видѣли какъ сооружались флоты, роводились дороги и каналы, какъ строились гаакъ учреждались школы, фабрики и заводы. Въ многихъ послѣдующихъ лѣтъ, вся дѣятельность, ѣтная жизнь, все видимое движеніе сосредоточипри дворѣ, обнаруживаются въ мелкихъ интригахъ, енія фаворитовъ, въ возвышеніи на ихъ мѣсто ». безъ достаточныхъ причинъ, какъ къ ихъ возо, такъ и къ паденію ихъ.

ъ скоро болѣзнь Государя начала грозить серьозасностью, возникъ трудный и щекотливый вопросъ олонаслѣдіи. Къ удивленію, ни одинъ русскій Царь, ъ законодатель, ни одинъ соборъ земскій, не пoо томъ, что это важное дѣло, на которомъ ается спокойствіе цѣлой страны, требуетъ положию закона. Правда, со времени Московскихъ велинязей существовалъ обычай, что умершему Госуаслѣдуетъ его старшій сынъ, который, въ свою », передаетъ скипетръ и державу своему старшему Но обычай не законъ. — хотя онъ былъ и очень въ древней Россіи; Іоаннъ III почелъ себя въ нарушить его, назначивъ себѣ преемникомъ, еще зни своей, меньшаго сына, помимо старшаго (что къ, имъ же и отмѣнено). Хотѣлъ, говорятъ, наруготъ обычай и Царь Алексѣй, предполагая отдать ъ меньшому изъ сыновъ своихъ, Петру; нарушилъ родъ московскій, избравъ Петра помимо Іоанна, цъ нарушилъ, или правильнѣе, вовсе отмѣнилъ его издавъ манифестъ о томъ, что царствующій Госуоленъ назначить себѣ преемникомъ кого хочетъ.

Издавая этотъ манифестъ, Петръ имѣлъ въ виду посадить на престолъ русскій того, кого онъ почелъ бы способнѣйшимъ продолжать начатое имъ дѣло, даже и не изъ среды царскаго семейства: «лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный» писалъ онъ царевичу Алексѣю, грозя лишить его наслѣдства. Цѣлью Петра слѣдовательно было упрочить установленный имъ государственный порядокъ; а между тѣмъ, этотъ манифестъ, окончательно убившій стародавній и еще уважаемый, хоть иногда и нарушаемый обычай,—этотъ законъ былъ причиною. какъ увидимъ, многихъ безпорядковъ.

Такъ какъ Государь умиралъ, и наслѣдія своего, сколько извѣстно, не завѣщалъ никому, то естественно, что всѣ знавшіе его опасное положеніе, спрашивали себя: кто же будетъ Государемъ? Петербургъ волновался. Составилась очень многочисленная партія за великаго князя Петра Алексѣевича, въ ней были всѣ, болѣе или менѣе придерживавшіеся стороны его отца, стороны „старыхъ обычаевъ“ и не любившіе иностранцевъ: Лопухины, Салтыковы, Ромодановскіе. Долгоруковы, Голицыны, Апраксины, Репнинъ, одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ петровскихъ, много сенаторовъ, нѣсколько членовъ синода. Они сходились между собою, совѣщались и рѣшили, что если Государь умретъ, то избрать его внука, и не принимать никого другаго; Императрицу нѣкоторые предполагали заключить въ монастырь вмѣстѣ съ дочерьми, Царицу же инокиню Евдокію призвать ко двору. Съ другой стороны виновники смерти царевича Алексѣя, или по крайней мѣрѣ, вліятельнѣйшіе изъ его судей, — Меньшиковъ, Толстой, также люди искренно преданные Петровымъ иде-

нихъ, не имѣвшіе связей съ партіею «старыхъ обычаевъ» и ею не любимые,—Ѳеофанъ Прокоповичъ и новгородскій архіепископъ Ѳеодосій, Ягушинскій, Ушаковъ, Остерманъ и всѣ вообще иностранцы, видя опасность, также сблизились между собой. Для ихъ цѣлей, для ихъ выгодъ, для выгодъ Россіи, какъ они ихъ понимали, единственно возможная преемница умирающему Государю была Екатерина,— одна, которая, какъ можно было надѣяться, стала бы поддерживать систему преобразователя. Цесаревна Анна, выйдя за мужъ за принца голштинскаго, могла поддаться, какъ и ея женихъ, вліянію ловкаго Бассевича и окончательно подчинить Россію господству Нѣмцевъ, противъ которыхъ и то было много неудовольствія. Впрочемъ, какъ принцъ, такъ и его министръ, сами не надѣясь составить партіи въ свою пользу, примкнули къ сторонникамъ Екатерины, которая всею душою была расположена къ своему нареченному зятю.

Въ ночь на 28-е января, когда Петръ уже начиналъ томиться смертною агоніею, люди той и другой партіи ходили изъ дома въ домъ, суетились, совѣщались; ихъ слуги и адъютанты толпились въ переднихъ комнатахъ и на лѣстницѣ дворца, ожидая перваго извѣстія о смерти Государя, чтобъ съ извѣстіемъ этимъ скакать къ пославшимъ ихъ. Толстой облеталъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ могъ надѣяться привлечь на сторону Екатерины. Меньшиковъ велѣлъ перевезть государственную казну въ крѣпость, комендантъ которой былъ ему вполнѣ преданъ. Одинъ за другимъ въ теченіи этой ночи перебывали у него важнѣйшіе сановники, изъ числа тѣхъ, на расположеніе которыхъ къ Императрицѣ онъ надѣялся, или которыхъ онъ

разсчитывалъ закупить. Начальникъ Преображенскаго полка, старый генералъ Бутурлинъ, большая часть военныхъ офицеровъ, на которыхъ Меньшиковъ, какъ фельдмаршалъ и президентъ военной коллегіи, имѣлъ, разумѣется, большое вліяніе, обѣщали ему свое содѣйствіе.

Императрица, пишутъ, находилась безотлучно передъ постелью умирающаго, но чтобъ она не знала о стараніяхъ своихъ приверженцевъ, какъ и противниковъ, это невѣроятно. Какъ бы то ни было, въ роковую ночь, 27—28 января, Бассевичъ, осторожно отворивъ дверь въ скорбный покой, вызвалъ ее оттуда, и предупредилъ объ угрожающей ей опасности: «На васъ возложена корона,—сказалъ онъ ей,—не для того, чтобы плакать, а чтобъ царствовать». За тѣмъ онъ ввелъ ее въ комнату, гдѣ были собраны значительнѣйшіе изъ ея приверженцевъ. Обратясь къ присутствующимъ, она, въ короткихъ словахъ, представила, что десятилѣтнему ребенку царствовать въ такія трудныя времена невозможно, и что, принимая корону Русскую, она для него же, для великаго князя, сохранить ее желаетъ. На обѣщанія при этомъ были щедры, щедры были и на деньги. Привлеченный этими средствами, Ѳеодосій первый присягнулъ стоять за Екатерину; за нимъ и остальные.

Въ то время, какъ это происходило въ одной изъ залъ дворца, Государь почувствовалъ приближеніе смерти; онъ потребовалъ бумаги и перо, хотѣлъ писать, но ослабѣвшая рука его начертала нѣсколько неявственныхъ строкъ, въ которыхъ можно было лишь разобрать два слова: «отдайте все»...; за тѣмъ онъ позвалъ цесаревну Анну и силился что-то сказать ей; но шопота его невоз-

можно было разслышать. Въ началѣ шестаго часа 28 января (1725) онъ скончался.

Какъ только сдѣлалось объ этомъ извѣстно, челядинцы, наполнявшіе переднія комнаты дворца, поспѣшили разнести эту вѣсть тѣмъ, отъ которыхъ были присланы, и скоро дворецъ сталъ наполняться сановниками. Они входили смущенные, озабоченные, но видя, что большинство ихъ принадлежитъ къ одной партіи,—партіи великаго князя Петра,—они видимо ободрились, и лица ихъ приняли торжествующее выраженіе. За то, съ другой стороны, небольшое число людей, принадлежавшихъ къ приверженцамъ Екатерины, какъ напримѣръ Ягушинскій, чувствовали себя въ весьма неловкомъ положеніи. Но вотъ дверь въ боковую комнату тихонько отворилась, и изъ нея вышелъ Бассевичъ, встрѣченный недружелюбными взглядами присутствующихъ. Не смущаясь, однако, этимъ, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ собраніе, и, замѣтивъ Ягушинскаго, прижавшагося въ уголокъ, развязно подошелъ къ нему и сообщилъ ему въ полголоса, что важнѣйшіе сановники государства уже присягнули Екатеринѣ; что гвардія на ея сторонѣ, а государственная казна въ ея рукахъ. Вообще, сказалъ онъ «у насъ гораздо болѣе приверженцевъ, нежели полагаютъ; вы можете сообщить объ этомъ вашимъ друзьямъ, и посовѣтовать имъ пристроиться къ намъ, если они дорожатъ своими головами». Ягушинскій видимо просіялъ отъ этихъ словъ, и поспѣшилъ передать ихъ своему тестю, графу Головкину: тотъ шепнулъ еще кое-кому, и въ нѣсколько мгновеній извѣстіе облетѣло всю залу. Бассевичъ съ торжествующею улыбкою слѣдилъ за впечатлѣніемъ, произведеннымъ его сло-

вами, и когда замѣтилъ, что они сдѣлались извѣстными всему собранію, подошелъ къ окну и сдѣлалъ какой-то знакъ головою: это было сигналомъ, на который немедленно отвѣтствовалъ барабанный бой двухъ гвардейскихъ полковъ. Что это значитъ, воскликнулъ Репнинъ, бывшій въ это время президентомъ военной коллегіи, и кто смѣлъ распорядиться войсками помимо меня?

«Я, отвѣчалъ Бутурлинъ, я сдѣлалъ это, по приказанію Всемилостивѣйшей Государыни нашей Императрицы Екатерины Алексѣевны».

Въ эту минуту, съ гордо снисходительнымъ видомъ, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, князь Меньшиковъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Императрица, поддерживаемая герцогомъ голштинскимъ. Отеревъ слезы и отвѣтивъ на безмолвные, холодные поклоны присутствующихъ, снисходительнымъ наклоненіемъ головы, она сказала собранію, что, согласно волѣ покойнаго Государя, возложившаго на нее корону, она посвятитъ дни свои тяжкому труду правленія и будетъ стараться приготовить великаго князя такъ, чтобъ онъ сдѣлался достойнымъ того, кого теперь всѣ оплакиваютъ. На слова эти Меньшиковъ отвѣтствовалъ, что столь важное объявленіе требуетъ со стороны собравшихся здѣсь великихъ сановниковъ зрѣлаго обсужденія, и просилъ позволенія удалиться для этого въ особую комнату. Присутствующіе перешли въ одинъ изъ сосѣднихъ покоевъ и заперли за собою дверь.

Приверженцы великаго князя, Петра видя, что побѣда отъ нихъ ускользаетъ, пошли на сдѣлки: они предложили провозгласить Государемъ Петра Алексѣевича,

Императрицѣ же поручить управленіе государствомъ до его совершеннолѣтія. Но это было отвергнуто. Обратясь къ кабинетъ-секретарю государеву, Макарову, Меньшиковъ спросилъ: не оставилъ ли покойный Императоръ какого либо завѣщанія. Макаровъ отвѣчалъ, что не задолго до послѣдней поѣздки своей въ Москву, для коронованія Екатерины, Государь разорвалъ при немъ, Макаровѣ, сдѣланное имъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ завѣщаніе и иногда послѣ того выражалъ намѣреніе составить новое, при чемъ,—прибавилъ Макаровъ,—Государь не разъ сказывалъ, что его намѣренія, въ этомъ отношеніи, должны быть понятны для всякаго.

Макаровъ не сказалъ ничего положительнаго, но можно думать, что онъ намекалъ на коронованіе Императрицы, приверженцы которой, не безъ намѣренія конечно, старались въ послѣднее время, придать этому обряду чрезвычайно знаменательное и важное значеніе. Люди противной партіи, выслушавъ слова Макарова, сказали, что они не видятъ ни въ чемъ ясно выраженной воли покойнаго Государя, и нѣкоторые изъ нихъ справедливо замѣтили, что, за недостаткомъ положительныхъ въ этомъ отношеніи указаній, ничего не остается болѣе, какъ предоставить рѣшеніе важнаго занимающаго ихъ вопроса народу. Принять это предложеніе приверженцамъ Екатерины, значило потерять всякую вѣроятность видѣть ее на престолѣ.

Тогда выступилъ ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ. Воля покойнаго Императора, замѣтилъ онъ, высказывалась не разъ довольно положительнымъ образомъ; во время последняго пребыванія двора въ Москвѣ, и именно нака-

нунѣ торжества коронованія Императицы, Государь, съ нѣсколькими преданнѣйшими ему слугами, проводилъ вечеръ у одного англійскаго негоціанта и тамъ положительно выразилъ, что возлагаетъ корону на супругу свою, съ тѣмъ, чтобы вѣнчанная Императрица, въ случаѣ бездѣтной смерти, ему наслѣдовала. Ссылаюсь въ этомъ, заключилъ Ѳеофанъ, на всѣхъ тогда присутствовавшихъ, и между прочимъ на великаго канцлера. Смущенный Головкинъ отвѣтилъ нерѣшительнымъ наклоненіемъ головы, а Меньшиковъ поспѣшилъ воскликнуть: «Какого же еще другаго удостовѣренія намъ надо? вотъ словесно выраженная воля и завѣщаніе нашего Государя и благодѣтеля. Первѣйшіе сановники свѣтскаго и духовнаго чина засвидѣтельствовали намъ ихъ; можемъ ли имъ не вѣрить?... Вѣримъ вамъ, отцы и братья, и восклицаемъ *«да здравствуетъ Императрица Екатерина!»* Смѣлое, рѣшительное движеніе обыкновенно увлекаетъ въ подобныхъ случаяхъ: нѣсколько голосовъ повторило восклицаніе Меньшикова; ни одинъ не осмѣлился возвыситься для протеста.

Такъ совершилось вступленіе на престолъ Екатерины I, подробно описанное участниками этого дѣла, Бассевичемъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Принявъ привѣтствіе бывшихъ на-лицо сановниковъ, новая Императрица подошла къ окну, чтобъ показаться выстроенной вокругъ дворца гвардіи, и толпившемуся народу. Пригоршни мелкаго серебра полетѣли внизъ; народъ и гвардія закричали *ура!* Ввечеру былъ отпечатанъ манифестъ о вступленіи на престолъ новой Государыни, и разосланъ во всѣ концы Россіи.

Избраніе было совершено. Екатерина вступила на престолъ Рюриковичей и Романовыхъ; но прочно ли было

новое ея положеніе? въ этомъ должны были сомнѣваться тѣ самые люди, которые доставили ей корону. Сенаторы, генералитетъ, вообще всѣ сановники, бывшіе во дворцѣ въ утро 28 января, были захвачены врасплохъ: они не имѣли духа оспаривать разсказъ, не весьма правдоподобный, Ѳеофана Прокоповича и дерзкій изъ него выводъ Меньшикова. Ихъ устрашили восклицанія гвардіи; но они могли одуматься, собравшись вмѣстѣ составить протестъ: гвардія могла быть возбуждена къ другимъ крикамъ!..

Противъ всѣхъ этихъ случайностей были немедленно приняты мѣры. Гвардіи роздано 50,000 рублей; Бутурлинъ, Девіеръ и Ушаковъ сдѣланы сенаторами; сенаторомъ же былъ сдѣланъ одинъ изъ членовъ знатной и многочисленной фамиліи Долгоруковыхъ; сынъ его опредѣленъ гофъ-юнкеромъ къ великому князю. Нѣсколько другихъ членовъ этой фамиліи, нѣсколько Голицыныхъ, большое количество представителей другихъ знатныхъ фамилій получили награды и повышенія. Вообще новое правительство поспѣшило привлечь богатую вліятельную знать. Михайло Голицынъ, командовавшій войсками въ Кіевѣ, и со стороны котораго боялись сопротивленія, былъ оттуда вызванъ; и онъ и братъ его Дмитрій, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сенаторовъ, были осыпаны ласками и милостями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагалось принять противъ нихъ совсѣмъ другія мѣры, еслибъ они стали слишкомъ упорствовать. Въ тоже время вызваны изъ изгнанія Шафировъ, издавна преданный Императрицѣ и ея ближайшій другъ, генеральша Балкъ; Меньшикову даны новыя, обширныя земли въ Малороссіи; Толстому тоже; многіе изъ тѣхъ, кто оказался полезнымъ, или кто казался

опаснымъ, сдѣланы кавалерами вновь учрежденнаго ордена Св. Александра Невскаго. Наконецъ прощены были многія недоимки, уменьшены нѣкоторыя подати, помиловано большое число людей, обвиненныхъ по суду.

Была минута, когда, казалось, новое правительство станетъ на твердую ногу и пріобрѣтетъ вліяніе и уваженіе: въ началѣ 1726 года былъ учрежденъ такъ называемый верховный тайный совѣтъ. Много говорили объ этомъ учрежденіи какъ только прошелъ о немъ первый слухъ; одинъ изъ иностранныхъ резидентовъ въ Петербургѣ писалъ своему двору, что это первый шагъ къ формѣ правленія, подобной англійскому; въ Россіи тоже иные были не далеки отъ этой мысли, тогда какъ другіе, напротивъ того, боялись, что верховный совѣтъ только усилитъ власть нѣсколькихъ временщиковъ. Сенатъ очень оскорблялся и былъ недоволенъ, что новое правительственное мѣсто будетъ выше его.

Какъ бы то ни было, верховный совѣтъ былъ учрежденъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ значительнѣйшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ самой Императрицы, именемъ которой онъ и дѣйствовалъ, давая указы всѣмъ правительственнымъ лицамъ и учрежденіямъ, не исключая сената, и рѣшая всѣ важнѣйшіе вопросы по дѣламъ военнымъ, дипломатическимъ, финансовымъ и пр. Самыя первыя засѣданія этого совѣта были очень любопытны и важны; въ нихъ было обращено вниманіе на то положеніе, въ которомъ находилась въ то время Россія, и положеніе это вообще признано далеко неудовлетворительнымъ; указано было на существовавшія повсюду злоупотребленія, на недостатокъ правосудія, на бѣдственное

состояніе крестьянъ. За тѣмъ членамъ совѣта было поручено составить предположенія о тѣхъ перемѣнахъ, которыя увеличили бы благосостояніе народа, умножили его богатство, изгнали неправосудіе изъ судовъ, прекратили бы побѣги и проч. Но на этомъ-то и споткнулся верховный совѣтъ. Онъ былъ довольно просвѣщенъ и проницателенъ, чтобъ замѣтить существующее зло, открыть несовершенства въ дѣлахъ Петра великаго, но когда дѣло дошло до того, чтобъ указать путь къ улучшеніямъ,—критики Петровы оказались несостоятельными и не могли придумать ничего, что заслуживало бы вниманіе. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже испортили Петровы законы. Такъ напримѣръ Петръ старался дать купечеству самостоятельность и городамъ самоуправленіе, дозволивъ имъ имѣть свои особыя управленія, подчинивъ городскимъ магистратамъ полицію и т. п. Новые законодатели это уничтожили, находя, что подчиненіе городовъ губернаторамъ и воеводамъ доставитъ имъ со стороны этихъ послѣднихъ защиту и покровительство. Это могло быть и справедливо въ иныхъ случаяхъ, но тѣ, которые принимали на себя исправленіе Петровыхъ законовъ, забывали, что городъ, поставленный въ необходимость искать опоры и надѣяться на покровителей, не станетъ заботиться о развитіи своей торговли и промышленности, о своемъ хозяйствѣ и просвѣщеніи и возложитъ это на тѣхъ же покровителей. При Петрѣ нѣкоторыя должности, даже въ арміи, были замѣщаемы по выбору; теперь это было уничтожено по той причинѣ, что при выборахъ этихъ случались злоупотребленія. Но злоупотребленія неизбѣжны въ человѣческомъ обществѣ, особенно малораз-

витомъ,—а ничто такъ не воспитываетъ въ людяхъ, съ одной стороны, благороднаго честолюбія, а съ другой, сознанія долга, уваженія къ закону и повиновенія къ власти, какъ право избирать своихъ правителей. Верховный совѣтъ замѣтилъ, что Петромъ первымъ было установлено слишкомъ много властей, содержаніе которыхъ обходилось государству дорого и замедляло дѣло. Это опять-таки могло быть справедливо, но сомнительно, чтобъ правосудіе выиграло отъ того, напримѣръ, что учрежденные Петромъ надворные суды были уничтожены и рѣшеніе тяжбъ было, по старинному, предоставлено воеводамъ и комендантамъ. Тяжба можетъ быть и точно разрѣшалась комендантомъ скорѣе, нежели судомъ, но справедливо ли? вотъ главный вопросъ. Судья, зная одно свое дѣло,—судить,—конечно, можетъ лучше ознакомиться съ законами, нежели комендантъ, который сегодня судитъ, а завтра взыскиваетъ недоимки или размѣщаетъ солдатъ по квартирамъ, который хозяйничаетъ, управляетъ, распоряжается и по этому самому очень часто принужденъ преслѣдовать сегодня человѣка, котораго завтра будетъ судить; возможно ли, чтобъ онъ сохранилъ въ такомъ случаѣ безпристрастіе?

Такимъ образомъ, верховный тайный совѣтъ нанесъ свою слабую, неискусную руку на дѣло Петра, и едва коснувшись онаго, какъ будто почувствовавъ свою несостоятельность, остановился. Его строгая критика не произвела ничего положительнаго, ничего важнаго, оправдывая старинную французскую поговорку: la critique est aisée, mais l'art est difficile (*).

(*) Легче осуждать, чѣмъ самому дѣлать.

Сдѣлавши нѣсколько неудачныхъ попытокъ преобразованій, совѣтъ успокоился и предался той апатіи, которая всюду воцарилась послѣ смерти Петра. «Россія похожа на корабль, у котораго кормчій и матросы покоятся глубокимъ сномъ», писалъ одинъ изъ иностранныхъ посланниковъ, бывшихъ въ Россіи, своему двору. «Единственное, на что обращено теперь вниманіе,—доносилъ другой посланникъ,—это очищеніе казначейства. Впрочемъ, и эта работа приходитъ къ концу». И точно, безпорядокъ былъ такъ великъ, что петербургское адмиралтейство однажды принуждено было занимать у генералъ-адмирала Апраксина собственныя его деньги.

Понятно, что такое положеніе дѣлъ не могло нравиться никому, кромѣ развѣ тѣхъ, которые находили въ томъ личную выгоду, и уваженіе къ правительству ослабѣвало. С.-петербургскій архіепископъ Ѳеодосій однажды пожелалъ видѣть Императрицу, но не былъ ею принятъ. Зная очень хорошо, что она занята не дѣлами, не засѣдаетъ въ верховномъ совѣтѣ, или сенатѣ, а что она большую часть времени «гуляетъ въ огородѣ», какъ это и свидѣтельствуетъ гофъ-фурьерскій журналъ (*), или же отдыхаетъ отъ этихъ гуляній, нетерпѣливый, заносчивый монахъ выразился рѣзко и объявилъ, что нога его не будетъ болѣе во дворцѣ. Онъ былъ за это разстриженъ и сосланъ въ вѣчное заточеніе, но слово его было сказано, а слово не умираетъ.

Во всѣхъ классахъ народа замѣтно было глухое не-

(*) Это журналъ частной жизни нашихъ Государей, въ который вносилось, когда они вставали, куда выѣзжали, кого принимали и т. п.

удовольствіе и ходили безпокойные слухи. Говорили, что князь М. М. Голицынъ собирается поднять Украйну, гдѣ онъ командовалъ войсками, и низвергнуть Императрицу; на престолъ же возвести великаго князя съ ограниченіемъ власти; въ Петербургѣ и Москвѣ появилось множество пасквилей и подметныхъ писемъ, которыя смѣло поднимали вопросъ о престолонаслѣдіи и выражали сочувствіе прямому отпрыску царскаго корня, великому князю Петру. Не взирая на все усердіе начальника тайной канцеляріи, графа Толстаго, сочинителей этихъ подметныхъ писемъ найти было нельзя, но какъ они сильно безпокоили правительство, то было предположеніе предать ихъ церковному проклятію... Эта странная мѣра однакожъ не состоялась; вмѣсто нея ограничились перепечаткою извѣстной уже намъ брошюры Ѳеофана Прокоповича: «Правда воли монаршей», которая очень ученымъ образомъ доказывала право Государя назначать себѣ преемникомъ кого онъ хочетъ.

Остерманъ, сдѣланный членомъ верховнаго совѣта, озабочиваясь такою шаткостію дѣлъ, придумалъ средство сообщить правительству болѣе прочное положеніе, а именно онъ совѣтовалъ немедленно объявить наслѣдникомъ престола великаго князя и обручить его съ цесаревною Елисаветою. Этимъ союзомъ онъ надѣялся связать между собою приверженцовъ отца Петра Алексѣевича и тѣхъ, которые свято чтили память покойнаго Императора. Мысль Остермана была сама по себѣ хороша, но, не говоря о томъ, что цесаревна была 7-ю годами старше великаго князя (которому было не болѣе 10 лѣтъ) можно крѣпко усомниться, чтобы бракъ племянника съ родною теткою

былъ хорошо принятъ въ Россіи: такое предположеніе показываетъ, какъ мало знали духъ русскаго народа тѣ иностранцы, которые были призваны управлять этимъ народомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, и Остерманъ больше другихъ, были коротко знакомы и съ его законами, и съ его администраціей.

Всѣ эти промахи, эта несостоятельность верховнаго совѣта передъ труднымъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ, скоро лишили его уваженія. Да онъ и самъ скоро какъ будто махнулъ рукою на все и на вся, и погрузился въ апатію.

При этомъ всеобщемъ уклоненіи отъ заботъ о судьбѣ народа, вся дѣятельность петербургскихъ сановниковъ и придворныхъ, была натурально обращена на устройство собственныхъ своихъ дѣлъ, на улучшеніе собственнаго положенія. Покойный Государь щедро награждалъ заслуги, но только заслуги; теперь можно было достигнуть того же не штурмуя непріятельскихъ окоповъ, не рыская по отвратительнымъ тогдашнимъ дорогамъ изъ конца въ конецъ, по всему обширному русскому царству, не роясь въ дѣлахъ, не заглядывая въ сенатъ и коллегіи. Наградъ, богатства, почестей, можно было добиться гораздо легче: угождая герцогу голштинскому и его двору, Меньшикову и его семейству, прогуливаясь въ свитѣ Императрицы изъ Лѣтняго сада въ Екатерин-. или Петергофъ. Много нашлось охотниковъ выслуживаться такимъ образомъ, даже изъ числа еще недавно ретивыхъ, закаленныхъ помощниковъ Петровыхъ. Ушаковъ пустилъ въ ходъ свое умѣнье балагурить; Ягушинскій изъ оберъ-прокуроровъ сената поспѣшилъ сдѣлаться шталмейстеромъ; про Девіера одинъ

изъ современниковъ говоритъ, что онъ разыгрывалъ во дворцѣ роль адъютанта или, скорѣе, камердинера.

Соотвѣтственно этому пониженію петербургскаго двора, усилились при немъ вліянія дворовъ иностранныхъ. Графъ Рабутинъ, посолъ германскаго, или, какъ тогда говорили, цесарскаго, императора, былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ людей и ближайшихъ совѣтниковъ у Императрицы, такъ что русскіе министры принуждены были искать поддержки и покровительства этого иноземца; съ другой стороны, почти всѣ вліятельные при дворѣ люди получали пенсіи отъ иностранныхъ государей. Вмѣсто политики Петра, столь національной, столь настойчиво и даже иногда эгоистично имѣвшей ввиду интересы Россіи, одной только Россіи, русская дипломація, стала служить теперь интересамъ другихъ государствъ къ собственному ущербу; втянулась въ бывшую тогда распрю западныхъ государствъ между собой, не имѣя въ этомъ ни малѣйшаго интереса; связала себя союзомъ съ Австріей, который могъ быть выгоденъ только для послѣдней, наконецъ едва не вовлекла Россію въ войну изъ за желанья устроить дѣла герцога голштинскаго,—а этотъ герцогъ голштинскій, проживъ въ Россіи 7 лѣтъ, не выучился ни одному русскому слову; получая безпрестанные подарки отъ русскаго двора, не умѣлъ заставить своихъ совѣтниковъ и кавалеровъ прилично вести себя въ отношеніи хозяевъ края, наконецъ, женившись на цесаревнѣ Аннѣ, черезъ три мѣсяца послѣ смерти ея отца, сталъ вести себя въ отношеніи къ ней самымъ неприличнымъ образомъ.

Вся эта слабость и неспособность правительственныхъ лицъ, это неудовольствіе, обхватившее весь народъ, нату-

рально не укрылась отъ другихъ дворовъ; мы видѣли, какіе отзывы сообщали имъ петербургскіе ихъ резиденты. Швеція, которая не могла забыть тяжкихъ условій Ништатскаго мира, стала замышлять, чтобъ какъ нибудь воспользоваться настоящимъ положеніемъ Россіи, и съ этою цѣлію заключила союзъ съ Англіей и Франціей. Дабы предупредить разрывъ съ нею, въ Стокгольмъ былъ посланъ самый, можетъ быть, ловкій нашъ дипломатъ тогдашняго времени, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ. Онъ сыпалъ деньгами, подкупалъ министровъ и вліятельныхъ людей, то ласкалъ, то грозилъ высадкою на шведскіе берега, но не успѣлъ ни привлечь, ни устрашить; да это было еще и тѣмъ труднѣе, что Меньшиковъ, первый сановникъ русской имперіи, получая жалованье отъ шведскаго двора, передавалъ ему все, что говорилось и предполагалось въ верховномъ совѣтѣ, и между прочимъ обнадеживалъ, что, не смотря на всѣ угрозы, ему нечего бояться, потому что, писалъ онъ, войско въ моихъ рукахъ!...

Мало этого, мы были въ весьма щекотливыхъ отношеніяхъ къ союзникамъ Швеціи; англійскіе корабли покрывали Балтійское море и дерзко показывались передъ ревельскими укрѣпленіями, а въ тоже время дипломація наша едва не накликала на насъ войны съ другой стороны, по поводу ссоры съ Польшею за Курляндію.

Мы нѣсколько разъ уже упоминали о Курляндіи. Съ XVI-го вѣка, она, подъ именемъ герцогства Курляндскаго, составляла часть Польско-Литовскаго государства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія, свое войско, свою монету, и управлялась герцогами, потомками знаменитаго Готгарда Кетлера, которые, впрочемъ, при-

знавали надъ собой господство короля польскаго. Не взирая на двухъ-вѣковыя близкія отношенія Польши и Курляндіи, между ними не было ни дружества, ни сочувствія. Курляндскіе бароны, нѣмцы по происхожденію, потомки рыцарей, завоевавшихъ нѣкогда восточное прибрежье Балтійскаго моря, считали себя во всѣхъ отношеніяхъ выше Поляковъ. Въ своихъ старинныхъ зàмкахъ, построенныхъ еще во времена завоеванія, курляндское дворянство продолжало мечтать о феодальныхъ временахъ, украшало свои старинные зàмки портретами предковъ въ стальныхъ латахъ, шлемахъ и забралахъ, развѣшивало въ своихъ готическихъ залахъ тяжелые мечи и панцыри прадѣдовъ на оленьи рога и заботилось только о томъ, чтобы какая нибудь новизна не измѣнила нечаянно ихъ средневѣковыхъ учрежденій и понятій.

Польское правительство, напротивъ того, очень думало объ измѣненіи многаго въ Курляндіи; какъ въ отношеніи Литвы и Руси (западной) оно издавна принимало всѣ возможныя мѣры къ уничтоженію ихъ особливости, ихъ національнаго характера, къ обращенію ихъ въ чистую Польшу, такъ пробовало оно дѣлать и въ Курляндіи,—но не имѣло здѣсь ни малѣйшаго успѣха и только возбуждало противъ себя неудовольствіе курляндскаго дворянства, которое, какъ мы видѣли въ началѣ шведской войны, обнаружило полнѣйшее и весьма выразительное равнодушіе къ интересамъ польскаго короля и польской короны.

Во время войны этой, русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго въ ней квартировали; эти военныя прогулки и постои не могли, конечно, нравиться Курляндцамъ, но положили однакожъ начало прочныхъ

2*

сношеній между ними и Россіею. Возвращавшійся через Митаву Полтавскій побѣдитель былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ почетомъ; брачный союзъ молодаго герцога съ царевною Анною вообще былъ одобряемъ. Къ сожалѣнію, герцогъ этотъ умеръ через нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, на обратномъ пути въ Митаву, проѣхавъ нѣсколько десятковъ верстъ. Такъ какъ дѣтей у него не осталось, и династія Кетлера съ нимъ прекращалась, то родился вопросъ: не оканчивается ли обязательство, данное родоначальникомъ этой династіи относительно подданства Польшѣ, и не можетъ ли герцогство считать себя теперь независимымъ?

Польское правительство не дало однакожъ утвердиться этимъ опаснымъ для него идеямъ и назначило для замѣщенія герцогскаго трона дядю умершаго герцога, ничтожнаго старика, нелюбимаго въ Курляндіи, но преданнаго Польшѣ, и католика. Старикъ этотъ, какъ прежде жилъ, такъ и теперь продолжалъ жить въ Гданскѣ, городѣ, принадлежавшемъ Польшѣ, слѣдовательно внѣ своего герцогства. За то вдовствующая герцогиня (Анна Іоанновна) утвердила свою резиденцію въ Митавѣ; она не вмѣшивалась, правда, въ управленіе, но способствовала усиленію въ Курляндіи русскаго вліянія; она составила маленькій дворъ, въ которомъ сближались между собою бывшіе при ней Русскіе и Курляндцы, а также отчасти польскіе магнаты изъ ближайшихъ къ Курляндіи польскихъ воеводствъ.

Между тѣмъ, такъ какъ старый герцогъ былъ бездѣтенъ, то мысль о томъ, что̀ станется съ Курляндіею послѣ его смерти, не переставала занимать умы. Въ Варшавѣ полагали, что герцогство должно быть въ та-

комъ случаѣ присоединено къ Польшѣ; въ Курляндіи думали, какъ мы знаемъ, совершенно иначе, и чтобъ положить начало самостоятельности ея, придумали предложить наслѣдіе Кетлеровъ человѣку довольно самостоятельному, чтобы не быть орудіемъ варшавской политики и имѣющему довольно много друзей въ Польшѣ, чтобъ найти въ ней самой поддержку.

Такимъ человѣкомъ казался Курляндцамъ сынъ короля Августа, графъ Морицъ Саксонскій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей своего времени. Начались тайные переговоры; онъ охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе; Августъ взялся поддерживать его всѣми силами и однажды, совершенно неожиданно для варшавскаго сената, Морицъ былъ избранъ въ Митавѣ наслѣднымъ герцогомъ курляндскимъ съ тѣмъ, чтобы ему жениться на Аннѣ Іоанновнѣ.

Казалось бы это весьма хорошо согласовалось съ нашими интересами: Курляндцы сами подавали намъ руку. Но совершенно случайное обстоятельство дало другое направленіе нашей политикѣ: Меньшикову захотѣлось быть самому курляндскимъ герцогомъ. Онъ поскакалъ въ Митаву, ласкалъ, грозилъ, сыпалъ деньгами, но Курляндцы не согласились отмѣнить прежній свой выборъ, а между тѣмъ, варшавскій дворъ справедливо вознегодовалъ на такую странную и беззаконную претензію Меньшикова и дѣло доходило до разрыва. По счастію, въ отсутствіе Меньшикова изъ Петербурга, тамъ успѣли поколебать его кредитъ въ глазахъ Императрицы и представить, что его личный интересъ грозитъ Россіи войной въ весьма опасную минуту. Онъ былъ отозванъ. Съ своей стороны и Морицъ долженъ былъ оставить Курляндію; Польшѣ также

же удалось присоединить ее къ своимъ землямъ и вообще дѣла въ этой сторонѣ были оставлены въ прежнемъ положеніи до смерти престарѣлаго герцога. Положеніе русскихъ, благодаря неосторожному самолюбію Меньшикова, потерпѣло пониженіе, да и самое вліяніе наше въ Курляндіи на нѣкоторое время поколебалось. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ и чѣмъ развязались наши отношенія къ ней, а теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Россіи, или, правильнѣе, въ Петербургѣ, потому что вся жизнь сосредоточилась въ немъ одномъ, въ интригахъ и пререканіяхъ между собою петербургскихъ сановниковъ и любимцевъ.

Беспримѣрное возвышеніе Меньшикова, его ненасытная жадность, стяжательство и высокомѣріе, участіе его въ дѣлѣ царевича и многія другія непохвальныя черты его жизни сдѣлали его предметомъ почти всеобщей, хотя и боязливой ненависти. «У него столько же враговъ, сколько волосъ на головѣ», сказалъ одинъ современникъ. Въ настоящее царствованіе онъ пріобрѣлъ такое значеніе, которое не имѣло себѣ подобныхъ: самъ герцогъ Голштинскій, зять Императрицы, видѣлъ необходимость въ немъ заискивать. Но именно въ это же время онъ едва не былъ низвергнутъ съ высоты своего величія. Поступки его въ Курляндіи, неслыханно дерзкіе и насильственные, опасность разрыва съ Польшею, которой онъ подвергалъ Россію, все это возбудило во время бытности его въ Курляндіи противъ него въ Петербургѣ общее негодованіе, тѣмъ болѣе сильное и открытое, что его не было на лицо. Кто именно рѣшился возвысить голосъ противъ всесильнаго фаворита, не знаемъ; извѣстно только,

что Анна Іоанновна, огорченная невозможностію связать судьбу свою съ судьбою Морица Саксонскаго, горько жаловалась въ Петербургѣ на Меньшикова; есть основаніе думать, что сильно подрывался подъ него Остерманъ; вѣроятно не безмолвствовали при этомъ удобномъ случаѣ люди старинной партіи, а равно и голштинскій дворъ,— словомъ всѣ многочисленные враги его; наряжена была коммисія для изслѣдованія всѣхъ беззаконій Меньшикова. Но онъ, наконецъ, явился въ Петербургъ и достаточно было появленія его передъ Императрицею, чтобы обратить въ прахъ всѣ направленные противъ него замыслы.

Между тѣмъ здоровье Императрицы сильно разстроилось и вопросъ о престолонаслѣдіи снова начиналъ заботить, если не народъ (потому что вся Россія считала великаго князя Петра законнымъ и единственнымъ наслѣдникомъ), то придворныхъ. Для нихъ вопросъ этотъ былъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ. Съ мыслію о воцареніи Петра Алексѣевича связывалась мысль о преобладаніи людей старыхъ обычаевъ, бывшихъ друзей его отца, а это было противно «птенцамъ Петра Великаго» и опасно для тѣхъ, которые участвовали въ судѣ надъ царевичемъ. Если онъ будетъ Государемъ, то, конечно, вызоветъ свою бабку (Евдокію), «а она нраву особливаго, жестокосердна, захочетъ вымеcтить злобу», разсуждали они между собою; да и самъ великій князь можетъ пожелать при случаѣ отмстить за отца. По этому, Толстой, Ушаковъ и нѣкоторые другіе изъ Петровыхъ сотрудниковъ рѣшили, что наслѣдовать Императрицѣ должна одна изъ ея дочерей, или даже, разсуждали они, и обѣ вмѣстѣ.

[illegible]

[illegible] ...ницея. [illegible] ...лась [illegible]

[illegible]

[illegible] ...противниковъ. [illegible] ...стой [illegible] въ [illegible]

[illegible] въ Императрицѣ. [illegible]

[illegible] возможности [illegible] власть въ руки Меньшикова [illegible]

[illegible] что неограниченно царствующей [illegible]

[illegible] родственныя связи съ подданными; совѣтовали послать

за границу великаго князя, для довершенія его образованія (думая воспользоваться его отсутствіемъ, чтобъ возвести на престолъ одну изъ цесаревнъ), говорили, что мать должна выше всего ставить интересы дѣтей своихъ (цесаревнъ). Толстой даже грозилъ Императрицѣ, что всѣ ее покинутъ. Ничто не помогло; Меньшиковъ одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ и жестоко наказалъ ихъ.

Во время предсмертной болѣзни Государыни, Девіеръ, находясь во дворцѣ, имѣлъ неосторожность сказать одной изъ ея приближенныхъ: «не надобно плакать». Цесаревнѣ Аннѣ, вышедшей въ тоже время изъ комнаты больной, онъ же сказалъ: «о чемъ печалишься? выпей рюмку вина»; не всталъ передъ нею, и смѣялся въ то время, когда слѣдовало быть огорченнымъ. За таковыя «продерзости» Девіеръ былъ преданъ суду. Съ разспросовъ и пытокъ, онъ оговорилъ Толстаго, Ушакова, Скорнякова-Писарева,— креатуру Меньшикова,—старика Бутурлина, одного изъ Нарышкиныхъ, и того Долгорукаго, который состоялъ при великомъ князѣ. Открылось также и сообщничество съ ними герцога голштинскаго. Всѣ эти люди, кромѣ герцога, были привлечены къ суду. Такъ какъ Императрица видимо угасала, то судъ дѣйствовалъ съ необыкновенною поспѣшностію; въ десять дней онъ окончилъ свое дѣло, и Императрица, за нѣсколько часовъ до своей смерти, подписала приговоръ: Девіера и Скорнякова-Писарева бить кнутомъ и сослать; Толстаго, Бутурлина, Нарышкина и Ушакова сослать; Долгоруковъ, по усиленной просьбѣ великаго князя, пощаженъ.

Ввечеру того же дня, какъ состоялся этотъ приговоръ, Императрица скончалась, оставивъ духовное за-

вѣщаніе, въ которомъ, вмѣстѣ съ распоряженіями о престолонаслѣдіи и объ устройствѣ судьбы цесаревнъ, собравшіеся сановники не безъ удивленія прочли нѣкоторыя совершенно второстепенныя подробности. Наслѣдникомъ престола признавался великій князь Петръ; цесаревнамъ назначались большія денежныя суммы; имъ же, вмѣстѣ съ членами верховнаго совѣта, предоставлялось образовать изъ себя регентство, до совершеннолѣтія Государя. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица выражала желаніе, чтобъ великій князь сочетался бракомъ съ княжною Меньшиковою, чтобы приняты были мѣры къ возвращенію герцогу голштинскому его владѣній, пріобрѣтенныхъ въ послѣднюю войну Даніей; наконецъ, чтобъ для голштинскаго посольства былъ купленъ домъ на счетъ русской казны, и въ заключеніе было предоставлено германскому императору наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого страннаго завѣщанія, написаннаго, какъ справедливо предполагали современники, Меньшиковымъ, Бассевичемъ и Рабутинымъ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА II.

Вступленіе на престолъ Петра II. — Значеніе Меньшикова усиливается еще болѣе. — Государя возстановляютъ противъ него. — Нѣкоторые сдѣланные имъ промахи. — Арестъ Меньшикова и его ссылка. — Нѣсколько словъ о Меньшиковѣ. — Новые любимцы. — Голицыны и Долгоруковы. — Государь отправляется въ Москву. — Долгоруковы вполнѣ имъ овладѣваютъ. — Его образъ жизни. — Обрученіе его съ княжною Екатериною Долгоруковою. — Болѣзнь и смерть его.

Наступило второе царствованіе послѣ смерти великаго Императора. Петръ II сѣлъ на престолъ, съ котораго только что сошла Екатерина I. Мы увидимъ новыя лица, новыхъ правителей, новыхъ фаворитовъ, но найдемъ прежнее равнодушіе къ общественному благу, прежнія заботы объ удовольствіяхъ и личныхъ выгодахъ; суету въ дворцовыхъ переднихъ и совершенную безжизненность на всемъ пространствѣ Россіи. Вся глава, посвященная новому царствованію, будетъ наполнена разсказомъ о возвышеніи и паденіи фаворитовъ, о борьбѣ петербургскихъ и московскихъ сановниковъ между собою, а вся масса русскаго народа, составлявшаго около 20 мил. лицъ обоего пола, не скажется ни однимъ словомъ.

Петръ вступилъ на престолъ 6 мая 1727 года; ему не было тогда еще и 12 лѣтъ. При жизни дѣда своего, онъ оставался въ тѣни, потому что до послѣдняго времени Государь надѣялся имѣть прямыхъ наслѣдниковъ; при Императрицѣ его опасались, потому что всѣ сторонники его отца смотрѣли на него съ упованіемъ; его

держали, слѣдовательно, еще болѣе прежняго въ тѣни и забвеніи и мало заботились о его воспитаніи. Правда, первый его гофмаршалъ, Остерманъ, составилъ довольно хорошую программу для его воспитанія, но никто не наблюдалъ за ея исполненіемъ. Остерманъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами иностранной коллегіи, которыми онъ заправлялъ гораздо болѣе, нежели канцлеръ (Головкинъ), а другой гофмаршалъ великаго князя, Долгоруковъ, человѣкъ безъ образованія и съ посредственнымъ умомъ, употреблялъ все свое вліяніе только на то, чтобъ отвратить ребенка отъ дѣлъ, совершенныхъ его дѣдомъ, и вкоренить въ немъ вкусъ къ старинному барству, къ лѣни, къ псовой охотѣ. Сынъ этого Долгорукова, князь Иванъ, нѣсколькими годами старшій великаго князя, при которомъ онъ былъ гофъ-юнкеромъ, молодой человѣкъ необразованный и развратный, былъ едва ли не вреднѣе еще, чѣмъ его отецъ; первый искажалъ только понятія ребенка, второй портилъ его нравы, пріобрѣтая его неограниченную дружбу поблажкою всѣмъ дурнымъ, рано развившимся въ немъ наклонностямъ. Иванъ Долгоруковъ былъ орудіемъ въ рукахъ отца своего и его многочисленныхъ друзей и родственниковъ, посредствомъ котораго они внушали молодому царевичу свои понятія о вещахъ и людяхъ; они могли дѣлать это тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что на Ивана Долгорукова, какъ на человѣка очень еще молодаго, важные сановники, временщики и фавориты не обращали большаго вниманія. А между тѣмъ онъ принималъ очень значительное участіе въ современныхъ политическихъ интригахъ: онъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ замыслѣ, направленномъ противъ Меньшикова; онъ же пер-

рый открылъ великому князю неоспоримыя права его на престолъ, раздражая такимъ образомъ въ немъ властолюбіе, но, къ сожалѣнію, не заботясь сдѣлать его достойнымъ власти.

Не было и не могло быть никакихъ споровъ относительно престолонаслѣдія послѣ смерти Екатерины; всѣ единодушно присягнули Петру II; но тѣ, которые не знали близко придворныхъ тайнъ послѣдняго времени, очень должны были удивиться, увидѣвъ, что первымъ человѣкомъ при молодомъ Императорѣ остается князь Меньшиковъ, — первый судья его отца. Мы знаемъ уже, какія мѣры принялъ этотъ старый честолюбецъ, чтобъ упрочить себя въ милости новаго Государя: онъ пожертвовалъ нѣсколькими своими друзьями и старинными товарищами, которые хотѣли отстранить отъ престола Петра II, и обручилъ съ нимъ старшую свою дочь.

Въ началѣ новаго царствованія значеніе Меньшикова казалось еще сильнѣе, еще выше, чѣмъ въ предшествующее. Въ верховномъ совѣтѣ никто не смѣлъ возражать нареченному тестю Государя; принцъ голштинскій, съ которымъ онъ, со времени Девіеровой исторіи, не ладилъ, принужденъ былъ оставить Россію; Меньшиковъ на-прямки послалъ ему предложеніе отправиться за границу, потому что, велѣлъ онъ ему сказать, «ему здѣсь, *яко Шведу*, не довѣриваютъ». Такимъ образомъ, Меньшиковъ остался совершенно безъ соперниковъ и, казалось, вполнѣ подчинилъ себѣ Императора, котораго, для лучшаго за нимъ надзора, онъ перевезъ на житье въ свой домъ. Оставалось только сыграть свадьбу, возвести дочь свою на престолъ, и тогда какой же ударъ судьбы, какая интрига, какая немилость могли постигнуть царскаго тестя?

Дѣло, однако, не дошло до этой свадьбы, и чѣмъ выше было положеніе Меньшикова, тѣмъ глубже было паденіе этого баловня счастія. Въ началѣ 1727 года онъ былъ опасно боленъ—и въ это самое время, подъ глазами его слугъ и ласкателей, въ его собственномъ домѣ, противъ него возбуждали и успѣли возбудить молодаго Государя. Петръ не имѣлъ привязанности къ своей невѣстѣ, а Иванъ Долгоруковъ постарался поселить въ немъ ненависть къ ея отцу, и успѣлъ дать ему понять, что достаточно одного его слова, чтобъ обратить въ ничто этого суроваго, строгаго опекуна. По какому-то случаю петербургское купечество поднесло Государю, въ видѣ подарка, нѣсколько сотъ червонцевъ; половину изъ нихъ Петръ послалъ къ сестрѣ своей, Наталіи, которую очень любилъ. Случилось, что Меньшиковъ встрѣтилъ служителя, который несъ эти деньги, и узнавъ въ чемъ дѣло, взялъ ихъ у него, сказавъ: «Государь еще не знаетъ цѣны деньгамъ».

Петръ жестоко оскорбился такимъ безцеремоннымъ обхожденіемъ съ собою, и встрѣтивъ своего опекуна, гнѣвно сказалъ ему: «Я покажу тебѣ, что я Императоръ». Меньшиковъ однакожъ не смутился этимъ; около того же времени Петръ поѣхалъ на охоту съ Долгоруковымъ и провелъ въ полѣ цѣлый день, а время было сырое, ненастное. Меньшиковъ сдѣлалъ за это строгое замѣчаніе какъ гофъ-юнкеру, такъ и гофмаршалу Государя, Остерману; это было новою причиною неудовольствія противъ него. Остерманъ, который всѣмъ улыбался и всѣмъ кланялся, не забывалъ малѣйшихъ оскорбленій и, давно уже будучи недоволенъ чрезмѣрнымъ

преобладаніемъ Меньшикова и положеніемъ, въ которое онъ поставилъ правительство, началъ возбуждать противъ него великую княжну Наталію, которая очень уважала Остермана и имѣла вліяніе на брата. Не замѣчая всего этого, или не обращая на это вниманія, Меньшиковъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Ораніенбаумъ, гдѣ, на пустынномъ берегу Финскаго залива, онъ развелъ обширный садъ и построилъ превосходный дворецъ, столько же превосходившій и обширностію и великолѣпіемъ петергофскій Монъ-плезиръ Петра перваго, во сколько петербургскія палаты Меньшикова превосходили лѣтніе и зимніе петровскіе дворцы. Меньшиковъ прибылъ въ Ораніенбаумъ для освященія только что отдѣланной тамъ церкви и хотѣлъ отпраздновать это торжество съ великолѣпіемъ, ожидая, что и Государь при этомъ будетъ. Этимъ кратковременнымъ отсутствіемъ Меньшикова воспользовались его враги, чтобъ нанести ему окончательный ударъ; они убѣдили Государя не ѣхать въ Ораніенбаумъ и перебраться изъ дома своего нареченнаго тестя во дворецъ.

Это былъ довольно явный разрывъ съ своимъ опекуномъ и тестемъ. Но новые друзья Государевы не довольствовались этимъ: они увѣрили его, что Меньшиковъ, во время церемоніи освященія, стоялъ на царскомъ мѣстѣ,—обстоятельство, которое едва ли справедливо, и которому, если даже и допустить его, только злонамѣренныя толкованія могли придать важное значеніе. Тѣмъ не менѣе оно было представлено въ такомъ видѣ, что Государь окончательно раздражился противъ Меньшикова, и когда этотъ послѣдній, узнавъ о

всемъ, что дѣлается въ Петербургѣ, прискакалъ туда и явился во дворецъ, его не пустили.

Тогда онъ увидѣлъ, что его многолѣтніе труды и интриги, его сила и значеніе ничто передъ волею самодержавнаго ребенка. Мгновенно онъ перешелъ отъ чрезвычайной надменности къ безграничному униженію: не зная еще, въ чемъ его обвиняютъ, онъ, въ письмахъ къ Государю и къ великой княжнѣ, молилъ о пощадѣ, предлагалъ возвратить съ избыткомъ (!) деньги, которыя Государь посылалъ къ сестрѣ своей, просилъ дозволенія видѣть Государя. Въ отвѣтъ на это ему велѣно не смѣть выѣзжать изъ дома, а вслѣдъ за тѣмъ приказано отправиться изъ Петербурга и безвыѣздно жить въ принадлежавшемъ ему Ранебургѣ, нынѣ городѣ Рязанской губерніи, а въ тѣ поры бывшемъ ничѣмъ инымъ, какъ укрѣпленіемъ на границѣ степей, по которымъ рыскали партіи крымскихъ татаръ... Ударъ былъ жестокій! но этимъ не кончилось. Меньшиковъ имѣлъ неосторожность выѣзду своему изъ Петербурга придать видъ какого-то торжества: огромное количество каретъ и другихъ экипажей, верховыхъ коней, фургоновъ съ разнымъ добромъ, поваровъ, конюховъ, секретарей (всего 127 человѣкъ) тянулось черезъ весь Петербургъ, привлекая толпы любопытныхъ и въ послѣдній разъ тѣша самолюбіе Меньшикова. Но это была большая неосторожность съ его стороны. Враги его легко могли представить Государю, что видно опальному вельможѣ мало той немилости, въ которую онъ впалъ, что онъ смѣется надъ властію, его низвергшею, пренебрегаетъ ею... Они такъ и сдѣлали и безъ труда выхлопотали новый указъ, которымъ Меньшиковъ ли-

шался всѣхъ чиновъ, орденовъ и почетныхъ титлъ; имѣнія его отбирались въ казну, а самъ онъ, съ семействомъ, ссылался въ Березовъ,—глухой и до того времени совершенно безвѣстный городишко Тобольской губерніи. — Здѣсь нареченный тесть царскій и царская невѣста умерли, не дождавшись свободы, которая послѣдовала для другихъ членовъ этого семейства по вступленіи на престолъ Императрицы Анны.

«Погибе и прейде слава сего прегордаго Голіаѳа!» писалъ торжественно одинъ изъ современниковъ о паденіи Меньшикова.—И онъ былъ не одинъ этого мнѣнія. Меньшиковъ тяготѣлъ надъ всѣмъ близкимъ къ престолу, надъ всѣмъ, до чего простиралось его вліяніе и что отъ него ни зависѣло: а что въ послѣднее время не зависѣло отъ него и на что не простиралось его вліяніе! Но мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ приняли радость по поводу паденія Меньшикова за хорошее патріотическое чувство; торжествовали тѣ мелкіе честолюбцы, тщеславію которыхъ открывали большой просторъ званія и должности, оставшіяся пустыми съ удаленіемъ Меньшикова: одинъ надѣялся занять его мѣсто предсѣдателя военной коллегіи, другой его должность петербургскаго губернатора, третій радовался вакансіи въ верховномъ совѣтѣ; но едва ли не бо̀льшая часть мысленно пожирала клочки его несмѣтныхъ богатствъ: въ то время существовалъ еще дурной обычай отписывать имѣнія опальныхъ вельможъ въ казну; но обыкновенно въ казнѣ имѣнія эти оставались не долго; вслѣдъ за паденіемъ какого нибудь вельможи, его вчерашніе друзья и собраты кидались съ омерзительною жадностію просить о пожаловавіи

имъ за вѣрную службу такой-то усадьбишки или такихъ-то деревнишекъ... Эта жадность къ добычѣ, это пренебреженіе къ падшему собрату дѣлали нашихъ сановниковъ прежняго времени похожихъ на волковъ, которые кидаются всею стаею на раненаго волка и разрываютъ его...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, посыпались на падшаго «Голіаѳа» и доносы, открывшіе съ его стороны страшныя беззаконія и самыя презрѣнныя продѣлки. Тогда, между прочимъ, сдѣлалась извѣстною и его переписка съ шведскимъ дворомъ, который, какъ сказано, онъ обнадеживалъ, что не допуститъ Россію до войны. Такъ же открылось, что онъ заставилъ герцога голштинскаго уплатить себѣ 60,000 руб., чтобы получить назначенную его супругѣ завѣщаніемъ Екатерины сумму, и что, выдавая ее, Меньшиковъ не додалъ ему 20,000 рублей!!...

Для разъясненія всѣхъ этихъ дѣлъ наряжено было слѣдствіе; но чѣмъ оно кончилось неизвѣстно, да, кажется, что это никого не интересовало сильно: должности Меньшикова, его имѣнія и дворцы были разобраны,—это было главное. Не за предательство онъ и палъ, а за то, что стоялъ въ церкви не на своемъ мѣстѣ, что былъ непочтителенъ къ Императору и не угодилъ его друзьямъ. Не оправдывая Меньшикова, должно однакожъ сказать, что между очень многими, падшими, подобно ему, прежде и послѣ него, мало было такихъ, которые бы съ подобнымъ ему мужествомъ переносили удары судьбы. Жизнь его въ Березовѣ до нѣкоторой степени примиряетъ съ нимъ. Жизнь эта описана во множествѣ русскихъ и иностранныхъ книгъ и брошюръ, романовъ и сочиненій, имѣющихъ претензію быть историческими; вѣрить имъ вполнѣ нельзя, но должна

же въ нихъ быть и доля правды. Вѣрнымъ кажется по крайней мѣрѣ то, что этотъ роскошный вельможа, могущественный сановникъ и нареченный тесть царскій, собственными руками построилъ себѣ домъ въ Березовѣ и церковь, близъ которой онъ и похороненъ, и что онъ своею твердостію поддерживалъ семейство свое. Во всякомъ случаѣ мы съ гораздо большею симпатіею смотримъ на сохранившійся до сего времени его портретъ въ одеждѣ поселянина, съ длинною сѣдою бородою, нежели на тѣ, въ которыхъ онъ изображенъ окруженнымъ нечестно заслуженнымъ величіемъ.

Избавившись отъ Меньшикова, Государь объявилъ себя совершеннолѣтнимъ; съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ далъ знать, что вступаетъ въ управленіе государствомъ и ѣдетъ короноваться въ Москву. Это послѣднее обстоятельство было совершенно согласно съ обычаями, потому что со временъ Іоанна IV всѣ государи русскіе вѣнчались на царство въ Успенскомъ соборѣ; но поѣздка въ Москву входила и въ разсчеты людей, которые въ послѣднее время очень усилились при дворѣ и пріобрѣли вліяніе на молодаго Государя.

Эти люди принадлежали къ двумъ древнимъ знаменитымъ фамиліямъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ. Голицыныхъ, то есть замѣтныхъ людей изъ этой фамиліи, было двое, — князь Михайло, старый воинъ петровыхъ войнъ, теперь фельдмаршалъ, человѣкъ способностей посредственныхъ, но честный, любимый войскомъ, уважаемый родовою знатью, и князь Дмитрій, человѣкъ большаго ума, энергическій, рѣшительный, смѣлый, властолюбивый, не любившій иноземцевъ, но хорошо знакомый съ исторіею запад-

ныхъ народовъ и мечтавшій о томъ, чтобъ поднять нашу родовую старинную знать, а власть государеву ослабить. Что касается до Долгоруковыхъ, то болѣе всѣхъ на виду были молодой фаворитъ Государя и его отецъ, князь Алексѣй. Они вмѣстѣ управляли молодымъ Государемъ, и ужъ это одно давало имъ при дворѣ большое значеніе; при томъ князь Алексѣй былъ сынъ одного изъ очень почтенныхъ дипломатовъ петрова времени и родной племянникъ знаменитаго Якова Долгорукова, пріобрѣтшаго огромное уваженіе въ обществѣ. Но самъ по себѣ онъ былъ человѣкъ незначительный и сильно нуждался въ совѣтахъ своего отдаленнаго родственника, честнаго, храбраго воина, князя Василія Владиміровича и въ умѣ двоюроднаго брата своего, князя Василія Лукича. Первый изъ нихъ былъ одно время въ большой милости у Петра I-го, потомъ попалъ подъ его гнѣвъ за участіе въ дѣлѣ царевича, но, бывъ возвращенъ при Екатеринѣ, сдѣланъ былъ послѣ паденія Меньшикова президентомъ военной коллегіи, фельдмаршаломъ и преображенскимъ подполковникомъ. Что касается до Василія Лукича, то онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ сановниковъ того времени, проведшій всю жизнь въ различныхъ дипломатическихъ миссіяхъ, ловкій, вкрадчивый, умный, но характеръ котораго не внушалъ уваженія.

Вотъ главныя лица той драмы, которая разыгрывалась вокругъ молодаго Государя. Къ числу ихъ слѣдуетъ еще прибавить Остермана, величайшаго изъ дѣльцовъ своего времени, большаго знатока дипломатическихъ дѣлъ всей Европы, человѣка чрезвычайно хитраго и дальновиднаго. Въ качествѣ гофмаршала онъ былъ сначала довольно бли-

зокъ къ Государю, но онъ скоро замѣтилъ, что положеніе его, безроднаго чужеземца, между партіями, собравшими вокругъ себя всю родовую русскую знать, очень опасно, и отчасти изъ осторожности, отчасти по необходимости скоро отступилъ съ перваго плана, рѣдко видалъ Государя и занимался исключительно дипломатическими дѣлами.

Голицыны и Долгоруковы были очень рады, что увезли Государя изъ Петербурга, города, наполненнаго иноземцами, матросами, солдатами и тѣмъ, что мы теперь называемъ чиновниками. Въ Петербургѣ дѣльцы, подобные Остерману, «бюрократы», какъ мы сказали бы теперь, могли имѣть и дѣйствительно имѣли большое значеніе; они не могли имѣть его въ Москвѣ, гдѣ не было ни сената, ни коллегій, ни верфей, ни арсеналовъ. Въ Москвѣ передъ ними открывалась Русь вельможная, Русь съ ея 800 лѣтними преданіями. Москва была, да и до сего времени окружена имѣніями родовой нашей знати, —Голицыныхъ, Долгоруковыхъ, Шереметевыхъ, Нарышкиныхъ; имѣнія эти не красовались дворцами, подобными ораніенбаумскому, но въ каждомъ изъ нихъ прадѣды настоящихъ владѣтелей принимали прадѣдовъ настоящаго Государя, старинные портреты украшали древнія ихъ стѣны, многія поколѣнія предковъ покоились подъ узорчатыми церковными плитами; обширные погреба были наполнены дѣдовскими винами и медами, сотни псарей и сокольничихъ, тысячи дворовыхъ и крестьянъ, табуны коней готовы были восполнить, для удовольствія своего помѣщика и гостей его, то̀, чего не доставало въ отношеніи убранства покоевъ и удобствъ.

Подобно этому и въ самой Москвѣ всякій князь, вся-

[illegible] человѣкъ имѣлъ свое подворье. Это были [illegible] усадьбы, какъ и въ ихъ имѣніяхъ: также, [illegible] дома, множество надворныхъ строеній [illegible] для поваровъ и стряпухъ, для пивоваровъ [illegible] для доѣзжачихъ, стремянныхъ, огородниковъ, [illegible] и еще болѣе всякаго рода нежилыхъ строеній [illegible]-то конюшенъ, сараевъ, погребовъ, амбаровъ, [illegible] наполненныхъ всякаго рода жизненными припасами, привозимыми изъ деревень (*); кромѣ того, при каждомъ домѣ непремѣнно была своя баня, у каждой дворовой семьи своя особая клѣтушка, а у нѣкоторыхъ знатныхъ людей посреди двора стояла своя собственная церковь.

Вотъ посреди такихъ-то удобствъ для привольной, болѣе или менѣе независимой и вполнѣ праздной жизни очутился молодой Государь — и онъ широко зачерпнулъ изъ нея. Все четырнадцати-мѣсячное пребываніе его въ Москвѣ было для него непрерывнымъ праздникомъ и ликованьемъ! Министровъ своихъ онъ не видывалъ по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ, да не только своихъ, — иностранные посланники не могли добиться аудіенціи, такъ что, наконецъ двое изъ нихъ, выведенные изъ терпѣнія, объявили Остерману, что если дѣла такъ продолжаться будутъ, то они попросятъ свои правительства отозвать ихъ, потому что имъ рѣшительно нечего дѣлать въ Россіи. Но что̀ было дѣлать Остерману? Воспитанный въ

(*) Чтобы показать, какъ велики бывали эти запасы, и слѣдовательно какъ обширенъ «дворъ» или штатъ русскаго вельможи прежняго времени, припомнимъ, что Яковъ Долгоруковъ предложилъ, какъ мѣру противъ голода въ Петербургѣ, взять заимообразно у нѣсколькихъ изъ петровыхъ сановниковъ муки и другихъ предметовъ первой потребности.

школѣ Петра I, этотъ министръ понималъ очень хорошо, что монархъ, особенно самодержавный, отъ котораго все исходитъ, котораго именемъ все дѣлается, долженъ всѣ минуты своей жизни отдавать правительственнымъ заботамъ; онъ понималъ точно также хорошо, что весь кредитъ его, Остермана, только и держится на томъ, много ли времени Государь посвящаетъ занятію, и по всѣмъ этимъ причинамъ онъ болѣе всѣхъ горевалъ о порядкахъ, которые пошли по прибытіи въ Москву. Онъ осмѣлился даже однажды сдѣлать Государю о томъ представленіе. Государь выслушалъ его, не возражая ни слова, по видимому внимательно и даже благосклонно, но ни на одинъ день не измѣнилъ своего образа жизни.

Въ чемъ же состоялъ его образъ жизни? Съ утра онъ отправлялся изъ дворца вмѣстѣ съ Иваномъ или Алексѣемъ Долгоруковымъ: куда,—это мало кто зналъ, и возвращался только въ ночи; иногда дѣлалъ на оборотъ, — то есть, выѣхавъ съ вечера, онъ возвращался только къ утру. Когда же наступило лѣто, лѣсъ одѣлся листьями и наполнился звѣремъ, тогда Государь могъ вполнѣ удовлетворить господствовавшей въ немъ страсти къ охотѣ и на цѣлыя недѣли изчезалъ изъ Москвы.

У князя Алексѣя было посреди лѣсовъ нынѣшняго Клинскаго уѣзда имѣніе, называемое Горенки; вотъ туда-то онъ увозилъ Государя, приглашая съ собою только своихъ друзей и родственниковъ. Послѣ утомительнаго полеванья вся компанія возвращалась въ Горенки. Тамъ встрѣчала ихъ хозяйка съ молодою, хорошенькою дочерью, съ поклонами и съ чаркою водки. Ужинъ уже готовъ, столъ ломится подъ множествомъ яствъ и питій. Яства быстро

[illegible] ются и начинаются шум-
[illegible] говоры или танцы. Государь
[illegible] ствовать въ шумной ком-
[illegible] компанію эту составляли все за-
[illegible] собесѣдники; хозяинъ раду-
[illegible] тельна, у дочери умильные
[illegible] не понравится такая жизнь!..
[illegible]

[illegible] Долгоруковыхъ. Трое изъ нихъ,
[illegible] Владиміровичъ и Василій Лукичъ
[illegible] внаго тайнаго совѣта (кото-
[illegible] изъ 8 членовъ); они были кава-
[illegible] орденовъ (св. Андрея и св.
[illegible] имѣнія были имъ розданы; князь
[illegible] маіоромъ гвардіи и первымъ при-
[illegible] оберъ-камергеромъ: все это, не
[illegible] году и безъ всякихъ заслугъ оте-
[illegible] время этотъ баловень судьбы даже
[illegible] нялъ свою камергерскую обязан-
[illegible] то время, какъ этотъ послѣдній
[illegible] оренскимъ полямъ, онъ оставался
[illegible] на собственный свой ладъ; буй-
[illegible] ство — вотъ въ чемъ состояли его
[illegible] драгунами, онъ часто по всему
[illegible] стремленіемъ, какъ бы изумлен-
[illegible] скалъ, по ночамъ въ чужіе домы
[illegible] ный и страшный». Такъ гово-
[illegible] Прокоповичъ, да и не одинъ онъ
[illegible] ремена. Одинъ изъ нашихъ исто-
[illegible] Щербатовъ, жившій нѣсколько позднѣе,

но знавшій многихъ современниковъ Петра II, пишетъ, что его фаворитъ, поссорившись за шумнымъ ужиномъ съ однимъ изъ Трубецкихъ, чуть не выбросилъ его въ окно.

Все это, разумѣется, сходило фавориту съ рукъ и даже никто неосмѣлился бы на него пожаловаться. Кому жаловаться? Какой судъ рѣшился бы потребовать его къ отвѣту? Значительные, сильные и дѣйствительно заслуженные люди исполняли безпрекословно всѣ его прихоти. Князь Иванъ и его родня умѣли оторвать Государя отъ всѣхъ его привязанностей. Одно время онъ очень привязался-было къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая цвѣла всею прелестью молодости и красоты. Остерманъ, какъ мы видѣли, считалъ возможнымъ устроить между ними брачный союзъ: Долгоруковы успѣли побѣдить и сердечную склонность Петра. Скоро по вступленіи его па престолъ была вызвана изъ заточенія его бабка, Царица-инокиня Евдокія; эта несчастная женщина 30 лѣтъ мечтала о возвращеніи несправедливо отнятыхъ у нея правъ, о счастіи обнять сына, а потомъ внука: внукъ дѣйствительно возвратилъ ей свободу и царскій санъ, но не далъ ей ни любви, ни даже вниманія; Долгоруковы боялись вліянія на Государя ея самой и очень близкаго къ ней въ это время Шафирова. Они охладили его привязанность къ сестрѣ его, великой княжнѣ Наталіи, съ которою онъ былъ друженъ съ пеленокъ, и нѣкоторые изъ современиковъ приписываютъ скоро за тѣмъ послѣдовавшую смерть великой княжны глубокому огорченію, которое причинило ей охлажденіе брата. Петръ на все смотрѣлъ глазами Долгоруковыхъ, однихъ ихъ слушалъ, однимъ имъ вѣрилъ.

Осенью 1729 года Государь находился въ отлучкѣ

[illegible] это [illegible]

[illegible]

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Замыслы Долгоруковыхъ во время болѣзни государевой.—Замыслы кн. Д. Голицына.—Избраніе на престолъ Анны Іоанновны (1730).—Предложенныя ей «кондиціи» и депутація, къ ней посланная отъ верховнаго тайнаго совѣта.—Другія, сдѣланныя ей сообщенія.—Она принимаетъ престолъ и кондиціи.—Въ Москвѣ обнаруживается неудовольствіе противъ верховнаго совѣта.—Челобитныя, поданныя дворянствомъ.—Затруднительное положеніе «верховниковъ».—Прибытіе Императрицы.—Тайныя сношенія съ нею ея приверженцевъ.—Они подаютъ ей челобитную (25 февр.) о пересмотрѣ кондицій и потомъ другую о принятіи самодержавія.—Императрица разрываетъ кондиціи и принимаетъ самодержавіе.

Внезапная и опасная болѣзнь Государя сильно встревожила дворъ, Москву, а особливо, разумѣется, Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй, въ качествѣ нареченнаго тестя государева, жилъ въ одномъ изъ московскихъ дворцовъ, Головинскомъ; однажды вечеромъ въ его спальнѣ собрались два его брата, сынъ и Василій Лукичъ.

— «Государь опасно боленъ», сказалъ хозяинъ; «надобно намъ подумать, кого избрать его наслѣдникомъ».—

— «Кого же вы думаете избрать?» спросилъ Василій Лукичъ?

— «Не можно ли написать такую духовную, что будто Е. И. В. по кончинѣ своей учинилъ наслѣдницею *ее*», отвѣчалъ Алексѣй, указывая пальцемъ вверхъ, туда, гдѣ были покои его дочери.

Василій Лукичъ пожалъ плечами.

— «Страшное это дѣло», сказалъ онъ; «и народъ не повѣритъ этой духовной.»

— «Чего бояться!» возразилъ одинъ изъ братьевъ нареченнаго тестя, и всѣ они вмѣстѣ начали совѣщаться, какъ бы написать духовную отъ имени Государя. — Василій Лукичъ, видя, что его родственники люди рѣшительные, и самъ приступилъ откровеннѣе къ ихъ плану, и прочелъ имъ письмо къ нему датскаго посланника. «Слухи носятся, писалъ Вестфаленъ, что Государь опасно боленъ: если онъ скончается, кто же будетъ царствовать? Если принцесса Елисавета, то это будетъ весьма противно датскому двору» (такъ какъ можно было ожидать, что она станетъ поддерживать претензіи своего зятя, герцога голштинскаго, на земли, захваченныя у него Даніей во время сѣверной войны). Вы постарались бы, продолжалъ датскій министръ, доставить престолъ обрученной невѣстѣ царской, а вашей родственницѣ; подобно тому, какъ послѣ смерти Петра I сдѣлали Императрицею Екатерину Алексѣевну Меньшиковъ и Толстой. «Вы еще болѣе силы и власти имѣете», заключалъ онъ.

Письмо это еще болѣе ободрило присутствующихъ и они рѣшились составить духовную отъ имени умирающаго Государя, съ тѣмъ, чтобъ улучить минуту и подсунуть ее къ его подписи. Но тутъ представилось сомнѣніе: а если такой минуты улучить не удастся? Тогда фаворитъ вызвался подписать ее вмѣсто Государя, говоря, что онъ умѣетъ подписываться подъ его руку, и тутъ же написалъ *Петръ* такимъ почеркомъ, который былъ дѣйствительно очень похожъ на государеву подпись.

Всѣ присутствующіе стали тогда просить Василія Лукича, чтобъ онъ написалъ духовное завѣщаніе, какъ человѣкъ знакомый съ формами государственныхъ актовъ; но

осторожный дипломатъ не хотѣлъ, чтобъ такой опасный документъ былъ писанъ его рукою, и отговорился тѣмъ, что у него почеркъ не хорошъ. По этому одинъ изъ братьевъ князя Алексѣя взялъ перо, этотъ послѣдній и Василій Лукичъ диктовали, а Иванъ подписалъ подъ нею имя Государя. — Потомъ съ нея была списана копія, съ тѣмъ, чтобъ фаворитъ, если представится возможность, убѣдилъ Государя подписать ее.

Между тѣмъ пріѣхали въ Головинскій дворецъ еще двое Долгоруковыхъ, Василій Владиміровичъ съ братомъ.— Хозяинъ объяснилъ имъ, что здѣсь думаютъ, какъ бы возвести на престолъ, въ случаѣ смерти Государя, его невѣсту:

— «Этому никакъ статься не можно, отвѣтилъ старый фельдмаршалъ: княжна Катерина за Государемъ въ супружествѣ не была.»

— Не была въ супружествѣ, но обручена, возражали ему; да и какъ этому не сдѣлаться! Ты въ преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ маіоръ; тоже можно учинить и въ семеновскомъ.—Сверхъ же того, мы будемъ говорить Головкину и князю Дмитрію Голицыну, «а ежели они въ томъ заспорятъ, то будемъ ихъ бить.»

— «Что вы ребячье врете! воскликнулъ правдивый старикъ; какъ этому можно сдѣлаться и какъ мнѣ полку объявить? Услышавъ отъ меня о томъ объявленіи, меня не токмо бранить будутъ, но и убьютъ».—«Да и не слыханное въ свѣтѣ вы дѣло затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть россійскаго престола наслѣдницей! Кто захочетъ ей подданнымъ быть, не только посторонніе, но и я, и прочіе изъ нашей фамиліи? Лучше правду вамъ говорить, а не манить!»

Сказавши это, Василій Владиміровичъ съ братомъ своимъ уѣхалъ, а князь Иванъ отправился во дворецъ, взявши съ собою ту духовную, которая оставалась безъ подписи, съ тѣмъ, чтобъ при первой возможности дать ее подписать Государю.—Но возможности этой не представилось: больной все слабѣлъ и 19 января (1730) въ самый день, назначенный для его бракосочетанія, скончался.

Такимъ образомъ замыслы Долгоруковыхъ разлетѣлись, «яко сосудъ скудельный».

Мы видѣли, что нѣкоторые изъ Долгоруковыхъ надѣялись на помощь Дм. Голицына. Они очень ошибались: у Голицына были совершенно другіе замыслы. Реформы Петра и въ особенности перенесеніе при немъ иностранныхъ обычаевъ и законовъ не нравились Голицыну, и не ему одному. Не нравилось Голицыну и весьма многимъ другимъ то самовластіе, съ которымъ Петръ приводилъ въ исполненіе свои предначертанія, и если [illegible]

томъ его вельможный духъ оскорблялся тѣмъ наплывомъ безродныхъ иностранцевъ и «худородныхъ русскихъ», которые въ послѣднее время, окружа престолъ, оттѣснили отъ него старинные боярскіе и княжескіе роды.

Чтеніе и размышленіе утвердили всѣ эти мысли въ умѣ Голицына, а какъ онъ былъ человѣкъ рѣшительный, смѣлый, то и положилъ привести въ исполненіе свои мысли при ожидаемой смерти Петра II.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что Государь скончался, члены верховнаго совѣта, сенаторы, знатнѣйшіе гражданскіе и военные чиновники собрались въ одной изъ залъ дворца, чтобъ рѣшить вопросѣ о престолонаслѣдіи.

Такъ какъ права на престолъ различныхъ членовъ царскаго дома были почти равносильны, такъ что и за, и противъ каждаго можно было говорить съ одинаковою силою, то естественно, что избраніе не могло обойтись безъ споровъ.—Были голоса за цесаревну Елисавету, за ея племянника (малолѣтнаго принца голштинскаго), за Екатерину Іоанновну, даже за Царицу-инокиню Евдокію.— Но, наконецъ, все собраніе остановилось на царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ курляндской. При этомъ Ягушинскій, всегда стремительный и пылкій, воскликнулъ, обращаясь къ верховникамъ: «батюшки, прибавьте намъ какъ можно воли! Теперь время думать, чтобъ самовластію не быть!»

Когда избраніе было рѣшено, и собраніе разошлось, остались члены верховнаго совѣта, передъ которыми Голицынъ раскрылъ свою тайную мысль: «Россія много терпѣла отъ деспотическаго управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда при-

влеченные, сказалъ онъ. — Надо ограничить произволъ хорошими узаконеніями и поднести Императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями.»

Голицынъ зналъ, что его мнѣніе раздѣляютъ многіе изъ присутствующихъ; тѣ же, которые думали иначе, были захвачены словами его совершенно въ расплохъ. Головкинъ, напримѣръ, видя, что никто не возражаетъ, хотя и преданъ былъ правленію монархическому неограниченному, не рѣшился однакожъ возражать, никогда во всю свою жизнь не любивши сильныхъ споровъ и избѣгавши сильныхъ противурѣчій. Неизвѣстно, былъ ли бы тверже его другой приверженецъ чистаго самодержавія, Остерманъ; но онъ не явился въ собраніе и сказался больнымъ, предвидя, что дѣло не обойдется безъ щекотливыхъ вопросовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ предложеніе Голицына осталось безъ возраженій и немедленно были написаны тѣ ограничительныя условія, которыя онъ предполагалъ предложить Аннѣ Іоанновнѣ вмѣстѣ съ короною, и которыя состояли главнѣйше въ томъ, чтобъ она управляла государствомъ не иначе, какъ съ содѣйствіемъ верховнаго совѣта, и безъ его согласія не объявляла войны, не заключала мира, не подвергала дворянъ уголовнымъ наказаніямъ, не увеличивала податей и т. п. За тѣмъ поручено было В. Л. Долгорукову съ двумя другими лицами представить ихъ царевнѣ. А какъ «верховники» не были увѣрены, что нація вообще съ ними согласна, то Долгорукову опредѣлено выѣхать въ тотъ же день, и кромѣ его съ товарищами велѣно никого не выпускать изъ Москвы.

Какъ ни тайно приводили верховники въ исполненіе свой замыселъ, онъ сдѣлался скоро извѣстнымъ. На слѣдующій уже день французскій резидентъ доносилъ о немъ своему двору. Еще ранѣе провѣдалъ о томъ баронъ Левенвольдъ, курляндскій резидентъ при русскомъ дворѣ, и немедленно далъ о всемъ случившемся знать своей герцогинѣ. Съ своей стороны, Головкинъ, возвратясь изъ собранія и не одобряя его рѣшенія, разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ, своему зятю, Ягушинскому; этотъ, — тоже «худородный» и всѣмъ обязанный Петру и Екатеринѣ, не находилъ выгоды предоставить слишкомъ много значенія знати, и рѣшился предупредить избранную Императрицу, что не вся Россія, а только нѣсколько властолюбивыхъ вельможъ желаютъ ограниченія монархической власти. Не взирая на распоряженія совѣта, Ягушинскому удалось отправить въ Митаву одного надежнаго офицера, Сумарокова, который успѣлъ даже прибыть туда ранѣе В. Долгорукова и почти въ одно время съ Левенвольдовымъ гонцомъ.

Есть извѣстія, что Анна Іоанновна получила и еще подобное же извѣстіе отъ Ѳеофана Прокоповича. Всѣ они совѣтовали ей принять предлагаемыя условія, а по прибытіи въ Москву, уничтожить ихъ, какъ несогласныя съ желаніями народа. Дѣйствительно, условія эти были новою Императрицею приняты безъ всякаго возраженія. Такимъ образомъ, казалось, умыселъ верховниковъ вполнѣ удался, и Ѳеофанъ, списавшій эти происшествія, говоритъ, что «лица не только ихъ, но и слугъ ихъ сіяли радостію.»

Радость эта была однакожъ не безъ облакъ. Въ Москву съѣхалось въ это время довольно много дворянъ; не мало

ихъ было и между офицерами и солдатами гвардіи (*), между высшими чиновниками разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ и пр. Между ними вообще обнаруживалось расположеніе не весьма ободрительное для верховниковъ. Весьма большому ихъ числу не нравилось, что нѣсколько лицъ, нѣсколько фамилій такъ сильно выдвигалось изъ среды дворянства. Нашлись люди, которые сдѣлались коноводами этого особаго рода оппозиціи. Такими людьми были: князь Черкасскій, одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Россіи и двое образованныхъ, умныхъ молодыхъ людей, —князь Кантемиръ и Татищевъ: первый, сдѣлавшійся извѣстнымъ какъ поэтъ, второй—какъ историкъ. Они успѣли собрать вокругъ себя большое число дворянъ, и въ то время, какъ Императрица медленно подвигалась къ Москвѣ, въ верховный совѣтъ было подано нѣсколько прошеній, которыя должны были сильно обезпокоить верховниковъ.

Въ то время, какъ недовольное дворянство осаждало такимъ образомъ верховный совѣтъ, духовенство тоже ему явно неблагопріятствовало, хотя и молчало; наконецъ многочисленная родня Царицы (по матери): Салтыковы и ихъ родственники и пріятели, громко говорили, что верховники дерзко посягнули на власть самодержавную. Положеніе этихъ послѣднихъ становилось такимъ образомъ очень затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ затрудненія и хлопоты пали на одного Димитрія Голицына; В. Л. Долгоруковъ былъ въ отсутствіи, Остерманъ продолжалъ

(*) Надо не забывать, что гвардейскіе солдаты были вообще изъ дворянъ.

притворяться больнымъ, жалуясь на подагру и страданіе глазами; оба фельдмаршала были честные и храбрые, но вовсе не государственные люди. Остальные единомышленники Д. Голицына были еще менѣе способны помочь ему въ трудномъ дѣлѣ примиренія между собою различныхъ интересовъ и желаній, сближенія различныхъ мнѣній, удовлетворенія разнообразныхъ требованій. Оставшись такимъ образомъ почти одинъ, Голицынъ старался сблизиться то съ Черкасскимъ, то съ другими вліятельными людьми, то дѣлалъ уступки, то начиналъ преслѣдовать тѣхъ, которые съ нимъ не соглашались. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было арестовано въ Москвѣ болѣе 30 человѣкъ, и въ томъ числѣ Ягушинскій. Но «поражая страхомъ соперниковъ своихъ, пишетъ преосвященный Ѳеофанъ, и сами верховники не ощущали въ себѣ безстрашія».

Между тѣмъ Императрица прибыла къ Москвѣ и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, въ селѣ Всесвятскомъ. Во все время ея слѣдованія отъ Митавы, В. Л. Долгоруковъ не покидалъ ее ни на часъ; съ прибытіемъ же въ Всесвятское, и потомъ во время ея пребыванія въ Москвѣ, надъ нею учрежденъ былъ, можно сказать, надзоръ, едва замаскированный наружною почтительностію. Никто не былъ къ ней допускаемъ иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго совѣта, да и при тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда кому нибудь удавалось добиться аудіенціи, Василій Лукичъ не отходилъ отъ Императрицы и «остро наблюдалъ» за всѣми словами и движеніями говорившихъ.

Наблюденія эти однакожъ ничего не предупредили. Императрица назначила къ себѣ въ статсъ-дамы женъ та-

ихъ людей, которые были извѣстны ей своею преданностію, —каковы Остерманъ, Черкасскій, одинъ изъ Салтыковыхъ, и черезъ нихъ могла не только узнавать все, что дѣлалось, но и получать совѣты, какъ поступать и что дѣлать. Приверженцы Императрицы должны были употреблять для этого разныя хитрости; так Ѳеофанъ поднесъ ей въ подарокъ столовые часы, внутрь которыхъ была вложена записка съ объясненіемъ его образа мыслей; другія записки, увѣдомлявшія ее о дѣйствіяхъ верховниковъ и заключавшія совѣты приверженцевъ, вкладывались въ одежду малютки, Биронова сына, котораго къ ней приносили ежедневно и т. п. Такимъ образомъ она знала о затруднительномъ положеніи верховниковъ, о стараніяхъ своихъ приверженцевъ въ средѣ мелкаго дворянства и военныхъ офицеровъ, знала, чѣмъ эти старанія должны кончиться, и какъ поступать при этомъ ей слѣдовало.

Все разыгрывалось, слѣдовательно, какъ по нотамъ. 25 февраля, толпа изъ нѣскольскихъ сотъ гвардейскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, знатныхъ и незнатныхъ, вообще же дворянскаго или служилаго сословія, отправилась въ Успенскій соборъ, а оттуда прямо во дворецъ и потребовала аудіенціи у Государыни чрезъ князя Черкасскаго. Государыня не замедлила выдти. Тогда одинъ старый вельможа, Трубецкой, подалъ ей челобитную, въ которой ходатайствовалось о дозволеніи пересмотрѣть предложенныя ей верховнымъ совѣтомъ условія, какъ несогласныя съ волею большинства дворянства и съ выгодами Россіи.

В. Л. Долгоруковъ былъ какъ на угольяхъ, хотѣлъ что то сказать, но восклицанія присутствующихъ заглу-

шили его голосъ. Императрица согласилась на желаніе дворянства, а оно, съ своей стороны, выйдя въ одну изъ дворцовыхъ палатъ и увлекшись ловкими внушеніями своихъ руководителей, вмѣсто пересмотра митавскихъ «кондицій», выразило единодушное желаніе, чтобъ Государыня приняла самодержавіе и всю полную власть, какою пользовались ея предки. Немедленно было послано просить у Государыни новой аудіенціи. Государыня милостиво приняла это новое прошеніе, и, обратясь къ Долгорукому, сказала:

— «Такъ это не было желаніе народа, чтобъ я подписала «кондиціи»? Стало быть, ты обманулъ меня, Василій Лукичъ?...»

За тѣмъ «кондиціи» были разорваны и Императрица объявила, что она вступила на престолъ по *прѐемству*, а не по избранію, и возстановляетъ самодержавіе, какимъ пользовались ея предшественники.

«Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны! сказалъ старый Голицынъ, когда все это совершилось. — Я знаю, что бѣда обрушится на мою голову. Я старъ и смерть мнѣ не страшна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжелѣе моего».

верховникамъ. Первый образчикъ самовластія уже былъ данъ ими избраніемъ Государя, не согласнымъ съ обычаями, на чтò и указывало недовольное дворянство въ одной изъ своихъ челобитныхъ: «они, писали въ этой челобитной, въ томъ надлежащій порядокъ избранія преступили. По закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ». Правда, продолжаетъ челобитная, римскаго цесаря избираютъ курфирсты въ числѣ девяти человѣкъ, но за то эти курфисты такъ усилились, «что стали сами повелителями» и отъ того «оная имперія часъ отъ часу умаляется, а сосѣди оной усиливаются, часть по части во всѣ стороны отрываютъ: слѣдственно, и мы не лучшаго ожидать можемъ». Такимъ поступкомъ своимъ, продолжаетъ челобитная, верховники «законъ самовольно и власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ становъ (сословій)».

Челобитчики видѣли въ послѣднихъ дѣйствіяхъ верховнаго совѣта желаніе нѣсколькихъ фамилій забрать власть надъ всѣмъ государствомъ, первый шагъ къ господству аристократіи, а «аристократія, насъ довольно вредомъ приключеннымъ научила», замѣчала челобитная и указывала на борьбу удѣльныхъ князей противъ великихъ князей. Объ этомъ же неудовольствіи противъ обнаруженныхъ верховнымъ совѣтомъ аристократическихъ стремленій, говорилъ полвѣка спустя, историкъ князь Щербатовъ: «множество благородныхъ лицъ, по словамъ его, было недовольно учиненными статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали». Вотъ что, можно сказать съ полною увѣренностію, возбу-

[illegible] рѣшительное и всеобщее неудовольствіе про-
[illegible] —независимо отъ личныхъ расчетовъ [illegible] и искренней приверженности другихъ къ чистому [illegible].

[illegible] мыслей и взглядовъ Голицына и противни-ковъ [illegible] даетъ намъ очень любопытное понятіе о поли-[illegible] мнѣніяхъ того времени. Посмотримъ, какъ онъ и [illegible] думали организовать правленіе. Голицынъ, какъ [illegible] хотѣлъ приставить къ Государю совѣтъ, безъ [illegible] котораго ничего важнаго не могло бы быть предпринято, и членами этого совѣта онъ хотѣлъ сдѣлать лишь принадлежащихъ къ нѣсколькимъ старинныхъ знатныхъ родовъ [illegible], о которой говорено выше. [illegible] Государь [illegible] совѣт-[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Голицына [illegible]

челобитчиками, оказывается, что мысли послѣднихъ были шире, ибо онѣ выражали желаніе дать участіе въ правленіи, вообще всему дворянству. О дарованіи какихъ либо правъ другимъ сословіямъ никто въ Россіи, да и въ большей части Европы, тогда не думалъ. Достойно вниманія уже и тó, что авторы челобитной требовали улучшенія быта сельскаго духовенства и купечества и учрежденія школъ; кромѣ того, они выражали желаніе, чтобъ въ тайной канцеляріи, весьма ненавистной народу, засѣдали члены отъ сената, «чтобъ смотрѣли на справедливость», чтобъ на убылыя мѣста высшихъ сановниковъ представлены были Государю избранные по баллотировкѣ кандидаты. За тѣмъ, имѣя въ виду главнѣйше собственные интересы, дворяне просили, чтобъ обязанность государственной службы, вмѣсто пожизненной, сдѣлать срочною, и точнѣе опредѣлить, кто имѣетъ право считаться дворяниномъ, и кто этого права не имѣетъ.

И такъ, вотъ чего желали наши предки 130 лѣтъ тому назадъ, вотъ, что казалось имъ нужнымъ для блага Россіи! Лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ Посошковъ составилъ проэктъ о томъ, какъ улучшить правленіе и водворить въ Россіи правосудіе, просвѣщеніе и вообще благосостояніе; сочиненіе Посошкова чрезвычайно любопытно, но въ немъ мы не замѣчаемъ того, что замѣчаемъ со стороны проэктеровъ 1730 года: желанія привлечь къ участію въ правленіи ни знатныхъ родовъ, ни всего сословія дворянскаго.

Эта мысль о *политическомъ* значеніи знати или цѣлаго дворянства была, кажется, навѣяна съ запада. Дѣйствительно, Голицынъ съ особымъ тщаніемъ изучалъ го-

сударственное устройство Швеціи, въ которой въ послѣднее время взяла верхъ аристократія. Мысль о преобладаніи дворянскаго сословія есть тоже мысль западной Европы, вовсе незнакомая до-Петровской Руси. Петръ началъ первый раздавать почетные титулы, ордена, усилилъ владѣльческое право помѣщиковъ и такимъ образомъ, при помощи примѣровъ западныхъ государствъ, развилъ въ Россіи понятіе о дворянскомъ сословіи, въ составъ котораго вошли наиболѣе образованные люди, — а люди эти, какъ мы сейчасъ видѣли, стали заявлять совершенно новыя у насъ желанія. Дѣйствительно, въ московской Руси, ни въ какое время не было замѣтно со стороны частныхъ людей желанія пріобрѣсть значеніе политическое, принять участіе въ правленіи; напротивъ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ у насъ были земскіе соборы, которые весьма легко могли бы обратиться въ нѣчто подобное шведскому и польскому сейму, или англійскому парламенту, но послѣ полутора вѣковаго существованія они изчезли безъ слѣда и сопротивленія.

Это указываетъ намъ, какое значительное вліяніе оказало на Россію знакомство съ Европою и заимствованія, сдѣланныя у нея Петромъ. Знакомство съ ея постановленіями сдѣлалось далеко не рѣдкостью между людьми Петровой школы. Въ одной изъ челобитныхъ, о которыхъ выше говорено было, авторъ ея, историкъ Татищевъ, очень разумно, хоть и слегка касается государственнаго устройства не только значительнѣйшихъ странъ Европы, но Швейцаріи, Генуи (тогда еще независимой республики) и пр. И Татищевъ былъ не единственнымъ человѣкомъ такого рода; въ эпоху, о которой мы говоримъ,

между молодымъ поколѣніемъ было уже много такихъ, которыхъ мысль не дремала и которые жаждали знанія, далеко, слѣдовательно, обогнавъ своихъ отцовъ, которыхъ грозный Царь долженъ былъ силою гнать въ школу и посылать за границу. Мы познакомимся покороче съ нѣсколькими *передовыми людьми* этого молодаго поколѣнія, а именно съ Татищевымъ и княземъ Кантемиромъ. Татищевъ былъ употребленъ Петромъ великимъ по горнозаводскому дѣлу, которое онъ изучалъ въ Швеціи, управлялъ уральскими заводами, значительно ихъ улучшилъ и извѣстенъ, кромѣ того, какъ дѣятельный, умный губернаторъ. Но не въ этомъ главная заслуга Татищева и важнѣйшее право на память потомства (тѣмъ болѣе, что онъ не безгрѣшенъ въ денежныхъ дѣлахъ); онъ незабвененъ, какъ первый русскій ученый историкъ, какъ первый истинно замѣчательный дѣятель по изученію Россіи. Будучи въ Швеціи, на Уралѣ, въ Астрахани, въ Оренбургѣ, — вездѣ, куда его кидала служебная дѣятельность, необыкновенно любознательный человѣкъ этотъ во все пристально всматривался, все сравнивалъ, все изслѣдовалъ: языкъ и обычаи мѣстныхъ жителей, естественныя свойства страны, ея почву, ея удобство относительно торговли и промышленности, ея исторію, памятники минувшихъ временъ, легенды, преданія, и т. п. И вотъ, въ немъ, наконецъ, родилось желаніе написать изслѣдованіе о Россіи, въ которое вошли бы всѣ свѣдѣнія, какія только можно было собрать о ней, полную обширнѣйшую ея статистику. Уже программа подобнаго труда была имъ составлена, уже не мало собрано было и матеріаловъ по части судоходства, водныхъ и горныхъ системъ, свойствъ почвы, естественныхъ богатствъ, раз-

личныхъ племенъ, населяющихъ Россію, ихъ языка, религіи, обычаевъ, занятій и проч.; но Татищевъ, какъ кажется, замѣтилъ самъ, что съ подобнымъ трудомъ одному человѣку справиться невозможно, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ, а потому онъ оставилъ его.

Тогда онъ принялся за другую задачу, менѣе огромную, но все еще весьма обширную: собрать всевозможныя сочиненія русскія и иностранныя о Россіи, старинные рукописные хронографы или лѣтописи, дневники, грамоты, манифесты и трактаты, словомъ, всѣ возможныя свѣдѣнія касательно русской исторіи, сличить ихъ, повѣрить одни другими, отбросить все незаслуживающее довѣрія, а остальное изложить въ стройномъ разсказѣ. Неутомимый Татищевъ доставалъ старые пергамены изъ монастырей, изъ книгохранилищъ князя Дмитрія Голицына, Волынскаго и другихъ любителей отечественныхъ древностей, записывалъ изустныя преданія, закупилъ до 1000 книгъ русскихъ и иностранныхъ и, наконецъ, принялся писать.

Полный послѣдовательный разсказъ Татищева останавливается на древнихъ временахъ; но собраны и критически разобраны имъ матеріалы до Петрова времени, и работа его, какъ не трудно догадаться, уже далеко не то, что «Ядро россійской исторіи» Хилкова (или правильнѣе, приписываемое Хилкову). Татищевъ не вводилъ въ свою книгу ничего, никакого факта, никакого второстепеннаго обстоятельства, котораго бы не повѣрилъ по нѣсколькимъ печатнымъ или рукописнымъ *источникамъ* и котораго бы не призналъ, по зрѣломъ обсужденіи, заслуживающимъ вѣроятія. Татищевъ ошибался, конечно, какъ

и всякій ошибается, но онъ первый изъ Русскихъ понялъ, что̀ значить пи́сать исторію.

Кромѣ этого огромнаго труда, Татищевъ сдѣлалъ многое для отечественной исторіи; издалъ «Судебникъ» Царя Іоанна IV и Ярославову «Русскую правду» съ объясненіями и примѣчаніями своими, которыя, кромѣ ученаго достоинства, любопытны тѣмъ, что сохранили намъ много анекдотовъ и ходившихъ въ то время преданій о Петрѣ и его ближайшихъ предшественникахъ. Наконецъ, онъ же написалъ множество проэктовъ относительно улучшеній въ судѣ и администраціи, примѣчаній къ существовавшимъ въ его время постановленіямъ и т. п., удивляя своихъ потомковъ и дѣятельностію и замѣчательною силою своей мысли, касавшейся столь многихъ предметовъ.

Главные труды Татищева по русской исторіи были имъ совершены во время управленія имъ Уральскими заводами, Астраханскою губерніей, а потомъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, въ его помѣстьи, недалеко отъ Москвы. Огорченный своими служебными неудачами, больной и раздражительный отъ природы, онъ пережилъ однакожъ Императрицу и ея нѣмецкихъ министровъ, вообще весьма къ нему нерасположенныхъ, и умеръ уже при Елисаветѣ.

Для насъ весьма любопытно знать образъ мыслей такого замѣчательнаго человѣка, какъ Татищевъ, и особенно его мнѣнія о Петрѣ и его дѣлахъ. Татищевъ былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ приверженцевъ великаго Императора; не ослѣпляясь имъ до того, чтобъ не видѣть его ошибокъ и личныхъ слабостей, онъ вообще раздѣлялъ его правительственныя понятія и толчекъ, который онъ

личныхъ племенъ, населяющихъ Россію, ихъ языка, религіи, обычаевъ, занятій и проч.; но Татищевъ, какъ кажется, увидѣлъ самъ, что съ подобнымъ трудомъ одному человѣку справиться невозможно, какъ бы онъ ни былъ дѣятеленъ, а потому онъ оставилъ его.

Тогда онъ принялся за другую задачу, менѣе огромную, но все еще весьма обширную: собрать всевозможныя сочиненія русскія и иностранныя о Россіи, старинные рукописные хронографы или лѣтописи, дневники, грамоты, манифесты и трактаты, словомъ, всѣ возможныя свѣдѣнія касательно русской исторіи, сличить ихъ, повѣрить одни другими, отбросить все незаслуживающее довѣрія, а остальное изложить въ стройномъ разсказѣ. Неутомимый Татищевъ доставалъ старые пергамены изъ монастырей, изъ книгохранилищъ князя Дмитрія Голицына, Волынскаго и другихъ любителей отечественныхъ древностей, записывалъ изустныя преданія, закупилъ до 1000 книгъ русскихъ и иностранныхъ и, наконецъ, принялся писать.

Полный послѣдовательный разсказъ Татищева останавливается на древнихъ временахъ; но собраны и критически разобраны имъ матеріалы до Петрова времени, и работа его, какъ не трудно догадаться, уже далеко не то, что «Ядро россійской исторіи» Хилкова (или правильнѣе, приписываемое Хилкову). Татищевъ не вводилъ въ свою книгу ничего, никакого факта, никакого второстепеннаго обстоятельства, котораго бы не повѣрилъ по нѣсколькимъ печатнымъ или рукописнымъ *источникамъ* и котораго бы не призналъ, по зрѣломъ обсужденіи, заслуживающимъ вѣроятія. Татищевъ ошибался, конечно, какъ

и всякій ошибается, но онъ первый изъ Русскихъ понялъ, что̀ значитъ писать исторію.

Кромѣ этого огромнаго труда, Татищевъ сдѣлалъ многое для отечественной исторіи; издалъ «Судебникъ» Царя Іоанна IV и Ярославову «Русскую правду» съ объясненіями и примѣчаніями своими, которыя, кромѣ ученаго достоинства, любопытны тѣмъ, что сохранили намъ много анекдотовъ и ходившихъ въ то время преданій о Петрѣ и его ближайшихъ предшественникахъ. Наконецъ, онъ же написалъ множество проэктовъ относительно улучшеній въ судѣ и администраціи, примѣчаній къ существовавшимъ въ его время постановленіямъ и т. п., удивляя своихъ потомковъ и дѣятельностію и замѣчательною силою своей мысли, касавшейся столь многихъ предметовъ.

Главные труды Татищева по русской исторіи были имъ совершены во время управленія имъ Уральскими заводами, Астраханскою губерніей, а потомъ въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, въ его помѣстьи, недалеко отъ Москвы. Огорченный своими служебными неудачами, больной и раздражительный отъ природы, онъ пережилъ однакожъ Императрицу и ея нѣмецкихъ министровъ, вообще весьма къ нему нерасположенныхъ, и умеръ уже при Елисаветѣ.

Для насъ весьма любопытно знать образъ мыслей такого замѣчательнаго человѣка, какъ Татищевъ, и особенно его мнѣнія о Петрѣ и его дѣлахъ. Татищевъ былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ и горячихъ приверженцевъ великаго Императора; не ослѣпляясь имъ до того, чтобъ не видѣть его ошибокъ и личныхъ слабостей, онъ вообще раздѣлялъ его правительственныя понятія и толчекъ, который онъ

далъ русскому уму, обративъ его на изученіе образцовъ западной Европы. Что же касается до того, какъ смотрѣлъ Татищевъ на отношенія правительства къ народу, въ чемъ состояли, какъ нынѣ говорятъ, его политическія убѣжденія, то они открываются изъ «челобитной» сочиненной имъ въ 1730 г., о которой мы уже имѣемъ понятіе.

Вмѣстѣ съ Татищевымъ дѣйствовалъ противъ верховниковъ тогда еще 22-хъ лѣтній князь Антіохъ Кантемиръ, сынъ бывшаго валахскаго господаря, другой замѣчательный питомецъ петровой школы. Это былъ умъ болѣе тонкій и образованный, чѣмъ обширный и сильный; занятіями его были дипломація и стихотворство. Подобно Татищеву, онъ попалъ въ милость у новаго правительства за участіе свое въ происшествіяхъ 1730 года и въ молодыхъ еще лѣтахъ былъ отправленъ посланникомъ сначала въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ. Кажется, невозможно было употребить Кантемира въ болѣе свойственныхъ ему обязанностяхъ, ни доставить ему болѣе средствъ для усовершенствованія того, что даровала ему природа. Его образованность и остроуміе пріобрѣли ему очень скоро друзей въ двухъ первыхъ столицахъ Европы, какъ въ средѣ англійской и французской аристократіи, такъ и между тамошними учеными и литераторами. Узнавъ о его смерти (1744 г.), знаменитый мыслитель и писатель Монтескьё писалъ къ одному общему ихъ пріятелю: «Вы вездѣ найдете друзей, которые замѣнятъ вамъ понесенную потерю, но сомнѣваюсь, чтобъ Россія нашла въ скоромъ времени посла съ такими достоинствами, какъ князь Кантемиръ».

Кантемиръ воспитывался въ московской духовной академіи, а потомъ въ петербургской академіи наукъ, и рано обнаружилъ склонность къ литературѣ: ему не было еще 20 лѣтъ, какъ онъ поднесъ Императрицѣ Екатеринѣ I «Симфонію на псалтырь», сочиненіе, впрочемъ, написанное стихами такими тяжелыми и неуклюжими, какъ и всѣ писавшіеся въ то время; не имѣя отъ природы поэтическаго дара, онъ и никогда, впрочемъ, не достигъ художественности, но въ отношеніи образованности онъ далеко обгонялъ своихъ современниковъ.

Въ Парижѣ и Лондонѣ Кантемиръ удѣлялъ все время, свободное отъ придворныхъ и дипломатическихъ обязанностей, обществу просвѣщенныхъ людей, чтенію и изученію какъ древнихъ, такъ называемыхъ классиковъ, такъ и новѣйшихъ писателей, особенно французскихъ,— Расина, Буало, Вольтера, Фонтенеля, Монтескьё и др., имена которыхъ въ то время гремѣли во всей Европѣ. Онъ переводилъ этихъ авторовъ и нѣкоторыхъ латинскихъ поэтовъ и написалъ, подражая имъ, русскими стихами нѣсколько сатиръ, которыя въ свое время считались образцовыми. Въ настоящее время стихи Кантемира читаются съ большимъ трудомъ; языкъ его грубъ, неправиленъ, стихъ тяжелъ, не имѣетъ ни малѣйшаго изящества и мало чѣмъ отличается отъ стиховъ Ѳеофана Прокоповича и другихъ малоизвѣстныхъ стихотворцевъ петрова времени, но мысли Кантемира часто замѣчательны и выражены иногда съ остроуміемъ. Вотъ, напримѣръ, какъ заставляетъ онъ говорить нѣкоего Луку, отъявленнаго пьяницу:

Какъ скоро по небу сохой бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,
Когда будутъ течь къ ключамъ (истокамъ) своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну станетъ ѣсть визигу,—
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Кантемиръ часто подтрунивалъ надъ отвращеніемъ людей стараго покроя отъ образованія, которыхъ въ его время было много; такъ онъ говоритъ отъ имени одного изъ нихъ:

Живали мы прежде сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ;
Гораздо больше въ невѣжествѣ хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи,—должно ль о томъ тужить дворянину!

. . . .

Прирастетъ ли мнѣ съ того день въ жизни, или въ ящикъ
Хоть грошъ? Могу ль узнать чрезъ то, что̀ прикащикъ,
Что̀ дворецкій крадетъ въ годъ? Иль прибавитъ воду
Въ мой прудъ?

Таковы были лучшіе между людьми молодаго поколѣнія, воспитаннаго въ духѣ петровскаго переворота и послѣдовавшіе тому направленію, которое великій Императоръ желалъ сообщить Россіи.

Не пропустимъ случая поговорить и о родоначальникѣ подобныхъ людей въ Россіи, Ѳеофанѣ Прокопо-

вичѣ, поговоримъ о немъ въ послѣдній разъ, потому что онъ черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Анны Іоанновны окончилъ свою многотрудную, полезную, но далеко не безукоризненную жизнь. Намъ уже извѣстно, что, помогая Петру учредить синодъ и преслѣдовать суевѣріе и суесвятство, Ѳеофанъ нажилъ себѣ много враговъ въ средѣ духовенства, которое, съ своей стороны, не безъ основанія укоряло его въ весьма не строгомъ образѣ жизни, честолюбіи и коварствѣ. Въ послѣдніе годы его жизни случилось происшествіе, которое характеризуетъ и его личныя свойства и различные оттѣнки въ понятіяхъ нашего духовенства.

Мы знаемъ, что въ исходѣ XVII вѣка патріархи смотрѣли съ большою недовѣрчивостію на духовенство малорусское и бѣлорусское, на кіевскую академію и на духовныя сочиненія, печатавшіяся въ тамошнихъ типографіяхъ. Но духовенство западной Россіи было вообще гораздо просвѣщеннѣе, нежели духовенство Руси восточной, московской, а потому первое естественно получило надъ послѣднимъ преобладаніе, и въ первой половинѣ XVIII вѣка, даже позднѣе, важнѣйшія мѣста въ нашемъ церковномъ управленіи были заняты малорусскими или бѣлорусскими уроженцами. Люди эти были врагами латинства, но если не въ понятіяхъ своихъ (отъ чего они постоянно отказывались), то въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ качествахъ много отъ него заимствовали, какъ напримѣръ въ способѣ произнесенія проповѣдей, въ манерѣ писать свои проповѣди и сочиненія; наконецъ вся метода преподаванія въ западно-русскихъ духовныхъ школахъ и самое устройство этихъ школъ

были скопированы со школъ католическихъ, такъ что, какъ справедливо замѣчено въ послѣднее время, малорусское духовенство, ведя вѣковую борьбу противъ католичества, заимствовало у него его оружіе. Въ такомъ духѣ были воспитаны Стефанъ Яворскій, Өеофилактъ Лопатинскій и вообще большая часть нашихъ духовныхъ сановниковъ того времени.

Өеофанъ Прокоповичъ тоже получилъ образованіе въ томъ же духѣ; но, имѣвъ случай, во время своего пребыванія въ Германіи и Италіи, близко ознакомиться съ католическими понятіями, онъ сдѣлался ихъ упорнымъ постояннымъ врагомъ. Противники его даже упрекали его въ пристрастіи къ протестантизму, въ неправославіи; обвиненіе это было формально произнесено противъ него, когда шла рѣчь о посвященіи его въ епископы. Но мы не будемъ здѣсь говорить о личныхъ отношеніяхъ Өеофана и Яворскаго, а коснемся только полемики, которая между ними происходила, и послѣдствій, къ которымъ она привела. Стефанъ написалъ богословское сочиненіе подъ названіемъ «Камень вѣры», направленное главнѣйше противъ протестантовъ. Протестантовъ было въ Петрово время множество, иные изъ нихъ были въ силѣ, а потому рукопись Стефанова не была тогда напечатана, а вышла уже послѣ смерти ея автора, во время царствованія Петра II, когда нѣмцы были, какъ говорится, не въ ходу. Напечатана она была Лопатинскимъ, который въ это время пользовался большимъ значеніемъ; Долгоруковы и Голицыны были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и, мечтая о возстановленіи старинныхъ порядковъ, прочили его въ патріархи. Въ это время Өеофану приходилось плохо; нѣ-

которыя лица изъ числа духовныхъ сановниковъ подавали на него доносы, враги его гордо поднимали голову, и къ нимъ примкнули другіе враги, еще болѣе страшные, католики и іезуиты. Это случилось вотъ по какому поводу.

Въ 1717 году, когда Петръ былъ въ Парижѣ, онъ посѣтилъ сорбонну, или тамошнюю духовную академію. Во время этого посѣщенія подана была Царю записка о томъ, что искони занимало католическое духовенство,—о соединеніи восточной церкви съ западною. Царь сказалъ, что онъ не богословъ, въ церковныя дѣла не вмѣшивается и обѣщалъ прислать сорбоннѣ отвѣтъ русскаго духовенства. Отвѣтъ былъ, конечно, отрицательный, тѣмъ болѣе, что его писалъ Ѳеофанъ. Съ того времени Ѳеофанъ сдѣлался ненавистенъ католическому духовенству, которое съ горечью вспоминало, что само же, во время пребыванія его въ Римѣ, помогало ему набирать свѣдѣнія, обращаемыя имъ теперь противъ его учителей. По поводу «Камня вѣры» Ѳеофанъ написалъ возраженіе подъ названіемъ «Молотокъ на камень вѣры», и въ то же время имъ, или по его порученію, была напечатана за границею статья, весьма неблагосклонная католичеству. На нее напали латинскіе богословы тѣмъ съ большею яростію, что положеніе Ѳеофана казалось шаткимъ при дворѣ, ихъ же собственныя дѣла, по видимому, шли успѣшно. Они успѣли обратить въ католичество одну княгиню Долгорукову во время ея пребыванія за границей, и когда она возвратилась въ Россію, то, въ видѣ наставника при ея дѣтяхъ, пріѣхалъ одинъ іезуитъ. Вслѣдъ за нимъ пробрался и другой, и почтенные эти патеры, съ обычною своею ловкостію, воспользовались разномысліемъ и личною

[illegible] бывшими между нашими духовными сановниками. [illegible] вошли въ дружелюбныя сношенія съ Ѳеофилактомъ [illegible] другими приверженцами покойнаго Яворскаго, вкра[illegible] въ довѣренность нѣсколькихъ свѣтскихъ знатныхъ [illegible] что же касается до Прокоповича, то они подговорили какого то монаха написать доносъ на составленный имъ катехизисъ.

По кончинѣ Петра II быстро измѣнилось положеніе дѣлъ: нѣмцы-протестанты получили верхъ при дворѣ, Ѳеофанъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, іезуиты были немедленно высланы за границу, а Ѳеофилактъ удаленъ изъ синода, гдѣ присутствовалъ, въ свою тверскую эпархію. Вражда противъ Прокоповича послѣ этого, натурально, не уменьшилась. Въ 1732 году пущенъ былъ какой-то (неизвѣстный теперь) очень злой пасквиль, который задѣлъ Прокоповича за живое и онъ рѣшился раздавить на этотъ разъ своихъ недруговъ. По этому поводу началось въ 1733 году слѣдствіе, продолжавшееся пять лѣтъ сряду, во время котораго перебраны были всѣ приближенные Ѳеофилакта, къ которому былъ и онъ самъ привлеченъ, подвергнутъ пыткѣ и заключенію. Что раскрыло это слѣдствіе — еще неизвѣстно вполнѣ, но оно кончилось для Ѳеофилакта лишеніемъ духовнаго сана и жестокимъ заключеніемъ въ петербургской крѣпости, изъ которой онъ вышелъ только при вступленіи въ управленіе государствомъ Анны Леопольдовны. Сомнительно, чтобъ этотъ пастырь, весьма уважаемый всѣми благочестивыми людьми своего времени, серьезно замышлялъ что нибудь противное самостоятельности православной церкви; вѣроятнѣе кажется, что слѣдствіе это было результатомъ отчасти личной вражды между нимъ

и Өеофаномъ, а отчасти того разномыслія между приверженцами старины и петровской реформы, которое приводило въ застѣнки столь многихъ и при Петрѣ и послѣ Петра, того разномыслія, которое не совершенно изчезло и по сіе время: печальное послѣдствіе всѣхъ слишкомъ крутыхъ и быстрыхъ переворотовъ.

До окончанія этого дѣла, впрочемъ, не дожилъ Өеофанъ; онъ скончался въ 1736 году. Вѣрно служа идеѣ петровой реформы, высоко цѣнимый всѣми приверженцами этой идеи, но нелюбимый духовенствомъ, которое въ немъ не уважало человѣка и ненавидѣло противника идеи патріаршества, Өеофанъ предъ смертію произнесъ слѣдующія выразительныя и полныя горечи слова «о главо, главо! разума упившись, куда ся приклонишь!..»

Өеофанъ между людьми петрова времени, Татищевъ и Кантемиръ между людьми молодаго поколѣнія, вотъ тѣ, которыхъ по справедливости можно назвать передовыми людьми той великой реформы, которая началась въ началѣ XVIII вѣка и послѣдствія которой продолжаются до настоящей минуты. Но, коснувшись этихъ людей, не забудемъ упомянуть и о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя содѣйствовали успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Это даетъ намъ возможность понять, какимъ образомъ послѣ людей, выходившихъ изъ кіевской и московской академіи,—людей, иногда умныхъ, но вообще не *современныхъ*,—могли у насъ явиться люди, подобные Татищеву и Кантемиру.

Мы знаемъ, что Петръ во все время своего царствованія усердно заботился объ учрежденіи школъ, переводѣ книгъ и т. п.; онъ покупалъ, не щада денегъ, собранія минералловъ, рыбъ, звѣрей, анатомическіе кабинеты, за-

велъ библіотеку въ нѣсколько тысячъ томовъ, и всѣ эти собранія книгъ и предметовъ минеральнаго и животнаго царства были для каждаго открыты, всякъ приглашался посѣщать ихъ и научаться. Наконецъ, открыта была въ Петербургѣ академія наукъ.

Академіей называютъ общество ученыхъ людей, которымъ доставлены всѣ способы къ самому глубокому изученію всевозможныхъ отраслей человѣческаго знанія. Обязанность и назначеніе академій—подвигать науку, заниматься разслѣдованіемъ темныхъ мѣстъ и не вполнѣ разрѣшенныхъ вопросовъ науки. Каждое такое открытіе отражается полезнымъ образомъ на науку всѣхъ странъ и народовъ и составляетъ славу той страны, гдѣ оно совершено. О такомъ родѣ славы Петръ мечталъ и для предположенной имъ академіи; но, кромѣ того, онъ хотѣлъ, чтобы она приготовляла учителей и руководства для русскихъ школъ. Главный сотрудникъ его въ этомъ дѣлѣ, его лейбъ-медикъ Блументростъ, по порученію Царя, вступилъ въ переписку со всѣми знаменитостями науки въ Германіи и Франціи, приглашая ихъ въ Россію. Первые, къ которымъ онъ обратился, были знаменитые Лейбницъ и Вольфъ, великія свѣтила того времени. Они не приняли приглашенія Блументроста, но нѣсколько другихъ заграничныхъ ученыхъ прибыли въ Петербургъ и академія была открыта, но уже послѣ смерти Государя (1726 г.).

Она не вполнѣ оправдала ожиданіе своего основателя: приготовленіе учителей и составленіе руководствъ шло неудовлетворительно, по весьма, впрочемъ, естественной причинѣ: что академики не знали русскаго языка, а русскіе ученики рѣдко знали (подобно Кантемиру) иностран-

ные. За то академія наша сдѣлала много для науки вообще и для познанія Россіи; Московія была для этихъ любознательныхъ иностранцевъ любопытнѣйшею страною, которую, для чести науки и для славы собственной, они желали изучить.

Петръ положилъ начало ея изученію. Онъ снаряжалъ въ разное время ученыя экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго моря, Сибири, Алеутскихъ острововъ; во всѣхъ этихъ мѣстностахъ дѣланы были астрономическія наблюденія, ученыя описанія, карты, которыя исправили много старинныхъ неправильныхъ понятій о видѣ, положеніи и свойствахъ различныхъ частей Россіи. Савва Рагузинскій и профессоръ Ленцъ, ѣздившіе въ Китай, сдѣлали описаніе совершенному имъ пути, и это тоже прибавило много новыхъ свѣдѣній къ тому, что знала Европа объ этихъ странахъ. Академикъ Мессершмитъ сдѣлалъ ученое описаніе Сибири. Академія, наконецъ, увѣнчала всѣ эти завоеванія науки обширною экспедиціей, которую она снарядила въ 1733 году и которая продолжалась 10 лѣтъ.

Экспедицію эту составляли: астрономъ Делиль, естествоиспытатель Гмелинъ и историкъ-географъ Миллеръ,— люди составившіе себѣ громкую репутацію въ ученомъ мірѣ. Къ нимъ было присоединено нѣсколько молодыхъ русскихъ студентовъ, между которыми должно назвать Крашенинникова, описавшаго еще совершенно въ то время неизслѣдованную Камчатку. Экспедиція эта, обратившая на себя вниманіе всей образованной Европы, отправилась въ Сибирь. Делиль и Гмелинъ сдѣлали множество важныхъ наблюденій касательно климата, растительности, почвы и другихъ физическихъ свойствъ этого малоизвѣстнаго тогда

края. Миллеръ изучалъ обычаи, повѣрья тамошнихъ жителей, собиралъ историческія извѣстія и возвратился въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ познаній, которыя были потомъ имъ обнародованы и принесли много пользы для изученія исторіи Россіи.

III.

Первыя дѣйствія новаго правительства. — Преслѣдованіе Долгоруковыхъ. — Нѣмецкая партія. — Биронъ. — Вопросъ о престолонаслѣдіи. — Уступка прикаспійскихъ провинцій. — Вопросъ о польскомъ престолѣ. — Причины слабости польскаго государства. — Сочувствіе русскихъ областей этого государства къ Россіи. — Участіе различныхъ дворовъ европейскихъ въ избраніи польскихъ королей. — Старанія гр. Левенвольда въ пользу саксонскаго курфирста. — Избирательный сеймъ. — Вступленіе въ Польшу Ласси. — Избраніе Станислава Лещинскаго. — Избраніе Августа III (1733). — Осада Гданска. — Минихъ. — Бѣгство Станислава. — Умиреніе Польши.

Первые шаги новаго царствованія могли многимъ напомнить печальныя слова князя Дмитрія Голицына, которыя онъ сказалъ, когда окончательно были низвергнуты его замыслы. Императрица приняла самодержавіе въ концѣ февраля (1730), а въ апрѣлѣ посыпались указы противъ фамиліи Долгоруковыхъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, одинъ другаго строже. Сначала нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи были назначены губернаторами и воеводами въ разныя отдаленныя мѣстности; потомъ князь Алексѣй былъ отправленъ на житье въ одну изъ отдаленныхъ деревень своихъ, Василій Лукичъ, безъ желанія его, назначенъ губернаторомъ въ Сибирь. Потомъ обнародованъ былъ мани-

фесть, которымъ объявлялось, что Алексѣй и его сынъ, «не храня Его Величества дражайшаго здравія поступали» и утомляли его охотою; что они хотѣли женить покойнаго Государя на княжнѣ Катеринѣ и обобрали царскій скарбъ, что князь Василій Лукичъ «совершилъ многіе безсовѣстные и противные поступки» и что онъ «дерзнулъ вымышленными и отъ себя самого токмо составными дѣлами безбожно оболгать» Государыню. За все это они и другіе члены той же фамиліи (кромѣ фельдмаршала) были лишены чиновъ и орденовъ и отправлены на безвыѣздное житье въ дальнія деревни. Наконецъ, въ іюнѣ, послѣдовалъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось, что *одинъ* изъ Долгоруковыхъ живетъ не въ той изъ своихъ деревень, гдѣ указано, а потому *всѣ* они были разосланы въ разныя ссылки и, между прочимъ, Василій Лукичъ въ Соловецкій монастырь, а Алексѣй съ дѣтьми въ Березовъ, вакантный послѣ смерти Меньшикова; имѣнія же ихъ всѣхъ отобраны въ казну. Черезъ полтора года дошла очередь и до фельдмаршала Долгорукова, который былъ отправленъ въ Ивангородскую (Нарвскую) крѣпость за какія-то «поносительныя слова», говоренныя имъ (а по инымъ извѣстіямъ, его женою) про Государыню.

Долгоруковы, какъ мы знаемъ, имѣли преступный и еще болѣе безумный замыселъ; да при томъ о замыслѣ этомъ ходили только какіе-то темные слухи, а совѣщаніе ихъ въ Головинскомъ дворцѣ сдѣлалось извѣстно гораздо позднѣе: за что же они были преслѣдуемы съ такимъ постоянствомъ? Въ продолженіе всего царствованія Анны Іоанновны, о нихъ постоянно производились дознанія, и какъ только открывался малѣйшій предлогъ, судьба

ихъ болѣе и болѣе отягощалась. Преслѣдованіе это окончилось, какъ увидимъ, въ 1739 году истребленіемъ большей части этой знаменитой фамиліи.

Новыя лица окружили новую Императрицу; съ нѣкоторыми изъ нихъ мы уже отчасти знакомы, съ другими надобно намъ познакомиться. Это были, во-первыхъ, тѣ, которые, во время владычества верховнаго совѣта, оказались ей преданными: Ягушинскій, арестованный и разжалованный совѣтомъ, который не долго однакожъ пользовался расположеніемъ Императрицы, Головкинъ, по прежнему великій канцлеръ, хотя и по прежнему безъ значенія, Солтыковы, Черкасскій, сдѣланный вскорѣ вицъ-канцлеромъ, Ушаковъ, пожалованный начальникомъ тайной канцеляріи,—должность, въ которой онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность. Наконецъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшійся въ настоящее царствованіе не только первенствующимъ, но и господствующимъ членомъ синода.

Но сильнѣйшими людьми сдѣлались при Аннѣ Нѣмцы. Остерманъ, какъ мы знаемъ, уклонился, подъ предлогомъ болѣзни, отъ участія въ совѣщаніяхъ верховнаго совѣта; по прибытіи же Императрицы въ Всесвятское, онъ, изъ своей спальни, управлялъ всѣми ея дѣйствіями. Сдѣланный графомъ, онъ выздоровѣлъ какъ только было утверждено самодержавіе, и сталъ душою, главнымъ двигателемъ новаго правительства. Вмѣстѣ съ Остерманомъ, пріобрѣли огромный кредитъ братья Левенвольды, — Лифляндцы,— изъ коихъ одинъ, какъ сказано, первымъ предупредилъ Императрицу о ея избраніи и о замыслахъ верховнаго совѣта; возвысились Минихъ, оказавшій Государынѣ преданность въ качествѣ петербургскаго губернатора, Кей-

зерлингъ, Корфъ, преданные ей Курляндцы, прибывшіе съ нею въ Россію и другіе, съ которыми мы будемъ имѣть случай познакомиться; но главнымъ между приближенными, первымъ между любимцами, безъ сравненія сильнѣйшимъ по своему вліянію на Императрицу, былъ Биронъ.

Человѣкъ этотъ, простаго происхожденія, безъ всякаго образованія и безъ государственнаго ума, но отличный ѣздокъ верхомъ и красивый мужчина (хотя, какъ видно по его портретамъ, съ весьма непріятнымъ, злымъ лицомъ) понравился Аннѣ Іоанновнѣ во время ея бытности въ Митавѣ; былъ взятъ ею къ герцогскому двору, ѣздилъ, по ея порученіямъ, въ Берлинъ и сопровождалъ ее въ Россію, куда она нерѣдко пріѣзжала, и гдѣ, по видимому, онъ успѣлъ заслужить весьма невыгодную репутацію, потому что, при отправленіи В. Л. Долгорукова въ Митаву, ему было поручено просить Императрицу, чтобы она не брала съ собою Бирона. Биронъ однакожъ не замедлилъ пріѣхать и сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Онъ, по видимому, не имѣлъ никакого участія въ правленіи и не былъ ни министромъ, ни президентомъ какой-нибудь коллегіи, но, пользуясь полнымъ довѣріемъ Императрицы, обнаруживалъ вліяніе свое на всѣ дѣла, когда они могли его интересовать, къ какому бы вѣдомству они не принадлежали: способствовалъ къ сближенію нашего двора съ тѣмъ или другимъ иностранными дворами, смотря потому, искали тамъ его дружбы или нѣтъ, склонялъ выборъ Императрицы къ назначенію на какую нибудь важную должность того или другаго лица, смотря по тому, счи-

талъ ли онъ это лицо въ числѣ своихъ приверженцевъ, или нѣтъ. Необходимо было искать милости этого страннаго временщика и трепетать его безпощадной ненависти. Общественное мнѣніе, весьма часто справедливое, не приписало Бирону ни одного полезнаго или счастливаго дѣла въ правленіи Анны, а темнымъ сторонамъ этого царствованія дало названіе *бироновщины*. Вспыльчивый и грубый, человѣкъ этотъ, будучи раздраженъ, осыпалъ людей оскорбленіями и презрѣніемъ, и умѣлъ изобрѣтать унизительныя наказанія. Говорятъ, что, будучи уже курляндскимъ герцогомъ, онъ велѣлъ схватить одного барона Сакена, осмѣлившагося непочтительно о немъ выразиться, и два года возить его въ плотно закупоренной каретѣ. Найдя однажды, что дороги были неисправны и приписывая это небреженію сената, онъ въ бѣшенствѣ кричалъ, что велитъ сенаторами мостить дороги въ Россіи...

Подобно тому, какъ при митавскомъ дворѣ, войдя въ милость у герцогини, такъ и теперь онъ поспѣшилъ окружить ее своими приверженцами. Русскимъ мало было между ними мѣста. Самолюбивый, рѣзкій на слова, Ягушинскій не замедлилъ перессориться съ нимъ и едва не попалъ въ Сибирь. Головкинъ и Черкасскій удерживались только благодаря своей готовности соглашаться со всѣми и всѣмъ поддакивать. Чтобъ отдѣлить Императрицу отъ всякаго другаго вліянія кромѣ своего, нѣмецкая партія уговорила ее переѣхать въ Петербургъ: «Здѣсь уже, писалъ саксонскій посланникъ, донося о положеніи русскаго двора, никакой ропотъ не могъ быть услышанъ.»

Императрица возстановила самодержавіе, но она понимала его не такъ, какъ понималъ, напримѣръ, Петръ I, ко-

торый желалъ неограниченной власти не для того, чтобъ пользоваться одиѣми ея выгодами, но чтобъ всю эту власть употребить на благо народа, какъ онъ понималъ благо народа; который изучалъ законодательство, промышленность, военное искусство и кораблестроеніе, самъ трудился, самъ работалъ, чтобъ потомъ писать законы, давать направленіе промышленности, командовать арміей, предводительствовать флотами. Императрица не могла, какъ онъ, дѣлать все сама, а потому, уничтоживши верховный совѣтъ, ей необходимо было создать какое нибудь другое учрежденіе, которое обсуждало бы государственныя дѣла и давало направленіе правительству. Такое учрежденіе было создано подъ именемъ «кабинета» и членами его были въ первое время Головкинъ, Остерманъ и Черкасскій. Душою этого высшаго правительственнаго мѣста былъ Остерманъ, принужденный однакожъ во многомъ соображаться съ видами Бирона.

Одною изъ первыхъ и весьма справедливыхъ заботъ новаго правительства было о престолонаслѣдіи. Императрицѣ было не болѣе 37 лѣтъ, слѣдовательно она могла еще вступить въ супружество и имѣть прямыхъ наслѣдниковъ. Нѣкогда милый ей Морицъ Саксонскій поспѣшилъ напомнить о себѣ новой Императрицѣ, но безуспѣшно; его не пригласили пріѣхать въ Россію. Одинъ принцъ изъ королевскаго португальскаго дома, донъ Эммануилъ, пріѣзжалъ въ Москву съ надеждой получить руку Императрицы, но также нѣ имѣлъ успѣха. Анна Іоанновна не желала вступать въ новыя брачныя узы.

За тѣмъ казалось бы ближе всего объявить наслѣдницею цесаревну Елизавету, или, выдавъ ее за мужъ, при-

звать къ престолонаслѣдію ея дѣтей. Но цесаревна вела въ то время жизнь весьма разсѣянную, думала только объ удовольствіяхъ и казалась неспособною къ серьознымъ занятіямъ, а, главное дѣло, оттѣсненная отъ престола русская партія начинала сближаться съ Елизаветою, и Императрица съ своими приближенными недовѣрчиво на нее смотрѣла. Наконецъ, у Анны Іоанновны была болѣе близкая родня,—а именно дочь ея старшей сестры, Екатерины, — Анна Леопольдовна, проживавшая въ Россіи. Рѣшено было принцессу эту выдать за мужъ и передать престолонаслѣдіе въ ея потомство. Съ этою цѣлію былъ посланъ Левенвольдъ-младшій въ Германію, чтобъ между тамошними князьями избрать супруга молодой принцессѣ. По рекомендаціи вѣнскаго двора, съ которымъ еще со временъ Императрицы Екатерины мы были въ близкихъ отношеніяхъ, избранъ былъ герцогъ брауншвейгскій, Антонъ-Ульрихъ, который и прибылъ въ Россію въ 1733 году.

Покамѣстъ устраивался такимъ образомъ (хотя и неудачно, какъ увидимъ) важный вопросъ престолонаслѣдія, возникали другіе. Однимъ изъ нихъ былъ вопросъ о нашихъ закавказскихъ провинціяхъ.

Прикаспійскія провинціи, пріобрѣтенныя Петромъ въ видахъ обширнаго развитія восточной торговли, не оправдали еще этихъ ожиданій. Купцы западной Европы не отправляли къ Астрахани и Астрабаду своихъ товаровъ и не требовали оттуда шелка, хлопка, индиго и другихъ мѣстныхъ произведеній. Можетъ быть, все это могло бы случиться со временемъ, еслибъ устроены были удобныя сообщенія отъ Петербурга до Астрахани, еслибъ

зоркая полиція ограждала безопасность проѣзжающихъ и еслибъ просвѣщеніе истребило мелкое мошенничество между нашими торговцами. Но на все это не было обращено вниманія правительствъ, послѣдовавшихъ за Петромъ I, а потому мечта его о великой восточной торговлѣ оставалась мечтою. Къ тому же содержаніе войскъ въ этихъ отдаленныхъ провинціяхъ дорого стоило, нездоровый климатъ истреблялъ ихъ и, наконецъ, усиливавшіеся въ закавказьи Турки грозили отнять у насъ эти провинціи и тѣмъ усилиться еще болѣе, утвердясь на берегахъ Каспійскаго моря, на которомъ до сего времени мы не имѣли другихъ совмѣстниковъ, кромѣ Персіянъ. По этому рѣшено было возвратить шаху эти провинціи, выговоривъ за это какія нибудь выгоды.

Такая уступчивость, впрочемъ весьма благоразумная, была очень удивительна со стороны правительства, котораго главною заботою было увеличить внѣшнее величіе Россіи. Это объясняется тѣмъ, что правительство это имѣло совсѣмъ другіе виды, совершенно на другихъ пунктахъ, а потому оно избѣгало всего, что влекло за собою разъединеніе силъ: оно готовилось къ энергическому вмѣшательству въ дѣла Польши.

Мы уже видѣли, какое сильное вліяніе пріобрѣла Россія на Польшу въ началѣ XVIII вѣка; оно не вовсе утратилось въ слабое царствованіе Екатерины I; въ царствованіе Императрицы Анны это вліяніе еще значительно усилилось, а черезъ полстолѣтіе послѣ того, государства польско-литовскаго уже не существовало. Между тѣмъ на картахъ первой половины XVIII вѣка государство это занимаетъ довольно большое пространство въ восточной

части Европы. Земли этого государства были вообще прекраснѣйшими и плодоноснѣйшими странами, ихъ населяло 20 милліоновъ жителей, имѣвшихъ репутацію свободолюбиваго, патріотическаго, воинственнаго народа... Какъ же объяснить такое быстрое и страшное его паденіе?

Этому было много причинъ, и весьма важныхъ. Во-первыхъ, государство это было составлено изъ частей, совершенно различныхъ между собою по происхожденію, по языку, по вѣроисповѣданію, по преданіямъ историческимъ. Курляндія, о которой мы уже говорили, была населена совершенно особливымъ племенемъ; дворянство въ ней было нѣмецкое, лютеранскаго исповѣданія, и заботилось только о томъ, чтобъ существовать отдѣльно, при своихъ старинныхъ правахъ, законахъ и обычаяхъ. Бѣлоруссія, Украйна, Волынь и Подолія, древнія русскія области, были населены русскими и православными, тоже дорожившими своею національностію. Жители собственно литовскаго княжества (нынѣшней Ковенской и части Виленской и Гродненской губерній) болѣе всѣхъ слились съ поляками, но и тамъ простонародье сохранило свой языкъ (литовскій), а дворянство имѣло свои интересы, не всегда согласные съ интересами Польши; въ самой Польшѣ, въ ея сѣверо-западныхъ областяхъ, особенно по городамъ, жило множество Нѣмцевъ; наконецъ въ Литвѣ, въ русскихъ земляхъ и въ Польшѣ проживало милліона полтора Евреевъ, ни въ какомъ отношеніи не сливавшихся съ остальнымъ народонаселеніемъ.

Еще въ XVI вѣкѣ возникла мысль сплотить посредствомъ единства вѣры и языка всѣ эти разнородныя части, и вотъ польское духовенство принялось обращать право-

славныхъ и лютеранъ и заводить школы, въ которыхъ преподаваніе производилось только на польскомъ языкѣ. Цѣль отчасти была достигнута этимъ средствомъ; большая половина дворянства русскихъ провинцій (куда преимущественно было направлено католическое вліяніе) потеряла свою національность, забыла свой языкъ и религію своихъ отцовъ, какъ напримѣръ князья Острожскіе, Любомірскіе, Вишневецкіе, Четвертинскіе, Масальскіе,—потомки Рюрика и Владиміра, перешедшіе сначала въ унію, а потомъ и въ латинство. Но, съ другой стороны, тѣ, которые не соглашались измѣнять своей національности, дѣлались врагами того вліянія, которое ихъ давило, и первымъ доказательствомъ этого были казачьи войны и отпаденіе Малороссіи. Курляндцы подозрительно смотрѣли на всякую мѣру варшавскаго правительства, клонившуюся къ сліянію герцогства съ остальнымъ государствомъ; Евреи, чѣмъ болѣе ихъ утѣсняли, тѣмъ тщательнѣе держались своей особливости.

Съ тѣхъ поръ православные польскіе подданные постоянно искали покровительства и защиты Россіи, а лютеранскіе точно также обращались къ бранденбургскому курфирсту (принявшему потомъ титулъ короля прусскаго); это, въ свою очередь, еще болѣе раздражало Поляковъ-католиковъ противъ Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ (иновѣрцевъ), которые, наконецъ, были лишены права участвовать на сеймахъ, а это опять сильнѣе и сильнѣе побуждало Русскихъ и Нѣмцевъ-диссидентовъ искать себѣ покровительства въ Петербургѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ.

Такова была одна причина внутренней слабости Польши, но это было далеко не единственная. Польско-литовское королевство многіе называютъ «шляхетскою (дворянскою)

республикою»; это совершенно справедливо. Шляхтичи Польши и Литвы имѣли, какъ уже нѣсколько разъ нами замѣчено, огромныя права и пользовались такою свободою, какой не имѣли граждане ни одного европейскаго государства; эту «шляхетскую республику» многіе называютъ также «демократическою»: точно, по закону, каждый шляхтичъ былъ равенъ другому; послѣдній *ходачковый* шляхтичъ (дворянинъ-лапотникъ) могъ однимъ словомъ *nie pozwolam* уничтожить рѣшеніе цѣлаго сейма, точно также какъ Сапѣга или Замойскій; онъ точно также могъ быть избранъ въ короли, какъ Радзивиллъ или Потоцкій. Таковъ былъ законъ: но на самомъ дѣлѣ было иначе. Давно уже всѣ высшія должности, и духовныя и свѣтскія, занимали члены знатныхъ и богатыхъ фамилій; бѣдная же шляхта питалась, такъ сказать, крохами, падающими съ ихъ стола, и подъ благовиднымъ именемъ «пріятелей», составляла придворный штатъ магнатовъ. Судьба государства была въ рукахъ этихъ магнатовъ, которые вели за собою толпы бѣдной, вполнѣ отъ нихъ зависѣвшей шляхты на войну и на сеймы.

Магнаты эти были очень похожи на средневѣковыхъ феодаловъ западной Европы. Подобно имъ, они проживали круглый годъ въ своихъ зàмкахъ, употребляя для украшенія этихъ зàмковъ, для разведенія обширныхъ садовъ, для содержанія охотъ и для безпрестанныхъ пированій всѣ силы и всѣ денежныя средства своихъ подданныхъ, которыхъ считали десятками и даже сотнями тысячъ. Власть ихъ надъ этими подданными была безграничная. Помѣщикъ хотя не имѣлъ, по закону, права казнить смертію своего подданнаго, но могъ откупаться отъ этого преступленія самымъ ничтожнымъ штрафомъ; да еслибъ и былъ законъ, наказываю-

щій за это, сильные люди всегда имѣли возможность уклониться отъ его исполненія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ республикѣ не было власти довольно сильной, чтобъ заставить уважать законъ. Замѣчательно, что польскіе суды отличались предъ всѣми современными своею неподкупностію, но это приносило мало пользы, потому что повиновался ихъ приговорамъ только тотъ, кто хотѣлъ, или кому это было выгодно. Такимъ образомъ, нерѣдко бывало, что человѣкъ, выигравшій въ судѣ процессъ, пріѣзжалъ въ имѣніе, которое, напримѣръ, было ему присуждено во владѣніе; но прежній помѣщикъ встрѣчалъ его въ главѣ цѣлаго эскадрона «пріятелей», охотниковъ, гайдуковъ, янычаръ и смѣялся надъ приговоромъ суда, который ему показывали. По этому мало по малу вошло въ обычай дѣлать такъ называемые «заѣзды», то есть пріѣзжать для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ съ вооруженною силою, съ пріятелями, гусарами, гайдуками и проч., и при этомъ между частными лицами, въ половинѣ, и даже въ концѣ XVIII вѣка, происходили открытыя военныя дѣйствія, какъ между рыцарями XII столѣтія.

«Польша какъ будто застыла въ средневѣковыхъ понятіяхъ», говоритъ одинъ польскій писатель, и это тѣмъ болѣе было для нея несчастливо, что всѣ прочія государства измѣняли свое внутреннее устройство сообразно требованіямъ времени. Вездѣ было признано необходимымъ имѣть, для приведенія въ исполненіе судебныхъ приговоровъ, власть полицейскую, и сто лѣтъ тому назадъ въ Англіи эта власть уже начинала быть тѣмъ, чѣмъ должна быть — другомъ и покровителемъ слабаго противъ силь-

наго. Вездѣ были введены постоянныя арміи, обученіе и вооруженіе которыхъ составляло предметъ особой заботы правительствъ; вездѣ горожане, капиталисты, промышленники и торговцы начинали не только пользоваться нѣкоторою безопасностью, но и получать гражданскія права; зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ въ нѣкоторыхъ странахъ уже не существовала; англійскіе фермеры и городскіе обыватели засѣдали въ парламентѣ рядомъ съ членами аристократіи; Меньшиковы не уступали шагу Голицынымъ; религіозная терпимость вездѣ пользовалась уваженіемъ: — Польша одна только оставалась при старинныхъ понятіяхъ. Города не имѣли голоса на сеймѣ, иновѣрцы были устранены отъ государственныхъ должностей, законы лишены были силы; народомъ, націей считалось нѣсколько десятковъ тысячъ дворянъ (изъ которыхъ только какая нибудь сотня фамилій была дѣйствительно самостоятельна); вся остальная масса служила имъ лишь средствомъ выказывать свое великолѣпіе и смѣяться надъ закономъ.

Зная это, уже не покажется удивительнымъ, что каждое изъ сосѣднихъ правительствъ имѣло въ польско-литовскомъ государствѣ своихъ горячихъ приверженцевъ, болѣе преданныхъ ему, нежели варшавскому; не покажется удивительнымъ и то, что какихъ нибудь 20,000 регулярныхъ, хорошо дисциплинированныхъ войскъ, предводимыхъ искуснымъ генераломъ, проходили изъ конца въ конецъ двадцати милліонное государство, встрѣчая или искреннихъ друзей, или немногочисленныя кучки дворянъ храбрыхъ, но неимѣвшихъ понятія о военномъ искусствѣ, предводимыхъ вождемъ, или гетманомъ, который обыкновенно

былъ очень знатный и богатый магнатъ, но командовалъ своею арміею какъ какой нибудь коннетабль среднихъ вѣковъ, а не какъ полководецъ новѣйшаго времени.

Можно бы спросить: за чѣмъ же сосѣднія государства пользовались слабостію Польши и не употребляли своего вліянія, чтобъ она исправила свои внутреннія учрежденія? Дай Богъ, чтобъ народы и правительства дошли до такой христіанской любви между собою, но ни въ прошедшія, ни даже въ настоящія времена этой христіанской любви между государствами еще не замѣчается. Народы требуютъ отъ своихъ правительствъ прежде всего своего собственнаго благоденствія и правительства прежде всего обязаны заботиться о благосостояніи управляемыхъ ими народовъ. Равно сильныя, равно предусмотрительныя и попечительныя правительства не станутъ воевать между собою. Но по этому-то каждое правительство и каждый народъ должны заботиться, чтобъ не быть слабѣе другихъ, а какъ сила государства весьма много зависитъ отъ количества жителей страны, отъ удобства границъ, отъ числа приморскихъ торговыхъ пунктовъ и т. п., то отсюда и желаніе не только правительствъ, но и народовъ раздвигать предѣлы своихъ государствъ. Такъ, Пруссія въ началѣ прошлаго вѣка была государствомъ слабымъ, которое не только не могло играть роли между другими государствами, но должно было всегда опасаться, что противъ него сдѣлаютъ покушенія болѣе сильные сосѣди, а потому западныя и прибалтійскія части Польши, смежныя съ Пруссіею, заключавшія въ себѣ много единоплеменныхъ и единовѣрныхъ ей жителей, естественно сдѣлались предметомъ желаній своихъ сосѣдей. Точно тоже можно сказать и о Россіи,

съ тою еще разницею, что смежныя съ ними польскія области,—Бѣлоруссія, Украйна, Волынь, Подолія,—были старинныя области Россіи, отвоеванныя у нея во время ея слабости и что жители этихъ областей, будучи Русскими по происхожденію, и по языку, и по вѣроисповѣданію, безпрестанно взывали о помощи, покровительствѣ и даже принятіи подъ русскую державу.

Много такихъ прошеній было подано Царямъ московскимъ монастырями, духовенствомъ и православными подданными Речи посполитой; еще болѣе стало ихъ поступать, когда, при Петрѣ, Россія начала получать явный перевѣсъ надъ Польшею. «Бьютъ челомъ богомольцы твои, писали къ Петру въ 1718 году, благочестивыхъ монастырей литовскихъ и бѣлорусскихъ (такихъ-то) игумины со всею во Христѣ братіею,» исчисляя утѣсненія, которымъ они подвергались. «Всемилостивѣйшій Государь! заключали они, просимъ вашего Величества, чтобъ державство ваше повелѣло къ королю польскому Августу II и Речи посполитой писать, дабы онъ крѣпкимъ на сеймѣ, или безъ сейма, гдѣ подлежитъ, договоромъ утвержденіе благочестія святою укрѣпилъ и въ приговорныя книги вписалъ, а унію бы сеймовой конституціею (опредѣленіемъ сейма) утвердити и написати въ тѣхъ нашихъ монастыряхъ не попустилъ, и оные бы монастыри державство ваше въ свою протекцію взялъ.» Года два спустя изъ Могилева писали Государю: «Ежели въ нынѣшнее время Величество ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель свободъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнешь насъ погибели, то да сохранитъ Богъ отъ слѣдующихъ (ожидающихъ) православіе погибелей!» Такія

же отчаянныя воззванія получались отвсюду: «Мы, духовные и весь городъ, писали изъ Невля, нижайше просимъ, изволь подать намъ помощь и защитить насъ отъ льва рыкающаго...»—«Подай намъ хоть какую нибудь надежду, продолжали они, дабы могли вѣдать, жить ли намъ, или уходить отъ такого деннаго и нощнаго мученія.»

Единовѣрцы наши явно призывали вооруженное вмѣшательство Россіи противъ немилостиваго къ нимъ правительства: «Слезно прошу, писалъ бѣлорусскій епископъ князь Четвертинскій, связанный, впрочемъ, родствомъ и знакомствомъ съ польскою аристократіею, слезно прошу показать намъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ вашъ?..» Тамъ, гдѣ подобныя приглашенія дѣлаются иностраннымъ правительствамъ, тамъ не далеко до междоусобной войны. Если непростительно сильному правительству, когда оно вызываетъ противъ себя такія жалобы, то со стороны правительства слабаго—это безумно. Для сильнаго сосѣда соблазнъ слишкомъ великъ, и завоеватель, вступая въ такую страну, можетъ разсчитывать на милліоны дѣятельныхъ преданныхъ союзниковъ!..

Вотъ, слѣдовательно, сколько признаковъ слабости и причинъ паденія польско-литовскаго государства. Можно было бы насчитать ихъ и еще нѣсколько, но мы укажемъ только на одинъ—избирательную форму правленія. Да будетъ, говорили Поляки, повторяя слова Александра Македонскаго, королемъ нашимъ достойнѣйшій! Мысль превосходная, но въ Польшѣ, какъ и древне-греческомъ государствѣ, бывшая причиною большихъ бѣдствій. Какъ только упразд-

нялся польскій престолъ, со всѣхъ сторонъ являлись кандидаты, сыпали обѣщаніями, сорили деньгами, составляли себѣ партіи, которыя брались за оружіе и корона польская доставалась слишкомъ часто не достойнѣйшему, а хитрѣйшему или сильнѣйшему! Но все это еще было сносно, пока соперниками на польскій престолъ были или Поляки или князьки незначительныхъ государствъ: дѣло оканчивалось только маленькимъ междоусобіемъ... Гораздо хуже стало, когда сильныя государства Европы, соперничая между собою, начали подставлять Польшѣ своихъ кандидатовъ. Тутъ уже сыпались такія суммы, которыя въ состояніи были соблазнить, и дѣйствительно соблазняли самыхъ безкорыстныхъ, внося такимъ образомъ безнравственность въ націю и пріучая ее искать опоры не въ собственной силѣ, не въ собственномъ мужествѣ, а въ посторонней поддержкѣ и низводя такимъ образомъ Польшу на степень второстепеннаго, зависимаго государства!

Это именно случилось въ эпоху, къ которой мы приблизились. Саксонскій курфирстъ, избранный королемъ польскимъ, Августъ II, умеръ въ началѣ 1733 года. Кто будетъ его преемникомъ? вотъ мысль, которая въ одно мгновеніе встревожила не только все польско-литовское шляхетство, но и всѣ почти правительства Европы. Шляхта не безъ неудовольствія видѣла зависимость еще стараго своего короля отъ сосѣдственныхъ дворовъ и не безъ основанія предполагала, что онъ желалъ сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Замѣтить надобно, что въ республикѣ начала преобладать мысль о томъ, чтобъ устранить отъ польскаго престола всѣхъ

иностранныхъ принцевъ и вручить корону природному Поляку,—мысль, которая тѣмъ болѣе нравилась польскимъ магнатамъ, что каждый изъ нихъ могъ надѣяться быть избраннымъ. Между тѣмъ былъ и здравствовалъ на бѣломъ свѣтѣ человѣкъ, уже носившій титулъ короля польскаго, избранный, коронованный: это былъ Станиславъ Лещинскій. Возведенный нѣкогда на престолъ Карломъ XII и низведенный Петромъ I, Станиславъ спокойно проживалъ свой вѣкъ во владѣніяхъ французскаго короля, за котораго ему удалось выдать свою дочь. Станиславъ былъ не честолюбивъ, а потому онъ легко помирился съ своей судьбою, занимался науками, писалъ самъ и едва ли предъявилъ бы претензію на корону, еслибъ его не привела въ движеніе честолюбивая политика французскаго двора. Дворъ этотъ не могъ отстать отъ сдѣланной при Людовикѣ XIV привычки производить волненіе и тревогу во всей Европѣ. Можно понять, что какое нибудь правительство старается подчинить своему вліянію сосѣдственную страну: но какая серьозная цѣль могла быть у Франціи давать отъ руки своей короля отдаленной отъ нея Польшѣ, это постигнуть трудно.

Между тѣмъ Станиславъ Лещинскій пользовался вообще большимъ расположеніемъ Поляковъ. Они забыли, какъ видно, что государь этотъ во все короткое время своего правленія находился въ полной зависимости отъ короля шведскаго и помнили только его добрыя свойства, его кротость, ласковость, щедрость, любовь къ просвѣщенію. Кромѣ того, его горячо поддерживало нѣсколько сильныхъ магнатовъ, между которыми первымъ былъ *Примасъ коро-*

левства (*), членъ знатной и многочисленной фамиліи Потоцкихъ, человѣкъ энергическій, умный и пользовавшійся большимъ вліяніемъ. Съ первой минуты онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ обыкновенно употребляемыя въ такихъ случаяхъ пружины: печаталъ статьи и брошюры въ пользу Станислава, разсылалъ преданныхъ ему людей въ разные воеводства и повѣты, сорилъ французскимъ золотомъ.

Съ другой стороны, сосѣдственные дворы, — русскій вѣнскій и берлинскій, были весьма недовольны вмѣшательствомъ Франціи въ дѣло Польши, судьбами которой они втроемъ довольно между собою миролюбиво управляли; они стали увѣрять другъ друга, что Франція хочетъ въ восточной Европѣ образовать союзъ изъ Швеціи, Турціи и Польши, чтобъ унизить Австрію, Пруссію и Россію и кончили тѣмъ, что также рѣшительно объявили, что не допустятъ возведенія Лещинскаго на польскій престолъ, какъ Франція рѣшительно исключала всѣхъ прочихъ кандидатовъ. Долго не могли русскіе, австрійскіе и прусскіе дипломаты согласиться между собою, кого представить имъ отъ себя кандидатомъ; наконецъ, саксонскій курфирстъ, сынъ покойнаго короля Августа, успѣлъ склонить на свою сторону австрійское и русское правительства, обѣщавъ одному утвердить *прагматическую санкцію* (**), другому принять рѣ-

---

(*) Примасомъ королевства польскаго назывался старшій изъ архіепископовъ, глава мѣстнаго духовенства, имѣвшій большое вліяніе и на дѣла политическія, какъ сенаторъ, какъ членъ, обыкновенно, одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, какъ глава духовенства, вообще очень вліятельнаго въ Польшѣ, и наконецъ какъ верховный правитель государства во время междуцарствій, то есть въ промежутокъ времени между смертію одного короля и вступленіемъ на престолъ новаго.

(**) О значеніи прагматической санкціи будетъ сказано ниже.

шеніе, какое оно сочтетъ удобнымъ дать вопросу о курляндскомъ наслѣдствѣ.

Тогда саксонскій, австрійскій и особенно русскій посланникъ, графъ Левенвольдъ-младшій (братъ бывшаго курляндскаго резидента въ Россіи во время смерти Петра II) горячо принялись поддерживать курфирста и составлять для него партію; золото ихъ сыпалось на встрѣчу французскому и разбѣгалось по карманамъ жадныхъ магнатовъ. Но было слишкомъ поздно: большая часть пановъ уже заключила свои условія; другіе искренно, по убѣжденію и твердо стояли за Станислава и Францію. Левенвольдъ написалъ въ Петербургъ, что избирательный вопросъ можетъ склонить на нашу сторону одна только военная сила, и фельдмаршалу Ласси велѣно было перейти польскую границу.

Между тѣмъ какъ происходило все вышеописанное, въ Варшавѣ открылся сеймъ. Избирательный сеймъ въ старинной Польшѣ представлялъ прекрасное и необыкновенное зрѣлище: между Варшавою и деревнею Воля, на берегу Вислы, есть обширное поле; посреди этого поля выведена была кругообразная насыпь, обнесенная рвомъ, внутри которой возвышался небольшой навѣсъ; сюда собиралось въ назначенный день польское шляхетство для избранія короля. Сенаторы входили подъ навѣсъ, послы или депутаты верхомъ въѣзжали въ средину обнесеннаго валомъ круга, а за рвомъ толпилось остальное шляхетство, съѣзжавшееся обыкновенно въ большомъ множествѣ, иногда въ числѣ нѣскольких десятковъ тысячъ человѣкъ, безъ всякой обязанности и приказанія, по чувству гражданскаго долга, чтобъ подать свободный голосъ въ рѣшеніи вопроса такой важности, какъ назначеніе верхов-

наго правителя государства. Избраніе происходило подъ открытымъ небомъ, на вольномъ воздухѣ, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ...

Такъ понимали это великое дѣло нѣкоторые честные, любившіе свое отечество, Поляки, но не такъ происходило на самомъ дѣлѣ. Большинство шляхтичей съѣзжалось не по чувству гражданскаго долга, а потому что получало за это деньги отъ иностранныхъ правительствъ или отъ магнатовъ, поддерживавшихъ, тоже часто небезкорыстно, того или другаго кандидата. Рѣшеніе избирательнаго вопроса производилось въ присутствіи всего «братства шляхетскаго», на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, какъ бы въ непосредственномъ присутствіи Божіемъ, но чистое желаніе общественнаго блага рѣдко одерживало верхъ надъ своекорыстными разсчетами, или личными видами, похлѣбствомъ или непріязнію.

Избирательный сеймъ 1733 г. былъ особенно замѣчателенъ; на немъ собралось до 60,000 шляхтичей и 25-го августа они всѣ съѣхались, верхомъ, вооруженные, съ хоругвями своихъ воеводствъ, на обширное поле, о которомъ выше сказано. Нѣсколько дней, нѣсколько съѣздовъ прошло въ спорахъ; противники Станислава кричали, что ихъ насильно заставляютъ избирать человѣка, котораго они не желаютъ имѣть королемъ; приверженцы его называли ихъ измѣнниками, говорили, что ими призвано русское войско. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько магнатовъ съ своими кліентами и друзьями оставили избирательное поле, заранѣе протестуя противъ избранія Станислава.

Вдругъ пронеслась вѣсть, что Станиславъ въ Варшавѣ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ изъ Франціи, переодѣтый куп-

цомъ, и это произвело неописанную радость между его приверженцами. Примасъ воспользовался этимъ впечатлѣніемъ и приступилъ къ избранію: огромное большинство выразилось за Лещинскаго; тѣ же, которые своимъ удаленіемъ протестовали противъ этого избранія, торжественно признаны измѣнниками.

Между тѣмъ Ласси былъ уже въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Варшавы. Противники Станислава, числомъ до 4,000, потянулись къ нему на встрѣчу. Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія на Вольскомъ полѣ, произошло другое избраніе, гдѣ королемъ былъ провозглашенъ саксонскій курфирстъ подъ именемъ Августа III. Еще черезъ нѣсколько дней русскій фельдмаршалъ вступалъ въ Варшаву, а Станиславъ съ примасомъ, французскимъ посломъ и нѣсколькими приверженцами удалялся въ Гданскъ, чтобъ тамъ ожидать давно обѣщанной Франціей помощи, партія же его разсыпалась по всему королевству, взывая къ оружію и провозглашая конфедерацію, т. е. поголовное возстаніе шляхты (*).

Положеніе Ласси съ двадцатитысячною его арміей посреди волнующейся страны было опасно, тѣмъ болѣе, что саксонскія войска были еще далеко; далеко были и подкрѣпленія, которыя слѣдовали изъ Россіи. Одно средство къ успѣху состояло въ томъ, чтобъ дѣйствовать быстро, смѣло, очертя голову. Но Ласси,—честный воинъ, люби-

(*) Такія конфедераціи были дозволены польскими законами. Онѣ имѣли иногда цѣлію отраженіе непріятельскихъ силъ, но еще чаще противодѣйствіе королямъ, когда ихъ дѣйствія казались несовмѣстными съ общественною пользою; бывало, что и соперничествующія между собою партіи поднимали конфедераціи одна противъ другой.

мый солдатами, никогда не отличался этими качествами. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: онъ промедлилъ нѣсколько дней подъ Варшавою и въ Варшавѣ, а приблизившись къ Данцигу, расположился для правильной осады этого города. Въ Петербургѣ были имъ недовольны; но кѣмъ замѣнить его? Старые Петровы сподвижники—Голицынъ и Долгоруковъ, были не въ милости. Выборъ палъ на Миниха.

Минихъ былъ иностранецъ, подобно Остерману и многимъ другимъ поступившій въ русскую службу при Петрѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ весьма многочисленныхъ искателей приключеній, которые въ то время переходили изъ службы одного государя въ другую, сражаясь сегодня противъ того, кому служили вчера и считая, по старинной латинской пословицѣ, своимъ отечествомъ ту страну, гдѣ имъ хорошо; а хорошо имъ было тамъ, гдѣ они получали болѣе жалованья и играли болѣе видную роль.

Такимъ именно человѣкомъ былъ и Минихъ, но притомъ однимъ изъ самыхъ способныхъ между ними. Петръ I поручилъ ему, какъ свѣдущему инженеру, работы по Ладожскому каналу, производившіяся очень дурно подъ руководствомъ Меньшикова, и Минихъ привелъ ихъ къ окончанію, такъ что при Императрицѣ Аннѣ открылось прямое сообщеніе между Волховомъ и Невою (1731).

При помощи Остермана и другихъ нѣмцевъ, а также и благодаря своимъ способностямъ, онъ уже игралъ видную роль при Екатеринѣ I, осмѣливался иногда противорѣчить Меньшикову и послѣ его паденія былъ сдѣланъ губернаторомъ Петербурга. Въ этой должности онъ имѣлъ случай обнаружить свою преданность Императрицѣ Аннѣ, былъ ею обласканъ, когда она возвратилась изъ Москвы, и

сразу занялъ одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ въ ея нѣмецкомъ министерствѣ—мѣсто президента военной коллегіи. Такъ какъ армія русская въ мирное время квартировала по городамъ и деревнямъ, получала провіантъ отъ городскихъ обывателей и земства, такъ какъ военные коммисары употреблялись для всѣхъ этихъ сборовъ, то естественно, что тотъ, кто управлялъ арміею и ея хозяйствомъ, имѣлъ множество случаевъ, если хотѣлъ, вмѣшиваться во всѣ части управленія. Честолюбивый и властолюбивый Минихъ не пропускалъ подобныхъ случаевъ, и пользуясь расположеніемъ къ себѣ Бирона и Левенвольда, забиралъ болѣе и болѣе вліянія и власти, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе довѣренности со стороны Императрицы и ея любимцевъ. Онъ, впрочемъ, обладалъ и многими условіями для подобнаго рода успѣховъ: людей, которымъ желалъ понравиться, онъ окружалъ всевозможнымъ вниманіемъ, разсыпалъ передъ ними всевозможную лесть, ослѣплялъ ихъ блестящимъ, хоть иногда и поверхностнымъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, говорилъ съ величайшею самоувѣренностію и, не зная усталости, всегда готовъ былъ принять на себя какое угодно порученіе, какую угодно работу, при чемъ никакой трудъ, никакая забота не оставляли слѣда на его величавой наружности, не уменьшали его неизмѣненной, нѣсколько переслащенной любезности, не изнуряли его въ самомъ дѣлѣ обширныхъ умственныхъ силъ. Мы, вслѣдъ за симъ, увидимъ Миниха и на войнѣ и въ совѣтѣ, а теперь упомянемъ объ учрежденіи по его проэкту «шляхетскаго корпуса» (1732) для приготовленія молодыхъ людей къ занятію военныхъ и гражданскихъ должностей,—учрежденіи очень важномъ и полезномъ, потому

что Россія сильно нуждалась въ хорошо приготовленныхъ людяхъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія.

Биронъ и Левенвольдъ сильно покровительствовали Миниху, потому что не завидовали ему, считая себя гораздо выше и сильнѣе его, первый—милостію къ себѣ Императрицы, второй—неограниченною довѣренностію фаворита. Но былъ человѣкъ, который началъ ему завидовать; это былъ Остерманъ. Человѣкъ этотъ, не имѣя въ себѣ ничего блестящаго, и напротивъ, сдѣлавъ себѣ прочную репутацію хитрости и коварства, никогда никѣмъ не былъ любимъ, какъ и самъ никогда никому не былъ вполнѣ преданъ; но съ самаго вступленія еще въ верховный совѣтъ, ничто не дѣлалось безъ его согласія. Даже самонадѣянный Меньшиковъ безпрестанно справлялся съ мнѣніями Остермана; въ дѣлахъ же своего вѣдомства, то есть въ дѣлахъ внѣшней политики, онъ управлялъ почти неограниченно. Понятно, что ему не полюбилось, когда Минихъ захотѣлъ вторгнуться въ его область. Это случилось именно по поводу польскихъ дѣлъ.

Французскій резидентъ въ Петербургѣ обратился къ Миниху, чтобъ привлечь наше правительство къ союзу съ Франціей, и Минихъ принялъ на себя поддерживать это предложеніе. Остерманъ возсталъ на непрошеннаго совѣтника со всею силою, къ какой только былъ способенъ, поражая его и логикой и насмѣшкой, да еще наговорилъ Бирону, что этотъ честолюбецъ хочетъ подъ всѣхъ нихъ подкопаться и сдѣлаться первымъ министромъ. Этого довольно было подозрительному Бирону, чтобъ возненавидѣть Миниха, «это змѣя, которую я отогрѣвалъ у груди своей», сказалъ онъ, и не замедлилъ дать это почувствовать. Ми-

нихъ, въ качествѣ петербургскаго губернатора, жилъ въ домѣ, имѣвшемъ прямое сообщеніе съ дворцомъ. Биронъ убѣдилъ Государыню, что необходимо отдать это помѣщеніе герцогинѣ мекленбургской, а Миниху было предложено переѣхать въ другой, подаренный ему, но отдаленный домъ.

Это случилось въ 1732 году; когда же слѣдующимъ лѣтомъ ему дано было командованіе арміею нашею въ Польшѣ, то многіе въ то время были увѣрены, что это еще новое средство, чтобъ удалить Миниха отъ Императрицы, или даже совершенно погубить его, потому что положеніе начальника небольшаго отряда посреди волнующейся націи, принужденнаго брать довольно сильно-укрѣпленный городъ, не имѣя притомъ осадной артиллеріи, было въ самомъ дѣлѣ очень опасно.

Эта презрѣнная надежда однакожъ не исполнилась. Минихъ повелъ дѣло рѣшительно и круто; обложилъ Гданскъ, стѣснилъ его траншеями, и не имѣя возможности вести правильной осады, за недостаткомъ осадныхъ орудій, началъ штурмовать городъ, былъ отбитъ и снова шелъ на приступъ съ упорствомъ, которое могло или сломить осажденныхъ, или же слишкомъ ослабить осаждающихъ и поставить ихъ въ весьма опасное положеніе. Была минута, что они дѣйствительно находились въ крайней опасности: въ виду устьевъ Вислы, близъ которыхъ стоитъ Гданскъ, показалась французская эскадра и высадила десантъ, котораго давно съ нетерпѣніемъ ожидали приверженцы Станислава. По счастію, десантъ этотъ состоялъ изъ полуторы тысячи человѣкъ.

Минихъ, оставивъ крѣпость, кинулся на него и за-

ставилъ положить оружіе. А какъ между тѣмъ подоспѣли и саксонскія войска съ тяжелою артиллеріею, то въ успѣхѣ осады уже нельзя было сомнѣваться. Осыпанный бомбами, городъ запылалъ. Жители, по большей части торговые, богатые люди, пришли въ отчаяніе; едва успѣвали они потушать пламя въ одномъ мѣстѣ, какъ бомбы осаждающихъ производили новый пожаръ, а на помощь уже не было надежды.

Тогда Станиславъ, не желая долѣе дѣлать мирныхъ гражданъ жертвою приверженности ихъ къ нему, рѣшился удалиться. Въ одеждѣ крестьянина, вдвоемъ съ однимъ, тоже переодѣтымъ, шведскимъ генераломъ, тайно вышелъ онъ изъ города, и, пространствовавъ пять сутокъ посреди безпрестанной опасности, проводя дни то въ лѣсахъ, то въ болотахъ, между камышами, осмѣливаясь идти только ночью, наконецъ достигъ прусской границы. Описаніе этого странствованія было напечатано съ величайшими подробностями и въ свое время читалось всею Европою съ интересомъ и участіемъ, котораго вполнѣ заслуживаетъ какъ этотъ эпизодъ, такъ и вся полная романическихъ случайностей жизнь «короля-философа».

По удаленіи Станислава, Гданскъ изъявилъ готовность покориться. Минихъ, самолюбію котораго льстила надежда представить въ Петербургъ плѣннаго короля, былъ взбѣшенъ, узнавъ, что его уже нѣтъ въ городѣ и наложилъ на Гданскъ контрибуцію въ 2,000,000 талеровъ; французскихъ же офицеровъ отправилъ въ Петербургъ. Тамъ извѣстіе о взятіи Гданска и прибытіи блестящей версальской молодежи въ качествѣ военно-плѣнныхъ произвело весьма пріятное впечатлѣніе. Императрица пригласила этихъ

послѣднихъ на одинъ изъ своихъ придворныхъ баловъ, возвратила имъ шпаги и отпустила во Францію. Современные заграничные журналы не замедлили протрубить объ этомъ, и хорошій пріемъ, сдѣланный французамъ, былъ весьма одобренъ всею образованною Европой.

Паденіе Гданска, гдѣ были взяты въ плѣнъ главные приверженцы Станислава, и между прочимъ примасъ, равно какъ и удаленіе самаго короля за границу, нанесли сильный ударъ его партіи. Потоцкіе, Тарло, Оссолинскіе, главные партизаны Станиславовы, еще поддерживаютъ нѣсколько времени конфедерацію, встрѣчаются иногда съ русскими и саксонскими войсками, но шляхта мало по малу устаетъ воевать безъ цѣли, предводители же ея одинъ за другимъ принимаютъ присягу на подданство Августу III, и Польша успокоивается.

IV.

Усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ. — Принесло ли оно пользу Россіи? — Въ чемъ должно было бы состоять наше вмѣшательство въ польскія дѣла? — Національная политика. — Опасность, которой насъ подвергалъ союзъ съ Австріей. — Отношенія наши къ Курляндіи. — Виды на нее Бирона. — Избраніе его герцогомъ курляндскимъ.

Какія же послѣдствія имѣло вмѣшательство наше въ польскія дѣла и какую пользу изъ этого извлекла Россія? Первымъ и очевиднымъ послѣдствіемъ было усиленіе нашего вліянія въ Польшѣ; одно дѣльное нѣмецкое сочиненіе (Geschichte d. Rus. Staats. v. Hermann) говоритъ, что въ

это время польскія дѣла рѣшались не въ Варшавѣ, а въ Петербургѣ. И точно, тогдашній польскій посланникъ въ Петербургѣ безпрестанно писалъ въ Варшаву, что графъ Биронъ рекомендуетъ Польскому правительству такого-то воеводу или каштеляна, что графъ Остерманъ и Левенвольдъ совѣтуютъ поступать такъ-то; что русскому правительству было бы пріятно, если бы приняты были такія-то мѣры, и т. п. Лица, рекомендуемыя и покровительствуемыя такимъ образомъ, принадлежа къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, дѣлались нашими приверженцами и составляли партію, всегда готовую призвать наше вмѣшательство, приготовляя мало-по-малу окончательное господство Россіи надъ Польшею. Но, съ другой стороны, это естественно оскорбляло патріотическое чувство націи, у которой, по крайней мѣрѣ на языкѣ, были постоянно священныя слова: отечество, свобода, независимость. Оскорбленіе же это нанесено совершенно безъ надобности, также какъ безъ надобности истрачены большія деньги на избирательномъ сеймѣ, и пролита кровь русская подъ Гданскомъ. Ни поддерживать Августа III, ни преслѣдовать Станислава не было никакой положительной причины, ибо послѣдній, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ сдѣлаться нашимъ союзникомъ, а первый, при нѣкоторыхъ условіяхъ, сдѣлаться нашимъ врагомъ, какъ былъ врагомъ нашимъ возведенный нами же на престолъ Августъ II.

Не касаясь собственно Польши, мы должны были стараться о возвращеніи въ лоно отечества отторгнутыхъ отъ него западныхъ областей: этого требовали, какъ мы видѣли, жители самыхъ областей этихъ, это было необходимымъ условіемъ существованія Россіи, ибо отброшен-

ная за Днѣпръ и Двину, она не могла имѣть ни торговли, ни промышленности, ни просвѣщенія; при этихъ условіяхъ она не могла ничѣмъ инымъ быть, какъ «страною бѣлыхъ медвѣдей», по словамъ иностранцевъ. И такъ, споръ съ Польшею за западную Русь былъ неизбѣженъ; нашею святою обязанностію было протянуть руку къ призывавшимъ насъ роднымъ нашимъ братьямъ; дѣйствуя такъ, мы нашли бы союзниковъ, которыхъ не нужно было бы подкупать; этихъ союзниковъ были бы у насъ милліоны, и никто не могъ бы сказать, что мы попираемъ справедливость. Мы уже видѣли, какія грустныя моленія возсылали къ Петру наши единовѣрцы и единоплеменники, тоже продолжалось и при его преемникахъ. Въ Вильнѣ, напримѣръ, гдѣ нѣкогда они господствовали числительно надъ католиками, въ XVIII вѣкѣ ихъ уже считали только десятками; монастыри оставались безъ настоятелей, церкви безъ священниковъ. Буйные паны, прогулявъ нѣсколько сутокъ, нерѣдко садились на коней съ своими слугами и охотниками и дѣлали наѣзды на православные монастыри, били въ нихъ стекла, стрѣляли въ стѣны и ворота, а если кто показывался изъ окна или двери, тѣмъ доставалось саблями. И, разумѣется, все это происходило безнаказанно, потому что такъ поступали сами члены трибуналовъ, т. е. судовъ, родственники и пріятели старостъ и воеводствъ, потому, наконецъ, что все католическое духовенство поднялось бы, еслибъ кто нибудь изъ принадлежащихъ къ «хлопской вѣрѣ» былъ бы оправданъ противъ католика.

За то какъ радовались и оживали угнетенные, запуганные наши братія, когда получали какое нибудь утѣшеніе, какую нибудь надежду. Въ 1732 году отъ кіевскаго

скопа былъ присланъ въ виленскій монастырь [illegible]
ъ: «Мы приняты, писалъ онъ, съ честію и весе-
тъ всѣхъ людей православныхъ. Руцѣ горѣ возно-
ренного благодарили Богу»... Поддерживать этихъ
ныхъ, оскорбленныхъ, угнетенныхъ, конечно, было
димостію и правомъ Россіи, и вмѣшательство наше
скія дѣла нашло бы, безъ сомнѣнія, живой отголо-
русской націи, тогда какъ глубокомысленныя со-
ія Остермана очень мало ее интересовали. Но
мцы-министры не угадывали, не чувствовали
заключается дѣйствительная сила Россіи отно-
Польши. Мало того, они едва не вовлекли Россію
нія затрудненія. Австрійское правительство не
въ Польшу ни одного солдата, прусское еще
[illegible] поддерживало: стоило слѣдовательно только
[illegible] дѣйствовать посильнѣе, — и мы могли имѣть
[illegible] войну, которая едва ли ограничилась бы одною
[illegible] потому что и въ Турціи, и въ Швеціи мы имѣли
болѣе враговъ, чѣмъ доброжелателей, и между
[illegible] государствами уже начинались весьма для насъ
[illegible] сношенія, когда взятіе Гданска и бѣг-
[illegible] по счастію, дали всѣмъ этимъ затрудне-
[illegible] благопріятный оборотъ.

[illegible] политика, которой слѣдовала Россія
[illegible] упре-
[illegible] переговоры
[illegible] ущербъ сво-
[illegible] съ Польскимъ
[illegible] Лифляндію; онъ
[illegible] миръ съ

Турціею. Все это больше или меньше справедливо; но посреди того всеобщаго коварства и лживости, которыми отличалась политика прежнихъ временъ, единственною достойною уваженія цѣлью для правительства могло быть благо страны, которой судьбы ему ввѣрены. Если его политика коварна и лжива, то пусть же она будетъ по крайней мѣрѣ полезна народу, или, какъ нынче говорится, національна. Такова она и была при Петрѣ, но совершенно другою стала съ Екатерины I, Безъ всякой выгоды для Россіи, мы хлопотали всѣми силами объ интересахъ голштинскаго герцога; безъ всякой надобности обязались имѣть съ германскими императорами общихъ враговъ и друзей. Открытыхъ враговъ Россія не имѣла въ то время, когда этотъ договоръ былъ заключаемъ, а потому онъ не могъ быть для нея выгоденъ. Напротивъ, онъ былъ для насъ невыгоденъ, потому что обязывалъ насъ помогать Австріи, у которой могло во всякую минуту явиться множество враговъ по причинѣ ея постоянной вражды съ Франціей и замысловъ, питаемыхъ императоромъ Карломъ VI. Объ этихъ замыслахъ надо сказать нѣсколько словъ, такъ какъ они дѣйствительно едва не вовлекли насъ въ войну.

Германскіе или «римскіе» императоры были, до начала нынѣшняго столѣтія, избирательными государями. Курфирсты (князья-избиратели) избирали ихъ изъ среды государей, и преимущественно германскихъ. Случилось однакожъ, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, императорами были постоянно владѣтели австрійскаго эрцгерцогства; это, наконецъ, возбудило въ нихъ желаніе утвердить за собою право на титулъ императорскій, сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ. Мысль объ этомъ зани-

мала Карла VI всю его жизнь. Но, какъ нарочно, у него не было сыновей, а старинный законъ не допускалъ женщинъ управлять имперіей. По этому, Карлу, чтобъ достигнуть своей цѣли, надо было узаконить два нарушенія закона, и онъ не щадилъ для этого никакихъ стараній и даже пожертвованій: онъ готовъ былъ на величайшія уступки въ пользу того правительства, которое соглашалось гарантировать императорскій престолъ за его дочерью, знаменитою впослѣдствіи Маріею-Терезіей, или подписать такъ называемую «прагматическую санкцію». На утвержденіи этой санкціи основывался и нашъ союзъ съ императоромъ, утвержденіемъ ея купилъ содѣйствіе Австріи и Августъ III относительно своихъ видовъ на польскій престолъ.

Между тѣмъ такое измѣненіе основныхъ законовъ Имперіи не могло не встрѣчать и сильнаго неодобренія. Франція была во главѣ правительствъ, противившихся утвержденію прагматической санкціи; и политики того времени были увѣрены, что смерть Карла VI будетъ сигналомъ жестокой войны; Россія же, несчастнымъ трактатомъ, заключеннымъ при Екатеринѣ I, должна была ожидать, что кровь ея солдатъ, что ея милліоны потекутъ для служенія дѣлу, вполнѣ ей чуждому!

Эта печальная необходимость встрѣтилась еще ранѣе нежели ожидали: едва взятъ былъ Гданскъ, какъ императоръ потребовалъ, чтобъ Россія выставила условленное количество войска для войны, которая у него началась съ Франціею... Казалось бы, что мы могли отклонить отъ себя это обязательство, потому что вѣнскій дворъ не прислалъ намъ на помощь въ Польшу ни одного солдата: рѣ-

шено однакожъ было иначе, и генералъ Кейтъ повелъ въ 1735 г. цѣлую дивизію русскую въ глубину Германіи, къ берегамъ Рейна. По счастію, война была окончена прежде, чѣмъ наши войска успѣли вступить въ дѣло, и вся потеря наша ограничилась денежными расходами, взамѣнъ которыхъ нѣкоторые съ гордостію указывали на отзывы нѣмецкихъ газетъ о хорошей дисциплинѣ, о бодромъ видѣ Кейтовой дивизіи...

Мудрено съ достовѣрностію сказать, какія именно были истинныя причины такой ненаціональной политики; но кажется, что большую роль играли здѣсь личныя мнѣнія тогдашнихъ нашихъ государственныхъ людей. Императоръ германскій, или, какъ онъ назывался тогда «глава священной римской имперіи, императоръ и цезарь», пользовался еще старинньмъ, почти суевѣрнымъ уваженіемъ всякаго нѣмца. Прусскій король, имѣя множество причинъ къ неудовольствію противъ императора и едва ли уступая ему въ могуществѣ, преклонялъ передъ нимъ колѣна и цѣловалъ у него руку: «я останусь ему вѣренъ до послѣдней капли крови, я не отстану отъ него, пока онъ развѣ оттолкнетъ меня ногой», говорилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Великій германскій поэтъ, Гёте, жившій гораздо позже, смѣявшійся надъ многимъ, что уважалось его предшественниками, и тотъ писалъ, что онъ не могъ видѣть безъ священнаго благоговѣнія залу, гдѣ нѣкогда избирались германскіе императоры, которыхъ и всѣ монархи Европы признавали первыми между собою. По этому можно думать, что и Остерманъ, Биронъ, Левенвольдъ и другіе наши нѣмецкіе министры не могли освободиться отъ нѣкотораго подчиненія въ отношеніи къ императору. Остер-

манъ, кромѣ того, былъ вполнѣ убѣжденъ, что союзъ съ Австріею придастъ много значенія Россіи; что же касается Бирона, то можно думать, что его пристрастіе было небезкорыстно; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ получалъ отъ императора и деньги и помѣстья въ Германіи. Наконецъ римскій императоръ могъ быть ему весьма полезенъ и въ отношеніи его замысловъ на курляндское герцогство,— и вотъ въ чемъ состояли эти его замыслы.

Въ бытность Бирона при дворѣ герцогини курляндской его честолюбіе ограничивалось желаніемъ быть вписаннымъ въ число курляндскихъ дворянъ, но и въ этомъ онъ не имѣлъ успѣха; со вступленіемъ же на русскій престолъ Анны Іоанновны, претензіи Бирона раздвинулись: съ помощію услужливыхъ генеалоговъ, онъ вывелъ свое происхожденіе отъ одной изъ знаменитѣйшихъ французскихъ фамилій, Byron (*); германскій императоръ сдѣлалъ его графомъ; русская Императрица подарила ему въ потомственное владѣніе городъ Венденъ (въ Лифляндіи); всѣ дружественные съ Россіею государи присылали ему свои орденскіе знаки, многіе назначили или обѣщали ему пенсіи: при такой обстановкѣ не удивительно что, Биронъ возвратился къ мысли Меньшикова,—сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ. Только онъ взялся за это дѣло болѣе издалека и не такъ круто, какъ его предшественникъ.

Прежде всего онъ воспользовался вліяніемъ русской Государыни и бывшей курляндской герцогини. Анна Іоанновна, живя въ Митавѣ, не вмѣшивалась въ управленіе герцогствомъ; не взирая на это, или, можетъ быть, по

(*) Полагаютъ что настоящая фамилія нашего временщика была Бюренъ, Büren.

этому самому, она имѣла много друзей между курляндскимъ дворянствомъ. Биронъ постарался поддержать или даже усилить эти связи. Принадлежавшія герцогинѣ земли въ Курляндіи были розданы тамошнимъ ея приверженцамъ; нѣсколько вліятельныхъ курляндцевъ, какъ наприм. Корфъ и Кейзерлингъ, получили въ Петербургѣ значительныя должности. Слѣдствія этого скоро оказались: вопреки прежнимъ своимъ рѣшеніямъ, митавскій ландтагъ (*) (1730 г.) принялъ Бирона въ среду своего дворянства, а это дало ему возможность покупать въ Курляндіи земли и помѣстья и пріобрѣтать новыхъ друзей. Далѣе, когда Августъ III искалъ покровительства Россіи для полученія польскаго престола, онъ, конечно, прежде всего началъ заискивать въ Биронѣ; при этомъ случаѣ между ними заключено условіе, что Биронъ станетъ помогать Августу относительно польскаго престола, и Августъ, въ свою очередь, станетъ ему помогать въ его видахъ на Курляндію.

Справедливость требуетъ сказать при этомъ, что виды Бирона вполнѣ совпадали съ видами нашего правительства. Еще при Екатеринѣ I оно воспротивилось присоединенію герцогства къ Польшѣ и удержанію въ немъ старинной формы правленія съ особымъ герцогомъ; можно думать, что цѣль наша и тогда еще состояла въ томъ, чтобъ, послѣ смерти настоящаго герцога, вполнѣ преданнаго Польшѣ, посадить такого, который былъ бы преданъ намъ или отъ насъ зависѣлъ: чего же лучше было Бирона, который, и сдѣлавшись герцогомъ, оставался бы русскимъ оберъ-каммергеромъ, приближеннымъ русской

(*) Тоже, что сеймъ.

[illegible]

[illegible] 1735 г. [illegible]

[illegible]

V

[illegible] 1734 года: [illegible] Ласси въ Крыму въ 1739 году и [illegible] Миниха 1738 и 1739 годовъ: [illegible] Бѣлградскій миръ. — Что принесла война [illegible] Миниха. — [illegible] съ [illegible] Синклера.

[illegible], мы [illegible] теперь о русской политикѣ при Императрицѣ Аннѣ, [illegible] опредѣляетъ характеръ этой

(*) [illegible] каждые два года, [illegible] въ Польшѣ [illegible] случаяхъ, какъ то: «[illegible]», [illegible], для избранія короля; [illegible], или [illegible] междоусобныхъ войнъ.

политики: характеръ твердый, воинственный, наступательный, можно сказать задорный; мы безъ особой надобности ввязались въ войну съ Польшей; едва окончивши ее, кинулись-было воевать съ Франціей и въ тоже самое время замышляли еще новую войну съ Турціей.

Справедливаго повода къ этой новой войнѣ еще труднѣе найти, чѣмъ къ предшествующимъ. Вотъ какъ дѣло было. Турція въ это время воевала съ Персіей и воевала не очень успѣшно. Это былъ, конечно, удобный случай уничтожить невыгодный прутскій договоръ и добиться другаго, выгоднѣйшаго. Графъ Левенвольдъ, говоритъ одинъ современникъ, Манштейнъ, убѣдилъ наше правительство воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ отмстить за прутское пораженіе и возобновить начатое Петромъ I наступленіе къ Черному морю. Желаніе развязать себѣ руки и собрать сколь возможно больше войска было, между прочимъ, причиною возвращенія Персіи нашихъ прикаспійскихъ провинцій. Отчасти съ цѣлію пріобрѣсть союзника противъ Турціи, мы такъ услужливо посылали Австріи помощь и оставляли безъ вниманія то̀, что она не помогала намъ противъ Польши. Война съ Турціей была дѣломъ, горячо заинтересовавшимъ наше правительство; всѣ предшествующія, замѣчаетъ одинъ нѣмецкій историкъ, были забавами. Нужно было только найти болѣе или менѣе благовидный предлогъ для начатія военныхъ дѣйствій,—и предлогъ этотъ былъ, конечно, безъ труда найденъ.

По случаю войны съ Персіей, султанъ приказалъ крымскому хану прибыть съ своими татарами въ Закавказье; для этого ему было необходимо пройти черезъ Кабарду,—страну, находящуюся на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ

горъ. Россія объявила Турціи, что эта страна издавна принадлежитъ ей и что движенія татаръ по этой мѣстности она не потерпитъ. Тѣмъ не менѣе татары выступили въ походъ черезъ Кабарду. Это было признано за враждебныя дѣйствія со стороны Турціи и армія наша, расположенная въ Украйнѣ, и исподволь приведенная на военное положеніе, получила приказаніе немедленно двинуться въ Крымъ, которымъ надѣялись безъ труда овладѣть, благодаря отсутствію хана. Но движеніе начато было поздно, въ октябрѣ 1735 г., и армія наша, истощенная болѣзнями, не успѣвшая сдѣлать всѣхъ нужныхъ приготовленій для дальняго похода, принуждена была возвратиться, не дойдя до Перекопа.

Замиреніе Польши дало возможность на слѣдующій годъ отдѣлить болѣе силъ для дѣйствій противъ Крыма. Начальникомъ дѣйствующей арміи былъ назначенъ покоритель Гданска, Минихъ. Понимая трудность перехода по безводнымъ пустымъ степямъ, отдѣляющимъ русскую границу отъ Крыма, въ которыя, 50 лѣтъ назадъ, опрометью пустился В. В. Голицынъ, Минихъ обратилъ особенное вниманіе на средства снабженія арміи провіантомъ, снарядами и осадною артиллеріей. Онъ нашелъ удобнѣйшимъ доставлять ихъ водою, и для этого приказалъ устроить особаго рода суда, которыя и должны были спуститься Днѣпромъ съ самаго его устья, а оттуда вдоль Черноморскаго берега плыть къ Перекопскому перешейку, гдѣ, по слухамъ, ожидали встрѣтить сильныя укрѣпленія; другой пловучій караванъ, заготовленный въ Воронежѣ, долженъ былъ такимъ же образомъ доставить тяжести къ Азову, уступленному Турціи, какъ мы знаемъ, по прут-

своему договору, и который предполагалось непремѣнно взять.

Компанія открылась раннею весною 1736 года движеніемъ къ Азову. Минихъ самъ велъ войска, назначенныя для овладѣнія этою крѣпостію; но сдѣлавши первыя распоряженія для осады, онъ сдалъ командованіе Ласси, а самъ поспѣшилъ къ главной арміи, которая, въ числѣ 50,000, собиралась на Днѣпрѣ, чтобъ вести ее въ Крымъ. Широкое степное пространство, разстилающееся до самаго морскаго берега, было пройдено благополучно, безъ серьозныхъ встрѣчъ съ татарами, и почти по той же самой дорогѣ, которой слѣдовалъ нѣкогда Голицынъ; въ концѣ мая передовые наши разъѣзды увидѣли море и зубцы Перекопскаго замка.

Перекопскій перешеекъ, отдѣляющій Гнилое море отъ Чернаго, имѣетъ ширины всего 7 верстъ; это единственный путь въ Крымъ. Естественно, что всѣ средства были употреблены татарами, чтобъ его преградить: отъ моря до моря, во всю ширину перешейка, былъ прорытъ глубокій ровъ и выведенъ земляной валъ съ нѣсколькими каменными башнями, которыя, также какъ и замокъ Перекопскій, были снабжены артиллеріей. Это болѣе странное, чѣмъ грозное, укрѣпленіе не представляло очень серьознаго препятствія, и было взято съ ничтожною потерею. Занявши его, Минихъ вступилъ въ Крымъ, въ это старинное гнѣздо нѣкогда грозныхъ нашихъ враговъ,—грозныхъ, потому что мы были слабы и не имѣли понятія о военномъ исскуствѣ: 50 лѣтъ передъ тѣмъ несравненно многочисленнѣйшая рать наша въ недоумѣніи остановилась

передъ укрѣпленіями, которыя съ такою легкостію, почти безъ потери одолѣлъ теперь Минихъ!

По ту сторону перешейка открывалась опять гладкая степь, Минихъ двинулся впередъ. Татары, испуганные взятіемъ укрѣпленій, которыя они считали неодолимыми, разсыпались, но мало по малу, оправившись, собрались снова и со всѣхъ сторонъ обхватили нашу армію, пуская въ нее стрѣлы, но нанося ей мало вреда. Города: Козловъ (Эвпаторія), Акмечеть и Бакчисарай, столица хана, были взяты и разорены; множество конныхъ табуновъ и стадъ было захвачено, много набрано различной добычи, освобождено нѣсколько сотъ плѣнныхъ христіанъ. Семейства татаръ въ ужасѣ спѣшили въ горы, находящіяся въ южной части полуострова. Предпріимчивый Минихъ надѣялся съ мечемъ и огнемъ пройти всю страну поперегъ до такъ называемаго теперь южнаго берега; но это не могло состояться, потому что, во-первыхъ, болѣзни въ этомъ непривычномъ для Русскихъ климатѣ очень ослабили нашу армію, во-вторыхъ, потому, что, по нераспорядительности князя Трубецкаго, завѣдывавшаго доставкою провіанта, суда, которыя должны были доставить его къ Крымскимъ берегамъ, не поспѣли во время. По всѣмъ этимъ причинамъ пришлось повернуть назадъ, покинувъ и Перекопъ, который признано было невозможнымъ удерживать въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ Россіи и при трудности его снабженія всякаго рода припасами.

Такимъ образомъ блестящіе подвиги нашей арміи не принесли никакихъ положительныхъ результатовъ, кромѣ только взятія Азова, который остался въ нашихъ ру-

вахъ. Минихъ мечталъ о томъ, чтобъ овладѣть всѣмъ полуостровомъ и удержать его за Россіею. Это была прекрасная мечта; исполненіе ея было бы чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ для Россіи, но едва ли оно было тогда еще возможно. Какъ бы то ни было, походомъ своимъ въ Крымъ мы далеко не усмирили татаръ, и зимою они, въ свою очередь, сдѣлали набѣгъ, хотя и не очень удачный, на наши границы; съ нашей же стороны многочисленная орда калмыковъ была устремлена на кубанскихъ татаръ. Кровь лилась безъ цѣли и безъ результатовъ.

Компанія возобновилась на слѣдующій годъ. Ласси повелъ одну армію противъ Крыма, но не со стороны Перекопа (который былъ снова укрѣпленъ татарами), а Арабатской косою, отдѣляющею Гнилое море отъ Азовскаго. Подобно, какъ въ прошломъ году, армія наша жгла и истребляла все встрѣчавшееся на пути; но также какъ и въ прошедшій годъ, принуждена была возвратиться, не имѣя довольно средствъ, чтобъ утвердиться въ Крыму. Минихъ, съ своей стороны, осадилъ Очаковъ, довольно сильную турецкую крѣпость, запиравшую выходъ изъ Днѣпра, и послѣ жестокой, кровопролитной осады, овладѣлъ ею и оставилъ въ ней гарнизонъ. . . . .

Овладѣть линіею Днѣпра и утвердиться на ней было дѣломъ во многихъ отношеніяхъ важнымъ. Этимъ мы прерывали связь Турціи съ Крымомъ, отдѣляли татаръ отъ ихъ союзниковъ и покровителей и, стѣсняя ихъ со стороны Азова и Очакова, угрожая имъ со стороны Днѣпра и Дона нашими флотиліями, дѣлали неизбѣжнымъ паденіе ихъ царства, безъ чего никогда не могли успокоиться и наши южныя окраины. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя сообра-

[illegible] совершенно другой [illegible]. Въ силу трактата 1726 [illegible] и свою армію про- [illegible] дѣйство- [illegible] съ ихъ [illegible] что отвле- [illegible] границу [illegible], стало быть [illegible].

Въ 1738 и 1739 годахъ Минихъ ходилъ къ Днѣстру, переправлялся даже за Прутъ, одержалъ блестящую побѣду при Ставучанахъ и овладѣлъ сильною турецкою крѣпостью, Хотиномъ; но эти громкіе успѣхи, кромѣ славы нашей арміи и ея главнокомандующаго, не принесли никакихъ плодовъ Россіи. Минихъ, который готовился перенести оружіе за Дунай, гдѣ войско русское не бывало со временъ Святослава, вдругъ получилъ извѣстіе, что императоръ заключилъ съ Турціею миръ, и миръ чрезвычайно невыгодный для себя... Это взорвало пылкаго Миниха; онъ написалъ къ одному изъ цесарскихъ генераловъ письмо чрезвычайно рѣзкое: «Гдѣ же, писалъ онъ, этотъ тѣсный союзъ двухъ императорскихъ дворовъ? Русскіе берутъ крѣпости—вы ихъ теряете и срываете собственными руками; мы завоевываемъ провинціи, вы уступаете цѣлыя королевства... Смѣю увѣрить васъ, что еслибъ цесарская армія находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и тогда бы, при содѣйствіи Императрицы Россійской, вы могли бы заключить миръ болѣе для васъ выгодный.»

Письмомъ этимъ Минихъ, какъ говорятъ, сорвалъ

сердце, но поправить дѣла не могъ; положеніе его за Днѣстромъ, вдали отъ русскихъ границъ, сдѣлалось даже довольно опаснымъ и результаты четырехъ тяжелыхъ, смертоносныхъ компаній, были совершенно потеряны: оставленные нашими союзниками, которыхъ дружбы мы искали съ такою настойчивостію въ продолженіи почти 15 лѣтъ, мы были принуждены уступить не только Хотинъ и линію Днѣстра, но и Очаковъ и стало быть всѣ наши пріобрѣтенія, кромѣ одного Азова *). Глубоко огорченный этимъ миромъ, Минихъ писалъ Бирону: «Турки обязаны этимъ миромъ Магомету, Нейпергу (австрійскому уполномоченному при заключеніи мира) и Вильнёву (французскому послу въ Константинополѣ). Прости Боже вѣнскому двору, что такія огромныя суммы потрачены изъ за такихъ жалкихъ результатовъ!..» **).

Усилія, со стороны Россіи по крайней мѣрѣ, дѣйствительно были огромны. Въ письмѣ, отрывокъ изъ котораго приведенъ нѣсколько выше, Минихъ самъ говоритъ, что перевозка различнаго рода тяжестей требовала ежегодно болѣе 200,000 лошадей и воловъ, которые уже бывали негодными для слѣдующей компаніи! А сколько людей погибло! одно взятіе Очакова стоило намъ около 20,000 убитыми, изувѣченными и умершими отъ болѣзней! Вся Россія тяготилась этими безпрерывными наборами рекрутъ, требованіемъ подводъ и т. п. Малороссія была совершенно изнурена и мы имѣемъ любопытныя извѣстія о понесенныхъ ею въ это время тягостяхъ: въ 1736 году

(*) Который, впрочемъ, обязались срыть.

(**) Этотъ дѣйствительно плачевный миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ.

было потребовано для укрѣпленія пограничной линіи 53,000 рабочихъ, въ теченіе же этого года было доставлено для арміи около 100,000 четвертей всякаго хлѣба, за который хотя и заплатили деньги обывателямъ, но долго спустя; 44,000 воловъ было потребовано въ слѣдующемъ году... Всѣ эти подробности записаны однимъ современникомъ, Маркевичемъ, малороссіяниномъ, который имѣлъ привычку отмѣчать ежедневно все, что ему казалось заслуживающимъ вниманія. Но эти тягости были бы еще сносны, потому что требовались законнымъ порядкомъ; а вотъ что Маркевичъ отмѣчаетъ на одной страницѣ своего дневника: «Полки проходящіе забрали весь хлѣбъ изъ амбаровъ и даже изъ ямъ и всѣхъ воловъ увели; три скирды сѣна увезли». Таковы были тягости, наложенныя на Россію и особенно на Малороссію этой войною, не принесшею, какъ сказано, никакой пользы. Сами военные тяготились ею, тѣмъ болѣе что Минихъ былъ не только строгъ, но суровъ: разжаловалъ генераловъ, разстрѣливалъ полковниковъ, не за преступленія, а за оплошность, за непринятіе надлежащихъ мѣръ осторожности и т. п. Конечно, много лѣтъ спустя, тотъ, кто остался живъ, могъ не безъ гордости говорить: «я былъ подъ Ставучанами, я взбирался на стѣны Очакова»! Въ этихъ разсказахъ ветерановъ турецкой войны рѣшительный, смѣлый Минихъ назывался не иначе, какъ «соколомъ»; онъ принималъ какіе-то исполинскіе размѣры, являлся богатыремъ, вождемъ-исполиномъ; но вотъ отрывокъ изъ старинной пѣсни, сложенной солдатами вѣроятно въ то время, когда свѣжо еще было ощущеніе трудовъ и недостатковъ Миниховскихъ походовъ:

Власьевъ (т. е. Ласси), славный генералъ,
Азовъ самъ собою взялъ;
А какъ Минихъ живодёръ
Нашихъ кишекъ не берегъ...

Минихъ, пріобрѣтя громкую извѣстность, и не въ одной Россіи, турецкими походами, особенно взятіемъ Очакова и Ставучанскимъ сраженіемъ, былъ щедро награжденъ землями въ разныхъ губерніяхъ и получилъ званіе подполковника преображенскаго полка. Онъ однакожъ, какъ многіе тогда полагали, не совсѣмъ былъ доволенъ этими наградами, и мечталъ, говорятъ, быть «герцогомъ Малороссіи». Сравнивая себя съ Бирономъ, онъ былъ отчасти правъ, потому что этотъ послѣдній, безъ всякихъ трудовъ и заслугъ, получилъ, при заключеніи мира, полмилліона рублей. Но вся эта трата денегъ и людей могла бы скоро вознаградиться, еслибъ, за заключеніемъ мира съ Турціей, послѣдовали годы внутренняго спокойствія; къ сожалѣнію, наступательная, вызывающая политика наша окружала насъ враждою. Національное чувство польскаго народа было уже раздражено вмѣшательствомъ нашимъ въ его дѣла. Во время двухъ послѣднихъ компаній, Минихъ, чтобъ не дѣлать слишкомъ дальнихъ обходовъ, водилъ свои войска на Днѣстръ черезъ польскія владѣнія, нарушая тѣмъ неприкосновенность чужой территоріи. Это, такъ сказать, подбавило масла на огонь, и можно было опасаться, что еслибъ война вскорѣ не прекратилась, то Польша воспользовалась бы развлеченіемъ нашихъ силъ и сама взялась бы за оружіе; уже какіе-то таинственные, тщательно отъ насъ скрываемые, переговоры производились между варшавскимъ и стокгольскимъ дворами при помощи

Версальскаго. Швеція дѣлала явныя приготовленія къ войнѣ; огромная и очень сильная партія въ этой странѣ настойчиво требовала, чтобъ правительство воспользовалось отдаленіемъ нашихъ войскъ для возвращенія Финляндіи и Балтійскихъ провинцій. Одно происшествіе еще болѣе усилило враждебное къ намъ расположеніе шведскаго народа и едва не произвело немедленнаго разрыва: это было убіеніе маіора Синклера.

Маіоръ Синклеръ былъ посланъ шведскимъ правительствомъ въ Константинополь, какъ думали у насъ, для заключенія союза противъ Россіи. Не взирая на всѣ старанія, мы не могли узнать, чѣмъ кончились его переговоры, а знать объ этомъ было, разумѣется, весьма нужно. Случилось, что на обратномъ пути Синклеръ былъ убитъ въ Германіи русскими офицерами и бумаги его были похищены. Вся европейская журналистика въ одинъ голосъ закричала, что это убійство было дѣломъ петербургской политики. Правительство наше съ негодованіемъ протестовало противъ этого; убійцы были отысканы и наказаны, но общественное мнѣніе не удовлетворилось этимъ, и заграничныя газеты продолжали быть намъ враждебными; въ Стокгольмѣ же негодованіе было такъ сильно, что народъ выбилъ камнями окна у нашего посланника. Усиліями нашей дипломаціи и щедро разсыпаннымъ золотомъ, немедленный разрывъ былъ предотвращенъ, но черезъ годъ Швеція объявила намъ войну, о которой разсказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

VI.

Взглядъ на внутреннее управленіе. — Налоги и ихъ взысканія. — Доимочная канцелярія. — Побѣги. — Голодъ. — Разбои. — Закамскій край. — Башкирское возстаніе. — Заговоръ князя Черкасскаго. — Мнимый царевичъ Алексѣй. — Духовенство. — Дворъ Императрицы. — Заключеніе князя Голицына. — Послѣдній актъ трагедіи Долгоруковыхъ. — Волынскій. — Шутовская свадьба и ледяной домъ. — Тредьяковскій. — Процессъ и казнь Волынскаго. — Слова Екатерины II объ этомъ процессѣ.

Теперь передъ нами обрисовался характеръ правленія нашего въ 1730—40 годахъ; но мы говорили до сихъ поръ главнѣйше о дѣлахъ внѣшней политики. Посмотримъ, какъ распоряжалось правительство по дѣламъ внутренняго управленія, какъ его распоряженія принимались націей и что дѣлала нація.

«Правленіе Императрицы Анны, было строгое, а иногда и тираническое» говоритъ историкъ Щербатовъ, родившійся въ царствованіе этой Государыни и могшій слышать свѣжія о немъ воспоминанія. И отзывъ Щербатова окажется справедливымъ если мы поближе познакомимся съ этою эпохой. Мы даже принуждены будемъ отозваться строже нашего историка, который утверждаетъ, что «народъ былъ порядочно управляемъ и не былъ отягощенъ налогами».

Всякій гражданинъ обязанъ нѣкоторою жертвою для общаго блага страны и нѣкоторою повинностію въ пользу государства. Въ государствахъ граждански зрѣлыхъ повин-

ности эти правильно соразмѣрены съ дѣйствительными потребностями страны и съ средствами плательщиковъ и уплачиваются онѣ безъ ропота и безъ уклоненія. Не такъ было въ Россіи. Государственные доходы при Петрѣ немногимъ превосходили 10 мил., но между тѣмъ и эта ничтожная сумма никогда вполнѣ не взносилась. Что могло быть этому причиною? Причинъ было множество, но главнѣйшихъ двѣ: 1) неудовлетворительное распредѣленіе налоговъ, и 2) гражданская незрѣлость народа, побуждавшая каждаго плательщика укрываться отъ уплаты. Петръ вообще строго взыскивалъ повинности, но и онъ бывалъ принужденъ дѣлать льготы и прощать недоимки, пользуясь для этого какими нибудь общерадостными событіями, какъ напримѣръ заключеніемъ мира съ Швеціей. Точно также снисхожденія были дѣлаемы въ этомъ отношеніи Екатериною I и Петромъ II; но правительство Анны Іоанновны рѣшалось поступать иначе, и замѣтивъ, что съ 1719 года накопилось болѣе 7 милліоновъ различнаго рода недоимокъ, потребовало ихъ уплаты; для завѣдыванія же сборомъ этихъ недоимокъ, учредило такъ называемую «доимочную канцелярію»,—имя, которое и по сіе время не забыто народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что общая сумма государственныхъ налоговъ было весьма не велика. Если даже положить, что они простирались при Аннѣ до 15 мил., то и въ этомъ случаѣ приходилось бы на каждаго мужчину немногимъ болѣе рубля повинностей въ годъ. Но повинность эта была бы нечувствительна, еслибъ она была разложена такъ, что падала бы сильнѣе на людей богатыхъ и слабѣе на бѣдныхъ. Къ сожалѣнію, это было совершенно наоборотъ;

такъ, напримѣръ, подушный сборъ въ 70 коп. съ души платился одними крестьянами. Кромѣ того, на нихъ же падалъ съ большею тяжестію, чѣмъ на другія сословія, акцизъ на соль, на вино, продажа которыхъ составляла монополію казны; наконецъ, пошлины при различныхъ продажахъ, плата за перевозы и т. п. тоже ихъ не миновали, и вотъ, между прочимъ, почему такъ тяжела была крестьянамъ ихъ доля въ уплатѣ небольшаго (въ общей сложности) государственнаго дохода.

Не трудно понять, что положеніе ихъ еще значительно ухудшилось, когда потребована была уплата прежнихъ недоимокъ. А между тѣмъ уплата оныхъ требовалась настойчиво; для взноса назначены были сроки, по истеченіи которыхъ велѣно было выправлять недоборы съ самихъ сборщиковъ, съ городовыхъ магистратовъ и бургомистровъ, съ членовъ присутственныхъ мѣстъ, съ воеводъ и даже съ губернаторовъ. Понятно, что, избѣгая денежной отвѣтственности, всѣ эти власти выжимали всѣми возможными средствами недоимки съ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ. И странно: правительство какъ будто не вѣрило страшному отягощенію, которому подвергался народъ и приписывало его уклоненіе отъ поборовъ одному упорству; въ одномъ изъ указовъ по этому случаю сказано съ укоромъ и даже какъ будто съ удивленіемъ, что крестьяне, не смотря на «экзекуціи», не соглашаются добровольно взносить требуемыя съ нихъ деньги.

Что же было результатомъ подобныхъ мѣръ? Безпрестанно повторяемыя подтвержденія о безотлагательномъ взысканіи доказываютъ, что взысканія эти не были успѣшны; съ другой стороны, едва ли когда либо побѣги были такъ

шеленіи и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ. Какъ
) доносился слухъ до какой нибудь деревни о при-
ніи грозной «экзекуціи»,—то есть военной команды,
вепной для доправленія недоимокъ,—крестьяне поки-
свои домы и уходили въ лѣса, угоняя стада и унося
что можно было захватить, и возвращались только
, когда «экзекуція» переходила въ другое селеніе;
а же не возвращались и вовсе, переходя въ рас-
и поселяясь въ лѣсныхъ пустынножительствахъ.
огда оказывалась рѣшительная невозможность до-
чего нибудь съ крестьянъ, взысканіе падало на по-
ковъ, а за вотчинныхъ крестьянъ съ головъ и ста-
, съ членовъ магистрата и бургомистровъ въ горо-
и вообще съ «лучшихъ людей», то есть съ самыхъ
ительныхъ; ихъ сажали подъ караулъ, отбирали ихъ
венное имущество, да еще, въ видѣ наказанія тѣмъ
ьникамъ, которые допустили недоимки, доправляли
ихъ по 10% за все недовзысканное ими въ свое
.

Въ пограничныхъ мѣстахъ народъ толпами валилъ за
ину и особенно въ польскія владѣнія, гдѣ наши
цы находили и знакомые имъ обычаи, и родную рѣчь,
авославные храмы. Правительство грозило смертію
ворщикамъ къ такимъ побѣгамъ, выставляло караулы
тавы на порубежныхъ мѣстахъ, но все это не по-
ю; а какъ такихъ переселенцевъ насчитывалось до
тысячъ, то правительство нѣсколько разъ посылало
имъ приглашенія возвратиться, обѣщая полное про-
. Эти приглашенія оставались безуспѣшными; нако-
придумана была крайняя мѣра, а именно пред-

положено было, чтобъ войска наши, бывшія съ Минихомъ и Ласси въ Польшѣ, возвращаясь, захватили съ собою бѣглецовъ, какъ военноплѣнныхъ: въ 1735 году раскольники наши поселившіеся близь границы на р. Вѣтке были подъ карауломъ возвращены въ лоно отечества...

Конечно, не одно взысканіе податей доводило крестьянъ до побѣговъ; не малую роль играло въ этомъ и дурное управленіе помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, какъ объ этомъ было не разъ упоминаемо въ указахъ; но по той или другой причинѣ происходили побѣги крестьянъ, послѣдствіемъ ихъ было то, что поля оставались часто не засѣянными, а это произвело голодъ, который испытала Россія въ 1734 и 35 годахъ. Тогда помѣщикамъ велѣно было кормить крестьянъ собственнымъ хлѣбомъ и отнюдь не допускать ихъ до бродяжничества; но строгое исполненіе этого повелѣнія очевидно было невозможнымъ и не только бродяжничество усилилось, но усилились разбои; для поддержанія нѣкоторой безопасности по дорогѣ между Москвою и Петербургомъ выставлены были команды солдатъ и драгунъ; изъ оффиціальныхъ актовъ мы узнаемъ, что въ какихъ нибудь ста верстахъ отъ Москвы, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, вооруженная шайка «разбила» помѣстье какого-то Татищева (не историка). «Воровство умножилось близъ самаго Петербурга, читаемъ мы въ одномъ указѣ 1735 года, и многихъ людей грабятъ и бьютъ».

Таково было общее состояніе Россіи; а теперь мы всмотримся поближе въ одинъ изъ ея угловъ, въ который до сего времени мы еще не заглядывали. За Волгою, къ сѣверовостоку отъ Казани, по Камѣ и за Камою про-

стирался обширный, лѣсистый край, издавна населенный различными племенами азіятскаго происхожденія. Ближайшіе къ намъ, и нѣкогда сильнѣйшіе, господствующіе здѣсь, татары были давно покорены, и въ XVIII вѣкѣ они жили болѣе или менѣе спокойно, сохраняя свою религію, свой языкъ, свои обычаи, отбывая государственныя повинности и покорно исполняя требованія губернаторовъ, воеводъ и комендантовъ. Въ положеніи, подобномъ татарамъ, находились и мордва, черемисы и мещеряки; но не таковы были башкиры, народъ довольно многочисленный и энергичный, жившій за Камою и въ Уральскихъ горахъ. Чуждаясь новыхъ для него порядковъ, особенно когда они ему представлялись въ видѣ алчныхъ воеводъ, онъ часто бунтовалъ и до Петра и при Петрѣ. Возмущенія эти, хотя и происходившіе въ отдаленномъ краѣ, не могли не безпокоить правительство, потому что, край этотъ былъ весьма для насъ важенъ: въ нынѣшней Пермской губерніи были большія соляныя варницы, а въ Уральскихъ горахъ, со времени Петра, началась очень дѣятельная разработка желѣза, мѣди и драгоцѣнныхъ металловъ; черезъ этотъ край шло сообщеніе съ Сибирью и проходили китайскіе караваны; наконецъ, волненіе между башкирами весьма легко могло найти отголосокъ въ сосѣдственныхъ съ ними племенахъ, киргизъ-кайсакахъ и калмыкахъ, жившихъ, или правильнѣе кочевавшихъ, между низовьями Волги, вдоль сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и до границъ Китая.

Калмыки, будучи ближайшими сосѣдями Астрахани и Царицына, считались издавна нашими подданными; въ 1730 году часть киргизовъ предложила подданство Рос-

сіи. Но не легко было удержать въ повиновеніи этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что, будучи кочевниками, они, при дальнѣйшемъ неудовольствіи, могли откочевать за Уралъ въ глубь туркменскихъ степей и точно также внезапно явиться оттуда для раззоренія немногочисленныхъ въ томъ краю русскихъ поселеній. Для огражденія отъ ихъ набѣговъ учреждены были по Волгѣ линіи небольшихъ укрѣпленій и казачьихъ станицъ, а въ глубинѣ башкирскихъ земель построено нѣсколько крѣпостей: Уфа, Мензелинскъ и др. Наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны придумано было протянуть такую же линію укрѣпленій и казачьихъ станицъ для отдѣленія Туркменскихъ степей отъ южной Сибири и Башкиріи: первымъ къ этому шагу было построеніе Оренбурга.

Но эти же мѣры, принимаемыя къ утвержденію края, и были причиною новаго возстанія. Два года волновалась Башкирія (1735—37) и едва не увлекла за собою только-что подчинившихся киргизовъ; два года лилась тамъ кровь, совершались жестокости всякаго рода и все это прекратилось лишь въ то время, когда на другомъ концѣ Россіи, на границахъ Крыма и Турціи, начиналась извѣстная уже намъ война.

Неспокойно было и въ разныхъ другихъ частяхъ Россіи. Въ 1734 году открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлію, какъ полагаютъ, возвести на престолъ малолѣтнаго герцога голштинскаго (сына цесаревны Анны). Главою этого заговора былъ смоленскій губернаторъ, князь Че[illegible] касскій; онъ имѣлъ даже какія-то тайныя сношенія [illegible] цами, жившими въ польскихъ владѣніяхъ (подх[illegible] въ то время къ Смоленской губерніи). Въ М[illegible]

стирался обширный, лѣсистый край, издавна населенный различными племенами азіятскаго происхожденія. Ближайшіе къ намъ, и нѣкогда сильнѣйшіе, господствующіе здѣсь, татары были давно покорены, и въ XVIII вѣкѣ они жили болѣе или менѣе спокойно, сохраняя свою религію, свой языкъ, свои обычаи, отбывая государственныя повинности и покорно исполняя требованія губернаторовъ, воеводъ и комендантовъ. Въ положеніи, подобномъ татарамъ, находились и мордва, черемисы и мещеряки; но не таковы были башкиры, народъ довольно многочисленный и энергичный, жившій за Камою и въ Уральскихъ горахъ. Чуждаясь новыхъ для него порядковъ, особенно когда они ему представлялись въ видѣ алчныхъ воеводъ, онъ часто бунтовалъ и до Петра и при Петрѣ. Возмущенія эти, хотя и происходившіе въ отдаленномъ краѣ, не могли не безпокоить правительство, потому что, край этотъ былъ весьма для насъ важенъ: въ нынѣшней Пермской губерніи были большія соляныя варницы, а въ Уральскихъ горахъ, со времени Петра, началась очень дѣятельная разработка желѣза, мѣди и драгоцѣнныхъ металловъ; черезъ этотъ край шло сообщеніе съ Сибирью и проходили китайскіе караваны; наконецъ, волненіе между башкирами весьма легко могло найти отголосокъ въ сосѣдственныхъ съ ними племенахъ, киргизъ-кайсакахъ и калмыкахъ, жившихъ, или правильнѣе кочевавшихъ, между низовьями Волги, вдоль сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря и до границъ Китая.

Калмыки, будучи ближайшими сосѣдями Астрахани и Царицына, считались издавна нашими подданными; въ 1730 году часть киргизовъ предложила подданство Рос-

сіи. Но не легко было удержать въ повиновеніи этихъ дикарей, тѣмъ болѣе, что, будучи кочевниками, они, при дальнѣйшемъ неудовольствіи, могли откочевать за Уралъ въ глубь туркменскихъ степей и точно также внезапно явиться оттуда для раззоренія немногочисленныхъ въ томъ краю русскихъ поселеній. Для огражденія отъ ихъ набѣговъ учреждены были по Волгѣ линіи небольшихъ укрѣпленій и казачьихъ станицъ, а въ глубинѣ башкирскихъ земель построено нѣсколько крѣпостей: Уфа, Мензелинскъ и др. Наконецъ, въ царствованіе Анны Іоанновны придумано было протянуть такую же линію укрѣпленій и казачьихъ станицъ для отдѣленія Туркменскихъ степей отъ южной Сибири и Башкиріи: первымъ къ этому шагу было построеніе Оренбурга.

Но эти же мѣры, принимаемыя къ утвержденію края, и были причиною новаго возстанія. Два года волновалась Башкирія (1735—37) и едва не увлекла за собою только-что подчинившихся киргизовъ; два года лилась тамъ кровь, совершались жестокости всякаго рода и все это прекратилось лишь въ то время, когда на другомъ концѣ Россіи, на границахъ Крыма и Турціи, начиналась извѣстная уже намъ война.

Неспокойно было и въ разныхъ другихъ частяхъ Россіи. Въ 1734 году открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлію, какъ полагаютъ, возвести на престолъ малолѣтнаго герцога голштинскаго (сына цесаревны Анны). Главою этого заговора былъ смоленскій губернаторъ, князь Черкасскій; онъ имѣлъ даже какія-то тайныя сношенія съ лицами, жившими въ польскихъ владѣніяхъ (подходившихъ въ то время къ Смоленской губерніи). Въ Малоросіи, въ

Кіевской губерніи, явился въ 1738 году самозванный царевичъ Алексѣй Петровичъ. Самозванецъ этотъ былъ простолюдинъ, «работный человѣкъ», Миницкій, «забывшій, какъ сказано въ указѣ, природную свою подлость». Въ связи съ нимъ было нѣсколько казаковъ и солдатъ, да еще сельскій священникъ. Однажды они въ неурочный часъ ударили въ колокола и, собравшись, повели въ церковь своего мнимаго царевича. Священникъ встрѣтилъ самозванца съ крестомъ и хоругвями, ввелъ въ царскія ворота и сталъ возглашать ему молебенъ, а народъ, сбѣгавшійся въ церковь, съ умиленіемъ цѣловалъ руку обманщика.

Всѣ эти замыслы безъ большаго труда были подавляемы и виновные подвергаемы заслуженному наказанію, но всѣ они доказывали броженіе умовъ и недовольство народа. Всѣ сословія обнаруживали неудовольствіе, всякое по своему: простой народъ побѣгами, возмущеніями, появленіемъ самозванцевъ, дворянство заговорами, — хотя этому послѣднему сословію было, впрочемъ, оказано немаловажное облегченіе, — а именно дано право выходить въ отставку послѣ 25 лѣтъ службы.

Что касается до духовенства, то едва ли когда нибудь оно такъ мало сочувствовало правительству, какъ въ описываемое время. Всѣ вліятельнѣйшія лица были иностранцы-иновѣрцы, а духовенство наше было представителемъ національнаго чувства, даже въ его чрезмѣрностяхъ. Кромѣ того оно имѣло и другія причины къ неудовольствію; на церковниковъ возложена была, напримѣръ, рекрутская повинность. Оскорбленное и раздраженное, духовенство принуждено было молчать во время

господства Бирона, Остермана и другихъ иновѣрцевъ; но когда они пали, оно дало волю своему къ нимъ нерасположенію. При вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны, оно привѣтствовало ее какъ освободительницу отъ иноплеменнаго ига. «Наказалъ тебя, о Россіе, Богъ за грѣхи твои самымъ большимъ наказаніемъ: коль много по кончинѣ Петра втораго ты претерпѣла бѣдъ, перемѣнъ», и проч., говорилъ одинъ проповѣдникъ въ 1742 г. «Враги наши домашніе, внутренніе, продолжалъ онъ, какую стретагему сочинили, чтобъ вѣру православную поколебать: готовыя книги духовныя въ тьмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казніе запретили»... Послѣднія слова не совсѣмъ справедливы, но они показываютъ, какъ смотрѣло на эпоху 1730—40 г. духовенство.

Теперь, чтобъ обойти всѣ слои русскаго общества въ описываемую эпоху, надобно намъ перенестись ко двору Императрицы. Придворная роскошь, примѣръ которой подалъ Людовикъ XIV, въ это время распространилась всюду и была одною изъ главныхъ заботъ Императрицы, а еще болѣе Бирона. Этотъ послѣдній, не въ состояніи будучи первенствовать ни въ совѣтѣ, ни на войнѣ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ затмѣвать всѣхъ своихъ современниковъ великолѣпіемъ и достигалъ этого; убранство его комнатъ едва ли не превосходило убранство императорскаго жилища, а его конюшни и манежъ, гдѣ онъ проводилъ большую часть времени, мало имѣли равныхъ во всей Европѣ. Разумѣется, угождая ему и всѣ придворные дѣлали непомѣрные расходы на свою одежду, на экипажи и убранство домовъ: «Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей стали не иныя употребляться, по-

шетъ одинъ современникъ, какъ англійскія, сдѣланныя изъ краснаго дерева легагеня; домы увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ, уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обоя; зеркалъ, которыхъ сперва было весьма мало, уже во всѣ комнаты, и большія, стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали; богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади; богатыя, тяжелыя, позлащенныя и посребренныя шоры, съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться.»

Все это было далеко отъ скромной одноколки Петра великаго, отъ его маленькаго домика на Петербургской сторонѣ и даже отъ Екатерингофскаго дворца первой русской Императрицы.

Издержки на дворъ Анны Іоанновны увеличились соразмѣрно этимъ новымъ требованіямъ противъ Петровскихъ временъ; на одно ея конюшенное вѣдомство шло вдвое болѣе, чѣмъ на весь придворный штатъ Петра, а именно сто тысячъ. Надѣлано множество новыхъ придворныхъ должностей, устроена охота въ большихъ размѣрахъ; сформированы два новые гвардейскіе полка (измайловскій и конногвардейскій); выписана италіанская труппа для оперъ и балетовъ; явились новыя постройки въ Петербургѣ: распространенъ Петергофскій дворецъ, въ которомъ Императрица проводила лѣтніе мѣсяцы, и сдѣланы нѣкоторыя другія постройки.

Если бы мы стали всматриваться въ лица, окружавшія Императрицу, то точно также, какъ и въ наружной обстановкѣ, замѣтили бы большія перемѣны. Мы мало нашли бы тамъ лицъ и именъ, встрѣчавшихся намъ при Петрѣ, а именно: одного только Остермана, да еще, пожалуй, Миниха, который начиналъ быть извѣстнымъ въ послѣдніе годы Петрова царствованія. Ягушинскій, поссорившись съ Бирономъ, проживалъ въ Берлинѣ въ качествѣ нашего посланника; Шафировъ, возвращенный изъ опалы Екатериною, занимался болѣе своими частными дѣлами и коммерческими оборотами, нежели дѣлами государственными. Почти не встрѣтимъ мы вокругъ престола и тѣхъ именъ, которыя нація привыкла видѣть у дѣлъ со времени еще зарожденія Московскаго царства,—людей иногда почтенныхъ, иногда не заслуживавшихъ уваженія, но съ именами которыхъ въ народномъ понятіи связывается воспоминаніе о всѣхъ свѣтлыхъ и темныхъ годинахъ Россіи. Голицыны были не въ милости; князь Димитрій Михайловичъ хотя и не подвергся преслѣдованіямъ за свои дѣйствія въ 1730 году, но пострадалъ семь лѣтъ спустя по слѣдующему случаю. Одна изъ его дочерей была замужемъ за братомъ поэта Кантемира. Пользуясь своимъ вліяніемъ при Петрѣ II, Голицынъ выхлопоталъ тогда для своего зятя, чтобъ все огромное имѣніе стараго Кантемира было утверждено за нимъ. При Аннѣ князь Антіохъ началъ по этому поводу тяжбу и выигралъ ее, а Голицынъ, за несправедливыя свои претензіи, былъ въ 1737 году посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался черезъ годъ.

О судьбѣ другой знаменитой фамиліи, Долгоруковыхъ,

ны уже кое что знаемъ: члены ея были заточены въ Соловецкомъ монастырѣ, Ивангородѣ, Березовѣ и Ораніенбургѣ (мѣсто перваго, кратковременнаго заключенія Меньшикова) и заточены, какъ было сказано, по однимъ темнымъ слухамъ о замыслѣ ихъ возвести на престолъ невѣсту Петра II (потому что это открылось позднѣе). Во время ихъ заключенія, за ними учрежденъ былъ самый строгій надзоръ и ежемѣсячно присылались донесенія о всемъ, что до нихъ касалось. Ничего, однакожъ, не открывалось, что могло бы представить поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ. Но вотъ стали ходить неопредѣленные слухи о какомъ-то обширномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію будто бы истребленіе нѣмцевъ и возведеніе на престолъ цесаревны Елисаветы, и душою котораго были Долгоруковы. Что такіе слухи дѣйствительно были, доказательство тому находимъ во многихъ иностранныхъ современныхъ сочиненіяхъ; но это были только слухи, не имѣющіе никакого основанія, потому что изъ страшно подробныхъ и придирчивыхъ слѣдствій, производившихся надъ Долгоруковыми, ничего подобнаго не обнаружено; да и какая, въ самомъ дѣлѣ, была возможность руководить политическимъ переворотомъ изъ за стѣнъ Соловецкой обители, изъ Березовскихъ пустынь!

Но слухи эти снова обратили вниманіе на несчастныхъ узниковъ. Въ это же время послѣдовалъ доносъ, что у князя Ивана есть будто бы картина, изображающая обрученіе его сестры съ покойнымъ Государемъ: дѣло весьма, кажется, невинное, чтобъ падшій фаворитъ желалъ сохранить что нибудь напоминающее ему прежнее его величіе.

Но это извѣстіе было поводомъ къ назначенію слѣдственной коммиссіи, которая немедленно прискакала въ Тобольскъ. Князь Иванъ и его братья (отца ихъ уже не было въ живыхъ) были схвачены и приведены въ Тобольскъ, а березовскій ихъ домъ перерытъ и пересмотрѣнъ отъ чердаковъ до подваловъ. Найдена была, наконецъ, знаменитая картина, и оказалось, что это было аллегорическое изображеніе коронаціи Петра II, который былъ представленъ сидящимъ на тронѣ, а передъ нимъ на колѣнахъ *Россія* въ видѣ женщины...

Это открытіе не остановило слѣдствія, потому что, какъ было уже разъ замѣчено, слѣдствія прежняго времени имѣли цѣлію не разъяснить обстоятельства *извѣстнаго* преступленія, а открыть, не было ли совершено *какое нибудь* преступленіе... Недавняго царскаго фаворита поднимали на дыбу, били кнутомъ—и, наконецъ, довели до такого помраченія, что онъ, однажды сидя въ острогѣ, потребовалъ *слова* и *дѣла* и разсказалъ весь разговоръ, происходившій въ Головинскомъ дворцѣ во время предсмертной болѣзни Петра II.

Получивши донесеніе объ этомъ, дѣйствительно весьма важномъ открытіи, начальникъ тайной канцеляріи, Ушаковъ, принялъ въ свои руки производство дальнѣйшаго слѣдствія. Иванъ Долгорукій, его братья и Василій Лукичъ были переведены въ Шлиссельбургъ и въ ближайшія къ Петербургу мѣста заключенія; двое братьевъ Алексѣя Григорьевича (дяди князя Ивана) незадолго передъ тѣмъ освобожденные, арестованы, и началось одно изъ важнѣйшихъ слѣдствій, когда либо производившихся въ Россіи.

Оно разъяснило подробности сдѣланнаго княземъ Ива-

номъ показанія, опредѣлило степень участія каждаго изъ лицъ, бывшихъ въ Головинскомъ дворцѣ во время совѣщаній о возведеніи на престолъ Екатерины Долгоруковой. По раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ этого умысла (неприведеннаго однакожъ въ исполненіе), послѣдовалъ приговоръ: князя Ивана колесовать и отсѣчь голову; двумъ его дядямъ и Василью Лукичу—отсѣчь головы; Василія Владиміровича и его брата заключить на вѣчное заточеніе въ Соловецкій монастырь. Казнь дряхлаго князя Василія и молодаго, но разбитаго страданіями, князя Ивана и его двухъ дядей совершилась въ Новгородѣ въ концѣ 1739 года. Каковы бы ни были ихъ прежнія заблужденія и даже преступленія, девятилѣтнее постоянное ихъ преслѣдованіе и страданія, которыя они въ это время перенесли, невольно съ ними примиряютъ: «смерть столь неожиданная, суровая и мучительная, искупила всѣ грѣхопаденія юности его (князя Ивана) и кровь, обагрившая новгородскую землю, должна примирить прахъ его со всѣми врагами племени нашего», писалъ полвѣка спустя одинъ изъ членовъ Долгоруковской фамиліи.

Сочувствіемъ, которое возбуждаютъ пострадавшіе Долгоруковы и особенно князь Иванъ много обязаны они женѣ послѣдняго, княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, несчастная судьба и прекрасная душа которой не разъ уже вдохновляла нашихъ поэтовъ. Она была дочь графа Шереметева; рано потерявъ мать и отца, она росла въ московскихъ хоромахъ фельдмаршала сиротою посреди многочисленной челяди, приживалокъ и бѣдныхъ родственницъ и влюбилась въ перваго молодого красиваго мужчину, котораго она увидѣла; это былъ Иванъ Долгоруковъ, пріѣхавшій въ

Москву на коронацію Государя, чествуемый, превозносимый всею роднею сироты. Она была сговорена съ нимъ, когда первыя бѣды стряслись надъ головою Долгоруковыхъ. Съ невыразимою прелестью, съ прелестью неподражаемой искренности, сама Наталья Борисовна разсказываетъ свое положеніе въ это время: «Такія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ: иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ — чины и кавалеріи отберутъ.... каково мнѣ тогда было, въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руки помощи не имѣть, а надобно и долгъ и честь сохранить и вѣрность не уничтожить». И этотъ долгъ и честь хотѣла сохранить Наталья Борисовна вопреки совѣту своей родни: «свойственники говорили, что я человѣкъ еще молодой и безразсудно себя сокрушаю; можно-де этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; найдутся другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины имѣть будутъ».—«Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что я ничего не могла имъ на то отвѣтствовать, пишетъ Наталья Борисовна. Войдите въ разсужденіе, какая мнѣ это радость и честная ли это совѣсть: когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему?...» Благородная дѣвушка осталась вѣрною своему слову, но за то отъ нея, въ свою очередь, вся родня отшатнулась: «куда дѣвались всѣ искатели и друзья! всѣ спрятались... Уже день свадьбы назначили,—некому проводить; никто изъ родныхъ не ѣдетъ; да некому и звать (со стороны жениха). Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственницъ, которыя меня провожали, а то

принуждена была бы съ рабою ѣхать... Привезли меня какъ бѣдненькую сироту...»

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы все семейство Алексѣя Григорьевича получило приказаніе отправиться въ дальнія деревни. Молодая женщина, воспитанная въ совершенномъ невѣдѣніи дѣлъ житейскихъ, по старинному, вполнѣ увѣрена была, что ея мужъ есть лучшій изъ людей и что ему стоитъ только слово сказать, чтобъ его невинность возсіяла пуще солнца; вокругъ нея смятеніе и стоны, а она, не понимая дѣла, говоритъ: «поѣзжайте сами къ Государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ глядя на меня, пишетъ она много лѣтъ спустя, удивляется моему младоумію и смѣлости!» Послѣ нѣсколькихъ дней пути нагналъ ссыльныхъ офицеръ и объявилъ имъ указъ: «велѣно, де съ васъ кавалерію снять... Въ столицѣ, знать, стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали! Боже мой, какое тутъ ихъ правосудіе!..» Невѣдѣніе дочери графа Шереметева было такъ велико, что, описывая свою дорогу до имѣнія, которое первоначально было назначено мѣстомъ ссылки, потомъ до Березова, она не называетъ ни одного города, ни одной рѣки: все это не интересовало ее, не останавливало ея вниманія; но за то она не спускала глазъ съ своего возлюбленнаго: «Во всѣхъ злоключеніяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла».

Княгиня Долгорукова лично не играла никакой роли въ судьбѣ Россіи и по этому едва ли имѣетъ право на мѣсто въ ея исторіи; но ея судьба связана съ одною изъ самыхъ яркихъ историческихъ драмъ этой эпохи, а

безъискуственный ея разсказъ такъ живо рисуетъ нѣкоторыя черты этой драмы и вообще современнаго быта, что невозможно лучше изобразить ихъ, какъ ея словами. При томъ, признаемся съ горестію: это единственная, въ то мрачное время, свѣтлая личность, на которой душа останавливается съ сочувствіемъ и любовію: это прекраснѣйшій, чистѣйшій образъ русской женщины въ первой половинѣ XVIII вѣка и вотъ почему ей можно удѣлить мѣсто въ нашемъ разсказѣ. По смерти мужа и родственниковъ она еще оставалась въ Березовѣ съ нѣсколькими малолѣтними дѣтьми и лишь по воцареніи Елизаветы Петровны получила позволеніе оставить свое заточеніе. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію она удалилась въ Кіевъ, постриглась и тамъ, въ своей иноческой обители, записала для дѣтей своихъ все, что помнила изъ обстоятельствъ своего минутнаго счастія и долгихъ своихъ страданій.

Едва окончилась страшная драма Долгоруковыхъ, какъ началась новая, не менѣе страшная, героями которой были Волынскій и нѣсколько его друзей.

Мы уже нѣсколько знаемъ Волынскаго. Онъ былъ изъ числа тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ способности замѣчены были Петромъ великимъ и которымъ онъ открывалъ путь къ отличіямъ и къ дѣятельности. Посольствомъ его въ Персію Государь былъ доволенъ и, задумавъ завоеваніе Каспійскихъ береговъ, поручилъ ему, вмѣстѣ съ управленіемъ Астраханскою губерніей, сдѣлать нужныя приготовленія для Персидскаго похода. Волынскій былъ человѣкъ способный, дѣятельный и довольно образованный, но въ высшей степени самолюбивый, самонадѣянный и неразборчивый въ средствахъ къ возвышенію и обога-

щенію. Еще во время бытности въ Персіи онъ запятналъ себя лихоимствомъ, во время же губернаторства своего въ Астрахани, а потомъ въ Казани онъ позволялъ себѣ самыя наглыя грабительства и самыя свирѣпыя насилія. И грабительство и насиліе были въ это время дѣломъ обыкновенымъ, но Волынскій превзошелъ мѣру и едва не попалъ подъ судъ. Ему удалось однакожъ увернуться отъ заслуженнаго наказанія и даже войти въ милость къ Левенвольду и Бирону; онъ сдѣланъ былъ егермейстеромъ и въ этомъ званіи угождалъ и служилъ съ невѣроятнымъ усердіемъ извѣстной страсти Бирона къ лошадямъ и не щадилъ никакихъ издержекъ и трудовъ, чтобъ охоты царскія были веселы, удачны и богаты добычею.

Но занятія такого рода не удовлетворяли честолюбію Волынскаго, да и не соотвѣтствовали его способностямъ. Бывъ долгое время губернаторомъ, онъ отлично изучилъ администрацію, зналъ законы, читалъ и сличалъ ихъ съ иностранными и нерѣдко представлялъ кабинету мнѣнія по разнымъ отраслямъ управленія, которыя давали высокое понятіе объ его умѣ и практическомъ знаніи, такъ что въ 1738 году онъ былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ.

Здѣсь передъ нимъ открывалось поприще широкое: всѣ важнѣйшія дѣла внутренняго управленія и внѣшней политики сосредоточивались въ кабинетѣ. Но Волынскій скоро разладилъ съ другими кабинетъ-министрами; онъ понималъ только отношенія или начальственныя, или подначальныя: умѣлъ или угождать тѣмъ, отъ кого зависѣлъ, или приказывать тѣмъ, кто зависѣлъ отъ него. «Я ужъ не знаю, какъ и быть, говаривалъ онъ своимъ пріятелямъ: двое у меня товарищей, да одинъ изъ нихъ всегда молчитъ

(Черкасскій), а другой (Остерманъ) только обманываетъ.»

Самонадѣянный и заносчивый Волынскій перессорился и не съ одними своими товарищами: «Я вѣдаю, писалъ къ нему одинъ расположенный къ нему человѣкъ, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о вашемъ имени помянуть не хочетъ.» Ягушинскій твердилъ, что ему не миновать висѣлицы, да и недавній его покровитель, Биронъ, однажды выразился такъ, что это слѣдовало бы припять за дурное предзнаменованіе: «Я знаю, сказалъ онъ про него, какіе онъ имѣетъ пороки и слабости; *но гдѣ же между русскими найти лучшаго!*»

Въ этихъ же словахъ нѣмецкаго временщика и заключалось объясненіе той дѣйствительной силы, которую имѣлъ Волынскій,—онъ былъ *русскій министръ;* онъ себя считалъ и многіе его считали главою русской партіи, которую какъ ни старались Биронъ и его друзья, не могли истребить съ корнемъ. Волынскій былъ дѣйствительно русскій человѣкъ и по своимъ хорошимъ и по дурнымъ качествамъ; нѣмцевъ онъ не любилъ и идеалы для своихъ государственныхъ понятій бралъ не изъ Германіи или Франціи, а изъ Польши или старины отечественной. Эти понятія слишкомъ замѣчательны, чтобъ съ ними не познакомиться и мы для этого воспользуемся поданными имъ проэктами и мыслями, вырывавшимися у него въ искреннихъ бесѣдахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что онъ непріязненно смотрѣлъ на чрезмѣрное скопленіе въ рукахъ высшаго правительства всякаго рода дѣлъ, заботъ и обязанностей, что нынѣ называютъ централизаціей. «Мы, министры, пи-

салъ онъ въ одномъ изъ своихъ проэктовъ, хотимъ всю вѣрность на себя принять и будто мы одни дѣло дѣлаемъ и служимъ вѣрно. Напрасно намъ такъ много о себѣ думать: есть много вѣрныхъ рабовъ; а мы только что пишемъ *и въ конфиденціи приводимъ* (?), а тѣмъ ревность другимъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ не подлежащихъ намъ; а что дѣлать—сами не знаемъ». Такъ писалъ онъ въ проэктѣ, поданномъ имъ Императрицѣ.

Далѣе онъ предлагалъ уничтожить званіе генералъ-прокурора, «ибо онъ можетъ препятствовать сенаторамъ въ свободномъ дѣйствіи». И точно, замѣтимъ мы, къ чему это лицо, не принадлежавшее къ составу сената? Петръ I, назначая Ягушинскаго генералъ-прокуроромъ, сказалъ: «ты будешь моими очами и ушами». Такое порученіе могло оправдываться недостаткомъ въ то время людей, довольно знакомыхъ съ дѣлами и довольно проникнутыхъ цѣлями преобразователя; но какой же поводъ думать, что вообще человѣкъ, носящій званіе генералъ-прокурора, будетъ лучше, чѣмъ человѣкъ, носящій званіе сенатора? А если справедлива мысль Петра, «что коллегія болѣе свободный духъ ко взысканію истины въ себѣ имѣетъ и менѣе гнѣва сильныхъ боится», то не слѣдуетъ и стѣснять ее. Волынскій предлагалъ, кромѣ того, чтобъ сенаторы ежегодно объѣзжали различныя части Россіи «для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ»; чтобъ учрежденные Петромъ, а послѣ него уничтоженные магистраты возстановить, то есть возстановить нѣкоторое самоуправленіе городовъ; чтобъ распространять просвѣщеніе, особенно между духовенствомъ и шляхетствомъ, посылая, между прочимъ, моло-

дыхъ дворянъ, по прежнему, за границу; чтобъ вообще дать болѣе значеніе шляхетству.

Таковы были политическія мнѣнія Волынскаго; ихъ любопытно сличить съ мыслями Татищева, выраженными въ челобитной верховному совѣту; онѣ имѣютъ сходство между собою, но у перваго мы замѣчаемъ то, чего не было у втораго, а именно желаніе доставить нѣкоторую власть и гражданское значеніе городамъ и сословіямъ,—мысль очень правильную, которая только въ недавнее время сознана и принята. При томъ Волынскій имѣлъ самое высокое понятіе о личной неприкосновенности гражданина. Конечно, *гражданиномъ* онъ признавалъ только дворянина и при томъ болѣе или менѣе знатнаго: «вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, говаривалъ онъ; ни на что не смотрятъ. Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать!»

При такомъ самостоятельномъ образѣ мыслей не мудрено, что Волынскій, хлѣбосольный при томъ, сообщительный и привѣтливый (когда былъ въ духѣ), сдѣлался центромъ кружка людей образованныхъ, умныхъ, недовольныхъ преобладавшимъ тогда порядкомъ дѣлъ. Чтобъ они замышляли что нибудь противъ правительства,—этого не открыто самымъ придирчивымъ изслѣдованіемъ, но они рѣзко отзывались о людяхъ, бывшихъ въ силѣ, а Волынскій и публично, насмѣшливо и даже съ бранью о нихъ отзывался, безъ церемоніи говорилъ, что онъ могъ бы управлять государствомъ и вытѣснялъ изъ своего егермейстерскаго управленія нѣмцевъ. Всего этого было достаточно, чтобъ, какъ говорилъ Ягушинскій, попасть на висѣлицу.

Одинъ изъ такихъ выгнанныхъ нѣмцевъ, безъ сомнѣнія подученный и поддержанный сильными покровителями, подалъ лѣтомъ 1739 года самой Императрицѣ жалобу на Волынскаго, отъ котораго было потребовано объясненіе. Самолюбивый Волынскій вскипѣлъ бѣшенствомъ и далъ объясненіе, которое его погубило. Угадывая, что за его бывшимъ подчиненнымъ скрывались другіе двигатели, онъ главнѣйше на нихъ и обратилъ свою желчь. Жалуясь, что его злоумышленно обносятъ передъ Императрицею, онъ писалъ: «приводить государей въ сомнѣніе, чтобъ никому вѣрить не изволили, а всѣ бы подозрѣніемъ огорчены были; дѣла, которыя за самую бездѣлицу почитать можно, однакожъ оныя какъ наибольше разширять и всякія изъ того приключенія толковать, а ничего прямо не изъяснять и персону свою печальными или ужасными минами показывать, дабы Государю тѣмъ больше безпокойства и сомнѣнія придать, а потомъ самого себя только къ поправленію или успокоенію того дѣла рекомендовать, и что уже будто бы въ томъ иному никому повѣрить невозможно, или по крайней мѣрѣ такія мудрости и затрудненія въ томъ дѣлѣ показать, что иной никто того сдѣлать и исправить не можетъ, или просто сказать, обманщикомъ въ томъ состоять, чтобъ тѣмъ у Государя своего въ кредитъ себя наибольше привести»,—такими поступками, конечно, писалъ Волынскій, можно сдѣлать, что Государь станетъ думать: «да комужъ мнѣ повѣрить стало, когда ни въ комъ другомъ вѣрности и радѣнія нѣтъ». Но такъ поступаютъ «безсовѣстные льстецы, нерадѣтели добра и безполезные отечеству своему тунеядцы».

Объясненіе это Волынскій прочелъ пріятелю своему,

хотя и много страдавшему отъ его насмѣшекъ, Черкасскому. Тотъ съ обыкновенною своею флегмою сказалъ: «остро очень написано». Но другіе смотрѣли на это менѣе хладнокровно: друзья его совѣтовали ему сжечь это объясненіе и всѣ единогласно говорили, что въ немъ представленъ злой портретъ Остермана. Волынскій однакожъ подалъ свою записку Государынѣ и когда та спросила его, кого онъ въ ней изображалъ, отвѣтилъ безъ околичностей: Остермана.

Это крайне не понравилось Императрицѣ, которая нашла, что Волынскій осмѣливается подавать ей совѣты; не понравилось Бирону, который чувствовалъ, что и онъ подразумѣвается за Остерманомъ; не понравилось очень многимъ другимъ, которые привыкли держаться и дорожить не добрымъ о нихъ мнѣніемъ націи, а расположеніемъ сильныхъ фаворитовъ, словомъ весь дворъ отвернулся отъ Волынскаго, такъ что какъ этотъ послѣдній, ни былъ самонадѣянъ, какъ ни считалъ себя необходимымъ, но и онъ смутился, тѣмъ болѣе, что, какъ его предупреждали, за нимъ и за его обыкновенными посѣтителями присматривали и подслушивали.

Однакожъ дѣло это прошло безъ особенныхъ послѣдствій; въ теченіе же наступившей зимы ему дано было порученіе, которое, казалось, вполнѣ возстановляло его придворный кредитъ. Порученіе это состояло въ обязанности устроить, надѣлавшую въ свое время много шума, такъ называемую «дурацкую свадьбу».

Хотя, какъ выше сказано, дворъ Анны Іоанновны, отличался великолѣпіемъ и этикетомъ, тѣмъ не менѣе въ немъ обнаруживались грубыя замашки, достойныя временъ

Петра I, цинизмъ и возмутительное презрѣніе къ личности человѣка. Одинъ изъ князей Голицыныхъ, напримѣръ, за принятіе имъ католической религіи, сдѣланъ былъ придворнымъ шутомъ... И вотъ этотъ-то Голицынъ, по прозванію *Квасникъ*, и былъ героемъ «дурацкой свадьбы». Этого пятидесятилѣтняго шута женили на придворной калмычкѣ, по фамиліи Бужениновой, и свадьба ихъ должна была праздноваться въ «Ледяномъ домѣ» и сопровождаться весьма оригинальнымъ маскарадомъ.

Для маскарада этого выписаны были изъ всѣхъ концовъ Россіи по мужскому и женскому экземпляру всѣхъ племенъ и народовъ; что же касается до Ледяного дома, то онъ былъ построенъ между дворцомъ и адмиралтействомъ изъ большихъ, правильно отесанныхъ кусковъ льда, съ ледяною же крышею, поломъ, окнами и дверьми. Вся мебель внутри дома, колонны у подъѣзда, дельфины и пушки, поставленныя у воротъ, самыя ворота и баня, и наконецъ огромный слонъ, поставленный возлѣ дома, все было сдѣлано изъ льда.

Всею этою оригинальною затѣею управлялъ расторопный, смѣтливый Волынскій. Ему хотѣлось, чтобъ на предстоящемъ праздникѣ были произнесены, по тогдашнему обычаю, приличные стихи, и вотъ онъ вспомнилъ, что существуетъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкій піита, Тредьяковскій... Есть извѣстіе, что Петръ, будучи въ Архангельскѣ, посѣтилъ школу, въ которой учился будущій піита и потребовалъ, чтобъ ему показали лучшаго ученика: ему показали Тредьяковскаго. Государь быстро взглянулъ ему въ глаза и сказалъ: «Вѣчный труженикъ, а мастеромъ никогда не будетъ». Такъ и случилось. Этотъ трудолюби-

вѣйшій человѣкъ всю жизнь свою учился, всю жизнь свою писалъ и не составилъ себѣ репутаціи ученаго; литературными же своими трудами доказалъ только, по замѣчанію Карамзина, «что не имѣлъ способности писать». По всѣмъ этимъ причинамъ онъ былъ бы забытъ, какъ милліоны обыкновенныхъ людей, не оставляющихъ въ мірѣ слѣда; но съ нимъ случилось хуже: онъ оставилъ память бездарнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, завистливаго писаки, низкопоклонника, льстеца, неудачнаго пройдохи и въ тоже время ядовитаго клеветника и доносчика, унизившаго въ свое время званіе писателя въ Россіи.

Въ шутовской свадьбѣ ему пришлось, впрочемъ, играть болѣе жалкую, чѣмъ презрѣнную роль. Волынскій потребовалъ его къ себѣ, какъ человѣка всегда расположеннаго прославлять, что будетъ приказано. Тредьяковскій явился; но горячій кабинетъ-министръ случился не въ духѣ и отхлопалъ несчастнаго піиту по щекамъ; тотъ на другой день отправился жаловаться герцогу курляндскому, но на бѣду здѣсь его встрѣтилъ Волынскій и, не допустивъ до Бирона, выпроводилъ его толчками и оплеухами (а Биронъ жилъ во дворцѣ) и отправилъ подъ караулъ, гдѣ съ нимъ расправились крайне немилостивымъ образомъ. Помня однакожъ свою должность, онъ, лежа въ караульнѣ, избитый, «твердилъ наизустъ стихи, хотя уже и не до стиховъ мнѣ было», писалъ онъ въ поданной имъ по этому случаю челобитной.

Какъ бы то ни было, и стихи и ледяная постройка были готовы и маскарадъ совершенно устроенъ: въ назначенный день самый оригинальный, какой можно вообразить, поѣздъ потянулся по петербургскимъ улицамъ. Впе-

реди всѣхъ ѣхали на слонѣ, въ особо устроенной клѣткѣ, молодые; за ними попарно маскарадъ, то есть экземпляры всѣхъ обитающихъ въ Россіи племенъ: великороссы, украинцы, татары, армяне, остяки, самоѣды, якуты, камчадалы и т. п., всѣ въ своихъ національныхъ костюмахъ, кто на лошадяхъ, кто на быкахъ, кто на оленяхъ, кто на собакахъ, козлахъ и даже свиньяхъ. Объѣхавши городъ, при безчисленномъ стеченіи народа, маскарадъ остановился у двора герцога курляндскаго, гдѣ, въ манежѣ, былъ приготовленъ обѣдъ. Тутъ же была Императрица и весь дворъ; тутъ же избитый, но вѣрный своему вдохновенію, Тредьяковскій произнесъ слѣдующія вирши:

Здравствуйте, женившись, дуракъ и дура,
Еще... тота и фигура!
Теперь-то прямое время вамъ повеселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ должно бѣситься.
Квасникъ-дуракъ и Буженинова
Сошлись любовно...

Вирши Тредьяковскаго довольно длинны и также плохи въ концѣ, какъ и въ началѣ... Но обѣдъ кончился и весь поѣздъ отправился къ дому новобрачныхъ, къ Ледяному дому. Онъ представлялъ въ высшей степени оригинальное и красивое зрѣлище. Ледяныя пушки, поставленныя у воротъ, палили, дельфины извергали горящую нефть, слонъ пускалъ хоботомъ фонтанъ; домъ горѣлъ изнутри множествомъ льдяныхъ, намазанныхъ нефтью, свѣчей.

Новобрачные были оставлены въ этомъ странномъ жилищѣ на сутки.

Императрица была очень довольна этимъ праздникомъ, а слѣдовательно и его главнымъ распорядителемъ, кото-

рый нѣсколько дней спустя, по случаю празднованія мира съ Турціей, получилъ 20,000 руб. Но въ это же время случилось обстоятельство, окончательно его погубившее. Въ кабинетѣ обсуждалось требованіе польскаго правительства о вознагражденіи за убытки, причиненные подольскимъ помѣщикамъ движеніемъ Миниховой арміей при слѣдованіи ея къ Днѣстру и обратно. Волынскій находилъ эти требованія неумѣренными и сказалъ, что онъ на нихъ не имѣетъ причины согласиться, «не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ этой республики». Слова эти Биронъ принялъ на свой счетъ (*), и въ тотъ же день подалъ Императрицѣ записку, въ которой упоминалъ о дракѣ, затѣянной Волынскимъ во дворцѣ, о дерзости, съ какою онъ осмѣливался давать Государынѣ совѣты и унижать преданныхъ ей людей; въ заключеніе же просилъ, чтобъ было потребовано объясненіе, кто это люди, о которыхъ Волынскій такъ рѣзко отзывался въ своей запискѣ, и чтобъ «собственныя его дѣла и порученные ему департаменты разсмотрѣны были и экзаменованы», такъ какъ на нихъ тратятся большія суммы, а пользы большой не видать.

Подавая Государынѣ эту записку Биронъ сказалъ: «либо ему быть, либо мнѣ». Колебанія, разумѣется, въ выборѣ не могло быть, тѣмъ болѣе, что противъ Волынскаго сильно, хотя тайно дѣйствовалъ Остерманъ; надъ Волынскимъ назначено слѣдствіе.

Чтò открыло это слѣдствіе? Оно открыло, что Волынскій дозволялъ себѣ незаконные источники доходовъ,—но объ этой мелочи въ приговорѣ вовсе и не упомянуто. За

(*) Въ качествѣ курляндскаго герцога онъ былъ вассаломъ Польши.

тѣмъ не открыто ничего, стоящаго вниманія по нашимъ понятіямъ, а по тогдашнимъ довольно, чтобъ осудить Волынскаго на смерть. Слѣдствіе открыло, что онъ былъ самонадѣянъ; что считалъ себя умнѣе и способнѣе всѣхъ министровъ и совѣтниковъ Государыни, которыхъ вообще презиралъ; что онъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ происхожденіи, считая одного изъ своихъ предковъ въ родствѣ съ Димитріемъ Донскимъ; что онъ читалъ иностранныя книги, нѣкоторыя мѣста которыхъ можно, произвольно толкуя, примѣнить къ тогдашнему русскому правительству. Открыто было также, что Мусинъ-Пушкинъ, Хрущевъ, Соймоновъ и Эйхлеръ, лица безъ большаго, впрочемъ, значенія въ служебномъ мірѣ, архитекторъ Еропкинъ, очень образованный человѣкъ и секретарь Суда часто бывали у Волынскаго, разсуждали съ нимъ о дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ; читали сочиненія, касавшіяся этихъ предметовъ и въ бесѣдахъ своихъ неосторожно говорили о современныхъ дѣлахъ, вотъ и все... Волынскій, самонадѣянный по природѣ, сначала принялъ это слѣдствіе почти за шутку, подтрунивалъ надъ своими слѣдователями и тѣмъ раздражалъ ихъ; потомъ, увидѣвъ, что дѣло, изподтишка направляемое Остерманомъ, принимаетъ очень серьозный оборотъ, вдругъ упалъ духомъ, плакалъ, молилъ, унижался: ничто не помогало. Пытанный, съ вывихнутою рукою, недавній кабинетъ-министръ былъ выведенъ на эшафотъ: сначала ему была отсѣчена правая рука, потомъ голова. Потомъ обезглавлены Хрущовъ и Еропкинъ; Соймоновъ и Эйхлеръ биты кнутомъ, Суда — плетьми, а Мусину-Пушкину урѣзанъ языкъ и всѣ отправлены въ ссылку.

Эта казнь совершилась 27 іюня 1740 г., печальное

празднованіе Полтавской годовщины!.. Мы не станемъ разбирать процесса Волынскаго ни съ юридической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія нравственности, но приведемъ безсмертныя слова Екатерины II, которыя она написала, разсмотрѣвъ это дѣло. «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру, Артемію Волынскому, приказывала сочинить проэктъ о поправленіи внутреннихъ дѣлъ, который онъ сочинилъ и ей подалъ; осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ, его злодѣи, кому его проэктъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосъ, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыселъ, будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть Государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ того дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныхъ рѣчей, ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные (свидѣтели и соучастники Волынскаго) утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили всѣ, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ, лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодной кровью. Всякой пытанной—въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что̀ говоритъ. И такъ, отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброй совѣсти полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усерд-

ный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества. И такъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ. И хотя бы онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особѣ Императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то бы она, бывъ Государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершокъ величества и не́ убавили ни въ чемъ ея персональныя качества. Всякій Государь имѣетъ неизчисленные кроткіе способы къ удержанію въ почтеньи своихъ подданныхъ. Естьлибъ Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ; я бы старалась всякими для него неогорчительными способами его привести на путь истинной, а естьлибъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала, или дала разумѣть, не огорчая его: будь счастливъ и доволенъ, а мнѣ ты ненадобенъ. Всегда Государь виноватъ, есть ли подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться на сей аршинъ. А естьли изъ васъ кто, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіи (емъ), такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ Россійскомъ, щастья желать, нежели пророчествовать можно.»

ЦАРСТВОВАНІЕ ІОАННА III (*).

Принцъ Антонъ-Ульрихъ. — Бракосочетаніе его. — Болѣзнь Императрицы. — Назначеніе наслѣдника. — Вопросъ о регентствѣ. — Назначеніе Бирона регентомъ. — Смерть Императрицы. — Заговоръ графа Головкина. — Отношенія къ Бирону родителей Государя. — Минихъ принимаетъ сторону послѣднихъ. — Арестованіе Бирона. — Анна Леопольдовна принимаетъ правленіе. — Положеніе, которое Минихъ хотѣлъ принять при новомъ правительствѣ. — Судъ надъ Бирономъ. — Вражда Миниха съ Остерманомъ и удаленіе отъ дѣлъ перваго изъ нихъ. — Положеніе Россіи въ дѣлахъ европейской политики. — Характеристическая черта правленія Анны Леопольдовны.

Выше было сказано о прибытіи (1733) въ Россію принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, предназначеннаго въ супруги племянницѣ Императрицыной, Аннѣ Леопольдовнѣ. Принцъ этотъ былъ юноша некрасивый собою, не блестящій, скромный, даже робкій. Онъ не понравился ни Императрицѣ, ни принцессѣ; но такъ какъ мы въ это время старались дѣлать всевозможныя угожденія цесарскому двору, съ которымъ принцъ Антонъ былъ въ родствѣ, то ему дали приличное содержаніе и оставили въ Россіи до совершеннолѣтія его невѣсты.

Дѣла бѣднаго принца были однакожъ не въ блестящемъ положеніи. Императрица и ея племянница не обращали на него большаго вниманія, содержаніе, которое

(*) Іоаннъ Антоновичъ названъ *Третьимъ*, въ ряду Царей русскихъ (изъ коихъ первымъ былъ Іоаннъ грозный).

онъ получалъ, было достаточно, чтобъ доставить ему при дворѣ положеніе, приличное для частнаго, холостаго человѣка, но не для будущаго члена царскаго семейства. Вокругъ его толпились люди, которые совершенно затмѣвали его и личными своими свойствами, и своимъ положеніемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ саксонскій посланникъ, графъ Линаръ, молодой, блестящій, прекрасный собою дипломатъ, воспитанный въ преданіяхъ германскаго Версаля,—Дрездена,—и сердце принцессы, вопреки дипломатическимъ соображеніямъ, очевидно склонялось на сторону красиваго Саксонца.

Съ своей стороны, Биронъ, считая себя не въ шутку курляндскимъ герцогомъ, соображалъ, что его сынъ, наслѣдный герцогъ, ничѣмъ не хуже партія для Анны Леопольдовны, чѣмъ принцъ Браунштейгскій, и замѣчая, что она очень равнодушна къ своему жениху, старался обратить ея вниманіе на своего сына.

Судьба однакожъ еще улыбалась принцу Антону, или, справедливѣе, она играла съ нимъ. Свадьба его состоялась лѣтомъ 1739 года, и черезъ годъ съ небольшимъ у него родился сынъ, который былъ названъ Іоанномъ. Болѣе счастливаго ничего, казалось, не могъ бы придумать для себя самъ принцъ. Корона русская не могла, по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ, миновать его супруги или его сына, — а быть отцемъ Императора, положеніе завидное для человѣка, шесть лѣтъ содержавшагося пенсіей посторонняго двора.

Съ начала 1740 года здоровье Императрицы начало сильно разстроиваться. Не взирая на ея мужественный, даже слишкомъ мужественный видъ, на ея высокій станъ,

широкія плечи и зычный голосъ, она издавна имѣла страданія, которыя, усиливаясь съ лѣтами, сдѣлались наконецъ опасными. Цѣлое лѣто 1740 года она провела въ Петергофѣ, безпрестанно принимая лекарства; по возвращеніи же въ Петербургъ, осенью, къ ея болѣзнямъ присоединилась безсонница и силы ея стали видимо упадать. Однажды съ ней случился столь сильный припадокъ рвоты, что Биронъ, постоянно находившійся при ней, немедленно послалъ за кабинетъ-министрами, за Минихомъ и Левенвольдомъ. Припадокъ этотъ миновался благополучно, но Императрица и сама видѣла, что ей жить не долго.

Престолонаслѣдіе, — эта причина столькихъ смутъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія,—не было опредѣлено и теперь. Императрица приблизила съ себѣ свою племянницу и всѣ знали, что она намѣрена утвердить престолъ въ линіи царя Іоанна, отца своего; но изберетъ ли она принцессу Анну, или младенца Іоанна Антоновича, было еще не рѣшено, и никто не осмѣливался напоминать ей о необходимости рѣшить этотъ важный вопросъ. Когда же съ нею приключился припадокъ, о которомъ выше сказано, то Остерманъ, спрошенный, что дѣлать и какъ быть, отвѣчалъ: немедленно назначить наслѣдника, и указалъ на принца Іоанна.

Этотъ выборъ согласовался съ намѣреніями самой Императрицы, которая, по рожденіи маленькаго принца, взяла его въ свои собственные покои и оказывала ему самую нѣжную заботливость, племянницу же свою не считала способною управлять государствомъ, какъ женщину, крайне безпечную, лѣнивую и никогда не имѣвшую ни случая, ни желанія ознакомиться съ дѣлами правленія. По этому о назначеніи наслѣдникомъ Іоанна Антоновича, названнаго великимъ

князем, и былъ изданъ манифестъ. Но младенецъ Императоръ не могъ править самъ: кому же, до его совершеннолѣтія, править государствомъ? Рѣшеніе этого вопроса сильно тревожило Императрицу.

Это тревожило и озабочивало и не ее одну. Принцесса Анна была увѣрена, что она будетъ назначена правительницею; это казалось ей неотъемлемымъ ея правомъ, какъ матери Императора и какъ его естественной опекунши. Но и Биронъ, съ своей стороны, полагалъ, что всего приличнѣе быть регентомъ ему; принцесса, по своей природной безпечности, не принимала никакихъ мѣръ, чтобъ достигнуть осуществленія своихъ желаній, но Биронъ, напротивъ того, приводилъ въ дѣйствіе всевозможныя пружины и первымъ его наперсникомъ и радѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ былъ новый кабинетъ-министръ, назначенный послѣ казни Волынскаго, Бестужевъ-Рюминъ.

Когда, какъ выше сказано, во время случившагося съ Императрицею припадка, Биронъ пригласилъ къ себѣ преданныхъ ему сановниковъ, Бестужевъ предупреждалъ прибывающихъ о томъ, что̀ будетъ съ ними говорить герцогъ и какого отвѣта онъ отъ нихъ желаетъ. Ни кто не рѣшался возражать, не зная, встрѣтитъ ли поддержку, и всѣ, одинъ за другимъ, безмолвно соглашались. Видя это, Бестужевъ подошелъ къ герцогу и громко сказалъ: «Кромѣ вашей свѣтлости некому быть регентомъ». Тогда начала разыгрываться самая презрѣнная комедія: Биронъ отказывался отъ званія, котораго желалъ больше всего на свѣтѣ; Минихъ, Черкасскій и другіе присутствующіе убѣждали его уступить ихъ просьбамъ во вниманіе къ общему желанію и къ благу страны, сдѣлавшейся его

вторымъ отечествомъ. Не рѣшаясь еще сбросить маску, герцогъ вышелъ, чтобъ навѣстить больную Императрицу, а Бестужевъ, Черкасскій и Минихъ занялись вербованіемъ въ свою партію другихъ постепенно прибывавшихъ лицъ: Ушакова, князя Куракина, Трубецкаго и пр. Биронъ опять показался къ нимъ, чтобъ выслушать ихъ убѣжденія, и опять скрылся.

Но дѣло подвигалось недостаточно скоро для Бирона, и не для него одного. Гофмаршалъ брауншвейскаго двора, Менгденъ, это выразилъ очень наивно:

— «Если герцогъ регентомъ не будетъ, говорилъ онъ, подбѣгая то къ тому, то къ другому изъ своихъ пріятелей,—то мы, Нѣмцы, всѣ пропадемъ!»

Тогда Бестужевъ и Минихъ придумали составить адресъ или «опредѣленіе», которымъ выражалось общее всей Россіи желаніе о назначеніи регентомъ Бирона и которое они положили поднести Императрицѣ. Въ короткое время набралось до сотни подписей.

Составленный такимъ образомъ актъ былъ прочтенъ Бирону, который безпрестанно выбѣгалъ изъ Императрициной опочивальни. Видя, что во дворцѣ набралось уже довольно значительное число лицъ, онъ доложилъ о нихъ Государынѣ. Она приказала впустить къ себѣ нѣсколькихъ; въ числѣ ихъ введены были Бестужевъ и Минихъ: можно вообразить чтò, о чемъ и въ чью пользу они говорили. Дѣйствительно, фельдмаршалъ настойчиво повторялъ: «Всемилостивѣйшая Государыня! мы согласились, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ и просимъ о томъ всеподданнѣйше.»

Императрица молча слушала эти убѣжденія, приняла

адресъ, или опредѣленіе, и положила его подъ подушку, сказавъ: «хорошо, я посмотрю».

Дни проходили, Императрица не выражала никакого рѣшенія относительно вопроса о регентствѣ, а болѣзнь ея признана была смертельною и силы видимо угасали. Тогда было рѣшено усилить дозу всеобщаго будто бы расположенія къ Бирону, и составить новый адресъ («позитивную декларацію») за подписью уже не нѣсколькихъ сановниковъ, а всего генералитета, сената и синода, что̀ въ понятіяхъ того времени едвали не было равнозначуще волѣ всей націи. И этотъ адресъ былъ представленъ больной Императрицѣ. Встревоженный ея апатіею, фаворитъ рѣшился на послѣднее средство и, сдѣлавшись самъ собственнымъ своимъ адвокатомъ, началъ за себя ходатайствовать. Выслушавъ его, Государыня грустно покачала головою и сказала:

—«Жаль мнѣ тебя, герцогъ; ты самъ стремишься къ своей гибели».

Слова пророческія и оправдавшіяся весьма скоро!..

Между тѣмъ, уступая всѣмъ этимъ настояніямъ, Анна Іоанновна приказала позвать къ себѣ Остермана,—рѣшителя всѣхъ затруднительныхъ вопросовъ. Дряхлаго канцлера, страдавшаго подагрой, уже нѣсколько лѣтъ не выходившаго изъ комнаты, вкатили въ креслахъ; онъ не могъ ходить, но голова его была свѣжа, какъ и всегда. Не присутствуя ни на одномъ совѣщаніи, не выходя изъ дома, онъ зналъ все, что̀ говорилось и даже замышлялось, и отвѣтъ у него былъ готовъ на всякій вопросъ, на всякую случайность.

Императрица спросила у него, что̀ онъ думаетъ о

регентствѣ: онъ назвалъ Бирона. Тогда она приказала вынуть изъ подъ подушки составленное десять дней тому назадъ опредѣленіе и подписала его, едва имѣя достаточно силы, чтобъ держать перо въ рукѣ.

Торжествующій Биронъ вышелъ къ сановникамъ, толпившимся въ смежныхъ залахъ, и сказалъ имъ: «Господа, вы поступили какъ истинные Римляне!»

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ подписанія духовнаго завѣщанія, Государыня скончалась (17 октября 1740 года).

Тогда Биронъ велѣлъ торжественно вскрыть ея духовное завѣщаніе и прочесть его собравшимся сановникамъ; они услышали лишь извѣстное уже имъ распоряженіе, но Россія не безъ удивленія, конечно, узнала, что человѣкъ, которому голосъ народа приписывалъ все, что совершилось дурнаго въ предшествующее царствованіе сдѣлался правителемъ на цѣлыхъ 17 лѣтъ, и при томъ съ правомъ, «ежели будетъ усмотрѣно о ненадежномъ наслѣдствѣ», избрать «сукцессора»!..

И сдѣлался Биронъ регентомъ Русской имперіи!

Биронъ очень хорошо зналъ, не взирая на окружавшихъ его льстецовъ, какія чувства питаетъ къ нему русская нація и потому онъ поспѣшилъ издать манифестъ, которымъ податныя сословія освобождались на четыре мѣсяца отъ платы податей. Въ тоже время онъ однакожъ распорядился придвинуть къ Петербургу нѣсколько полковъ; полки же гвардейскіе, преображенскій и семеновскій, состоявшіе преимущественно изъ дворянъ, (въ измайловскомъ и конногвардейскомъ были по большей части остзейскіе нѣмцы) вознамѣрился преобразо-

вать, отправивъ въ армію офицерами солдатъ, а вмѣсто нихъ набрать солдатъ изъ простолюдиновъ. Подозрительный еще болѣе, чѣмъ прежде, онъ усилилъ шпіонство и его приближенные, Бестужевъ, Бисмаркъ, Альбрехтъ, были обязаны прислушиваться къ тому, что говорится въ обществѣ, всматриваться, какъ смотритъ на улицѣ народъ, и доносить ему.

Недовѣрчивость его была, конечно, не безъ основанія. Онъ могъ задобрить нѣсколькихъ честолюбцевъ, застращать или обмануть нѣсколько десятковъ человѣкъ, но этого было недостаточно, чтобъ упрочить его положеніе. Признаки общественаго неудовольствія не замедлили обнаружиться. Графъ Головкинъ, сынъ бывшаго канцлера, болѣе самостоятельный, нежели его отецъ, еще при жизни Императрицы не скрывалъ своего нерасположенія къ фавориту и, можетъ быть, одинъ во всемъ Петербургѣ не стѣсняясь выражалъ о немъ свое мнѣніе. Вѣроятно никому другому это и не сошло бы съ рукъ, но Головкинъ былъ женатъ на княжнѣ Ромодановской, которой Императрица была двоюродною сестрою. Естественно, что вся презрѣнная комедія, разыгравшаяся вокругъ постели умирающей Анны Іоанновны, приличеніе Русскихъ къ Римлянамъ и пр. были толкуемы въ домѣ Головкина не въ одобрительномъ тонѣ многочисленными его друзьями; когда же сдѣлалось извѣстнымъ о назначеніи Бирона регентомъ, то друзья Головкина пришли въ негодованіе и сдѣлать демонстрацію, подобную той, которая, десять лѣтъ тому назадъ, была сдѣлана дворянствомъ противъ верховнаго тайнаго совѣта, а именно отправиться въ большомъ числѣ къ принцессѣ Аннѣ и просить ее при-

нять правленіе государствомъ. Для успѣха этого предположенія необходимо было сочувствіе и даже дѣятельная помощь нѣсколькихъ знатныхъ людей, какими въ 1730 году были Трубецкой, Черкасскій и м. др. Головкинъ не могъ, по болѣзни, быть однимъ изъ такихъ лицъ, но онъ совѣтовалъ друзьямъ своимъ обратиться къ тому же Черкасскому, не зная видно, въ какихъ отношеніяхъ вицъ-канцлеръ находился къ Бирону. Съ этою цѣлію нѣкто, подполковникъ Пустошкинъ, явясь къ князю Черкасскому, объяснилъ ему предложенія своихъ единомышленниковъ и просилъ его быть, какъ и въ 1730 г., руководителемъ замышляемаго дѣла. Но Черкасскій не расположенъ былъ теперь становиться органомъ общественнаго мнѣнія и весь разговоръ свой съ Пустошкинымъ поспѣшилъ передать Бирону.

Разумѣется, Пустошкинъ былъ немедленно схваченъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Съ пытки открылъ онъ нѣсколькихъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые тоже были взяты и въ свою очередь, назвали нѣсколькихъ другихъ, при чемъ однакожъ (черта очень замѣчательная) никто не назвалъ графа Головкина: всѣ, по безмолвному соглашенію, рѣшились спасти его отъ отвѣтственности.

Между тѣмъ открылось, что въ согласіи съ Пустошкинымъ было много офицеровъ семеновскаго полка, котораго подполковникомъ былъ принцъ Антонъ и, между прочимъ, его адъютантъ; что офицеры эти собирались иногда у принца и что онъ самъ выражалъ при нихъ неудовольствіе свое противъ Бирона. Биронъ имѣлъ по этому случаю горячее объясненіе съ принцемъ, далъ ему почувствовать, что онъ хоть и отецъ Императора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и

его подданный и наравнѣ съ прочими обязанъ подчиняться существующему порядку. Бѣдный принцъ доведенъ былъ наконецъ до того, что отказался и отъ командованія полкомъ и отъ всѣхъ чиновъ и должностей въ русской арміи. Мало этого, Биронъ послалъ ему сказать, что онъ совѣтуетъ ему не выѣзжать изъ дома въ теченіе нѣсколькихъ дней, потому, будто бы, что народъ очень раздраженъ противъ него за его попытки нарушить порядокъ. Такимъ образомъ, отецъ Императора былъ, можно сказать, арестованъ.

Все это дѣлало положеніе принца невыносимымъ, и въ городѣ стали поговаривать объ оставленіи имъ Россіи; говорили, что Биронъ, никогда не умѣвшій сдерживать себя, наговорилъ ему самыхъ рѣзкихъ и обидныхъ вещей и доходилъ до того, что грозилъ и сына его лишить престола, а возвести на оный принца голштинскаго, сына цесаревны Анны Петровны.

Слова, которыя приписывались Бирону относительно принца голштинскаго, можно принять не за совсѣмъ пустые слухи. Во-первыхъ, замѣтимъ, что онъ даже въ царствованіе Императрицы Анны находился въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ Елизаветою Петровною. Цесаревна постоянно держалась, какъ мы уже видѣли, вдали отъ всѣхъ придворныхъ партій, не обнаруживала ни малѣйшаго честолюбія и вся была предана удовольствіямъ. Этотъ образъ жизни казался не очень приличнымъ Аннѣ Іоанновнѣ, сдѣлавшейся съ лѣтами очень строгою въ отношеніи нравственности и приличій, но, съ другой стороны, вполнѣ успокоивалъ ее, хотя ей и было хорошо извѣстно, что старые слуги великаго Императора и многочисленные

почитатели его памяти питают къ его дочери горячую преданность.

Анна Іоанновна безъ большаго неудовольствія платила долги цесаревны; Биронъ, сдѣлавшись регентомъ, увеличилъ ея содержаніе и былъ вообще въ отношеніи къ ней предупредителенъ и любезенъ. Любезность эта, весьма рѣдкая въ Биронѣ, была замѣчена и подавала поводъ къ разнымъ заключеніямъ: одни думали, что онъ ухаживаетъ за нею въ надеждѣ женить на ней своего сына, другіе прибавляли къ этому, что онъ готовъ произвесть переворотъ въ пользу принца голштинскаго и сдѣлаться въ одно и тоже время родственникомъ и поддержкою единственныхъ потомковъ Петра великаго.

Какъ бы то ни было, но его предупредительность въ отношеніи цесаревны казалась странною нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые связали судьбу свою съ его судьбою. Минихъ, между прочимъ, имѣлъ по этому предмету объясненіе съ Бирономъ и говорилъ ему, что цесаревна часто видится съ посланникомъ французскаго двора, который съ нашимъ былъ издавна не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ; Биронъ выслушалъ это извѣстіе довольно равнодушно, а Миниху показалось это равнодушіе подозрительнымъ. Зная, безъ сомнѣнія, какіе замыслы приписываются регенту, онъ рѣшился сдѣлаться для потомства Царя Іоанна тѣмъ же, чѣмъ Биронъ замышлялъ, по видимому, сдѣлаться для Петрова потомства.

Минихъ былъ въ нѣсколько щекотливыхъ отношеніяхъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ; она могла негодовать на него за его старанія въ пользу Бирона; онъ поспѣшилъ загладить этотъ поступокъ новыми, усиленными ласкательствами; при

далъ у Бирона въ этотъ день и провелъ у него часть вечера. Говорятъ, что герцогъ все время казался разсѣяннымъ или озабоченнымъ. Между прочимъ, онъ прервалъ какой-то разсказъ Минниховъ неожиданнымъ вопросомъ:

— «Случалось ли вамъ, графъ, дѣлать ночныя экспедиціи?»

Смущенный на минуту этимъ вопросомъ, который могъ казаться намекомъ на замыселъ Миниха, этотъ послѣдній однакожъ скоро оправился и, не возбудивъ никакого подозрѣнія, уѣхалъ отъ Бирона. Въ два часа ночи, онъ велѣлъ разбудить своего адъютанта, Манштейна (*) и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ зимній дворецъ. Одинъ изъ входовъ этого зданія былъ нарочно оставленъ не запертымъ; Минихъ вошелъ во дворецъ, прошелъ къ комнатѣ Юліи Менгденъ и просилъ ее разбудить принцессу, а Манштейну поручилъ пригласить офицеровъ дворцоваго караула, въ тотъ день отъ преображенскаго полка, (въ которомъ онъ самъ числился.)

Явились удивленные офицеры; вышла взволнованная принцесса и объявила имъ, что фельдмаршалъ поведетъ ихъ для арестованія всѣмъ ненавистнаго Бирона; что ихъ дѣло не останется безъ награды; что благо Императора и отечества отъ этого зависитъ, а въ заключеніе она дала имъ поцѣловать свою руку и обняла Миниха.

Регентъ жилъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ скончалась покойная Императрица, еще не преданная землѣ. Остановивши

(*) Оставившаго чрезвычайно любопытныя записки объ эпохѣ 1740—41 года.

вой отрядъ въ нѣкоторомъ разстояніи, Минихъ послалъ за офицерами караула, охранявшаго Бирона и съ первыхъ же словъ получилъ обѣщаніе, что они не станутъ препятствовать его намѣреніямъ. Тогда Манштейнъ съ 12-ю гренадерами отправился въ покои регента; ни одинъ часовой не остановилъ ихъ, и черезъ нѣсколько минутъ Манштейнъ былъ въ спальнѣ герцога. Смѣлый только противъ безсильныхъ, этотъ послѣдній кинулся было подъ кровать, но дюжіе гренадеры вытащили его оттуда и, не давъ даже времени одѣться, накинули ему на плечи тулупъ и привели къ фельдмаршалу, который, посадивъ его въ свои сани, примчалъ въ зимній дворецъ, откуда его отправили вечеромъ въ Шлиссельбургъ.

Въ ту же ночь арестованы два брата регента, жена его, дѣти и Бестужевъ; всѣ они отправлены въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Молніею пролетѣла по Петербургу вѣсть о низложеніи ненавистнаго временщика. Ничто не даетъ намъ лучшаго понятія, какъ разсказъ одного современника и очевидца, князя Шаховскаго; замѣтимъ, что онъ былъ въ это время начальникомъ петербургской полиціи и точно также, какъ всѣ прочіе, захваченъ былъ совершенно врасплохъ. «Я поздно въ оную (ночь съ 8 на 9-е ноября) заснулъ; но еще прежде разсвѣту пріѣзжимъ ко мнѣ полицейскимъ офицеромъ былъ разбуженъ, который мнѣ объявилъ, что во дворцѣ теперь множество людей съѣзжаются, гвардіи полки туда же идутъ и что принцесса Анна, мать малолѣтнаго наслѣдника, приняла правленіе государственное, а регентъ, герцогъ Биронъ, съ своею фамиліею и каби-

нетъ-министръ, графъ Бестужевъ, взяты фельдмаршаломъ Минихомъ подъ караулъ, и въ особливыхъ мѣстахъ порознь посажены».—«И такъ спѣшно одѣвся и ко дворцу пріѣхавъ, увидѣлъ множество разнаго званія военныхъ и градскихъ жителей, въ безчисленныхъ толпахъ окружающихъ дворецъ, такъ что карета моя, до крыльца не возмогши проѣхать, далеко остановилась, а я, выскоча изъ оной, съ однимъ провожающимъ моей команды офицеромъ, спѣшно продирался сквозь людей на крыльцо, гдѣ былъ великій шумъ и громкіе разговоры между онымъ народомъ; но я того не внимая, бѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ въ палаты, и какъ начала, такъ и окончанія, кто былъ въ такомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ начинателемъ, и кто производитель и исполнитель, не зная, не могъ себѣ въ смыслъ вообразить, куда мнѣ далѣе идти, и какъ, и къ кому пристать. Чего ради слѣдовалъ за другими, туда жъ спѣшно меня обѣгающими. Но большею частію гвардіи офицеры съ унтеръ-офицерами и солдатами, толпами смѣшиваясь, смѣло, въ веселыхъ видахъ и не уступая никому мѣста, ходили; почему я вообразить могъ, что сіи то были производители онаго дѣла.» Великой княгинѣ (*) поднесено прошеніе о принятіи регентства; духовенство отслужило благодарственный молебенъ и привело присутствующихъ къ присягѣ; за тѣмъ гвардіи офицеры и сержанты были отправлены во всѣ концы Россіи съ извѣщеніемъ о происшедшей перемѣнѣ.

Въ то же время происходила очень оригинальная сцена. Фельдмаршалъ, возвратясь домой изъ своей ноч-

(*) Титулъ этотъ ей былъ предложенъ еще во время регентства Бирона.

ной экспедиціи, велѣлъ немедленно звать къ себѣ своего свата, барона Менгдена, и сына, и эти три человѣка принялись рѣшать между собою: какъ и чему быть, и какъ что устроить.—Надо просить, рѣшили они, чтобъ великая княгиня приняла орденъ св. Андрея. Минихъ-сынъ, взявши листъ бумаги, записалъ это. «Во уваженіе важной заслуги, оказанной фельдмаршаломъ графомъ фонъ-Минихомъ, произнесъ, диктуя, фельдмаршалъ, пожаловать его генералиссимусомъ»... (*)

Минихъ-сынъ началъ было писать, но остановился и почтительно замѣтилъ, что почетное титло это было бы приличнѣе предоставить отцу императора, а фельдмаршалу удовольствоваться званіемъ перваго министра, по примѣру Ришельё и Мазарини. Фельдмаршалъ поморщился, однакожъ согласился, и велѣлъ написать, что онъ «предоставляетъ» достоинство генералиссимуса принцу брауншвейгскому.

Но вслѣдъ за тѣмъ родился вопросъ: захочетъ ли самолюбивый Остерманъ повиноваться новому первому министру? Чтобъ его задобрить, было рѣшено предоставить ему званіе генералъ-адмирала, вакантное послѣ смерти графа Апраксина. За тѣмъ на кого возложить званіе великаго канцлера? Это погрузило трехъ радѣтелей о благѣ Россіи въ немаловажныя затрудненія. По всѣмъ правамъ, находили они, надо бы дать это мѣсто князю

(*) Генералиссимусомъ называютъ главнаго начальника нѣсколькихъ армій. Это званіе носилъ Суворовъ во время войны России и Австріи противъ Франціи. Но какое значеніе оно могло имѣть для Миниха,—не совсѣмъ понятно, потому что онъ и безъ того былъ старшій въ Россіи военный сановникъ и имѣлъ вліяніе на всѣ войска въ качествѣ президента военной коллегіи.

Черкасскому, какъ одному изъ богатѣйшихъ вельможъ, давно уже находящемуся на виду, хотя и не отличающемуся особенными личными достоинствами; но вельможа этотъ обнаружилъ слишкомъ много преданности Бирону. Однако рѣшено было сдѣлать Черкасскаго канцлеромъ. Другіе были предназначены къ полученію чиновъ, орденовъ, имѣній, денежныхъ наградъ и т. п. Два Миниха и Менгденъ распоряжались всѣмъ этимъ, какъ своею собственностію!

Наградивши преданныхъ себѣ или нужныхъ людей, новое правительство занялось наказаніемъ своихъ враговъ. Для слѣдствія надъ шлиссельбургскими узниками наряжена была коммисія, которая и раскрыла большую часть того, что было разсказано о домогательствахъ Бирона относительно регентства; кромѣ того, онъ обвинялся въ томъ, что не радѣлъ о здоровьи покойной Императрицы, что расхищалъ казну, утѣснялъ «честныхъ людей русской націи», словомъ, тутъ припоминалось ему все (*), и,— говорилось въ манифестѣ отъ имени младенца Императора, — хотя за всѣ эти преступленія и слѣдовало бы предать его смертной казни, «однакожъ мы, по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго его признанія», повелѣваемъ, содержать Бирона со всѣмъ его семействомъ въ вѣчномъ заключеніи въ г. Пелыми, а имѣнія его отписать въ казну. Что же касается до другихъ лицъ, способствовавшихъ Бирону достигнуть званія регента, какъ-то: Бестужева, Миниха, Черкасскаго, графа Головина, Ушакова, князя Куракина, князя Трубецкаго, Левенвольда и Альбрехта, то они были прощены.

(*) Его, между прочимъ, допрашивали, почему онъ рѣдко бывалъ у обѣдни.

которомъ мы говоримъ, всѣ преданія были нарушены, сомнѣніе представлялось на каждомъ шагу. Биронъ былъ сдѣланъ регентомъ волею Императрицы, также какъ Іоаннъ Антоновичъ Императоромъ: если низвергнутъ одинъ и этому рукоплещутъ, то не станутъ ли рукоплескать низложенію другаго? Принцесса Анна считала себя вправѣ принять правленіе и это удалось ей; а если цесаревна Елисавета захочетъ тоже попробовать удачи, чтὸ можно будетъ противъ этого возразить?..

При такомъ смутномъ состояніи понятій, надъ всѣми прочими соображеніями беретъ верхъ личный разсчетъ. Такъ, одинъ и тотъ же князь Черкасскій служилъ съ одинаковою преданностію, или одинаковымъ равнодушіемъ, Императрицѣ Аннѣ и Бирону, за которыхъ онъ хлопоталъ, и принцессѣ брауншвейгской, а впослѣдствіи и Елисаветѣ Петровнѣ, которыхъ его дѣйствія отстраняли отъ власти? Черкасскаго не безъ основанія мы можемъ себѣ позволить назвать бездушнымъ эгоистомъ, но лучше ли дѣлалъ и Минихъ? Его поведеніе въ отношеніи Бирона, очень похоже на измѣну. Сама правительница, въ пользу которой было произведено арестованіе регента, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, говорила о Минихѣ: «Я могла воспользоваться плодами измѣны, но не могу уважать измѣнника».

Чтобъ успокоить это всколыхавшееся море, Россію, чтобъ дать улечься страстямъ и утвердиться понятіямъ о долгѣ гражданина, о добрѣ и злѣ, явно перепутавшимся въ послѣднее время, нужно было бы долгое, спокойное, мудрое, твердое царствованіе, а такого не было. Всякому было ясно, что грудной младенецъ Императоръ и его родители скорѣе сами погибнутъ посреди этого хаоса, нежели извле-

громкими дѣлами, и которому его скупой отецъ оставилъ въ наслѣдство отлично исправные финансы и превосходно обученную армію. Мы уже знаемъ, что смерть Карла VI должна была неминуемо послужить сигналомъ къ большимъ затрудненіямъ для его имперіи. Такъ и случилось: молодой король прусскій, безъ всякихъ положительныхъ основаній и даже безъ благовидныхъ предлоговъ, потребовалъ у новой императрицы уступки Силезіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занялъ ее своими войсками.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, положеніе, въ которомъ находилась Европа,—положеніе, котораго важность для Россіи мы поймемъ, когда припомнимъ, что между нами и вѣнскимъ дворомъ продолжалъ существовать тѣсный союзъ, заключенный при Екатеринѣ, и что такой же союзъ былъ заключенъ потомъ съ Пруссіей, такъ что когда произошло занятіе Силезіи, то цесарскій и прусскій посланники, съ договорами въ рукѣ, оба стали требовать у насъ помощи. Какъ выдти изъ этого затруднительнаго положенія? При обсужденіи въ кабинетѣ этого вопроса, мнѣніе Остермана и Миниха рѣзко встрѣтились и столкнулись между собою. Послѣдній изъ нихъ хотѣлъ вовсе уклониться отъ всякаго вмѣшательства въ ссору двухъ германскихъ государствъ, но приготовиться къ войнѣ со Швеціей, которая дѣйствительно дѣлала очень для насъ подозрительныя военныя приготовленія. Остерманъ склонялся на сторону союза съ Австріей, который онъ заключилъ и въ теченіи пятнадцати лѣтъ поддерживалъ.

Можно думать, что въ дѣйствительности и Остерманъ не желалъ вовлечь Россію въ войну изъ за домашняго спора Австріи съ Пруссіей, ибо долго обнадеживая австрійскаго

посланника, маркиза Ботту, начальника вспомогательной арміи. Онъ потомъ сталъ прибавлять къ этому обѣщанію оговорку: «когда минетъ опасность со стороны Швеціи», а опасность эта не только не уменьшилась, но, напротивъ, усиливалась съ каждымъ днемъ. За чѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ не согласился съ Минихомъ? На это были у него особенныя причины. Во-первыхъ, онъ не хотѣлъ уступить сопернику и выпустить изъ своихъ рукъ исключительное вліяніе на дипломатическія дѣла, въ которыхъ онъ не допускалъ ничьего вмѣшательства со времени паденія Шафирова; во-вторыхъ, онъ зналъ, что подобное имъ мнѣніе понравится родителямъ Императора: принцу брауншвейгскому, какъ родственнику Маріи-Терезіи, а Аннѣ Леопольдовнѣ потому, что она горячо приняла сторону Австріи, благодаря вліянію графа Линара, поддерживавшаго австрійскіе интересы.

Принцъ и принцесса брауншвейгскіе дѣйствительно поняли, что мнѣніе Остермана несравненно дѣльнѣе, чѣмъ мнѣніе Миниха, и Минихъ въ первую минуту досады потребовалъ увольненія отъ должности, вполнѣ будучи, впрочемъ, увѣренъ, что его убѣдятъ остаться; къ немалому своему удивленію онъ однакожъ былъ уволенъ; вѣковѣчный его соперникъ Остерманъ, разбитый параличемъ, страдающій подагрою и глазами, скромный, ласковый, улыбающійся и никогда не возвышающій голоса, выбилъ блестящаго Миниха изъ позиціи, которую онъ занялъ арестованіемъ Бирона и которую надѣялся навсегда удержать за собою! Объ отставкѣ его было возвѣщено столицѣ посредствомъ герольдовъ *при звукѣ трубъ.*

Отдѣлавшись отъ фельдмаршала, правительница вздох-

нула свободнѣе; потому что черезъ это устранялась причина споровъ и преній, какъ въ кабинетѣ, такъ и въ самомъ семействѣ ея: въ семействѣ потому, что принцъ Антонъ постоянно препирался съ Минихомъ о старшинствѣ и жаловался на его неуваженіе къ себѣ, въ кабинетѣ—потому, что съ удаленіемъ Миниха все дѣлалось по указаніямъ Остермана; правительницѣ же оставался единственный трудъ,—прикладывать свою подпись.

Трудъ, заботы, шумъ были ненавистны Аннѣ Леопольдовнѣ; ея міръ—были внутренніе покои Зимняго дворца, гдѣ она проводила время съ весьма немногочисленными своими друзьями: семействомъ Менгденъ, графомъ Линаромъ, маркизомъ Ботта и англійскимъ посланникомъ Финчемъ. Съ ними она была весела и откровенна, играла въ карты, а иногда занималась чтеніемъ иностранныхъ авторовъ. Но какъ скоро кто нибудь изъ нихъ начиналъ говорить о дѣлахъ, она зѣвала и ея лицо принимало утомленно-разсѣянное выраженіе. Непобѣдимая ея лѣнь была такъ сильна, что эта двадцати-двухъ-лѣтняя хорошенькая женщина не хотѣла даже заботиться о своемъ туалетѣ и проводила иногда цѣлые дни нечесанною.

Вотъ, впрочемъ, случай, отысканный недавно въ архивахъ, который лучше всякихъ описаній показываетъ, какъ правила государствомъ Анна Леопольдовна и что̀ вокругъ нея дѣлалось. Нѣкто, статскій совѣтникъ Темирязевъ, явясь однажды къ баронессѣ Юліи Менгденъ, сталъ ей объяснять, что великой княгинѣ нанесено оскорбленіе тѣмъ, что въ манифестѣ о принятіи ею правленія ей присвоены тѣ же самыя права, какъ и Би-

[illegible] интрига противъ Остермана, который ни[illegible].

[illegible] позвала къ себѣ Темирязева, послала [illegible] извѣстнаго человѣка, посовѣтоваться съ [illegible] и передать ей, что онъ скажетъ. Тотъ [illegible] что будетъ *завтра*. Тогда правительница [illegible] объясненіе съ Темирязевымъ о до[illegible] ей Остерманомъ: «Поди ты, ска[illegible] какъ бы какому нибудь довѣренному лицу, [illegible] *[illegible]еромъ, какъ манифесты [illegible]*, два: [illegible] силѣ, что буде волею Божіею Государя [illegible] принцевъ послѣ него наслѣдниковъ не бу[illegible] принцессамъ (наслѣдницами) по старшинству; [illegible], что если такимъ же образомъ Го[illegible], то чтобъ наслѣдницею быть мнѣ».

[illegible]тельный! Актъ о престолонаслѣдіи по[illegible] правительницею государства составить человѣку, [illegible] видитъ въ первый разъ, и она поручаетъ [illegible] не одинъ актъ, а два — просто написать, [illegible] въ голову!.. Чѣмъ же кончилось? что Те[illegible], никогда не писавшій подобныхъ документовъ, [illegible] какъ приняться за дѣло, побѣжалъ къ какому-[illegible] и ударился ему въ ноги, чтобъ тотъ его [illegible].

«[illegible], отвѣчаетъ ему приказный: много нынѣ [illegible] происходитъ». И сталъ писать!!

Между тѣмъ, Швеція объявила намъ войну; это еще [illegible] причинило затрудненій правительству и ускорило [illegible], о которой вслѣдъ за симъ будетъ разсказано.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

Стремленія къ новизнѣ и заимствованію у иностранцевъ замѣтны еще въ XVII вѣкѣ.—Петръ былъ только проводникомъ этихъ стремленій. — При Аннѣ чужеземное вліяніе сдѣлалось чрезмѣрнымъ. — Реакція противъ Нѣмцевъ и симпатіи къ Елизаветѣ Петровнѣ. — Сила обстоятельствъ выдвигаетъ ее на политическую арену.—Шетарди, Нолькенъ и Лестокъ.—Преданность гвардіи цесаревнѣ.—Лестоку угрожаетъ арестъ. — Преображенцы вызываются помогать цесаревнѣ. — Ночь 24—25 ноября 1741 г.—Впечатлѣніе произведенное вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, выражавшееся духовными проповѣдями.—Люди, возвышенные послѣднимъ переворотомъ: Бестужевъ, Шуваловы, Лестокъ, Разумовскій и др.—Люди, низвергнутые этимъ переворотомъ: Остерманъ, Минихъ и др.—Судъ надъ ними.—Биронъ.

Цесаревна Елизавета родилась въ 1709 году, слѣдовательно въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, ей было 32 года. Красавица собою и отъ природы несклонная къ серьознымъ мыслямъ, она сдѣлала удовольствія цѣлію своей жизни. При частыхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался престолъ послѣ Петра, о ней постоянно вспоминали; но чтобъ достигнуть престола, нужно было хлопотать, трудиться, а всякій трудъ былъ ей противенъ.

Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что ей никакъ нельзя было уклониться отъ роли болѣе или менѣе исторической. Тотъ, кто прочелъ со вниманіемъ все

предшествующее, должен былъ замѣтить одно явленіе, постоянно обнаруживавшееся въ Россіи со второй половины XVII вѣка. Это—стремленіе къ чему-то новому, неизвѣстному, желаніе заимствовать у сосѣдей то, что у нихъ казалось лучше нашего, а съ другой стороны отпоръ этимъ стремленіямъ къ новизнамъ во имя старины, съ которою связывались и понятія религіозныя.

Петръ рѣшилъ эти колебанія; онъ рѣшилъ еще и другой вопросъ: любимецъ царевны Софіи, Голицынъ и большая часть образованныхъ людей Россіи того времени обращались за образцами, какъ въ литературѣ и наукѣ, такъ и въ отношеніи предметовъ государственныхъ, къ Польшѣ; Матвѣевъ, напротивъ, болѣе сближался съ Нѣмцами, Голландцами и Англичанами. Петръ, какъ извѣстно, далъ Россіи движеніе въ ту же сторону.

Но при немъ, какъ и до него, обнаруживалось противодѣйствіе новизнѣ, и чѣмъ сильнѣе онъ тащилъ въ одну сторону, тѣмъ упорнѣе другіе тянули въ другую. Въ этой борьбѣ прошла его жизнь; онъ казнилъ своихъ противниковъ, а они называли его антихристомъ. Та же борьба продолжалась и послѣ его смерти.

При Петрѣ II партія, придерживавшаяся старины, какъ будто начинала брать верхъ; два главные въ то время Петровы послѣдователи, Остерманъ и Прокоповичъ, боялись за свой кредитъ и уступали мѣсто Голицынымъ, Долгоруковымъ, Ѳеофилакту Лопатинскому. Но со вступленіемъ Анны взяла верхъ нѣмецкая партія.

Партія, которая взяла верхъ при Аннѣ, хотя и любила выставлять имя Петра великаго, была однакожъ далеко не та, что при немъ; это была не партія Рус-

скихъ, желающихъ научиться у западной Европы; это была партія Нѣмцевъ, хотѣвшихъ передѣлать Россію на свой ладъ. При Петрѣ всѣ начальники армій (послѣ де-Кроа) и всѣ президенты коллегій, всѣ посланники при важнѣйшихъ дворахъ были постоянно Русскіе, а при Аннѣ наоборотъ: оба фельдмаршала (Минихъ и Ласси) были иностранцы; иностранною политикой управлялъ Нѣмецъ (Остерманъ), главный дипломатическій агентъ былъ Нѣмецъ (Левенвольдъ). Почти всѣ высшіе придворныя и административныя должности были заняты Нѣмцами (Биронъ, Левенвольдъ-старшій, Минихъ-сынъ, Менгденъ, Корфъ, Кейзерлингъ, Бревернъ) и при томъ многіе изъ всѣхъ этихъ Нѣмцевъ не скрывали своего презрѣнія къ Россіи и Русскимъ; «это русское каналье» (diese russische Canallie) говорилъ Биронъ о насъ, когда былъ недоволенъ, а когда хотѣлъ похвалить, то называлъ Римлянами.

Оскорбленное всѣмъ этимъ народное самолюбіе стало искать куда бы пріютиться; симпатіи раскольниковъ обращались, по прежнему, къ царевичу Алексѣю, подъ именемъ котораго являлись самозванцы, а сословія болѣе образованныя обратились къ цесаревнѣ Елизаветѣ, какъ къ единственной отрасли Петра I, уваженіе къ памяти котораго усиливалось, какъ замѣчено уже, по мѣрѣ того, какъ его идеи дѣлались идеями образованной части русскаго общества.

И такъ, Елизавета Петровна мало по малу сдѣлалась, и при томъ безъ всякихъ съ ея стороны стараній, центромъ всѣхъ тѣхъ, которые, вообще одобряя Петровы преобразованія, не хотѣли однакожъ быть ни рабами чуже-

странцевъ, ни ихъ обезьянами, центромъ партіи національной: и надо признаться, что цесаревна во многихъ отношеніяхъ могла удовлетворить русскому національному чувству. Она была, во-первыхъ, чрезвычайно набожна и строго исполняла установленные церковью обряды; она была почти исключительно окружена Русскими; любя удовольствія, она и тутъ обнаруживала коренную русскую жилку: приглашала крестьянокъ водить передъ своими окнами хороводы, прислушивалась къ ихъ пѣснямъ, устраивала катанья съ горъ. Все это располагало къ цесаревнѣ русскія сердца; располагало къ ней и удаленіе, въ которомъ она находилась отъ двора во время господства нѣмцевъ, и, наконецъ, самая красота ея: «Цесаревна такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ, писалъ одинъ знатный испанецъ прежняго времени; танцуетъ она хорошо, ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха; въ обращеніи ея много пріятнаго». А вотъ отзывъ о ней китайскаго посланника, записанный одною придворною дамою: «изъ числа всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ, сказалъ онъ, обводя взоромъ одно собраніе во дворцѣ, я считаю *эту* прекраснѣйшею, и еслибъ у нея *были не такъ велики глаза* (Китайцы имѣютъ глаза узкіе), то никто не могъ бы, взглянувъ на нее разъ, не умереть отъ любви.»

И вотъ, мало по малу мысль народа начинаетъ постоянно обращаться къ ней, какъ къ какой-то ожидаемой спасительницѣ. Въ мнимомъ заговорѣ Долгоруковыхъ общественное мнѣніе видѣло намѣреніе возвести на престолъ Елизавету; князь Черкасскій (смоленскій губернаторъ) и его единомышленники положительно о ней думали. Есть извѣстіе, не важное само по себѣ, но очень выразительное, что цесаревна

хотѣла разъ купить какую-то вазу, но не рѣшилась, потому что находила ее слишкомъ дорогдю: купецъ, узнавъ для кого эту вазу торгуютъ, отдалъ ее даромъ. Въ самый день присяги младенцу-Императору, одинъ солдатъ, проходя мимо дворца цесаревны и указывая на него, говорилъ своему товарищу: «вотъ Императоръ Петръ первый въ россійской имперіи заслужилъ, и того осталось! Вотъ коронованнаго отца дочь, Государыня цесаревна, оставлена!» Въ народѣ ходили слухи, что покойный Петръ Алексѣевичъ встаетъ изъ гроба, тревожимый тѣмъ, что его дочь обойдена... Не *партія* русская, какъ пишутъ иностранцы, а вообще нація была за Елизавету, и баронъ Менгденъ былъ правъ, говоря, что если Биронъ не будетъ регентомъ, то нѣмцы пропадутъ.

Соображая это, становится понятнымъ, почему Императрица Анна, а потомъ и правительница, такъ настойчиво хлопотали о томъ, чтобъ выдать цесаревну замужъ за какого нибудь иностраннаго принца; становится яснымъ и то, что Биронъ, сдѣлавшись регентомъ, заискивалъ въ цесаревнѣ и угождалъ ей; онъ въ этомъ случаѣ обнаруживалъ гораздо болѣе дальновидности, нежели Минихъ, поддерживавшій принцессу Анну.

Положеніе брауншвейгской фамиліи въ Россіи обратило на себя вниманіе и другихъ дворовъ. Австрійскій усердно поддерживалъ ее посредствомъ своего посланника, маркиза Ботты; но французскій прислалъ маркиза Шетарди съ порученіемъ произвести переворотъ въ пользу Елизаветы Петровны. Шведское правительство, объявляя намъ войну, провозгласило, что оно беретъ оружіе не противъ Россіи, «а противъ чужеземцевъ, составляющихъ русское правитель-

ство». Шетарди, въ качествѣ повѣреннаго отъ двора, тѣсно связаннаго съ шведскимъ, а за нимъ шведскій посланникъ, Нолькенъ, внушали Елизаветѣ Петровнѣ, что эта война предпринята въ ея пользу, что она можетъ и должна воспользоваться этимъ новымъ затрудненіемъ правительницы, чтобъ овладѣть престоломъ; что оба они лично готовы употребить все свое вліяніе къ ея услугамъ и что они, взамѣнъ этого, надѣются на уступку со стороны Россіи части завоеваній, сдѣланныхъ у Швеціи въ послѣднюю войну... Всѣ эти переговоры велись черезъ Лестока, доктора цесарёвны: онъ былъ французъ и по этому скоро сблизился съ Шетарди; у цесаревны же онъ имѣлъ большой вѣсъ, такъ какъ она очень дорожила своимъ здоровьемъ, румянцемъ лица и свѣжестію кожи, а это давало ему возможность каждое утро, щупая ея пульсъ, ввернуть словцо и о политикѣ. Къ чести Елизаветы Петровны должно сказать, что не уклоняясь отъ сладкихъ рѣчей Шетарди и Лестока, она никогда не хотѣла согласиться уступить вершка земли завоеванной ея отцомъ и войти въ сдѣлки съ тѣми, которые теперь воевали противъ Россіи.

Сила ея заключалась не въ содѣйствіи иностранныхъ дворовъ, а въ симпатіи къ ней націи и не за чѣмъ ей было искать помощи шведской арміи: между гвардейскими полками нашими она была и больше популярна и больше имѣла вліянія, нежели ихъ нѣмецкіе шефы и командиры; изъ слѣдствія надъ Минихомъ обнаруживается, напримѣръ, что онъ говорилъ преображенскому караулу, бывшему при Биронѣ въ ночь на 7-е ноября, что регентъ арестовывается по распоряженію цесаревны. Этими словами онъ открылъ свободный доступъ Манштейну въ

покои регента. Позднѣе, когда стали ходить слухи, что Елизавету Петровну хотятъ запереть въ монастырь, преображенскіе гренадеры прихаживали къ ней и говаривали: «матушка, мы всѣ готовы за тебя, и ждемъ только вашихъ приказаній».

Сношенія Лестока съ французскимъ и шведскимъ посланниками и расположеніе къ цесаревнѣ гвардейскихъ полковъ, не могли укрыться отъ бдительности какъ Остермана, управлявшаго всѣмъ при Аннѣ Леопольдовнѣ, такъ и графа Линара, который собирался всѣмъ управлять. Они, и самъ принцъ Антонъ, напрямикъ сказали правительницѣ, что необходимо посадить Елизавету Петровну въ монастырь. Но добродушная Анна Леопольдовна не согласилась на это, обѣщавшись, однако, переговорить съ нею. Разговоръ объ этомъ происходилъ 23 ноября (1741) въ Зимнемъ дворцѣ; правительница отдѣлилась отъ другихъ, бывшихъ здѣсь же гостей, вмѣстѣ съ цесаревною, и сказала, что до нея доходятъ слухи о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ Лестока съ Шетарди и Нолькенымъ. «Предупредите его, заключила она, что если это не прекратится, я прикажу его арестовать.»

Возвратясь домой, сильно встревоженная, цесаревна позвала своего доктора, и сообщила ему объ угрожающей ему опасности. Была уже полночь; вдругъ ей докладываютъ, что семь преображенскихъ гренадеръ желаютъ ее видѣть.

— «Мы завтра выступаемъ въ походъ, (противъ Шведовъ) сказали они. Матушка! ты остаешься въ рукахъ своихъ лиходѣевъ: нельзя ждать ни минуты».

Одно присоединилось къ другому! Смущенная и взвол-

нованная, цесаревна не знала на что рѣшиться, когда утромъ, по обыкновенію, явился къ ней Лестокъ; но, вмѣсто обычнаго вопроса о здоровьѣ, онъ повелъ рѣчь объ угрожающей ей и ему опасности. Онъ убѣждалъ ее принять рѣшительныя мѣры, пока еще время не ушло; она все еще колебалась. Тогда онъ, увидѣвъ на столѣ игру картъ, взялъ одну изъ нихъ, и карандашомъ набросалъ рисунокъ: на одной сторонѣ онъ изобразилъ ее самое съ короною на головѣ, а на другой — въ монашеской одеждѣ, окруженную висѣлицами и колесами.

— «Выбирайте, Государыня, сказалъ онъ, или быть Императрицею, или видѣть преданныхъ вамъ друзей въ рукахъ палачей...»

Она рѣшилась. Положено было дѣйствовать въ слѣдующую ночь (съ 24 на 25 ноября).

Наступила эта достопамятная для цесаревны ночь. Явился Лестокъ и объявилъ, что все готово. Тутъ она снова впала въ нерѣшительность, плакала и, наконецъ, упавъ на колѣни передъ образомъ, дала торжественнее обѣщаніе, что если Богъ благословитъ ея намѣреніе, то ни одинъ человѣкъ не будетъ въ ея царствованіе наказанъ смертною казнію.

Двое саней стояли у ея подъѣзда. Она сѣла въ одни съ Лестокомъ, двумя ея камеръ-юнкерами, Шуваловыми и камергеромъ Воронцовымъ; въ другихъ помѣстилось нѣсколько человѣкъ изъ числа наиболѣе ей преданныхъ и приближенныхъ. Кони быстро примчали ихъ къ преображенскимъ казармамъ. Въ одну минуту толпа гренадеръ окружила свою «матушку»; она сказала имъ: «знаете ли чья я дочь?» они отвѣчали: «веди насъ».

Тихо, по пустыннымъ въ то время улицамъ и пустырямъ, остававшимся еще среди Петербурга, приближался маленькій отрядъ къ Зимнему дворцу и — точно также какъ за годъ передъ тѣмъ Биронъ — была арестована Анна Леопольдовна принцъ Антонъ и младенецъ Іоаннъ Антоновичъ. Между тѣмъ явились гонцы съ донесеніями, что, по распоряженію расторопнаго Лестока, захвачены Минихъ, Остерманъ, Левенвольдъ, Менгденъ, неудачный составитель государственныхъ актовъ — Темирязевъ, и Головкинъ, — этотъ послѣдній только-что выпроводившій гостей, веселившихся на имянинахъ его жены.

25-го ноября Петербургъ проснулся и узналъ, что у него новый Государь. Тотъ же самый Шаховской, бывшій теперь сенаторомъ, который описалъ намъ заутріе арестованіе Бирона, опишетъ намъ только - что разсказанное происшествіе. Онъ провелъ вечеръ на имянинахъ графини Головкиной. «Я только-что уснулъ, какъ необыкновенный стукъ въ ставень моей спальни, и громкій голосъ сенатскаго экзекутора, Дурново, меня разбудилъ. Онъ громко кричалъ, чтобъ я, какъ наискорѣе, ѣхалъ въ цесаревнинскій дворецъ: ибо - де она изволила принять престолъ россійскаго правленія, и я-де съ тѣмъ объявленіемъ теперь бѣгу къ прочимъ сенаторамъ. Я, вскоча съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобъ его нѣсколько о томъ для свѣдѣнія моего спросить, но онъ уже удалился». —«Нимало о такихъ предпріятіяхъ не только свѣдѣнія, но ниже видовъ къ примѣчаніямъ не имѣя, я сперва подумалъ, не сошелъ ли господинъ экзекуторъ съ ума, что такъ меня встревожилъ и вмигъ удалился; но вскорѣ потомъ увидѣлъ

многихъ по улицѣ мимо оконъ моихъ бѣгущихъ людей необыкновенными толпами въ ту сторону, гдѣ дворецъ былъ, куда и я немедленно поѣхалъ, чтобъ скорѣе узнать точность такого чрезвычайнаго происхожденія. Не было мнѣ надобности размышлять, въ которой дворецъ ѣхать. Ибо хотя ночь была тогда темная и морозъ великой, но улицы были наполнены людьми, идущими къ цесаревнинскому дворцу; гвардіи полки съ ружьемъ шеренгами стояли уже вокругъ онаго въ ближнихъ улицахъ, и для облегченія отъ стужи во многихъ мѣстахъ раскладывали огни; а другіе, поднося другъ другу, пили вино, чтобъ отъ стужи согрѣваться. При чемъ шумъ разговоровъ и громкое восклицаніе многихъ голосовъ: здравствуй наша матушка, Императрица Елизавета Петровна! воздухъ наполняли.»

Ни малѣйшаго сопротивленія воцаренію Елизаветы не было и быть не могло: она, дѣйствительно, была возведена на престолъ голосомъ, волею народа, который любилъ въ ней единственную вѣтвь царствующаго дома, и надѣялся увидѣть при ней конецъ господству нѣмцевъ.

Впечатлѣніе, произведенное ея вступленіемъ на престолъ, очень вѣрно изображаютъ намъ современныя проповѣди. Духовенство вообще было очень сильно нерасположено ко временамъ Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны, и тѣмъ болѣе радовалось происшедшей перемѣнѣ. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ въ декабрѣ 1741 года новгородскій архіепископъ Амвросій: «О наше неблагополучіе! на наши грѣхи и беззаконія послалъ Богъ недобросовѣстныхъ человѣковъ, которые, для своей богоненавистной корысти сдѣлали препятствіе къ закон-

ному воспріятію престола тебѣ, всемилостивѣйшая Государыня!» — «А какими врагами были всѣ тѣ, которые подъ видомъ вѣрности, наше отечество раззоряли! и, смотрите, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость: во-первыхъ, на благочестіе и вѣру нашу поступили подъ претекстомъ, будто непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ; и какое многое множество подъ этимъ предлогомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили!.. Разговора другаго у нихъ не было, какъ только о ученыхъ людяхъ: «о Боже, какъ несчастна Россія, «что людей ученыхъ не имѣетъ, и ученія завесть не мо«жетъ!» А между тѣмъ былъ ли кто изъ Русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ, солдатъ старый, наипаче жъ, если онъ былъ ученикъ Петра, — тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить и тѣмъ либо голову ему отсѣчь, либо послать въ такое мѣсто, гдѣ нельзя не умереть съ голоду»...

Амвросій говорилъ въ присутствіи Государыни, а потому къ похваламъ ей примѣшивалъ похвалы и Петру; но другіе проповѣдники были откровеннѣе и не щадили его памяти за призывъ иностранцевъ. Одинъ изъ московскихъ духовныхъ уподоблялъ Россію полю евангельской притчи, Петра сѣятелю, доброе сѣмя Елизаветѣ, а плевелы суть «подъ видомъ только сыновъ отечества, вещію же порожденія ехиднина, изгрызающіе утробу матери своея, Россіи, — говорилъ онъ, — чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, расхитители, правовѣрія ругатели», между которыми онъ и называетъ безъ всякихъ обиняковъ Остермана и Миниха. «Воскресни, Златоусте, восклицаетъ проповѣдникъ,

возгреми на пролившаго многую кровь русскую, Остермана, загради Миниху челюсти!..» — «Остерманъ, говорилъ другой проповѣдникъ, хромъ душою, хромъ совѣстью, хромъ и ногами — сова сирадная, въ сокола или орла притворившаяся!»

Разумѣется, за избавленіе отъ такихъ ненавистныхъ людей возсылались Елизаветѣ благодаренія и благословенія: «Пріиде, о Россіе, воскликнулъ Амвросій при торжествѣ коронаціи, твердое, непоколебимое основаніе твоего благополучія!» — «Православную вѣру и благочестіе поддержала и возстановила ты, Государыня; лишь вступила на престолъ, немедля объявила синоду свое намѣреніе: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога.» — «Такимъ же образомъ, книгу «Камень вѣры», въ тьмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, а эта книга, какъ всякому искусному мастеру инструментъ, такъ и она намъ потребна.» — Упомянувъ о нѣкоторыхъ другихъ распоряженіяхъ новой Императрицы, обнаруживавшихъ ея набожность и привязанность къ русскому, проповѣдникъ заключалъ: «Нынѣ радуется Христосъ, возрадовались ангели, небеса восторжествовали, всѣ святые радостную пѣснь поютъ, Россіяне восклицаютъ: нынѣ бысть спасеніе и сила и царство Бога и область Христа, яко низложенъ бысть сатана и всѣ ангелы его съ нимъ. Самъ Христосъ ударилъ въ нихъ *камнемъ вѣры*, и яко дымъ вѣтромъ разсѣялъ.»

Разумѣется, во всѣхъ этихъ похвалахъ Императрицѣ, расточаемыхъ въ ея присутствіи, есть ласкательство и преувеличеніе, но въ нихъ видно и искреннее увлеченіе и глубокая радость объ избавленіи отъ чужеземнаго преобла-

данія; по этому голосъ духовенства въ это время былъ дѣйствительно голосомъ народа.

Нѣмецкая партія, сильно пораженная паденіемъ Бирона, была окончательно уничтожена паденіемъ Остермана и Миниха. Кромѣ этихъ двухъ людей, въ ней не было ни одного, который бы силою своихъ способностей и заслугъ былъ въ состояніи поднять кредитъ нѣмецкой партіи. Напротивъ того, между чистыми Русскими явились люди, способные занять важныя правительственныя должности, не обращаясь, какъ люди предшествующей эпохи, за разрѣшеніемъ каждаго недоразумѣнія къ Остерману.

Первымъ изъ такихъ людей былъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, сдѣланный, какъ мы видѣли, послѣ смерти Волынскаго кабинетъ-министромъ. Онъ долго находился при разныхъ русскихъ заграничныхъ миссіяхъ, отлично зналъ состояніе европейской политики, тайныя желанія и слабости различныхъ дворовъ и свойства вліятельнѣйшихъ при нихъ лицъ, которыми и умѣлъ искусно пользоваться. Биронъ вызвалъ его въ Россію и далъ ему мѣсто въ кабинетѣ, надѣясь воспользоваться его свѣдѣніями и способностями и поддержать имъ свое вліяніе. И Бестужевъ дѣйствительно былъ ему полезенъ, не шелъ противъ него, какъ Волынскій... пока онъ былъ въ силѣ. Но во время слѣдствія надъ нимъ, понимая, что дѣло его и его партіи проиграно, началъ давать показанія противъ него. Съ характеромъ этого человѣка, игравшаго большую роль въ царствованіе Елизаветы, мы познакомимся изъ его дѣйствій, а теперь скажемъ только, что, еще будучи молодымъ человѣкомъ и находясь при гановерскомъ курфирстѣ, онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ царевичемъ Алексѣемъ

и писалъ ему въ Вѣну, предлагая себя «будущему Царю и Государю, въ услуженіе». Противъ этого ничего нельзя было бы сказать, еслибъ Бестужевъ былъ противникомъ Петровой реформы: напротивъ, сдѣлавшись министромъ Елизаветы, онъ убѣдилъ ее возстановить учрежденія этого Государя, измѣненныя первыми его преемниками, заискивалъ же въ царевичѣ, очевидно, изъ личнаго разсчета, чтобъ подняться въ случаѣ его успѣха.

Страннымъ можетъ показаться, что такой ненадежный человѣкъ, да при томъ еще приверженецъ Бирона, могъ возвыситься и, какъ увидимъ, пользоваться огромнымъ значеніемъ? Онъ былъ *необходимъ*. Двѣ такія первоклассныя головы, какъ Остермановa и Миниха, оставляли слишкомъ обширную пустоту, которую не легко было наполнить; на это казался способнымъ одинъ только Бестужевъ; это признавали самые враги его, Лестокъ и князь Трубецкой, указавшіе на него Елизаветѣ.

Другое лицо, скоро получившее большое значеніе—былъ Петръ Шуваловъ, бывшій камеръ-юнкеръ при цесаревнѣ и вмѣстѣ съ нею возвысившійся,—«человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный», по словамъ князя Щербатова, не щадившій никакихъ, даже самыхъ презрѣнныхъ, какъ увидимъ, средствъ, чтобъ удержать за собою милость Государыни, власть и средства къ обогащенію, но имѣвшій хорошій государственный умъ.

Это были два главные государственные человѣка въ царствованіе Елизаветы; дворъ наполнился множествомъ и другихъ лицъ или связанныхъ родствомъ съ новою Императрицею, какъ Нарышкины (потомки Натальи Кирилловны), Воронцовы, Ефимовскіе, Гендриковы

(женатые на Скавронскихъ, племянницахъ Екатерины I), или бывшими въ болѣе или менѣе близкихъ съ цесаревною отношеніяхъ до вступленія ея на престолъ,— какъ Шуваловы, Апраксины, Чернышевы и особенно Разумовскій. Вызванъ былъ изъ своего заточенія и старый фельдмаршалъ Долгоруковъ, переживпіій истребленіе почти всей его родни, съ лаской принятъ Императрицею, его крестницею и сдѣланъ президентомъ военной коллегіи. Не забыты были Лестокъ и преображенская рота, введшая Елисавету въ Зимній дворецъ. Лестокъ былъ сдѣланъ лейбъ-медикомъ, директоромъ всей медицинской части въ Россіи, получилъ множество подарковъ и пріобрѣлъ огромное значеніе. Одинъ иностранный посланникъ, пишетъ, что счастливымъ себя почиталъ тотъ, кому удавалось на придворномъ балѣ протанцовать съ его женою; министры, посланники, искали его дружбы. Что касается до преображенцевъ, то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, имъ розданы были, хотя и не вдругъ, помѣстья съ населеніемъ до 14,000 крестьянъ.

Вотъ люди, которыхъ колесо фортуны подняло наверхъ; — посмотримъ теперь на людей, которые были имъ опрокинуты.

Надъ лицами, арестованными въ ночь 24—25 ноября, было наряжено слѣдствіе. — «Въ чемъ? спрашивалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій князь Щербатовъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда Государямъ были привязаны и что не почитая ее (Елизавету) наслѣдницею престола, но опасаясь имени ея родителя и рожденія ея, давали съ пользою тѣхъ Государей, предосудительные ей совѣты?.. Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣр-

но имъ служили? Вся Россія 14 лѣтъ въ томъ преступленіи была.» — Дѣйствительно, слѣдствіе открыло, что Минихъ совѣтывалъ Бирону, а Остерманъ Аннѣ Леопольдовнѣ заключить Елизавету въ монастырь но можно ли это вмѣнять имъ въ преступленіе? Много также открыто было происковъ, интригъ, своекорыстія, вообще безнравственности со стороны какъ этихъ двухъ, такъ и другихъ лицъ; между прочимъ Остерманъ былъ уличенъ въ томъ, что весь процессъ Волынскаго направлялъ онъ посредствомъ имъ же назначенныхъ судей. Когда у него спросили, признаетъ ли онъ это обвиненіе справедливымъ: «Виновенъ и согрѣшилъ», отвѣчалъ онъ, опустя голову. Минихъ былъ, между прочимъ, обвиняемъ въ томъ, что онъ безъ нужды потерялъ множество народа подъ Очаковымъ. Выслушавъ это обвиненіе, старый фельдмаршалъ обратился къ одному изъ своихъ судей, князю Трубецкому, завѣдывавшему у него въ то время разными снабженіями, и сказалъ: «Въ одномъ только виноватъ я и долженъ упрекать себя, — именно въ томъ, что не повѣсилъ тебя, когда, въ бытность твою кригсъ-комисаромъ, ты былъ уличенъ въ плутовствѣ!»

Остерманъ, Минихъ, Левенвольдъ, Головкинъ, Менгденъ и Темирязевъ были осуждены на смерть; 12 другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ приговорены къ наказанію кнутомъ или плетьми и ссылкѣ. 18-го января 1742 года ихъ всѣхъ, подъ военнымъ конвоемъ, вывели изъ крѣпостныхъ казематовъ. Остермана посадили въ дровни, потому что подагра давно не позволяла ему ходить; на немъ былъ красноватый мѣховой халатъ, въ которомъ онъ вѣроятно былъ захваченъ; этотъ странный на-

рядъ и сѣдая борода, отросшая во время заключенія, дѣлали его почти неузнаваемымъ; также какъ и онъ, пораженный подагрою, больной и дряхлый, тащился Головкинъ. Красавецъ и любезникъ двора Екатерины I и Анны, Левенвольдъ, — разбитый первымъ приключившимся въ его жизни несчастіемъ, былъ полумертвъ отъ страха: въ нѣсколько недѣль онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, глаза и щеки его ввалились. Одинъ только Минихъ сохранялъ свой «соколиный видъ» и теперь также, какъ подъ Очаковымъ и Ставучанами, смѣло смотрѣлъ въ глаза смерти.

Посреди густой толпы недружелюбно къ нимъ расположеннаго народа имъ было прочтено рѣшеніе суда; Остермана взнесли на эшафотъ; онъ опустилъ голову на плаху, но казнь не совершилась: ему сказана вѣчная ссылка въ Березовъ, Миниху — въ Пелымь; остальныхъ велѣно было разослать въ другія, не менѣе отдаленныя и глухія мѣста изгнанія. Кромѣ ихъ, сослано было еще нѣсколько менѣе извѣстныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и Минихъ-сынъ (скоро возвращенный), оставившій довольно любопытныя записки о своемъ времени.

Замѣчательно, что Остерманъ нѣсколько лѣтъ не владѣвшій ногами, выздоровѣлъ въ Березовѣ; но о жизни его тамъ почти ничего неизвѣстно; знаемъ только, что онъ прожилъ тамъ еще шесть лѣтъ. Что касается до Миниха, то онъ восьмидесятилѣтнимъ, но еще бодрымъ и даже честолюбивымъ старцемъ явился ко двору Петра III и умеръ въ 1766 году. Въ Пелыми, не находя занятія, но мучимый потребностію дѣятельности, онъ занимался воздѣлываніемъ своего огорода, училъ грамотѣ дѣтей у пелымскихъ жителей, и тайкомъ доставая бумагу

и чернила, писалъ трактаты о военномъ искусствѣ, проэкты объ изгнаніи Турокъ и т. п. Къ сожалѣнію, онъ долженъ былъ сжечь все это, потому что одинъ изъ его караульныхъ грозилъ сдѣлать на него за это доносъ...

Чтобъ не возвращаться болѣе къ членамъ бывшей нѣмецкой партіи, скажемъ два слова о Биронѣ. Его замыслы, которыхъ онъ надѣялся достигнуть посредствомъ сближенія съ Елизаветою Петровною, послужили ему теперь въ пользу. Новая Императрица велѣла перевести его изъ Пелыми въ Ярославъ, гдѣ онъ жилъ во все время ея царствованія, пользуясь почти полною свободой, но не пользуясь никакимъ значеніемъ ни при дворѣ, ни въ своемъ герцогствѣ.

II.

Манифестъ Елизаветы.—Ея старанія предать забвенію предшествующее царствованіе.—Петръ Принцъ голштинскій. — Война съ Шведами.— Взятіе Фридрихсгама.— Отступленіе Левенгаупта.— Онъ кладетъ оружіе.—Абосскій трактатъ (1743).—Судьба брауншвейгской фамиліи.—Бестужевъ усиливается.—Происки маркиза Ботты и процессъ Лопухиныхъ.—Избраніе невѣсты великому князю.—Бестужевъ одолѣваетъ Шетарди.—Торжество такъ называемой русской партіи.— Алексѣй Разумовскій. — Малороссія. — Стѣсненіе ея правъ и причины тому.—Избраніе гетмана.—Къ чему привело это избраніе.

Въ утро, послѣдовавшее за вступленіемъ Елизаветы Петровны на престолъ, т. е. 25 ноября (1741 г.), обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ возвѣщалось народу о

совершившемся переворотѣ. Императрица объявляла, что вѣрные подданные и особенно гвардія, страшась безпорядковъ, неразлучныхъ съ малолѣтствомъ Государей, умоляли ее, чтобъ она, «яко по крови ближняя», приняла отеческій престолъ. Черезъ три дня подробнѣе объяснились причины возведенія Государыни на тронъ. Въ этомъ новомъ манифестѣ говорилось о духовномъ завѣщаніи Екатерины I, нарушенномъ избраніемъ Анны Іоанновны и которое будто бы сокрыто было въ то время Остерманомъ. Вліянію Остермана же приписывалось и назначеніе наслѣдникомъ Іоанна Антоновича; наконецъ,—сказано въ манифестѣ,—Остерманъ, Минихъ и Головкинъ и эту данную имъ младенцу-Императору присягу нарушили «и правительство нашей имперіи въ свои руки подъименемъ той мекленбургской принцессы, насильствомъ взяли», замышляли о возведеніи на престолъ этой принцессы, о совершенномъ отрѣшеніи отъ престола законной по крови наслѣдницы, и о стѣсненіи ея свободы.

И такъ, назначеніе Іоанна Антоновича признавалось совершенно незаконнымъ, а слѣдовательно и регенство какъ его матери, такъ и Бирона. Новое правительство какъ будто хотѣло вычеркнуть его изъ исторіи, признать вовсе не бывшимъ; всѣ сдѣланныя въ это время повышенія объявлены несостоявшимися (что, впрочемъ, скоро отмѣнено), всѣ неисполненныя еще рѣшенія тогдашняго правительства велѣно не приводить въ исполненіе; монету съ чеканомъ Іоанна Антоновича велѣно представлять для переплавки, указы съ его титуломъ, богослужебныя книги въ которыя вписана брауншвейгская фамилія, наконецъ, вообще всѣ книги, въ которыхъ упоминаются «бывшія въ

два правленія извѣстныя персоны», предписано было высылать въ Петербургъ для уничтоженія. Все это произвело, что Іоаннъ Антоновичъ сдѣлался и доселѣ остался у насъ какимъ-то таинственнымъ лицомъ, о которомъ не смѣли не только писать, но и говорить рѣшались не иначе, какъ шепотомъ.

Къ царствованію Анны Іоанновны манифестъ 28 ноября хотя и не относился такъ уничтожительно, однако онъ признавалъ и его нарушившимъ прямой порядокъ престолонаслѣдія. Елизавета Петровна связывала себя непосредственно съ отцомъ своимъ, а потому и пожелали возстановить по возможности въ управленіи тѣ формы, которыя существовали при немъ, отмѣнивъ всѣ сдѣланныя послѣ него нововведенія. «Кабинетъ» былъ уничтоженъ и сенату возвращено его правительственное значеніе; коллегіи, бывшія при Петрѣ отдѣльно, а послѣ него слитыя въ одну, были теперь снова раздѣлены, управленія же послѣ него созданныя, уничтожены. Впрочемъ, всѣ эти перемѣны не имѣли въ себѣ ничего существеннаго. Если не было кабинета, то учреждена была подобная ему или верховному совѣту *конференція*. Сенату было запрещено вмѣшиваться въ расходы по придворному вѣдомству, да если ему случалось дѣлать распоряженія, непріятныя Императрицѣ и по другимъ предметамъ, то она ихъ отмѣняла, не стѣсняясь; такъ, когда прибыли въ Москву депутаты Малороссіи, очень въ то время ласкаемой, имъ было назначено сенатомъ на содержаніе по 10 р. въ мѣсяцъ, по прежнимъ примѣрамъ; но Императрица велѣла назначить по 100 р. Вообще возвращеніе къ петровскимъ порядкамъ доказывали не столько преимущественно этихъ

порядковъ предъ послѣдующими, сколько желаніе новаго правительства уронить въ общественномъ мнѣніи эпоху, — дѣйствительно, впрочемъ, непривлекательную,—съ 1725 по 1742 годъ.

Однимъ изъ первыхъ попеченій Елизаветы Петровны было вызвать въ Россію своего племянника, сына Анны Петровны. Императрица не хотѣла выходить замужъ, а потому всѣ были увѣрены, что молодой принцъ голштинскій будетъ объявленъ наслѣдникомъ престола. Онъ прибылъ въ началѣ 1742 года; ему было тогда около 14 лѣтъ. Лишившись въ дѣтствѣ своей матери, самой умной и дѣльной изъ всѣхъ дѣтей великаго Императора, молодой принцъ не зналъ той нѣжной и разумной заботливости, которая развиваетъ и сердце и умъ человѣка; по этому онъ пріѣхалъ въ Россію весьма мало подготовленный для того, чтобъ привлечь къ себѣ симпатіи и возбудить надежды своего новаго отечества; напротивъ, онъ съ самаго пріѣзда обнаружилъ непріязнь ко всему, что льстило народному чувству и исключительное пристрастіе ко всему нѣмецкому, особенно голштинскому и прусскому. Впрочемъ, къ нему были приставлены учители, наставники, законоучитель; осенью 1742 года онъ принялъ православіе и признанъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ русскаго престола. Мы скоро возвратимся къ нему и поговоримъ подробнѣе о немъ и о его окружающихъ, а теперь возвратимся къ первымъ днямъ, послѣдовавшимъ за воцареніемъ Елизаветы.

Елизавета наслѣдовала отъ предшествовавшаго правленія войну со Швеціей. Не трудно понять, что не рыцарское желаніе — «освободить Россію отъ чужеземцевъ» —

было истиннымъ побужденіемъ нашихъ сосѣдей. Они не могли забыть Ништатскаго мира и имъ казалось, что малолѣтство Императора, неудовольствіе Русскихъ противъ тогдашняго правительства и слабость этого послѣдняго представляютъ всѣ вѣроятности, чтобъ возвратить все потерянное ими 20 лѣтъ тому назадъ.

Война открылась въ Финляндіи 1740. Нашимъ главнокомандующимъ былъ старикъ Ласси, а подъ нимъ генералъ Кейтъ. Къ удивленію, нація, въ теченіе многихъ лѣтъ жаждавшая войны, не перестававшая о ней твердить, оказалась менѣе къ ней приготовленною, нежели та, которая ее не ждала и не желала, и при томъ домашнія дѣла которой, казались и дѣйствительно были очень запутаны. Небольшая наша армія вступила въ Финляндію прежде, нежели шведскій главнокомандующій Левенгауптъ (старый товарищъ Карла XII) успѣлъ прибыть къ ней на помощь. Пользуясь этимъ, Ласси быстро подступилъ къ Вильманстранду, на голову разбилъ небольшой шведскій отрядъ и занялъ эту крѣпостцу. Когда же Левенгауптъ, наконецъ, вступилъ на финляндскій берегъ, то наступившая осень не дозволила ему дѣйствовать, и обѣ арміи, по тогдашнему обычаю, расположились «на зимнихъ квартирахъ».

Независимо отъ собственнаго непріязненнаго чувства шведской націи къ Россіи послѣ послѣдней войны, оно было подстрекаемо Франціей, которая, какъ мы знаемъ, преслѣдуя вѣковѣчную свою вражду противъ Австріи, старалась низвергнуть правительницу и ея министровъ, расположенныхъ къ австрійскому союзу. Помогая Елизаветѣ и даже возбуждая ее овладѣть престоломъ, Шетарди имѣлъ въ виду ту же политику, противную Австріи, и обма-

доказывалъ Швеціи, что новая Императрица охотно согласится на нѣкоторыя уступки. Но надежды эти оказались химерами: ни Елизавета, ни Бестужевъ не хотѣли и слышать объ уступкѣ даже малѣйшей части петровыхъ завоеваній. Одно, на что они соглашались было,—нѣкоторое денежное вознагражденіе Швеціи. Этого казалось недостаточнымъ Швеціи, и война, съ наступленіемъ весны, возобновилась. Лучше было бы для Швеціи, еслибъ ея правительство было уступчивѣе! Ей пришлось испытать на себѣ справедливость пословицы: своя собаки грызутся, а чужая не суйся.

Ласси повелъ свою армію впередъ; страна, которую онъ долженъ былъ проходить, изрѣзана была горами и покрыта лѣсами; на каждомъ шагу встрѣчались позиціи, которыя могли остановить наше наступленіе, еслибъ Шведы приняли мѣры къ ихъ оборонѣ. Но Левенгауптъ стоялъ въ Фридрихсгамѣ и не только не озаботился преградить намъ пути, но даже не укрѣпилъ города, въ которомъ находились всѣ его запасы. Когда Ласси приблизился, шведскій генералъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ взорвать свои пороховые погреба, сжечь хлѣбные магазины и покинуть городъ со множествомъ пушекъ и другихъ предметовъ, которые истребить было нельзя такъ скоро, и началъ поспѣшно отступать. Нейшлотъ, Тавастгусъ и Кексгольмъ, поочередно оставленые имъ, были занимаемы Русскими. Левенгауптъ отступилъ и далѣе, къ Гельсингфорсу, и неизвѣстно, чѣмъ и гдѣ могло бы кончиться это ничѣмъ необъяснимое отступленіе, еслибъ Ласси не сдѣлалъ его болѣе невозможнымъ: онъ обошелъ

шведскую армію и поставилъ ее въ необходимость или пробиваться силою, или положить оружіе (1742).

Какъ ни деморализирована была шведская армія своимъ долгимъ, постояннымъ отступленіемъ, но она была готова на самыя отчаянныя усилія, чтобъ избѣгнуть рѣдкаго въ военной исторіи безчестія. Однако, главнокомандующій разсудилъ иначе, и подписалъ капитуляцію тѣмъ болѣе постыдную, что армія наша не превышала шведской.

Въ силу заключенной капитуляціи вся шведская пѣхота должна была сѣсть на корабли и возвратиться въ Швецію, кавалерія возвратиться туда же черезъ Торнео, а полкамъ, выставленнымъ Финляндцами, было предоставлено разойтись по домамъ, чѣмъ они и поспѣшили воспользоваться, потому что Финляндцы не очень были довольны поселившимися между ними шведскими дворянами. Но несчастія Шведовъ и этимъ не кончились; буря потопила часть кораблей, перевозившихъ возвращавшуюся шведскую пѣхоту, а дальній путь, болѣзни и вскорѣ наступившая осень истребили кавалерію, слѣдовавшую сухимъ путемъ. Ласси же, напротивъ, готовился сѣсть на корабли, чтобъ внесть войну въ самое сердце Швеціи.

Національное чувство Шведовъ было всѣмъ этимъ глубоко оскорблено; вся нація требовала суда надъ Левенгауптомъ, который и былъ преданъ суду и казненъ смертію,—а между тѣмъ правительство шведское принуждено было вступить съ нами въ переговоры. Они продолжились долго, но, наконецъ, лѣтомъ 1743 года былъ подписанъ съ нашей стороны Румянцевымъ (отцомъ Задунайскаго) въ Або трактатъ, которымъ граница наша была подвинута къ сѣверу до Нейшлота со включеніемъ этого

города, а къ западу, по берегу Финскаго залива, до р. Кюмени и Фридрихсгама включительно.

Это завоеваніе отдаляло Швецію отъ Петербурга на 300 слишкомъ верстъ, слѣдовательно обезопасивало нашу столицу и отдавало намъ часть морскаго берега, безъ овладѣнія которымъ плаваніе по Финскому заливу не могло быть вполнѣ для насъ безопаснымъ. Выгоды эти были, слѣдовательно, довольно существенны. Кромѣ того, еще ранѣе окончательнаго заключенія мира, именно когда неудачи слѣдовали въ шведской арміи за неудачами, политика шведская прибѣгла къ средству, по видимому, довольно вѣрному, чтобъ заискать расположеніе Императрицы: наслѣдство шведскаго престола было формально предложено молодому принцу голштинскому. Но вызванный въ Россію, для наслѣдованія послѣ Елизаветы Петровны, онъ, разумѣется, не пожелалъ ѣхать въ Швецію, но однимъ изъ условій абоскаго договора было назначеніе шведскимъ кронпринцемъ родственника молодаго великаго князя, тоже голштинскаго принца, который, какъ у насъ надѣялись, будетъ намъ добрымъ сосѣдомъ и союзникомъ. По приглашенію короля и сената, наша эскадра высадила небольшой десантъ на шведскій берегъ и появленіемъ своимъ доставила въ дѣлѣ избранія кронпринца перевѣсъ преданной намъ въ Швеціи партіи.

Всѣ эти успѣхи, немаловажные сами по себѣ и льстившіе народному самолюбію, были особенно важны тѣмъ, что они упрочивали положеніе правительства, а послѣ всѣхъ бывшихъ переворотовъ спокойствіе было намъ необходимо тѣмъ болѣе, что, не взирая на единодушное сочувствіе, которымъ было встрѣчено воцареніе Елизаветы,

существовало много обрывковъ старыхъ партій, которыя глухо волновались, много личныхъ интересовъ и интригъ, которыя при неблагопріятныхъ условіяхъ могли нарушить едва утвердившееся спокойствіе.

Первою подобнаго рода опасностію казалось брауншвейгская фамилія. Въ первыя минуты своего торжества, Елизавета хотѣла отпустить Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми въ Германію, и она уже отправилась въ путь черезъ Нарву и Ригу. Но несчастіе, которое было только началомъ цѣлаго для нихъ ряда бѣдствій, одна изъ принцессъ заболѣла дорогою, что пріостановило путешествіе брауншвейгской фамиліи: когда же она прибыла, наконецъ, въ Ригу, ее тамъ задержали и заключили въ Дюнамюндскую крѣпость.

Что могло быть причиною такой перемѣны? Понять не трудно. Императрицѣ было представлено, что Іоаннъ Антоновичъ, хотя короткое время, но былъ Государемъ; что онъ младенецъ, правда, но будетъ и юношею, и что мудренаго, если онъ тогда явится претендентомъ на русскій престолъ! Если не самъ, не по собственному побужденію, то въ рукахъ политическихъ противниковъ Россіи, въ случаѣ какой нибудь войны, напримѣръ, онъ можетъ, представляли Императрицѣ, сдѣлаться опаснымъ орудіемъ. Всѣ эти соображенія были очень важны и вотъ почему брауншвейгская фамилія была задержана въ Ригѣ.

Лестокъ сильнѣе всѣхъ настаивалъ на томъ, чтобъ она не была выпущена за границу; онъ представлялъ необходимость заключить ее и при томъ заключить такъ, чтобъ и слѣда ея не было, чтобъ и память о ней затихла. Это дѣйствительно казалось безопаснѣе; это же совѣтовалъ

Елизаветѣ Петровнѣ и Фридрихъ прусскій, составившій уже себѣ большую репутацію политической мудрости,— и вотъ несчастныхъ узниковъ тайно и подъ конвоемъ препроводили въ Ораніенбургъ, а черезъ годъ (1744) тайно же, въ закрытомъ экипажѣ, на другой конецъ Россіи, въ Холмогоры, гдѣ они были помѣщены въ отдѣльномъ домѣ, огороженномъ высокою стѣною.

Кромѣ нѣсколькихъ приставленныхъ къ нимъ служителей да военной команды, никто не могъ проникнуть въ это таинственное обиталище. Всякое сношеніе съ живымъ міромъ было прекращено, потому что и самая прислуга и солдаты оставались тамъ безъ перемѣны и не должны были никуда отлучаться, такъ что только развѣ смерть могла развязать эти странныя узы.

Слишкомъ 20 лѣтъ продолжалось это безвыходное заключеніе. Елизавета скончалась, а холмогорскіе узники могли развѣ случайно узнать объ этомъ; прошло царствованіе Петра III, и оно не принесло перемѣнъ въ судьбѣ браушвейгской фамиліи; наконецъ, въ 1780 году, Екатерина II рѣшилась дать имъ свободу. Ни принца Антона, ни его супруги уже не находилось въ живыхъ; Іоаннъ Антоновичъ же былъ изъ Холмогоръ переведенъ въ Шлиссельбургъ. Архангельскій губернаторъ пріѣхалъ къ холмогорскимъ узникамъ съ вѣстію о свободѣ. Онъ нашелъ ихъ въ жалкомъ состояніи. Старшая дочь Анны Леопольдовны была косноязычна и слабоумна, два ея сына тоже имѣли слабыя умственныя способности, вторая дочь была нѣкоторое время въ помѣшательствѣ и всѣ они лишены были самаго даже начальнаго образованія, такъ что едва умѣли писать. Въ такомъ положеніи эти четыре несча-

существова [illegible]
глухо вол [illegible]
которыя пр [illegible]
едва утвер [illegible]
Первою [illegible]
швейгская [illegible]
Елизавета [illegible]
женъ и дѣт [illegible] Лестокъ и
путь черезъ [illegible] уступки,
только нача [illegible] ость
изъ принце [illegible] сильно
шествіе бра [illegible] Онъ
наконецъ, [illegible] дол-
Дюнаминдск [illegible] —
Что могл [illegible], что
не трудно. [illegible] страсть къ
Антоновичъ [illegible] первымъ
что онъ мла [illegible] его отца
мудренаго, [illegible] прін-
скій престол [illegible]
бужденію, [illegible]
Россіи, въ [illegible]
можетъ, преде [illegible]
орудіемъ. Все [illegible]
почему браун [illegible]
Лестокъ [illegible]
не была выпуще [illegible]
ходимость заклю [illegible]
и слѣда ея не [illegible]
дѣйствительно [illegible]

... остановить
... щiери въ это
... зать доносъ.
... Это
... ie тѣ-
... сто-
... сылкѣ

... оговориться
... ахъ въ Іо-
... довольно
... его въ трак-
... ами Іопу-
... Импера-
... легко
... остановить

... пос-
... пока

... Че...
пода...
какъ ...
вліяніе ...
Но ...
раздо бол...
нѣкоторыя ...
стрійскаго пос...

Бестужеву колесовать, а другимъ четверымъ, въ томъ числѣ одной женщинѣ, отсѣчь головы. Рѣшеніе это, впрочемъ, было отмѣнено: первымъ четыремъ было велѣно урѣзать языки и, бивъ кнутомъ, сослать; остальныхъ, по наказаніи кнутомъ или плетьми, тоже отправить въ ссылку; наконецъ, трехъ наименѣе виновныхъ, выключа изъ службы, посадить на житье въ ихъ деревни.

Таковъ былъ еще одинъ изъ длиннаго ряда такъ называемыхъ политическихъ процесовъ, наполнявшихъ нашу исторію XVIII вѣка. Не только мы, имѣющіе на своей сторонѣ цѣлое лишнее столѣтіе цивилизаціи, но и просвѣщеннѣйшіе изъ современниковъ Екатерины II, какъ напримѣръ князь Щербатовъ, горько порицаютъ эти жестокія наказанія за мнѣнія, желанія, сожалѣнія, не переходившія въ дѣло. Но сомнительно, чтобъ современники, люди Елизаветинской эпохи, были такого же мнѣнія; борьба партій и интересовъ была слишкомъ сильна и торжествующіе безъ жалости примѣняли къ побѣжденнымъ дохристіанское правило: vae victis (горе побѣжденнымъ). Правительство считало своею обязанностію прибѣгать ко всякимъ средствамъ для сохраненія спокойствія, и едва ли было тогда много людей, которые осудили бы его за это.

По счастію, оно не къ однѣмъ мѣрамъ строгости прибѣгало. Сохранилось преданіе, что Елизавета возвратила до 20,000 человѣкъ сосланныхъ въ Сибирь и другія мѣста во время бироновщины; многихъ находили случайно въ глухихъ сибирскихъ деревенькахъ, другихъ вовсе не могли отыскать: они были привезены, брошены и забыты!

Утвержденіе престолонаслѣдія также было, безъ сомнѣнія, однимъ изъ сильнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ къ обу-

зданію волненій. Но это порождало волненіе при дворѣ. Въ свитѣ принца голштинскаго пріѣхали Брюммеръ, бывшій при немъ оберъ-маршаломъ и извѣстный намъ Берхгольцъ, описавшій свое пребываніе въ Россіи съ покойнымъ герцогомъ. Первому изъ нихъ захотѣлось играть роль въ Россіи; онъ сблизился съ Лестокомъ и началъ ему помогать противъ Бестужева. Къ нимъ примкнулъ Шетарди, снова пріѣхавшій въ Россію, хотя и не въ качествѣ посланника, но съ полною увѣренностію и съ тайнымъ порученіемъ низвергнуть Бестужева. И вотъ, снова является кучка иностранцевъ, очень расположенныхъ захватить правленіе въ свои руки и дѣлать надъ Россіею эксперименты. Однимъ изъ важныхъ средствъ, на которые оно разсчитывало, былъ выборъ невѣсты для молодаго великаго князя. Елизавета, Русская во всѣхъ своихъ привычкахъ, хотѣла, по старинному, женить племянника какъ можно ранѣе, и дѣло это взялся вести, и велъ въ величайшемъ секретѣ Лестокъ, при помощи Брюммера.

Оба эти человѣка были въ связяхъ съ прусскимъ дворомъ и желали усиленія его вліянія въ Петербургѣ; по этому, тайну, которую заботливо хранили въ Россіи, они открыли въ Берлинѣ и выборъ невѣсты для великаго князя былъ сдѣланъ Фридрихомъ великимъ; онъ указалъ на Софію-Августу, принцессу ангальтъ-цербстскую, отецъ которой былъ генераломъ прусской службы «Великая княгиня, воспитанная и вскормленная въ Пруссіи и обязанная королю всѣмъ своимъ счастіемъ, не можетъ безъ всякой неблагодарности дѣйствовать противъ него», разсуждалъ Фридрихъ.

Выборъ Лестока очень понравился Императрицѣ; но

Бестужевъ былъ въ отчаяніи, когда узналъ что дѣло такое важное для его судьбы, устроено помимо его, его противниками. Дѣйствительно, партія Лестока, Брюммера и Шетарди, партія прусско-французская сильно поднялась послѣ этого, и самонадѣянный французскій дипломатъ явно сталъ говорить, что приближается конецъ господству Бестужева. Но въ рукахъ канцлера были большія средства опрокинуть своихъ враговъ, и онъ употребилъ одно изъ нихъ, средство вѣрное, хотя конечно, и непочтенное, а именно онъ сталъ распечатывать письма Шетарди, при чемъ не пропускалъ случая показывать Государынѣ тѣ изъ нихъ, гдѣ о ней говорилось безъ уваженія, съ порицаніемъ или насмѣшкою. Это не новое, но надежное средство мгновенно поколебало кредитъ нѣкогда очень вліятельнаго француза и кончилось тѣмъ, что онъ былъ высланъ за границу. Вмѣстѣ съ Шетарди, сильно поколебался кредитъ и двухъ его союзниковъ, Лестока и Брюммера. Бестужевъ восторжествовалъ и хоть средства, которыя онъ для того употребилъ, кажутся теперь весьма гнусными, но сто лѣтъ тому назадъ на нихъ смотрѣли гораздо снисходительнѣе и въ дипломаціи нерѣдко къ нимъ прибѣгали; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ не признать, что торжество Бестужева избавило Россію отъ новаго, угрожавшаго намъ чужеземнаго господства въ видѣ очень оригинальнаго тріумвирата: лекаря-Ганноверца (*), французскаго маркиза и нѣмецкаго оберъ-маршала...

Принцесса Цербстская съ матерью своею прибыла въ Россію; ей было только 14 лѣтъ. Къ ней немедленно

(*) Лестокъ, Французъ по происхожденію, былъ ганноверскимъ уроженцемъ.

приставить учителей русскаго языка и закона Божія по православному вѣроисповѣданію; черезъ нѣсколько времени потомъ она приняла православіе, наречена Екатериною Алексѣевною и, наконецъ, въ 1745 году вступила въ бракъ съ великимъ княземъ наслѣдникомъ. Замѣчательно, что, вслѣдъ за этимъ бракосочетаніемъ, бывшій главнымъ въ этомъ дѣлѣ двигателемъ, Брюммеръ, былъ уволенъ отъ должности оберъ-маршала великаго князя. Это было еще торжество русской партіи.

Говоря: *русская партія* мы повторяемъ выраженіе иностранныхъ писателей; собственно говоря, очень странно подумать, что въ Россіи русскіе люди могли составлять только партію, то есть кружокъ людей, а не всю массу. Это было однакожъ такъ, и *русская партія*, какъ мы видѣли, въ царствованіе Анны Іоанновны и Іоанна III составляла партію далеко не господствующую. Этой партіи иностранцы приписывали и приписываютъ еще до сихъ поръ желаніе возвратить Россію къ до-петровской старинѣ. Дѣйствительно, Долгоруковы, Голицыны, равно какъ сама Елизавета Петровна не чуждались старинныхъ обычаевъ и даже отчасти дѣдовскихъ понятій; но ни старый Голицынъ, ни Елизавета, ни большая часть изъ тѣхъ, которыхъ называютъ людьми русской партіи, не чуждались и многихъ понятій новыхъ, занятыхъ отъ иностранцевъ. Еслибъ они истребляли школы, регулярное войско, торговлю, фабрики, потому что все это болѣе или менѣе занято отъ иностранцевъ, вотъ это было бы худо; но развѣ они это дѣлали? Голицынъ былъ одинъ изъ лучшихъ государственныхъ умовъ при Петрѣ первомъ и есть много основаній думать, что онъ только не желалъ преобладанія иностранцевъ въ Россіи.

Подобно этому, и по вступленіи на престолъ Елизаветы резиденты разныхъ дворовъ писали, что Россія быстро пошла назадъ къ временамъ до-петровскимъ. Эти почтенные господа считали себя поклонниками великаго Императора, а между тѣмъ очевидно не понимали великости совершенныхъ имъ дѣлъ: то̀, что онъ сдѣлалъ, былъ не карточный домикъ, на который стоило подуть, чтобъ онъ развалился; Петръ далъ такой толчекъ Россіи, котораго онъ и самъ, еслибъ хотѣлъ, не могъ бы удержать; понятія, которыми онъ руководствовался, уже проникали, какъ мы видѣли, въ кругъ образованныхъ людей, и подъ вліяніемъ этихъ понятій уже поднялось цѣлое новое поколѣніе! Сама Елизавета Петровна, не принадлежавшая къ числу особенно сильныхъ умовъ своего времени, и она все-таки принадлежала къ этому молодому поколѣнію и выражаетъ это въ своемъ правленіи. Не забѣгая впередъ, къ эпохѣ, когда у ея престола явились вполнѣ просвѣщенные молодые люди, замѣтимъ теперь, что иностранцы могли бы съ удовольствіемъ найти между ея распоряженіями, распоряженія противъ бородъ и долгополыхъ кафтановъ; мы же съ неменьшимъ удовольствіемъ укажемъ на нѣкоторыя смягченія въ уголовныхъ законахъ, на рѣдкое употребленіе смертной казни, и если мы видѣли и еще увидимъ и ссылки и пытки, то надо не забывать, что это было время едва наступившаго затишья послѣ долгихъ потрясеній и происходило въ половинѣ XVIII вѣка.

Скажемъ здѣсь объ одномъ важномъ дѣлѣ, придавшемъ въ то время много популярности новому правительству,—о возстановленіи достоинства малороссійскихъ гетмановъ.

Въ числѣ лицъ, возвысившихся вслѣдствіе переворота 1741 года, названъ Разумовскій. Онъ былъ сыномъ одного бѣднаго казака нынѣшней Черниговской губерніи; будучи ребенкомъ онъ пасъ стада, но имѣя прекрасную наружность и пріятный голосъ, былъ взятъ въ пѣвчіе къ Елизаветѣ Петровнѣ, попалъ къ ней въ милость, получилъ придворный чинъ, сначала небольшой, потомъ, при воцареніи ея, сдѣланъ камергеромъ, а вскорѣ за тѣмъ германской имперіи графомъ, владѣльцемъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, словомъ, открытымъ фаворитомъ,—все это съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду. Разумовскій, будучи человѣкомъ безъ всякаго образованія, да, по счастію, и безъ честолюбія, держался вдали отъ государственныхъ дѣлъ и помогалъ, сколько могъ, кредиту Бестужева, не потому, чтобъ находилъ австрійскій союзъ выгоднѣе французскаго, а потому, что у Разумовскаго не лежала душа къ Лестоку и вообще къ иностранцамъ. По этому, будучи безвреденъ и въ то же время очень хлѣбосоленъ, онъ былъ вообще любимъ при дворѣ; опасались его только пьянаго (что̀ бывало нерѣдко); Императрица Екатерина впослѣдствіи разсказывала, что графиня Шувалова служила молебны за своего мужа, когда онъ попадалъ на попойки къ Разумовскому.

Но были однакожъ предметы, въ которые Разумовскій позволялъ себѣ вмѣшиваться. Это были дѣла духовныя и дѣла, касавшіяся Малороссіи. О томъ, какое значеніе имѣло духовенство при Елизаветѣ, мы поговоримъ впослѣдствіи, а теперь займемся Малороссіею. Мы видѣли, что она была сильно обременена во время послѣдней турецкой войны; но не объ этомъ болѣе всего горевали Малороссы: это были бѣдствія временныя, преходящія; они горевали о томъ, что,

со времени Мазепы, ихъ старинныя права и вольности были все болѣе и болѣе стѣсняемы; Скоропадскій былъ гетманомъ скорѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Когда онъ былъ избранъ въ это званіе, онъ представилъ, по обыкновенію, *статьи*, на основаніи которыхъ Богданъ Хмельницкій присягнулъ царю Алексѣю; Петръ утвердилъ ихъ, но въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царь обѣщаетъ, писалъ онъ, ненарушимо содержать ихъ *по милости своей*». Это можно было понимать такъ, что Царь можетъ, когда признаетъ нужнымъ, и нарушить эти права. И точно, они были нарушены. Послѣ смерти Скоропадскаго не было новаго избранія и все управленіе Малороссіи было сосредоточено, какъ мы уже знаемъ, въ рукахъ малороссійской коллегіи.

При Петрѣ II опять было дозволено избрать гетмана, но когда, въ 1734 году, умеръ избранный въ это званіе Даніилъ Апостолъ, то новое избраніе снова не было разрѣшено. Высшее управленіе Малороссіею было ввѣрено коллегіи, да и та поставлена была въ зависимость отъ главнаго, назначавшагося дворомъ, начальника. Начальники эти были при томъ по большой части нѣмцы, какъ Вейсбахъ, Кейтъ, наконецъ Минихъ; и хоть Кейтъ и бывшій передъ нимъ Румянцевъ (отецъ Задунайскаго) оставили по себѣ добрую память, но подобное правленіе было въ краѣ не популярно. При томъ и въ Малороссіи была своя тайная канцелярія, не менѣе ненавистная чѣмъ петербургская. «Преданіе общее и достовѣрное (!) повѣствуетъ о томъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія,—писалъ съ полвѣка спустя епископъ Георгій Конисскій,—что ежели бы перстомъ руки Божеской изрыть частицу земли на мѣ-

Богу; пусть и остаются при нихъ. Но Малороссія была совершенно особымъ государствомъ и притомъ, государствомъ чисто военнымъ: неужели же ему было вѣкъ вѣковать въ такомъ видѣ? Неужели вѣчно его войску было оставаться ордою храбрыхъ, положимъ, но безпорядочныхъ всадниковъ посреди всеобщаго совершенствованія военнаго искусства? Неужели было возможно, когда уже начали понимать, что гражданское управленіе требуетъ отъ управляющихъ особыхъ знаній и приготовленія, неужели можно было оставлять, чтобъ полковники, то есть болѣе другихъ хорошіе воины, были въ тоже время и гражданскими властями? Неужели было бы справедливо, какъ желало малороссійское шляхетство, чтобъ великорусскіе помѣщики не могли владѣть имѣніями въ Малороссіи, также какъ и малороссійскіе въ великорусскихъ губерніяхъ? Малороссійское шляхетство было во многихъ отношеніяхъ проникнуто польскими понятіями, а до чего эти понятія довели Польшу—мы видѣли.

Но прежнее полупольское шляхетское управленіе имѣло, какъ сказано, своихъ приверженцевъ. Возвышеніе Разумовскаго открывало недовольнымъ средство дѣйствовать при дворѣ. Депутаты, присланные изъ Малороссіи съ поздравленіемъ по поводу вступленія Государыни на престолъ, поспѣшили поклониться Разумовскому; «были, пишетъ извѣстный намъ Марковичъ, въ своемъ дневникѣ,—у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, каммергера, нашего Малороссіянина». — «Бокаловъ по 10 венгерскаго выпили, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и *подпіяхомъ*». Разумовскій былъ человѣкъ не гордый, и не старался заставить забыть свое происхожденіе; онъ отъ своей души ла-

скалъ своихъ земляковъ и фраза «*подпілгомъ* у Алексѣя Григорьевича» очень часто встрѣчалась въ дневникѣ Марковича. Попивая и калякая, малороссійскіе депутаты обдѣлывали свое дѣло, такъ что, наконецъ, получили дозволеніе на возстановленіе гетманскаго достоинства. Дозволеніе это произвело восторгъ между Малороссами и особенно между старшиною. Увидимъ однакожъ, что гетманщиной болѣе воспользовались Разумовскіе, нежели Малороссы.

У фаворита, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, былъ меньшой братъ, Кириллъ. Еще ребенкомъ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, окруженъ учителями и гувернерами и отправленъ за границу, чтобъ довершить свое образованіе. Онъ, наконецъ, возвратился въ Россію семнадцатилѣтнимъ юношею, довольно образованнымъ, весьма остроумнымъ и получившимъ въ особенности тотъ лоскъ и то изящество манеръ, которые въ прошедшемъ столѣтіи составляли едва ли не первое условіе для успѣховъ при дворѣ.

Онъ возвратился изъ за границы въ то самое время, когда черезъ его брата шли переговоры о возстановленіи гетманства; когда же эти переговоры пришли къ желаемому для старшины концу, ей былъ предложенъ и совершенно готовый уже гетманъ, Кириллъ Разумовскій.

Въ 1750 году было формально объявлено соизволеніе Государыни на возстановленіе гетманскаго достоинства и на избраніе гетмана по стародавнимъ обычаямъ «вольными голосами». Всѣ знали однакожъ, что гетманъ уже назначенъ, а чтобъ еще болѣе поддержать это мнѣ-

ніе, то за нѣсколько времени до открытія *рады* (сходки), молодой Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ, гдѣ должно было происходить избраніе, съ величайшею пышностію, со множествомъ экипажей, верховыхъ лошадей, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами и открылъ двери для званыхъ и незваныхъ. По этому, когда въ слѣдующемъ году собралась рада и у нея было спрошено, кому быть гетманомъ, не было ни шума, ни споровъ, ни одушевленія: казаки или молчали, или произносили фамилію Разумовскаго.

И сталъ гетманомъ 22-хъ лѣтній юноша, Разумовскій. Императрица прислала ему, вмѣсто поздравленія, андреевскую ленту, велѣла отдать весь гетманскій доходъ, накопившійся со времени смерти Апостола, значительно увеличила противъ прежняго «ранговыя» гетманскія имѣнія, то есть пожизненно принадлежавшія гетману, его званію, и, наконецъ, подарила ихъ ему въ собственность, такъ что вмѣсто перваго сановника Малороссіи, Разумовскій сталъ первымъ, богатѣйшимъ ея помѣщикомъ!

Вотъ что выиграли Разумовскіе отъ возстановленія гетманства; а что выигрыла Молороссія? русскія войска, сильно обременявшія страну квартирною повинностію, были оттуда выведены; нѣкоторыя улучшенія были сдѣланы во внутреннемъ управленіи: Малороссія была раздѣлена на повѣты и въ каждомъ изъ нихъ были учреждены суды, настоящіе, болѣе или менѣе правильные суды; не только управленіе военныхъ начальниковъ, но и названіе ихъ было уничтожено: судьи и писаря назывались не полковыми, а городскими. Все это было, безъ сомнѣнія, улучшеніемъ, но и уничтоженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ,

старинныхъ правъ. Украинскіе поэты любятъ выражать сожалѣніе объ этихъ потерянныхъ правахъ, но казачество отжило свое время: чѣмъ же могла замѣнить его Россія? Разумѣется только тѣмъ устройствомъ, какое сама имѣла. Ничего лучшаго она дать была не въ состояніи: можетъ быть, это было не весьма много, но сомнительно, чтобъ Польша или Турція, — единственныя страны, къ которымъ Малороссія могла присоединиться при Хмельницкомъ,— дали бы ей что нибудь лучше. Будемъ, слѣдовательно, читать украинскихъ поэтовъ и ихъ воздыханія о гетманщинѣ, о казачьей славѣ, о казачьей волѣ; но будемъ смотрѣть на это только какъ на поэзію, какъ на сѣтованіе о золотомъ вѣкѣ, о вѣкѣ Сатурна.

і:

ст.

«во.

уже

III.

Россія вовлечена въ общеевропейскую политику. — Сторонники австрійскаго и прусско-французскаго союза.—Паденіе Лестока и судъ надъ нимъ.—Положеніе Европы передъ семилѣтнею войною.— Фридрихъ II.—Личная непріязнь къ нему Императрицы.—Онъ вторгается въ Саксонію безъ объявленія войны. — Различныя вліянія, дѣйствовавшія при нашемъ дворѣ.—Шуваловы.—Великая княгиня.— Версальскій договоръ.—Апраксинъ.—Походъ 1757 года; сраженіе при Гроссъ-Егерсдорфѣ.—Отступленіе Апраксина.—Судъ надъ нимъ.— Судъ надъ Бестужевымъ.—Щекотливое положеніе великой княгини.— Снисходительный приговоръ надъ Бестужевымъ.—Походы Фермора, Солтыкова и Бутурлина: сраженія при Цорндорфѣ и Кунерсдорфѣ; занятіе Кенигсберга и Берлина.

Со времени Петра I Россія вступила въ кругъ европейскихъ державъ и ей уже невозможно сдѣлалось не принимать участія въ томъ, что занимало или тревожило европейскую политику, что заставляло государства заключать между собою союзы или начинать войны. Задача нашей дипломаціи должна была только состоять въ томъ, чтобъ во всемъ этомъ принимать участіе именно на столько и такъ, чтобъ это было выгодно для Россіи. Къ сожалѣнію, задача эта не всегда строго выполнялась; желаніе играть роль увлекало насъ при Аннѣ Іоанновнѣ, фамильныя привязанности при Екатеринѣ; мы гонялись за тѣмъ, чтобъ за нами признанъ былъ титулъ Имперіи, какъ будто Россія могла сдѣлаться счастливѣе, а Государь ея могущественнѣе отъ того, что Испанія или Швеція будетъ титуловать насъ такъ или иначе!

Но и помимо желанія вмѣшиваться безъ надобности

[illegible] которыхъ пользы не предвидѣлось, нуд-[illegible] описываемое время оставаться внѣ водо-[illegible] европейской политики. Со вступленіемъ на прусскій престолъ Фридриха II образовались, какъ сказано было, коалиціи, или два союза: съ одной стороны Пруссія, Франція и часть Германіи, съ другой Австрія, Англія и другая часть Германіи; независимо отъ этихъ главныхъ дѣйствующихъ акторовъ такъ называемой войны *за австрійское наслѣдство*, другія государства также имѣли свои роли. Такъ прусская коалиція, зная тѣсную связь русскаго правительства съ австрійскимъ и чтобъ не допустить нашу армію придти на помощь австрійской, подняла противъ насъ Швецію, возбуждала Польшу и Турцію. Въ тоже время, какъ Пруссія и Франція, такъ и Австрія съ Англіей щедро сыпали золото, по обыкновенію тогдашней дипломаціи, людямъ, имѣвшимъ при дворѣ нашемъ вліяніе. Бестужевъ и Лестокъ получали пенсіи отъ той и другой стороны.

Это не помѣшало однакожъ Россіи довольно благополучно провести свои дѣла сквозь вихорь и бурю тогдашней политики. Мы дѣлали военныя приготовленія, но не принимали непосредственнаго участія въ войнѣ, а между тѣмъ союза нашего искали обѣ стороны: это было тоже, что мы видѣли при царевнѣ Софіи, когда́ и Польша съ германскимъ императоромъ и Турція старались привлечь насъ и сулили намъ выгоды. Но теперь намъ удалось, не потерявъ ни одного солдата, протянуть время до тѣхъ поръ, пока кончилась война за австрійское наслѣдство; когда же въ Ахенѣ заключенъ былъ миръ между воюющими сторонами (1748), то Россія была приглашена

принять участіе въ мирномъ договорѣ, что̀, по мнѣнію дипломатовъ, есть нѣкотораго рода почетъ, доказательство большаго значенія той державы, которой такой почетъ предлагается.

И такъ соперничество Лестока и Бестужева принесло въ настоящемъ случаѣ можетъ быть пользу; не будь этого соперничества, вѣроятно Россія была бы вовлечена въ войну и врядъ ли отъ этого она что нибудь выиграла бы. Но какъ два медвѣдя не могутъ ужиться въ одной берлогѣ, такъ и два честолюбца, желающіе играть первую роль; Бестужеву удалось, наконецъ, сломить Лестока. По какому поводу это произошло, какою оплошностію своего противника воспользовался Бестужевъ, — еще неизвѣстно хорошенько. Извѣстно только, что переписка Шетарди, перехваченная и рѣшившая его удаленіе изъ Петербурга, много повредила Лестоку въ глазахъ Императрицы; переписка эта не только обнаружила его денежные счеты съ разными иностранными правительствами,—что, впрочемъ, не почиталось большимъ преступленіемъ, — но открыло, что онъ непочтительно отзывался объ Императрицѣ, — а это было важно. Втайнѣ недовольная уже своимъ лейбъ-медикомъ, Государыня съ неудовольствіемъ слышала отъ него безпрестанные язвительные отзывы о Русскихъ и Россіи: «Еслибъ Лестокъ могъ отравить всѣхъ моихъ Русскихъ одною ложкою яда, сказала однажды Елизавета, я увѣрена, что онъ это сдѣлалъ бы!»

Какъ бы то ни было, только за Лестокомъ и за близкими къ нему людьми начали тайно, но неотступно слѣдить. Онъ это замѣтилъ, имѣлъ съ Государыней объясненіе, по видимому, успокоившее его, но вслѣдъ за тѣмъ

онъ точно также въ правѣ воевать или мириться съ императоромъ, какъ король французскій или англійскій. По этому австрійское правительство искало случая вновь наложить свое вліяніе на Пруссію, прусское, — новыми успѣхами, новыми ударами Австріи, уничтожить навсегда подобныя ея претензіи.

По этому какъ съ той, такъ и съ другой стороны спѣшили воспользоваться миромъ, чтобъ приготовиться къ новой войнѣ: устроить свои финансы, увеличить свою армію, обставить себя новыми союзниками. Дѣятельный, проницательный Фридрихъ очень хорошо понималъ свое положеніе, и какъ казна его, такъ и войско были въ отличномъ состояніи; но онъ слишкомъ надѣялся на свои средства и не прилагалъ довольно стараній, чтобъ обезпечить себѣ помощь другихъ государствъ, или, лучше сказать, его личное поведеніе очень часто противорѣчило дѣйствіямъ его политики.

Рѣдко бываютъ люди такъ щедро одаренныя природою, какъ Фридрихъ: дальновидный политикъ, геніальный полководецъ, отличный администраторъ, онъ былъ въ то же время однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени: писалъ стихи, занимался музыкою и первенствовалъ какъ въ средѣ своихъ министровъ и дипломатовъ, такъ и въ кругу литераторовъ и художниковъ, которыми любилъ себя окружить.

Но если его эпиграммы облетали всю Европу, возбуждая завистъ Вольтера и повторяясь тысячами устъ, то онѣ же дѣлали ему и множество враговъ. Фридрихъ не всегда могъ обуздать свое остроуміе, и ѣдкость его остротъ, болѣе нежели задирчивость его политики, возбудили лично

противъ него непріязнь при русскомъ и французскомъ дворахъ. Тогдашніе дипломаты очень много занимались мелочами и наполняли депеши свои столько же политическими извѣстіями, сколько болтовнею и придворными анекдотами и сплетнями, платя за сообщеніе ихъ большія деньги. Такимъ образомъ, шутки и насмѣшки прусскаго короля надъ извѣстною маркизою Помпадуръ, имѣвшею громадное вліяніе при Людовикѣ XV, были ей передаваемы и сдѣлали ее смертельнымъ врагомъ прусскаго короля; точно также всякія сплетни доходили до Маріи-Терезіи и до Елисаветы Петровны. Эту послѣднюю, между прочимъ, возмущалъ недостатокъ въ Фридрихѣ религіознаго чувства. «Онъ въ Бога не вѣруетъ, говаривала набожная Государыня, въ церковь никогда не ходитъ; для него нѣтъ ничего святаго.»

Бестужевъ поддерживалъ такое расположеніе нашей Государыни, а Лестока, —вѣрнаго представителя прусско-французскаго союза,—уже не было. Все это кончилось тѣмъ, что въ 1750 году посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ былъ отозванъ и дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены,—что̀ считается признакомъ явной непріязни. Франція, съ своей стороны, не только отстала отъ союза съ Пруссіей, но совершила вещь *чудовищную*, по словамъ французскихъ историковъ: вступила въ тѣсную дружбу съ Австріей и постановила имѣть съ нею общихъ друзей и враговъ.

Такимъ образомъ, Европа снова раздѣлилась на два лагеря, хотя и въ совершенно новомъ порядкѣ: съ одной стороны были Австрія, Франція и Швеція, увлеченная въ новую войну надеждою возвратить Померанію (потерянную

при Карлѣ XII); съ другой—Пруссія и Англія; Германія какъ и прежде, раздѣлилась, и часть ея пристала къ одной, а часть (весьма небольшая) къ другой сторонѣ. Что касается Россіи, то она колебалась, склоняясь однакожъ гораздо болѣе на сторону Австріи.

Впрочемъ, и безъ участія Россіи сторона, державшаяся Австріи, была очевидно сильнѣе противной. Единственная союзница Пруссіи, —Англія, имѣя весьма небольшую сухопутную армію, не могла оказать ей сильной помощи. По этому Фридрихъ рѣшился предупредить соединеніе всѣхъ непріятельскихъ армій противъ себя и кинуться на ту изъ нихъ, которая была ближе всѣхъ, хотя война еще не была формальнымъ образомъ объявлена. Неожиданно вторгнулся онъ въ 1756 году въ Саксонію и овладѣлъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Курфирстъ саксонскій (онъ же и король польскій) отступилъ въ Богемію, но былъ тамъ окруженъ и вынужденъ положить оружіе.

Такимъ образомъ, Фридрихъ обезоружилъ одного изъ своихъ враговъ; но за то онъ усилилъ противъ себя негодованіе тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли оружіемъ. Франція и Австрія ускорили свои военные сборы и удвоили настоянія при нашемъ дворѣ. Старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но чтобъ понять, почему мы легче дали вовлечь себя въ войну теперь, чѣмъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, надо обратить вниманіе на вліянія, которымъ въ это время подчинилась Императрица.

Съ самаго начала ея царствованія замѣчается вокругъ нея кружекъ людей, преданныхъ союзу съ Франціей. Лестокъ,—первый въ этомъ кружкѣ,—былъ низвергнутъ, но послѣ него оставался еще графъ Воронцовъ

издавна близкій человѣкъ Императрицѣ, содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ. Онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ и въ этомъ званіи являлся постояннымъ противникомъ политики Бестужева, державшагося, какъ мы знаемъ, болѣе на сторонѣ Австріи. Такая постоянная оппозиція сильному канцлеру едва ли прошла бы даромъ всякому другому, но Воронцовъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Императрицы (племянницѣ Екатерины I), графинѣ Скавронской, пользовался лично большою ея довѣренностію и, наконецъ, опирался на весьма сильную фамилію Шуваловыхъ.

Шуваловыхъ было два брата, Александръ и Петръ Ивановичи; оба они, подобно Воронцову, издавна состояли при дворѣ Елизаветы Петровны. Старшій Шуваловъ отличался безусловною преданностію Государынѣ и цѣнимый ею за это, былъ преемникомъ Ушакова въ управленіи тайною канцеляріей. Другой братъ, Петръ, имѣлъ замѣчательный государственный умъ и пользовался при дворѣ большимъ значеніемъ; въ чемъ ему много помогала жена его, искренняя пріятельница Императрицы.

У этихъ Шуваловыхъ былъ еще двоюродный братъ, извѣстный Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи покровитель Ломоносова и учредитель московскаго университета, а вначалѣ своей карьеры, подобно Кириллу Разумовскому, одинъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей, образчикъ при нашемъ дворѣ версальской молодежи. Опредѣленный въ пажи графинею Шуваловою вскорѣ по вступленіи Елизаветы на престолъ, онъ своею пріятною наружностію и особенно изяществомъ манеръ, обратилъ вниманіе двора, былъ отличенъ Императрицею и въ нѣ-

сколько лѣтъ пріобрѣлъ такое значеніе, что, въ свою очередь, сталъ покровительствовать своимъ двоюроднымъ братьямъ. Не управляя никакою особенною частію, не имѣя никакого особенно виднаго положенія въ управленіи, онъ оказывалъ однакожъ вліяніе на все. «Всѣ дѣла большія и малыя проходятъ чрезъ руки фаворита», писалъ въ 1755 году англійскій посланникъ, жалуясь на то, что французское вліяніе начинаетъ брать верхъ въ Петербургѣ надъ прочими. Самъ старый канцлеръ сказалъ однажды съ досадою: «Бѣда наша въ томъ, что у насъ есть молодой фаворитъ, который говоритъ по французски, любитъ французскій языкъ и французскія моды и желаетъ, чтобы къ намъ присланъ былъ французскій посланникъ.»

Какъ желалъ Шуваловъ, такъ и случилось: большое торжественное посольство было прислано отъ французскаго двора въ Петербургъ.

Но рядомъ съ новымъ и сильнымъ вліяніемъ Ивана Шувалова поднималось другое, не столько, можетъ быть, явное, за то болѣе глубокое: вліяніе великой княгини Екатерины Алексѣевны. Пріѣхавши въ Россію 14-тилѣтнею дѣвочкою, она очень скоро выучилась говорить по русски, обнаруживала большое уваженіе къ нашимъ церковнымъ обрядамъ, охотно принимала русскіе обычаи и любила вводить въ свои разговоры народныя поговорки и пословицы. Все это со стороны нѣмецкой принцессы, было совершенною новостію для людей, помнившихъ нѣмецкую обстановку принцессы Шарлотты брауншвейгской (супруги царевича Алексѣя) и Анны Леопольдовны.

Это уваженіе, оказываемое иностранкою по происхожденію, русскому языку и русскимъ обычаямъ, издавна уже

подвергавшимся пренебреженію, дѣлалось еще разительнѣе чрезъ сравненіе съ полнымъ отчужденіемъ ея супруга отъ всего русскаго. Великій князь создалъ себѣ посреди Петербурга особый, маленькій міръ изъ прибывшихъ съ нимъ и пріѣхавшихъ впослѣдствіи голштинскихъ и прусскихъ офицеровъ. Принимая всѣ ихъ обычаи, онъ утромъ экзерцировалъ нѣсколько сотъ солдатъ, данныхъ въ полное его распоряженіе, а вечеромъ курилъ съ ними табакъ и слушалъ ихъ тяжеловѣсные *вицы* (остроты).

Совершенно иначе держала себя великая княгиня. Получивъ въ родительскомъ домѣ весьма несовершенное образованіе, она, войдя въ сознаніе, съ жаромъ принялась читать и учиться. Не только современныя знаменитости французской литературы, Вольтеръ, Руссо и др., были ею прочтены и изучены, но изучены были и писатели болѣе серьозные, какъ Монтескье и Беккарія (писавшіе о высшихъ государственныхъ соображеніяхъ), Платонъ и Тацитъ,— писатели весьма немногимъ, конечно, близко знакомые у насъ въ то время между самыми образованными мужчинами.

Подчиненная строгому этикету и пользуясь не весьма благосклоннымъ расположеніемъ Императрицы, мало цѣнившей подобныя познанія, держась въ сторонѣ отъ дѣлъ, особенно политическихъ, великая княгиня, однако, умѣла такъ поставить себя, что всѣ понимали, что въ ея молодой изящной головѣ заключается болѣе ума, находчивости, рѣшимости и даже политическаго смысла, чѣмъ въ большой части старыхъ головъ, украшенныхъ напудренными париками. «Великую княгиню любятъ и уже боятся», писалъ англійскій посланникъ еще въ 1755 году.

Симпатіи Екатерины Алексѣевны были на сторонѣ Англіи; слишкомъ большаго сближенія какъ съ Австріей, такъ и съ Франціей она не одобряла, но громко высказывать этого не осмѣливалась, потому что шуваловская партія постоянно возбуждала противъ нея подозрѣніе Императрицы, которая часто повторяла про нея: «она слишкомъ умна; она воображаетъ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ».

За то Бестужевъ, хотя и тайно и осторожно, начиналъ заискивать у молодаго двора и засылалъ вѣрныхъ людей въ великой княгинѣ увѣрять ее въ своей полной къ ней преданности, а великому князю подъ секретомъ сообщалъ, что онъ душевно желалъ бы не доводить дѣлъ до разрыва съ Пруссіей... Много австрійскаго, прусскаго, англійскаго и французскаго золота было въ это время разсыпано въ Петербургѣ! Бестужевъ бралъ деньги и подарки отъ всѣхъ. Воронцовъ выстроилъ свой великолѣпный домъ (нынѣ пажескій корпусъ) на гинеи, полученныя отъ Англіи, сближенію съ которой однакожъ онъ тайно противодѣйствовалъ... Вотъ почему война уже началась, а у насъ еще не было рѣшено окончательно, къ которой сторонѣ мы пристанемъ. Только въ самый послѣдній день 1756 г. былъ подписанъ «актъ о присоединеніи къ заключенному въ Версаліи оборонительному трактату». Шуваловы восторжествовали надъ «молодымъ дворомъ» и надъ Бестужевымъ.

Въ ожиданіи войны, за кого или противъ кого бы она ни открылась, въ Лифляндіи было собрано до 80,000 войска, которое только ожидало приказанія выступить. Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Бестужева, впрочемъ, человѣкъ безъ военныхъ способностей и познаній, «одинъ

въ дѣлà, отъ которыхъ пользы не предвидѣлось, мудрено было въ описываемое время оставаться внѣ водоворота европейской политики. Со вступленіемъ на прусскій престолъ Фридриха II образовались, какъ сказано было, двѣ коалиціи, или два союза: съ одной стороны Пруссія, Франція и часть Германіи, съ другой Австрія, Англія и другая часть Германіи; независимо отъ этихъ главныхъ дѣйствующихъ актеровъ такъ называемой войны *за австрійское наслѣдство*, другія государства также имѣли свои роли; такъ прусская коалиція, зная тѣсную связь русскаго правительства съ австрійскимъ и чтобъ не допустить нашу армію придти на помощь австрійской, подняла противъ насъ Швецію, возбуждала Польшу и Турцію. Въ тоже время, какъ Пруссія и Франція, такъ и Австрія съ Англіей щедро сыпали золото, по обыкновенію тогдашней дипломаціи, людямъ, имѣвшимъ при дворѣ нашемъ вліяніе. Бестужевъ и Лестокъ получали пенсіи отъ той и другой стороны.

Это не помѣшало однакожъ Россіи довольно благополучно провести свои дѣла сквозь вихорь и бурю тогдашней политики. Мы дѣлали военныя приготовленія, но не принимали непосредственнаго участія въ войнѣ, а между тѣмъ союза нашего искали обѣ стороны: это было тоже, что мы видѣли при царевнѣ Софіи, когда́ и Польша съ германскимъ императоромъ и Турція старались привлечь насъ и сулили намъ выгоды. Но теперь намъ удалось, не потерявъ ни одного солдата, протянуть время до тѣхъ поръ, пока кончилась война за австрійское наслѣдство; когда же въ Ахенѣ заключенъ былъ миръ между воюющими сторонами (1748), то Россія была приглашена

принять участіе въ мирномъ договорѣ, что̀, по мнѣнію дипломатовъ, есть нѣкотораго рода почетъ, доказательство большаго значенія той державы, которой такой почетъ предлагается.

И такъ соперничество Лестока и Бестужева принесло въ настоящемъ случаѣ можетъ быть пользу; не будь этого соперничества, вѣроятно Россія была бы вовлечена въ войну и врядъ ли отъ этого она что нибудь выиграла бы. Но какъ два медвѣдя не могутъ ужиться въ одной берлогѣ, такъ и два честолюбца, желающіе играть первую роль; Бестужеву удалось, наконецъ, сломить Лестока. По какому поводу это произошло, какою оплошностію своего противника воспользовался Бестужевъ, — еще неизвѣстно хорошенько. Извѣстно только, что переписка Шетарди, перехваченная и рѣшившая его удаленіе изъ Петербурга, много повредила Лестоку въ глазахъ Императрицы; переписка эта не только обнаружила его денежные счеты съ разными иностранными правительствами,—что, впрочемъ, не почиталось большимъ преступленіемъ, — но открыло, что онъ непочтительно отзывался объ Императрицѣ, — а это было важно. Втайнѣ недовольная уже своимъ лейбъ-медикомъ, Государыня съ неудовольствіемъ слышала отъ него безпрестанные язвительные отзывы о Русскихъ и Россіи: «Еслибъ Лестокъ могъ отравить всѣхъ моихъ Русскихъ одною ложкою яда, сказала однажды Елизавета, я увѣрена, что онъ это сдѣлалъ бы!»

Какъ бы то ни было, только за Лестокомъ и за близкими къ нему людьми начали тайно, но неотступно слѣдить. Онъ это замѣтилъ, имѣлъ съ Государыней объясненіе, по видимому, успокоившее его, но вслѣдъ за тѣмъ

онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость (1748). Наряжена была надъ нимъ слѣдственная коммисія, членами которой были, по обыкновенію, его враги. Слѣдствіе тянулось два года, и что оно открыло, неизвѣстно; но Лестокъ, — блестящій и еще недавно столь могущественный, — пытанный и битый кнутомъ, былъ сосланъ въ Устюгъ, гдѣ и пробылъ до вступленія на престолъ Петра III.

Паденіе Лестока совпадало съ заключеніемъ ахенскаго мира. Миръ этотъ не надолго успокоилъ Европу, или правильнѣе, онъ ее не успокоилъ вовсе, и люди даже не самые проницательные, политики не очень дальновидные могли предсказать новую въ непродолжительномъ времени войну между Фридрихомъ и Маріею-Терезіей. Въ самомъ дѣлѣ, мудрено было этого не замѣтить. Еще во второй половинѣ XVII вѣка маленькое герцогство Бранденбургское обнаружило большое честолюбіе и большія претензіи; оно получило названіе королевства, и хотя при современникѣ Петра I, королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, уклонялось отъ всякихъ войнъ и даже денежныхъ расходовъ, но старый король, скупой и осторожный, какъ будто приготовлялъ своему честолюбивому и предпріимчивому сыну средства дать новое, сильнѣйшее развитіе наслѣдственному честолюбію бранденбургскаго дома. — Прежніе короли прусскіе признавали надъ собою первенство германскаго императора, они видѣли въ немъ главу имперіи, которой были членами, — Фридрихъ II словомъ и дѣломъ показывалъ, что онъ себя считаетъ независимымъ государемъ, такимъ же какъ императоръ. Въ Австріи смотрѣли на только что оконченную войну почти какъ на возмущеніе Пруссіи. Фридрихъ держался того мнѣнія, что

онъ точно также въ правѣ воевать или мириться съ императоромъ, какъ король французскій или англійскій. По этому австрійское правительство искало случая вновь наложить свое вліяніе на Пруссію, прусское, — новыми успѣхами, новыми ударами Австріи, уничтожить навсегда подобныя ея претензіи.

По этому какъ съ той, такъ и съ другой стороны спѣшили воспользоваться миромъ, чтобъ приготовиться къ новой войнѣ: устроить свои финансы, увеличить свою армію, обставить себя новыми союзниками. Дѣятельный, проницательный Фридрихъ очень хорошо понималъ свое положеніе, и какъ казна его, такъ и войско были въ отличномъ состояніи; но онъ слишкомъ надѣялся на свои средства и не прилагалъ довольно стараній, чтобъ обезпечить себѣ помощь другихъ государствъ, или, лучше сказать, его личное поведеніе очень часто противорѣчило дѣйствіямъ его политики.

Рѣдко бываютъ люди такъ щедро одаренныя природою, какъ Фридрихъ: дальновидный политикъ, геніальный полководецъ, отличный администраторъ, онъ былъ въ то же время однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени: писалъ стихи, занимался музыкою и первенствовалъ какъ въ средѣ своихъ министровъ и дипломатовъ, такъ и въ кругу литераторовъ и художниковъ, которыми любилъ себя окружить.

Но если его эпиграммы облетали всю Европу, возбуждая зависть Вольтера и повторяясь тысячами устъ, то онѣ же дѣлали ему и множество враговъ. Фридрихъ не всегда могъ обуздать свое остроуміе, и ѣдкость его остротъ, болѣе нежели задирчивость его политики, возбудили лично

противъ него непріязнь при русскомъ и французскомъ дворахъ. Тогдашніе дипломаты очень много занимались мелочами и наполняли депеши свои столько же политическими извѣстіями, сколько болтовнею и придворными анекдотами и сплетнями, платя за сообщеніе ихъ большія деньги. Такимъ образомъ, шутки и насмѣшки прусскаго короля надъ извѣстною маркизою Помпадуръ, имѣвшею громадное вліяніе при Людовикѣ XV, были ей передаваемы и сдѣлали ее смертельнымъ врагомъ прусскаго короля; точно также всякія сплетни доходили до Маріи-Терезіи и до Елизаветы Петровны. Эту послѣднюю, между прочимъ, возмущалъ недостатокъ въ Фридрихѣ религіознаго чувства. «Онъ въ Бога не вѣруетъ, говаривала набожная Государыня, въ церковь никогда не ходитъ; для него нѣтъ ничего святаго.»

Бестужевъ поддерживалъ такое расположеніе нашей Государыни, а Лестока,—вѣрнаго представителя прусско-французскаго союза,—уже не было. Все это кончилось тѣмъ, что въ 1750 году посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ былъ отозванъ и дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прекращены,—что̀ считается признакомъ явной непріязни. Франція, съ своей стороны, не только отстала отъ союза съ Пруссіей, но совершила вещь *чудовищную*, по словамъ французскихъ историковъ: вступила въ тѣсную дружбу съ Австріей и постановила имѣть съ нею общихъ друзей и враговъ.

Такимъ образомъ, Европа снова раздѣлилась на два лагеря, хотя и въ совершенно новомъ порядкѣ: съ одной стороны были Австрія, Франція и Швеція, увлеченная въ новую войну надеждою возвратить Померанію (потерянную

при Карлѣ XII); съ другой—Пруссія и Англія; Германія какъ и прежде, раздѣлилась, и часть ея пристала къ одной, а часть (весьма небольшая) къ другой сторонѣ. Что касается Россіи, то она колебалась, склоняясь однакожъ гораздо болѣе на сторону Австріи.

Впрочемъ, и безъ участія Россіи сторона, державшаяся Австріи, была очевидно сильнѣе противной. Единственная союзница Пруссіи, —Англія, имѣя весьма небольшую сухопутную армію, не могла оказать ей сильной помощи. По этому Фридрихъ рѣшился предупредить соединеніе всѣхъ непріятельскихъ армій противъ себя и кинуться на ту изъ нихъ, которая была ближе всѣхъ, хотя война еще не была формальнымъ образомъ объявлена. Неожиданно вторгнулся онъ въ 1756 году въ Саксонію и овладѣлъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Курфирстъ саксонскій (онъ же и король польскій) отступилъ въ Богемію, но былъ тамъ окруженъ и вынужденъ положить оружіе.

Такимъ образомъ, Фридрихъ обезоружилъ одного изъ своихъ враговъ; но за то онъ усилилъ противъ себя негодованіе тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли оружіемъ. Франція и Австрія ускорили свои военные сборы и удвоили настоянія при нашемъ дворѣ. Старанія ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но чтобъ понять, почему мы легче дали вовлечь себя въ войну теперь, чѣмъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, надо обратить вниманіе на вліянія, которымъ въ это время подчинилась Императрица.

Съ самаго начала ея царствованія замѣчается вокругъ нея кружекъ людей, преданныхъ союзу съ Франціей. Лестокъ,—первый въ этомъ кружкѣ,—былъ низвергнутъ, но послѣ него оставался еще графъ Воронцовъ

издавна близкій человѣкъ Императрицѣ, содѣйствовавшій ея вступленію на престолъ. Онъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ и въ этомъ званіи являлся постояннымъ противникомъ политики Бестужева, державшагося, какъ мы знаемъ, болѣе на сторонѣ Австріи. Такая постоянная оппозиція сильному канцлеру едва ли прошла бы даромъ всякому другому, но Воронцовъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Императрицы (племянницѣ Екатерины I), графинѣ Скавронской, пользовался лично большою ея довѣренностію и, наконецъ, опирался на весьма сильную фамилію Шуваловыхъ.

Шуваловыхъ было два брата, Александръ и Петръ Ивановичи; оба они, подобно Воронцову, издавна состояли при дворѣ Елизаветы Петровны. Старшій Шуваловъ отличался безусловною преданностію Государынѣ и цѣнимый ею за это, былъ преемникомъ Ушакова въ управленіи тайною канцеляріей. Другой братъ, Петръ, имѣлъ замѣчательный государственный умъ и пользовался при дворѣ большимъ значеніемъ; въ чемъ ему много помогала жена его, искренняя пріятельница Императрицы.

У этихъ Шуваловыхъ былъ еще двоюродный братъ, извѣстный Иванъ Ивановичъ, впослѣдствіи покровитель Ломоносова и учредитель московскаго университета, а вначалѣ своей карьеры, подобно Кириллу Разумовскому, одинъ изъ самыхъ блестящихъ молодыхъ людей, образчикъ при нашемъ дворѣ версальской молодежи. Опредѣленный въ пажи графинею Шуваловою вскорѣ по вступленіи Елизаветы на престолъ, онъ своею пріятною наружностію и особенно изяществомъ манеръ, обратилъ вниманіе двора, былъ отличенъ Императрицею и въ нѣ-

сколько лѣтъ пріобрѣлъ такое значеніе, что, въ свою очередь, сталъ покровительствовать своимъ двоюроднымъ братьямъ. Не управляя никакою особенною частію, не имѣя никакого особенно виднаго положенія въ управленіи, онъ оказывалъ однакожъ вліяніе на все. «Всѣ дѣла большія и малыя проходятъ чрезъ руки фаворита», писалъ въ 1755 году англійскій посланникъ, жалуясь на то, что французское вліяніе начинаетъ брать верхъ въ Петербургѣ надъ прочими. Самъ старый канцлеръ сказалъ однажды съ досадою: «Бѣда наша въ томъ, что у насъ есть молодой фаворитъ, который говоритъ по французски, любитъ французскій языкъ и французскія моды и желаетъ, чтобы къ намъ присланъ былъ французскій посланникъ.»

Какъ желалъ Шуваловъ, такъ и случилось: большое торжественное посольство было прислано отъ французскаго двора въ Петербургъ.

Но рядомъ съ новымъ и сильнымъ вліяніемъ Ивана Шувалова поднималось другое, не столько, можетъ быть, явное, за то болѣе глубокое: вліяніе великой княгини Екатерины Алексѣевны. Пріѣхавши въ Россію 14-тилѣтнею дѣвочкою, она очень скоро выучилась говорить по русски, обнаруживала большое уваженіе къ нашимъ церковнымъ обрядамъ, охотно принимала русскіе обычаи и любила вводить въ свои разговоры народныя поговорки и пословицы. Все это со стороны нѣмецкой принцессы, было совершенною новостію для людей, помнившихъ нѣмецкую обстановку принцессы Шарлотты брауншвейгской (супруги царевича Алексѣя) и Анны Леопольдовны.

Это уваженіе, оказываемое иностранкою по происхожденію, русскому языку и русскимъ обычаямъ, издавна уже

[illegible]ставшимся пренебреженію. Дѣлалось еще разительнѣе [illegible] сравненіе съ полнымъ отчужденіемъ ея супруга отъ всего русскаго. Великій князь создалъ себѣ посреди Петербурга особый, маленькій міръ изъ прибывшихъ съ нимъ и пріѣзжавшихъ впослѣдствіи голштинскихъ и прусскихъ офицеровъ. Раздѣляя всѣ ихъ обычаи, онъ утромъ экзерцировалъ нѣсколько сотъ солдатъ, данныхъ въ полное его распоряженіе, а вечеромъ курилъ съ ними табакъ и слушалъ ихъ тяжеловѣсные *witz* (остроты).

Совершенно иначе держала себя великая княгиня. Получивъ въ родительскомъ домѣ весьма несовершенное образованіе, она, войдя въ сознаніе, съ жаромъ принялась читать и учиться. Не только современныя знаменитости французской литературы, Вольтеръ, Руссо и др., были ею прочтены и изучены, но изучены были и писатели болѣе серьезные, какъ Монтескье и Беккарія (писавшіе о высшихъ государственныхъ соображеніяхъ), Плутархъ и Тацитъ,— писатели весьма немногимъ, конечно, близко знакомые у насъ въ то время между самыми образованными мужчинами.

Подчиненная строгому этикету и пользуясь не весьма благосклоннымъ расположеніемъ Императрицы, мало цѣнившей подобныя познанія, держась въ сторонѣ отъ дѣлъ, особенно политическихъ, великая княгиня, однако, умѣла такъ поставить себя, что всѣ понимали, что въ ея молодой изящной головѣ заключается болѣе ума, находчивости, рѣшимости и даже политическаго смысла, чѣмъ въ большой части старыхъ головъ, украшенныхъ напудренными париками. «Великую княгиню любятъ и уже боятся», писалъ англійскій посланникъ еще въ 1755 году.

Симпатіи Екатерины Алексѣевны были на сторонѣ Англіи; слишкомъ большаго сближенія какъ съ Австріей, такъ и съ Франціей она не одобряла, но громко высказывать этого не осмѣливалась, потому что шуваловская партія постоянно возбуждала противъ нея подозрѣніе Императрицы, которая часто повторяла про нея: «она слишкомъ умна; она воображаетъ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ».

За то Бестужевъ, хотя и тайно и осторожно, начиналъ заискивать у молодаго двора и засылалъ вѣрныхъ людей въ великой княгинѣ увѣрять ее въ своей полной къ ней преданности, а великому князю подъ секретомъ сообщалъ, что онъ душевно желалъ бы не доводить дѣлъ до разрыва съ Пруссіей... Много австрійскаго, прусскаго, англійскаго и французскаго золота было въ это время разсыпано въ Петербургѣ! Бестужевъ бралъ деньги и подарки отъ всѣхъ. Воронцовъ выстроилъ свой великолѣпный домъ (нынѣ пажескій корпусъ) на гинеи, полученныя отъ Англіи, сближенію съ которой однакожъ онъ тайно противодѣйствовалъ... Вотъ почему война уже началась, а у насъ еще не было рѣшено окончательно, къ которой сторонѣ мы пристанемъ. Только въ самый послѣдній день 1756 г. былъ подписанъ «актъ о присоединеніи къ заключенному въ Версаліи оборопительному трактату». Шуваловы восторжествовали надъ «молодымъ дворомъ» и надъ Бестужевымъ.

Въ ожиданіи войны, за кого или противъ кого бы она ни открылась, въ Лифляндіи было собрано до 80,000 войска, которое только ожидало приказанія выступить. Главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Апраксинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Бестужева, впрочемъ, человѣкъ безъ военныхъ способностей и познаній, «одинъ

изъ самыхъ толстыхъ и неуклюжихъ людей въ мірѣ», великій богачъ и смѣшной любезникъ въ женскомъ обществѣ. Одинъ современникъ, узнавъ, что онъ, по прибытіи въ Ригу, гдѣ былъ сборъ всей арміи, отправилъ въ Петербургъ курьера, чтобъ ему прислали 12 паръ платья, сказалъ, что видно онъ собирается дѣлать кампанію противъ рижскихъ дамъ... Дѣйствительно, пока полки стягивались къ Ригѣ, онъ ослѣплялъ нѣмокъ своимъ тяжелымъ великолѣпіемъ; когда же эти передвиженія кончились и армія выступила въ походъ, онъ изумилъ и ее: «ужасная свита военныхъ людей всякаго рода окружала его, пишетъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ запискахъ одинъ изъ бывшихъ въ арміи офицеровъ, Болотовъ; зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было для насъ поразительно, ибо пышность сего шествія была такъ велика, что иной государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою».—«Всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, пишетъ князь Щербатовъ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли; обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ.»

Впрочемъ, начало кампаніи Апраксина было удачно (1757). Этому, конечно, много помогли обстоятельства. Непріятели со всѣхъ сторонъ вступали въ Пруссію: Французы со стороны Ганновера, германскіе союзники императрицы Маріи-Терезіи со стороны Саксоніи, австрійская армія изъ Моравіи, Русскіе изъ Польши и, наконецъ, Шведы готовились сдѣлать дессантъ въ Померанію. Что дѣлать было въ такомъ положеніи Фридриху съ его небольшими

силами? Кинуться на ту армію, которая была ближе, потомъ на другую и, если возможно, разбить ихъ по одиночкѣ. Такъ велитъ военное искусство; такъ Фридрихъ и сдѣлалъ. Онъ быстро налетѣлъ на австрійцевъ, но потерпѣлъ жестокое пораженіе. А между тѣмъ непріятели наступали со всѣхъ сторонъ. Французы заставили положить оружіе почти 50-ти тысячную армію Фридриховыхъ союзниковъ и грабили и раззоряли союзныя прусско-германскія земли. Австрійцы, послѣ своей побѣды, смѣло двинулись впередъ и проникли до Берлина, который былъ принужденъ заплатить имъ контрибуцію (окупъ), Шведы сдѣлали высадку въ Померанію и въ тоже время Апраксинъ вступилъ съ востока въ прусскія земли.

Онъ взялъ безъ сопротивленія Мемель и съ огнемъ и мечемъ подвигался къ Кенигсбергу. Фридрихъ не могъ отдѣлить противъ него больше 30-ти тысячъ войска, которому было велѣно сколь возможно задерживать Русскихъ, но не вступать въ рѣшительное сраженіе. Защищаясь и отступая, Пруссаки приблизились къ Кенигсбергу: сдать его казалось жаль, и они рѣшились испытать счастія въ сраженіи. Близъ деревни Гроссъ-Егерсдорфъ произошло кровопролитное сраженіе; Пруссаки были жестоко разбиты и Кенигсбергъ былъ имъ открытъ. Минута была отчаянная! ввиду обѣихъ столицъ королевства стояли непріятели; четыре арміи, съ четырехъ сторонъ, топтали прусскую землю; въ распоряженіи короля оставалось не болѣе 20,000 человѣкъ. Все казалось потеряннымъ; Фридрихъ готовился къ смерти въ сраженіи или посредствомъ самоубійства... Вдругъ онъ получилъ извѣстіе, что русская армія начинаетъ поспѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой пришла.

Извѣстіе это было справедливо. Апраксинъ покинулъ Пруссію и черезъ польскія владѣнія возвращался усиленными маршами къ русской границѣ. Никто не могъ понять этого; французскій и австрійскій дворы, черезъ своихъ посланниковъ, сдѣлали о томъ сильныя представленія Императрицѣ. Она и сама ничего не знала объ этомъ нѣкоторое время, потому что была опасно больна; когда же оправилась, то сдѣлала распоряженіе о назначеніи другаго главнокомандующаго, а надъ Апраксинымъ наряжено было слѣдствіе; но онъ умеръ послѣ перваго допроса.

Такимъ образомъ, причины, побудившія его къ поспѣшному возвращенію въ Россію, остались неизвѣстны; можетъ быть, онѣ и есть гдѣ нибудь въ нашихъ старыхъ архивахъ, но еще не обнародованы; а потому здѣсь можно повторить только то, что говорилось тогда въ обществѣ.

Эту загадку объясняли двумя предположеніями. Одни говорили, что Бестужевъ, видя болѣзнь Императрицы и опасаясь ея смерти, хотѣлъ угодить наслѣднику престола, великому князю, прекращеніемъ военныхъ дѣйствій противъ его героя, короля прусскаго. Другіе думали, что Бестужевъ замышлялъ устранить отъ престола великаго князя и возвести на оный младенца его сына, подъ опекою великой княгини, или сдѣлать ее соправительницею ея мужа, либо самой ей доставить корону. Которое изъ этихъ извѣстій ближе къ правдѣ, — мудрено рѣшить; но обстоятельства, о которыхъ будетъ сейчасъ разсказано, даютъ поводъ думать, что Бестужевъ имѣлъ ввиду

такъ или иначе приблизить Екатерину Алексѣевну къ правленію.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но всеобщій голосъ возлагалъ на Бестужева отвѣтственность за внезапное отступленіе нашей арміи, начальникъ которой былъ, какъ всѣ знали, однимъ изъ преданнѣйшихъ его друзей. Шуваловы, французскій и австрійскій посланники громко обвиняли его въ преступныхъ замыслахъ.

Мало по малу они достигли того, что Бестужевъ сдѣлался подозрителенъ Императрицѣ и она дала приказаніе арестовать его, объявивъ его въ тоже время манифестомъ виновнымъ въ «безбожныхъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ» и въ «оскорбленіи величества». Вмѣстѣ съ нимъ было арестовано нѣсколько другихъ лицъ, при чемъ не осталось незамѣченнымъ, что нѣкоторые изъ нихъ были въ сношеніяхъ съ великою княгинею: одинъ былъ ея брилліантщикомъ, другой — ея учителемъ русскаго языка (секретарь великаго князя по голштинскимъ дѣламъ, преданный Екатеринѣ Алексѣевнѣ, былъ высланъ за границу). Говорили также, — и это совершенно справедливо, — что Бестужеву удалось, во время самаго слѣдствія, уничтожить какія-то важныя бумаги... Все это подало при дворѣ поводъ къ самымъ злорѣчивымъ слухамъ. Чтобъ прекратить ихъ, великая княгиня формально просила Императрицу отпустить ее въ Германію, потому что всѣ эти сплетни, говорила она, истощаютъ ея терпѣніе и дѣлаютъ ея положеніе невыносимымъ. Императрица не согласилась на это, и придворные толки замолкли. Что же касается до Бестужева, то надъ нимъ было назначено слѣдствіе. Что именно открыло оно, — неизвѣстно; извѣстно только

что онъ былъ устраненъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и сосланъ на житье въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній.

Процессъ Бестужева долженъ остановить наше вниманіе. Онъ еще не извлеченъ изъ глубины нашихъ архивовъ, но различныя современныя извѣстія даютъ вѣрное понятіе о его содержаніи: канцлеръ, какъ сказано, замышлялъ сдѣлать въ пользу великой княгини какое-то измѣненіе въ порядкѣ престолонаслѣдія. Мы видѣли, какая судьба постигла за подобные же замыслы Девіера съ товарищами, Долгоруковыхъ и н. др. Приговоръ надъ Бестужевымъ, сравнительно съ ними, весьма снисходителенъ: этого нельзя не замѣтить. Еще болѣе замѣчательно то, что, во время слѣдствія и суда, Бестужевъ не только не былъ пытанъ, но даже содержался арестованнымъ въ собственномъ домѣ: это тоже обстоятельство, заслуживающее особаго вниманія; наконецъ, необыкновенно замѣчательны слѣдующія слова манифеста, объясняющія характеръ наряженной надъ нимъ слѣдственной комисіи: «Комисія эта должна была выслушивать больше добровольныя его показанія и признанія, нежели обыкновенною строгостію, которой съ нимъ ни мало употреблено не было, вынудить оныя.» Еслибъ это было только *слова*, то это были бы *золотыя слова*, но они оправдывались и самымъ дѣломъ. Болѣе гуманнымъ, болѣе человѣколюбивымъ образомъ на уголовное, а тѣмъ болѣе политическое преступленіе (по тогдашнимъ законамъ всего болѣе строго судимое) нельзя смотрѣть и теперь. Такъ, ходъ времени и вліяніе цивилизаціи измѣняли понятія, такъ одно поколѣніе смѣ-

няя другое, дѣлалось болѣе и болѣе достойнымъ названія христіанскаго общества!

Между тѣмъ какъ все это происходило въ Петербургѣ, у двора, война продолжалась. Отступленіе Русскихъ дало немножко вздохнуть Фридриху; онъ кинулся на Французовъ и на голову разбилъ ихъ въ знаменитомъ сраженіи при Розбахѣ; потомъ точно также разбилъ онъ Австрійцевъ. Это дало ему возможность приготовиться къ слѣдующему году. Генералъ Ферморъ, назначенный нашимъ главнокомандующимъ, вступилъ въ 1758 году въ восточную Пруссію, занялъ Кенигсбергъ, но былъ разбитъ при Цорндорфѣ; сраженіе было страшно упорное; пишутъ, что Фридрихъ, замѣтивъ огромный уронъ, происшедшій въ его арміи отъ этого сраженія, сказалъ что легче перебить, чѣмъ побѣдить Русскихъ... Какъ бы то ни было, наше правительство Ферморомъ было недовольно и поручило на слѣдующій годъ командованіе Солтыкову, тому самому, который сильно способствовалъ въ 1730 г. возстановленію самодержавія. Солтыковъ, получивъ повелѣніе дѣйствовать въ связи съ Австрійцами, перешелъ за Одеръ и угрожалъ Бреславлю. Король прусскій, стѣсняемый Шведами, Французами и германскими арміями, собралъ до 50,000 солдатъ и кинулся на встрѣчу Русскимъ, которыхъ было 70,000. Разница въ числѣ была не очень велика и Пруссаки были увѣрены въ побѣдѣ, но всѣ ихъ усилія сломились о стойкость русской арміи. Они дѣлали чудеса храбрости; король самъ бросался въ огонь съ своими баталіонами; подъ нимъ убито двѣ лошади: ничто не помогло. Поражаемые нашею артиллеріею, отбиваемые штыками, гонимые конницею, Пруссаки

не отступили, а побѣжали, оставляя въ рукахъ нашихъ всю свою артиллерію. «Неужели ни одно ядро не поразитъ меня!» воскликнулъ въ отчаяніи Фридрихъ.

Битва эта, происходившая близъ деревни Кунерсдорфъ, была самая жестокая во всю войну. Солтыковъ писалъ о ней: «Если я еще выиграю такую побѣду, то реляцію о ней долженъ буду привезти въ Петербургъ самъ». Но мы не воспользовались своимъ успѣхомъ и не преслѣдовали Фридриха; вмѣсто того, между нашимъ и австрійскимъ главнокомандующимъ начались пререканія, которыя избавили Фридриха отъ окончательной погибели.

Въ кампанію 1760 года мы проникли до Берлина; но удержать его не могли, да и вообще дѣйствовали безъ плана и цѣли; на слѣдующій годъ Солтыковъ былъ замѣщенъ Бутурлинымъ, нѣкогда любимымъ гофъ-юнкеромъ цесаревны, человѣкомъ добрымъ, но никогда не заявившимъ военныхъ способностей. Генералъ этотъ промаршировалъ все это лѣто въ восточной Пруссіи и Силезіи, спорилъ и ссорился съ австрійскими генералами и ровно ничѣмъ не ознаменовалъ своего похода, который по счастію, былъ послѣднимъ. Смерть Императрицы, послѣдовавшая въ концѣ 1761 года, разорвала союзъ нашъ съ Австріей и Франціей, а вступленіе на престолъ Екатерины II и вовсе прекратило наше участіе въ войнѣ, въ которой, по правдѣ сказать, интересы Россіи не были ни въ ту, ни въ другую сторону привлечены.

IV.

Полезна ли была Россіи война съ Пруссіей?—Что она намъ стоила?—Число жителей въ Россіи по 2-й ревизіи.—Бродяжничество, разбои.--Раскольники.—Новыя секты.—Обращеніе иновѣрцевъ.—Изданіе библіи.—Духовенство.—Жизнь въ провинціи небогатыхъ дворянъ.—Пробужденіе охоты къ ученію въ дворянскомъ сословіи.—Первоначальное воспитаніе юношества.

Какую пользу принесла Россіи война противъ Пруссіи? Какую полезную для Россіи цѣль могла имѣть эта война? На это затруднились бы отвѣтить сами тѣ, которые рѣшили, чтобъ ей быть. Ивану Шувалову пришло однажды въ голову удержать за Россіею сѣверо-восточную часть Пруссіи съ Данцигомъ; онъ заикнулся объ этомъ одному изъ иностранныхъ посланниковъ въ Петербургѣ, но тотъ принялъ это за шутку и далъ ему почувствовать, что подобная претензія обратила бы противъ Россіи самихъ союзниковъ ея. А между тѣмъ война стоила намъ до 300,000 человѣкъ и до 30 мил. рублей. Жертвы страшныя! Бываютъ случаи, когда народъ долженъ приносить еще большія жертвы, приносить ихъ съ твердостію и безропотно, но чѣмъ, какою необходимостію въ настоящемъ или какими выгодами въ будущемъ онѣ могли быть оправданы въ настоящемъ случаѣ? Какая польза была бы Россіи отъ того, что Пруссія потеряла бы часть своихъ владѣній, а Австрія увеличилась бы?

Просто мы увлеклись, мы стали въ положеніе человѣка, который руководится правиломъ: «куда люди, туда и мы!» Замѣчательно, что немедленно послѣ смерти Елиза-

веты, Петръ III обратилъ русское оружіе за Пруссію и противъ Австріи: доказательство, что въ томъ, или другомъ случаѣ, или даже въ обоихъ, интересы Россіи не были приняты во вниманіе. А между тѣмъ эти 300,000 человѣкъ и эти 30 мил. рублей могли бы принести много пользы, сдѣлать много дѣла внутри государства!

Въ 1742 году была назначена новая, вторая ревизія. Она опредѣлила количество податнаго сословія (единственно подвергшагося переписи) въ 6 мил. чел. (*). Все мужское народонаселеніе Россіи Ломоносовъ полагалъ приблизительно въ 12 мил. человѣкъ, или около 25 мил. обоего пола: приращеніе огромное, если его сравнивать съ тѣмъ, которое обнаружила первая ревизія за 35 лѣтъ передъ тѣмъ. Но дѣло въ томъ, что ни той, ни другой переписи нельзя довѣрять: народъ и теперь, какъ при Петрѣ, продолжалъ укрываться отъ переписи, разбѣгался, или платилъ переписчикамъ, чтобъ не попадать въ ревизскія сказки; очевидно, слѣдовательно, что онѣ не могли быть вѣрными, и Ломоносовъ полагалъ, что у насъ народонаселеніе возрастаетъ медленно, что смертность, особенно между дѣтьми, чрезвычайно велика.

Едва ли есть болѣе вѣрное и удобное мѣрило благосостоянія страны, какъ возрастаніе его народонаселенія. Если оно увеличивается медленно или вовсе не увеличивается, это ясный признакъ, что оно находится въ неудовлетворительномъ положеніи, что его истребляютъ войны, эпидеміи; что оно не имѣетъ хорошей пищи, живетъ въ

(*) Теперь податное сословіе простирается почти до 25,500,000 душъ мужескаго пола.

дурныхъ помѣщеніяхъ съ вреднымъ воздухомъ; что ему не довольно оказывается медицинской помощи, что народонаселеніе это бездомничаетъ, бродяжничаетъ... Многія изъ этихъ заключеній, если не всѣ, можно было приложить къ тогдашней Россіи.

Бродяжничество,—одна изъ самыхъ старинныхъ нашихъ язвъ,—не прекращалось. Цари наши выдумали противъ этого зла прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, но прежнее зло едва ли уменьшилось, а явилось новое, крѣпостное право. Петръ ввелъ паспорты и ревизіи, но это казалось и было дѣйствительно, новою тягостію и въ тоже время новымъ поводомъ къ побѣгамъ и шатанію. Въ дремучихъ лѣсахъ заволжскихъ, по теченію Ветлуги, гдѣ на 700 верстахъ не было ни одного города и гдѣ было разсѣяно лишь нѣсколько глухихъ деревень и раскольничьихъ скитовъ, скрывались тысячи безпаспортныхъ людей, волжскихъ бурлаковъ по большей части; въ польскія владѣнія, въ Остзейскія провинціи уходили цѣлыя толпы; въ Малороссію, въ степи, пограничныя съ Кавказомъ, въ сибирскія пустыни тоже.

Многіе изъ такихъ людей натыкались на раскольничьи скиты и оставались въ нихъ, находя не только пріютъ и безопасность, но одобреніе и похвалу, ибо жизнь внѣ гражданскихъ обязанностей составляла, по понятію нѣкоторыхъ раскольничьихъ сектъ, заслугу; другіе принуждены были промышлять воровствомъ и разбоемъ. Мы видимъ множество указовъ, имѣющихъ цѣлію поимку разбойничьихъ шаекъ; военныя команды съ офицерами безпрестанно отправляемы бывали для ихъ преслѣдованія. Правительство назначало награды тѣмъ, которые изловятъ и пред-

ставятъ разбойниковъ или ихъ укрывателей, но это мало помогало, и на Волгѣ, напримѣръ, какъ во время Олеарія, разгуливали удалыя лодки, налетая на купеческія и даже казенныя барки, и грабя или потопляя ихъ, и цѣлыя селенія открыто занимались укрывательствомъ бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, получая за это часть награбленной добычи и дѣлясь ею съ тѣми, которымъ поручалось истребленіе воровства и разбоя.

Съ своей стороны раскольники, какъ уже сказано, считали священною обязанностію, вопросомъ религіознымъ, не подчиняться переписи и паспортамъ; было нѣсколько случаевъ въ царствованіе Елизаветы, какъ и до нея, что когда переписчики проникали до ихъ отдаленныхъ скитовъ, то они затворялись, обкладывались соломою и сожигались. Много времени должно было еще пройти, прежде чѣмъ, съ одной стороны, согласились подчиниться необходимымъ въ гражданскомъ обществѣ ограниченіямъ личной воли, а съ другой—уменьшенію этихъ стѣсненій до возможной степени. Такъ, напримѣръ, одно изъ первыхъ условій гражданственности состоитъ въ томъ, чтобъ народонаселеніе осѣло и усѣлось, чтобъ прекратилось бродяжничество: но есть страны, гдѣ паспорты не считаются необходимостію и человѣкъ нигдѣ уже не привязывается насильно къ одному мѣсту, какъ этого требовало наше крѣпостное право. Ревизія существуетъ во всемъ образованномъ мірѣ, но въ перепись вносятся не одни податные, потому что не нѣкоторыя только сословія, а весь народъ призывается къ уплатѣ на содержаніе администраціи, суда, войска и т. п. Сообразивши это, мы должны придти къ заключенію, что въ отечествѣ нашемъ, за сто лѣтъ предъ симъ, было въ

народѣ еще много признаковъ дикости, много сопротивленія общественному порядку, а со стороны правительства много еще неумѣнія дать хорошее направленіе этимъ дикимъ и упорствующимъ силамъ. Напримѣръ, царствованіе Елизаветы, какъ мы видѣли, было гораздо мягче предшествующихъ: между тѣмъ раскольники считаютъ его однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Почему же такъ? Потому что Елизавета была очень набожна, очень радѣла о православіи, а радѣть о православіи въ ея понятіи, какъ и въ понятіи духовенства, да едва ли и не всѣхъ набожныхъ людей того времени, казалось нераздѣльнымъ съ преслѣдованіемъ тѣхъ, кто его не признаетъ. Такъ, Императрица однимъ изъ своихъ указовъ повелѣла выслать за границу всѣхъ Евреевъ. Евреи проживали въ Малороссіи еще во время польскаго владычества и вмѣстѣ съ нею поступили подъ русскую державу; точно также, хотя и не въ большомъ количествѣ, они жили въ нѣкоторыхъ остзейскихъ городахъ, и если сельское населеніе вообще тяготилось ими, то они оживляли торговлю городовъ. По этому Нѣжинъ и Рига ходатайствовали о дозволеніи Евреямъ оставаться по прежнему, представляя ихъ людьми полезными для Россіи: «никакого интереса не желаю отъ враговъ вѣры Христовой», отвѣчала на это Государыня, вполнѣ увѣренная, что совершаетъ великій христіанскій и государственный подвигъ. Къ чему же, однако, привела эта мѣра? Евреи, подъ разными предлогами и различными тайными средствами, умѣли найти возможность остаться въ Малороссіи; указъ о ихъ высылкѣ за границу послужилъ только къ незаконному обогащенію тѣхъ, которымъ было поручено его исполненіе.

Точно также, не взирая на строгія мѣры противъ раскола, расколъ усиливался и умножался. Раззоренная въ предшествующее царствованіе Вѣтка черезъ нѣсколько лѣтъ опять заселилась, а къ существовавшимъ раскольничьимъ сектамъ прибавились новыя и, между прочимъ, весьма замѣчательная секта *духоборцевъ*, имѣющая сходство съ нѣкоторыми лютеранскими сектами. Секта эта не признаетъ священства, сохраняетъ весьма строгую нравственность, гнушается войною, всякимъ пролитіемъ крови и вообще всякимъ насиліемъ, и богослуженіе ея состоитъ главнѣйше въ проповѣдяхъ.

Религіозная ревность Государыни имѣла обширный кругъ дѣйствія въ отношеніи многочисленныхъ иновѣрцевъ, населяющихъ Россію. Въ Свіяжскѣ, на границѣ бывшаго татарскаго царства, была учреждена особая коммисія, имѣвшая цѣлію распространить христіанство въ заволжьи; къ Калмыкамъ, къ сибирскимъ племенамъ,—Вогуламъ, Остякамъ, Бурятамъ, Тунгузамъ, въ отдаленную Камчатку были посылаемы миссіонеры; къ нѣкоторымъ кавказскимъ народамъ—тоже. Тамъ, гдѣ миссіи искусно и настойчиво вели дѣло проповѣди, гдѣ мѣстное духовенство принимало въ немъ искреннее участіе, какъ напримѣръ въ Иркутскѣ и въ Камчаткѣ, тамъ дѣло шло успѣшно; но очень часто успѣхъ былъ только видимый; между Татарами Казанской губерніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ крестилось 360,000 человѣкъ и главный двигатель свіяжской коммисіи, архимандритъ Димитрій Сѣченовъ не безъ основанія, по видимому, могъ себя считать апостоломъ заволжья. Но большею частію Татары крестились потому, что новокрещенцы получали нѣкоторыя льготы; окрестившись же, они, по прежнему, продолжали ходить въ мечети, такъ что впо-

слѣдствіи велѣно было разрушать мечети въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ, вмѣстѣ съ мусульманами, жили новообращенные христіане. Многія тысячи между Калмыками приняли крещеніе (между прочимъ, предки нынѣшнихъ князей Дондуковыхъ); но нѣсколько лѣтъ спустя, будучи недовольны своими приставами, уложили свои кибитки и откочевали въ степи Средней Азіи. Точно также было и между Осетинами, кавказскимъ племенемъ, нѣкогда исповѣдывавшимъ христіянство и потомъ мало по малу обратившимся въ язычество; да и не удивительно: въ царствованіе Елизаветы три миссіонера проникли въ осетинскія горы, но послѣ нихъ тридцать лѣтъ никто не продолжалъ начатаго дѣла; тѣ изъ Осетинъ, которые приняли крещеніе, никѣмъ не поддерживаемые и не руководимые, скоро стали такими же язычниками, какъ были передъ тѣмъ.

Не станемъ, впрочемъ, удивляться, что христіянская пропаганда не вездѣ производилась съ желаемымъ искусствомъ, прибѣгала къ средствамъ прельщенія, если не къ угрозѣ и рѣдко дѣйствовала съ необходимымъ терпѣніемъ и настойчивостію; пропаганда можетъ производиться съ успѣхомъ только тогда, когда она является въ видѣ какого-то избытка внутреннихъ силъ, которыя неудержимо рвутся внаружу. Духовенство же наше было, не взирая на свою многочисленность, слабо, — слабо уже потому, что было не развито. Довольно сказать, что въ концѣ царствованія Елизаветы считалось не болѣе 26 духовныхъ училищъ! По этому, если гдѣ христіянская проповѣдь шла успѣшно, то это должно отнести къ искусству и усердію отдѣльныхъ лицъ. Въ Камчаткѣ, напримѣръ, проповѣдь производилась съ успѣхомъ и соединялась съ распростра-

неніемъ грамотности; въ иркутскомъ краѣ между Бурятами и Тунгузами тоже самое; въ Астрахани была учреждена семинарія для приготовленія проповѣдниковъ между Калмыками. Для единовѣрцевъ нашихъ, Грузинъ, напечатаны были евангеліе и другія священныя книги, наконецъ, — и это большая заслуга описываемаго времени,—издана была и пущена въ продажу по весьма дешевой цѣнѣ библія. Странное дѣло: Русскій народъ не безъ основанія считается набожнымъ; для грамотныхъ людей прежняго времени лучшимъ, а для многихъ и единственнымъ чтеніемъ были священныя книги, а между тѣмъ съ 1663 по 1750 г. не было ни одного изданія библіи!

Среди людей глубоко-религіозныхъ, какими были наши предки, духовенство имѣло большее значеніе, хотя оно и умалилось въ сравненіи съ предшествующими временами. Еще въ XVII вѣкѣ свѣтскіе люди хорошихъ фамилій поступали въ священники, но въ XVIII это случалось только въ Малороссіи. Произошло это отъ многихъ причинъ. Петръ I открылъ дворянству, и даже отчасти простолюдству, широкую дорогу къ чинамъ и богатству посредствомъ государственной службы; по этому положеніе священника уже сдѣлалось менѣе привлекательнымъ. При томъ, съ учрежденіемъ отдѣльныхъ свѣтскихъ школъ, люди, поступивши въ нихъ съ самаго дѣтства, выходили на дорогу, которая естественно не могла ихъ привести къ рясѣ; съ другой стороны, духовенство заводило исподоволь школы, которыя тоже начинали принимать исключительный характеръ; таким образомъ, духовенство образовало изъ себя совершенно отдѣльное сословіе, которое не принимало въ свою среду постороннихъ людей и

немногихъ изъ себя выпускало для государственной службы или иной свѣтской дѣятельности.

Тѣмъ не менѣе однакожъ въ описываемое время сельскій священникъ былъ лицомъ близкимъ и крестьянину и помѣщику, особенно небогатому; въ рѣдкой дворянской усадебкѣ мы не встрѣтили бы частымъ и почетнымъ гостемъ приходскаго священника. «Весьма важную особу, пишетъ извѣстный уже намъ Болотовъ, составлялъ въ нашемъ домѣ нашъ приходскій попъ, и ея (матери автора) отецъ духовный». Онъ былъ ея ежедневнымъ гостемъ, совѣтникомъ и наставникомъ не только въ семейныхъ и домашнихъ дѣлахъ, но давалъ ей совѣты даже когда у нея случались тяжбы и споры съ сосѣдями.

Священники же и церковники бывали обыкновенно первыми учителями дѣтей небогатыхъ дворянъ. Тотъ же Болотовъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Первую радость родителямъ моимъ доставилъ я выученіемъ почти наизусть одного апостола изъ посланія къ Коринѳянамъ, начинающагося сими словами: «облецытеся убо яко избранніи Божіи». Кто же научилъ этому ребенка? безъ сомнѣнія кто нибудь изъ духовныхъ лицъ. Другой современникъ, Даниловъ, разсказываетъ съ большою подробностію обученіе свое и еще нѣсколькихъ мальчиковъ у дьячка. Вообще можно сказать, что сто лѣтъ назадъ каждый небогатый дворянинъ начиналъ свое образованіе по букварю Ѳеофана Прокоповича и то подъ руководствомъ какого нибудь церковнослужителя.

Эти же два современника, Болотовъ и Даниловъ, знакомятъ насъ съ образомъ жизни тогдашняго провинціаль-

съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ и вели уединенную жизнь».

Домъ родителей Болотова былъ деревянный, безъ фундамента, съ огромною тесовою крышей. Объ изяществѣ архитектуры нечего и говорить; даже простыя удобства не были соблюдены; такъ, изъ семи покоевъ, заключавшихся въ этомъ домѣ, только три были обитаемы; другіе были или кладовыя, или чуланы, или сѣни, или отдѣлены были отъ главныхъ комнатъ холодными сѣнями. Какъ снаружи, такъ и изнутри стѣны были просто бревенчатыя. голыя, полы и потолки голые же, деревянные, некрашенные; вся мебель состояла изъ лавокъ, по старинному, придвинутыхъ къ стѣнамъ, изъ длиннаго дубоваго стола въ переднемъ углу, подъ образами, да еще изъ небольшаго количества стульевъ или креселъ, выражавшихъ собою уже нѣкоторую претензію на удобство. Забившись, особенно зимою, въ одинъ или два маленькіе тепленькіе покойца, дворянское семейство тамъ и спало, тамъ и обѣдало, тамъ и гостей принимало. Иногда, особенно въ день храмоваго праздника, имянинъ и проч. къ матери Болотова наѣзжали и гости, сосѣдніе помѣщики. «*Первую особу*» между ними составлялъ, пишетъ Болотовъ одинъ высокорослый старичокъ, «человѣкъ недальней бойкости» и безграмотный, а жена его «была самая шлюшечка».

По этимъ двумъ образцамъ *первой особы* и его жены можно составить себѣ понятіе и объ остальныхъ. Старики того времени могли помнить первые указы противъ бородъ и длинныхъ одеждъ, могли помнить первыя сопротивленія этимъ распоряженіямъ, и хотя бородъ дворяне уже не носили, но ходили въ какихъ-то длиннополыхъ одеж-

чахъ, какія теперь носятъ мелкіе купцы и церковники; жены ихъ большею частію носили тѣлогрѣи и платочки на головѣ. Когда эти достопочтенные люди собирались, вотъ какъ проводили они время. «По утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки, тамъ обѣды, а за ними почиванье; тамъ закуска и заѣдка: послѣ того чай, а тамъ ужинали. Спали всѣ на землѣ,повалкою, а по утру, проснувшись, принимались опять за ѣду...»

Такъ описываетъ Болотовъ образъ жизни мелкаго дворянства: подобно этому описываетъ и Даниловъ свою родню, бѣдныхъ дворянъ, до того бѣдныхъ, что жена одного изъ нихъ сама ходила въ поле жать. Бѣдностью своею, одиночествомъ, а также большими разстояніями и худыми, не безопасными отъ разбойниковъ дорогами, люди эти вообще бывали принуждены къ одинокой, почти затворнической жизни, дичали, загрубѣвали и черствѣли. Но, можно подумать, за то люди болѣе зажиточные вели совершенно иной образъ жизни? Тотъ же Болотовъ даетъ намъ и на это отвѣтъ.

Вотъ какъ описываетъ онъ общество людей той же эпохи (1750), принадлежавшихъ къ другому, нѣсколько болѣе достаточному кругу и въ другой мѣстности, въ окрестностяхъ Пскова. Болотовъ вводитъ насъ въ домъ своей сестры, гдѣ праздновались ея именины. Гостей съѣхалось множество: обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. «Псковскіе дворяне любили тогда быть веселы и заставлять въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. *Понабравшись* немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще долѣе. У г. Сумороцкаго была своя музычка: зять мой постарался, чтобы онъ привезъ ее съ со-

бою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ. Ежели скрипочки двѣ-три умѣли играть польскіе, менуеты и контрдансы, такъ и довольно. Не многіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ колясках, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ.»

Потребовали лакеевъ-музыкантовъ; молодежь стала танцовать; старушки играли въ карты; старички распивали наливки; «а какъ подгуляли, то начали и они танцами веселиться. Музыка должна была играть то̀, что имъ было угодно, и по большей части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Не успѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты, и дѣлать имъ свою компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями, а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣсни пѣть лакеи, и такъ попеременно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина.»

Таковы были наши предки *на людяхъ;* одни, дома они были похуже и этому много способствовала, кромѣ недостатка просвѣщенія, уединенность усадьбъ и отсутствіе въ нихъ всякаго сторонняго взора, всякой критики, всякаго контроля. Вполнѣ безопасный и увѣренный, что все, что ни дѣлается въ усадьбѣ, *шито и крыто*, да притомъ еще привыкшій, посреди своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и холопей, ничѣмъ не стѣснять своего произвола, помѣщикъ того времени доходилъ до такой степени самодурства, что нынче это понять трудно. Былъ, напримѣръ, на свѣтѣ нѣкто Головинъ, — не бѣдный помѣщикъ, посыланный Петромъ за границу. Возвратясь въ Россію и отпущенъ будучи на житье въ деревню, онъ зачудилъ

въ одиночествѣ и дошелъ до совершеннаго юродства. Всякій день къ нему должны были являться всѣ сановники его сельскаго управленія, — староста, прикащикъ, дворецкій, ключникъ и пр.; всякій день назначенная для того женщина должна была, пропуская ихъ въ комнату барина, произносить имъ слѣдующій *спичь*, всегда одинъ и тотъ же: «Входите—смотрите, тихо, смирно, бережно и опасно, съ чистотою и молитвою, съ докладами и за приказами къ барину нашему, къ государю: кланяйтесь низко его боярской милости и помните жъ—смотрите, накрѣпко.» Тогда начинались донесенія бородатыхъ сановниковъ, каждаго по своей части, всегда однимъ и тѣмъ же порядкомъ, одними и тѣми же словами; выборный, напримѣръ, докладывалъ: «Во всю ночь, государь нашъ, вокругъ всего вашего боярскаго дома ходили, въ колотушки стучали, въ трещетки трещали, въ ясакъ звенѣли и въ доску гремѣли; въ рожокъ, сударь, по очереди трубили и всѣ четверо между собою громко говорили. Нощныя птицы не летали, страннымъ голосомъ не кричали, молодыхъ господъ не пугали и барской замазки не клевали; на крыши не садились и на чердакѣ не возились.» Староста такъ оканчивалъ свой рапортъ: «Во всѣхъ четырехъ деревняхъ, милостію Божіею, все состоитъ благополучно и здорово: крестьяне ваши, господскіе, богатѣютъ, скотина ихъ здоровѣетъ; четвероногія животныя пасутся, домашнія птицы несутся; на землѣ трясенія не слыхали и небеснаго явленія не видали. Котъ Ванька и баба Зажигалка въ Ртищевѣ проживаютъ и по приказу вашему боярскому невѣйку (невѣянную рожь) ежемѣсячно получаютъ; о преступленіи своемъ ежедневно воздыхаютъ

и васъ, государь нашъ, слезно умоляютъ, чтобы вы гнѣвъ боярскій на милость положили и ихъ бы, виновныхъ рабовъ своихъ, простили.» Преступленія же кота и бабы заключались въ томъ, что первый поѣлъ господскую рыбу, а вторая по неосторожности подпалила село.

Такъ юродствовалъ очутившись въ глуши, безъ сношенія съ людьми, человѣкъ, по видимому, прежде не глупый. Но чудачество Головина было довольно безвредно, одиночество, отсутствіе всякаго контроля и почти неограниченный произволъ помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми бывали причинами дѣлъ, возмущающихъ душу. Даниловъ разсказываетъ про одну вдову-помѣщицу, великую, впрочемъ, богомолку, ежедневно заставлявшую читать себѣ акаѳисты, пѣть молебны и т. п. «Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною, пишетъ Даниловъ; только признаюсь, сколько времени у ней я не жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки. Какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притащa люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать: это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе.»

Такъ жило современное дворянство; картина не привлекательная! Замѣтимъ однакожъ: это — картина уже отживавшихъ обычаевъ. Потребность просвѣщенія начинала чувствоваться владѣльцами самыхъ глухихъ и отдаленныхъ усадьбъ. Люди стараго времени не хотѣли сами

измѣнять своихъ обычаевъ, но заботились, чтобъ дѣтей своихъ воспитать инымъ образомъ. Къ этому понуждали не только царскіе указы,—сила вещей къ тому приводила. Возьмемся опять за Болотова. Отецъ его всю жизнь свою странствовалъ съ полкомъ изъ Украйны въ Швецію, изъ Петербурга на Дунай, и странствія эти, какъ всякія странствія, заставляя видѣть, сличать и сравнивать, не могли его не развить нѣсколько и, между прочимъ, не дать ему почувствовать пользу просвѣщенія. Онъ покупалъ книги, занимался музыкою и завелъ въ полку своемъ оркестръ. Съ самаго ранняго возраста своего сына, онъ уже начиналъ думать, какъ бы его образовать. Первое книжное знаніе ребенка уже доставляетъ радость родителямъ: этого мы не замѣчаемъ въ прежнее время, по крайней мѣрѣ между среднимъ дворянствомъ. Мало этого, Болотовъ-отецъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобъ научить сына чему нибудь; оказывается въ полку солдатъ изъ нѣмцевъ, онъ беретъ его къ сыну въ учителя; располагается полкъ по квартирамъ въ Курляндіи, — маленькаго Болотова отдаютъ въ домъ къ какому-то дворянину, у котораго для сына выписанъ хорошій учитель изъ нѣмцевъ: наконецъ, отецъ и мать рѣшаются разстаться съ сыномъ, чтобъ помѣстить его въ петербургскій пансіонъ, и эти добрые люди радуются мысли, что ихъ дѣтище будетъ образованнѣе, умнѣе ихъ. «Родитель мой, пишетъ Болотовъ, не преминулъ меня проэкзаменовать во всѣхъ моихъ занятіяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по французски сколько нибудь научился, любовался моими рисунками.»

И точно, если Болотовъ-отецъ былъ болѣе развитъ своихъ тульскихъ сосѣдей, то сынъ пошелъ еще далѣе.

Онъ употреблялъ последнія свои копѣйки на покупку книгъ, не разставался съ ними ни въ крестьянскихъ избахъ, во время стоянки съ полкомъ на квартирахъ, ни въ походѣ и, собираясь на войну, набивалъ ими свои вьюки. Пребываніе въ Остзейскихъ провинціяхъ съ полкомъ своимъ, гдѣ небогатые дворяне охотно принимали «геръ-поручика», хорошо говорящаго по нѣмецки, время, проведенное съ полкомъ въ Пруссіи, впродолженіе семилѣтней войны, — все это осталось не безъ вліянія на развитіе молодаго человѣка, который, наконецъ, возвратился въ свое наслѣдственное имѣніе далеко уже не тѣмъ, чѣмъ были его сосѣди-ровестники. И такихъ людей, какъ Болотовъ, были тысячи. Если служба и разстраивала ихъ имѣнія, то она способствовала ихъ образованію, и, въ свою очередь, они дѣлались орудіями, посредствомъ которыхъ образованіе проникло внутрь Россіи.

Польза грамотности и образованія была скоро понята русскимъ дворянствомъ. Современникъ Болотова, у котораго мы такъ много интереснаго вычитали, Даниловъ, пишетъ, что его отецъ, крайне бѣдный дворянинъ, самъ обучалъ грамотѣ своихъ многочисленныхъ дѣтей; потомъ неподалеку случился грамотный дьячекъ, — мальчишекъ стали посылать къ нему для *усовершенствованія* въ чтеніи и письмѣ. Наконецъ, нашлись родственники, болѣе или менѣе достаточные люди, которые, имѣя учителей при дѣтяхъ своихъ, приняли къ себѣ въ домъ бѣдныхъ ребятишекъ; другіе опредѣляли дѣтей въ кадетскій корпусъ или въ какую нибудь изъ военныхъ школъ, учрежденныхъ правительствомъ, — и вотъ цѣлый рой дѣтей, родившихся въ нищетѣ и грубости, мало по малу вступалъ въ число лю-

[illegible]

[illegible]

Чему и какъ учили единственные деревенскіе педагоги того времени, — церковники, — мы уже видѣли: не лучше ихъ были и другіе воспитатели тогдашняго юношества. Нѣмецъ солдатъ, приставленный къ Болотову, сѣкъ его немилосердно; Даниловъ разсказываетъ, что въ артиллерійской школѣ, куда былъ записанъ его братъ, одинъ учитель «тогда содержался въ смертномъ убійствѣ въ третій разъ подъ арестомъ»; о подобномъ же учителѣ

разсказываетъ и Державинъ. Даже изъ кадетскаго корпуса, который состоялъ подъ надзоромъ людей образованныхъ, воспитанники безпрестанно убѣгали: вѣроятно не легка была имъ жизнь!

V.

Понятія о шляхетствѣ или дворянствѣ въ XVIII вѣкѣ.— Графъ П. И. Шуваловъ.—Межеваніе, начертаніе уложенія, банки, таможни.— Откупа.—Жадность, надменность и расточительность Шувалова.— Роскошь Елизаветинскихъ вельможъ.—Обычаи голштинскаго двора.— Общество великой княгини. —Развитіе вкуса въ обществѣ.— Постройки и спектакли. — Сумароковъ. — Волковъ. — Начало русской труппы.—Ломоносовъ какъ поэтъ и ученый.—И. Шуваловъ.—Московскій университетъ.—Смерть Елизаветы Петровны.

Намъ необходимо замѣтить, что съ начала XVIII вѣка начинаетъ складываться новое у насъ понятіе—о дворянствѣ, или, какъ тогда часто говорили, о шляхетствѣ. Слово *дворянинъ* употреблялось изстари, но оно не имѣло очень опредѣленнаго значенія, и вообще означало *служилаго человѣка*, то есть человѣка, обязаннаго служить отечеству, и за то пользующагося правомъ владѣть деревнями. Со времени же сближенія нашего съ Европою, оно получаетъ тотъ смыслъ, какой оно тамъ имѣло, то есть начало означать *благорожденнаго* человѣка, передающаго свое благородство дѣтямъ, имѣющаго исключительное право на владѣніе населеннымъ имѣніемъ и которому преимущественно открыты всѣ пути государственной службы.

Такъ понималъ дворянство и Петръ I. Немного было въ тогдашней Россіи людей способныхъ и готовыхъ слу-

жить общему дѣлу. Петръ вездѣ ихъ отыскивалъ, отвсюду ихъ бралъ и, ставя въ обязанность каждому изъ нихъ воспитывать дѣтей своихъ приличнымъ образомъ, дѣлалъ дѣтей этихъ наслѣдниками права ихъ отцовъ.

Дмитрій Голицынъ обнаруживаетъ желаніе образовать нѣчто еще высшее, нежели дворянство,—аристократію съ политическимъ значеніемъ. Мысль Голицына не была поддержана; дворянство оскорбилось тѣмъ, что его хотятъ отодвинуть на второй планъ и выразило желаніе устроиться особымъ сословіемъ, съ преимуществами и правами *исключительными*, ему одному только принадлежащими. Въ запискѣ, поданной въ 1730 году верховному совѣту, мы читаемъ, между прочимъ, желаніе, чтобъ «шляхетство въ матросы и ремесла не писать»; далѣе написано: «чтобъ подлинное шляхетство извѣстно было, того ради всему, во всѣмъ государствѣ сдѣлать роспись, не включая тѣхъ, которые изъ солдатъ, рейтаръ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, хотябъ и многія деревни имѣли, развѣ на шляхетство или пожалованныя деревни грамоты жалованныя имѣютъ; однакожъ и тѣхъ всѣхъ, хотя бы изъ какого чина ни были, и деревни уже имѣютъ, написать въ особую книгу».

Здѣсь уже обнаруживается совсѣмъ не та мысль, что прежде; уже не служба отечеству и даже не владѣніе деревнями, а одно рожденіе выставляется правомъ на шляхетство, по крайней мѣрѣ на чистое, *столбовое* шляхетство. Это уже понятіе въ Россіи новое, пришедшее къ намъ съ запада. Иностранцы и остзейскіе дворяне еще болѣе усиливаютъ его въ царствованіе Анны Іоанновны: сухопутный корпусъ открытъ для одного шляхетства, при

Императрицѣ Аннѣ снята съ одного дворянства обязанность служить до смерти или до изнеможенія; въ царствованіе Елизаветы открыты были въ Москвѣ двѣ гимназіи: одна для дворянъ, а другая для разночинцевъ, такъ что и здѣсь шляхетство становилось отдѣльно отъ прочихъ сословій. Права дворянства, какъ отдѣльнаго, исключительнаго сословія получили, большее развитіе при Петрѣ III и Екатеринѣ II, о чемъ теперь не мѣсто говорить; здѣсь же будетъ кстати познакомиться съ однимъ изъ представителей шляхетскихъ понятій при Елизаветѣ, графомъ Петромъ Шуваловымъ.

Это былъ, конечно, умный и способный человѣкъ, и едва ли кто болѣе его имѣлъ вліянія на дѣла внутренняго управленія. Мысли его въ этомъ отношеніи не всегда могутъ быть вѣрны и согласны съ дѣйствительными выгодами народа, но всегда широки и заставляютъ думать, что онъ могъ быть бы замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, еслибъ образованіе его было болѣе тщательно и еслибъ онъ не былъ зараженъ слишкомъ въ то время общею гражданскою безнравственностію. Онъ сдѣлалъ предположеніе о всеобщемъ въ Россіи размежеваніи земель и началъ приводить его въ исполненіе, что̀ чрезвычайно важно для едва учреждавшагося у насъ гражданскаго порядка, потому что, при неимѣніи правильно опредѣленныхъ границъ, землевладѣльцы не знали хорошенько, что́ принадлежитъ имъ и что̀ не принадлежитъ, а отъ этого бывали безпрестанные захваты и множество тяжебъ.

По предположенію Шувалова же, приступлено было къ составленію уложенія. Со времени Царя Алексѣя у насъ не было книги законовъ. Многочисленные указы, регла-

ненія и инструкціи Петра во многомъ совершенно измѣнили прежнее уложеніе и прибавили къ нему множество новыхъ законовъ, но пользоваться ими было чрезвычайно трудно. Указы эти въ свое время бывали обнародываемы, но какая была возможность подбирать ихъ одинъ къ одному? и мудрено было не пропустить того или другаго. Въ присутственныхъ мѣстахъ они хотя и подбирались, положимъ, тщательно, но, за то человѣкъ, которому нужно было, напримѣръ, отыскать законъ для огражденія своего имущества, долженъ былъ отправляться къ дѣльцу, кланяться ему, давать взятки, а тотъ всегда могъ ему отвѣтить, что такого закона нѣтъ. Слѣдовательно, было дѣломъ первой важности собрать всѣ вышедшіе послѣ уложенія законы, сличить ихъ, отбросить тѣ, которые отмѣнены, согласовать между собою тѣ, которые другъ другу противорѣчали и, наконецъ, издать ихъ для всеобщаго употребленія. Вотъ это-то и хотѣлъ сдѣлать Шуваловъ, но такой трудъ былъ не подъ силу тогдашнимъ юристамъ и ничѣмъ не кончился.

Спеціальностію Шувалова была финансовая часть. По его плану учреждены были для дворянства и купечества заемные банки, которые снабжали подъ залоги деньгами за 2 процента, тогда какъ въ частныхъ рукахъ надо было давать до 20%. Для удобствъ торговли, онъ уничтожилъ многія внутреннія таможни и усилилъ пошлины на таможняхъ заграничныхъ. Эта послѣдняя мѣра теперь считается весьма вредною для *народа* и для казны, потому что возвышаетъ цѣну на заграничные товары, увеличиваетъ дороговизну и уменьшаетъ привозъ, а слѣдовательно и таможенные сборы. Кромѣ того, покровительство оказываемое внутреннимъ фабрикамъ,

уничтожая соперничество, пріучаетъ ихъ къ безпечности и отнимаетъ охоту совершенствовать и удешевлять свои произведенія. Но понятія эти недавно восторжествовали, да и то болѣе въ наукѣ, нежели на дѣлѣ; сто лѣтъ же тому назадъ система высокихъ тарифовъ была во всеобщемъ употребленіи, слѣдовательно проэктъ Шувалова винить нельзя.

Но вотъ въ чемъ нельзя не винить Шувалова: пользуясь своимъ вліяніемъ при дворѣ, онъ выхлопоталъ себѣ откупъ сальнаго промысла у Колы и Архангельска, таковой же откупъ тюленьяго промысла на Каспійскомъ морѣ и табака по всей Имперіи. Вообще всякіе откупа вредны для промышленности и отяготительны для народа (потому что откупщикъ налагаетъ на свои произведенія такія цѣны, какія хочетъ). Когда же, при томъ, человѣкъ съ такимъ вліяніемъ, какъ Шуваловъ, вступаетъ въ промышленныя предпріятія, мудрено, чтобъ онъ не злоупотреблялъ этимъ вліяніемъ и чтобъ не уничтожилъ всякаго, кто вступалъ бы съ нимъ въ состязаніе. Шуваловъ это и дѣлалъ; онъ дѣлалъ еще хуже, а именно: «испросилъ себѣ—пишетъ князь Щербатовъ,—знатные заводы, и между прочими лучшій въ государствѣ, Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты тысячъ рублей, быть оцѣненъ въ 90,000, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу сенату, и получилъ его по новой переоцѣнкѣ не съ большимъ за 40,000 руб.,—заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20,000 душъ, заводъ, приносящій ему послѣ до 200,000 руб. и который послѣ взятъ былъ обратно за его долги за 750.000 р.»

Кромѣ ненасытнаго корыстолюбія. Шуваловъ былъ однимъ изъ самыхъ гордыхъ, надменныхъ и неприступныхъ вельможъ своего времени. О томъ, какъ онъ держалъ себя въ отношеніи тѣхъ, кто въ немъ нуждался, можетъ дать понятіе слѣдующій разсказъ. У Болотова было дѣло, которое зависѣло отъ Шувалова; не смѣя обратиться къ самому вельможѣ, онъ пошелъ къ его адъютанту и фавориту, Яковлеву. «Вошедъ въ залъ, говоритъ Болотовъ, нашелъ я его весь набитый народомъ; я видѣлъ тутъ множество всякаго рода людей. Были тутъ и знатныя особы и низкаго состоянія люди, всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія ожидавшіе входа въ залъ любимца графскаго.» — «Наконецъ, распахнулися двери и графскій фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей, и по большей части такихъ, кои чинами своими были гораздо выше его. Не успѣлъ онъ показаться, какъ сдѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили». — «Я подступилъ съ трепещущими ногами»...

Если адъютантъ Шувалова производилъ трепетъ и вызывалъ такое подобострастіе, какое же впечатлѣніе производитъ онъ самъ? А и онъ во время *случая* Разумовскаго, гнулъ передъ нимъ спину!

Шуваловъ получалъ въ годъ до 400,000 дохода, по словамъ современниковъ, а между тѣмъ они не могли покрыть его непомѣрной расточительности; у него, какъ мы видѣли, остались большіе долги. Подобно ему, страшно сорили деньгами и другіе вельможи этого времени. Нынѣшній Аничкинъ дворецъ былъ частнымъ домомъ графа Разумовскаго. Сынъ фельдмаршала Шереметева, «таскающій, а

не носящій свое имя», по словамъ Щербатова, устроилъ свой домъ на такую широкую ногу, что онъ могъ принимать Императрицу со свитою, не будучи предупрежденъ о ея пріѣздѣ. О роскоши Апраксина мы уже знаемъ; малымъ чѣмъ развѣ уступалъ ему графъ Чернышевъ. Нѣкоторые изъ этихъ вельможъ проживали на удовлетвореніе своего тщеславія огромныя наслѣдственныя состоянія, другіе, подобно Шувалову, прибѣгали къ нечестнымъ средствамъ, чтобъ имѣть деньги, какъ напримѣръ Чернышевъ, о которомъ Щербатовъ говоритъ, что онъ черезъ разные происки купилъ въ казнѣ мѣдные заводы за 90,000 руб. и потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ обратно продалъ ихъ за 700,000.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что сама Императрица поощряла эту страшную роскошь и не обращала большаго вниманія на средства, какими ея вельможи добывали деньги. Елизавета любила блескъ, любила роскошь сама. На одномъ пожарѣ, бывшемъ въ Москвѣ и отъ котораго сгорѣлъ дворецъ, сгорѣло до 4,000 ея платьевъ.

Замѣтить однакожъ надобно, что роскошь эта, какъ ни была она чрезмѣрна, какъ ни презрѣнны средства, которыми она питалась, получаетъ болѣе изящный и благородный видъ, нежели прежде; она начинаетъ уже сопровождаться вкусомъ. О страшныхъ попойкахъ Петровскихъ временъ уже нѣтъ и помину при дворѣ; самъ Разумовскій могъ позволять ихъ себѣ только дома или на охотѣ; пиво и трубки старинныхъ ассамблей удержались лишь въ казармахъ; тяжеловѣсныя любезности франтовъ, подобныхъ Левенвольду, уступили мѣсто несравненно болѣе изящнымъ формамъ меньшаго Разумовскаго или Ивана Шувалова, бывшихъ при русскомъ дворѣ образчиками

модной версальской молодежи; наконецъ, если великій князь какъ будто старался поддерживать нѣмецкіе нравы, возстановлялъ въ Ораніенбаумѣ обычаи короля Фридриха Вильгельма и его Tabaks-Collegium, если онъ довольствовался крупнымъ остроуміемъ голштинскихъ экзерцирмейстеровъ, то рядомъ съ нимъ, на половинѣ его супруги, господствовали понятія и вкусы, далеко оставлявшіе за собою пышный, благовидный, но вообще мало развитый дворъ Императрицы.

Весьма ограниченная въ своихъ денежныхъ средствахъ и зорко преслѣдуемая нерасположенною къ ней партіею Шуваловыхъ, Екатерина Алексѣевна не давала ни баловъ, ни праздниковъ, но изъ числа лицъ, обращавшихся при дворѣ, все, что было наиболѣе серьозно образованнаго или изящнаго въ отношеніи формъ (кромѣ Ивана Шувалова), собиралось и группировалось вокругъ нея. Въ ея живописномъ Ораніенбаумѣ, какъ и въ тѣсныхъ комнаткахъ ея петербургскаго дворца (близъ Полицейскаго моста), можно было почти ежедневно встрѣтить обоихъ Паниныхъ, Бецкаго, Строгонова, людей, вскорѣ сдѣлавшихся извѣстными всей Россіи; рядомъ съ ними бывали тамъ нѣкоторые изъ дипломатовъ и молодые люди, составлявшіе ихъ свиту, между которыми въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы блисталъ Станиславъ Понятовскій, будущій король Польши; наконецъ, тамъ же можно было замѣтить и одну молодую женщину, почти столько же просвѣщенную и остроумную, какъ сама великая княгиня, — княгиню Дашкову, женщину—исключеніе между тогдашними русскими женщинами. Вообще маленькій негромкій дворъ

великой княгини былъ, можно сказать, зарею новой эпохи, новой жизни для Россіи.

Эти молодые люди различныхъ половъ, различныхъ націй и различныхъ состояній встрѣчались между собою безъ чиновъ, запросто и первымъ между ними былъ тотъ, кто приносилъ съ собою болѣе веселости и остроумія,—и едва ли такимъ не бывала обыкновенно сама хозяйка: «Я думаю, пишетъ княгиня Дашкова въ своихъ любопытныхъ запискахъ, никто въ мірѣ не обладалъ въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ его разнообразіемъ и въ особенности прелестью обхожденія и искусствомъ придавать цѣну самому обыкновенному слову».

Императрица имѣла страсть къ постройкамъ; Петровскій лѣтній дворецъ и даже Зимній дворецъ Императрицы Анны, уже казались ей тѣсными; на мѣстѣ послѣдняго она начала строить нынѣшній; при ней же построенъ огромный, великолѣпный и изящный дворецъ въ Царскомъ Селѣ, перестроенъ дворецъ Ораніенбаумскій, воздвигнуты превосходная церковь Смольнаго монастыря, Владимірская и Николы Морскаго; нѣсколько прекраснѣйшихъ частныхъ домовъ построены вельможами Елизаветы, и вообще Петербургъ, еще не задолго передъ тѣмъ пустынный, по большей части состоявшій изъ деревянныхъ построекъ, необыкновенно украсился; дворцовая набережная, какъ видно изъ современныхъ рисунковъ и гравюръ, представляла уже сплошной рядъ огромныхъ каменныхъ зданій.

Всѣ эти постройки стоили, разумѣется, огромныхъ суммъ, которыя вводили частныхъ людей въ долги, а правительство въ излишнія издержки, но нельзя не замѣтить, что въ этой роскоши проглядываетъ то, чего не бывало

прежде — художественность. Лучшія постройки этого времени образовали особый *стиль*, которому, послѣ временнаго пренебреженія, начинають нынѣ подражать: творецъ этого стиля у насъ былъ Растрелли, — иностранецъ, которымъ однакожъ Россія имѣетъ право гордиться. Растреллієвскіе дворцы и церкви надо было расписывать, и хотя, вообще живопись не произвела въ это время ничего образцоваго, но нѣкоторые плафоны, расписанные, по тогдашней модѣ, букетами цвѣтовъ и миѳологическими богинями, обращають и теперь вниманіе художниковъ. Вельможи покупали за дорогую цѣну картины заграничныхъ мастеровъ; дома ихъ стали отличаться не только обширностію, не только красивыми фасадами, но и удобствами въ отношеніи внутренняго расположенія; едва ли можно, напримѣръ, вообразить себѣ что нибудь болѣе благородно-изящное, какъ домъ канцлера Воронцова.

Всѣ эти прекрасныя произведенія архитектуры, а также музыки и живописи, были большею частію дѣломъ иностранныхъ художниковъ, — гостей въ Россіи; но подъ ихъ вліяніемъ формировались и художники русскіе и вкусъ распространялся въ обществѣ. Такъ церковь Николы Морскаго построена ученикомъ Растрелли, Чевакинскимъ. Такъ ежедневные почти спектакли при дворѣ подали мысль устроить подобные же спектакли въ кадетскомъ корпусѣ. Императрица живо интересовалась ими, часто на нихъ присутствовала и давала свои бриллiанты для женскихъ костюмовъ. Эти спектакли, въ свою очередь, не могли, конечно, не служить къ развитію вкуса къ сценѣ, къ драматическому искусству и литературѣ вообще: изъ числа кадетъ-актеровъ нѣкоторые

сдѣлались болѣе или менѣе извѣстными писателями. какъ напримѣръ. Бекетовъ, Херасковъ и Сумароковъ.

Мы остановимся нѣсколько минутъ на Сумароковѣ, какъ человѣкѣ. который имѣлъ въ свое время огромную литературную репутацію и упрочилъ за собою названіе отца русскаго театра. Любовь къ словесности и особенно къ театру развилась въ Сумароковѣ еще въ корпусѣ; бывъ потомъ адъютантомъ при Разумовскомъ, онъ могъ почти ежедневно видѣть оперы, интермедіи и балеты. Въ тоже время онъ съ жадностію читалъ модныхъ тогда драматическихъ авторовъ: Корнель, Расинъ, Вольтеръ и Мольеръ сдѣлались его кумирами; онъ рѣшился попробовать подражать имъ на своемъ отечественномъ, очень еще невыработанномъ языкѣ и написалъ трагедію «Хоревъ» (1747).

Не достоинства этого сочиненія, которыя очень незначительны, но необыкновенность появленія оригинальной русской трагедіи, да еще при томъ въ стихахъ,—такъ удивила и восхитила современниковъ, что они провозгласили Сумарокова «россійскимъ Расиномъ» ; ободренный этимъ успѣхомъ, онъ написалъ другую, третью трагедію, принялся за комедію (къ которой едва ли не болѣе имѣлъ призванія), словомъ, написалъ цѣлый репертуаръ; не было только актеровъ, потому что ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ давно не существовало той труппы и тѣхъ театровъ, которыхъ начало мы видѣли при Петрѣ.

Между тѣмъ вдали отъ обѣихъ столицъ, въ Ярославлѣ образовалась сама собою, безъ всякихъ приказаній и даже поощреній, русская труппа. Вотъ какъ это было. Купеческій сынъ, Ѳедоръ Волковъ учился въ ярославской семинаріи. Тамъ, по примѣру кіевской и другихъ академій, не-

рѣдко бывали представленія духовнаго содержанія. Они произвели впечатлѣніе на молодаго купца; когда же потомъ ему удалось побывать въ Петербургѣ и увидѣть представленіе на кадетской сценѣ съ декораціями, освѣщеніемъ и машинами, то Волковъ остолбенѣлъ отъ восторга и изумленія. Будучи человѣкомъ въ высшей степени чувствительнымъ ко всякому художественному впечатлѣнію, будучи и живописцемъ, и музыкантомъ, и скульпторомъ,—и все это самоучкою, — Волковъ въ тоже время обладалъ тѣмъ постоянствомъ и терпѣніемъ, безъ которыхъ самыя даровитыя натуры ни до чего не достигаютъ. Волковъ до малѣйшей подробности изучилъ, такъ сказать, матеріальную сторону сценическаго искусства, то есть устройство машинъ, расположеніе кулисъ и проч., и возвратясь въ Ярославъ, выпросилъ у родственника, у котораго онъ жилъ, пустой кожевенный сарай, устроилъ тамъ партеръ и сцену, составилъ труппу изъ подобныхъ ему купеческихъ, мѣщанскихъ и подъяческихъ сыновей и далъ представленіе, которое привело въ восторгъ всѣхъ зрителей.

Смышленный и практическій, Волковъ, видя, какъ ярославское народонаселеніе рвется на его представленія, назначилъ за нихъ плату,—по пятаку за первыя мѣста,— и такимъ образомъ мало по малу накопилъ такую сумму, что въ 1752 году уже могъ выстроить общественный, публичный театръ для 1,000 зрителей.

Вкусъ къ театру между тѣмъ сильно распространился въ Петербургѣ; въ разныхъ частныхъ домахъ бывали вечера и балы съ спектаклями. По этому не удивительно, что тамъ скоро заговорили о ярославскомъ театрѣ. Императрица пригласила Волкова съ его труппою, пожелала

видѣть ихъ представленія на дворцовой сценѣ и была ими отмѣнно довольна, а черезъ четыре года (1756 года) издала указъ объ учрежденіи публичнаго театра. Первымъ его директоромъ и почти единственнымъ драматическимъ писателемъ былъ Сумароковъ; изъ актеровъ же Волковъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ талантливый, а его другъ и сотрудникъ Дмитревскій — великій артистъ.

Здѣсь мы должны поговорить о другомъ еще болѣе замѣчательномъ, геніальномъ русскомъ самородкѣ—Ломоносовѣ. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какъ онъ, шестнадцатилѣтнимъ юношей, тревожимый жаждою знанія, тайно оставилъ родительскій домъ и пѣшкомъ притащился изъ Холмогоръ въ Москву. Непривѣтливы должны были ему показаться на первыхъ порахъ жизнь и наука! «Имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу; прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды». Такъ описывалъ онъ И. Шувалову свою жизнь въ Заиконоспасской духовной академіи и заключалъ слѣдующими словами: «Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ»!

Ѳеофанъ Прокоповичъ, тогда уже старикъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, посѣтивъ Московскую академію, замѣтилъ тамъ Ломоносова и благословилъ его на трудъ и на науку. Въ 1737 году посланъ онъ былъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и отданъ подъ надзоръ знаменитому Вольфу, который, не хваля безпорядочную его жизнь, съ уваженіемъ отзывался о его способностяхъ и успѣхахъ въ наукахъ.

Между тѣмъ какъ Ломоносовъ слушалъ лекціи нѣ-

мецкихъ профессоровъ и кутилъ съ нѣмецкими студентами, до него дошла вѣсть о громкой побѣдѣ Миниха подъ Ставучанами и о взятіи Хотина. Взыграло его русское сердце и отозвалось одою, которая начинается слѣдующими стихами:

2 1 4 5 3
Корабль, какъ ярыхъ волнъ среди (*),
Которыя хотятъ (его) покрыти, —
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верхи,
Претитъ (не даетъ) съ пути себя склонити:
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ...
Къ россійской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ, (ее) тьмы Татаръ.

Каковы бы ни казались намъ теперь эти стихи, но послѣ тяжелыхъ виршей Тредьяковскаго и Кантемира, они, будучи получены въ Петербургѣ, поразили своею благозвучностью. И точно, въ нихъ слышатся музыкально-правильное удареніе (метръ), тогда какъ до того времени всѣ русскіе стихи были ничто иное (въ отношеніи благозвучія), какъ «рубленная проза» съ риѳмами. Самъ современникъ Ломоносова, Сумароковъ, человѣкъ при томъ не безъ таланта, не умѣлъ однакожъ найти въ русской рѣчи той музыкальности, которая даетъ русскому стиху огромное преимущество передъ французскимъ, напримѣръ.

Ломоносовъ возвратился изъ Германіи въ началѣ цар-

(*) Для болѣе удобнаго пониманія этого весьма неправильнаго стиха поставлены надъ словами цифры въ томъ порядкѣ, въ какомъ имъ слѣдовало бы, по свойству языка, стоять.

ствованія Елизаветы, предшествуемый уже репутаціей перваго русскаго *піиты*, и чѣмъ болѣе писалъ онъ, тѣмъ болѣе росла его слава. Нѣкоторыя строфы его и до сего времени не потеряли своей свѣжести и замѣчательны яркостью воображенія и силою мысли, какъ напримѣръ, слѣдующія:

Лицо свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь;
Лучи (солнца) отъ насъ сокрылись прочь.
Открылась бездна, *звѣздъ полна...*
Звѣздамъ числа нѣтъ, *безднѣ дна!*

Песчинка[2] какъ[1] въ морскихъ волнахъ,
Какъ искра мала въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ[3] свирѣпомъ[4] какъ[1] перо[2] огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслью утомленъ.
Но гдѣ жъ, природа, твой законъ?

Спрашиваетъ поэтъ; скажите, говоритъ онъ, ученые,

Что̀ зыблетъ яркій[2] нощью[1] лучъ?
Что̀ тонкій пламень въ твердь разитъ?
Ка̀къ молнія, безъ черныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ, —
Скажите жъ, какъ пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?..
Невидимъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, какъ великъ Творецъ?

Подъ нѣкоторыми стихами этого стихотворенія съ гордостію подписалъ бы свое имя и поэтъ настоящаго времени: сто лѣтъ же тому назадъ они приводили въ изумленіе; едва ли кто нибудь подозрѣвалъ тогда, что русскій языкъ способенъ къ такой силѣ и къ такому благозвучію.

Но поэзія не была самою сильною стороной необыкновенно богатой природы Ломоносова и стихотворенія едва ли занимаютъ четвертую часть всѣхъ его сочиненій. Его умъ работалъ еще болѣе, чѣмъ его воображеніе, и ученые труды Ломоносова поражаютъ своимъ разнообразіемъ. Онъ составилъ грамматику русскаго языка, по которой выучилось нѣсколько поколѣній; онъ установилъ правила стихосложенія, которыя и теперь въ основаніяхъ своихъ всѣми признаются; писалъ о химіи, физикѣ, астрономіи, металлургіи, геологіи; составилъ русскую исторію, писалъ предположенія о большихъ ученыхъ экспедиціяхъ и записки, касающіяся государственныхъ вопросовъ (какъ напримѣръ, о мѣрахъ къ усиленію и сохраненію народонаселенія въ Россіи): словомъ, необыкновенный умъ Ломоносова касался, кажется, всѣхъ отраслей умственной дѣятельности.

Ломоносовъ былъ сдѣланъ членомъ Петербургской академіи наукъ; но здѣсь господствовали нѣмцы; Ломо-

носовъ же былъ изъ числа тѣхъ, которые благоговѣли передъ дѣлами Петра и указанною имъ европейскою наукой, но тяготились иностранною опекой и оскорблялись, когда Нѣмцы выдвигали своихъ земляковъ въ ущербъ достойнымъ Русскимъ. Однажды, читая предположеніе о выпискѣ изъ за границы новыхъ профессоровъ, Ломоносовъ съ горечью отмѣтилъ сбоку: «не выписать ли и учениковъ изъ за границы!» Безпрестанно возникали споры и пререканія между Ломоносовымъ и его сочленами, при чемъ, будучи очень вспыльчивъ и упрямъ, онъ не всегда бывалъ правъ. Крутой и рѣзкій нравъ доводилъ его до частыхъ ссоръ и внѣ академіи, напримѣръ съ его собратами по литературѣ,—Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Все это могло бы очень повредить Ломоносову; по счастію, у него были сильные покровители,—графъ Воронцовъ и К. Разумовскій, щеголявшіе своею благосклонностію къ первому русскому ученому и стихотворцу. Но всѣхъ сильнѣе, искреннѣе и постояннѣе покровительствовалъ ему Иванъ Шуваловъ.

Шуваловъ имѣлъ много недостатковъ; онъ былъ слабохарактеренъ, лѣнивъ и безпеченъ, но тѣмъ не менѣе онъ представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ свое время; характеры сильные и энергическіе были не рѣдки въ первой половинѣ XVIII вѣкѣ, но крайне рѣдки были натуры мягкія, благосклонныя, снисходительныя. Не громкія дѣла плѣняли Шувалова, какъ людей петровской эпохи, но мирные успѣхи наукъ и художества. По этому, если слабость характера дѣлала его нерѣдко орудіемъ честолюбивыхъ замысловъ его двоюроднаго брата, то сердечное сочувствіе сблизило его съ Ломоносовымъ, отъ

котораго онъ многому, конечно, научился, и,—что важнѣе для насъ,—съ которымъ вмѣстѣ онъ обдумывалъ средства къ распространенію въ Россіи просвѣщенія. Результатомъ этихъ совѣщаній былъ обширный планъ устройства по уѣзднымъ городамъ народныхъ школъ, по губернскимъ—гимназій и, наконецъ, въ Москвѣ—университета. Первою потребностію казалось устроить университетъ, такъ какъ онъ долженъ былъ снабжать Россію учителями, что по мысли Петра, должна была сдѣлать, но не сдѣлала академія.

Въ своемъ докладѣ сенату объ этомъ предметѣ, Шуваловъ писалъ, что надо желать чтобъ было у насъ «довольно національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ»; что отъ распространенія образованности «въ отдаленномъ простомъ народѣ, суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся». Сенатъ одобрилъ предположеніе Шувалова и московскій университетъ въ 1755 году получилъ свое основаніе.

Мы, кажется, обозрѣли эпоху Императрицы Елизаветы со всѣхъ сторонъ на столько, по крайней мѣрѣ, на сколько это возможно при недостаткѣ свѣдѣній о многихъ обстоятельствахъ этой эпохи. Когда архивы наши будутъ болѣе разработаны, многое, можетъ быть, изъ сказаннаго здѣсь представится въ другомъ видѣ и кажущееся теперь достойнымъ похвалы, окажется достойнымъ порицанія, или наоборотъ. Далѣе царствованія Елизаветы Петровны намъ идти уже невозможно: тамъ господствуетъ совершенная неизвѣстность, такъ что намъ пришлось бы повторять

извѣстія, сообщаемыя иностранными писателями, а имъ довѣрять надо съ величайшею осторожностію.

Въ заключеніе скажемъ два слова о смерти Императрицы Елизаветы. Уже лѣтомъ 1761 года ея здоровье совершенно разстроилось; припадки падучей болѣзни, о которыхъ было упомянуто, дѣлались все чаще и чаще, и слабость, которая за ними слѣдуетъ, продолжалась все долѣе и долѣе, такъ что она по нѣскольку дней оставалась безъ сознанія. Совершенно больная она перевезена была въ концѣ лѣта изъ Петергофа въ Петербургъ и здѣсь скончалась 25 декабря, пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ АННЫ ІОАННОВНЫ.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЮАННА III.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ЧТЕНІЕ

изъ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. ЩЕБАЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.
1866.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА III.

Положеніе партій при вступленіи на престолъ Петра III.—Сближеніе съ Пруссіей.—Сильное иноземное вліяніе.—Указы въ пользу старообрядцевъ, о вольности дворянской и о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ.—Общій ихъ характеръ.—Миръ съ Пруссіей.—Недовольные группируются вокругъ императрицы.—Свиданіе государя съ принцемъ Іоанномъ Браунгшвейгскимъ.—Партизаны императрицы: гр. Панинъ, Орловъ, кн. Дашкова и др.—Союзный договоръ съ Пруссіей и приготовленія къ войнѣ противъ Даніи.—Переворотъ 28-го іюня.—Отреченіе императора Петра III отъ престола.

Императрица Елисавета приняла всѣ зависѣвшія мѣры къ обезпеченію престолонаслѣдія послѣ ея смерти. Ея племянникъ, великій князь Петръ Өеодоровичъ, былъ объявленъ наслѣдникомъ почти за двадцать лѣтъ до ея кончины, и этотъ наслѣдникъ имѣлъ уже сына. Поэтому воцареніе новаго Императора произошло безъ всякаго потрясенія. Но нельзя сказать, чтобъ это совершилось безъ глухой борьбы и колебаній въ группѣ людей, близкихъ къ престолу. Мы уже знаемъ, что наслѣдникъ престола не умѣлъ и не давалъ себѣ труда привлечь сердца будущихъ своихъ подданныхъ (Царств. Елис. Вып. IV, гл. V). Обожаніе, которое онъ обнаруживалъ къ королю Прусскому, не скрываемое даже въ то время, когда русскія войска

съ нимъ сражались, исключительная привязанность его ко всему германскому и слишкомъ серіозное значеніе, которое онъ придавалъ своему титлу герцога Голштинскаго, оскорбляли національное чувство Русскихъ, не замѣчавшихъ притомъ въ немъ высокихъ правительственныхъ качествъ. Съ другой стороны великая княгиня имѣла многочисленныхъ и горячихъ приверженцевъ. Опасаясь ея вліяніе и пользуясь тѣмъ, что ея отношенія къ великому князю были не хороши. фамилія Воронцовыхъ, пріобрѣтшая большую силу послѣ удаленія Бестужева, старалась, какъ увѣряютъ нѣкоторые иностранные писатели, погубить великую княгиню. Напротивъ того, сильная фамилія Шуваловыхъ возвратилась, если вѣрить тѣмъ же иностраннымъ свидѣтельствамъ, къ мысли своего стариннаго соперника Бестужева (тамъ же, гл. III.) и замышляла удалить отъ престола великаго князя, доставивъ корону Павлу Петровичу, которому было 7 лѣтъ, подъ регентствомъ его матери. Есть достаточные поводы полагать, что сама Императрица склонялась къ этой мысли. Но она имѣла мало вѣроятностей успѣха; не безъ основанія можно было опасаться при ея осуществленіи большихъ потрясеній; мудрено, казалось, устранить отъ короны наслѣдника, такъ давно признаваемаго всею Россіею въ этомъ качествѣ. Никита Ивановичъ Панинъ, съ честію занимавшій посланническія должности при датскомъ и шведскомъ дворахъ, и назначенный, по возвращеніи изъ заграницы, воспитателемъ великаго князя Павла старался примирить вышеприведенныя, столь противоположныя намѣренія. Съ тактомъ и умѣреностію, пріобрѣтенными въ дипломатической карьерѣ, онъ представлялъ Шуваловымъ, что всякое колебаніе въ такихъ дѣлахъ, какъ престолонаслѣдіе, не можетъ обойд-

тись безъ смутъ, и что управленіе малолѣтнихъ государей рѣдко бываетъ спокойно. Но дабы предупредить и крутые повороты въ политикѣ внѣшней и въ управленіи внутреннемъ, которыхъ не безъ основанія, какъ увидимъ, опасались отъ Петра, онъ предлагалъ усилить власть сената и сдѣлать его, такъ сказать, хранителемъ правительственныхъ преданій.

Глава фамиліи Шуваловыхъ, графъ Петръ, не могъ не оцѣнить важности дѣлаемыхъ ему возраженій и отказался отъ своей мысли; будучи уже на смертномъ одрѣ, онъ хотѣлъ, съ тѣмъ авторитетомъ, который обыкновенно имѣетъ умирающій и съ тою откровенностію, которую имѣетъ человѣкъ находящійся на порогѣ могилы, выразить великому князю, что ему необходимо сдѣлаться русскимъ, вполнѣ русскимъ императоромъ. Петръ видѣлся съ Шуваловымъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ, но то чтò послѣдовало какъ въ первые, такъ и въ остальные немногіе дни его царствованія, доказываетъ, что завѣщаніе Шувалова немного на него подѣйствовало. Мысли Панина также не было суждено осуществиться.

При вступленіи на престолъ государей, они обыкновенно разсыпаютъ щедрыя милости. Петръ не отступилъ отъ этого древняго обычая и поспѣшилъ возвратить многихъ изъ тѣхъ, которые въ царствованіе Елисаветы, и даже ранѣе, находились въ ссылкѣ, а именно: Миниха, Менгдена, Бирона, Лестока и н. др.; но при этомъ замѣчено было, что Бестужева не коснулась милость государева; замѣчено было также, что многіе значительные прусскіе офицеры, находившіеся въ плѣну, были отпущены въ свое отечество и щедро награждены. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ самый день вступленія Государя на престолъ, военныя дѣйствія противъ Пруссіи были остановлены

и что жителямъ Помераніи, занятой русскими войсками и раззореннымъ войною, приказано было раздать значительныя суммы денегъ, — денегъ, которыя однакоже взимались съ русскихъ крестьянъ, четыре года несшихъ на себѣ тягость военныхъ издержекъ и усиленной рекрутской повинности. Затѣмъ изъ глубины Германіи двинулось въ Россію нѣсколько голштинскихъ герцогскихъ семействъ, которыя приняты были съ великимъ почетомъ и получили щедрыя денежныя содержанія, нѣсколько великолѣпныхъ домовъ въ Петербургѣ, нѣсколько обширныхъ имѣній въ русскихъ губерніяхъ, и высокія положенія въ русской государственной службѣ. Одинъ изъ новоприбывшихъ, герцогъ Георгъ, дядя Императора, сдѣланъ былъ генералиссимусомъ русскихъ войскъ, другой, принцъ Голштейнъ-бекскій, получилъ чинъ фельдмаршала, и оба они не замедлили сдѣлаться членами высшихъ правительственныхъ учрежденій и различныхъ временныхъ совѣтовъ, съ помощію которыхъ Государь задумывалъ совершить занимавшія его преобразованія.

На такое начало не безъ смущенія смотрѣли старые сановники Елисаветы, при которой отвыкли видѣть иностранныхъ принцевъ въ качествѣ членовъ императорской фамиліи и въ то же время людей, вліяющихъ и на управленіе государствомъ. Преобразовательный духъ новаго царствованія коснулся прежде всего войска. Въ обученіе полковъ введена была прусская система; обмундированіе ихъ было передѣлано по прусскому образцу, причемъ усвоенный со времени Петра I зеленый цвѣтъ мундировъ, сдѣлавшійся какъ бы національнымъ, замѣненъ былъ синимъ. Изъ Пруссіи прибылъ цѣлый полкъ, подаренный королемъ Фридрихомъ для образца русскому войску, которое однако еще такъ

недавно гордилось своими побѣдами надъ Пруссаками. Самъ Государь постоянно носилъ мундиръ прусскаго генерала.

Эти нововведенія глубоко оскорбляли и національное чувство и самолюбіе военныхъ. Но это было лишь началомъ тѣхъ преобразованій, которыми Петръ III думалъ затмить славу своего великаго дѣда. Мы не станемъ перечислять ихъ, но остановимся на трехъ важнѣйшихъ, которыя опредѣляютъ характеръ и направленіе тогдашняго правительства.

Одно изъ такихъ преобразованій, объявленное черезъ мѣсяцъ по вступленіи Петра на престолъ, касалось раскольниковъ. Прежде всего обращено было приглашеніе къ тѣмъ изъ нихъ, которые въ разныя времена ушли за границу, возвратиться на родину; имъ отводились отъ казны земли съ обѣщаніемъ, что имъ нечего опасаться какихъ-либо преслѣдованій. Чрезъ нѣсколько дней потомъ послѣдовалъ новый указъ о прекращеніи всѣхъ слѣдствій, производившихся по поводу самосожиганія между нѣкоторыми раскольничьими сектами, а вслѣдъ затѣмъ назначены были особые попечители къ раскольничьимъ обществамъ для защиты ихъ противъ православнаго духовенства.

Вслѣдъ за этими указами послѣдовалъ такъ-называемый указъ о *вольности дворянской*. Чтобы понять его значеніе, надо припомнить, что русское дворянство было искони служилымъ сословіемъ и обязано было, за получаемыя имъ *помѣстья*, нести всю свою жизнь государственную, а особенно военную службу. Петръ I далъ эти помѣстья дворянамъ въ собственность наслѣдственную, но за то требовалъ отъ нихъ службы болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Императрица Анна опредѣлила срокъ обязательной службы для дворянъ,

такъ что, прослужа 25 лѣтъ, каждый изъ нихъ имѣлъ право выдти въ отставку; Петръ III, наконецъ, вовсе снялъ съ дворянъ обязательность службы и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ вступать въ службу иностранныхъ государей, находящихся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Россіей.

Третій указъ, на который необходимо обратить вниманіе, касался духовенства и крестьянъ. Церкви и монастыри, какъ мы знаемъ, издавна владѣли населенными имѣніями, управляли ими и пользовались съ нихъ доходами. Мы знаемъ также, что Петръ I отнялъ у церквей и монастырей управленіе этими имѣніями и поручилъ оное особому приказу, который былъ обязанъ, изъ взимаемыхъ съ нихъ доходовъ отдѣлять опредѣленную сумму на содержаніе церквей, монастырей и духовенства, остальную же часть доходовъ обращать на устройство богадѣленъ и школъ. Съ образованіемъ синода это распоряженіе было отмѣнено, и правительствующему учрежденію по духовнымъ дѣламъ ввѣрено было управленія имѣніями, принадлежащими духовному вѣдомству. Петръ III пожелалъ возстановить первоначальный законъ своего дѣда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и улучшить положеніе крестьянъ, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ. Указъ объ этомъ послѣдовалъ 21-го марта 1762 года. Онъ причислялъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ къ государственнымъ; вся земля, которую они для себя обработывали, отдавалась имъ въ собственность, съ тѣмъ чтобъ они платили за нее установленный оброкъ, изъ котораго, равно какъ изъ доходовъ съ остальныхъ земель, отобранныхъ у церквей и монастырей, учрежденная для управленія ими коллегія экономіи должна была отпускать штатную сумму на духовное вѣдомство, а остальные затѣмъ доходы

употреблять на содержаніе инвалидныхъ домовъ и семинарій.

Таковы были три дѣйствительно важные указа изданные Петромъ III въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,—указы весьма важные какъ по содержанію своему и по своимъ послѣдствіямъ, такъ и по духу, который въ нихъ обнаруживается. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи весьма важенъ также законъ, уничтожавшій тайную канцелярію. Къ учрежденію ея, сказано въ указѣ, побудила Петра I тогдашняя грубость народныхъ нравовъ; чѣмъ болѣе нравы смягчилась, тѣмъ менѣе оказывалось въ ней надобности. Тайная разыскныхъ дѣлъ канцелярія, объявлялъ Государь, уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла ея передаются въ архивъ для вѣчнаго забвенія; „ненавистное израженіе, а именно: *слово и дѣло*, не долженствуетъ отнынѣ значить ничего“; доносы же о дѣлахъ по умышленіямъ на особу государя или на цѣлость и спокойствіе отечества повелѣвалось подавать въ обыкновенныя судебныя мѣста. Такимъ образомъ тайный доносъ, издавна поощряемый нашимъ законодательствомъ, впервые призванъ былъ нечестнымъ и презрѣннымъ источникомъ для открытія истины. „Не надѣялись мы, сказано въ этомъ указѣ, чтобъ изъ числа дворянъ и офицеровъ нашлись такіе, которые оказались бы виновными въ умыслахъ на государя и отечество, а еще меньше ожидаемъ, чтобъ нашлись между ними толико подлые и безчестные люди, которые хотѣли бы дѣлаться клеветниками“. Вмѣстѣ съ тѣмъ произнесено, было и первое слово осужденія противъ ужаснаго средства домогаться истины среди различныхъ и противорѣчивыхъ показаній,—противъ пытки. Къ ней велѣно обращаться лишь въ крайнемъ случаѣ: „Какъ можно надлежитъ кротостію

изслѣдованія, а не кровопролитіемъ, только несвойственнымъ нашему человѣколюбію, прямую истину раздѣлять отъ клеветы“.

Сличая содержаніе приведенныхъ законовъ, мы съ перваго же взгляда замѣчаемъ, что они всѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ благодушія, человѣколюбія и того, что называютъ либерализмомъ,—духомъ, который, какъ въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, начиналъ, хотя и чрезвычайно еще слабо, обнаруживаться въ царствованіе Елисаветы.

Въ самомъ дѣлѣ, не пора ли было наконецъ прекратить гоненіе на раскольниковъ, продолжавшееся въ различной мѣрѣ болѣе ста лѣтъ и приведшее ихъ только къ ожесточенію? Въ указѣ, призывавшемъ раскольниковъ къ возвращенію на родину, было очень справедливо замѣчено, что въ Россіи законъ снисходителенъ къ магометанамъ и идолопоклонникамъ, и неумолимо строгъ къ однимъ лишь послѣдователямъ, такъ называемаго, стараго обряда. Вызовы о возвращеніи раскольниковъ, уходившихъ за границу, дѣлались и прежними правительствами, которыхъ какъ будто смущало это движеніе цѣлыхъ массъ изнутри Россіи; но прежніе вызовы, дѣлаемые въ видѣ милости и снисхожденія, не обѣщавшіе притомъ никакого обезпеченія противъ гоненій на будущее время, оказывали на выходцевъ очень слабое вліяніе; возвращались весьма немногіе. Когда же Петръ III далъ почувствовать въ помянутомъ указѣ, что на бѣгство сектаторовъ онъ смотритъ, какъ на послѣдствіе нестерпимыхъ притѣсненій и обѣщаетъ не подвергать насилію ихъ совѣсти, когда имъ были даны попечители для ихъ охраны и защищенія, то изъ-за тогдашней польской границы, особенно съ Вѣтки, двинулись цѣлыя массы и въ короткое время

населили пустынныя, но плодоносныя мѣста между нижними частями Волги и Урала.

То же либеральное направленіе замѣтно и въ указѣ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и о *вольности дворянской*; этотъ послѣдній, впрочемъ, не дѣлалъ крутаго нововведенія, но развивалъ, какъ сказано, предшествовавшіе законы. Наконецъ того же либеральнаго начала нельзя не видѣть въ измѣненіи положенія монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, становившихся изъ крѣпостныхъ казенными, то-есть нѣкоторымъ образомъ вольными и собственниками; преобразованіе въ судьбѣ этихъ крестьянъ сдѣлано было на тѣхъ же почти главныхъ основаніяхъ, на какихъ въ наши дни оно совершено относительно всего крестьянскаго сословія: это большая похвала для тогдашнаго правительства!

Но вотъ что̀ удивительно. Мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій; они совершаются на глазахъ у насъ, — и мы замѣчаемъ, что между первою мыслію о какомъ-нибудь нововведеніи, даже между приступомъ къ составленію о томъ закона, и между его обнародованіемъ проходятъ цѣлые года, а Петръ III издалъ три весьма важныя законодательныя мѣры въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, преобразованія же по второстепеннымъ вопросамъ слѣдовали едва не всякій день. Подобной быстроты не обнаруживалъ даже самъ геніальный Петръ I. Что же изъ этого заключить должно? Не слѣдуетъ ли подозрѣвать что реформы, о которыхъ мы говоримъ, производились, нѣсколько опрометчиво? Современники были убѣждены въ этомъ и въ запискахъ людей того времени можно найдти весьма ѣдкія замѣчанія объ этой опрометчивости. Если мы внимательно всмотримся въ приведенныя нами указы, то дѣйствительно найдемъ подтвержденіе такимъ нареканіямъ. Напримѣръ, законъ

о церковныхъ и монастырскихъ имѣніяхъ скорѣе похожъ на программу закона, нежели на самый законъ, который обязанъ предусмотрѣть всѣ подробности дѣла и снабдить точными указаніями тѣхъ, которымъ будетъ поручено его исполненіе. Законъ, наконецъ, долженъ устранить всѣ недоразумѣнія и предвидѣть даже ложные толки, которые могли бы по поводу его возникнуть, и принять противъ нихъ мѣры. Ничего такого нѣтъ въ упоминаемомъ законѣ. Онъ освобождалъ отъ крѣпостной зависимости и обязательныхъ работъ церковныхъ и монастырскихъ крестьянъ, но эти крестьяне были не единственные, надъ которыми тяготѣла крѣпостная неволя; видя ихъ освобожденіе, можно ли было ожидать, чтобы крестьяне помѣщичьи, заводскіе, дворцовые и пр. оставались спокойными? Дѣйствительно, въ кратковременное царствованіе Петра III, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ нынѣшнихъ Тверской, Московской, Смоленской и Казанской губерній, наконецъ на Уральскихъ горныхъ заводахъ, между приписанными къ нимъ крестьянами, возникли сильные безпорядки, которые пришлось укрощать при помощи войскъ, и которые жестоко отозвались въ послѣдующее царствованіе. И это весьма естественно. Освобожденія жаждали всѣ крѣпостные крестьяне и освобожденію однихъ безъ освобожденія другихъ они не хотѣли вѣрить. Они убѣждены были, что ихъ помѣщики скрываютъ отъ нихъ данную имъ государемъ свободу, что ихъ выгоняютъ на барщину незаконно и что обработываемая ими земля должна быть ихъ собственностію.

Съ другой стороны, что должны были подумать помѣщики, при обнародованіи указа 21 марта? Естественно,—что скоро дойдетъ очередь и до нихъ, и что правительство не замедлитъ отнять у нихъ даровыхъ ра-

ботниковъ. Между тѣмъ правительство вовсе не намѣревалось этого сдѣлать. Оно, напротивъ, имѣло въ виду возвысить дворянство и снабдить его правами, которыхъ до того у него никогда не было. Оно не только ему, и ему одному, предоставило свободу служить или не служить, ѣздить за границу и проживать тамъ, но желало, чтобы каждый помѣщикъ имѣлъ власть полицейскую въ своемъ имѣніи, и потому уничтожило команды, разосланныя въ разныя мѣстности для преслѣдованія воровъ и разбойниковъ, возложивъ на самихъ помѣщиковъ наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ въ помѣстьяхъ. Оно сдѣлало еще болѣе: командамъ, посланнымъ для усмиренія вышепомянутыхъ крестьянскихъ безпорядковъ, было велѣно наказывать виновныхъ крестьянъ „по волѣ помѣщиковъ", которымъ, такимъ образомъ, предоставлялась власть и судебная; крѣпостнымъ же крестьянамъ было объявлено, чтобъ они отнюдь не надѣялись распространенія на нихъ закона о церковныхъ и монастырскихъ ихъ собратахъ.

Почему же эти послѣдніе были взысканы такою великою милостію, и почему изъ всѣхъ крѣпостныхъ владѣльцевъ въ Россіи, одни церкви и монастыри подверглись ограниченію въ своихъ правахъ? Это отчасти объясняется тѣмъ, что духовенство отвлекается хозяйственными заботами отъ прямаго своего назначенія, — обстоятельство, которое имѣлъ главнѣйше въ виду и Петръ I; но вообще можно сказать, что общественное мнѣніе искало закону 21 марта совершенно другихъ побужденій и что онъ произвелъ, за исключеніемъ крестьянъ, глубокое и весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Дворянству онъ казался подозрительнымъ, не взирая на увѣренія, что онъ до нихъ вовсе не касается и не коснется; въ крестьянахъ онъ возбудилъ

тщетныя надежды, которыя повлекли только безпорядки, окончившіеся наказаніями; что же касается до духовенства, то оно явно возроптало. По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, архіепископъ новгородскій, а имъ былъ Дмитрій Сѣченовъ, сильно протестовалъ противъ послѣдовавшаго распоряженія, представляя, что принадлежащія церквамъ и монастырямъ имѣнія составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, точно также какъ и имѣнія частныхъ лицъ, что новый законъ лишаетъ не только духовенство обезпеченности, но и самые храмы и обители возможности поддерживать благолѣпіе, что, наконецъ, большая часть этихъ имѣній завѣщаны съ благочестивою цѣлію и что, слѣдовательно, нарушая эти завѣщанія, законъ посягаетъ на самое благочестіе.

Архипастырь былъ удаленъ отъ управленія паствою, за свой смѣлый протестъ, но выраженныя имъ мысли были общи, можно сказать, всему духовенству и возбужденное въ немъ неудовольствіе было дѣломъ не маловажнымъ для правительства столь новаго и неутвердившагося, какъ правительство Петра III. Еще во время бытности этого Государя великимъ княземъ ходили слухи о томъ, что онъ не сильно преданъ религіи своего народа; теперь эти слухи получили сильное подкрѣпленіе. Не только между духовенствомъ, но и между свѣтскими людьми слухъ этотъ передавался и производилъ тягостное впечатлѣніе. По существовшимъ тогда понятіямъ снисхожденіе къ раскольникамъ уже казалось многимъ доказательствомъ равнодушія къ чистотѣ православія, оказанное имъ покровительство — явнымъ на него посягательствомъ. Припоминали различныя обстоятельства новаго царствованія и находили множество поводовъ заключить, что оно имѣетъ какое-то вовсе не рус-

ское направленіе, и справедливости такого замѣчанія нельзя отрицать: стоитъ лишь припомнить непомѣрное великодушіе въ отношеніи завоеванныхъ у Пруссіи провинцій, высокое положеніе, предоставленное иностраннымъ, хотя бы и родственнымъ принцамъ, и переходившее всякіе предѣлы благоговѣніе Императора передъ Прусскимъ королемъ. Далѣе, если во всѣхъ трехъ приведенныхъ нами законахъ очевидно просвѣчиваетъ то, что принято называть либеральнымъ началомъ, то не менѣе очевидно, что это начало шло не изъ сознанія нуждъ народа и желанія уврачевать его язвы. Иначе зачѣмъ было бы расторгать крѣпостное право монастырей и церквей, усиливая въ то же время право частныхъ владѣльцевъ? Не замѣтно также въ этихъ законахъ и знанія современныхъ понятій общества, съ которыми законодателю необходимо соображаться. Внимательное къ этимъ понятіямъ и осторожное правительство едва ли рѣшилось бы раздражать духовенство, не привлекая между тѣмъ на свою сторону ни кого, — кромѣ развѣ раскольниковъ.

Были правда, законодатели, которые мало справлялись съ тѣмъ, что скажутъ современники о ихъ дѣлахъ, понимая что они работаютъ для будущихъ поколѣній; таковъ былъ Петръ I; но этотъ государь обладалъ такою силой, которая дана не многимъ, и его внукъ, какъ увидимъ, дѣлалъ весьма неосторожно, что шелъ по его слѣдамъ, не имѣя ни силы его характера, ни того господства надъ умами, которое имѣлъ преобразователь Притомъ Петръ I хотѣлъ видѣть Россію иною, нежели она была, но все-таки русскою, потому что и самъ онъ былъ во глубинѣ души Русскій; внукъ же его прямо передѣлывалъ Россію на иностранный образецъ, совершенно чуждъ былъ Россіи, и окружалъ себя совѣтника-

ми еще меньше, какъ мы видѣли, знавшими ее чѣмъ онъ самъ. Положеніе, которое создавалось Петромъ III для русскаго дворянства было очень похоже на то, которое имѣло дворянство Западной Европы, въ качествѣ привилегированнаго и ни чѣмъ не обязаннаго сословія; освобожденіе церковныхъ и монастырскихъ крестьянъ и стѣсненіе духовенства, по мнѣнію многихъ, было подражаніемъ начинавшейся въ то время во Франціи и Германіи агитаціи противъ духовенства; что касается до раскольниковъ, то нѣтъ повода думать, чтобы Государь, совершенно отчужденный политикою своей тетки отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе, его новоприбывшіе изъ за-границы совѣтники, могли быть глубоко проникнуты необходимостію прекратить гоненія на сектаторовъ. Весьма позволительно думать, что законы, касавшіеся до этихъ послѣднихъ, были изданы болѣе изъ подражанія идеямъ вѣротерпимости, получившимъ силу на Западѣ, нежели изъ знанія нуждъ и положенія религіозныхъ русскихъ сектъ.

Между тѣмъ молодой Государь, окруженный лишь немногими, во всемъ угождавшими ему людьми, едва ли и подозрѣвалъ сколько неудовольствія скоплялось вокругъ него, и продолжалъ раздражать національное самолюбіе своихъ подданныхъ. Въ февралѣ сдѣлана отъ нашего управленія иностранными дѣлами декларація всѣмъ союзнымъ дворамъ, въ которой говорилось, что Императоръ, желая остановить дальнѣйшее пролитіе крови, готовъ съ своей стороны отказаться отъ всѣхъ сдѣланныхъ русскими войсками завоеваній и приглашаетъ къ такой же умѣренности прочія правительства. Приглашеніе подобнаго рода конечно не имѣло ни малѣйшаго успѣха, но, сдѣлавшись извѣстнымъ въ Россіи, не могло, конечно,

не произвесть самого дурнаго впечатлѣнія. Если Императоръ такъ дорожитъ кровію, которая должна еще пролиться, то не слишкомъ ли онъ дешево цѣнитъ ту, которая уже пролита за пріобрѣтеніе прусскихъ областей русскими войсками, и если, конечно, нельзя было думать удержать ихъ за собою, то не слѣдовало ли уступить за приличное вознагражденіе?

Въ концѣ апрѣля заключенъ былъ гр. Воронцовымъ и прусскимъ посломъ, барономъ Гольцомъ, трактатъ, по силѣ котораго Россія и Пруссія обязывались помогать одна другой противъ каждаго сдѣланнаго на ту или другую нападенія. Это было извѣстіе поразительное! Россія была въ мирѣ со всѣми своими сосѣдями и ни откуда не могла ожидать нападенія, Пруссія же была въ войнѣ съ половиною Европы: въ пользу кого же былъ заключенъ этотъ трактатъ? Не очевидно ли, что Прусскій король немедленно воспользуется имъ, потребуетъ, чтобы русскія войска оказали ему содѣйствіе противъ Маріи-Терезіи, вчерашней нашей союзницы, противъ Франціи, съ которою у насъ не было никакихъ счетовъ, противъ германскихъ владѣтелей, до которыхъ намъ не было никакого дѣла?... Дѣйствительно, это и случилось: русскія войска получили приказаніе примкнуть къ прусскимъ и поступить въ распоряженіе Фридриха II...

Трактатъ 24 апрѣля уязвилъ жестоко національное чувство Русскихъ. Самыя неблаговидныя сплетни стали ходить въ Петербургѣ и общественное мнѣніе, уже давно благопріятное Императрицѣ, обратилось къ ней съ особенною силой.

Еще будучи великою княгиней, и принужденная вести жизнь весьма уединенную, Екатерина, какъ уже было замѣчено, умѣла дать самое выгодное понятіе о своемъ умѣ и характерѣ. Весь дворъ, а за нимъ весь городъ и

всѣ интересовавшіеся публичными дѣлами, знали, что эта молодая женщина занимается чтеніемъ писателей классической древности, и изучаетъ новѣйшихъ философовъ, особенно тѣхъ, которые касались вопросовъ высшей политики. Еще въ 1757 году, когда возбудилось было опасеніе за жизнь покойной Императрицы, Бестужевъ, какъ мы уже знаемъ, замышлялъ, устранить отъ престола великаго князя и возвести его супругу. Бестужевъ палъ за это слишкомъ смѣлое предположеніе, но мы видѣли также, что другіе, и между прочимъ Шуваловы, постоянно недоброжелательствовавшіе великой княгинѣ, возвратились было къ тому же предположенію, когда смерть покойной государыни сдѣлалась неизбѣжною. Теперь опять въ кругу недовольныхъ начинали поговаривать о Бестужевскомъ проэктѣ. Новая Императрица, поставлена будучи своимъ положеніемъ въ возможность и даже необходимость принимать большое число лицъ, имѣющихъ доступъ ко двору, преимущественно же людей высоко поставленныхъ, очутилась наконецъ въ достойной себѣ сферѣ. Дипломатическій корпусъ былъ пораженъ ея умомъ, тактомъ и знаніемъ политическихъ дѣлъ. Высшее духовенство, во время богослуженій по покойной Императрицѣ, замѣтило ея набожность и обратило на нее все то сочувствіе, въ которомъ оно отказывало Петру. Къ числу прежнихъ друзей Екатерины, между которыми могутъ быть названы, гетманъ Разумовскій, Н. Панинъ, генералъ-фельдцейгмейстеръ Вильбуа, а также Захаръ Чернышевъ и князь А. М. Голицынъ, пріобрѣтшіе авторитетъ между военными, присоединились новые. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, князь М. Н. Волконскій, бывшій посломъ въ Варшавѣ при Елисаветѣ, академикъ и дѣлецъ своего времени Тепловъ, наконецъ новгородской архіепископъ Дмитрій

Сѣченовъ сдѣлались горячими ея приверженцами, не менѣе [illegible]нихъ ей преданными.

Но [illegible]ли далеко не единственные друзья, группировавш[illegible]вокругъ новой Императрицы. Ей въ это время было съ небольшимъ тридцать лѣтъ и, не будучи именно красавицею, она справедливо почиталась однакожъ самою очаровательною женщиной русскаго двора. Описывать наружность Екатерины было бы кажется излишне: портреты ея слишкомъ извѣстны, и хотя они изображаютъ ее по большей части въ немолодомъ уже возрастѣ, но величавая красота ея бросается въ глаза и на этихъ изображеніяхъ. Красота, однакожъ, по единогласному свидѣтельству современниковъ, далеко уступала въ ней достоинствамъ ея ума и прелести обращенія. Государственные люди удивлялись ея свѣдѣніямъ и высотѣ ея соображеній, молодые мужчины и женщины, удостоенные ея короткости, были въ восхищеніи отъ ея непринужденной, игривой веселости, остроумія и отъ свободы, которую она допускала въ своемъ обществѣ. Если при торжественныхъ пріемахъ во дворцѣ ничто не могло сравниться съ нею въ величавости (какъ это можно заключить и по ея портретамъ), то какова была Екатерина въ кругу близкихъ своихъ друзей можно заключить изъ слѣдующаго письма, принадлежащаго къ довольно большой перепискѣ, которую Императрица имѣла 11 лѣтъ спустя по вступленіи своемъ на престолъ съ однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней людей, барономъ Черкасовымъ, посланнымъ въ Ревель для встрѣчи ландграфини Дармштатской и трехъ ея дочерей, изъ коихъ одну прочили въ невѣсты великому князю Павлу Петровичу. Черкасовъ, въ довольно шуточномъ тонѣ, описывалъ ей сдѣланныя имъ приготовленія для встрѣчи и говорилъ, что всѣ въ городѣ увѣрены, что

посѣщенію принцессъ придаютъ большое значеніе, такъ какъ для ихъ встрѣчи прислано *такое значительное лицо:* „какъ они перемѣнили б[illegible]ть, прибавлялъ онъ, еслибы знали всѣ тѣ ми[illegible]азванія, которыя вы мнѣ даете, особенно когда вамъ не везетъ въ игрѣ.“ — Императрица отвѣчала на это письмо: „Я очень рада что вашъ умъ такъ развернулся и что вы придумали достать музыку и приготовить мѣсто для завтрака; я всегда говорила, что со временемъ вы будете милымъ мальчикомъ и съ удовольствіемъ вижу, что вы блестящи и тверды какъ сталь... только пожалуста не заржавьте какъ рессоры моего фаэтона. Какъ ваше здоровье?... Итакъ вы угощаете на мой счетъ ревельскихъ дамъ шеколадомъ, кофеемъ и чаемъ: каковъ любезникъ, который раззоряетъ своихъ друзей, чтобы понравиться хорошенькимъ нѣмочкамъ!... Прощайте, будьте здоровы, а я купаться пойду за ваше здоровье. Bonjour, mon coeur... Что скажетъ исторія, если она увидитъ это письмо? Она будетъ дѣлать предположенія — и, увы, — ошибется!“

Если такова была игривость ума Екатерины когда ей было почти 45 лѣтъ, то можно вообразить какую живость онъ имѣлъ лѣтъ 10 или 15 ранѣе; если послѣ слишкомъ 10 лѣтъ царствованія и власти, она умѣла нисходить до такой фамиліарности съ приближенными, то какова была прелесть ея обращенія, когда характеръ ея имѣлъ еще всю ясность молодости!

Въ этой прелести, которая окружала молодую Императрицу, надо искать, отчасти по крайней мѣрѣ, объясненія тому большому количеству преданныхъ ей людей, готовыхъ за нее въ огонь и въ воду, которые наполняли дворъ и столицу. Вся гвардейская молодежь была отъ нея безъ ума, и нѣкоторые изъ этой молодежи

заслуживаютъ особаго упоминовенія. Первымъ изъ нихъ надо назвать Григорія Орлова, офицера гвардейской артиллеріи, красавца собой, бывшаго адъютанта покойнаго графа П. Шувалова, и которому Императрица доставила мѣсто казначея при фельдцейгмейстерѣ Вильбуа. По своимъ личнымъ достоинствамъ Гр. Орловъ не могъ бы имѣть большаго значенія; онъ былъ хорошій товарищъ, неустрашимый охотникъ, выходившій на медведя одинъ-на-одинъ, очень любимый своими сослуживцами, не зазнавшійся передъ ними и въ послѣдствіи, во время своего *случая*,—но человѣкъ ума и характера довольно обыкновеннаго. Значеніе, которое онъ имѣлъ и которымъ Екатерина, какъ увидимъ, умѣла воспользоваться, заключалось въ томъ, что онъ былъ одинъ изъ трехъ бывшихъ въ то время на виду братьевъ, служившихъ въ разныхъ частяхъ гвардіи и, подобно ему, чрезвычайно популярныхъ въ военныхъ кружкахъ. Второй его братъ Алексѣй въ этомъ отношеніи даже превосходилъ его. Это былъ человѣкъ одаренный необычайною физическою силой, всегда на все готовый, не знавшій преградъ и препятствій, отвага и удаль котораго доставляли ему большой авторитетъ какъ въ кругу офицеровъ, такъ и между солдатами.

Между другими молодыми офицерами гвардіи надо назвать Пассека, князей Вадбольскаго и Барятинскаго, Потемкина (будущаго фельдмаршала и князя Таврическаго) и многихъ другихъ, такъ что, какъ сказано, вся вообще гвардейская молодежь была беззавѣтно предана Императрицѣ, и предана ей тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе были ей ненавистны и новая экзерциція, и новое обмундированіе, и новая дисциплина по прусскому образцу, и чѣмъ болѣе эта молодежь, — русская по при-

вычкамъ и воспитанію, — находила въ Императрицѣ сочувствіе ко всему русскому.

Екатерина была слишкомъ проницатель[illegible]тобы не замѣтить всѣхъ этихъ благопріятныхъ для нея признаковъ, и слишкомъ искусна, — скажемъ болѣе, — слишкомъ честолюбива, чтобъ ими не воспользоваться. Мысль о возможности новой перемѣны въ правленіи, такъ часто передъ тѣмъ виданной, могла казаться и теперь дѣломъ не менѣе удобоисполнимымъ, чѣмъ во время правленія Анны Леопольдовны. Неопредѣленная, но явно враждебная существовавшему правительству мысль зрѣла въ Петербургѣ, и ее не замѣчали только Государь и его приближенные.

Окруженный своими голштинскими родственниками и голштинскими офицерами, въ кругу небольшаго числа адъютантовъ, придворныхъ кавалеровъ и дамъ, Петръ оставался совершенно чуждымъ тому, что происходило внѣ этого круга, а въ этомъ кругу далеко не было тѣхъ симпатій къ Имератрицѣ, которыя раздѣлялъ весь Петербургъ. Дурныя отношенія, издавна существовавшія между царственными супругами, сдѣлались слишкомъ явны; въ городѣ были слухи, будто Императрицѣ приходилось сносить самыя жестокія оскорбленія; лицамъ совершенно постороннимъ случалось видѣть ея слезы. Пошла молва, будто ее ожидаетъ та же участь, которую испытала царица Евдокія и будто великій князь будетъ отстраненъ отъ наслѣдованія престоломъ. Называли женщину, долженствующую будто бы сдѣлается императрицею: это была племянница канцлера Воронцова, — женщина, которую единогласно всѣ современники называютъ и безобразною и во всѣхъ отношеніяхъ ничтжною. Въ какой мѣрѣ эта молва была справедлива — мудрено рѣшить, но одно обстоятельство дало ей новую пищу.

Государь пожелалъ видѣть принца Іоанна Антоновича,— этого развѣнчаннаго императора, содержавшагося въ одномъ изъ Шлюссельбургскихъ казематовъ. Весьма тайно, сопровождаемый лишь нѣсколькими приближеннѣйшими особами, онъ поѣхалъ въ Шлюссельбургъ и довольно долго бесѣдовалъ съ узникомъ. Слишкомъ двадцатилѣтнее заключеніе убило въ этомъ несчастномъ юношѣ способности, если онѣ и были у него первоначально. Онъ найденъ былъ въ состояніи чрезвычайнаго слабоумія и разговоромъ своимъ съ нимъ едва ли государь могъ остаться доволенъ. Весьма можетъ быть, что это посѣщеніе не имѣло ни какой серіозной цѣли и во всякомъ случаѣ оно должно было бы оставатьсясовершенно тайнымъ, но сопровождавшія Государя особы сами разболтали о свиданіи, котораго были участниками *). Какъ кажется и самъ Государь былъ не впол-

*) Одинъ изъ этихъ спутниковъ Петра III, баронъ Корфъ, разсказалъ о его поѣздкѣ въ Шлюссельбургъ лютеранскому пастору Бюшингу, а этотъ послѣдній поспѣшилъ записать расказъ Корфа въ число тѣхъ *Матеріаловъ*, которые, бывъ въ послѣдствіи изданы, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ сборниковъ документовъ *для* исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ. Это единственный разказъ о разговорѣ Петра съ Іоанномъ Антоновичемъ, идущій изъ прямаго источника; всѣ писавшіе о немъ руководствуются книгою Бюшинга, но, къ сожалѣнію, очень многіе позволяютъ себѣ дѣлать въ этомъ разказѣ большія измѣненія и представляютъ браншвейгскаго принца не только въ обладаніи всѣми своими способностями, но во всѣхъ отношеніяхъ интереснымъ. Чтобы предохранить нашихъ читателей отъ заблужденій въ этомъ отношеніи, передаемъ разказъ Бюшинга, въ точномъ переводѣ. «Онъ (Государь) отправился съ своими спутниками въ казематъ Іоанна; помѣщеніе его довольно сносно, но меблировано весьма бѣдно. Платье принца было очень просто, но не разорвано и совершенно чисто, также какъ тѣло и бѣлье его. Онъ былъ крайне невѣжественъ, говорилъ безъ смысла; то называлъ себя царемъ Іоанномъ, то говорилъ, что Іоаннъ умеръ, но что духъ его перешелъ въ него. На

нѣ скроменъ въ отношеніи своей поѣздки въ Шлюссельбургъ; по крайней мѣрѣ, его дядя герцогъ, Георгъ, представлялъ ему нѣсколько времени спустя что всякое обстоятельство, обращающее вниманіе общества на Іоанна Антоновича, противно интересамъ его самого, Государя. Герцогъ Георгъ намекалъ на то, что недоброжелатели государевы, если вниманіе ихъ упадетъ на Іоанна Антоновича, могутъ заговорить о его правахъ на престолъ и произвести смуту въ умахъ. Это замѣчаніе было вполнѣ справедливо, и посѣщеніе Государемъ Шлюссельбурга не осталась безъ печальныхъ для него послѣдствій, но только не совсѣмъ такъ, какъ предсказывалъ герцогъ. Друзья Екатерины увидѣли въ этомъ новое доказательство угрожающей ей опасности и приписывали Государю намѣреніе признать своимъ наслѣдникомъ принца Брауншвейгскаго. Пред-

---

первый вопросъ—*кто онъ*? отвѣчалъ, — *императоръ Іоаннъ;* потомъ его спросили, отчего онъ воображаетъ себя принцемъ или императоромъ? откуда онъ это знаетъ! Тогда онъ отвѣчалъ: отъ моихъ родителей и отъ солдатъ. Далѣе распрашивали, что̀ онъ знаетъ о своихъ родителяхъ? Онъ увѣрялъ, что помнитъ ихъ, и жаловался, что Императрица Елизавета очень дурно содержала ихъ и его; разсказывалъ, что всѣ они года два были подъ присмотромъ и попеченіемъ офицера, который одинъ только оказывалъ имъ любовь и благосклонность. При этихъ словахъ сердце генерала Корфа, — онъ и былъ этотъ самый офицеръ, — сильно забилось, и онъ спросилъ, знаетъ ли онъ, принцъ, этого офицера. Нѣтъ, отвѣчалъ принцъ я его не помню, потому что это было давно и я былъ тогда ребенкомъ, но я помню его имя: его звали Корфомъ... это глубоко тронуло генерала... Принцъ слыхалъ о великомъ князѣ, и о его супругѣ, и такъ какъ онъ увѣрялъ, что надѣется снова взойдти на престолъ, то у него спросили, что онъ тогда сдѣлаетъ съ великимъ княземъ? Онъ отвѣчалъ, что велитъ казнить. Это не понравилось Императору Петру, но все-таки онъ рѣшился выстроить принцу особый домикъ въ крѣпости и содержать его лучше прежняго.»

положеніе это казалось тѣмъ вѣроподобнѣе, что нѣкоторые признаки давали поводъ ожидать благопріятной перемѣны въ судьбѣ принца: внутри шлюссельбургской крѣпости, по приказанію Государя, начали строить домъ, въ который, по всеобщему мнѣнію, предполагалось помѣстить Іоанна Антоновича.

Екатерина во все это время вела себя чрезвычайно осторожно. Наступившее лѣто прекратило большіе пріемы при дворѣ. Она переѣхала въ Петергофъ и вела, тамъ жизнь совершенно уединенную, но между тѣмъ, не возбуждая никакихъ толковъ, продолжала быть душою и двигателемъ преданной ей партіи. Панина, въ качествѣ воспитателя великаго князя, она могла видѣть весьма часто. Она нерѣдко видалась также, но тайно съ Гр. Орловымъ и съ молодою княгиней Дашковой, женщиною весьма ей преданною и которая, какъ увидимъ, была ей очень полезна. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Императрицею, Панинъ не скрывалъ неудовольствія, возбуждаемаго въ немъ и въ людяхъ, съ которыми имѣлъ сношенія, настоящимъ теченіемъ дѣлъ; онъ касался даже обращавшихся между ними мыслей о необходимости переворота, но выражалъ мнѣніе, что воспользоваться этимъ переворотомъ долженъ великій князь, какъ единственный законный наслѣдникъ престола, подъ регенствомъ, конечно, Императрицы, своей матери. Это не совсѣмъ согласовалось съ видами Екатерины, которая желала царствовать сама, и которая не безъ основанія замѣчала Панину, что царствованіе малолѣтнихъ государей обыкновенно поддерживаетъ разнаго рода политическія интриги, поводъ къ развитію которыхъ и безъ того слишкомъ сильно подавали всѣ предшествующія событія.

Несравненно болѣе, нежели Панинъ, приближались

видамъ Императрицы княгиня Дашкова и Орловы съ ихъ молодыми друзьями. Живые, воспріимчивые и рѣшительные, они не только не тормозили движенія серіозными соображеніями, но вызывали его, жаждали переворота и желали, чтобъ ими вполнѣ и не раздѣльно воспользовалась Императрица. Екатерина умѣряла ихъ жаръ, но держала ихъ на—готовѣ.

Между тѣмъ дѣла продолжали идти прежнимъ ходомъ. За мирнымъ договоромъ съ Пруссіей послѣдовалъ, въ началѣ іюня, союзный договоръ, который касался Курляндіи, Польши и Даніи. Въ Курляндіи, со временъ Петра I, вліяніе наше было очень сильно. Значеніе, которымъ пользовался въ Россіи Курляндецъ Биронъ и возведеніе его на курляндскій престолъ приготовляли, казалось, полное присоединеніе этого герцогства къ Россіи. Но неожиданно такой ходъ дѣлъ совершенно измѣнился. Послѣ паденія Бирона, Императрица Елисавета дозволила Польскому королю сдѣлать курляндскимъ герцогомъ своего сына, принца Карла. Подобная политика заслуживаетъ тѣмъ большаго удивленія, что будучи положительно противна интересамъ Россіи, она въ то же время ни мало не удовлетворяла и Курляндцевъ, которые опасались, что саксонскій принцъ, какъ католикъ, будетъ стѣснять господствующее въ странѣ протестантское исповѣданіе. Это опасеніе и вообще недовѣріе къ принцу были такъ сильны, что только весьма небольшая часть тамошняго дворянства рѣшилась принести новому своему герцогу вѣрноподданническую присягу, какъ будто ожидая новыхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ. Онѣ дѣйствительно послѣдовали со вступленіемъ на престолъ Петра III. Новый Императоръ провозгласилъ избраніе принца Карла не правильнымъ, а Бирона единственнымъ законнымъ герцогомъ Курляндіи.

Въ тоже время онъ повелъ переговоры съ этимъ послѣднимъ объ уступкѣ имъ своихъ правъ герцогу Георгу Голштинскому, поддерживать котораго для пріобрѣтенія имъ курляндскаго престола обязывался король Прусскій. Относительно Польши между Петромъ и Фридрихомъ было постановлено не допускать утвердиться въ ней наслѣдственной королевской власти, но поддерживать избирательную форму правленія и общими силами покровительствовать польскимъ диссидентамъ (иновѣрцамъ). Наконецъ относительно Даніи договаривающіяся стороны обязывались принудить ее къ удовлетворенію старинныхъ на нее претензій Голштинскаго герцогскаго дома. Эти претензіи заключались въ слѣдующемъ: Еще во время Сѣверной войны Данія захватила часть голштинскихъ владѣній; вѣроятно въ надеждѣ заинтересовать въ своихъ дѣлахъ Петра I, отецъ нынѣшняго Императора женился на цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ и едва не вовлекъ, кнакъ мы знаемъ (Царст. Екат. I, Вып. IV), Россію въ войну съ Даніей и ея союзниками. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ умеръ, не добывъ отобранныхъ у него земель, но сынъ его, сдѣлавшись Русскимъ Императоромъ, не покинулъ наслѣдственныхъ претензій голштинскаго дома. Съ цѣлію склонить короля Прусскаго въ пользу своихъ интересовъ и были сдѣланы ему тѣ обширныя уступки, о которыхъ говорилось въ трактатѣ 24 апрѣля.

Таково было содержаніе этого договора. Онъ, можно сказать, ниспровергалъ всѣ преданія русской политики. Со временъ Петра I до Елисаветы наше правительство стремилось къ утвержденію своего вліянія на Курляндіи: Петръ III поставилъ себѣ задачей образовать между Пруссіей и нашими Остзейскими, полугерманскими провинціями самостоятельное владѣніе, тоже по-

лугерманское, съ германскимъ принцемъ во главѣ, къ которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, стали бы тяготѣть Лифляндія и Эстляндія и на которое Пруссія не замедлила бы обнаружить преобладающее вліяніе. Относительно Польши путь, на который выступило правительство Петра III, былъ также совершенно новъ: покровительство православнымъ въ этой странѣ было правомъ, которымъ не всегда пользовалась Россія, но которымъ она ни съ кѣмъ еще не дѣлилась; наконецъ условія, касавшіяся Даніи, вели Россію прямымъ путемъ къ войнѣ съ этой державою.

Мы увидимъ, что постановленія этого трактата, (который впрочемъ Императоръ не успѣлъ утвердить) касавшіяся Польши, послужили основаніемъ политикѣ Екатерины, но и они, по новизнѣ своей и по явному преобладанію въ нихъ видовъ короля Прусскаго, должны были сильно озабочивать русскихъ государственныхъ людей; что же касается до образованія рядомъ съ Россіей полугерманскаго государства и требованія отъ Даніи уступокъ, которыя предвѣщали неизбѣжную войну съ этою державой, безъ малѣйшихъ выгодъ для Россіи, то эти условія не могли не возмущать каждое русское сердце. Правда, весьма немногіе могли ихъ знать, но нельзя однакожъ предположить, чтобъ дѣло такой первостепенной важности оставалось вовсе безгласнымъ. Во всякомъ случаѣ его зналъ Панинъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ управленіи иностранными дѣлами,—а если онъ зналъ содержаніе союзнаго трактата съ Пруссіей, то безъ сомнѣнія его знала и Императрица, чрезъ нея же и всѣ наиболѣе вліятельные изъ преданныхъ ей людей. Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе этотъ трактатъ производилъ на нихъ и какъ онъ усиливалъ въ ихъ глазахъ необходимость положить конецъ такому порядку дѣлъ,

который грозилъ серіозною опасностію Россіи. Впрочемъ результаты переговоровъ нашихъ съ Пруссіей обнаруживались сами собою: для ожидаемой войны съ Даніей приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ; часть войскъ, участвовавшихъ въ Семилѣтней войнѣ, должна была двинуться противъ Даніи; въ Кронштадтѣ снаряжалась эскадра для перевозки еще другихъ войскъ изъ Россіи. Самъ Государь собирался отправиться въ армію въ концѣ іюня или началѣ іюля.

Эта новая война, долженствовавшая начаться за интересы совершенно чуждые Россіи, была въ ней чрезвычайно непопулярна; гвардія, которая тоже имѣла назначеніе отправиться въ походъ, не скрывала своего негодованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливала выраженія своей преданности къ Императрицѣ. Теперь, какъ относительно цесаревны Елисаветы при началѣ войны со Швеціей 1741 года, горячіе приверженцы Екатерины выражали опасеніе оставить ее одну въ рукахъ ея недоброжелателей и требовали только сигнала. Но Екатерина не рѣшалась. Она продолжала жить въ Петергофскомъ дворцѣ и больше нежели когда-нибудь вела жизнь, повидимому, уединенную, тихую.

Съ другой стороны въ Ораніенбаумѣ происходили шумныя пированія. Государь видѣлъ себя въ воображеніи увѣнчаннымъ славою, которая не уступала славѣ Карла XII и Петра I; онъ сіялъ радостію при мысли, что скоро увидитъ Фридриха II, и всѣ вокругъ него предавались ожиданіямъ, веселью и ликованіямъ, — а между тѣмъ Петербургъ начиналъ принимать серіозно угрожающій видъ. Если вѣрить современникамъ, никто не сомнѣвался въ существованіи какого-то заговора; не знали только лицъ, которыя въ немъ участвуютъ,

и ожидали скораго взрыва, потому что выступленіе въ походъ гвардіи назначено было вслѣдъ за днемъ государева тезоименитства (29 іюня). Наканунѣ этого самаго дня и произошла катастрофа, возведшая на русскій престолъ Екатерину.

Описаніе этого происшествія мы возьмемъ изъ одного письма, появившагося въ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетахъ. Оно писано отъ имени Екатерины и многими приписывается ей самой; но кто бы ни былъ авторъ этого письма, содержаніе его весьма сходно со всѣми извѣстными описаніями важныхъ для Россіи дней 28 и 29 іюня 1762 года.

„27 числа распространился слухъ будто я лишена свободы. Солдаты приходятъ въ движеніе, но одинъ изъ нашихъ офицеровъ успокоиваетъ ихъ. Къ капитану Пассеку (Преображенскаго полка), завѣдывавшему однимъ изъ отдѣловъ предпріятія, приходитъ одинъ солдатъ и объявляетъ, что я рѣшительно погибла. Пассекъ завѣряетъ его, что имѣетъ обо мнѣ извѣстія. Но этотъ солдатъ, безпокоясь о моей участи, отправляется къ другому офицеру и сообщаетъ ему тоже самое. Этотъ офицеръ не принадлежалъ къ числу *нашихъ*. Удивленный сообщеннымъ ему извѣстіемъ, а еще болѣе тѣмъ, что человѣкъ, его распространяющій, не былъ задержанъ Пассекомъ, онъ идетъ къ маіору, который арестуетъ Пассека и ночью же отправляетъ о томъ донесеніе въ Ораніенбаумъ. По этому случаю тревога распространяется по всему полку: смятеніе между нашими заговорщиками. Они рѣшаются послать ко мнѣ втораго Орлова (Алексѣя), чтобы привезти меня въ городъ; другіе же два Орлова отправились повсюду распространять извѣстіе, что я уже пріѣхала. Гетманъ (Разумовскій) Волконскій, Панинъ знали все это.

„Я находилась въ это время почти одна съ женщинами моей прислуги въ Петергофѣ, забытая, по видимому, всѣмъ свѣтомъ. Но дни мои были очень тревожны, потому, что я регулярно получала извѣстія о всемъ что̀ дѣлалось за и противъ меня. 28 іюня, въ 6 часовъ утра (*) Алексѣй Орловъ входитъ въ мою комнату, будитъ меня и съ величайшимъ впрочемъ спокойствіемъ говоритъ: „пора вставать; все готово, чтобъ провозгласить васъ государыней". Я стала распрашивать его, — онъ отвѣчалъ: „Пассекъ арестованъ". Тогда я больше не колеблюсь; на-скоро одѣваюсь и сажусь въ карету, въ которой Орловъ пріѣхалъ. Другой офицеръ, въ видѣ лакея, находился у подножки кареты, еще третій встрѣтилъ насъ въ нѣскольких верстахъ отъ Петергофа. Верстахъ въ пяти отъ города мы встрѣтили старшаго Орлова съ младшимъ княземъ Барятинскимъ. Этотъ послѣдній уступилъ мнѣ свое мѣсто въ экипажѣ,—потому что мои лошади едва передвигали ноги,— и мы прискакиваемъ къ казармамъ Измайловскаго полка."

Вступивъ въ казармы, Екатерина приказала ударить сборъ; въ одно мгновеніе тысячи солдатъ окружаютъ ее и вызванный въ то же время священникъ приводитъ ихъ къ присягѣ. Тогда Екатерина, во главѣ Измайловскаго полка, направляется къ Семеновскому, который между тѣмъ самъ вышелъ къ ней на встрѣчу съ радостными восклицаніями, а какъ въ то же время дано было знать, что и Преображенцы спѣшатъ на соединеніе съ прочими полками гвардіи, то Екатерина направилась прямо въ Казанскій соборъ, куда на рысяхъ

(*) По нѣкоторымъ другимъ извѣстіямъ А. Орловъ прискакалъ въ Петергофъ ранѣе, — въ 3 или 4 часа ночи, и это кажется вѣроятнѣе, потому что многіе очевидцы событія пишутъ, что часовъ въ 6 утра переворотъ былъ уже совершенъ.

пріѣхала и конная гвардія. Архіепископъ Дмитрій встрѣтилъ здѣсь Императрицу съ крестомъ, отслужилъ благодарственный молебенъ, наименовалъ ее *Государынею Императрицею* и привелъ къ присягѣ всѣхъ присутствующихъ, послѣ чего Императрица,—все сопровождаемая гвардейскими полками,—отправилась въ Зимній дворецъ, только-что передъ тѣмъ оконченный и отдѣланный. Сюда поспѣшили прибыть всѣ тѣ изъ числа преданныхъ Екатеринѣ лицъ, которыя не поспѣли въ Казанскій соборъ. Площадь передъ дворцемъ, пишетъ княгиня Дашкова, въ своихъ *Запискахъ*, была запружена народомъ; на лѣстницѣ и у подъѣзда была давка. Здѣсь же, среди суеты и толкотни былъ написанъ указъ о принятіи Екатериною правительственной власти, распоряженіе о приведеніи къ присягѣ всего войска и народа и принято рѣшеніе, не теряя времени двинуться со всѣми имѣющимися войсками къ Ореніенбауму.

Пообѣдавъ наскоро и переодѣвшись въ военный мужской мундиръ, Екатерина сѣла на коня, и во главѣ тысячъ пятнадцати войска, при кликахъ солдатъ и всякаго рода толпившихся людей, выступила изъ той же заставы, въ которую нѣсколько часовъ передъ тѣмъ въѣхала тайно, въ чужомъ экипажѣ.

Петръ III между тѣмъ собрался отправиться въ Петергофъ для празднованія своего тезоименитства. Подъѣзжая къ этому мѣстопребыванію, онъ узналъ, что Императрица неизвѣстно когда и куда удалилась, — а вслѣдъ затѣмъ, что она приняла правленіе и что гвардія и столица на ея сторонѣ. Тогда и самъ Государь и всѣ бывшіе съ нимъ мужчины и женщины впали въ величайшее смущеніе, не зная на что рѣшиться и что предпринять: Петръ то посылалъ къ Императрицѣ вести съ нею переговоры, то принимался диктовать манифесты, про-

возглашавшіе Императрицу государственною преступницею, — но эти манифесты были разрываемы, а лица уполномочиваемыя для переговоровъ, большею частію оставались въ Петербургѣ и принимали присягу, какъ напримѣръ графъ Воронцовъ, графъ А. Шуваловъ и нѣкоторые другіе. Небольшая армія Императрицы между тѣмъ приближалась. Одну минуту Петръ рѣшился было дать ей отпоръ во главѣ своихъ голштинскихъ войскъ, хотя ихъ было не болѣе 1500 человѣкъ, и Минихъ, бывшій при немъ, горячо одобрялъ это рѣшеніе; но другіе придворные, а особенно дамы, убѣдили отказаться отъ невозможнаго сопротивленія. Тогда Минихъ подалъ мысль отправиться въ Кронштадтъ и либо сѣсть на корабли, приготовленные для перевозки гвардіи къ датскимъ берегамъ, или даже оставаясь въ Кронштадтѣ, угрожать оттуда самому Петербургу. Эта мысль была принята; но когда судна, на которыхъ находились Государь и его приближенные, подплыли къ Кронштадту, войска въ немъ находившіяся приняли уже присягу Императрицѣ и не допустили этихъ судовъ до берега. Затѣмъ не оставалось уже ничего другаго, какъ возвратиться въ Ораніенбаумъ и отказаться отъ всякой мысли о сопротивленіи. Петръ написалъ письмо, въ которомъ выражалъ готовность отречься отъ престола и отправилъ его къ Императрицѣ, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ поѣхалъ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ при немъ въ Петергофъ, куда между тѣмъ вступила и Императрица, и гдѣ онъ подписалъ формальный актъ отреченія. Послѣ этого онъ былъ отправленъ въ загородный дворецъ Ропшу въ сопровожденіи А. Орлова, князя Ѳ. Барятинскаго, Пассека и Баскакова.

Въ тотъ же вечеръ Императрица выступила съ своими войсками изъ Петергофа, и на слѣдующее утро

овершила торжественный въѣздъ въ столицу при зву-
ахъ музыки, при звонѣ колоколовъ и при восклицанi-
хъ собравшагося народа.

Затѣмъ посыпались щедрыя милости на людей, при-
имавшихъ наибольшее участiе въ событiяхъ, возвед-
ихъ Екатерину на престолъ. Орловы возведены въ
рафское достоинство, Панинъ, хотя и безъ званiя кан-
лера, получилъ управленiе иностранными сношенiями,
ругимъ даны земли и пенсiи; что же касается до бли-
айшихъ приверженцевъ Петра, то ни одинъ изъ нихъ,
акъ это бывало въ прежнее время, не подвергся пре-
лѣдованiю.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

I.

Взглядъ на царствованіе Екатерины.—Положеніе принятое ею въ отношеніи иностранныхъ дворовъ. — Кончина Петра Өеодоровича. — Затрудненія, которыя окружали Императрицу.—Политическія идеи графа Панина.—Указъ о монастырскихъ имѣніяхъ и волненія между крестьянами.—Слово Георгія Кониского—Предположеніе о вторичномъ бракѣ Императрицы. — Состояніе умовъ въ духовенствѣ. — Арсеній Мацѣевичъ. — Возстановленіе Бирона въ Курляндіи. — Уничтоженіе гетманскаго достоинства. — Отношенія Остзейскаго края къ Россіи и къ Русскому правительству. — Поѣздка императрицы въ Остзейскій край. — Заговоръ Мировича и смерть принца Іоанна Браунштейгскаго.

Человѣка, который пожелалъ бы ознакомиться съ эпохою, къ которой мы приступаемъ, и прочесть о ней нѣсколько русскихъ и иностранныхъ извѣстій, должна поразить совершенная противоположность между отзывами о Екатеринѣ иностранцевъ и мнѣніемъ, составившимся о ней въ русскомъ народѣ. Мало именъ такихъ популярныхъ въ Россіи и столько дорогихъ для нея, какъ имя Екатерины II. Еще недавно сошло въ могилу поколѣніе людей, которые, по крайней мѣрѣ, дѣтьми застали ея время: они говорили о ней не иначе, какъ съ глубокимъ умиленіемъ. Довольно большое число извѣст-

[illegible] мемуаровъ и воспоминаній ея современ-[illegible] безъ исключенія, дышатъ самою горя-[illegible] преданностію, какимъ-то поклоненіемъ; [illegible] и бюсты можно видѣть въ каждомъ ста-[illegible] домѣ. Напротивъ того, иностранные отзывы о [illegible] малыми исключеніями, крайне неблаго-[illegible] представляютъ ее жестокою, безсердеч-[illegible] степени неразборчивою въ средствахъ [illegible] цѣли. Нѣкоторые писатели, и притомъ [illegible] которыхъ сочиненія очень распространены, изоб-[illegible] ее какимъ-то чудовищемъ, сплетеніемъ всяка-[illegible] и всякихъ преступленій.

Какъ ни странны должны показаться такія противорѣчія, но они могутъ быть объяснены довольно удовлетворительно. Иностранцы болѣе видятъ Екатерину въ дѣйствіяхъ ея внѣшней политики, которая дѣйствительно часто была безпощадна и неразборчива въ средствахъ; говоря отъ имени раздраженныхъ противъ нея націй, эти писатели язвительно отзываются и о ея частной жизни, которая, конечно, не безупречна. Русскіе, напротивъ того, болѣе всего ощущали вліяніе ея внутренняго управленія, которое рѣзко отличалось отъ предшествующихъ кротостію и которое наполнено полезными и либеральными преобразованіями. Наши предки не могли оставаться нечувствительными и къ той славѣ, которою Екатерина окружила Россію: этою Государыней отечество наше было поставлено дѣйствительно на степень первенствующихъ европейскихъ державъ. Такимъ образомъ намъ, потомкамъ Екатерины, знакомымъ съ отзывами о ней и Русскихъ и иностранцевъ, она представляется какъ будто двуликимъ богомъ древности: ея ликъ, обращенный къ сосѣднимъ державамъ, строгъ и непривѣтливъ; тотъ, напротивъ, который обращенъ къ Россіи,

исполненъ величія и простоты. Моралистъ долженъ, конечно, осудить эту двойственность. Законы нравственности ни въ какомъ случаѣ не допускаютъ послабленія, и мы должны признаться, что Екатерина далеко не безупречна во многихъ отношеніяхъ: самое вступленіе ея на престолъ накидываетъ густую тѣнь на ея нравственный образъ: но упрекамъ, которые должны быть ей сдѣланы съ этой стороны, нельзя не противопоставить тридцать четыре года величія и благоденствія, которыми Россія при ней пользовалась и которыя народный голосъ назвалъ *Екатерининымъ вѣкомъ*. Намъ, Русскимъ невозможно забыть, что если политика Екатерины и подлежитъ упреку съ точки зрѣнія высшей нравственности, то эта политика имѣла цѣлію и послѣдствіемъ величіе и выгоды Россіи. Въ нашей душѣ могутъ и должны создаваться идеалы такихъ политическихъ дѣятелей, которые разливали бы добро на всѣ націи и на всѣ страны безъ исключенія; но дѣйствительность такихъ людей не представляетъ; притомъ интересы различныхъ народовъ нерѣдко такъ противоположны между собою, что благо одного есть зло для другаго. Что долженъ въ такомъ случаѣ дѣлать человѣкъ, отъ котораго зависитъ судьба народа, который призванъ быть блюстителемъ славы и благоденствія этого народа? Очевидно — заботиться о его судьбѣ болѣе, нежели о судьбѣ прочихъ, которые, въ свою очередь, имѣютъ правительства для соблюденія ихъ славы и ихъ интересовъ.

Положеніе дѣлъ было очень запутано, какъ внутри государства, такъ и въ отношеніи внѣшней политики, когда Екатерина вступила на престолъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новой Императрицы было заключеніе мира со всѣми участниками Семилѣтней войны. Не видя никакой пользы для Россіи помогать королю Прусскому

[illegible]

[illegible] титула. [illegible] и то съ условіемъ, [illegible] русскій посланникъ [illegible] французскому,—въ чемъ [illegible] Императрица дала реверсалію (обязательство). По вступленіи на престолъ Екатерины, ей предложили возобновить эту реверсалію: она рѣшительно отказала въ этомъ, и велѣла объявить, что прерветъ сношенія съ тѣмъ дворомъ, который не признаетъ ее въ качествѣ императрицы, титла, прибавила она, которому, впрочемъ, ничуть не уступаетъ царскій.

Таковы были первыя дѣйствія новой Императрицы въ отношеніи иностранныхъ правительствъ; они были смѣ-

лы, тверды и опредѣлительны, и сразу развязывали ей руки. Внутри, въ самой Россіи, положеніе ея было гораздо затруднительнѣе. Черезъ недѣлю по вступленіи Екатерины на престолъ, не стало Петра Ѳеодоровича. 7 іюля, какъ сказано въ послѣдовавшемъ по этому случаю манифестѣ, съ нимъ приключился геморроидальный припадокъ съ коликою, а на слѣдующій день онъ скончался. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ, выставлено въ продолженіе трехъ дней въ Невской Лаврѣ и предано землѣ въ ней же. Уже въ послѣдствіи, по вступленіи на престолъ Императора Павла, оно было перевезено въ общую усыпальницу императорской фамиліи, въ Петропавловскій крѣпостной соборъ.

О смерти этой, послѣдовавшей такъ неожиданно, распространились самыя язвительныя для Императрицы слухи, которые нашли мѣсто во всѣхъ заграничныхъ ея біографіяхъ. Этотъ прискорбный случай далеко еще не изслѣдованъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ. Человѣкъ, уважающій истину и не имѣющій причинъ вѣрить всему, что набрасываетъ тѣнь на Екатерину, долженъ въ настоящее время воздержаться отъ окончательнаго приговора въ отношеніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали смерть бывшаго Императора. Мы можемъ только сказать, что она произвела самое тажелое впечатлѣніе, которое очень ярко обрисовывается изъ слѣдующаго разговора княгини Дашковой съ Государыней. Узнавъ о кончинѣ Петра Ѳеодоровича, княгиня поспѣшила во дворецъ и нашла Императрицу страшно разстроенною.

— Я невыразимо страдаю отъ этой смерти, сказала Императрица.

— Да, Государыня, отвѣчала княгиня, эта смерть слишкомъ неожиданна для вашей славы.

Независимо отъ этого тяжелаго впечатлѣнія, распространившагося на всю Россію, Императрица должна была въ первое время своего царствованія бороться со многими другими. Мы видѣли, что между людьми, которые наиболѣе содѣйствовали ея вступленію на престолъ, не было полнаго единогласія; это продолжалось и послѣ переворота 28 іюня; изъ нихъ всѣхъ лишь Григорій Орловъ могъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, получивъ самое видное мѣсто при дворѣ новой Императрицы и не имѣя притомъ никакихъ особенныхъ цѣлей. Княгиня Дашкова, самолюбіе которой превосходило ея замѣчательный умъ, оскорблялась тѣмъ, что не была, такъ сказать, офиціально признана *другомъ Императрицы*. Вполнѣ убѣжденная, что переворотъ 28 іюня совершился главнѣйше благодаря ея участію, она надѣялась, что за ея совѣтами будутъ обращаться и во всѣхъ важнѣйшихъ мѣрахъ новаго царствованія. Наконецъ, — и это конечно относится къ ея чести, — чувство обожанія, которое она питала къ Екатеринѣ, было оскорблено чрезмѣрною близостію этой послѣдней къ Орлову.

Что касается до графа Панина, то, содѣйствуя видамъ Екатерины, онъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ цѣлію возведеніе на престолъ великаго князя Павла. Собственно переворотъ 28-го іюня совершился помимо его участія. Но принявъ этотъ переворотъ въ томъ видѣ, какъ онъ совершился, Панинъ однакожъ желалъ доставить торжество тѣмъ политическимъ идеямъ, которыми онъ проникся во время своего пребыванія въ Швеціи. Въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Императрицей въ первые дни ея царствованія, онъ обратилъ ея вниманіе на частые перевороты, которыхъ жертвою былъ въ послѣднее время русскій престолъ, а вслѣдствіе того и

все государство. Могла ли, говорилъ онъ, при такихъ условіяхъ быть послѣдовательна и наша правительственная система, безъ чего однакожь невозможны ни внутреннее благоденствіе страны, ни ея вліяніе въ дѣлахъ внѣшней политики? Эта система измѣнялась съ каждымъ переворотомъ. Необходимо, заключалъ Панинъ, чтобъ она покоилась не на лицѣ, самое существованіе котораго подвергается случайностямъ, а на незыблимыхъ учрежденіяхъ, каковъ, напримѣръ, шведскій сенатъ, хранитель основныхъ законовъ государства и правительственныхъ преданій.

Мысль эта не имѣла послѣдствій, но ее нельзя оставить безъ вниманія. Она доказываетъ, что Панинъ былъ не временщикъ, болѣе или менѣе способный, но что онъ обладалъ взглядомъ и просвѣщеніемъ настоящаго государственнаго человѣка. Перевороты и потрясенія, которымъ такъ долго подвергался русскій престолъ, правда, совершались безъ пролитія крови, но они не оставались безъ вліянія ни на благосостояніе и достоинство страны, ни на общественную нравственность. Въ нихъ заключается причина того большаго числа заговоровъ и интригъ, которыми отличается наша исторія въ XVIII вѣкѣ. Если Минихъ съ нѣсколькими солдатами могъ низвергнуть одно правительство и постановить другое, то удивительно ли, что являлось много охотниковъ послѣдовать его примѣру? Маркизу Ботта вѣроятно не пришло бы въ голову замышлять переворотъ въ государствѣ, въ которомъ подобные перевороты не были бы обыкновенным дѣломъ. Иностранные, а отчасти и наши писатели упоминаютъ о многихъ подобныхъ же заговорахъ и въ первые годы царствованія Екатерины; о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ о заговорѣ пяти

гвардейскихъ офицеровъ, — двухъ Хрущовыхъ и трехъ Гурьевыхъ — бывшемъ осенью 1762 года. Въ чемъ именно состояли цѣли заговорщиковъ, не знаемъ, но несомнѣнно, что они имѣли въ виду потрясеніе престола. И это былъ далеко не единственный заговоръ. Царствованіе Екатерины, пока власть ея не упрочилась, представляло обильную пищу для людей предпріимчивыхъ и не считавшихъ себя связанными присягою. Нѣкоторымъ могли казаться права на престолъ великаго князя Павла болѣе важными, чѣмъ права его матери; другіе же могли дѣйствовать во имя Іоанна Антоновича.

Нельзя не замѣтить, что политическіе интриганы, подобные Хрущовымъ и Гурьевымъ, были далеко не единственными лицами, которые тревожили первые годы царствованія Екатерины. Можно сказать, что въ началѣ ея [illegible] ту силу, которая отъ времени [illegible] пробуждалась, если и не господствовала [illegible] — общественное мнѣніе. По [illegible] свидѣтельствамъ иностранныхъ писателей, извѣстіе о вступленіи на престолъ Екатерины было встрѣчено въ Москвѣ неудовольствіемъ и неодобрительнымъ молчаніемъ. И это очень естественно. Причины, привлекшія на сторону Императрицы весь Петербургъ, были мало извѣстны въ Москвѣ, а еще менѣе въ остальныхъ мѣстахъ имперіи; съ нравственной же точки зрѣнія переворотъ 28 іюня не могъ, конечно, возбуждать сочувствія. Мы увидимъ, что Екатеринѣ удалось восторжествовать надъ этимъ невыгоднымъ для нея впечатлѣніемъ, и, какъ сказано, сдѣлать свое имя однимъ изъ самыхъ дорогихъ для Россіи; но это совершалось не вдругъ.

Прежде всего казалось необходимымъ успокоить страсти, [illegible] указомъ о монастырскихъ и церко-

вныхъ имѣніяхъ, который дѣйствительно угрожалъ самы ми серіозными опасностями. Крестьяне помѣщичьи были увѣрены; они что онъ касается и до нихъ, волновались и не слушали своихъ помѣщиковъ; дворянство требовало, чтобъ правительство привело ихъ въ повиновеніе и роптало на него за опрометчивую мѣру; духовенство было раздражено въ высшей степени. Всѣ эти сословія надо было успокоить; надо было, по возможности, примирить эти совершенно противоположные другъ другу интересы; во всякомъ случаѣ, необходимо было выиграть время, чтобъ хотя нѣсколько осмотрѣться. По этому рѣшено было пріостановить исполненіе злосчастнаго закона о монастырскихъ и церковныхъ имѣніяхъ. Указъ объ этомъ послѣдовалъ черезъ шесть недѣль по вступленіи на престолъ Императрицы. Эти имѣнія повелѣно было возвратить монастырямъ и церквамъ по прежнему въ ихъ управленіе, а между тѣмъ учреждена была особая коммиссія изъ лицъ свѣтскаго и духовнаго званія, подъ собственнымъ предсѣдательствомъ Императрицы, для опредѣленія духовныхъ штатовъ и окончательнаго разрѣшенія вопроса о названныхъ имѣніяхъ.

За тѣмъ Императрица пожелала поспѣшить торжественнымъ коронованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому ее побуждало между прочимъ желаніе упрочить свое положеніе, поставить себя, такъ сказать, подъ защиту церковнаго благословенія. Въ исходѣ лѣта она прибыла со всѣмъ своимъ дворомъ, со всѣми своими сановниками въ Москву, гдѣ, какъ сказано, пріемъ, оказанный ей, былъ довольно холоденъ. Московская знать, привыкшая уже къ временьщикамъ Елисаветина царствованія и вовсе не видавшая фаворитовъ Петра III, смотрѣла надменно и съ непріязнію на новыхъ людей, возвышенныхъ Екатериною, и особенно на Орловыхъ. Княгиня Дашкова, огорченная,

что графъ Григорій отбилъ, какъ ей казалось, у нея сердце Императрицы, распускала о немъ, и даже о нихъ обоихъ, весьма невыгодные слухи.

Наступившія празднества увлекли на время въ своемъ потокѣ и довольныхъ и недовольныхъ. Коронація совершилась въ Успенскомъ соборѣ 22 сентября со всею обычною торжественностью. Мы не станемъ распространяться ни о тогдашнихъ торжествахъ, ни объ увеселеніяхъ, но отмѣтимъ одно важное, бывшее при этомъ обстоятельство. Между лицами, съѣхавшимися въ Москву для торжества коронаціи, былъ епископъ Могилевскій Георгій Конисскій, — замѣчательнѣйшій между духовными лицами Западной Россіи. Цѣль его поѣздки заключалась въ томъ, чтобъ обратить вниманіе новой Императрицы на несчастное положеніе православнаго народа въ этихъ древнихъ русскихъ областяхъ и исходатайствовать для нихъ дѣйствительную защиту и покровительство Россіи. Эта защита и это покровительство были единственною надеждою нашихъ угнетенныхъ братій, и вотъ какъ краснорѣчивый могилевскій святитель выражалъ ихъ положеніе въ привѣтственномъ словѣ, сказанномъ нѣсколько дней послѣ коронаціи. „Знаю, произнесъ онъ, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, и состояніе людей, предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей хотя единовѣрныхъ, но въ польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣз-

лящихся гласы издають. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ благочестивымъ именоваться въ студъ ставять; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ.... Однако и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ, и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, не хотимъ уступити имъ въ разсужденіи настоящей радости.... Смѣемся, и сквозь слезы утѣшаемся, и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ, надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но въ самомъ уже плодѣ состоящая. Тобою, — продолжалъ проповѣдникъ обращаясь къ Государынѣ,— Тобою храмы Господни и красоты гусли своя съ псалтырію удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные твои въ честь и достоинство приведены. Сіи тобою въ едино лѣто принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобные принесеши въ грядущее время.... Или бо не можеши сего намъ сотворити, или не соблаговолиши?... Могла въ немощи: можешь въ силѣ; ибо Богомъ на престолѣ посажденна. Отираемъ убо слезы очей нашихъ, или паче обращаемъ оныя къ умоленію благъ нашихъ источника, Бога. Молимъ и Ваше Императорское Величество, не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ; спаси насъ десницею твоею, и мышцею твоею покрый насъ!“

Мы увидимъ, что мольбы бѣлорусскаго народа были на этотъ разъ не напрасны, а между тѣмъ старая Москва продолжала быть ареною весьма глубокихъ придворныхъ интригъ. Графъ Бестужевъ, нѣкогда всемогущій министръ Елисаветы, вызванъ былъ изъ ссылки Екатериною. Но возвратясь въ Петербургъ, онъ увидѣлъ, что вокругъ

престола толпятся все новые люди и что новые же люди составляютъ правительство, тогда какъ ему, старому канцлеру, оказывался только безплодный почетъ. Чтобъ получить какое нибудь значеніе, — а можетъ быть и въ надеждѣ взять всю эту молодежь въ руки, — Бестужевъ сдѣлался короткимъ другомъ Григорія Орлова, который съ своей стороны былъ очень радъ пользоваться совѣтами умнаго и опытнаго старика.

— Твое положеніе завидно, сказалъ ему однажды Бестужевъ, но крайне непрочно. Государыня отмѣнно милостива къ тебѣ, но милость перемѣнчива.

— Это правда; но какъ же пособить этому?

— Также, какъ Разумовскій. Если покойная Императрица могла вступить съ нимъ въ бракъ, хоть бы и тайный, но законный: почему бы не сдѣлать того же и нынѣшней Государынѣ?

Послѣдствія этого разговора не замедлили обнаружиться. Бестужевъ сообщилъ мысль, высказанную имъ Орлову, нѣкоторымъ изъ своихъ друзей и началъ собирать подписи для представленія Императрицѣ формальнаго прошенія, чтобъ она избрала себѣ супруга. Это, разумѣется, не могло уже остаться тайною и всколыхало весь сановный и вельможный міръ. Канцлеръ Воронцовъ, гетманъ Разумовскій и Панинъ горячо возстали противъ этого предположенія, которое, кажется, не противно было Императрицѣ. Графъ Воронцовъ взялъ на себя лично представить ей, что ея вступленіе въ бракъ съ Орловымъ огорчитъ народъ. Императрица отвѣчала ему, что опасенія его напрасны и что она не думаетъ о вторичномъ бракѣ. Дѣло этимъ кончилось и не имѣло дальнѣйшаго хода, но не осталось однакожь безъ слѣда. Общественное мнѣніе было глубоко имъ потрясено; иностранные писатели говорятъ о покушені-

яхъ на жизнь Гр. Орлова; изъ современныхъ указовъ мы видимъ, что по Москвѣ разсѣяны были ядовитые пасквили. (*) Графъ Воронцовъ, не имѣвшій впрочемъ и до того большаго вліянія на дѣла, потерялъ его окончательно и черезъ нѣсколько времени оставилъ свою должность; къ его племянницѣ, Дашковой, Императрица обнаружила явную холодность. Панинъ, правда, удержался, и даже съ удаленіемъ Воронцова сдѣлался главнымъ двигателемъ по иностраннымъ сношеніямъ, но между нимъ и Орловыми установились самыя непріязненныя отношенія, такъ что дворъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ коихъ одна держалась Панина, а другая Орловыхъ. Правда, соперничество между приближенными Екатерины не имѣло замѣтнаго вліянія на теченіе дѣлъ, потому что она сама давала имъ главное направленіе; но при разсказѣ о дальнѣйшихъ событіяхъ не надо терять изъ вида этого соперничества двухъ вліятельнѣйшихъ людей того времени.

Екатерина пробыла въ Москвѣ всю осень и зиму, и лишь весною слѣдуюшаго 1763 года возвратилась въ Петербургъ. Пребываніе ея въ древней столицѣ ознаменовалось дѣломъ, которое вызвало благодарность современникомъ и уваженіе потомства,—основаніемъ Воспитательнаго Дома, т. е. такого учрежденія, въ которомъ находили пріютъ и получали воспитаніе дѣти, непризнаваемыя своими родителями, такъ называемые подкидыши. Эти несчастные, погибавшіе въ прежнее время тысячами, были не только избавлены отъ смерти, но получали въ учрежденномъ для нихъ заведеніи свѣдѣнія, которыя давали имъ средство зарабатывать себѣ въ послѣдствіи кусокъ хлѣба и сдѣлаться полез-

(*) П. С. З. № 12313.

ными членами общества. Проэктъ московскаго Воспитательнаго Дома, равно какъ и учрежденнаго за тѣмъ въ Петербургѣ, былъ составленъ Бецкимъ , имя котораго связано со всѣми мѣрами правительства, имѣвшими цѣлію благотвореніе и просвѣщеніе.

Почти одновременно съ указомъ объ учрежденіи Воспитательнаго Дома послѣдовалъ другой, разрѣшившій окончательно вопросъ о монастырскихъ и церковныхъ имуществахъ. Пріостановленіе указа Петра III произвело весьма серіозные безпорядки. Принадлежавшіе къ этимъ имѣніямъ крестьяне ни за что не хотѣли возвратиться подъ управленіе духовенства. Въ вотчинахъ московскаго Данилова монастыря, въ Рязанской, Тульской губерніяхъ, на границахъ Сибири, въ имѣніяхъ славнаго въ тѣхъ мѣстахъ Долматова монастыря, происходили волненія; ихъ приходилось смирять силою. Но въ какое же положеніе поставить монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ окончательно? Обращеніе ихъ въ крѣпостное состояніе изъ вольнаго было бы дѣломъ жестокимъ и даже, можетъ быть, не совсѣмъ безопаснымъ, потому что ихъ считалось около милліона. Во всякмъ случаѣ правительству приходилось выбирать одно изъ двухъ — раздражить противъ себя или крестьянъ, или духовенство. Екатерина рѣшилась но второе. Поэтому положено было возстановить законъ Петра III, съ небольшими лишь измѣненіями, и съ отчисленіемъ части доходовъ на содержаніе школъ и богадѣленъ, о чемъ и было опубликовано въ маѣ 1763 года.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ указомъ на духовенство, теперь было таково же, какъ годъ тому назадъ. Правда, одинъ изъ протестовавшихъ тогда, новгородскій архіепископъ Дмитрій, самъ участвовалъ въ коммиссіи, выработавшей нынѣшній указъ; но за то протестовали

другіе, и громче всѣхъ митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, несчастная судьба котораго сильно поразила современниковъ и подаетъ поводъ къ большимъ толкамъ еще въ настоящее время. Этотъ человѣкъ отличался самою искреннею набожностью; онъ понималъ Церковь не иначе, какъ вполнѣ независимою и надъ всѣмъ господствующею, и принадлежалъ къ числу тѣхъ духовныхъ, которые горько оплакивали уничтоженіе патріаршаго сана; когда, при Елисаветѣ, онъ сдѣланъ былъ членомъ синода, то отказался присутствовать въ немъ и дать установленную присягу. Смѣлость его во всемъ, что̀ касалось до религіи, правъ Церкви и духовенства, была удивительна. Во времена Бирона, не взирая на несчастную участь Ѳеофилакта Лапатинскаго (Царст. Анны, гл. II), онъ смѣло шелъ по его слѣдамъ, а въ послѣдствіи дѣйствовалъ еще смѣлѣе. Будучи ростовскимъ митрополитомъ во время Петра III, онъ написалъ и отправилъ къ самому Государю протестъ противъ указа объ отобраніи церковныхъ имѣній,—протестъ, который впрочемъ не повлекъ за собою непріятностей для мужественнаго пастыря. Онъ сдѣлалъ тоже самое и теперь, при Екатеринѣ. Въ доношеніи, присланномъ въ синодъ, онъ писалъ, что отъ временъ апостольскихъ, церквамъ и монастырямъ принадлежали имѣнія, ими управляемыя, и что подъ страхомъ отлученія отъ Церкви никто не имѣетъ права располагать ими. „А что дѣлается у насъ?“ писалъ онъ; „узникъ и послѣдній богадѣльный лучшій и счастливѣйшій (есть), понеже, что кто ему дастъ, свободенъ въ томъ имѣніи.“ Отъ духовенства требуютъ, продолжалъ онъ, чтобъ оно учреждало школы, академіи? Но вотъ что говоритъ пастырямъ слово Божіе: *Шедше, научите вся языки, кресшяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Вотъ наша обязанность; другой мы не знаемъ.

За это рѣзкое доношеніе онъ былъ преданъ суду самого синода, который приговорилъ его къ лишенію архипастырскаго сана и къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Представленъ будучи въ синодъ въ качествѣ подсудимаго, онъ не только ничего не сдѣлалъ, чтобъ склонить къ себѣ расположеніе своихъ судей, но какъ будто нарочно раздражалъ ихъ рѣзкостію своихъ отвѣтовъ; а когда ему прочли приговоръ, то подписавшихъ его осыпалъ проклятіями. Находясь подъ началомъ, онъ безъ труда подчинялъ себѣ всю братію столько же силою характера, сколько и самымъ своимъ страданіемъ за дѣло, которому духовенство вообще сочувствовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ произносилъ поученія, въ которыхъ не щадилъ не только указа, бывшаго виною его заточенія, но и самой Императрицы. Въ бесѣдахъ съ братіей, Онъ отрицалъ ея права на престолъ, выставляя права принца Іоанна, отрицалъ ея православіе, указывалъ читать во время богослуженія: „О гонящихъ Церковь" и сопротивлялся поминовенію на эктеніяхъ особъ царской фамиліи. Всѣ эти безразсудства дошли до Императрицы, и долго щадившая его рука наконецъ тяжело опустилась: онъ былъ растриженъ и подъ именемъ *Андрея Враля* отправленъ въ Ревель на вѣчное заточеніе.

Приговоръ, постигшій Мацѣевича, былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ, произнесенныхъ Екатериною, и если онъ пресѣкъ соблазнъ, производимый неукротимымъ монахомъ, то не прекратилъ неудовольствія, возбужденнаго отнятіемъ монастырскихъ и церковныхъ имѣній. Имя Мацѣевича и до сего времени есть одно изъ самыхъ дорогихъ именъ для нашего духовенства.

Вскорѣ по разрѣшеніи вопроса о церковныхъ и монастырскихъ имуществахъ разрѣшенъ былъ и дру-

гой, нѣкогда весьма важный, но утратившій уже много изъ своей важности, — вопросъ объ особенностяхъ управленія Малороссіей. Достоинство гетмана, сильно подупавшее со времени Петра I, возстановленное Елисаветою, было окончательно уничтожено въ 1764 году. Въ Малороссіи были сохранены нѣкоторыя особенности, издавна утвердившіяся тамъ въ отношеніи управленія, суда, владѣнія имуществами и т. п.; но въ главныхъ чертахъ Малороссія была приравнена къ остальнымъ губерніямъ; генералъ-губернаторомъ ея былъ сдѣланъ славный впослѣдствіи Румянцевъ, при которомъ Малороссія вступила въ послѣдній періодъ своего слиянія съ остальною частію имперіи.

Таковы были главныя правительственныя мѣры Екатерины по дѣламъ внутреннимъ. Теперь обратимся къ ея внѣшней политикѣ. Выше было сказано, что со всѣми дворами, участвовавшими въ Семилѣтней войнѣ, Екатерина заключила миръ; но этимъ еще не развязывались всѣ вопросы, возбужденные политикой Петра III. Императрица вовсе не находила согласнымъ съ выгодами своего государства, чтобъ возлѣ него, рядомъ съ полугерманскими Остзейскими его провинціями и въ сосѣдствѣ Пруссіи, Курляндія превратилась въ самостоятельное герцогство подъ управленіемъ принца германскаго происхожденія и горячаго приверженца Прусскаго короля. Она предоставила герцогу Георгу управлять Голштинскимъ герцогствомъ, которымъ отнюдь не дорожила, подобно покойномусвоемусупругу, и прямо выставила Бирона соперникомъ принцу Карлу, очень хорошо зная, что огромные начеты, предъявляемые на перваго изъ нихъ русскимъ правительствомъ, постоянно будутъ держать его въ уѣздѣ и, можетъ быть, принудятъ его, или его наслѣдника, уступить свое герцогство не сак-

сонскому и не голштинскому принцу, а русскому государю. Такимъ образомъ Биронъ переставалъ быть ширмою, позади которой розыгрывалась партія въ пользу Голштинскаго герцога. Дѣло шло для него прямо о томъ, чтобъ возвратиться на свой герцогскій престолъ,—и этотъ восьмидесятилѣтній старикъ нашелъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобъ самымъ дѣятельнымъ образомъ содѣйствовать политикѣ Екатерины. Онъ прибылъ въ Ригу, на границу Курляндіи, и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ собрать воедино людей, которые, по той или другой причинѣ его поддерживали. Съ другой стороны русскія войска, возвращаясь домой, по заключеніи мира съ Фридрихомъ и его врагами, вступили въ Курляндію. Король Августъ горячо протестовалъ противъ такого насилія; но ни Польша, ни сосѣднія государства не поддерживали его; напротивъ, весьма сильная партія Чарторыйскихъ, энергически противодѣйствовала видамъ короля на Курляндію.

Принцъ Карлъ въ своемъ герцогскомъ дворцѣ былъ какъ бы въ плѣну. Запрещеніе, наложенное при Петрѣ III на герцогскія имѣнія за долги русскому правительству, пало даже на потребности собственнаго герцогскаго двора. По иностраннымъ извѣстіямъ, принцъ нуждался въ пропитаніи. Тогда Биронъ вступилъ въ Митаву и потребовалъ, чтобъ ему учинена была присяга. Противиться этому требованію многіе во все не хотѣли, другіе не смѣли, и принцъ Карлъ могъ видѣть изъ оконъ своего замка, окруженнаго русскими войсками, какъ совершалась эта церемонія. За тѣмъ оставалось Бирону провозгласить свое вступленіе въ управленіе герцогствомъ, а принцу Карлу — оставить Курляндію, что дѣйствительно и послѣдовало въ началѣ 1763 года.

II.

Смерть Августа III. — Положеніе партій въ Польшѣ. — Чарторыйскіе. — Политика Екатерины. — Станиславъ Поньятовскій. — Его избраніе въ короли (7 авг. 1764 г.). — Посѣщеніе Екатериною герцога курляндскаго. — Поѣздка ея въ прибалтійскія провинціи. — Отношеніе этого края къ русскому правительству и къ русскому народу. — Заговоръ Мировича. — Смерть принца Іоанна Брауншвейгскаго.

Въ исходѣ 1763 года скончался король Польскій и курфирстъ Саксонскій Августъ III. Онъ былъ еще не старый человѣкъ и смерть его случилась совершенно неожиданно. „Не смѣйтесь, писала Екатерина Панину, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля Польскаго: король Прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ".

Дѣйствительно, смерть Августа III была обстоятельствомъ чрезвычайно важнымъ и для Россіи и для Пруссіи. Мы видѣли, что въ послѣдніе дни царствованія Петра III, между нимъ и Фридрихомъ II былъ заключенъ договоръ, въ силу котораго оба государя взаимно обязывались не допускать утвердиться въ Польшѣ наслѣдственной королевской власти. Это намѣреніе клонилось конечно не къ благу речи-посполитой, но, къ удивленію, согласовалось съ желаніемъ большинства Поляковъ и требовалось выгодами обоихъ сосѣднихъ государствъ. Устраненіе поводовъ къ столкновенію внутреннихъ партій и внѣшняго вліянія, которыя болѣе всего обнаруживались на избирательныхъ сеймахъ, утвержденіе сильнаго правительства и сліяніе Польскаго государства съ Саксонскимъ могли сдѣлать изъ него сильную державу, опасную для сосѣд-

нихъ странъ. Потому-то и было замѣчено въ своемъ мѣстѣ (Царст. Анны, гл. III), что правительство Императрицы Анны сдѣлало ошибку, поддерживая кандидатуру на польскій престолъ Саксонскаго курфирста. Эта ошибка не должна была повториться, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ случаѣ, и избѣгнуть ея было тѣмъ легче, что между самими Поляками весьма сильно было желаніе устранить отъ польскаго престола Саксонскихъ принцевъ и доставить корону *пясту*, то-есть, коренному, природному Поляку.

Въ это время въ Польшѣ были три главныя партіи: одна—преданная саксонской династіи, вообще не популярная, другая—такъ-называемая патріотическая, находившаяся подъ вліяніемъ Франціи, и третья — русская. Обѣ послѣднія партіи желали видѣть на польскомъ престолѣ пяста; но французская партія, имѣвшая во главѣ гетмана графа Браницкаго, князя Радзивилла, богатѣйшаго изъ литовскихъ магнатовъ, и нѣсколькихъ Потоцкихъ, хотѣла удержать во всей неприкосновенности старинное устройство и республиканское правленіе Польши, тогда какъ, напротивъ того, такъ-называемая русская партія желала обратить речь-посполитую въ наслѣдственную монархію и совершить многія преобразованія, которыя бы ограничивали своеволіе магнатовъ и сейма, улучшили бы государственное хозяйство и даровали бы странѣ регулярное войско, котораго на всемъ европейскомъ материкѣ не имѣла одна Польша. Предводителями этой партіи были два князя Чарторыйскіе, братья, связанные между собою тѣсною дружбой и которые, благодаря замѣчательнымъ своимъ способностямъ и огромному богатству одного изъ нихъ, пользовались въ странѣ обширнымъ вліяніемъ.

Не взирая однакожь на эти преимущества, во время

царствованія Августа III, они никакъ не могли достигнуть власти. Король лично не любилъ ихъ и преданная ему партія, за одно съ партіей французской, стремилась ограничить ихъ значеніе. Будучи честолюбивы, какъ всѣ способные люди, и понимая, что дальнѣйшія неурядицы сеймовъ, своеволіе магнатовъ и слабость правительства приведутъ къ гибели ихъ отечество, они стали искать, по всегдашнему примѣру политическихъ партій въ Польшѣ, поддержки у одного изъ иностранныхъ дворовъ, и обратились къ Императрицѣ Елисаветѣ, съ правительствомъ которой они и дѣйствительно вступили въ близкія сношенія. Чарторыйскіе очевидно желали сдѣлать русское правительство орудіемъ собственнаго возвышенія и усиленія своего отечества. Это имъ удавалось сначала, но послѣдствія доказали, что если ихъ намѣренія не были разгаданы министрами Елисаветы, которые впрочемъ не обращали большаго вниманія на Польшу, то польскіе патріоты, задумавъ, какъ говорится, загребать жаръ чужими руками, рискнули на очень опасную игру.

Первыя дѣйствія новой Императрицы русской могли ввести въ заблужденіе Чарторыйскихъ. Она оказала имъ сильное содѣйствіе. Узнавъ, что саксонская партія угрожаетъ насиліями и заточеніями членамъ русской партіи, или партіи Чарторыйскихъ, она написала своему посланнику въ Варшавѣ, Кейзерлингу: „Разгласите, что я населю Сибирь моими врагами, спущу на нихъ запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отмстить за оскорбленія, которыя наноситъ имъ король Польскій.“ Именно чего нибудь подобнаго, какой нибудь энергической выходки противъ своихъ враговъ, Чарторыйскіе и добивались отъ Елисаветы. Екатерина сдѣлала совершенно

то, чего они желали. Но они не знали конца депеши, изъ которой взяты вышеприведенныя слова; въ ней было написано: „Епископъ Георгій бѣлорусскій, подалъ мнѣ просьбу отъ имени всѣхъ исповѣдующихъ греческую вѣру, съ жалобами на дѣйствія, которыя они претерпѣваютъ въ Польшѣ. Поручаю ихъ вашему покровительству. Сообщите мнѣ, что̀ нужно для усиленія значенія тамъ *моей* партіи; я не пренебрегу ни чѣмъ для этого“.

Екатерина говорила о *своей* партіи; она слѣдовательно вступалась въ польскія дѣла не какъ покровительница Чарторыйскихъ, не какъ орудіе ихъ видовъ, а какъ защитница православныхъ подданныхъ Польскаго короля, какъ преемница политики Петра I, какъ вѣрная блюстительница правъ, предоставленныхъ русскому правительству Московскимъ договоромъ 1686 года (Вып. I, гл. III). Между Екатериною и Чарторыйскими завязывалась такимъ образомъ великая политическая игра; кто останется побѣдителемъ? они ли сдѣлаютъ русскую политику средствомъ для усиленія Польши, или русская политика принудитъ Чарторыйскихъ послужить для утвержденія своего вліянія въ Польшѣ?

Когда Екатерина предложила своимъ совѣтникамъ обсудить, какъ дѣйствовать по случаю упраздненія польскаго престола, то Бестужевъ, вѣрный старымъ преданіямъ, подалъ голосъ за Саксонскаго принца. Но молодые совѣтники Екатерины выразились въ томъ смыслѣ, какой указанъ былъ относительно политики въ Польшѣ договоромъ Петра III съ Фридрихомъ. Императрица вполнѣ приняла это мнѣніе и вслѣдствіе того, какъ русскій, такъ и прусскій посланники въ Варшавѣ, дали знать кому надлежитъ, что ихъ правительства не допустятъ до польскаго престола никого, кромѣ пяста.

Это объявленіе согласовалось съ видами Чарторый-

скихъ. Если было рѣшено доставить корону не иначе какъ пясту, то ихъ партія надѣялась возложить ее на голову одного изъ членовъ ихъ фамиліи. Екатерина, по соглашенію съ Фридрихомъ, предназначила для этого племянника князей Чарторыйскихъ, молодаго Поньятовскаго, съ которымъ она лично познакомилась во время его пребыванія въ Петербургѣ. Многіе приписываютъ этотъ выборъ пристрастію Екатерины къ Поньятовскому: это несправедливо; она нашла въ немъ всѣ тѣ качества, какихъ могла желать для короля Польскаго, а именно, представительность и привлекательныя формы, соединенныя съ слабостью характера. Такое соединеніе качествъ въ будущемъ государѣ давало поводъ надѣяться, что, сохраняя все внѣшнее достоинство своего положенія, онъ однакожь дозволитъ собою управлять рукѣ, возведшей его на престолъ.

Предпочтеніе оказанное Поньятовскому, не совсѣмъ понравилось его дядямъ, но такъ какъ онъ былъ все-таки свой человѣкъ и какъ они также съ своей стороны надѣялись подчинить его своему вліянію, то и рѣшились употребить всѣ силы своей партіи для поддержанія его кандидатуры.

Между тѣмъ другая партія выставляла своихъ кандидатовъ. Старый гетманъ Браницкій самъ выступилъ на состязаніе и, надо признаться, не безъ вѣроятностей успѣха. На многихъ предварительныхъ, повѣтовыхъ сеймикахъ, гдѣ избираются депутаты, или послы, для отправленія на общій сеймъ, партизаны Браницкаго и Радзивилла одержали верхъ надъ партизанами Чарторыйскихъ; а какъ при этомъ ими совершены были различныя безчинства, то Чарторыйскіе прибѣгли къ обыкновенному въ такихъ случаяхъ средству: потребовали войска у покровительствующаго имъ двора.

Это раздражило приверженцевъ французской партіи; они провозгласили конфедерацію для охраненія независимости страны и избранія; но такъ какъ Франція не могла поддержать ихъ военною силой, то послѣ нѣсколькихъ сшибокъ съ русскими войсками, конфедераты разсѣялись; Браницкій удалился въ свой Бѣлостокскій замокъ, а Радзивиллъ уѣхалъ за границу. Чарторыйскіе остались полными распорядителями судебъ своего отечества и безъ всякаго сопротивленія достигли единогласнаго (какъ требовалъ законъ) избранія въ короли Поньятовскаго, который и былъ провозглашенъ подъ именемъ Станислава (7 августа н ст. 1764 г.).

Избраніе Станислава было огромнымъ торжествомъ для Чарторыйскихъ, и они поспѣшили имъ воспользоваться: не давая, такъ сказать, опомниться сейму, они провели тѣ преобразованія, о которыхъ постоянно мечтали, а именно: уничтожили liberum veto, уничтожили званіе гетмановъ, крайне стѣснявшее власть короля и т. п. Но если избраніе Поньятовскаго было торжествомъ для Чарторыйскихъ, то оно было торжествомъ и русской политики. Оно близко совпадало по времени съ водвореніемъ Бирона въ Курляндіи. Оба эти дѣйствія открывали всякому, хотя нѣсколько проницательному человѣку, что русское вліяніе сдѣлалось снова господствующимъ въ Польшѣ, что въ этомъ отношеніи дѣла пошли тѣмъ путемъ, которымъ они шли при Петрѣ I. (Вып. III, гл. I). Екатерина, какъ кажется, желала, чтобы въ этомъ отношеніи не было никакого сомнѣнія и воспользовалась предпринятою ею въ 1764 году поѣздкой въ Прибалтійскія губерніи, чтобы показать, въ какихъ отношеніяхъ къ русской Имератрицѣ находится вассалъ польской короны, герцогъ Курляндскій. Биронъ выѣхалъ къ ней въ Ригу, и когда она по его ходатай-

ству, согласилась навѣстить его герцогскую столицу, Митаву, то онъ, не взирая на свои 80 лѣтъ и на свою корону, сопровождалъ ея карету верхомъ во всю дорогу; за столомъ его семейство служило Императрицѣ, а когда она, поднявъ бокалъ, провозгласила здоровье новаго герцога и его фамиліи, то всѣ члены этой фамиліи преклонили колѣна.

Поѣздка въ Остзейскія губерніи была первою, которую предприняла Екатерина по своимъ владѣніямъ; впослѣдствіи она совершила ихъ нѣсколько въ разныхъ направленіяхъ, и, со временъ Петра I, никто изъ русскихъ государей, до Екатерины, не посѣтилъ столько мѣстностей. Правда, поѣздки Екатерины ни мало не походили на поѣздки Петра; она совершала ихъ съ большою пышностію; каждый городъ былъ заблаговременно предувѣдомленъ о ея прибытіи, и потому вездѣ приготовлены были ей торжественныя встрѣчи. Остзейскій край подалъ этому примѣръ. Мы впрочемъ не будемъ вдаваться въ описаніе этихъ встрѣчъ, но постараемся лучше выяснить себѣ то положеніе, въ которомъ Остзейскій край находился относительно какъ русскаго правительства, такъ и относительно русскаго народа,—а для этого припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ его исторію.

Эта исторія начинается съ того времени, какъ германскіе рыцари ордена Меченосцевъ прибыли въ нынѣшнія Прибалтійскія губерніи съ цѣлію просвѣтить ихъ христіанствомъ и утвердиться въ немъ на вѣчныя времена. Гросмейстеръ, или предводитель рыцарей, сдѣлался главою края, а рыцари—владѣльцами различныхъ въ немъ участковъ, вмѣстѣ съ поселенными на этихъ участкахъ туземцами. Такимъ образомъ составились два совершенно отдѣльные класса: классъ рыцарей, или дворянъ, и классъ крестьянъ Между рыцарствомъ гер-

нѣмецкаго происхожденія и простонародіемъ-туземцами не было ничего общаго, кромѣ религіи: одни были завоевателями, владѣтелями, другіе рабами; человѣкъ германскаго происхожденія почиталъ себя въ Остзейскомъ краѣ какъ бы существомъ высшаго разряда, къ которому туземецъ могъ приближаться, только отказавшись отъ своего происхожденія и принявши германскій языкъ.

Но этотъ маленькій край съ разнохарактернымъ народонаселеніемъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы образовать изъ себя самостоятельное государство: войны противъ Іоанна Грознаго повергли одну часть Остзейскаго края подъ власть Польскихъ королей, а другую—королей Шведскихъ. Но точно также, какъ Кама, впадая въ Волгу, долго не смѣшиваетъ съ ея водами своихъ водъ и течетъ отдѣльною струей, такъ и остзейское рыцарство избѣгало смѣшиваться съ дворянствомъ Польши и Швеціи; вообще Остзейскій край старался жить особнякомъ отъ государствъ, съ которыми обстоятельства его соединили. Съ своей стороны правительства Польши и Швеціи держались совершенно противоположной политики, тяготились особыми правами порученныхъ имъ провинцій и стремились къ уничтоженію этихъ правъ.

Этою противоположностію стремленій дворянства и городовъ Остзейскаго края и, съ другой стороны, его правительствъ, воспользовалась русская политика. Надо припомнить, что когда заключался между Петромъ I и Августомъ II договоръ о совокупной войнѣ противъ Швеціи, которой въ это время принадлежали Лифляндія и Эстляндія, то было условлено, что Лифляндія, въ случаѣ успѣха, достанется Августу. Но успѣхи союзниковъ были не одинаковы. Августъ потерялъ престолъ и только послѣ Полтавской побѣды былъ возстановленъ

Петромъ. Между тѣмъ, пока Карлъ XII геройствовалъ въ Польшѣ и Германіи, русскія войска заняли большую часть Лифляндіи и Эстляндія. Неужели пришлось бы уступать Августу это дорого стоившее завоеваніе, этотъ театръ первыхъ нашихъ успѣховъ надъ Шведами, съ его морскими берегами, съ Ревельскою крѣпостію и съ Рижскимъ портомъ? Не достачно ли вознаградилъ царь Августа, возвративъ ему польскій престолъ?

Между тѣмъ въ средѣ остзейскаго дворянства начала образовываться партія, которая, тяготясь владычествомъ Швеціи и не желая возвратиться подъ власть Польши, предпочитала подчиниться Россіи, если царь обяжется оставить за краемъ все его прежнее управленіе и старинные его законы. Оградившись такимъ обязательствомъ, Остзейскій край становился дѣйствительно въ очень выгодное положеніе: онъ составилъ бы какъ бы особое государство, защита и покровительство котораго возлагались на Россію. Виды этой партіи были доведены до свѣдѣнія Петра и онъ ихъ одобрилъ. При капитуляціи Риги, торжественнымъ актомъ оставлены были ея уставы и ея управленіе. Тогда остзейскіе города начали сдаваться русскимъ генераламъ одни за другими и весь край присягнулъ Петру.

Пріобрѣтеніе сдѣлано было весьма важное, но въ условіяхъ этого пріобрѣтенія заключались источники многихъ неудобствъ. Это былъ первый случай, что русскій государь вступалъ въ обязательство съ своими подданными. Прибалтійскій край становился въ положеніе привилегированное относительно прочихъ частей имперіи; въ немъ утверждены были права и управленіе совершенно иные, чѣмъ въ остальномъ государствѣ; оффиціальнымъ языкомъ признанъ не русскій языкъ... Согласно ли все это было съ интересами государства? Не

женіе дѣлъ, тѣмъ болѣе пришлось бы русскому народу „отдаться въ руки побѣжденныхъ“.

Чтобы помочь этому, русскому правительству слѣдовало доставить и русскимъ своимъ подданнымъ тѣ же преимущества, которыми пользовались остзейскіе Нѣмцы, то-есть, увеличить средства къ ихъ образованію и предоставить имъ способы практиковаться въ публичныхъ дѣлахъ. Мы увидимъ, что Екатерина много сдѣлала въ этомъ отношеніи.

Поѣздка ея въ Прибалтійскія губерніи происходила лѣтомъ 1764 года. Вездѣ ей были приготовлены пышныя встрѣчи; дворянство цѣлымъ сословіемъ встрѣчало ее на границѣ своей губерніи; въѣздъ ея въ города совершался сквозь тріумфальныя арки; во многихъ мѣстахъ, дѣвицы, одѣтыя въ бѣлыя платья, бросали цвѣты на пути, по которому она проѣзжала и пѣли сочиненныя на этотъ случай куплеты. Между тѣмъ, во время этихъ торжествъ, Екатерина получила извѣстіе, которое глубоко ее встревожило,—а именно о заговорѣ, имѣвшемъ цѣлію освободить принца Іоанна Брауншвейгскаго и о его трагической смерти.

Этотъ несчастный молодой человѣкъ находился, какъ мы знаемъ, (Царст. Ели ., гл. II) въ Шлюссельбургской крѣпости, остальное же его семейство,—отецъ, сестры и братья (мать, бывшая правительница, уже умерла въ это время)—содержалось въ Холмогорахъ, въ тамошнемъ архіерейскомъ домѣ. Вскорѣ, по вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина обратила на нихъ свое вниманіе. Въ ноябрѣ 1762 года она поручила генералу Бибикову отправиться въ Холмогоры, чтобы самолично убѣдиться, какъ содержатся члены Брауншвейгской фамиліи, принять мѣры къ улучшенію ихъ положенія и ознакомиться съ настроеніемъ ума и духа, какъ самого принца

Антона, такъ и его дѣтей. Затѣмъ онъ долженъ былъ предложить принцу полную свободу съ правомъ возвратиться на родину,—но одному, оставивъ на нѣкоторое время своихъ дѣтей въ Холмогорахъ; по важнымъ „статскимъ (государственнымъ) резонамъ" еще не казалось возможнымъ освободить ихъ; но,—сказано было въ инструкціи, данной Бибикову, — „какъ скоро поводъ къ свободѣ ихъ усмотримъ, выпустимъ (ихъ) и къ нему пришлемъ".

Бибиковъ нашелъ Брауншвейгскую фамилію въ крайне печальномъ положеніи. Принцъ, никогда не отличавшійся силою духа, былъ совершенно сломленъ своимъ несчастіемъ; старшая дочь его была глуха и косноязычна, старшій сынъ горбатъ, косолапъ и идіотъ; меньшой не многимъ лучше. Единственнымъ исключеніемъ, перломъ этой несчастной семьи была вторая дочь принца, Елисавета, имѣвшая шестнадцать лѣтъ во время пріѣзда Бибикова, не лишенная ни миловидности, ни природнаго ума, но болѣзненная и, конечно, вовсе не развитая. Такіе люди, очевидно, не могли быть опасны русскому правительству, и Бибиковъ въ такомъ смыслѣ и сдѣлалъ о нихъ представленіе, возвратясь изъ Холмогоръ. Къ несчастію, этотъ молодой генералъ, чрезвычайно пылкій и стремительный, глубоко тронутый притомъ судьбой этого несчастнаго семейства, сдѣлался слишкомъ горячимъ его адвокатомъ, и думая, вѣроятно, возбудить болѣе участія къ нему, сильно превозносилъ принцессу Елисавету. Расчетъ его былъ совершенно не вѣренъ: женщина съ умомъ и характеромъ, какою Бибиковъ представлялъ принцессу, могла возбудить недовѣріе Императрицы, — и оно дѣйствительно возбудилось; а какъ добродушный принцъ Антонъ выразилъ рѣшительное желаніе не разставаться

съ своими дѣтьми, то и все дѣло объ освобожденіи Брауншвейгской фамиліи было оставлено.

Что касается до Іоанна Антоновича, то этотъ несчастнѣйшій изъ всей семьи находился, какъ сказано, въ Шлюссельбургѣ и былъ не въ полномъ умѣ. Но о состояніи умственныхъ способностей принца могло быть извѣстно весьма немногимъ; можно думать, что въ публикѣ ходили совершенно инаго рода о немъ слухи; нѣкоторые иностранные писатели, бывшіе въ Россіи, представляютъ его и способнымъ и красивымъ юношею: вѣроятно, такимъ изображали его тѣ изъ Русскихъ, у которыхъ эти иностранцы о немъ разспрашивали. Во всякомъ случаѣ этотъ таинственный узникъ, такъ высоко рожденный и такъ сильно пораженный судьбою, былъ очень способенъ говорить воображенію и сдѣлаться знаменемъ для недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Мы видѣли, что такимъ знаменемъ бывали даже люди, сошедшіе уже въ могилу,—царевичъ Алексѣй Петровичъ, напримѣръ; ихъ имя принимали на себя смѣлые обманщики; ихъ, такъ сказать, вытаскивали изъ могилы, чтобы мутить умы,—а шлюссельбургскіе казематы все же еще не могила. Случилось, что во время лѣта 1864 года, въ Шлюссельбургѣ занималъ караулъ Смоленскій пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ подпоручикъ Василій Мировичъ. Онъ былъ родомъ изъ Малороссіи; у его дѣда, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, было конфисковано имѣніе, такъ что внукъ зажиточныхъ предковъ сдѣлался бѣднякомъ. Онъ много хлопоталъ о возвращеніи дѣдовскаго имѣнія, но безуспѣшно,—и эти неудачи навели его на мысль возвратить потерянное богатство и вмѣстѣ пріобрѣсть значеніе освобожденіемъ принца Іоанна. Задавшись этою мыслію, онъ съ большимъ искусствомъ и настойчивостію вывѣдалъ всѣ подробности помѣще-

нія шлюссельбургскаго узника, весь порядокъ установленнаго за нимъ надзора и основалъ на нихъ свой планъ дѣйствія. Онъ открылся одному молодому офицеру Ушакову, и оба они дали взаимную клятву дѣйствовать за одно; но это не удалось, потому что Ушаковъ вскорѣ утонулъ. Тогда Мировичъ рѣшился добиться своей цѣли одинъ. Вступивъ въ крѣпостной караулъ съ командою солдатъ, онъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ изъ нихъ и успѣлъ привлечь ихъ къ своему замыслу. Выждавъ, чтобы все въ крѣпости уснуло, въ два часа ночи съ 4-го на 5-е іюня, онъ вдругъ вызвалъ въ ружье свой караулъ, и устремился на стражу, охранявшую плѣнника. Но эта стража встрѣтила его ружейнымъ огнемъ, такъ что караулъ Мировича отступилъ въ безпорядкѣ и между солдатами обнаружилось колебаніе. Мировичъ былъ къ этому приготовленъ; онъ развернулъ составленный имъ отъ имени Императрицы манифестъ, повелѣвавшій будто бы освободить принца, возстановилъ повиновеніе между своими подчиненными, и добывъ между тѣмъ пушку, снова повелъ ихъ въ атаку. Противъ подобнаго натиска стража, находившаяся при Іоаннѣ Антоновичѣ, не могла устоять. Мировичъ съ нѣсколькими солдатами кинулся къ двери, за которою находился принцъ; но одинъ изъ двухъ офицеровъ, охранявшихъ узника, видя себя въ послѣдней крайности и повинуясь данной ему еще, какъ кажется, въ прежнія времена, инструкціи, закололъ несчастнаго. Мировичъ ворвался въ казематъ, и нашелъ вмѣсто принца его трупъ.

Мировичъ былъ арестованъ и преданъ суду, который приговорилъ его къ смертной казни. Императрица не взяла на себя смягчить этотъ приговоръ и казнь была совершена.

Таково было это дѣло, въ настоящее время довольно уже разъясненное. Но нѣкоторыми иностранными писателями оно представляется въ совершенно иномъ видѣ. По ихъ словамъ, Мировичъ былъ ни чѣмъ другимъ, какъ орудіемъ самой Екатерины, которая разъ навсегда желала отдѣлаться отъ этого плѣнника, имя котораго было для нея будто бы вѣчною угрозой, и которая, чтобы скрыть концы, приказала отрубить голову Мировичу. Такому сплетенію злодѣйствъ вообще трудно вѣрится, да притомъ это извѣстіе не выдерживаетъ критики. Принцъ Іоаннъ былъ, говорятъ, вѣчною угрозой для Императрицы; это правда; но со времени его заключенія въ Шлюссельбургѣ и до настоящаго случая мы не знаемъ ни одного покушенія къ его освобожденію; что же вдругъ могло въ такой степени встревожить Императрицу? И не гораздо ли проще было велѣть покончить съ нимъ самимъ его стражамъ, (если допустить, что Императрица была способна на такое дѣло), чѣмъ приплетать къ тому постороннихъ людей и производить огласку? Какія же притомъ основанія имѣются, чтобы предполагать, будто Императрица входилавъ тайныя сношенія съ Мировичемъ? Совершенно никакихъ. Мировичъ былъ незамѣтный, бѣдный офицеръ, остававшійся бѣднымъ и незамѣтнымъ до послѣдней минуты, чего, вѣроятно, не было бы, еслибъ ему было дано такое порученіе, какъ предполагаютъ. Это порученіе, говорятъ, было тайною, которую онъ сохранялъ до самой смерти своей, потому что ему будто бы обѣщано было прощеніе, когда онъ будетъ взведенъ на эшафотъ. Но это опять предположеніе, которое ни на чемъ не основано, и не легко представить себѣ безумца, который согласился бы на такое опасное злодѣйство. Мировичъ не былъ подвергнутъ пыткѣ, настаиваютъ иные,—дока-

зательство, что Императрица его щадила, или боялась его признаній. Дѣйствительно, Мировича не пытали и Государыня сама устранила пытку, которую требовали нѣкоторые изъ слѣдователей; но она точно также настояла, чтобы не было пытки при допросахъ Пугачева, и вообще, этотъ варварскій обычай нашего стариннаго судопроизводства она вездѣ и всегда старалась устранять. Основывать обвиненіе противъ Екатерины на томъ, что она не велѣла поднимать Мировича на дыбу, можетъ только совершенно ослѣпленное предубѣжденіе, или злонамѣренная клевета: покушеніе Мировича было дѣломъ его личнаго сумазбродства, и болѣе ничего.

III.

Положеніе православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ — Король Прусскій выступаетъ въ качествѣ покровителя диссидентовъ.— Ѳеофанъ Леонтовичъ.—Георгій Конисскій. — Князь Репнинъ.— Диссидентскій вопросъ на польскихъ сеймахъ.—Неистовства на Украйнѣ.—Радомская конфедерація.—Арестованіе четырехъ сенаторовъ.—Рѣшеніе диссидентскаго вопроса.—Трактатъ 1768 года.—Барская конфедерація.—Угрожающее положеніе Турціи.— Коліевщина.—Ложный манифестъ.

Мы видѣли, что Императрица въ одной изъ депешъ Кейзерлингу говорила о жалобѣ, поданной ей Георгіемъ Конисскимъ, на притѣсненія, претерпѣваемыя православными подданными Рѣчи посполитой. Это обстоятельство можетъ показаться страннымъ. Русское правительство пользовалось правомъ, даннымъ ему Москов-

скимъ трактатомъ 1686 года, весьма не рѣдко дѣлало представленія польскому, когда до Петербурга доходили подобныя жалобы, и никогда не получало отказа въ своихъ ходатайствахъ. По указанію русскаго двора назначалось тотчасъ же слѣдствіе. Канцлеръ Литовскій, а нерѣдко и самъ король писалъ, приглашая католическое и уніятское духовенство не нарушать свободы совѣсти диссидентовъ, утвержденной основными законами республики и многочисленными сеймовыми конституціями (постановленіями), и тѣмъ не менѣе жалобы православныхъ возобновлялись постоянно. Какъ же объяснить это?

Это объясняется внутреннимъ устройствомъ Польскаго государства. Верховная власть въ немъ была ничтожна и не имѣла никакихъ средствъ заставить подданныхъ повиноваться законамъ, которые имъ почему-либо не нравились,—а всякое снисхожденіе къ схизматикамъ было представляемо Полякамъ католическимъ духовенствомъ какъ преступленіе и грѣхъ. Поэтому на универсалы, присылаемые изъ Варшавы, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, слѣдствія никогда не открывали виновныхъ по жалобамъ иновѣрцевъ, суды никогда не признавали католиковъ виновными противъ иновѣрцевъ. „Когда волкъ съ череды похититъ овцу,—писалъ въ петербургскій синодъ одинъ изъ православныхъ епископовъ бѣлорусскихъ,—куда оному бѣдному пастуху представить жалобы свои? Буде онъ пойдетъ на судъ до товарищевъ ихъ (волковъ), а тамъ не получа сатисфакціи, пойдетъ послѣ до большихъ судовъ, или до самаго трибунала звѣриною сдѣлаетъ апелляцію,—могутъ ли и они дать правосудіе?“ Совершенно въ такомъ же смыслѣ отзывался и архіепископъ Георгій. Польскіе суды, писалъ онъ „разбоя горшіе суть.“

„Въ судахъ ихъ криво судить на нашу сторону не за грѣхъ, но за отпущеніе грѣховъ почитается, понеже, какъ они сами не закрыто твердятъ, искореняется вѣра греко-россійская."

Петръ I, при своемъ огромномъ вліяніи на польское правительство, при силѣ партіи, которою онъ располагалъ, при правѣ медіаціи, которое онъ пріобрѣлъ, могъ до нѣкоторой степени ограждать нашихъ единовѣрцевъ; но со смертію его значительно ослабѣло и наконецъ почти совершенно прекратилось это покровительство. Нѣмецкое министерство Императрицы Анны мало интересовалось положеніемъ русскихъ и православныхъ польскихъ подданныхъ; правительство Елисаветы, особенно во время Семилѣтней войны, слишкомъ дорожило дружбою Польши, чтобъ настаивать на томъ, что̀ этой последней было непріятно; но какъ между тѣмъ проницательнѣйшимъ между Поляками, и особенно тамошнему духовенству было ясно, что въ данную минуту Россія можетъ воспользоваться вліяніемъ, которое она имѣетъ на русское Заднѣпровье, то со второй четверти XVIII вѣка, именно въ то самое время, когда во всей Европѣ распространилось понятіе о вѣротерпимости, въ польской республикѣ стали усиливаться гоненія противъ *диссидентовъ* (иновѣрцевъ); въ странѣ, гдѣ каждый шляхтичъ пользовался такими правами, какихъ не имѣли граждане самыхъ свободныхъ странъ, диссиденты мало-по-малу лишены были права занимать какія-либо должности и принимать малѣйшее участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Великимъ представителемъ въ Европѣ принципа вѣротерпимости былъ Фридрихъ II. Онъ доставилъ полное торжество этому принципу въ своихъ владѣніяхъ и покровительствовалъ угнетеннымъ за свои религіозныя вѣрованія

во всѣхъ странахъ. Протестанты, проживавшіе въ католическихъ государствахъ, видѣли въ немъ своего покровителя. Ему удалось въ Германіи и даже во владѣніяхъ русской Императрицы оказать защиту лютеранамъ противъ католическаго изувѣрства. Эти случаи сдѣлались извѣстны въ Польшѣ. Тамошніе протестанты попробовали просить его заступленія, и оно оказалось дѣйствительнымъ. Это сдѣлало его между ними чрезвычайно популярнымъ. Они пріободрились и рѣшились дать отпоръ притѣснителямъ. Но понимая, что при этомъ борьба должна быть жестокая, и желая подкрѣпить себя новыми союзниками, они обратились къ православнымъ и стали приглашать ихъ, соединясь, стать подъ покровительство могущественнаго Прусскаго короля.

Еслибъ это предложеніе было принято и русскія воеводства обратились за помощію къ Фридриху, едва ли Россіи удалось бы когда-нибудь возсоединить ихъ съ собою, и историческая роль нашего отечества, обреченнаго на вѣкъ укрываться за Днѣпромъ, была бы ничтожна. Мы можетъ быть навсегда сдѣлались бы полуазіятскимъ государствомъ. Преобладающее вліяніе на сѣверовостокѣ Европы получила бы Пруссія; начало, положенное Петромъ, осталось бы безъ послѣдствій. Эту опасность, которую съ такою удивительною слѣпотой не видѣли министры Императрицы Елисаветы, понялъ простой и мало извѣстный монахъ, игуменъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря Ѳеофанъ Леонтовичъ. Въ донесеніи, поданномъ Синоду, онъ писалъ, что бѣлорусскіе и литовскіе протестанты зазываютъ православныхъ, соединясь съ ними, просить покровительства Прусскаго короля. Что подобное приглашеніе сдѣлано было между прочими ему, Леонтовичу, но что онъ не

рѣшается искать иной защиты, кромѣ прирожденныхъ своихъ государей и единовѣрной страны; что въ тѣхъ же чувствахъ онъ надѣется удержать свою виленскую паству, но что между тѣмъ считаетъ долгомъ предупредить синодъ и русское правительство. „Если сему не спокойному и хитрому государю, писалъ онъ про Фридриха, удастся въ польской области, по намѣренію его, не только протестантскаго, но и греческаго закона людей защитить и ихъ въ первобытное всѣхъ чиновъ и преимуществъ состояніе привесть, то отсюда легко можно заключить, какія онъ, король, по извѣстнымъ Польскаго самовольнаго, непостояннаго, непримирительнаго и неклятвохранительнаго народа правамъ всегда себѣ авантажа, а сосѣднимъ государствамъ пакости, безъ всякихъ искуповъ и трудовъ причинить можетъ.“ Онъ писалъ кромѣ того, что коренное народонаселеніе жаждетъ полнаго присоединенія къ Русской Имперіи, и что „тако Россійскому нашему государству можно будетъ на 600 верстъ самой лучшей и плодоноснѣйшей земли съ безчисленнымъ православнымъ народомъ предъ всѣмъ свѣтомъ праведно и правильно у Поляковъ отобрать.“

Это была, сколько извѣстно, первая мысль о возсоединеніи Западнаго края. Она не обратила однакожь на себя ни малѣйшаго вниманія. Иностранная коллегія, которою тогда управлялъ графъ Воронцовъ и которой донесеніе Леонтовича было сообщено, нашла, что опасенія его насчетъ Пруссіи суть химеры, и что подобныя внушенія могутъ только поссорить Россію съ Польшей, почему и настояла, чтобъ Леонтовичъ былъ отозванъ изъ Вильны.

Обстоятельства измѣнились, когда на престолъ вступила Екатерина. Первая послѣ Петра великаго она поняла, какое важное орудіе въ рукахъ русской полити-

ки были польскіе диссиденты. Прибывшій на ея коронацію Георгій Конискій подалъ ей обширную записку, въ которой изображалъ невыносимыя притѣсненія, испытываемыя его паствой, (*) и убѣдительно просилъ о

(*) Въ то самое время, какъ Георгій Конискій находился въ Москвѣ, пользуясь его отсутствіемъ, въ Могилевъ — его мѣстопребываніе — явилась католическая миссія для обращенія тамошнихъ православныхъ. Разсказъ о ея дѣйствіяхъ такъ оригиналенъ и интересенъ, что не неумѣстно, кажется, будетъ передать здѣсь его съ нѣкоторою подробностію. По требованію миссіонеровъ, мѣстныя власти распорядились согнать въ назначенный день крестьянъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень на городскую площадь, посреди которой были приготовлены амвоны для проповѣдниковъ. Явилось нѣсколько ксендзовъ, и проповѣдь началась. Доказывали, что католическая вѣра есть лучшая вѣра и даже одна, угодная Богу; «не буду я говорить, воскликнулъ одинъ изъ монаховъ: апостолъ Павелъ сказуетъ»...

«И читалъ апостола Павла, сказуя: *что ни до кого не писалъ Посланій апостолъ Павелъ, какъ только къ Римлянамъ*. Хотя (хотѣлъ бы я) съ вами веселитися и радоватися, что вѣра ваша слышится на всемъ свѣтѣ, но нѣтъ! и не сыщете, чтобъ гдѣ было написано до благочестивыхъ (православныхъ) отъ Павла ли и отъ другаго апостола: то уже явно, что наша вѣра римская—истинная и святая, а благочестивая есть заблуждающая, которую Могилевцы держатъ. Прочтитежъ всѣ правовѣрные католики за сихъ благочестивыхъ три раза *Богородице дѣво*, чтобъ даръ Духа Святаго приняли и вѣру римскую истинную познали.!

«Слушайтежъ, благочестивые! Которую вѣру Господь Богъ любитъ, ту и распространяетъ. Вотъ вѣра наша римская гдѣ есть, изъясню вамъ: во Франціи, въ Гишпаніи, въ Португаліи, въ Цесаріи, въ Италіи, въ Римѣ, въ Индіи *подземной*. Се есть вѣра истинная—въ небесѣ, на землѣ *и подъ землею* А благочестивая вѣра только въ семъ *окаянномъ* городѣ Могилевѣ, гдѣ быть сей всѣ права и привиллегіи польскія возбраняютъ; да еще обрѣтается въ Москвѣ сія же заблуждающая вѣра; а посмотритежъ, что и тамъ прежде ста и нѣсколько-на-десятъ лѣтъ какая была вѣра, ежели не унія святая, поневе и *Филиппоецы* (раскольники) не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ (москвичей) заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются

скорѣйшей и энергической защитѣ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ письма, которыя онъ получалъ отъ представителей польскихъ протестантовъ, не перестававшихъ прельщать православныхъ надеждами на могущественную за-

---

въ Польшѣ!»... «А къ тому жь читалъ я въ книгахъ русскихъ, въ Москвѣ напечатанныхъ, что Петръ святый *крестилъ Пресвятую Дѣву Марію*... О какоежь то заблужденіе, которое заблужденіе какъ небеса терпятъ! ..

«Вспомните, продолжалъ проповѣдникъ, какъ въ то время былъ счастливъ городъ, когда въ уніи пребывалъ! Но какъ отобрано, заразъ явно сказнилъ Богъ цѣлый городъ и церкви. Вотъ то явная была месть Божія на васъ! Однакожь вы не разсуждаете и того отступничества и заблужденія держитесь.»

Затѣмъ проповѣдникъ сталъ указывать на то, что все что̀ есть наилучшаго между жителями Бѣлоруссіи, придерживается католичества, тогда какъ, напротивъ, православія держится лишь чернь и голь.

«Пойдемъ къ чернецкимъ попамъ (монахамъ?); какая ихъ фамилія? Всѣ суть нищуки! А у насъ въ истинной вѣрѣ, сенаторы, королевичи въ монашествѣ суть! Не лучшая ль наша вѣра, что въ нашей вѣрѣ всѣ сенаторы, господа, а въ вашей вѣрѣ ни единаго нѣтъ теперь? Хотя нѣкоторые и были вашей вѣры, но просвѣщеніемъ Духа Святаго всѣ оставили сію злую вѣру и на истинную римскую превратились. О подай и вамъ Боже даръ сей Духа Святаго въ сердца ваши! Сами можете знать, благочестивые, что ни единаго нынѣ господина не найдете такъ въ Польшѣ, яко и въ Коронѣ, въ сей заблужденной вѣрѣ пребывающаго; только единъ сей городъ окаменный пребываетъ въ своемъ упрямствѣ. Не лучшая ль наша вѣра, что у насъ разные суть законы и ксендзы, и всякій имѣетъ свою власть и провинцію, а у васъ только едины черцы да попы? Пойдемте до святыхъ. Что и исчислить нельзя, всѣ у насъ суть, ибо якъ вы отступили отъ вѣры святыя уніи, то, бросивши Грецію пришли къ намъ и по разнымъ городамъ опочиваютъ. Знаете Николая Святаго? въ Барѣ лежитъ, отъ благочестивыхъ вышедши. Такожъ Іоаннъ Златоустый; Василій Великій почиваютъ въ Римѣ; а у васъ которые суть, то еще за унію стали святыми!... По отступничествѣ отъ вѣры святой, якъ много померло въ городѣ Могилевѣ поповъ, чернецовъ,—а ни единаго святаго не имѣете. А у насъ во многихъ обще-

щиту короля Прусскаго. Екатерина вызвала въ Москву Леонтовича изъ Кіева, гдѣ онъ находился подъ началомъ, и эти два знаменитые борца за русское дѣло въ Польшѣ, повидимому, окончательно разъяснили его Им-

---

жительствахъ и монастыряхъ опочиваютъ святые. Вотъ много имѣете церквей, а ни единаго святаго не имѣете. Также и Пресвятая Дѣва: гдѣ больше чудесъ творитъ, ежели не въ нашихъ костелахъ и церквахъ? какъ-то; Пресвятая Богородица Бялницкая, Хвощовская, Ченстоховская, Журовицкая,—которыхъ и исчислить не могу, ибо Пресвятая Богородица знаетъ, которая вѣра есть свята и пріятна Богу, и въ той чудеса творитъ. Слышите, возлюбленніи благочестивые, что вамъ представлялъ, якъ то Господь Богъ нашу вѣру любитъ и въ ней чудеса творитъ. Еще вамъ изъясню, любезніи благочестивые. заблужденіе вѣры вашей, которой Господь Богъ ненавидитъ»....

Подобное кощунство продолжалось долго; здѣсь приведено лишь нѣсколько выдержекъ изъ донесенія, полученнаго архіепископомъ Георгіемъ о томъ, что совершалось безъ него въ Могилевѣ. Оглушенные, запуганные крестьяне, разумѣется, лишь молчаніемъ отвѣчали на всѣ вопросы и на всѣ безстыдныя лжи проповѣдниковъ. Затѣмъ миссіонеры, сойдя съ своихъ амвоновъ, велѣли имъ послѣдовать за собою въ костелъ и повторять слѣдующій гимнъ.

Былись мы въ косціелѣ, а вшистко (все) то для Ціебіе,
Штобъ мы были въ ніебѣ,
Боже, Боже нашъ, Боже Боже нашъ.
Слыхались мы ніешпору, а вшистко-то для Ціебіе
А жебысь мы были въ ніебѣ,
Боже, Боже нашъ, Боже Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Христа щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Боже Боже нашъ.
Дзятки, ча любиця вы Пречыстую щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Боже Боже нашъ.
Дзятки, ци любиця вы Іосипа щира?
Любимъ Боже Боже нашъ, любимъ Боже Боже нашъ.
Дзяцки, ци любиця вы Якима щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Боже Боже нашъ.
Дзятки, ци любиця вы Іоану щира?
Любимъ, Боже Боже нашъ, любимъ Боже Боже нашъ.

ператрицѣ. Надо думать, что она подала имъ большія надежды; иначе Георгій Конисскій не могъ бы сдѣлать такого торжественнаго заявленія, какое онъ сдѣлалъ въ своей знаменитой проповѣди при коронаціи. Во всякомъ случаѣ, онъ прямо изъ Москвы былъ отправленъ въ Варшаву, гдѣ, въ совѣщаніяхъ съ новымъ посланникомъ русскимъ, княземъ Репнинымъ, разработалъ такъ-называемый *диссидентскій вопросъ*, долженствовавшій рѣшить паденіе Польши.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, которому досталось играть такую видную роль въ судьбахъ Польши и Россіи, котораго польскіе историки представляютъ какимъ-то изступленнымъ дикаремъ, былъ молодой человѣкъ, не имѣвшій полныхъ 30 лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Варшаву. Будучи коротко знакомъ съ королемъ Станиславомъ еще во время пребыванія этого послѣдняго въ Петербургѣ, онъ съ самаго своего прибытія къ новому своему назначенію занялъ при польскомъ дворѣ чрезвычайно видное мѣсто, а изящная его внѣшность и жажда къ удовольствіямъ сдѣлали его кумиромъ польской молодежи обоего пола. Но эти свѣтскія преимущества не исключали въ Репнинѣ весьма серіознаго ума, способнаго къ усидчивому труду, и чрезвычайно настойчивой воли, — качествъ, которымъ диссидентскій вопросъ не замедлилъ открыть самое широкое поприще.

Весьма сильное ходатайство за диссидентовъ, какъ православныхъ, такъ и лютеранъ, представлено было Репнинымъ сейму польскому въ 1765 году. Король, по чувству справедливости и человѣколюбія, расположенъ былъ къ представленію Репнина; примасъ королевства также. Но чтеніе этого предложенія вызвало со стороны пословъ (депутатовъ), заранѣе настроенныхъ духовен-

ствомъ, страшнѣйшую бурю. „Въ моемъ присутствіи, писалъ Станиславъ Императрицѣ, едва не умертвили примаса.“ Ходатайство русскаго двора было отвергнуто, и притомъ съ такимъ единодушіемъ, что оно устрашило короля. Чарторыйскіе еще прежде сейма начали обнаруживать холодность Репнину и тайно возбуждали пословъ противъ его предложенія.

Такимъ образомъ единственные союзники, на которыхъ онъ надѣялся, его оставили. Что же было дѣлать? Оставить диссидентовъ на жертву еще болѣе усилившемуся противъ нихъ раздраженію? Предоставить королю Прусскому овладѣть диссидентскимъ вопросомъ? Показать слабость русскаго правительства и, можетъ быть, навсегда лишить его вліянія на русское заднѣпровье? Никогда подобная мысль не могла представиться Екатеринѣ и никто не осмѣлился бы сдѣлать ей подобное предложеніе, — да притомъ гоненія, воздвигнутыя на нашихъ единовѣрцевъ, въ это самое время усилились до нестерпимой степени, и вопли милліоновъ требовали отъ русской Императрицы скорой и сильной защиты.

Мы выше видѣли, какъ производилось обращеніе православныхъ въ унію, въ Бѣлоруссіи; тутъ былъ обманъ, тутъ было кощунство, но не было явнаго, грубаго насилія и жестокости, потому что запуганные Бѣлоруссы не были способны къ сопротивленію. Совершенно другой характеръ имѣла пропаганда на Украйнѣ; энергическій народъ малороссійскій можно было заставить отступиться отъ отцовской вѣры лишь силою,— и сила была употребляема. На Украйну нахлынули, такъ же какъ на Бѣлоруссію, толпы миссіонеровъ, но они явились въ сопровожденіи жолнеровъ (солдатъ). „Впереди ихъ, именно въ сочиненіи, заимствованномъ изъ современныхъ

актовъ, ѣхали инструкторы и инстигаторы; за ними козаки отъ губернаторовъ и коммиссаровъ; позади—отрядъ жолнеровъ полковника Воронича. Мокрицкій (викарій уніятскаго митрополита) указывалъ путь, давалъ ординансы и производилъ судъ; Вороничъ казнилъ непокорныхъ (т. е. не хотѣвшихъ принимать унію). Въ самое непродолжительное время до ста священниковъ было изгнано изъ приходовъ, домы ихъ разорены, имущества разграблены, жены и дѣти преданы поруганію или скитались въ ужасной нищетѣ; а тѣхъ изъ нихъ, которыя попадались въ руки Мокрицкаго, тиранили всячески, остригали имъ волосы, забивали въ колодки и отправляли въ Радомыслъ; тамъ ихъ били немилосердо, давали по 600 и по 800 ударовъ и въ тяжелыхъ оковахъ заставляли тачками возить землю на валъ, или же отправляли въ тягчайшую работу въ Кадню и Львовъ." Народъ съ ужасомъ разбѣгался при появленіи миссій, взывалъ о защитѣ къ королю и къ русской Императрицѣ,—но это-то пуще и раздражало монаховъ. Предавая истязаніямъ тѣхъ, которымъ не удавалось скрыться, они, какъ записано въ старыхъ актахъ, приговаривали при каждомъ ударѣ; „се за императрицу, се за короля, за святѣйшій Синодъ, за архиреи и за вся православные христіаны!"

О всѣхъ этихъ ужасахъ Императрица знала и изъ донесеній мѣстнаго духовенства синоду и изъ челобитій нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ, чтобы молить ее о заступленіи. Видя въ то же время упорство польскихъ сеймовъ, она рѣшилась сломить это упорство и предписала князю Репнину возобновить свое предложеніе на слѣдующемъ сеймѣ, къ которому вызвать какъ можно болѣе диссидентовъ въ Варшаву, съ тѣмъ чтобъ, если предложеніе снова

не пройдетъ, то возбудитъ между диссидентами конфедерацію, при пособіи русскихъ войскъ. Сеймъ 1766 года, подобно предшествующему, отвергъ предложеніе о диссидентахъ. Тогда диссиденты сконфедеровались,—православные въ Слуцкѣ, а протестанты въ Торнѣ, — и объявили въ обнародованныхъ ими универсалахъ, что, не въ состояніи будучи достигнуть признанія законныхъ своихъ правъ иначе, какъ силою, они рѣшаются добиваться ихъ вооруженною рукой.

Диссиденты, особенно православные, принадлежа большею частію къ низшимъ классамъ, нуждались въ вождяхъ и представляли въ дѣйствительности довольно незначительную конфедерацію. Но конфедерація, чѣмъ бы она ни была вызвана и противъ кого бы ни была направлена, всегда имѣла силу электризовать Поляковъ. Вслѣдъ за Слуцкою и Торнскою конфедераціями возникло множество другихъ въ различныхъ мѣстахъ и съ совершенно различными цѣлями: однѣ провозглашали низверженіе Чарторыйскихъ, другія требовали низложенія короля; многія объявляли, что онѣ вооружились для возстановленія liberum veto и древнихъ законовъ республики,—но всѣ эти конфедераціи одинаково были нерасположены къ дарованію правъ диссидентамъ. Не взирая однакожъ на всю очевидную разрозненность этихъ мелкихъ возставшихъ группъ и на ихъ непріязнь къ видамъ русской политики, Репнину удалось, пользуясь общимъ имъ всѣмъ желаніемъ шума и движенія, овладѣть ими всѣми, стать, такъ сказать, въ центрѣ ихъ и, наконецъ, связать ихъ въ одну общую конфедерацію, извѣстную подъ именемъ Радомской и направленную противъ новыхъ порядковъ, установленныхъ Чарторыйскими. Ему удалось даже больше: онъ достигъ того, что король примкнулъ къ этой конфеде-

раціи, направленной противъ его правительства и что она потребовала покровительства и помощи Россіи.

Но главная цѣль русскаго правительства, возстановленіе правъ диссидентовъ, далеко не была достигнута. Католическое духовенство, благословляя своихъ согражданъ на междоусобіе, не переставало между тѣмъ возбуждать ихъ противъ малѣйшихъ уступокъ диссидентамъ; Репнинъ могъ достигнуть того, что одна часть націи вооружилась противъ другой, призвала иностранное войско и провозгласила своею защитницей ту, которую единогласно почитала опаснѣйшимъ врагомъ Польши; но стоило Репнину заикнуться о вѣротерпимости, — и все отъ него отшатывалось. Можно было ожидать, что съ нимъ повторится то, что было съ Чарторыйскими, такъ не осторожно призвавшими участіе Россіи въ польскихъ междоусобіяхъ: и онъ, казалось, вызвалъ силу, съ которою не будетъ въ состояніи совладать. Главное мѣстопребываніе конфедераціи было между тѣмъ переведено въ Варшаву, гдѣ открытъ былъ сеймъ. Думая устрашить оппозицію, Репнинъ выпросилъ у короля повелѣніе арестовать одного изъ шляхтичей, Кожуховскаго, наиболѣе шумѣвшаго, —что и было исполнено русскою военною командой. Это случилось наканунѣ открытія сейма 1767 года. Извѣстіе объ арестованіи одного изъ пословъ, составлявшемъ прямое нарушеніе закона о неприкосновенности членовъ сейма, мгновенно разнеслось по городу и послы, съѣхавшіеся къ своему маршалу, князю Радзивиллу, шумѣли и гремѣли саблями, требуя удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное имъ всѣмъ въ лицѣ одного изъ своихъ собратовъ. Многочисленное собраніе находилось въ неописанномъ волненіи, когда къ крыльцу подъѣхала карета, — карета Репнина. Нѣкоторые изъ при-

... неположенные къ нему. послѣ-
... ждая его не входить въ
... вошли они. нельзя было
... опасности, что могло быть спра-
... что всякому человѣку съ
... посланнику великой держа-
... Репнинъ вошелъ. Его
... взрывъ криковъ, угрозъ.

... въ свою очередь
... думъ заведу, который будетъ

... Тогда Репнинъ объяснилъ,
... католической религіи,
... свой законъ, сказалъ онъ, не
... отнимайте у другихъ при-
... разъ.

... слова; раздались требова-
... арестованнаго шляхтича.

... ничего не сдѣлаю, отвѣ-
... ничего не возьмете: просите
... порядочнымъ образомъ: тогда мо-
... удовольствіе."

... къ Репнину и выразилъ ему
... освобожденіи Кожуховскаго; же-
ло...
движ... профессоромъ
центр... наглядно изобра-
конфед... находились между собою
направлен... конфедерація; она очевидно
ныхъ Чарт... руки и совершенно перемѣ-
достигъ того ... засѣданіе сейма биску-
... себя рѣшительными

противниками всякихъ сдѣлокъ съ диссидентами; они заранѣе протестовали противъ могущихъ послѣдоватъ въ этомъ смыслѣ рѣшеній сейма; двое графовъ Ржевускихъ возбуждали къ вооруженному сопротивленію настояніемъ Репнина, и провозглашали измѣнникомъ самого короля, поддерживавшаго, больше впрочемъ для вида, русскую политику. О миролюбивомъ разрѣшеніи диссидентскаго вопроса нечего было слѣдовательно и думать. Видя это, Репнинъ рѣшился, какъ говорилъ онъ „завести такой шумъ,“ который принудилъ бы сеймъ смолкнуть. Онъ настоялъ, чтобъ король сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Солтыка, Залусскаго и двухъ Ржевускихъ,—распоряженіе, которое было немедленно исполнено русскими офицерами

Эта мѣра была дѣломъ неслыханнымъ въ Польшѣ. Она произвела сильнѣйшее негодованіе, но и вмѣстѣ навела и величайшій страхъ. Всѣ увидѣли, что Репнинъ имѣетъ намѣреніе и рѣшимость довести диссидентскій вопросъ до конца во что бы то ни стало. Сеймъ мгновенно притихъ и, безъ всякихъ возраженій, принялъ все, что было ему предложено Репнинымъ. Всѣмъ диссидентамъ, какъ православнымъ, такъ и лютеранамъ, предоставлены были тѣ же самыя права, какими пользовались католики; liberom veto, дорогое для Поляковъ, было возстановлено (хотя и не вполнѣ); во внутреннемъ управленіи республикою допущены были нѣкоторыя изъ мыслей Чарторыйскихъ, доставлявшія правительству болѣе силы. А чтобы всѣ эти постановленія оставались не на бумагѣ только, но обратились въ дѣйствительность, республика заключила съ русскимъ правительствомъ дружественный трактатъ, по которому Россія принимала на себя наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленій послѣдняго сейма. Этотъ

трактатъ былъ подписанъ въ началѣ 1768 года. Вполнѣ и справедливо довольный своимъ успѣхомъ Репнинъ поспѣшилъ сдѣлать распоряженіе о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, чтобы видомъ ихъ не раздражать побѣжденныхъ.

Итакъ, цѣль была достигнута. Фридрихъ II, бывшій во все это время неизмѣннымъ нашимъ союзникомъ, упрекалъ Екатерину, что она допустила усиленіе правительственной власти въ Польшѣ и устраненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ liberum veto, что̀ дѣлало, говорилъ онъ, Польшу болѣе сильною, чѣмъ этого требовали выгоды Пруссіи и Россіи; тѣмъ не менѣе можно сказать, что успѣхъ русской политики былъ полнѣйшій. Она получила совершенное господство въ Польшѣ, господство несравненно большее, чѣмъ оно было даже при Петрѣ I; правительство польское поставлено было въ полную зависимость отъ русскаго и, что еще гораздо важнѣе, половина народонаселенія республики должна была видѣть въ русской Императрицѣ свою благодѣтельницу. Такъ представляется дѣло съ русской точки зрѣнія. Но ставши на точку зрѣнія Поляковъ, оно представится совершенно въ иномъ видѣ. Они, можно сказать, лишились своей политической независимости,— и негодованію ихъ какъ противъ русской политики, такъ и противъ короля и сейма не было мѣры.

Къ чести Поляковъ XVIII вѣка надо сказать, что они въ данномъ случаѣ не ограничились одними жалобами. Едва сеймъ утвердилъ законодательный актъ и гарантію Императрицы, едва лишь сдѣлано было распоряженіе о выводѣ русскихъ войскъ, какъ въ м. Барѣ (нынѣшней Подольской губерніи) провозглашена конфедерація. Универсалъ, подписанный маршалами Красинскимъ и Пулавскимъ, выражалъ

сильный протестъ противъ слабости сейма, противъ малодушія короля, притивъ покровительства Россіи и призывалъ Поляковъ къ оружію во имя религіи и свободы отечества. Всѣ окрестные помѣщики кинулись въ Баръ, клялись умереть за вѣру и отечество и обязывались склонять къ тому же и другихъ. Въ нѣсколько дней воззваніе Пулавскаго и Красинскаго облетѣло всю Польшу, вездѣ возбуждая энтузіазмъ и надежду. Со всѣхъ сторонъ въ Варшаву, одно за другимъ, приносились извѣстія о конфедераціяхъ: изъ краковскаго воеводства, сь границъ Пруссіи, изъ Литвы, съ Волыни. Близь Новоконстантинова, отрядъ конфедератовъ напалъ на казачій отрядъ, слѣдовавшій къ нашимъ границамъ и между ними произошла стычка, окончившаяся смертію нѣсколькихъ человѣкъ, съ той и другой стороны.

Какое положеніе при этомъ приметъ польское правительство? Не вздумаетъ ли оно опереться на народное движеніе, чтобъ сбросить съ себя зависимость отъ Россіи? Чарторыйскіе были не прочь отъ этого способа дѣйствій, но другіе приближенные короля успѣли убѣдить его, что конфедерація угрожаетъ его престолу и что единственное средство спасенія заключается въ тѣснѣйшемъ еще сближеніи съ Россіей. Эти внушенія превозмогли; совѣтъ королевскій обратился къ Репнину съ просьбою оказать содѣйствіе къ подавленію безпорядковъ, такъ какъ Императрица только-что гарантировала новое законодательство и новое внутреннее устройство Польши. Такимъ образомъ Россія была втянута въ польское междоусобіе; польское правительство приглашало ее принять вооруженное участіе во внутреннихъ дѣлахъ страны и какъ бы складывало на націю отвѣтственность за пролитую кровь Русскихъ. Многіе

иностранные писатели приписывають вмѣшательство Императрицы въ польское междоусобіе ея честолюбію, или по крайней мѣрѣ увѣряють, что она обрадовалась случаю снова ввести свои войска въ польскія владѣнія. Это несправедливо. Она желала, чтобъ руское вліяніе въ этой странѣ было преобладающимъ, и трактатъ 1768 года видимо соотвѣтствовалъ этому желанію; но о завладѣніи частію польской территоріи она еще не думала въ то время, а вести войну безъ положительныхъ выгодъ для Россіи не могло входить въ ея разсчеты. Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ вело рѣчьпосполитую къ погибели. Раздоры ея внутреннихъ партій вызывали вмѣшательство сосѣднихъ правительствъ; эти партіи сами приглашали то руское, то пруское правительство придти къ нимъ на помощь; королевская власть не въ состояніи была ихъ уравновѣсить и подчинить себѣ; нація не обнаружила ни довольно благоразумія, чтобъ управиться съ собственными дѣлами, ни довольно энергіи и патріотизма, чтобы, по крайнрй мѣрѣ въ минуту опасности, позабыть свои распри и дружно стать противъ внѣшняго врага. Мы увидимъ, что барскіе конфедераты высказали гораздо болѣе патріотизма въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ, нежели въ дѣйствіяхъ, и что точно также, какъ и ихъ противники, они не въ самихъ себѣ, а все-таки въ чужой помощи искали спасенія противъ Россіи.

Въ возбужденіи Барской конфедераціи болѣе всего участвовали Римъ и Франція. Но папа не имѣлъ средствъ оказать Польшѣ дѣйствительную помощь, а Франція была слишкомъ отдалена и желала, по крайней мѣрѣ до времени, не принимать непосредственнаго участія въ борьбѣ между Россіей и конфедератами. Она совѣтовала этимъ послѣднимъ искать содѣйствія Тур-

ціи и весьма настойчиво убѣждала Порту поддержать Польшу противъ Россіи. Если вы дадите Россіи, твердилъ французскій посолъ совѣтникамъ султана, утвердиться въ Польшѣ, или овладѣть нѣкоторыми ея областями, то за тѣмъ очередь дойдетъ и до васъ. *Московитское* честолюбіе не насытно!... Эти внушенія, сопровождаемыя подарками и ласкательствами, не остались безъ послѣдствій. Турецкое правительство, нѣсколько разъ еще до заключенія трактата 1768 года, требовало, и притомъ довольно непріязненнымъ тономъ, чтобъ русскія войска были выведены изъ Польши, а между тѣмъ предводители партіи недовольныхъ, или французской партіи, вели въ Константинополѣ переговоры весьма подозрительнаго свойства. Когда же вспыхнула Барская конфедерація, то ея предводители получили и деньги и оружіе частію отъ Турціи, частію отъ Франціи. Турецкое правительство дѣлало еще видъ, что устраняется отъ прямаго участія въ польскія дѣла, но пограничные паши явно покровительствовали конфедератамъ, въ рядахъ которыхъ наконецъ не замѣдлили явиться цѣлыя толпы татаръ,—турецкихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вмѣшательство наше въ польскія дѣла угрожало намъ не малыми затрудненіями въ самой Польшѣ и разрывомъ съ Турціей. Но въ то же время на встрѣчу этимъ опасностямъ поднималась сила еще болѣе грозная, — народное возстаніе на Украйнѣ, и страшный набѣгъ *гайдамаковъ*, или запорожскихъ удальцовъ.

Въ Смѣломъ, одномъ изъ кіевскихъ имѣній князя Любомирскаго, обнаружилось волненіе. Оно было усмирено и не имѣло прямыхъ послѣдствій; но тайное волненіе продолжалось. Народъ цѣлыми толпами уходилъ въ Запорожье, откуда, въ свою очередь, чаще прежняго

стали появляться мелкія шайки гайдамаковъ, и, два года спустя, въ томъ же м. Смѣломъ неожиданно явилось человѣкъ двѣсти Запорожцевъ, которые, собравъ около себя толпу народа, кликнули ихъ вмѣстѣ съ собою истреблять пановъ, ксендзовъ и жидовъ.

Предводителемъ Запорожцевъ, появившихся въ Смѣлянщинѣ, былъ Максимъ Желѣзнякъ, — казакъ зажиточный и который имѣлъ въ Запорожьѣ свой хуторъ; но бывалъ въ немъ рѣдко; онъ чаще куда-то исчезалъ, пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, не рѣдко возвращался съ добычею и деньгами, а иногда и съ лишнимъ рубцомъ на лбу. Гдѣ онъ скитался, гдѣ гайдамачилъ — никто не могъ сказать: безъ сомнѣнія въ польскихъ владѣніяхъ, вѣроятно въ турецкихъ, а можетъ быть и въ русскихъ.

На кличъ Желѣзняка мгновенно собралось нѣсколько тысячъ окрестныхъ крестьянъ, и замокъ князя Любомирскаго въ Смѣломъ былъ разграбленъ, экономы и управляющіе перебиты, евреи, арендовавшіе его корчмы и мельницы, перевѣшаны, костелы обобраны. Порѣшивъ здѣсь, Желѣзнякъ двинулся далѣе; вездѣ къ нему прибывали новыя толпы вооруженныхъ крестьянъ, вездѣ дворяне, ксендзы, евреи, мелкая шляхта разбѣгались съ ужасомъ. Многіе спѣшили укрыться за стѣнами крѣпостцы, принадлежавшей графу Потоцкому, воеводѣ кіевскому, — Умани. Въ Умани было 32 пушки; въ распоряженіи ея *губернатора* (т. е. управляющаго) было нѣсколько ротъ собственныхъ войскъ, воеводы и нѣсколько тысячъ казаковъ. Но эти казаки были не надежными защитниками: одинъ изъ ихъ сотниковъ, Гонта, вступилъ въ сношенія съ Желѣзнякомъ и безъ труда склонилъ на свою сторону все уманьское казачество.

Расчитывая на эту помощь, Желѣзнякъ смѣло двинулся къ Умани. Ни *губернаторъ*, ни пришельцы, сбѣ-

жавшіеся въ эту крѣпость передъ грозою, надвигавшеюся отъ Смѣлаго, не полагали, чтобы сбродъ казаковъ и крестьянъ рѣшился сдѣлать покушеніе противъ Умани; скорѣе съ любопытствомъ, нежели со страхомъ, они поспѣшили на крѣпостныя стѣны, когда дано было знать о приближеніи Желѣзняка. Но когда они увидѣли, что Уманьскіе казаки, и Гонта во главѣ ихъ, тихо выѣзжаютъ на встрѣчу гайдамакамъ, слѣзаютъ съ коней и начинаютъ съ ними обниматься,—ужасъ объялъ ихъ. Никто болѣе не думалъ о защитѣ и единственною надеждою казалось отворить ворота крѣпости въ надеждѣ на великодушіе казаковъ. Такъ и было сдѣлано. Желѣзнякъ и Гонта въѣхали въ Умань; за ними въѣхала толпа казаковъ,—и въ одну минуту городъ взятъ былъ на копье. Ни старикамъ, ни дѣтямъ, ни женщинамъ не было пощады.... Это страшное народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ *Колієвщины*, обхватило часть нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерній и едва не распространилось на Волынскую.

Такимъ образомъ, несчастное правительство короля Станислава было поставлено между двухъ огней. Съ одной стороны, барскіе конфедераты возжигали междуусобіе во имя независимости польской націи, съ другой, украинскіе крестьяне поднимались противъ шляхты и ксендзовъ. Какъ противъ первыхъ, такъ и противъ вторыхъ у польскаго правительства не было силъ, и оно обратилось за помощію къ русскому. Гетманъ Браницкій (*) написалъ убѣдительное письмо къ русскому генералу Кречетникову, прося, чтобъ онъ направилъ свои войска противъ Желѣзняка и Гонты,—„кое его требованіе,—записалъ Кречетниковъ въ веденныхъ имъ по-

---

(*) Не тотъ, который былъ во главѣ французской партіи.

денныхъ запискахъ,—не весьма прилично, ибо сіе возмущеніе есть партикулярное, то и надлежало бы ему самому землю успокоивать". Но трактатъ, заключенный нашимъ правительствомъ съ польскимъ, обязывалъ первое къ охраненію спокойствія въ Польшѣ, а потому Репнинъ принужденъ былъ принять мѣры, чтобы остановить разливъ крестьянскаго возстанія, и по его приказанію Кречетниковъ послалъ противъ Умани отрядъ, который безъ труда заставилъ казаковъ и крестьянъ положить оружіе. Запорожцы, какъ русскіе подданные, были отправлены въ Кіевъ для наказанія (Желѣзнякъ былъ сосланъ въ Сибирь), а польскіе казаки и крестьяне выданы были Браницкому. Относительно ихъ наказанія польское правительство оказалось столь же жестокимъ, сколько оно было слабо, когда дѣло шло о ихъ усмиреніи. По самому умѣренному счету болѣе 400 человѣкъ было казнено разными мучительными смертями, а съ Гонты содрали кожу и истязанія его продолжались, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, сряду двѣ недѣли.

Страшная Коліевщина была усмирена. Польское дворянство и духовенство было спасено русскими войсками: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; въ нашихъ архивахъ сохранились донесенія Репнина въ Петербургъ, въ которыхъ онъ выражаетъ крайнюю досаду, что къ шляхетскому возстанію присоединилось еще крестьянское и сообщаетъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ его подавленію; изъ напечатанныхъ поденныхъ записокъ генерала Кречетникова и изъ переписки съ Императрицею графа Румянцева, начальствовавшаго въ Кіевѣ, видны, какія именно мѣры были принимаемы противъ гайдамаковъ, поименованы войска, которыя противъ нихъ дѣйствовали—и между тѣмъ есть

писатели, которые утверждаютъ, что Коліевщина была дѣломъ русскихъ интригъ, что русское правительство, будучи не въ состояніи справиться съ барскими конфедератами, выслало Запорожцевъ и возмутило крестьянъ.

Поводомъ къ этой клеветѣ былъ *манифестъ*, подписанный отъ имени Императрицы и которымъ украинскіе крестьяне призывались къ истребленію польскаго дворянства и католическаго духовенства, въ отмщенье будто бы за какія-то нанесенныя ей оскорбленія... Но достаточно взглянуть на этотъ манифестъ, чтобъ убѣдиться въ его подложности; ни по формѣ, ни по тону онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ манифестами и указами, дѣйствительно исходившими отъ русскаго правительства, да и число, которое на немъ выставлено, относится къ тому времени, когда возмущеніе было уже въ полномъ разгарѣ. Вотъ впрочемъ этотъ оригинальный документъ.

„Ясно видя, съ какимъ презрѣніемъ къ намъ и къ нашей православной Церкви относятся Поляки и Евреи, защитники же нашей греческой вѣры преслѣдуемы, утѣсняемы и наказываемы смертью; по симъ причинамъ не въ состояніи будучи болѣе сносить таковыя оскорбленія, таковыя преслѣдованія, таковыя безчестія и таковое преслѣдованіе, единственно изъ за нашей святой вѣры преслѣдуемы и презираемы будучи, мы повелѣваемъ и даемъ настоящее приказаніе Максиму Желѣзняку, изъ Тимошева, полковнику и начальствующему въ нашихъ земляхъ нижняго Запорожья, вступить въ польскія владѣнія, взявши съ собой еще нѣсколько войска изъ нашихъ донскихъ казаковъ, чтобъ истребить и сокрушить, съ Божіею помощію, всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, хулителей нашей святой вѣры. Симъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя престолу на-

сутствующихъ, лично расположенные къ нему, поспѣшили къ нему на встрѣчу, убѣждая его не входить въ собраніе, посреди котораго, говорили они, нельзя было ручаться за его безопасность. Это могло быть справедливо; но несомнѣнно и то, что всякому человѣку съ самолюбіемъ, а тѣмъ болѣе посланнику великой державы, невозможно уступить угрозѣ; Репнинъ вошелъ. Его появленіе произвело новый взрывъ криковъ, угрозъ, клятвъ умереть за вѣру.

— „Перестаньте кричать, загремѣлъ въ свою очередь Репнинъ, или я такой шумъ заведу, который будетъ сильнѣе вашего."

Крики на минуту смолкли. Тогда Репнинъ объяснилъ, что никто не думаетъ истреблять католической религіи, но соблюдая свои права и свой законъ, сказалъ онъ, не дѣлайте беззаконія сами и не отнимайте у другихъ принадлежащихъ имъ правъ.

Новые крики прервали его слова; раздались требованія объ освобожденіи арестованнаго шляхтича.

— „Если станете кричать, ничего не сдѣлаю, отвѣчалъ Репнинъ; крикомъ ничего не возьмете: просите тихимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ: тогда можетъ быть сдѣлаю вамъ удовольствіе."

Радзивиллъ подошелъ къ Репнину и выразилъ ему желаніе собранія объ освобожденіи Кожуховскаго; желаніе это было исполнено.

Любопытная эта сцена, извлеченная профессоромъ Соловьевымъ изъ нашихъ архивовъ, наглядно изображаетъ, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою Репнинъ и устроенная имъ конфедерація; она очевидно выскользнула у него изъ рукъ и совершенно перемѣнила характеръ. Въ первое же засѣданіе сейма бискупы Залусскій и Солтыкъ заявили себя рѣшительными

противниками всякихъ сдѣлокъ съ диссидентами; они заранѣе протестовали противъ могущихъ послѣдоватъ въ этомъ смыслѣ рѣшеній сейма; двое графовъ Ржевускихъ возбуждали къ вооруженному сопротивленію настояніемъ Репнина, и провозглашали измѣнникомъ самого короля, поддерживавшаго, больше впрочемъ для вида, русскую политику. О миролюбивомъ разрѣшеніи диссидентскаго вопроса нечего было слѣдовательно и думать. Видя это, Репнинъ рѣшился, какъ говорилъ онъ „завести такой шумъ,“ который принудилъ бы сеймъ смолкнуть. Онъ настоялъ, чтобъ король сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Солтыка, Залусскаго и двухъ Ржевускихъ,—распоряженіе, которое было немедленно исполнено русскими офицерами

Эта мѣра была дѣломъ неслыханнымъ въ Польшѣ. Она произвела сильнѣйшее негодованіе, но и вмѣстѣ навела и величайшій страхъ. Всѣ увидѣли, что Репнинъ имѣетъ намѣреніе и рѣшимость довести диссидентскій вопросъ до конца во что бы то ни стало. Сеймъ мгновенно притихъ и, безъ всякихъ возраженій, принялъ все, что было ему предложено Репнинымъ. Всѣмъ диссидентамъ, какъ православнымъ, такъ и лютеранамъ, предоставлены были тѣ же самыя права, какими пользовались католики; liberom veto, дорогое для Поляковъ, было возстановлено (хотя и не вполнѣ); во внутреннемъ управленіи республикою допущены были нѣкоторыя изъ мыслей Чарторыйскихъ, доставлявшія правительству болѣе силы. А чтобы всѣ эти постановленія оставались не на бумагѣ только, но обратились въ дѣйствительность, республика заключила съ русскимъ правительствомъ дружественный трактатъ, по которому Россія принимала на себя наблюденіе за точнымъ исполненіемъ постановленій послѣдняго сейма. Этотъ

трактатъ былъ подписанъ въ началѣ 1768 года. Вполнѣ и справедливо довольный своимъ успѣхомъ Репнинъ поспѣшилъ сдѣлать распоряженіе о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши, чтобы видомъ ихъ не раздражать побѣжденныхъ.

Итакъ, цѣль была достигнута. Фридрихъ II, бывшій во все это время неизмѣннымъ нашимъ союзникомъ, упрекалъ Екатерину, что она допустила усиленіе правительственной власти въ Польшѣ и устраненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ liberum veto, что̀ дѣлало, говорилъ онъ, Польшу болѣе сильною, чѣмъ этого требовали выгоды Пруссіи и Россіи; тѣмъ не менѣе можно сказать, что успѣхъ русской политики былъ полнѣйшій. Она получила совершенное господство въ Польшѣ, господство несравненно большее, чѣмъ оно было даже при Петрѣ I; правительство польское поставлено было въ полную зависимость отъ русскаго и, что еще гораздо важнѣе, половина народонаселенія республики должна была видѣть въ русской Императрицѣ свою благодѣтельницу. Такъ представляется дѣло съ русской точки зрѣнія. Но ставши на точку зрѣнія Поляковъ, оно представится совершенно въ иномъ видѣ. Они, можно сказать, лишились своей политической независимости,— и негодованію ихъ какъ противъ русской политики, такъ и противъ короля и сейма не было мѣры.

Къ чести Поляковъ XVIII вѣка надо сказать, что они въ настоящемъ случаѣ не ограничились одними жалобами. Едва сеймъ утвердилъ законодательный актъ и гарантію Императрицы, едва лишь сдѣлано было распоряженіе о выводѣ русскихъ войскъ, какъ въ м. Барѣ (нынѣшней Подольской губерніи) провозглашена была конфедерація. Универсалъ, подписанный шляхтичами Красинскимъ и Пулавскимъ, выражалъ

сильный протестъ противъ слабости сейма, противъ малодушія короля, притивъ покровительства Россіи и призывалъ Поляковъ къ оружію во имя религіи и свободы отечества. Всѣ окрестные помѣщики кинулись въ Баръ, клялись умереть за вѣру и отечество и обязывались склонять къ тому же и другихъ. Въ нѣсколько дней воззваніе Пулавскаго и Красинскаго облетѣло всю Польшу, вездѣ возбуждая энтузіазмъ и надежду. Со всѣхъ сторонъ въ Варшаву, одно за другимъ, приносились извѣстія о конфедераціяхъ: изъ краковскаго воеводства, сь границъ Пруссіи, изъ Литвы, съ Волыни. Близь Новоконстантинова, отрядъ конфедератовъ напалъ на казачій отрядъ, слѣдовавшій къ нашимъ границамъ и между ними произошла стычка, окончившаяся смертію нѣсколькихъ человѣкъ, съ той и другой стороны.

Какое положеніе при этомъ приметъ польское правительство? Не вздумаетъ ли оно опереться на народное движеніе, чтобъ сбросить съ себя зависимость отъ Россіи? Чарторыйскіе были не прочь отъ этого способа дѣйствій, но другіе приближенные короля успѣли убѣдить его, что конфедерація угрожаетъ его престолу и что единственное средство спасенія заключается въ тѣснѣйшемъ еще сближеніи съ Россіей. Эти внушенія превозмогли; совѣтъ королевскій обратился къ Репнину съ просьбою оказать содѣйствіе къ подавленію безпорядковъ, такъ какъ Императрица только-что гарантировала новое законодательство и новое внутреннее устройство Польши. Такимъ образомъ Россія была втянута въ польское междоусобіе; польское правительство приглашало ее принять вооруженное участіе во внутреннихъ дѣлахъ страны и какъ бы складывало на націю отвѣтственность за пролитую кровь Русскихъ. Многіе

иностранные писатели приписывают вмѣшательство Императрицы въ польское междоусобіе ея честолюбію, или по крайней мѣрѣ увѣряютъ, что она обрадовалась случаю снова ввести свои войска въ польскія владѣнія. Это несправедливо. Она желала, чтобъ русское вліяніе въ этой странѣ было преобладающимъ, и трактатъ 1768 года видимо соотвѣтствовалъ этому желанію; но о завладѣніи частію польской территоріи она еще не думала въ то время, а вести войну безъ положительныхъ выгодъ для Россіи не могло входить въ ея разсчеты. Роковое сцѣпленіе обстоятельствъ вело рѣчьпосполитую къ погибели. Раздоры ея внутреннихъ партій вызывали вмѣшательство сосѣднихъ правительствъ; эти партіи сами приглашали то русское, то прусское правительство придти къ нимъ на помощь; королевская власть не въ состояніи была ихъ уравновѣсить и подчинить себѣ; нація не обнаружила ни довольно благоразумія, чтобъ управиться съ собственными дѣлами, ни довольно энергіи и патріотизма, чтобы, по крайнрй мѣрѣ въ минуту опасности, позабыть свои распри и дружно стать противъ внѣшняго врага. Мы увидимъ, что барскіе конфедераты выказали гораздо болѣе патріотизма въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ, нежели въ дѣйствіяхъ, и что точно также, какъ и ихъ противники, они не въ самихъ себѣ, а все-таки въ чужой помощи искали спасенія противъ Россіи.

Въ возбужденіи Барской конфедераціи болѣе всего участвовали Римъ и Франція. Но папа не имѣлъ средствъ оказать Польшѣ дѣйствительную помощь, а Франція была слишкомъ отдалена и желала, по крайней мѣрѣ до времени, не принимать непосредственнаго участія въ борьбѣ между Россіей и конфедератами. Она совѣтовала этимъ послѣднимъ искать содѣйствія Тур-

ціи и весьма настойчиво убѣждала Порту поддержать Польшу противъ Россіи. Если вы дадите Россіи, твердилъ французскій посолъ совѣтникамъ султана, утвердиться въ Польшѣ, или овладѣть нѣкоторыми ея областями, то за тѣмъ очередь дойдетъ и до васъ. *Московитское* честолюбіе не насытно!... Эти внушенія, сопровождаемыя подарками и ласкательствами, не остались безъ послѣдствій. Турецкое правительство, нѣсколько разъ еще до заключенія трактата 1768 года, требовало, и притомъ довольно непріязненнымъ тономъ, чтобъ русскія войска были выведены изъ Польши, а между тѣмъ предводители партіи недовольныхъ, или французской партіи, вели въ Константинополѣ переговоры весьма подозрительнаго свойства. Когда же вспыхнула Барская конфедерація, то ея предводители получили и деньги и оружіе частію отъ Турціи, частію отъ Франціи. Турецкое правительство дѣлало еще видъ, что устраняется отъ прямаго участія въ польскія дѣла, но пограничные паши явно покровительствовали конфедератамъ, въ рядахъ которыхъ наконецъ не замѣдлили явиться цѣлыя толпы татаръ,—турецкихъ подданныхъ. Такимъ образомъ вмѣшательство наше въ польскія дѣла угрожало намъ не малыми затрудненіями въ самой Польшѣ и разрывомъ съ Турціей. Но въ то же время на встрѣчу этимъ опасностямъ поднималась сила еще болѣе грозная, — народное возстаніе на Украйнѣ, и страшный набѣгъ *гайдамаковъ*, или запорожскихъ удальцовъ.

Въ Смѣломъ, одномъ изъ кіевскихъ имѣній князя Любомирскаго, обнаружилось волненіе. Оно было усмирено и не имѣло прямыхъ послѣдствій; но тайное волненіе продолжалось. Народъ цѣлыми толпами уходилъ въ Запорожье, откуда, въ свою очередь, чаще прежняго

стали появляться мелкія шайки гайдамаковъ, и, два года спустя, въ томъ же м. Смѣломъ неожиданно явилось человѣкъ двѣсти Запорожцевъ, которые, собравъ около себя толпу народа, кликнули ихъ вмѣстѣ съ собою истреблять пановъ, ксендзовъ и жидовъ.

Предводителемъ Запорожцевъ, появившихся въ Смѣлянщинѣ, былъ Максимъ Желѣзнякъ, — казакъ зажиточный и который имѣлъ въ Запорожьѣ свой хуторъ; но бывалъ въ немъ рѣдко; онъ чаще куда-то исчезалъ, пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, не рѣдко возвращался съ добычею и деньгами, а иногда и съ лишнимъ рубцомъ на лбу. Гдѣ онъ скитался, гдѣ гайдамачилъ — никто не могъ сказать: безъ сомнѣнія въ польскихъ владѣніяхъ, вѣроятно въ турецкихъ, а можетъ быть и въ русскихъ.

На кличъ Желѣзняка мгновенно собралось нѣсколько тысячъ окрестныхъ крестьянъ, и замокъ князя Любомирскаго въ Смѣломъ былъ разграбленъ, экономы и управляющіе перебиты, евреи, арендовавшіе его корчмы и мельницы, перевѣшаны, костелы обобраны. Порѣшивъ здѣсь, Желѣзнякъ двинулся далѣе; вездѣ къ нему прибывали новыя толпы вооруженныхъ крестьянъ, вездѣ дворяне, ксендзы, евреи, мелкая шляхта разбѣгались съ ужасомъ. Многіе спѣшили укрыться за стѣнами крѣпостцы, принадлежавшей графу Потоцкому, воеводѣ кіевскому, — Умани. Въ Умани было 32 пушки; въ распоряженіи ея *губернатора* (т. е. управляющаго) было нѣсколько ротъ собственныхъ войскъ, воеводы и нѣсколько тысячъ казаковъ. Но эти казаки были не надежными защитниками: одинъ изъ ихъ сотниковъ, Гонта, вступилъ въ сношенія съ Желѣзнякомъ и безъ труда склонилъ на свою сторону все уманьское казачество.

Расчитывая на эту помощь, Желѣзнякъ смѣло двинулся къ Умани. Ни *губернаторъ*, ни пришельцы, сбѣ-

жавшіеся въ эту крѣпость передъ грозою, надвигавшеюся отъ Смѣлаго, не полагали, чтобы сбродъ казаковъ и крестьянъ рѣшился сдѣлать покушеніе противъ Умани; скорѣе съ любопытствомъ, нежели со страхомъ, они поспѣшили на крѣпостныя стѣны, когда дано было знать о приближеніи Желѣзняка. Но когда они увидѣли, что Уманьскіе казаки, и Гонта во главѣ ихъ, тихо выѣзжаютъ на встрѣчу гайдамакамъ, слѣзаютъ съ коней и начинаютъ съ ними обниматься,—ужасъ объялъ ихъ. Никто болѣе не думалъ о защитѣ и единственною надеждою казалось отворить ворота крѣпости въ надеждѣ на великодушіе казаковъ. Такъ и было сдѣлано. Желѣзнякъ и Гонта въѣхали въ Умань; за ними въѣхала толпа казаковъ,—и въ одну минуту городъ взятъ былъ на копье. Ни старикамъ, ни дѣтямъ, ни женщинамъ не было пощады.... Это страшное народное движеніе, извѣстное подъ названіемъ *Коліевщины*, обхватило часть нынѣшнихъ Кіевской и Подольской губерній и едва не распространилось на Волынскую.

Такимъ образомъ, несчастное правительство короля Станислава было поставлено между двухъ огней. Съ одной стороны, барскіе конфедераты возжигали междусобіе во имя независимости польской націи, съ другой, украинскіе крестьяне поднимались противъ шляхты и ксендзовъ. Какъ противъ первыхъ, такъ и противъ вторыхъ у польскаго правительства не было силъ, и оно обратилось за помощію къ русскому. Гетманъ Браницкій (*) написалъ убѣдительное письмо къ русскому генералу Кречетникову, прося, чтобъ онъ направилъ свои войска противъ Желѣзняка и Гонты,—„кое его требованіе,—записалъ Кречетниковъ въ веденныхъ имъ по-

(*) Не тотъ, который былъ во главѣ французской партіи.

денныхъ запискахъ,—не весьма прилично, ибо сіе возмущеніе есть партикулярное, то и надлежало бы ему самому землю успокоивать". Но трактатъ, заключенный нашимъ правительствомъ съ польскимъ, обязывалъ первое къ охраненію спокойствія въ Польшѣ, а потому Репнинъ принужденъ былъ принять мѣры, чтобы остановить разливъ крестьянскаго возстанія, и по его приказанію Кречетниковъ послалъ противъ Умани отрядъ, который безъ труда заставилъ казаковъ и крестьянъ положить оружіе. Запорожцы, какъ русскіе подданные, были отправлены въ Кіевъ для наказанія (Желѣзнякъ былъ сосланъ въ Сибирь), а польскіе казаки и крестьяне выданы были Браницкому. Относительно ихъ наказанія польское правительство оказалось столь же жестокимъ, сколько оно было слабо, когда дѣло шло о ихъ усмиреніи. По самому умѣренному счету болѣе 400 человѣкъ было казнено разными мучительными смертями, а съ Гонты содрали кожу и истязанія его продолжались, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, сряду двѣ недѣли.

Страшная Коліевщина была усмирена. Польское дворянство и духовенство было спасено русскими войсками: въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; въ нашихъ архивахъ сохранились донесенія Репнина въ Петербургъ, въ которыхъ онъ выражаетъ крайнюю досаду, что къ шляхетскому возстанію присоединилось еще крестьянское и сообщаетъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ къ его подавленію; изъ напечатанныхъ поденныхъ записокъ генерала Кречетникова и изъ переписки съ Императрицею графа Румянцева, начальствовавшаго въ Кіевѣ, видны, какія именно мѣры были принимаемы противъ гайдамаковъ, поименованы войска, которыя противъ нихъ дѣйствовали—и между тѣмъ есть

писатели, которые утверждають, что Колiевщина была дѣломъ русскихъ интригъ, что русское правительство, будучи не въ состоянiи справиться съ барскими конфедератами, выслало Запорожцевъ и возмутило крестьянъ.

Поводомъ къ этой клеветѣ былъ *манифестъ*, подписанный отъ имени Императрицы и которымъ украинскiе крестьяне призывались къ истребленiю польскаго дворянства и католическаго духовенства, въ отмщенье будто бы за какiя-то нанесенныя ей оскорбленiя... Но достаточно взглянуть на этотъ манифестъ, чтобъ убѣдиться въ его подложности; ни по формѣ, ни по тону онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ манифестами и указами, дѣйствительно исходившими отъ русскаго правительства, да и число, которое на немъ выставлено, относится къ тому времени, когда возмущенiе было уже въ полномъ разгарѣ. Вотъ впрочемъ этотъ оригинальный документъ.

„Ясно видя, съ какимъ презрѣнiемъ къ намъ и къ нашей православной Церкви относятся Поляки и Евреи, защитники же нашей греческой вѣры преслѣдуемы, утѣсняемы и наказываемы смертью; по симъ причинамъ не въ состоянiи будучи болѣе сносить таковыя оскорбленiя, таковыя преслѣдованiя, таковыя безчестiя и таковое преслѣдованiе, единственно изъ за нашей святой вѣры преслѣдуемы и презираемы будучи, мы повелѣваемъ и даемъ настоящее приказанiе Максиму Желѣзняку, изъ Тимошева, полковнику и начальствующему въ нашихъ земляхъ нижняго Запорожья, вступить въ польскiя владѣнiя, взявши съ собой еще нѣсколько войска изъ нашихъ донскихъ казаковъ, чтобъ истребить и сокрушить, съ Божiею помощiю, всѣхъ Поляковъ и Жидовъ, хулителей нашей святой вѣры. Симъ средствомъ мы прекращаемъ всѣ жалобы, принесенныя престолу на-

шему противъ этихъ безжалостныхъ убійцъ, этихъ клятвопреступниковъ, этихъ нарушителей закона, этихъ Поляковъ, которые, покровительствуя зловѣрію безбожныхъ Жидовъ, кощунствуютъ и презираютъ нашу вѣру и утѣсняютъ вѣрный и безвинный народъ. По сему мы повелѣваемъ, чтобы проходя черезъ Польшу, истреблять ихъ имя и чтобъ память ихъ исчезла въ потомствѣ."

Помѣщенный здѣсь этотъ странный манифестъ буквально переведенъ съ французскаго, потому что русскихъ подлинниковъ не извѣстно, хотя они и должны существовать въ какихъ нибудь архивахъ. Что этотъ манифестъ вышелъ не изъ правительственныхъ канцелярій—это очевидно. Современники-Поляки приписывали его перу украинскихъ православныхъ монаховъ; во всякомъ случаѣ не видать, чтобъ они полагали, будто въ самомъ дѣлѣ его подписала Екатерина. Но впослѣдствіи многіе иностранные писатели увѣряли, что онъ дѣйствительно изданъ Императрицею и даже включала и его въ разные сборники офиціальныхъ документовъ. Это одно изъ многочисленныхъ заблужденій, распространенныхъ за границею относительно нашей исторіи XVIII вѣка,—если только это не преднамѣренная клевета: а это очень вѣроятно. Всего болѣе вѣроятнымъ кажется, что пресловутый манифестъ Екатерины сочиненъ и пущенъ въ ходъ кѣмъ либо изъ той группы Поляковъ, которые употребляли противъ Россіи сознательную клевету, какъ оружіе, и которые во время недавнихъ волненій въ Польшѣ и Западномъ краѣ сочинили манифестъ отъ имени Императора Александра II, повелѣвающаго будто бы произвести надъ Поляками *рѣзь*.

IV.

Коммиссія уложенія.—Прежнія попытки собрать законы.—Какія могли быть тому причины?—Различные способы производить законодательныя работы.—Манифестъ о созваніи выборныхъ (14 дек. 1766 г.).—Путешествія Императрицы по Волгѣ.—Открытіе коммиссіи уложенія (31-го іюня 1767).—Избирательные съѣзды—Наказы депутатамъ.—Прибалтійскія провинціи и Малороссія.

Въ то самое время, какъ вліяніемъ Екатерины и настойчивостью ея посла въ Варшавѣ, въ Польскомъ королевствѣ проводилась мѣра, превосходившая, по своему значенію, все совершенное польскими королями и сеймами въ послѣдніе два вѣка,—дарованіе гражданскихъ правъ иновѣрцамъ,—въ Россіи приступлено было къ дѣлу, превосходящему всѣ прочія дѣла этого обильнаго славными дѣлами царствованія: говоримъ о коммиссіи уложенія.

Чтобъ оцѣнить всю важность его, необходимы нѣкоторыя объясненія.

Весьма распространено мнѣніе о томъ, что законы должны быть незыблемы, неизмѣнны. Нѣкоторые, весьма не многіе, такъ-называемые, основные законы дѣйствительно должны имѣть всю прочность, которая доступна человѣческому дѣлу; но совершенно иное должно сказать относительно прочихъ законовъ; они должны дополняться и измѣняться сообразно постоянно совершающемуся развитію общества, и неподвижность постановленій доказываетъ либо неподвижность народа, для котораго они составлены, и отсутствіе въ немъ развитія, либо нечувствительность законодателя къ нуждамъ народа. Можно ли себѣ вообразить, напримѣръ,

чтобъ жители Лакедемоніи до сего времени сохранили законы Ликурга? Возможно ли, чтобы въ Италіи дѣйствовали въ настоящее время древне-римскіе законы, постановлявшіе рабство, или чтобы Россія управлялась до сего дня уложеніемъ царя Алексѣя?

Необъятное количество указовъ и регламентовъ, изданныхъ Петромъ Великимъ, или такъ-называемыя новоуказныя статьи отодвинули уложеніе на задній планъ и совершенно его заслонили.

Собрать воедино всѣ постановленія, изданныя послѣ уложенія царя Алексѣя, задумалъ еще Петръ I. Онъ хотѣлъ сдѣлать болѣе: именно, составить не только сборникъ изданныхъ имъ законовъ, но нѣчто въ родѣ уложенія, или кодекса, то-есть книгу законовъ, расположенную по извѣстной системѣ съ опредѣленнымъ характеромъ, и для этого велѣлъ принять въ основаніе предположеннаго кодекса уложеніе своего отца, новоуказныя статьи и шведское законодательство. Такая задача была не подъ силу тогдашнимъ юристамъ, и мысль Петра осталась не осуществленною. Не болѣе успѣха имѣли и попытки его преемниковъ, предполагавшихъ задачу болѣе скромную, то-есть собрать воедино законы, изданные послѣ уложенія и пополнить ими, а мѣстами измѣнить, законодательный памятникъ Алексѣя Михайловича.

Между тѣмъ новоуказныя статьи накоплялись съ каждымъ годомъ; въ ихъ необъятномъ множествѣ запутывались самые искусные дѣльцы, а дѣльцы злонамѣренные находили въ обиліи законовъ удобства давать каждому дѣлу направленіе сообразное съ своими видами: если согласно было съ ихъ интересами сослаться на уложеніе, — они ссылались на него: если законъ, изданный Петромъ или Анной болѣе под-

ходилъ къ ихъ видамъ, — они основывали приговоръ на немъ.

Такое положеніе нашей юстиціи не ускользнуло отъ вниманія Екатерины. Но законодательство касается не одной только судебной сферы; всѣ вѣтви управленія, вся администрація и всѣ ея дѣйствія опредѣляются законами. Порядокъ взысканія податей, правила отчетности, отношенія однихъ управленій къ другимъ,—все было въ свое время установлено закономъ и только вслѣдствіе другаго закона могло измѣниться. Для того, чтобъ устранить многія злоупотребленія необходимо было совершенно исключить законы старые, отмѣненные и привести въ ясность законы новые, дѣйствующіе, пересмотрѣвъ ихъ, чтобы не было мѣста недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ. Далѣе, законы опредѣляютъ права и обязанности частныхъ лицъ и сословій; въ этой части законодательства произошли со времени уложенія большія перемѣны. Наконецъ, современи царя Алексѣя къ Россіи присоединено было нѣсколько областей, частные законы и самое управленіе которыхъ имѣли многія отличія отъ тѣхъ, которые дѣйствовали въ остальной части имперіи. Все это требовало общаго пересмотра и соглашенія, а слѣдовательно и огромныхъ законодательныхъ работъ.

Какъ уже было замѣчено, Екатерина читала много сочиненій, касавшихся такъ-называемаго публичнаго права, или науки о государственномъ устройствѣ, и, между прочимъ, творенія знаменитаго французскаго публициста Монтескьё. Изучая ихъ, она встрѣтила множество мыслей и стремленій, которымъ были совершенно чужды наши законы. Болѣе всего хотѣлось ей внести въ самый духъ русскаго законодательства нѣкоторую мягкость и уваженіе къ человѣческому достоинству,

истребить пытки, уничтожить, или хотя смягчить крѣпостное право, дать сословіямъ нѣкоторую самостоятельность и самоуправленіе.

Вотъ мысли, которыя ее занимали въ первые годы ея царствованія. „Два года я читала и писала, находимъ мы въ одной оставшейся послѣ нея запискѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*, не говоря о томъ полтора года ни слова, но слѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ, по мнѣнію моему, довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи мною заготовленныя людямъ разнымъ, и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: Ce sont des axiômes à renverser des murailles (*). Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать.“ Но далеко не всѣ раздѣляли увлеченіе молодой Императрицы и молодыхъ ея придворныхъ. Ученый Болтинъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русской исторіи въ то время, назидательно говорилъ: „Исправляя обычаи и нравы, надо быть весьма осторожну; надобно на добрыхъ вѣсахъ вѣсить неудобности обычая съ пользой, чаемою отъ уничтоженія его, и когда вѣсъ будетъ ровенъ, то лучше оставить вещи такъ, какъ онѣ были“. Уничтоженіе пытки казалось многимъ ниспроверженіемъ всей юриспруденціи; никто изъ насъ не будетъ увѣренъ въ своей жизни, если уничтожать пытку, говорили нѣкоторые, основывая это предположеніе на воображаемой свирѣпстви русскаго простолюдина. Другіе съ жаромъ воз-

---

(*) Это такъ ясно, что бьетъ въ глаза.

ставали за сохраненіе крѣпостнаго права. Однимъ изъ тѣхъ, которые съ наибольшею горячностію порицали мысли Императрицы, былъ извѣстный уже намъ современникъ и порицатель Ломоносова, Сумароковъ. Онъ выражалъ, и выражалъ съ обыкновенной своей запальчивостью, опасеніе, что предположенія Государыни распространятъ въ народѣ своевольство, что народъ нашъ не готовъ для подобныхъ законовъ; онъ говорилъ, повторяя мысль постоянно руководившую польскимъ шляхетствомъ, что между помѣщикомъ и крѣпостнымъ его человѣкомъ не должно быть никакого иного суда, какъ собственный судъ его самого, помѣщика; удивлялся, что Екатерина желала бы запретить продавать крестьянъ „какъ скотину", разлучая отца съ сыномъ, мать съ дочерьми (что̀ было запрещено еще Петромъ, но не исполнялось). „Продавать людей какъ скотину, писалъ онъ, не должно; но гдѣ же брать (деньги), когда крестьяне будутъ вольны?" Не видѣлъ онъ никакой надобности и въ томъ, чтобъ учить „подлый народъ", а находилъ болѣе полезнымъ поощрять знаменитыхъ писателей (подоб-добныхъ Монтескьё, говорилъ онъ, и очевидно думалъ: подобныхъ Сумароковымъ).—„Многіе критиковали Монтескьё, написала Екатерина,—прочитавъ замѣчанія своего критика,—не разумѣя его; вижу, что я жребій сей съ онымъ раздѣляю!"

Были и другія возраженія, заслуживавшія большаго вниманія. Они шли изъ среды людей съ болѣе развитыми понятіями. Такъ, княгиня Дашкова, въ разговорѣ съ извѣстнымъ французскимъ философомъ Дидро, выражала опасеніе, чтобъ власть надъ крестьянами, если ее отнять у помѣщиковъ, не перешла къ мелкимъ чиновникамъ, „которые подъ маской службы, станутъ разорять и грабить ихъ". Надо признаться, что при тог-

дашнемъ весьма жалкомъ состояніи чиновничества въ Россіи, замѣчаніе княгини Дашковой имѣло очень серьозное значеніе.

Всѣ эти возраженія, раздѣляемыя весьма многими, убѣждали Екатерину, что ея мысли, еслибъ онѣ и нашли мѣсто въ законодательствѣ, едва ли получатъ полное приложеніе на практикѣ, а благоразумный законодатель долженъ умѣть согласовать свои личныя убѣжденія съ понятіями и обычаями страны, для которой онъ трудится. Но какъ узнать эти понятія? Какъ сдѣлать, чтобъ выраженіе этихъ понятій было голосомъ не одного кружка, не одного сословія, не одной мѣстности, а дѣйствительно всей страны? Кто укажетъ ея многообразныя, серіозныя, дѣйствительныя нужды и желанія? Исторія предшествующихъ вѣковъ даетъ на это отвѣтъ. Прежніе цари, начиная съ Іоанна IV до Петра, нерѣдко созывали соборы для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; само уложеніе было составлено, или, по крайней мѣрѣ, утверждено соборомъ; уничтоженіе мѣстничества было тоже „соборнымъ дѣяніемъ." Петръ пересталъ созывать соборы, потому что совершаемое имъ дѣло не находило сочувствія въ большинствѣ массы. Онъ принужденъ былъ принять на себя всю отвѣтсвенность, какъ и все бремя своихъ правительственныхъ дѣлъ; а при ближайшихъ его преемникахъ уже порвалось и преданіе о земскихъ соборахъ; оно, притомъ, не согласовалось съ тѣми правительственными понятіями, которыя въ то время утвердились на Западѣ, а оттуда перешли и къ намъ. По мнѣнію государственныхъ людей Запада, совѣщаніе государя съ людьми, не составляющими его непосред ственный, имъ самимъ избранный совѣтъ, не совмѣст но съ царскимъ величіемъ, съ независимостію с модержавнаго монарха. Но Екатерина думала ина

Она не находила въ исторіи Россіи, чтобы соборы стѣсняли свободную волю нашихъ государей и чтобъ цари Алексѣй или Өедоръ были менѣе самодержавны, чѣмъ Анна или Елисавета; только существовало то различіе, что избраніе Михаила, напримѣръ, совершенное выборными отъ всей земли, представляло болѣе ручательствъ прочности, нежели избраніе Анны, произведенное нѣсколькими сановниками, и что тягости Ливонской войны, рѣшенной соборомъ при Іоаннѣ Грозномъ, могли казаться не столь обременительными для народа, какъ тягости Шведской войны при Петрѣ.

Но кого, какія сословія пригласить къ совѣщанію о замышляемыхъ преобразованіяхъ? Наша исторія представляла примѣры только всесословныхъ или земскихъ соборовъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ,—напримѣръ во Франціи, къ которой любили въ то время обращаться за примѣрами,—преобладали собранія, гдѣ имѣли мѣсто лишь дворянство и духовенство. Такой же составъ имѣли и польскіе сеймы. Къ собраніямъ такого рода склонялась большая часть совѣтниковъ государыни, образовавшихся подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ западной Европѣ понятій; они находили естественнымъ пригласить къ совѣщанію лишь тѣ сословія, среди которыхъ можно было встрѣтить болѣе или менѣе просвѣщенныя понятія. Можно думать, что Н. Панинъ, почитавшій шведскую конституцію образцовою, совѣтовалъ устранить нижнія сословія; Бибиковъ полагалъ, что если и допустить въ собраніе всѣ сословія, то „чтобы не они составители законовъ были, но особливо выбранные изъ нихъ самихъ, *или изъ постороннихъ особъ*, а не столь въ многомъ числѣ состоящее собраніе, и (чтобъ) большое общество депутатовъ тому законоположительному собра-

нію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало".

Нельзя не сознаться, что слишкомъ многочисленное собраніе неудобно для серіознаго обсужденія дѣлъ; не менѣе справедливо и то, что тамъ, гдѣ большинство имѣетъ недостаточныя понятія о предлагаемыхъ вопросахъ, но гдѣ рѣшеніе зависитъ однакожъ отъ числа голосовъ, легко можетъ восторжествовать надъ здравымъ смысломъ и желаніемъ общаго блага интрига, или грубая поблажка страстямъ. Но, вопервыхъ, Императрица вовсе не намѣрена была предоставить собранію окончательное рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ. Главное ея желаніе было изучить изъ живаго источника нужды и потребности всѣхъ частей своего государства, всѣхъ сословій своего народа; она желала, чтобы ни единый интересъ, ни одна потребность не были лишены возможности заявить себя, ходатайствовать за себя; произнести же послѣднее слово она представляла себѣ. Она желала, чтобы люди свѣдущіе и заинтересованные разработали вопросы, указали на различные способы ихъ рѣшенія; дать же преимущество тому или другому рѣшенію долженствовала верховная власть. Поэтому лучше казалось ей снести неудобство слишкомъ многолюднаго собранія, но за то доставить возможность высказаться всякой дѣйствительной потребности. Затѣмъ мысль Бибикова о разсмотрѣніи законодательныхъ вопросовъ небольшимъ числомъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей естественно должна была осуществиться, потому что вездѣ, въ каждомъ законодательномъ собраніи, всѣ важнѣйшіе вопросы предварительно и во всей подробности разсматриваются составленными изъ среды этихъ собраній коммиссіями; общее же собраніе только обсуждаетъ ихъ доклады. Для по-

добныхъ коммиссій можно было и у насъ набрать достаточное число людей свѣдущихъ; но сверхъ того необходимы были указанія на мѣстныя потребности, понятія и обычаи; необходимо было, слѣдовательно, присутствіе большаго числа коренныхъ обывателей различныхъ частей имперіи, которые сверхъ того могли бы судить, удовлетворяютъ ли этимъ потребностямъ, понятіямъ и обычаямъ вновь начертываемые законы.

Руководствуясь этими соображеніями, Императрица издала манифестъ (14-го декаб. 1766 г.), коимъ приглашала дворянство—по уѣздамъ, купечество—по городамъ, однодворцевъ—по провинціямъ, пахотныхъ солдатъ и государственныхъ крестьянъ—также по провинціямъ, казачьи войска и, наконецъ, осѣдлыхъ инородцевъ избрать изъ своей среды депутатовъ и, снабдивъ ихъ полномочіями, прислать въ Москву. „Мы созываемъ ихъ, писано въ этомъ достопамятномъ манифестѣ, не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго, но и допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ наказъ и обрядъ управленія для заготовленія проэкта новаго уложенія.“ Что же касается до депутатовъ, то они, кромѣ опредѣленнаго за нахожденіе въ коммиссіи жалованья, освобождались на всю жизнь, и каково бы ни было ихъ преступленіе, отъ смертной казни, пытки и тѣлеснаго наказанія, а имѣнія ихъ отъ конфискаціи. За оскорбленіе депутата опредѣлено было двойное противъ общаго закона наказаніе и каждому изъ нихъ предполагалось раздать особыя медали, съ правомъ (по окончаніи дѣла) внести ихъ въ свои гербы, „дабы потомки узнать могли, къ какому великому дѣлу они участниками были“.

Коммиссію уложенія предположено было открыть лѣтомъ 1767 года, а весною повелѣно было произвести

выборы депутатовъ въ эту коммиссію. Для этого къ назначенному губернаторомъ дню, въ указанное имъ мѣсто, должны были съѣхаться мѣстные дворяне и избрать изъ среды себя предводителя, который, тотчасъ по своемъ избраніи, дѣлался предсѣдателемъ собранія. Подъ его предсѣдательствомъ должны были производиться выборъ депутата и сочиненіе наказа, которымъ послѣднему надлежало руководствоваться при объясненіи нуждъ и желаній своихъ вѣрителей. Точно такимъ же образомъ производились выборы по городамъ, только предсѣдатель избирательнаго собранія назывался головой. Какъ предводитель, такъ и голова избирались на два года (эти должности съ того времени существуютъ и по нынѣ). Однодворцы и казенные крестьяне должны были собираться по погостамъ и тамъ избирать повѣренныхъ, которые уже, съѣхавшись въ одно назначенное для всей провинціи мѣсто, составляли избирательное собраніе для назначенія депутата въ коммиссію. Что касается до инородцевъ, то начальствующимъ лицамъ было велѣно, не придерживаясь буквально изданнаго „Обряда" избранію, приноровлять порядокъ избранія къ мѣстнымъ обычаямъ.

Весною 1767 года, какъ сказано, по уѣздамъ и провинціямъ начались выборы въ депутаты коммиссіи объ уложеніи. Никогда еще, по крайней мѣрѣ съ весьма отдаленныхъ временъ, не было въ Россіи такого движенія; никогда лицамъ различныхъ сословій не было открыто возможности сходиться и совѣщаться о своихъ общественныхъ дѣлахъ. Съ какими же чувствами и предположеніями съѣзжались избиратели въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества? Объ этомъ сохранилось мало извѣстій, или по крайней мѣрѣ, мало извѣстій объ этомъ обнародовано. Вообще, какъ кажется, избранія были

произведены въ порядкѣ, и народонаселенія отнеслись къ предстоявшему имъ дѣлу серіозно, не скрывая отъ правительства существующихъ несовершенствъ суда и администраціи, въ надеждѣ, что то же правительство постарается и исправить эти несовершенства. Изъ многихъ мѣстъ присланы были Государынѣ выраженія глубокой признательности; въ другихъ думали воздвигать ей памятники. Эти заявленія доказываютъ, что народонаселеніе Россіи не безучастно относилось къ дѣлу, задуманному Императрицей и что, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ, были люди, понимавшіе великое значеніе этого дѣла и руководившіе общественнымъ мнѣніемъ. Что же касается до того, какъ смотрѣли сословія на свои собственныя обязанности, въ чемъ заключались ихъ нужды и желанія, то это ясно видно изъ наказовъ, данныхъ депутатамъ ихъ избирателями. Улучшеніе быта духовенства, и особенно сельскаго, и доставленіе ему способовъ къ образованію составляло предметъ почти всеобщихъ желаній; какъ дворянство, такъ и всѣ прочія сословія единодушно просили о заведеніи школъ и училищъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и университетовъ или академій; весьма общи были ходатайства о мѣрахъ къ охраненію народнаго здравія; было нѣсколько заявленій относительно необходимости ограничить власть помѣщиковъ; костромское дворянство, руководимое А. И. Бибиковымъ, предлагало принять мѣры къ устройству сословія свободныхъ землевладѣльцевъ-собственниковъ. Купечество и мѣщанство просили защиты противъ своеволія воеводъ и военныхъ начальниковъ. Города просили также о расширеніи ихъ самоуправленія, объ учрежденіи банковъ и о принятіи мѣръ къ развитію промышленности и улучшенію судебной части, введеніемъ сокращеннаго и словеснаго дѣлопроизвод-

Изъ весьма многихъ мѣстностей поступили хода-
ва, чтобъ обязанности предводителей и головъ изъ
анныхъ сдѣланы были постоянными; между дворян-
ъ довольно обще было ходатайство о недопуще-
въ его среду лицъ, не имѣющихъ на то правъ по
исхожденію и о недозволеніи покупать имѣній ли-
ъ другихъ сословій, чего, напротивъ, эти послѣд-
домогались; изъ среды же дворянства было пред-
тавлено нѣсколько заявленій противъ стремленія двухъ
послѣднихъ правительствъ исключить пытку изъ уго-
ловнаго процесса.

Таковы были наиболѣе общія и наиболѣе замѣча-
тельныя заявленія, внесенныя въ наказы депутатамъ.
Но говоря объ этихъ наказахъ, необходимо сдѣлать о-
собую оговорку относительно двухъ мѣстностей,—Ост-
зейскаго края и Малороссіи. Законодательство обѣихъ
этихъ провинцій болѣе или менѣе отличалось отъ ве-
ликороссійскаго: обѣ онѣ имѣли свои особыя права,
утвержденныя при ихъ присоединеніи къ Россіи и,
главное, обѣ онѣ имѣли свои особливыя историческія
преданія. Названныя провинціи, или по крайней мѣ-
рѣ многіе въ нихъ, желали сохранить всѣ эти осо-
бенности. Намъ извѣстно лишь весьма немного под-
робностей относительно Остзейцевъ, но наказы, данные
малороссійскимъ депутатамъ, достаточно изслѣдованы.
Въ нихъ выразились очень характеристическія особен-
ности этой страны и послѣдствія вліяній, которыя она
испытала. Такъ напримѣръ, въ то время какъ въ Ве-
ликороссіи вовсе не обнаруживалось неприязни между
сословіями, мысль, что въ общемъ собраніи депута-
товъ представителямъ дворянства придется сидѣть вмѣ-
стѣ съ мѣщанами и даже крестьянами, возмущала мну-
[illegible] тѣхъ пановъ, которые, можетъ быть, засѣдали

на польскихъ сеймахъ Не нужны намъ новые законы, кричали нѣкоторые, и не зачѣмъ ѣхать въ Москву, какъ развѣ за тѣмъ, чтобы просить подтвержденія старинныхъ правъ и вольностей.—Всѣ поборы снять и войско вывести изъ Малороссіи,—вотъ что намъ нужно, поддерживали ихъ другіе, какъ во времена Скоропадскаго. Дворянство Нѣжинскаго и Батуринскаго повѣтовъ требовало, чтобъ его депутаты просили о возстановленіи избранія гетмановъ вольными голосами всей Малороссіи, вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Во многихъ мѣстахъ просили, чтобъ никому не было дозволено покупать имѣній въ Малороссіи, иначе какъ съ дозволенія мѣстнаго дворянства, (по примѣру Остзейскихъ губерній). Когда же Безбородко, отецъ будущаго канцлера, заикнулся, что слѣдовало бы просить объ ограниченіи произвола помѣщиковъ надъ крестьянами, то противъ него воздвиглась всеобщая буря.

Все это раздражало Румянцева, который проникнутъ будучи чувствомъ строгой дисциплины, не понималъ, чтобъ такое своеволіе было допускаемо въ благоустроенномъ государствѣ. Онъ горько жаловался Императрицѣ на большую часть малороссійскаго дворянства, присовокупляя, что только отчасти города и крестьяне приняли манифестъ 1766 года какъ великую милость. Но Екатерина смотрѣла шире на вещи, нежели ея генералъ-губернаторъ и нисколько не смущалась отъ этихъ притязаній. „Я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они излагаютъ умоначертанія прежнихъ временъ", отвѣчала она Румянцову. И точно: что могли значить голоса нѣсколькихъ повѣтовъ, обнаруживавшихъ какое-то стремленіе къ обособленію, когда на нихъ голосъ всей Россіи, въ лицѣ ея представителей отвѣчалъ бы veto (не дозволяю)! Общее представительство страны есть колос-

сальный жерновъ, который обращаетъ въ прахъ всѣ мелкіе интересы, несогласные съ общимъ. Справедливость обязываетъ замѣтить притомъ, что если въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Малороссіи и обнаруживался духъ польскихъ сеймиковъ, то были и такіе, которые устраняли всякое существенное различіе между Великороссіей и Малороссіей, и почти всѣ выражали желаніе тѣснѣе сблизиться съ остальнымъ дворянствомъ. Въ наказѣ Черниговскихъ дворянъ прямо выражалось желаніе „объ укрѣпленіи между ними и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной дружбы и единодушія". Почти вездѣ выражалось желаніе, чтобы малороссійскому дворянству дарованы были тѣ же льготы, какъ и великороссійскому, чтобъ ему доставлены были средства къ образованію, чтобъ учреждены были банки, чтобъ заведены были родословныя книги. Такимъ образомъ, не взирая на довольно сильное стремленіе къ сохраненію своей особливости, въ средѣ малороссійскаго дворянства являлось и сознаніе о необходимости и пользѣ полнаго слитія съ Имперіей. Что касается до городскихъ и казачьихъ обществъ, то это было ихъ единодушнымъ желаніемъ.

Довольная общимъ ходомъ выборовъ въ депутаты, Екатерина, въ ожиданіи ихъ сбора въ Москву, пожелала сама лично познакомиться съ нѣкоторыми частями имперіи и предприняла поѣздку по Волгѣ. 2-го мая 1767 года она сѣла на особо приготовленное для нея, изящно отдѣланное рѣчное судно, и начала свое путешествіе съ Твери. Императрицу сопровождала блестящая свита: двое Орловыхъ, оба Чернышевы, Бибиковъ, Елагинъ и многіе изъ иностранныхъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Среди этого избраннаго общества медленное плаванье казалось пріятною прогулкой: „ничего не можетъ пріятнѣе быть, какъ

вояжировать безъ устали цѣлымъ домомъ," писала Государыня къ Н. Панину, оставшемуся при великомъ князѣ. Вездѣ, мимо какого селенія ни проѣзжала царская барка, народъ высыпалъ толпами и провожалъ ее берегомъ отъ селенія до селенія. Купечество и дворянство приготовляли въ городахъ Императрицѣ встрѣчи, въ которыхъ выражалась горячая преданность русскаго народа царю, какъ верховному своему представителю, и преданность самой особѣ Императрицы, которая успѣла уже пріобрѣсть огромную популярность. Съ своей стороны Императрица, пользуясь близостью отъ Волги усадьбъ нѣкоторыхъ лично ей извѣстныхъ помѣщиковъ, посѣщала ихъ, останавливалась передъ нѣкоторыми церквами и заходила въ нихъ, помолиться. Легко понять, что все это увеличивало популярность Императрицы. Дряхлые старцы приказывали выводить себя, чтобъ передъ смертію взглянуть на ту, царствованіе которой открывало новую эру; въ Казани одинъ древній старикъ выведенъ былъ подобнымъ образомъ, „итакъ мнѣ обрадовался, писала Императрица, что почти говорить не могъ; я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ онъ головою все подвигался чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ."

Но если Екатеринѣ были пріятны эти иногда простодушныя, и тѣмъ болѣе искреннія выраженія народной къ ней преданности, если въ ея разсчеты могло входить желаніе возбуждать своимъ присутствіемъ это чувство, то все-таки главною ея цѣлію было изучать обозрѣваемый ею край. И она не упускала этого изъ вида. Она знала Россію доселѣ лишь по бумагамъ и разсказамъ; теперь вся ширь и глубь ея раскрывалась передъ нею.

„Это цѣлое особое Царство, писала она изъ Казани, и только здѣсь, углубясь въ него, постигаешь, какое необъятное дѣло—составить законодательство для Россіи, и какъ мало нынѣ существующіе законы соотвѣтствуютъ положенію страны! Столько разныхъ объектовъ достойныхъ взгляда! Мыслей же на десять лѣтъ здѣсь набрать можно“. Чѣмъ далѣе она подвигалась, тѣмъ шире передъ нею раскрывалось неистощимое богатство Приволжскаго края. Привыкши къ тощимъ пашнямъ и приземистымъ лачужкамъ, окружающимъ Петергофъ и Ораніенбаумъ, Императрица дивилась этому густому слою чернозема, который покрываетъ поля приволжскихъ крестьянъ, этимъ садамъ, которые окаймляютъ тамошнія селенія. Чѣмъ далѣе спускалась она по Волгѣ, тѣмъ плодоноснѣе становилась страна, но тѣмъ явственнѣе въ то же время обнаруживалось и неустройство; у Симбирска уже вѣяло пустыней, степью; самый городъ показался Императрицѣ „скареднымъ“; недоимки въ тамошней провинціи были огромныя, не взирая на всѣ естественныя условія къ благосостоянію и даже богатству.

Здѣсь Государыня оставила Волгу, которая далѣе показалась бы ей еще пустыннѣе; богатая, „мыслями на десять лѣтъ“ она поѣхала въ Москву сухопутьемъ, чтобъ открыть депутатскую коммиссію и, еще разъ, окончательно просмотрѣть свой наказъ. Для этого, пишетъ она въ одной недавно найденной замѣткѣ, „назначила я разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный наказъ коммиссіи уложенія. Тутъ при каждой строкѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать что̀ хотѣли...“

Открытіе коммиссіи для составленія уложенія происходило 30-го іюня (1767 года). Наканунѣ этого

ныя депутаты, имѣя во главѣ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, отправились прежде всего въ Успенскій соборъ, послѣ чего приняты были Императрицею. Каждый изъ нихъ имѣлъ медаль съ надписью: *блаженство каждаго и всѣхъ*, съ обозначеніемъ года и числа манифеста о созваніи депутатовъ. Затѣмъ 31 числа послѣдовало и самое открытіе коммиссіи. Собралось 567 (*) представителей администраціи и народонаселенія Россіи,—людей принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ, мѣстностямъ и племенамъ нашего отечества. Князь Вяземскій предложилъ собранію приступить прежде всего къ избранію своего предводителя. По большинству голосовъ избраны: старшій изъ пяти братьевъ Орловыхъ (вяземскій депутатъ), графъ З. Г. Чернышевъ (волоколамскій депутатъ) и А. И. Бибиковъ (костромской депутатъ). Императрица утвердила послѣдняго. Затѣмъ въ средѣ собранія образованы были 19 комитетовъ для разсмотрѣнія различныхъ предметовъ, входившихъ въ кругъ занятій собранія. Такимъ образомъ, одинъ изъ этихъ комитетовъ разсматривалъ различные предметы относительно преобразованій, которыя предлагались по разнымъ частямъ управленія, другой занимался улучшеніемъ судопроизводства, третій обсуждалъ мѣры къ умноженію народнаго благосостоянія, другіе, наконецъ, устройствомъ духовенства, развитіемъ промышленности и торговли и т. п. Каждый изъ этихъ комитетовъ, занимаясь своимъ спеціяльнымъ предметомъ, по мѣрѣ изготовленія имъ работъ своихъ, вносилъ ихъ на обсужденіе общаго собранія; сущность дѣла, практически-полезная сторона его, разработывалась спеціяльными

(*) Полное число было 652; не всѣ, повидимому, воспользовались своимъ правомъ.

комитетами, но главный общественный интересъ заключался въ засѣданіяхъ коммиссіи; на нихъ нерѣдко присутствовала сама Екатерина, но тайно, не будучи видима. Нѣтъ сомнѣнія, что это были засѣданія весьма любопытныя; здѣсь выражались, какъ тогда говорили, *умоначертанія* не только самихъ депутатовъ, но и выбравшихъ ихъ обществъ; къ сожалѣнію, засѣданія коммиссіи уложенія еще не извлечены изъ нашихъ архивовъ, и мы весьма мало о нихъ знаемъ, хотя и извѣстно, что бумаги, относящіеся до работъ коммиссіи, сохранились и безъ сомнѣнія будутъ открыты для историческихъ изслѣдованій. Коммиссія существовала болѣе года и не довела до конца своихъ занятій. Она была распущена осенью 1768 года по причинѣ разрыва съ Турціей. Начинавшаяся война требуетъ, сказано было въ указѣ 18 ноября, чтобы какъ правительство, такъ и граждане обратили все свое вниманіе и напрягли всѣ свои усилія для защиты отечества.

Это, конечно, совершенно справедливо. Но Екатерина объявляла, что распускаетъ коммиссію „до новаго указа,“— а между тѣмъ этого новаго указа о возобновленіи коммиссіи не послѣдовало во все ея царствованіе, равно какъ и при ея преемникахъ: какія же могли быть тому причины? Иные думаютъ, что коммиссія оказалась ниже предложенной ей задачи, другіе, — что въ ней обнаружились поползновенія къ ограниченію верховной власти. Послѣднее изъ этихъ мнѣній невѣроятно. Депутаты должны были во время своего пребыванія въ Москвѣ сообразоваться съ данными имъ наказами, а большая часть этихъ наказовъ уже разсмотрѣна исторіей и содержаніе ихъ приведено выше. Въ нихъ не заключается ничего похожаго на желаніе ограничить верховную власть. Напротивъ, они выражали

сознаніе, что все благое ожидается народомъ отъ верховной власти; къ которой онъ поэтому и обращался съ полною откровенностію и надеждою.

Что же касается до того, будто коммиссія оказалась неспособною исполнить задачу, для которой она была собрана, то и это обвиненіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Мысли, выраженныя въ наказахъ депутатамъ, вообще серіозны и не даютъ повода заключать, чтобы лица, ихъ писавшія, были тупы; тѣмъ менѣе это можно думать о тѣхъ, которые были избраны для объясненія этихъ мыслей передъ лицомъ правительства. Можно замѣтить между этими мыслями нѣсколько такихъ, которыхъ нельзя назвать либеральными; но странно было бы и ожидать, чтобы вся масса народонаселенія въ какой-нибудь странѣ состояла изъ либераловъ! Императрица желала слышать голоса своихъ подданныхъ не столько для того, чтобы составить изъ нихъ теорію публичнаго права, сколько для того, чтобъ узнать ихъ дѣйствительныя нужды и желанія, а въ этомъ отношеніи полезно заявленіе желаній даже странныхъ и явно противорѣчащихъ здравымъ началамъ. Изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами, Императрица могла убѣдиться, что еслибъ и издать формальный законъ, напримѣръ, о всеобщемъ уничтоженіи пытки, то онъ едва ли на самомъ дѣлѣ исполнялся бы привыкшими къ старинной практикѣ судьями; съ другой стороны она должна была заключить, что при этомъ единодушно заявляемомъ стремленіи къ образованію, скоро должно наступить время, когда общественное мнѣніе само признаетъ этотъ варварскій обычай безполезнымъ и безнравственнымъ. Точно также она должна была убѣдиться, что не наступило еще время разрушить основанія крѣпостнаго права; отъ малороссійскихъ помѣщиковъ, напротивъ того, сдѣланы были заявленія о

распространеніи этого законоположенія. Въ самой коммиссіи нѣсколько словъ, сказанныхъ объ уничтоженіи крѣпостныхъ отношеній, возбудило сильнѣйшее негодованіе. Однако эти слова были сказаны, и богатѣйшій между русскими помѣщиками, графъ Шереметевъ, выразилъ готовность дать свободу всѣмъ своимъ крестьянамъ. Не менѣе важно было для правительства узнать, что въ той же Малороссіи довольно сильны еще преданія о гетманскомъ управленіи; что тамъ довольно сильна еще партія, которая желала бы установить между Великою и Малою Россіей отношенія, подобныя тѣмъ, которыя существовали между нею и королевствомъ Польскимъ, то-есть образовать въ ней, подъ гетманскою булавой особое управленіе, связанное съ имперіей лишь нѣкоторыми условіями; что дворянство Прибалтійскаго края лучше хочетъ не вносить въ свое провинціальное управленіе никакихъ преобразованій, нежели допустить тѣ, которыя замышлялись для остальныхъ частей Россіи. Стремленіе эстляндскихъ и лифляндскихъ депутатовъ уклониться отъ общаго для всей Россіи законодательства, заставило Императрицу однажды съ гнѣвомъ воскликнуть: „Они подданные Россійской Имперіи! Я не лифляндская Императрица, но Всероссійская!“ Обо всѣхъ этихъ стремленіяхъ, несогласныхъ съ благомъ имперіи, правительство могло узнать, и узнать съ достовѣрностію, лишь изъ наказовъ депутатамъ и изъ ихъ заявленій, а потому и принять соотвѣтствующія мѣры. Итакъ, вотъ уже одна чрезвычайно важная и полезная сторона дѣятельности коммиссіи уложенія. Но можетъ быть самыя ея работы оказались очень слабыми? Можетъ быть, въ числѣ этихъ 567 депутатовъ едва нашлось нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ въ уровень съ своимъ призвані-

емъ? Весьма вѣроятно, что очень многіе изъ нихъ дѣйствительно не могли быть серіозными законодателями, какъ это впрочемъ бываетъ въ выборныхъ собраніяхъ и другихъ, болѣе просвѣщенныхъ странъ; важно было уже то, что депутаты были люди практически знавшіе страну и что ихъ интересы связаны съ ея интересами. Мы знаемъ притомъ, что Москва имѣла своимъ представителемъ графа П. Панина, Ярославъ — князя М. Щербатова, человѣка, котораго наблюденія надъ современнымъ ему состояніемъ Россіи весьма замѣчательны; графъ З. Чернышевъ, князь М. Н. Волконскій, генералъ-прокурорь Вяземскій, фельдцейгмейстеръ Вильбуа, Бибиковъ, Мельгуновъ, бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ въ Архангельскѣ, графъ Брюсъ, начальствовавшій потомъ въ Москвѣ, князь А. Голицынъ бывшій главнокомандующій — люди постоянно занимавшіе видныя мѣста въ царствованіе Екатерины, Кутузовъ — будущій князь Смоленскій — ученый Миллеръ, князья Трубецкіе и Оболенскіе, Орловы, Нарышкины, — однимъ словомъ, лучшіе люди тогдашней Россіи находились въ числѣ депутатовъ, — а въ каждомъ собраніи, подобномъ коммиссіи, достаточно нѣсколькихъ десятковъ даровитыхъ и дѣльныхъ людей, чтобъ сообщить всему собранію серіозное направленіе. Впрочемъ, вотъ что писала сама Императрица объ этой коммиссіи нѣсколько лѣтъ послѣ ея закрытія: „коммисія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, — съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Они всѣ части закона собрали и разобрали по матеріямъ и *болѣе того бы сдѣлали*, еслибъ Турецкая война не началась“. Къ этому можно прибавить еще, что работы коммиссіи послужили главнѣйшимъ основаніемъ для важныхъ и полезныхъ преобра-

зованій, совершенныхъ впослѣдствіи Екатериной. Мысль костромскаго дворянства едва ли не была образцомъ, слѣдуя которому, Императоръ Александръ положилъ первое начало устройству сословія собственниковъ-земледѣльцевъ и которая получила въ наши дни окончательное осуществленіе славнымъ указомъ 19 февраля 1861 года.

Но въ такомъ случаѣ еще больше непонятно, почему, по окончаніи Турецкой войны и никогда потомъ, ни Екатерининская коммиссія, ни какое-нибудь другое подобное ей собраніе не были призваны? Дать на это положительный отвѣтъ мудрено. Можно думать, что между лицами, окружавшими Императрицу, было много несочувствовавшихъ законодательнымъ работамъ съ помощію выборныхъ людей, которые если и подали добрые совѣты правительству и доставили ему полезныя свѣдѣнія, то вскрыли и много безпорядковъ, обнаруженіе которыхъ не могло быть пріятно начальствующимъ лицамъ. Затѣмъ, вскорѣ по окончаніи Турецкой войны, въ восьмидесятыхъ годахъ, обнаружились во Франціи первые признаки революціи, которая именно началась борьбою между правительствомъ и выборными собраніями. Это обстоятельство имѣло весьма существенное вліяніе на образъ мыслей не только совѣтниковъ Императрицы, но и ея самой, относительно пользы выборныхъ собраній. Сила, которая въ нихъ заключается, такъ велика, что она можетъ возбуждать опасенія даже тогда, когда нѣтъ къ тому никакихъ видимыхъ причинъ.

Какъ бы то ни было, но коммиссія была распущена. Оставлены были только спеціальные комитеты, работы которыхъ, вмѣсто общаго собранія депутатовъ, представлялись уже прямо правительству. Эти комитеты продолжали свои занятія до тѣхъ поръ, пока не приво-

дили ихъ къ концу, и затѣмъ упразднялись. Послѣдній изъ нихъ закрытъ въ 1774 году.

Должно признаться, что упраздненіе коммиссіи, которое въ настоящее время кажется дѣломъ весьма достойнымъ сожалѣнія, не произвела на современниковъ большаго впечатлѣнія. Можно, кажется, съ увѣренностію сказать, что большинство даже образованныхъ классовъ, не видя прямыхъ послѣдствій работъ коммиссіи, было къ нимъ равнодушно. Но прошло не много времени, и сыновья тѣхъ, которые засѣдали въ коммиссіи, уложенія, говорили о ней, какъ о дѣлѣ превосходящемъ всѣ прочія громкія и славныя дѣла Екатерины. „Память пышности двора твоего и великолѣпіе праздниковъ твоихъ, великая, — восклицаетъ сынъ А. И. Бибикова въ „Запискахъ" о жизни своего отца,—временемъ исчезаютъ; геройскіе подвиги храбрыхъ твоихъ войскъ новыми и неимовѣрными нашего вѣка побѣдами затмятся: но дѣла благотворительницы и законодательницы Россіянъ пребудутъ въ сердцахъ ихъ въ роды родовъ неизгладимыми и тверже запечатленными, нежели бы начертаны на величественныхъ памятникахъ, смиреніемъ твоимъ отринутыхъ"!

V.

Содержаніе наказа Императрицы Екатерины.—Первыя мысли объ освобождении крестьянъ.—Оспопрививаніе.—Воспитательные дома.—Бецкій.—Мѣры къ распространенію просвѣщенія. — Шлецеръ.—Комедіи Екатерины.—Фонъ-Визинъ.—Журналы.—Сатирическое направленіе литературы.—Хорошая и худая сторона этого направленія.

„Наказъ", составленный Императрицей Екатериною есть явленіе слишкомъ значительное, чтобъ мы, вос-

пользовавшіеся его плодами, не были обязаны изучить его содержаніе.

Наказъ, какъ видно по самому его названію, есть инструкція, написанная Екатериною для членовъ созванной ею коммиссіи; это изложеніе тѣхъ мыслей, которыми она желала, чтобъ они руководствовались. Наказъ есть, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ политическій катихизисъ Екатерины, политическое ученіе, которое она преподавала Россіи. Вотъ важнѣйшія его черты. „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства“. Ласкатели, говоритъ далѣе Екатерина, любятъ увѣрять монарховъ, что народы для нихъ сотворены: „однакожъ мы думаемъ, и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа“. Государь, хотя и самодержавный, управляетъ посредствомъ законовъ, которые до изданія ихъ разсматриваются особымъ учрежденіемъ, и если оно замѣчаетъ въ нихъ несовершенства, то представляетъ о томъ государю. Такое учрежденіе въ Россіи—сенатъ, которому въ свою очередь другія правительственныя учрежденія представляютъ о несовершенствахъ дѣйствующихъ законовъ. Цѣль законовъ—„предохранять безопасность каждаго особо гражданина“. Они должны быть общи для всѣхъ гражданъ безъ исключенія; въ этомъ состоитъ „равенство всѣхъ гражданъ“.—„Вольность есть право все то дѣлать, что̀ законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, то бы ужъ больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойство духа, происходя-

щее отъ мнѣнія, что всякій изъ нихъ собственною наслаждается безопасностію, и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялись бы всѣ однихъ законовъ". Законы должны какъ можно менѣе стѣснять личную свободу человѣка и воспрещать лишь то, что̀ вредно всему обществу, или отдѣльнымъ его членамъ. Они должны примѣняться къ понятіямъ народа, для котораго издаются. Слѣдуетъ избѣгать излишества законоположеній; народные нравы слѣдуетъ исправлять не столько законодательными мѣрами, сколько вліяніемъ примѣра, дѣйствіемъ на обычаи и понятія народа.

Нарушеніе закона есть преступленіе; но преступленіе имѣетъ множество степеней, которымъ должны соотвѣтствовать и различныя степени наказаній. Вообще надо имѣть въ виду, что цѣль наказаній заключается не въ томъ, чтобы мучить „тварь чувствами одаренную: они на тотъ конецъ предписаны, чтобъ воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій". Вообще же „гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать",—а предупреждать ихъ можно всего надежнѣе посредствомъ приведенія въ совершенство воспитанія Самое тяжкое преступленіе есть то, которое нарушаетъ спокойствіе и безопасность общественную, каковы умыселъ и заговоръ противъ государя или государства; но при этомъ надлежитъ весьма внимательно наблюдать, чтобы не придать слишкомъ важнаго значенія дѣламъ въ дѣйствительности незначительнымъ, напримѣръ: не смѣшивать разговоровъ, оскорбительныхъ для чести государя, съ дѣйствіями, составляющими настоящую из-

мѣну, или заговоръ; даже письменнымъ язвительнымъ порицаніямъ не слѣдуетъ придавать чрезмѣрнаго значенія,—иначе „умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, отвергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметъ". Вообще должно избѣгать чрезмѣрной суровости въ уголовныхъ законахъ: жестокость возбуждаетъ озлобленіе; пусть суровыми мѣрами истребленъ въ странѣ какой-нибудь родъ злодѣяній: „но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея происходящій; умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся". Обвиняемому должны быть доставлены всѣ средства къ оправданію; ему должно быть предоставлено право отводить тѣхъ изъ числа судей, которыхъ онъ подозрѣваетъ въ пристрастіи противъ себя. „Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію; само человѣчество вопіетъ противу оныя и требуетъ, чтобъ она была вовсе уничтожена. Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго". Предварительное лишеніе свободы обвиняемаго должно дѣлаться съ крайнею разборчивостью. Тайные доносы составляютъ зло: обвиненіе должно производиться гласно; но съ другой стороны весьма важно, чтобы преступленіе, сдѣлавшись извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Отписываніе имѣній въ казну у преступниковъ не должно быть терпимо. Уложеніе должно стараться сдѣлать книгою общедоступною „которую бы за малую цѣну достать можно было, на подобіе букваря".—„Приговоры судей должны

быть народу вѣдомы, такъ и доказательства преступленій, чтобы всякій изъ граждан могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ".

Главы наказа, касающіяся преступленій и наказаній, суть самыя обработанныя и заключаютъ наиболѣе новыхъ для тогдашняго нашего общества взглядовъ. Въ другихъ главахъ Императрица касалась различныхъ важнѣйшихъ вопросовъ законодательства, между прочимъ положенія крѣпостныхъ людей. Она осуждала крѣпостное право прежде всего съ той точки зрѣнія, что оно задерживаетъ увеличеніе народонаселенія. У крестьянъ, пишетъ она, едва ли и четвертая часть рождающихся дѣтей достигаетъ совершеннолѣтія. Обремененные непомѣрными оброками, они принуждены покидать свои семейства и уходить вдаль, на заработки, отчего и земледѣліе и нравственность страдаютъ. Не увѣренные въ своей имущественной безопасности, они скрываютъ свое богатство, когда случайно успѣли его пріобрѣсть, зарываютъ свои деньги и, къ общему ущербу, не пускаютъ ихъ въ оборотъ. „Не должно вдругъ, и чрезъ узаконеніе общее, дѣлать великаго числа освобожденныхъ; но законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества". Не худо было бы давать въ собственность земледѣльцамъ, особенно рачительнымъ и трудолюбивымъ, ихъ поля. Въ странѣ, гдѣ большая часть народонаселенія не имѣетъ никакой собственности, не можетъ быть ни трудолюбія, ни богатства. Далѣе Императрица рекомендуетъ поддержаніе земледѣлія и торговли, устройство банковъ, возбужденіе довѣренности и кредита посредствомъ строгаго и быстраго взысканія долговъ, установленіе прочной монетной системы, учрежденіе правильно организованной полиціи; убѣждаетъ обра-

тить самое серіозное вниманіе на воспитаніе, давать которое, въ мѣрѣ, допускаемой средствами, она относитъ къ естественнымъ и безусловнымъ обязанностямъ родителей; посвящаетъ цѣлый отдѣлъ государственному „строительству“, или хозяйству, то-есть обозрѣнію источниковъ государственныхъ доходовъ и правильному ихъ употребленію; наконецъ она касается важнаго вопроса о кодификаціи, указывая собрать отдѣльно основные законы, отдѣльно—законы временные и отдѣльно же указы, издаваемые на извѣстные случаи.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе наказа. Несправедливо было бы полагать, что всѣ мысли, выраженныя въ немъ, родились въ умѣ самой Екатерины; она многое заимствовала у писателей, считавшихся оракулами своего времени,—у Монтескьё, о которомъ уже не разъ упоминалось, у Беккарія, знаменитаго юриста, перваго усомнившагося въ пользѣ пытокъ и мучительныхъ казней. Теперь всѣ эти мысли не поражаютъ насъ новизною; но это происходитъ именно оттого, что мысли, пущенныя въ ходъ этими писателями, произвели свое вліяніе на современное имъ общество, и что мы родились и воспитались среди поколѣнія, которое ихъ приняло и усвоило. Чтобъ оцѣнить наказъ по достоинству и по справедливости, надо припомнить характеръ законодательства, ему предше твующаго. Очевидно онъ дѣлалъ уже невозможными эти многочисленныя такъ-называемые политическіе процессы первой половины XVIII вѣка, напримѣръ, Девіера, Волынскаго, Лопухиныхъ. До слуха Екатерины II нерѣдко доходили весьма язвительные о ней отзывы, но она по большей части ограничивалась тѣмъ, что называла своихъ порицателей *вралями*, и оставляла ихъ въ покоѣ. Многія изъ выраженныхъ ею мыслей въ наказѣ не проникли

въ законодательство, потому что встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны общественнаго мнѣнія: такъ напримѣръ, пытка не была отмѣнена при ней; но судьямъ было вмѣнено въ обязанность употреблять ее съ крайней осторожностію, и въ нѣкоторыхъ процессахъ, имѣвшихъ особенное значеніе, какъ напримѣръ въ дѣлѣ Мировича, а потомъ Пугачева, Екатерина настоятельно требовала, чтобы пытокъ не было употребляемо. Не взирая на сильныя замѣчанія, находящіяся въ наказѣ о крѣпостномъ правѣ, оно долго пережило Екатерину и даже,—должно сказать съ сожалѣніемъ,—было при ней распространено на Малороссію и Западный край (*); это опять результатъ встрѣченнаго въ общественномъ мнѣніи сопротивленія. Но если какъ выше приведенныя, такъ и многія другія мысли, заключающіяся въ наказѣ, не получали полнаго приложенія въ законодательствѣ, то духъ, которымъ онъ проникнутъ, не могъ не оказать большаго вліянія на все управленіе. Всѣ лица, составлявшія администрацію, знали, что въ немъ заключаются виды и мнѣнія Императрицы, и, разумѣется, должны были прилаживать къ нему собственныя мнѣнія; онъ былъ, при томъ, разосланъ для руководства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ не разрѣшалъ прямо представлявшихся вопросовъ. Такимъ образомъ мысль, господствующая въ наказѣ:—„лучше простить десять виноватыхъ, нежели осудить одного невиннаго", облетѣла всю Россію и въ настоящее время нѣтъ обрözованнаго Русскаго, который не зналъ бы этихъ

(*) Въ законодательствѣ Польши крѣпостнаго права въ строгомъ смыслѣ не было, хотя тамошніе крестьяне находились въ зависимости несравненно болѣе тяжелой, чѣмъ въ Россіи, и помѣщики ихъ наказывались только легкимъ денежнымъ штрафомъ за убійство крестьянина.

словъ и не гордился бы тѣмъ, что они сдѣлались руководящей нитью въ уголовномъ процессѣ его отечества.

Отличаясь отъ Петра I этимъ уваженіемъ даже къ предубѣжденіямъ народа, которымъ она управляла, Екатерина, какъ сказано, не рѣшилась отмѣнить крѣпостное право, но она старалась и въ этомъ отношеніи достигнуть своей цѣли вліяніемъ на общественное мнѣніе. Независимо отъ того, что было выражено ею объ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ наказѣ, она употребила для этого, между прочимъ, слѣдующій способъ. Нѣсколько лицъ изъ ея приближенныхъ и нѣсколько академиковъ возымѣли мысль учредить частное общество для распространенія здравыхъ понятій о земледѣліи и хозяйствѣ вообще. Это общество,— одно изъ первыхъ, въ которыхъ частные люди имѣли возможность сходиться между собою, не опасаясь обвиненія въ „скопѣ и заговорѣ", — возникло въ 1765 г., подъ названіемъ Вольно-экономическаго, и было употреблено Императрицею для того, между прочимъ, чтобъ проводить просвѣщенныя мысли о крѣпостномъ правѣ. Вскорѣ по его открытіи, она прислала въ это общество чрезъ Гр. Орлова, 1000 червонцевъ съ предложеніемъ, назначить ихъ въ награду тому, кто наиболѣе удовлетворительно разрѣшитъ слѣдующій вопросъ: „нужно ли крестьянину-земледѣльцу, для общенародной пользы, имѣть поземельную недвижимую собственность, или одну только движимую"? Императрица ставила передъ обществомъ одинъ только вопросъ о собственности; но всякому очевидно, что собственность можетъ имѣть значеніе лишь тогда, когда человѣкъ имѣетъ *право* и *свободу* располагать ею по своему усмотрѣнію. Общество, отчасти смущенное предложеніемъ Императрицы, опубликовало однакожъ предложенную ему задачу и получило нѣсколько отвѣ-

товъ на нее, изъ коихъ одно, написанное во Франціи, признанное лучшимъ, и разумѣется, доказывавшее, что только къ своей собственности человѣкъ способенъ приложить полное попеченіе, было переведено на русскій языкъ и напечатано. Но несравненно для насъ важнѣе другое подобное же сочиненіе, написанное Русскимъ, именно Полѣновымъ, небогатымъ костромскимъ дворяниномъ, нѣсколько лѣтъ посѣщавшимъ иностранные университеты на счетъ нашей академіи. Его сочиненіе не удостоилось преміи только потому, что въ немъ найдены были „многія надъ мѣру сильныя и, по здѣшнему состоянію, неприличныя выраженія“. Разрѣшая вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ положительномъ смыслѣ, онъ признавалъ за ними безусловное право на всю движимую ихъ собственность; что же касается до земли, то онъ находилъ справедливымъ, чтобъ имъ дана была въ наслѣдственное пользованіе часть помѣщичьихъ угодій, конечно за нѣкоторую, опредѣленную повинность: мысль, какъ видно, весьма близко подходящая къ той, которая легла въ основаніе Положеній 19 февраля 1861 года.

Мысль, пущенная такимъ образомъ Екатериною, не имѣла, какъ сказано, практическаго приложенія. Это неудивительно; она затрогивала слишкомъ существенные интересы; дворянство понимало, что потеря права на обязательный трудъ была бы для него убыточна, а ожидать, чтобы нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ по первому слову вызвались пожертвовать своимъ благосостояніемъ, было бы безуміемъ. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и нѣкто Радищевъ, бывшій въ описываемое время безвѣстнымъ юношей, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины уже прямо и положительно высказывался противъ рабства, и молодое поколѣніе со-

чувствовало его словамъ,—то поколѣніе, которое менѣе нежели черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти Государыни, рукоплескало попыткамъ Императора Александра I образовать сословіе крестьянъ-собственниковъ.

Виды Екатерины относительно освобожденія крестьянъ не были оцѣнены ея современниками; но они оцѣнены потомствомъ; наоборотъ, одно ея дѣйствіе, о которомъ мы должны тутъ же упомянуть, и которое не кажется особенно важнымъ въ настоящее время, возбудило горячій энтузіазмъ сто лѣтъ тому назадъ. Это было введеніе прививанія оспы. Оспа была въ описываемое время жестокою язвою, отъ которой умирали милліоны людей, а другіе милліоны обезображивались. По этому, истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества былъ бы тотъ, кто изобрѣлъ бы средство отвратить это зло. Такой человѣкъ нашелся; это былъ англичанинъ Женнеръ, изобрѣтатель оспопрививанія. Но способъ, который онъ предлагалъ, приводилъ въ смущеніе: онъ *прививалъ* оспу, то-есть, казалось, вводилъ эту язву въ кровь и плоть человѣка... Что же сдѣлала Екатерина? Прежде нежели предписывать своимъ подданнымъ это опасное, по видимому, лѣченіе, она рѣшилась испытать его на себѣ, а потомъ на своемъ наслѣдникѣ.

Если мы поставимъ себя на мѣсто нашихъ предковъ и представимъ себѣ съ одной стороны страхъ, внушаемый прививаніемъ оспы, а съ другой—благодѣяніе имъ оказанное, то въ состояніи будемъ понять и впечатлѣніе, произведенное поступкомъ Екатерины. Сенатъ, отъ имени всего народа, выразилъ ей признательность и установилъ ежегодно праздновать это событіе. Строитель зданія московскаго сената помѣстилъ привитіе оспы Екатериною въ числѣ барельефовъ, украшающихъ

круглую залу этого здания, наряду съ изображеніемъ ея побѣдъ и законодательства, и подписалъ подъ нимъ: „Своею опасностью другихъ спасаетъ“.

Не лишнее будетъ замѣтить здѣсь, что еще нѣсколько ранѣе, именно въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы, Ломоносовъ составилъ предположеніе о весьма широкой системѣ народнаго просвѣщенія,—объ учрежденіи гимназій въ разныхъ городахъ и университетовъ въ Петербургѣ и Кіевѣ. Сомнительно, чтобъ въ то время можно было набрать профессоровъ и даже учителей для всѣхъ этихъ заведеній; но всѣ эти различныя заявленія о потребности образованія въ Россіи, дѣлаемые и учеными, и дворянствомъ, и городами, служатъ любопытнымъ указаніемъ на успѣхъ, совершенный нашимъ отечествомъ со времени Петра, когда ученіе казалось самою тяжелою изъ службъ, требуемыхъ царемъ. Должно замѣтить, что Ломоносовъ точно такъ же, какъ въ послѣдствіи Екатерина и Бецкій, не одобрялъ прежней системы, заключавшейся въ постоянномъ вызовѣ изъ за-границы профессоровъ и академиковъ, а желалъ создать цѣлое поколѣніе образованныхъ русскихъ людей, при помощи которыхъ просвѣщеніе распространилось бы повсемѣстно.

Нельзя не согласиться однакожъ съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ иностранцевъ оказали истинную пользу русскому пр свѣщенію. О ихъ поѣздкахъ съ ученою цѣлію въ оссію, въ предшествующія царствованія, уже было г ворено (Царст. Имп. Ан., гл. II). Подобная же экспедиція была снаряжена и при Императрицѣ Екатеринѣ, въ 1768 году. Въ ней приняли участіе: Гмелинъ, племянникъ прежняго академика, Палласъ, Гильденштедтъ и Лепехинъ. Они обозрѣли Кавказъ и Закавказье, Астраханскій край,

Уральскій хребетъ, Сибирь, Бѣлое и Ледовитое моря, изслѣдуя, какъ физическую природу этихъ странъ, такъ и населенія, въ отношеніи ихъ происхожденія, языка, образа жизни, промысловъ и т. п.

Въ то же время началась серіозная, истинная разработка русской исторіи. Выше говорено было о первыхъ опытахъ по этому предмету. Татищевъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много; Миллеръ собралъ и обнародовалъ множество любопытнѣйшихъ извѣстій, касательно исторіи и современнаго положенія Россіи; но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи былъ положить такого прочнаго основанія русской исторической науки, какъ Шлёцеръ, молодой филологъ, прибывшій изъ Германіи въ 1761 году. Онъ явился въ Петербургъ, не зная ни одного слова по-русски,— и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже въ состояніи былъ читать и переводить даже старинныя рукописи. Занявшись чтеніемъ древнихъ лѣтописей, онъ увидѣлъ необходимость сличить между собою различные ихъ списки, исправить одинъ другимъ и опредѣлить наиболѣе вѣрные тексты. Далѣе, онъ пожелалъ не ограничиваться лишь тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаютъ эти лѣтописи, но извлечь изъ иностранныхъ источниковъ все, что относится до Россіи, — а для этого, изучить сказанія византійскихъ, шведскихъ, арабскихъ и славянскихъ лѣтописцевъ, причемъ ему пришлось учиться всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Весь этотъ громадный трудъ предпринялъ и совершилъ неутомимый Шлёцеръ. Различныя причины, и между прочимъ неуживчивый его характеръ, были причиной, что онъ не долго оставался въ Россіи и успѣлъ изслѣдовать лишь первые вѣка русской исторіи; но за то все, что было имъ изслѣдовано, постановлено на незыблемомъ основаніи; фантастическіе разсказы о началѣ Россіи,

подобные тѣмъ, которыми начинается *Ядро русской Исторіи*, (Вып. III, гл. XXIII.) сдѣлались уже невозможны послѣ Шлёцера.

Изученіе русской исторіи начинало входить въ честь. Императрица сама довольно внимательно занималась ею. Она — позднѣе, правда, — заимствовала изъ временъ Рюрика и Олега сюжеты для драматическихъ сочиненій. Впрочемъ, коснувшись драматическихъ сочиненій Екатерины II, мы должны сказать, что современность играетъ въ нихъ гораздо большую роль, нежели древности. Императрица, въ часы досуга, написала нѣсколько комедій, и другихъ піэсъ въ драматической формѣ, которыя были разыгрываемы на придворномъ театрѣ, а нѣкоторыя и на публичномъ. Всѣ эти піэсы, изображаютъ странности и господствующіе пороки современнаго ей общества, преимущественно суевѣріе ханжество, невѣжество, свѣтское вертопрашество, мотовство, взяточничество. Екатерина не была замѣчательнымъ драматическимъ писателемъ, но въ ея комедіяхъ много остроумія, веселости, и, что особенно важно для насъ, вѣрныхъ чертъ современнаго общества. Вотъ, напримѣръ, изъ комедіи *О время!*, имѣвшей большой успѣхъ на петербургской сценѣ, разсказъ одной старой ханжи, г-жи Ханжихиной. о томъ, какъ она молится и какъ обходится съ своей прислугою.

„Я обѣщалась, говоритъ она, чтобы до вечерни положить 30 поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила мою покойную матушку, (помяни ихъ Господи!) И лишь только начала, анъ — гляжу, вошелъ маминъ—сынъ (лакей), и стоитъ какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: „поди вонъ! не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться“, — а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: „поди ты, сатана, вонъ“, — а онъ ничего

не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете?... Что въ этой бумажкѣ написано? О, несмысленная тварь! О демонское наважденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія жениться. Мнѣ, дескать, тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла; обшить, обмыть некому,—и для того женится... Я велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ... Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобы оно вмѣсто насъ людей-то бы нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печись должно; да только что-то нынѣ ни чего не смотрятъ!"

Екатерина, какъ сказано, не имѣла замѣчательнаго драматическаго и вообще литературнаго таланта: литература была для нея отдохновеніемъ, забавою, или средствомъ дѣйствовать на общество. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ человѣкъ, комедіи котораго и теперь еще не потеряли своихъ достоинствъ: это фонъ-Визинъ, секретарь графа Н. Панина. Его *Бригадиръ* и особенно *Недоросль* должны быть извѣстны каждому образованному русскому человѣку. Эта послѣдняя была поставлена на сцену въ 1772 году. Говорятъ, что знаменитый Потемкинъ послѣ перваго представленія *Недоросля* сказалъ ея автору: „Умри теперь, Денисъ (Ивановичъ), или хотя больше ничего не пиши. Имя твое безсмертно будетъ по одной этой піесѣ".

Театръ и литература хотя и не имѣли, конечно, того значенія въ общественной жизни какъ теперь, начинали однако серіозно интересовать общество. Императрица, наслышавшись о *Бригадирѣ* фонъ-Визина еще прежде чѣмъ онъ былъ данъ на сценѣ, пригласила автора прочесть ей свою піесу, а про *Недоросля* разсказываютъ,

что когда фонъ-Визинъ началъ его читать въ одномъ частномъ домѣ, — тоже прежде постановки его на сцену, — то все общество такъ заслушилось, что позабыло объ обѣдѣ, за который предполагалось сѣсть въ промежуткахъ между дѣйствіями.

Этому живому сочувствію, возбужденному молодою русскою литературой, много способствовало то, что она съ перваго же своего шага коснулась живой дѣйствительности, между тѣмъ какъ на Западѣ преобладали еще сюжеты, заимствованнные изъ древней исторіи, либо описывались идеальные пастушки и пастушки. Очень, — и можетъ быть даже слишкомъ расположенный къ сатирѣ и критикѣ русскій умъ, уже въ первыхъ своихъ литературныхъ опытахъ, такъ-сказать, задѣлъ общество за-живое, и оно, естественно, не могло не заинтересоваться тѣмъ, что говорится о немъ. Этотъ же критическій складъ русскаго ума выразился и въ другой формѣ,— въ журналахъ, которыхъ въ шестидесятыхъ годахъ появилось множество. Назовемъ изъ нихъ лишь наиболѣе замѣчательные: *Трутень*, *Адская Почта*, *Живописецъ* и *Кошелекъ*, изъ коихъ послѣдніе издавалъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный — Новиковъ, о которомъ въ послѣдствіи мы будемъ говорить подробнѣе. Въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, слѣдующимъ образомъ излагалась его цѣль: „Я хотѣлъ, говоритъ издатель, показать: первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе—открыть дорогу тѣмъ, которые умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и, третье—говорить Русскимъ о Русскихъ.“ Эта программа была, можно сказать, общею для всѣхъ прочихъ тогдашнихъ журналовъ. Уже одно большое количество появившихся въ то время изданій доказываетъ, что они имѣли успѣхъ.

Нѣкоторыя изданія Новикова расходились въ числѣ 4000 экземпляровъ, — цифра весьма значительная и для настоящаго времени; *Живописецъ* имѣлъ (въ продолженіи 20 лѣтъ) пять изданій. Кромѣ самихъ издателей и, такъ сказать, присяжныхъ ихъ сотрудниковъ, писателей по ремеслу (которыхъ было чрезвычайно мало), въ это изданіе присылали свои статьи люди свѣтскіе и даже сановные и высоко-поставленные, какъ напримѣръ секретарь Императрицы, Елагинъ, канцлеръ графъ Воронцовъ и княгиня Дашкова: доказательство, какъ распространено уже было сочувствіе къ литературѣ. Казицкій, также одинъ изъ статсъ-секретарей Екатерины, издавалъ журналъ, да и она сама помѣстила въ одномъ изъ современныхъ журналовъ письмо (конечно безъ подписи), по поводу отзывовъ о ея комедіи: *О время!* Въ этихъ журналахъ Екатерининской эпохи печаталъ свои остроумныя мелкія статьи фонъ-Визинъ и дѣлали свои первые литературные шаги Богдановичъ и Державинъ, о которыхъ сказано будетъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Тѣ изъ стихотвореній этого послѣдняго, которые относятся къ эпохѣ, обнимаемой настоящимъ Выпускомъ, вообще довольно незначительны; мы можемъ только замѣтить, что и въ эту пору, когда *муза* Державина (какъ въ то время выражались) была болѣе шаловлива, чѣмъ поэтична, будущій „пѣвецъ Екатерины" уже находилъ въ своей душѣ отзывы на важныя, совершавшіяся вокругъ него событія: онъ „пѣлъ" по случаю побѣдъ нашихъ на Дунаѣ, онъ оплакивалъ безвременную смерть А. И. Бибикова. Подобно ему, на разные случаи обращавшіе на себя вниманіе общества, отзывались Херасковъ и Майковъ тяжелыми, безвкусными, но усердными стихотвореніями.

Это „бряцаніе лиръ" по поводу различныхъ современныхъ происшествій, эти стихи на извѣстные случаи, составляютъ одну изъ особенностей описываемой эпохи. Это было нѣкотораго рода обязанностію, налагаемою на поэтовъ обычаемъ и даже, отчасти, необходимостію, потому что въ тогдашнемъ обществѣ, въ которомъ были только начальники и подчиненные, патроны и кліенты, поэты принадлежали ко второй категоріи. Къ нимъ не относились уже конечно, какъ, относился Волынскій къ Тредіаковскому; (Царст. Ан., гл. VI); но если стихотворецъ былъ вхожъ въ домъ какого нибудь вельможи, или если онъ служилъ подъ его начальствомъ, то неприличнымъ почлось бы, еслибъ онъ не попривѣтствовалъ стихами какой-нибудь семейный его праздникъ, или служебное его повышеніе.

Изъ этихъ двухъ рѣзко различавшихся родовъ литературы,—сатирическаго и торжественно-хвалебнаго,—первое брало явный перевѣсъ. На его сторонѣ были и живость интереса и таланты. На его же сторонѣ былъ и складъ нашего національнаго ума, а можетъ быть, также самая историческая необходимость. Образованные люди второй половины XVIII вѣка ясно сознавали, какъ далеко отстала Россія отъ другихъ странъ, наслѣдовавшихъ просвѣщеніе Греціи и Рима; это сознаніе возбуждало недовольство, порицаніе,—источникъ сатиры. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, уже не нужно было тяжелой руки Петра I, чтобы разбивать уваженіе къ старинѣ: ее казнило перо комика или публициста; приговоръ ей слышался въ хохотѣ слушателей и читателей. Какой-то внутренній голосъ, выходившій изъ нѣд... самого общества; кричалъ: *впередъ, впередъ!...*

Впередъ,—да. Но всегда ли движеніе совер... редъ, то-есть прямо, а не вкривь? Мы имѣ...

имѣть случай указать на многія уклоненія нашего общества отъ прямаго пути, здѣсь же замѣтимъ только, что сами сатирики описываемаго времени уже указывали на лживую внѣшность, на обманчивый „прогрессъ“ тогдашняго общества. Они выводили на сцену и предавали осмѣянію рядомъ съ представителями старинныхъ предразсудковъ, косности и невѣжества, тѣхъ, которые безъ оглядки кидались въ подражаніе иноземному. Вотъ для примѣра сцена отца съ сыномъ въ *Бригадирѣ*.

„*Бриг*. Слушай, Иванъ! Я рѣдко съ молоду красенъ бывалъ, однако теперь отъ тебя, при старости, сгорѣлъ было.

Сынъ. Mon cher père, или сносно мнѣ слышать, что хотятъ женить меня на Русской?

Бриг. Да ты что за Французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился.

Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской.“

А вотъ и нравственная характеристика этого сына.

„*Сынъ*. Я сказалъ вамъ то, что я думаю: voila mon caractère. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бриг. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бриг. Это къ чему? Конечно всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте: ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бриг. Для чего нѣтъ. Я сказалъ тебѣ: отъ человѣкъ до скота, — такъ для чего тебѣ не помѣстить себя тутъ же!

Сынъ. Очень хорошо. А когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?"

Въ вышепреведенномъ отрывкѣ изъ комедіи Екатерины мы видѣли изображеніе одной изъ тѣхъ печальныхъ сторонъ нашего общества въ XVIII вѣкѣ, которыя передала ему по наслѣдству собственная наша старина; фонъ-Визинъ, въ только-что приведенной сценѣ открываетъ то зло, которое, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, приливало къ намъ изъ-за границы. Такъ, вслѣдъ за политическими, устанавливались и другія связи между Россіей и западною Европой, связи имѣвшія, какъ и все на свѣтѣ, свою долю добра и зла.

VI.

Различіе между политикой Россіи и Пруссіи относительно Польши. — Раззореніе Балты. — Арестованіе русскаго посла въ Константинополѣ. —Объявленіе войны.—Кн. Голицынъ, гр. Панинъ и гр. Румянцовъ.—Очеркъ русско-турецкой, границы. — Неудачное начало военныхъ дѣйствій; занятіе Хотина. — Кампанія 1770 года. Сраженія при Ларгѣ и при Кагулѣ. Взятіе Бендеръ. — Результаты кампаніи 1770 года.

Выше (стр. 86) было замѣчено, что Фридрихъ II упрекалъ свою союзницу за то, что она допускала польское правительство усиливаться. Это даетъ важное указаніе на различіе, существовавшее между политикой русскою и прусскою въ отношеніи Польши. Въ этомъ случаѣ не должно смѣшивать вопроса диссидентскаго съ вопро-

сомъ чисто политическимъ. Что касается до покровительства своимъ единовѣрцамъ, Екатерина рѣшилась вполнѣ воспользоваться правами, присвоенными Россіи Московскимъ договоромъ и вывести ихъ изъ униженнаго положенія. Страшный фанатизмъ, который католическое духовенство, вдохнуло въ польское дворянство, вызвалъ противъ представленій Репнина жестокую непріязнь, кончившуюся, какъ мы видѣли, Барскою конфедераціей. Что касается до стороны чисто политической, то мы продолжали дѣйствовать за одно съ партіей Чарторыйскихъ, искренно и разумно стремившихся ко благу своего отечества. Ученый историкъ Лелевель, столько же извѣстный своими историческими трудами сколько и польскимъ патріотизмомъ, самъ сознаетъ, что преобразованія, совершенныя въ первыя годы новаго царствованія, были благодѣтельны.

Но это именно и неправилось Фридриху; онъ настойчиво представлялъ Императрицѣ, что усиленіе королевской власти и устраненіе liberum veto,—главной причины анархіи,—поведетъ къ усиленію Польши, а это не согласно съ интересами сосѣднихъ государствъ. Различіе во взглядахъ на польскія дѣла названныхъ государей лучше всего выразилось въ разговорѣ, который король Прусскій имѣлъ съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ сановниковъ иностранной коллегіи, Сальдерномъ, въ 1766 году. Сальдернъ говорилъ, что Россіи нужно имѣть близь себя государство достаточно сильное, чтобъ служить преградою между нею и султаномъ и цесаремъ, а для этого необходимо, чтобъ въ этой странѣ существовалъ нѣкоторый порядокъ и чтобъ она имѣла нѣкоторую силу. — „Надо ее оставить въ ея летаргіи“, отвѣчалъ на это Фридрихъ.

Нельзя не сознаться, что мысль короля Прусскаго

была строго логична и что Россіи было бы мудрено удержать свое вліяніе въ Польшѣ, какъ скоро эта страна завела бы у себя порядокъ и почувствовала бы свою силу. Но съ другой стороны очевидно также и то, что изъ двухъ своихъ сосѣдей, Польша, еслибъ она руководилась благоразуміемъ, должна была бы склониться на сторону Россіи. Она сдѣлала совершенно напротивъ. Отуманенное религіозною нетерпимостію, польское шляхтство было увѣрено, что его отечество не имѣетъ врага болѣе ожесточеннаго, какъ Екатерина, и въ этомъ его поддерживали, какъ сказано, больше всего Римъ, со всѣмъ католическимъ духовенствомъ западной Европы, и Франціи, политическая система которой относительно Россіи состояла въ томъ, чтобъ совершенно устранить участіе наше въ дѣлахъ Европы. Франція и Римъ воспользовались распрею, возникшею между Россіей и Польшей, и горячо протестовали при всѣхъ дворахъ противъ честолюбія и завоевательной политики Екатерины.

Подстрекаемое французскою политикою, турецкое правительство, еще съ начала 1767 года, стало обнаруживать недружелюбіе къ Россіи, по поводу дѣлъ въ Польшѣ. Оно настоятельно требовало, чтобъ русскія войска были выведены изъ Польши; въ перепискѣ, производившейся по этому поводу, оно выказывало раздраженіе; объясненіямъ русскаго двора не давало вѣры. Партизаны Россіи были одинъ за другимъ удаляемы изъ дивана, или правительственнаго совѣта, и замѣняемы людьми, которыхъ указывалъ французскій посланникъ, — словомъ, обнаруживались признаки вѣроятнаго разрыва, котораго тщательно, но тщетно старалась избѣгнуть Россія. Французскій дворъ ассигновалъ 3 мил. ливровъ для того, чтобы произвести разрывъ между

Россіей и Турціей, и онъ наконецъ дѣйствительно произошелъ.

Руководители крестьянскаго движенія на Украйнѣ, раззоривъ множество помѣщичьихъ зáмковъ и городовъ, послали небольшой казачій отрядъ къ Балтѣ, богатому мѣстечку, находящемуся на самой границѣ Польши и Турціи, такъ что половина мѣстечка принадлежала Польшѣ, а другая Турціи. Запорожецъ Шило, предводительствовавшій этимъ отрядомъ, налетѣлъ на Балту и учинилъ обыкновенную расправу съ Полянами и жидами; а какъ ему подвернулись подъ руку и Турки, то и имъ не дано было пощады. Истребивъ и выжегши Балту, Шило возвратился во свояси, можетъ быть и не подозрѣвая, что его наѣздъ былъ вторженіемъ въ турецкія владѣнія.

Этимъ обстоятельствомъ, въ сущности совершенно незначительнымъ, не преминула воспользоваться непріязненная намъ политика. „Турецкая кровь пролита! восклицалъ въ Константинополѣ французскій посланникъ. Неужели блистательная Порта оставитъ это оскорбленіе безъ примѣрнаго отмщенія? Это формальный вызовъ со стороны Россіи. Это посягательство на турецкую территорію, это посягательство на верховную власть султана!“

Все это было бы справедливо, еслибы наѣздъ Шила былъ совершенъ съ вѣдома русскаго правительства. Но ни французскій посланникъ, ни турецкое правительство не могли не знать, что противъ Шила и его сообщниковъ дѣйствуютъ русскія войска и что, слѣдовательно, предполагать сообщничество между гайдамаками и русскимъ правительствомъ было невозможно. Можно было требовать одного: чтобъ это правительство наказало Шила, какъ своего подданнаго, и вознаградило убытки понесен-

ные Турками. Это поспѣшилъ предложить гр. Панинъ; но Портѣ и ея союзникамъ вовсе не того было нужно. Французскія деньги возбудили константинопольскую чернь, которая схватилась за оружіе и требовала смерти гяурамъ (невѣрнымъ, т.-е. христіанамъ). Обресковъ, нашъ посланникъ въ Константинополѣ, испросилъ аудіенцію у верховнаго визиря; но вмѣсто того, чтобы, по обычаю всѣхъ народовъ, принять его объясненія, и затѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію, визирь велѣлъ въ своемъ домѣ схватить его и отправить въ Семибашенный замокъ. Это было 25 сентября 1768 года. Обычай сажать въ тюрьму посланниковъ тѣхъ дворовъ, съ которыми происходилъ разрывъ, существовалъ въ Турціи издавна; но изъ этого не слѣдовало, чтобы Россія была обязана подчиняться этому дикому обычаю. Если турецкое правительство считало себя въ правѣ горячо принять къ сердцу пролитую кровь своихъ подданныхъ, то и Русская Императрица не могла, не должна была оставаться равнодушною къ публично нанесенному оскорбленію представителю ея и ея народа. На представленія, сдѣланныя Панинымъ по поводу раззоренія Балты, данъ былъ высокомѣрный отвѣтъ черезъ очаковскаго пашу, получивъ который Екатерина отвѣчала своему министру слѣдующею запискою: „Дайте знать этому *вралю*, очаковскому пашѣ, если еще время не ушло, что если Обрескова освободятъ, а на его мѣсто посадятъ французскаго посланника; если накажутъ визиря, который арестовалъ Обрескова и если представятъ мнѣ извиненія,—война можетъ еще не быть, и миръ сохраниться.“

На этихъ условіяхъ, разумѣется, сойдтись было невозможно. Война была объявлена, и хоть время этой войны, извѣстной подъ именемъ *Первой Турецкой*, было для Россіи однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ, мы не имѣемъ

права упрекнуть Екатерину за ея рѣшеніе. Оскорбленіе, нанесенное русскому гражданину, а тѣмъ болѣе представителю русскаго правительства, есть оскорбленіе, нанесенное цѣлой націи; ни Римъ во время своего величія, ни Англія, ни вообще какая либо страна, уважающая себя, не могла бы въ подобномъ случаѣ отвѣтить на вызовъ Турціи иначе, какъ объявленіемъ войны.

Военныя дѣйствія не могли начаться ранѣе слѣдующаго, 1769 года, потому что между тѣмъ наступила глубокая осень. Это обстоятельство было для насъ выгодно; оно давало намъ время изготовиться. Надо было усилить и стянуть армію, надо было начертать планъ военныхъ дѣйствій и назначить главнокомандующихъ. Мы познакомимся поближе съ тѣми, которые были призваны поддержать славу русскаго оружія. Ихъ было на виду трое: князь Голицынъ, графъ П. Панинъ и графъ Румянцовъ.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, сынъ героя Петровскихъ войнъ, получилъ практическое образованіе въ арміи знаменитаго въ свое время полководца, Евгенія Савойскаго; послѣ этого онъ, въ продолженіе 20 лѣтъ, служилъ въ дипломатическомъ корпусѣ и жилъ за границею, пока участіе наше въ Семилѣтней войнѣ снова не призвало его подъ знамена. Онъ явился въ армію уже въ чинѣ генералъ-поручика, съ преданіями старинной тактики, несостоятельность которой такъ блистательно доказывалъ своими побѣдами Фридрихъ II. Будущій нашъ главнокомандующій былъ, слѣдовательно, уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда уроки приносятъ пользу и когда новыя понятія легко усвоиваются; да притомъ онъ, весьма естественно, отвыкъ отъ военнаго ремесла во время своей дипломатической карьеры; онъ не зналъ солдатъ и солдаты его не знали. Вообще права его на

высокое военное положеніе заключались болѣе въ его старшинствѣ и въ имени, которое онъ носилъ, нежели въ личныхъ военныхъ его качествахъ.

Графъ Петръ Панинъ, братъ канцлера, былъ моложе князя Голицына и обладалъ передъ нимъ тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что, не имѣя устарѣлыхъ уже преданій и явясь въ Семилѣтнюю войну свѣжимъ человѣкомъ, онъ болѣе воспользовался уроками Фридриха II, горячимъ поклонникомъ котораго онъ сдѣлался на всю жизнь. Другое большое преимущество его предъ княземъ Голицинымъ состояло въ томъ, что онъ постоянно находился въ дѣйствительной военной службѣ и практически прошелъ всю школу военнаго искусства, отъ низшихъ и до высшихъ чиновъ. И хотя онъ, какъ и почти всѣ подражатели Фридриха, увлекся преимущественно регулярностію прусскаго строя и точностію эволюцій, не вполнѣ понявъ глубокія военныя соображенія своего образца, хотя не имѣлъ его быстроты и рѣшительности, но природа не отказала ему въ нѣкоторыхъ качествахъ, необходимыхъ для военнаго человѣка.

Младшій лѣтами изъ названныхъ трехъ генераловъ, и въ то же время самый замѣчательный изъ нихъ, былъ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, сынъ Петрова денщика, заслужившаго и генералъ-аншефскій чинъ, и графское достоинство. Во время Семилѣтней войны Румянцевъ,—генералъ съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду,—обнаружилъ чрезвычайную настойчивость при исполненіи своихъ предположеній, самостоятельность и умъ способный организовать. Такимъ онъ и остался во всю свою жизнь. Холодный и несообщительный по своей природѣ, чуждый интригъ и врагъ ласкательствъ, онъ постоянно оставался вдали двора и не любилъ туда показываться. Точный до педантизма

въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ одинъ не соглашался присягнуть Екатеринѣ, по вступленіи ея на престолъ, пока не получилъ извѣстія о кончинѣ Петра III. Полагая, что послѣ этого ему уже нечего ждать хорошаго отъ новой Государыни, онъ просилъ отставки; но Императрица отвѣчала на эту просьбу письмомъ, въ которомъ увѣряла его, что онъ ни мало не потерялъ въ ея мнѣніи и что онъ ошибается, если судитъ ее „по стариннымъ поведеніямъ“ (обычаямъ); пріѣзжайте лучше сюда, чтобы „мы другъ друга разумѣли,“ заключала Императрица. Такимъ образомъ она сохранила Румянцова для пользы и славы Россіи. Его холодный умъ и холодныя манеры не могли, конечно, расположить къ нему новую Императрицу, но не помѣшали ей оцѣнить его достоинствъ. По уничтоженіи гетманскаго достоинства, она ввѣрила ему управленіе Малороссіей, и здѣсь его административныя способности имѣли случай вполнѣ развернуться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно пріобрѣсть ему уваженіе Государыни. Въ многочисленныхъ письмахъ своихъ къ нему она никогда не допускала той шутливой непринужденности, которою обворожала приближенныхъ, сочувственныхъ себѣ людей, но постоянно относилась къ нему съ уваженіемъ и довѣріемъ. Такія же чувства возбуждалъ къ себѣ Румянцевъ и въ своихъ подчиненныхъ; едва ли онъ имѣлъ страстныхъ приверженцевъ, какъ Суворовъ или Потемкинъ; но жители управляемыхъ имъ областей знали, что онъ нигдѣ не допуститъ несправедливости и пристрастія, а войска — что они будутъ сбережены, и если вступятъ въ бой, то выдутъ изъ боя не иначе какъ побѣдителями.

Изъ этихъ трехъ генераловъ,—Румянцова, Панина и Голицына, — для командованія въ предстоящей войнѣ избраны были первый и послѣдній.

Но прежде чѣмъ разсказывать ходъ военныхъ событій, познакомимся съ мѣстностію, на которой они должны были происходить.

Въ первые годы царствованія Екатерины II граница наша съ Турціей оставалась вообще въ томъ же видѣ, какою была установлена при царѣ Ѳеодорѣ. Азовъ, потерянный Петромъ, былъ возвращенъ при Аннѣ, а Кабарда,—земля, лежащая на сѣверномъ склонѣ Кавказа и чрезъ которую проходитъ дорога въ Грузію, — признана была, тоже при Аннѣ Іоанновнѣ (Царст. Ан., гл. V.) вольною, то-есть не принадлежащею Турціи. Далѣе, за Кабардой слѣдуютъ горскіе кавказскіе народы и Грузія, признававшіе надъ собою власть султана. Въ другую сторону отъ Азова, къ западу, граница наша шла степями нынѣшняго Новороссійскаго края, именно по р. Міусу до р. Самары, впадающей въ Днѣпръ. Нѣсколько выше впаденія этой рѣки (считая по Днѣпру) упиралась въ Днѣпръ и граница Польскаго государства, именно близь нынѣшняго Кременчуга. На югъ отъ польской и турецкой, или правильнѣе, татарской (крымской) границы, шла, по обѣ стороны Днѣпра, земля Запорожскаго войска, которая на картахъ XVIII вѣка изображалась внѣ русскихъ владѣній. Дѣйствительно, до самаго XVIII вѣка Запорожье находилось болѣе въ номинальной, нежели въ дѣйствительной зависимости отъ Россіи, да и гораздо позднѣе, даже при Екатеринѣ, какъ мы видѣли, запорожская вольница не почитала себя связанною ни русскою политикой, ни русскими законами. Чтобы положить начало болѣе правильному устройству этого края, въ царствованіе Императрицы Елисаветы вызваны были изъ владѣній цесарскихъ наши единовѣрцы, Славяне, преимущественно Сербы, терпѣвшіе утѣсненія со стороны католическаго духовенства, и

приглашены водвориться на привольныхъ степяхъ, оставляемыхъ впустѣ Запорожцами. Это приглашеніе было охотно принято, и мало-по-малу нѣсколько десятковъ тысячъ Сербовъ-выходцевъ было водворено на этой мѣстности, которая поэтому и была названа *Новою Сербіей*, а потомъ переименована въ Новороссійскую губернію. Переселенцы были росписаны на полки, получили военное устройство, соотвѣтствующее ихъ пограничному положенію, и въ центрѣ ихъ поселеній, за Днѣпромъ, воздвигнута крѣпость Св. Елисаветы (Елисаветградъ).

Этотъ выдвинутый постъ между польскими и турецкими владѣніями имѣлъ большую важность въ военномъ отношеніи: это было превосходное сборное мѣсто для нашихъ войскъ, которыя, стянувшись къ Елисаветинской крѣпости, могли отсюда быстро перенестись въ глубину польскихъ владѣній и брали ихъ, такъ сказать, въ тылъ; оттуда же они могли, въ случаѣ войны съ Турціей, устремиться на Дунай или къ Перекопу, препятствуя соединенію турецкихъ и татарскихъ силъ. Но это же самое выдвинутое положеніе Новороссійской губерніи дѣлало ее открытою для непріятельскихъ вторженій, какъ это именно и случилось при началѣ Турецкой войны. Зимою 1768—69 года толпы Буджакскихъ Татаръ (жившихъ между низовьями Днѣстра и Буга), вторгнулись въ нее и произвели страшное опустошеніе. Далѣе, хотя положеніе Елисаветинской крѣпости и приближало насъ къ Дунаю, но чтобы проникнуть въ глубину турецкихъ владѣній, надо было проходить широкими степями, обитаемыми разными татарскими племенами, и переправляться чрезъ двѣ значительныя рѣки, Бугъ и Днѣстръ, изъ коихъ послѣдняя была прикрыта двумя крѣпостями, Бендерами

и Хотиномъ. За Днѣстромъ обитали племена христіанскія, намъ единовѣрныя: Молдаване, Волохи и Болгары; угнетаемые Турками, они обнаруживали къ намъ сочувствіе всякій разъ, когда возбуждалась война между Россіей и Турціей: при Аннѣ, при Петрѣ и даже еще ранѣе. Можно было надѣяться, что и теперь они будутъ нашими союзниками; но для этого нужно было явиться на Дунаѣ, а онъ отстоитъ отъ Елисаветграда не ближе 400 верстъ по прямому пути, изъ коего половина пролегаетъ пустыми степями, обитаемыми воинственными и враждебными племенами. Таковъ былъ театръ открывавшейся войны и таковы препятствія, которыя наша армія должна была преодолѣть.

Планъ предстоящей кампаніи былъ слѣдующій: Румянцеву, со второю арміей поручено было охранять всю огромную линію нашей границы отъ западнаго угла Новороссіи до Азова; первая армія собиралась въ польской Украйнѣ,—нынѣшнихъ Подольской и Кіевской губерніяхъ,—съ тѣмъ, чтобъ оттуда начать наступленіе. Князь Голицынъ, который командовалъ этою арміей, долженъ былъ овладѣть Хотиномъ и утвердиться на Днѣстрѣ, прикрывая такимъ образомъ и Польшу, и Россію, а затѣмъ, по обстоятельствамъ, дѣйствовать наступательно и далѣе. Въ то же время небольшіе отряды должны были двинуться на Кубань и даже въ Грузію, населеніе которой, единовѣрное намъ, готово было возстать противъ Турціи. Наконецъ, въ глубочайшей тайнѣ, въ Кронштадтѣ и Архангельскѣ снаряжались эскадры, которыя предполагалось послать въ Средиземное море, чтобы поднять Грековъ. Планъ былъ, слѣдовательно, обширный: посмотримъ, какъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Весною 1769 года князь Голицынъ, съ первою арміей,

открылъ кампанію движеніемъ къ Хотину; но тутъ съ первыхъ же шаговъ оказалась его нераспорядительность и неспособность; онъ не запасся ни осадною артиллеріей, ни достаточнымъ количествомъ провіанта для осады этой крѣпости, простоявъ нѣсколько времени передъ которою, долженъ былъ снова возвратиться на Украйну. Запасшись на этотъ разъ продовольствіемъ, князь Голицынъ вторично подступилъ къ Хотину; но благопріятное время было упущено. Турецкая армія, переправясь между тѣмъ черезъ Дунай, была уже недалеко отъ Днѣстра и выслала отрядъ на усиленіе Хотинскаго гарнизона. Голицынъ находился между сильною непріятельскою крѣпостію и цѣлою непріятельскою арміей: положеніе довольно сходное съ тѣмъ, какое занималъ царь Петръ передъ Нарвскимъ сраженіемъ. По счастію, противъ Голицына былъ не Карлъ XII и не Шведы, а визирь безъ военныхъ дарованій и армія безъ дисциплины. Простоявъ нѣсколько дней въ бездѣйствіи въ своемъ лагерѣ, нашъ главнокомандующій началъ обратное движеніе къ Подоліи; визирь кинулся-было за нимъ, но потерпѣлъ сильное пораженіе и побѣжалъ въ глубину Молдавіи. Тогда и хотинскій гарнизонъ, видя себя оставленнымъ, покинулъ крѣпость, и нашимъ войскамъ оставался трудъ лишь занять ее.

Такимъ образомъ задача, возложенная на князя Голицына, была, собственно говоря, выполнена; тѣмъ не менѣе главнокомандующій обнаружилъ такъ мало способностей, что его рѣшились отозвать. Первую армію поручили Румянцеву, а на его мѣсто призванъ былъ графъ П. Панинъ.

Между тѣмъ, по занятіи Хотина, небольшіе отряды русскихъ войскъ вступили въ Молдавію, народонаселеніе которой встрѣтило ихъ съ большимъ сочувствіемъ.

Яссы были заняты и летучіе наши отряды проникли до Дуная. Румянцеву предстояло утвердиться на Дунаѣ занятіемъ расположенныхъ на этой рѣкѣ крѣпостей, а задача Панина состояла въ томъ, чтобъ овладѣть сильною турецкою крѣпостью, Бендерами, и такимъ образомъ очистить отъ турецкаго господства все пространство впереди тогдашней русской границы, прервавъ въ то же время всякую связь между Крымомъ и Турціей.

Графъ Румянцевъ, прибывъ въ армію, нашелъ дѣла въ весьма худомъ положеніи. На отряды, расположенные въ занятомъ краѣ, были сильныя жалобы; они грабили жителей, которые встрѣтили русскія войска дружелюбно. Дурныя распоряженія и проливные дожди затрудняли подвозку провіанта изъ Россіи; къ довершенію же бѣдствій въ арміи показалась чума. Чрезвычайная распорядительность, дѣятельность и настойчивость новаго главнокомандующаго восторжествовали однакожъ надъ всѣми этими неблагопріятными условіями, и войска начали мало-по-малу подвигаться со своихъ зимнихъ квартиръ къ Молдавіи, слѣдуя вдоль Прута. Они не встрѣчали нигдѣ серіознаго сопротивленія, потому что дожди замедлили переправу визиря черезъ Дунай; только крымскій ханъ стоялъ у Кишинева съ своими Татарами, не рѣшаясь одинъ, безъ поддержки Турокъ, вступить въ бой ни съ Румянцевымъ, ни съ Панинымъ. Визирь, все еще задерживаемый у Дуная, прислалъ ему подкрѣпленіе тысячъ въ десять съ приказаніемъ задерживать Румянцева. Тогда ханъ подвинулся къ Пруту, переправился на правый берегъ этой рѣки, по которому слѣдовала наша первая армія, но былъ прогнанъ, перешелъ обратно на ея лѣвый берегъ и окопался на высотахъ за рѣчкою Ларгой, впадающею въ Прутъ. Румянцевъ рѣшился атаковать его въ этой

позиціи, хотя и мѣстоположеніе и число войскъ давали ему большія преимущества надъ Русскими: у хана было 60--80 т. войска, а Румянцевъ, хотя и выступилъ съ мѣста съ 50.000, но болѣзни, особенно чума, и необходимость отдѣлять отряды для прикрытія сообщеній уменьшили его армію, въ которой не было и 30.000 чел. 7 іюля произошелъ бой при р. Ларгѣ,—первый въ ряду знаменитыхъ военныхъ подвиговъ, прославившихъ 1770 годъ. Онъ начался въ 4 часа утра, а въ двѣнадцать позиціи непріятеля, болѣе 30 орудій и весь его обозъ былъ въ нашихъ рукахъ. Татары и Турки пустились въ разсыпную по широкой степи.

Между тѣмъ получены были извѣстія, что визирь переправляется черезъ Дунай съ 150.000 Турокъ. Эта огромная армія, соединясь съ Татарами, хотя и разсѣянными, но многочисленными, представляла бы такую массу, которая неминуемо подавила бы русскую армію, значительно уменьшившуюся и отъ сраженій и, еще болѣе, отъ чумы. Обыкновенный полководецъ поспѣшилъ бы отступить при такихъ условіяхъ, и имѣлъ бы тѣмъ болѣе право это сдѣлать, что могъ опасаться за продовольствіе своей арміи въ этомъ отдаленномъ и пустынномъ краѣ. Но чрезъ это онъ потерялъ бы плоды недавней побѣды и едвали въ состояніи былъ бы совершить свое отступленіе благополучно въ виду непріятеля, богатаго кавалеріей. Румянцевъ, столько же отважный и рѣшительный, сколько хладнокровный, предположилъ разбить отдѣльно визиря, также какъ онъ отдѣльно разбилъ хана. Мѣстность благопріятствовала этому плану. Страна, прилегающая къ нижнему Дунаю, низменна и перерѣзана множествомъ рѣчекъ, впадающихъ въ него съ лѣвой стороны, при чемъ онѣ образуютъ широкіе лиманы, или озера. На одномъ изъ такихъ лимановъ, об-

разуемомъ рѣчкою Ялпухъ, укрылся ханъ. послѣ своего пораженія, а визирь, переправясь черезъ Дунай, расположился по другую, правую сторону того же лимана, упираясь лѣвымъ плечомъ въ лиманъ рѣчки Кагула. Румянцевъ могъ слѣдовательно перевѣдываться съ нимъ отдѣльно отъ хана и, въ случаѣ побѣды, втоптать Турокъ въ Дунай, протекавшій позади ихъ позиціи. Но у визиря было, какъ сказано, до 150.000 войска, а у Румянцева, послѣ Ларга, и за отдѣленіемъ отряда для удержанія Татаръ, оставалось не болѣе 17.000 человѣкъ: можно ли было рѣшиться на сраженіе при такой несоразмѣрности силъ! Нашей арміи надлежало въ полномъ смыслѣ слова побѣдить или умереть. Но въ такихъ-то случаяхъ и совершаются самые блистательные подвиги.

21 іюля, до разсвѣта, войска Румянцева двинулись впередъ пятью большими карреями. Какъ только восходящее солнце открыло это движеніе, изъ визирскаго лагеря хлынула масса кавалеріи и, точно прорвавшая плотину рѣка, залила всю равнину. Но эти стройные, плотные пять карревъ, охваченные со всѣхъ сторонъ волнами пестрыхъ всадниковъ, продолжали подвигаться, останавливаясь изрѣдка, чтобъ очистить себѣ путь картечью. Лагерь турецкій былъ близко; но по мѣрѣ приближенія къ нему, стали въ эти несокрушимые карреи долетать ядра и выхватывать цѣлые ряды. Былъ уже девятый часъ утра: достанетъ ли силъ у людей, утомленныхъ долгимъ боемъ, одолѣть турецкую пѣхоту и овладѣть непріятельскими пушками? Удержитъ ли хана слабый отрядъ выставленный противъ него, или же и съ тыла хлынетъ новое море всадниковъ? Въ случаѣ неуспѣха, гибель была неминуема; но тѣмъ сильнѣе могучая воля Румянцева напирала на покорные карреи, кото-

рые все шли и шли впередъ подъ ея неотразимымъ напоромъ... Вотъ уже и самыя укрѣпленія, установленныя пушками. Вдругъ масса скрытыхъ въ лощинѣ янычаръ (лучшіе пѣхотинцы турецкой арміи) кидается на правое наше карре (генерала Племянникова) съ такимъ пыломъ и съ такою неожиданностію, что оно въ одно мгновеніе приведено въ разстройство. Все погибло бы, еслибы минутное колебаніе продлилось! Румянцевъ несется къ этому каррею—и порядокъ въ немъ установляется. Тогда, писалъ Румянцевъ Императрицѣ „ударили мы во всю мочь на мечъ и огонь турецкій". Янычары опрокинуты и Племянниковъ на ихъ плечахъ врывается внутрь укрѣпленій. Между тѣмъ Репнинъ (отозванный изъ Варшавы) съ лѣвымъ карреемъ, обойдя непріятельскій лагерь, начинаетъ осыпать его ядрами и угрожаетъ пресѣчь сообщеніе Турокъ съ Дунаемъ. Ужасъ овладѣваетъ ими. Вся несмѣтная ихъ толпа кидается къ этой рѣкѣ и, преслѣдуемая однимъ изъ лучшихъ помощниковъ Румянцева, Бауеромъ, гибнетъ въ ней массами. Лагерь и 130 орудій въ рукахъ побѣдителей.

Оба извѣстія,—о побѣдахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ,— одно за другимъ примчалась въ Петербургъ и потрясли радостію столицу. Императрица была въ восхищеніи. „Несравненной арміи моей успѣхи и побѣды, писала она Румянцеву, кто съ толикимъ удовольствіемъ видѣть можетъ, какъ я? Но какъ велика радость моя, сіе легче чувствовать можно, нежели описать! Однимъ словомъ,—отъ малаго до великаго могутъ быть увѣрены о моей къ нимъ милости". И точно, побѣдители при Ларгѣ и Кагулѣ были щедро награждены. Что касается до самаго Румянцева, то онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, получилъ Георгіевскую ленту и большія имѣнія въ Малороссіи.

Послѣдствіемъ побѣды при Кагулѣ было очищеніе Турками всего лѣваго берега Дуная. Многочисленныя, но вообще незначительныя ихъ крѣпости здѣсь находившіяся, сдавались одна за другою, видя, что некому подать имъ помощи. Отдѣльные наши отряды переправились на правый берегъ Дуная, вступили въ Валахію и безъ сопротивленія заняли Букарештъ. Между тѣмъ графъ Панинъ, послѣ долгой осады, взялъ приступомъ Бендеры, послѣ чего не осталось болѣе слѣдовъ турецкаго владычества на всемъ обширномъ пространствѣ между Дунаемъ и нашею границей. Турція лишена была возможности высылать массы Татаръ во флангъ нашимъ арміямъ, и крымскій ханъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ Россіей. Къ этому надо еще присоединить, что небольшой отрядъ, посланный въ Грузію, былъ тамъ встрѣченъ съ радостію и надеждой: измученные долговремечнною зависимостью отъ Турціи, Грузины соединились съ русскими войсками и обратили оружіе на своихъ притѣснителей.

Таковы были результаты кампаніи 1770 года, одной изъ самыхъ блистательныхъ во всей нашей военной исторіи. Но это было не все: въ то самое время, когда совершались описанные подвиги на сушѣ, нашъ флотъ приводилъ въ трепетъ Константинополь и открывалъ новую будущность христіанскимъ племенамъ юго-западной части Турецкой Имперіи.

VII.

Русскій флотъ послѣ Петра I.—Цѣль отправленія его въ Средиземное море.—Положеніе Грековъ и Славянъ въ Турціи.—Сношенія гр. А. Орлова съ греческими патріотами.— Стефанъ Малый.—Экспедиція кн. Долгорукова въ Черногорію—Морейская экспедиція.—Сраженіе при Чесмѣ.—Результаты Морейской экспедиціи.

Флотъ, созданный Петромъ I, послѣ его смерти сталъ приходить въ забвеніе и упадокъ. Онъ былъ совершенно ничтоженъ во все время царствованія Императрицъ Анны и Елисаветы; Петръ III, задумавъ вести войну съ Даніей, обратилъ на него вниманіе, но, разумѣется, въ кратковременное свое царствованіе ничего сдѣлать не могъ, такъ что Екатерина, вступивъ на престолъ, нашла его въ весьма жалкомъ положеніи. Въ 1765 году, послѣ смотра сдѣланнаго флоту, она писала Н. Панину: „мы имѣемъ много кораблей и людей на нихъ, но не имѣемъ ни флота, ни матросовъ“. На этомъ смотру корабли затруднялись въ производствѣ самыхъ простыхъ движеній, сталкивались между собою, сцѣплялись снастями, а стрѣльба производилась весьма неудовлетворительнымъ образомъ. Екатерина рѣшилась извлечь нашъ флотъ изъ этаго жалкаго положенія. Но такое дѣло не можетъ совершиться скоро. Постройка кораблей стоитъ дорого, для нея требуется заблаговременно заготовленный лѣсъ, а главное дѣло, хорошіе моряки образуются лишь временемъ и практикой. Что возможно, то было сдѣлано. На кронштадтской и архангельской верфяхъ работы кипѣли; морскія команды упражнялись на уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени судахъ, изъ Даніи и Англіи вызываемы были въ нашу службу офице-

ры,—и къ началу 1769 года у насъ уже были двѣ эскадры, которыя рѣшено было ввести въ Средиземное море, чтобъ дѣйствовать противъ Турокъ съ той стороны, съ которой они никакъ не могли ожидать нападенія. Эти приготовленія очень озабочивали иностранныхъ дипломатовъ, которые не могли понять, съ какою цѣлію они производятся. Отправка русскихъ эскадръ въ Средиземное море казалась дѣломъ совершенно невѣроятнымъ, или, по крайней мѣрѣ, безразсуднымъ. Французское правительство, въ перепискѣ съ своими дипломатическими агентами, называло эту мысль несчастною и романическою и предсказывало, что ни одного русскаго корабля не возвратится изъ Средиземнаго моря.

Тѣмъ не менѣе, лѣтомъ 1769 года наши эскадры выступили изъ Кронштадта и Архангельска и, какъ увидимъ, мрачныя предсказанія французскихъ политиковъ не оправдались.

Между тѣмъ еще до разрыва съ Турціей графъ А. Орловъ проживалъ въ Италіи для лѣченія, или подъ предлогомъ лѣченія, и завязывалъ тамъ узелъ чрезвычайно важнаго дѣла. Извѣстно, что въ Турецкой Имперіи наименьшая часть жителей состоитъ изъ Турокъ, что полуостровъ Морея и прилегающія къ ней части материка, равно какъ и острова Іонійскіе и Архипелажскіе, населены потомками нѣкогда великихъ и славныхъ Грековъ, а во всей сѣверной части Балканскаго полуострова, да отчасти и въ древней Македоніи, народонаселеніе состоитъ изъ Славянъ. Какъ Греки, такъ и Славяне суть наши единовѣрцы и единство религіи установило издавна нѣкоторыя связи между Россіей и этими племенами. Еще цари наши постоянно высылали щедрыя приношенія Константинопольскому (греческому) патріарху; Аѳонскій монастырь главнѣйше существовалъ ми-

лостынями, присылаемыми изъ Россіи. Что касается до Славянъ, то ихъ знали, особенно до XVIII вѣка, гораздо меньше, но симпатія къ намъ этихъ народовъ оказалась при первомъ появленіи нашемъ среди нихъ, близь Дуная. Не взирая на неудачу Петра подъ Прутомъ, его имя сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ между различными племенами турецкихъ Славянъ; среди нихъ распространилась вѣра, что рано или поздно великій сѣверный славянскій народъ придетъ на помощь своимъ братіямъ, и вѣра эта, казалось, готова была оправдаться, когда Минихъ сталъ громить Турокъ. Бѣлградскій миръ не оправдалъ этой вѣры, но она продолжала существовать, и все, что совершалось важнаго въ Россіи, находило отзвучіе между турецкими Славянами.

Положеніе какъ Славянъ такъ и Грековъ было тяжкое,—такое, каково можетъ быть положеніе людей порабощенныхъ полудикими побѣдителями; а потому отъ времени до времени, какъ между Греками, такъ и между Славянами ненависть къ Туркамъ оказывалась возмущеніями. Но между Греками сохранились слѣды древней цивилизаціи; Греки вели обширную торговлю, преимущественно съ Италіей, и были отличными моряками; нѣкоторыя греческія фамиліи, жившія въ Константинополѣ, не взирая на тяжелое, лежавшее на нихъ ярмо, искусствомъ и хитростію успѣвали пріобрѣсть большое вліяніе на управленіе государствомъ и занимать важныя должности; другія, уставъ терпѣть насилія на родинѣ, покидали ее и переселялись въ Италію, преимущественно въ Венецію, и открывали тамъ богатые торговые или банкирскіе дома. Наконецъ, на Іонійскихъ островахъ сгруппировалось густое греческое народонаселеніе, которое чувствовало себя довольно свободнымъ отъ турецкаго гнета,— и въ средѣ

этихъ-то Іонійскихъ Грековъ и переселенцевъ въ Италію, начинала уже въ то время, о которомъ мы говоримъ, созрѣвать мысль объ освобожденіи Греціи изъ-подъ турецкаго ига,—мысль осуществившаяся полъвѣка спустя.

Орловъ, по собственному ли побужденію, или вслѣдствіе полученныхъ инструкцій, во время своего пребыванія въ Италіи, сошелся съ людьми, мечтавшими объ освобожденіи Греціи и старался узнать, есть ли какія-нибудь основанія для того, чтобъ эти мечты обратились въ дѣйствительность. Желаніе освободить Грецію существовало въ Европѣ съ самаго появленія въ ней Турокъ. Папы, императоры германскіе, короли французскіе стремились къ ея осуществленію и приглашали московскихъ царей оказать имъ содѣйствіе; союзъ, въ который вступила царевна Софія съ Польшей и Императоромъ, имѣлъ ту же цѣль. Пылкій Минихъ надѣялся осуществить ее во время своихъ походовъ противъ Турокъ и составлялъ проекты объ изгнаніи Турокъ въ своемъ заточеніи. Естественно, что эта мысль была не чужда и Екатеринѣ. Есть извѣстіе, что вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, она отправила греческаго уроженца, находившагося въ русской службѣ и пріятеля Орловыхъ, Папандопула, въ Грецію, чтобъ развѣдать о расположеніи умовъ въ той странѣ. Но оставляя въ сторонѣ извѣстія, не вполнѣ достовѣрныя, обратимся къ тѣмъ, которыя не подлежатъ сомнѣнію. По словамъ лицъ, съ которыми Орловъ сносился, вѣроятности произвесть общее возстаніе между Греками были очень сильны. Въ послѣдніе годы передъ тѣмъ временемъ, о которомъ говорится, насилія причиняемыя христіанамъ Турками достигли крайнихъ предѣловъ. Изъ одной Албаніи,—страны прилегающей къ Адріатическому морю,—

бѣжало въ Италію и на Іонійскіе острова до 100.000 христіанъ; между славянскими племенами, въ Грузіи, даже въ Египтѣ, гдѣ населеніе не христіанское, также вспыхивали возмущенія. Было много вѣроятія, слѣдовательно, что при нѣкоторой поддержкѣ со стороны Россіи, всѣ эти племена,—а особенно греческое, наиболѣе готовое, казалось, къ самостоятельной политической жизни,—возстанутъ, принудятъ турецкое правительство раздѣлить свои силы и, при благопріятномъ ходѣ дѣлъ, образуютъ изъ себя независимыя государства, которыя будутъ обязаны своимъ существованіемъ Россіи. Обо всемъ этомъ Орловъ доводилъ до свѣдѣнія петербургскаго двора, и сообщаемыя имъ изѣстія производили тамъ большое впечатлѣніе. Съ начала войны, въ Грузіи происходило сильное браженіе, которое очень озабочивало султана; христіане Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи встрѣчали Русскихъ, какъ союзниковъ; если же между Греками и южными Славянами произошло бы формальное возстаніе, то можно было ожидать, что господству Турокъ въ Европѣ положенъ будетъ конецъ, и что цѣль, къ которой стремились германскіе императоры, польскіе короли и римскіе папы, будетъ наконецъ достигнута.

Эскадрамъ, которыя выступили изъ Кронштадта и Архангельска, дано было назначеніе способствовать возстанію Грековъ, и съ этой цѣлію онѣ были снабжены пятитысячнымъ дессантнымъ отрядомъ. Руководить этимъ щекотливымъ дѣломъ поручено было графу А. Орлову и въ помощь ему прислано было нѣсколько офицеровъ изъ Петербурга, между которыми мы назовемъ князя Юрія Долгорукова, оставившаго весьма любопытныя записки о своей дѣятельности въ это время. Онъ былъ посланъ Орловымъ въ Черногорію. Черного-

рія—это маленькая землица возлѣ берега Адріатическаго моря, гористая и суровая, населенная племенемъ воинственнымъ, которое одно, при всеобщемъ порабощеніи туземцевъ Турками, не подчинялось ихъ власти и сохраняло въ совершенной чистотѣ и свою славянскую народность, и свое нарѣчіе, и свою религію. Черногорцы находились въ постоянной войнѣ съ сосѣдними турецкими пашами, а въ настоящую минуту эта война принимала характеръ, который обращалъ на нее особливое вниманіе.

Между Черногорцами явился самозванецъ, который называлъ себя Императоромъ Петромъ III. Откуда пришла странная мысль простому Черногорцу принять имя Русскаго Императора? Это остается необъясненнымъ, хотя о черногорскомъ лже-Петрѣ писано довольно много. Стефанъ Малый, — таково было имя этого страннаго самозванца, очень серіозно выдавалъ себя за покойнаго Императора; владыка, или главное духовное лицо въ Черногоріи, поддерживалъ его, и къ нему стекались на поклоненіе не только Черногорцы, но сосѣдственныя съ ними Албанцы, Рагузяне, и другіе христіане сосѣднихъ племенъ. Стефанъ сдѣлался, такимъ образомъ, предводителемъ значительной массы полудикихъ, но отважныхъ воиновъ, совершалъ смѣлыя вторженія въ земли, подвластныя султану и грозилъ увлечь за собою всѣ славянскія племена, отъ Адріатическаго моря до Дуная и Савы. Полагаютъ, что Стефанъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе собрать вокругъ себя и поднять всѣ эти славянскія племена, чѣмъ наша политика могла бы съ большою выгодой воспользоваться; но имя Петра, возникшее изъ могилы, это странное и, какъ тогда казалось, подозрительное самозванство не могли не быть непріятнымъ русскому

двору. Долгорукову было поручено разоблачить самозванца (*).

На маленькомъ греческомъ суденышкѣ, съ нѣсколькими русскими офицерами и провожатыми изъ туземцевъ, Долгоруковъ переправился чрезъ Адріатическое море, присталъ къ турецкому берегу и сталъ взбираться на скалы черногорской земли. Въ нѣсколько часовъ вся Черногорія узнала о прибытіи русскаго генерала и собралась въ Цитинью,—главное селеніе страны, гдѣ проживало первенствующее духовное лицо и правитель (владыка). Передъ собравшеюся всенародною сходкой былъ прочтенъ манифестъ Императрицы, на подданство и послушаніе которой Черногорцы тутъ же присягнули. Затѣмъ надо было расправиться съ самозванцемъ. Уже одно прибытіе князя Долгорукова могло поколебать авторитетъ Стефана; онъ это понялъ, и потому сталъ возбуждать Черногорцевъ противъ русскаго эмиссара. Но обаяніе Долгоруково было сильно; на новой сходкѣ онъ потребовалъ, чтобы Стефанъ явился вмѣстѣ съ другими, для того, чтобы публично обличить его самозванство. Это было не трудно сдѣлать. Смутивъ его нѣсколькими вопросами о Россіи, въ которой онъ никогда не бывалъ, Долгоруковъ заставилъ Стефана признаться въ своемъ самозванствѣ. Простодушные Черногорцы также легко разувѣрилась въ немъ, какъ и повѣрили ему. „Мы его посѣчемъ!“ закричала сходка; но Долго-

(*) Къ удивленію, самозванство Стефана Малаго, весьма непріятное Екатеринѣ и, безъ сомнѣнія, отклонившее ее отъ поддержки движенія Славянъ, нѣкоторыми черезъ-чуръ глубокомысленными политиками было приписано ей же, Екатеринѣ! Не вѣроятнѣе ли предположить, что если въ появленіи этого страннаго самозванца дѣйствовала какая-нибудь интрига, что эта интрига была направлена людьми враждебно расположенными къ Русской Императрицѣ?

руковъ объявилъ имъ, что находясь здѣсь отъ имени Императрицы, которой они повиноваться присягали, онъ одинъ имѣетъ право суда надъ преступникомъ, и велѣлъ арестовать Стефана, не столько въ намѣреніи подвергнуть его наказанію, сколько для того, чтобы спасти его жизнь. Дѣйствительно онъ былъ черезъ нѣсколько времени выпущенъ на волю, но вскорѣ за тѣмъ погибъ, умерщвленный, какъ полагаютъ, убійцей, подкупленнымъ Турками.

Что же касается до князя Долгорукова, то онъ, кажется, не воспользовался тѣмъ авторитетомъ, который давалъ ему званіе уполномоченнаго Русской Императрицы. Дикіе, бѣдные Черногорцы ему надоѣли; онъ не въ состояніи былъ, да и не имѣлъ приказанія подготовить возстаніе всѣхъ славянскихъ племенъ, и съ наступленіемъ зимы 1769 года возвратился въ Италію, къ графу Орлову, чтобы принять участіе въ *Морейской экспедиціи*. Наши эскадры пришли между тѣмъ (въ исходѣ 1769 года) въ Средиземное море. Одною изъ нихъ командовалъ морякъ не очень искусный, но храбрый, адмиралъ Спиридовъ, другою — англійскій офицеръ, поступившій въ нашу службу, Эльфинстонъ. Спиридовъ пришелъ въ Средиземное море первымъ, и бросилъ якорь у острова Минорки, гдѣ его уже встрѣтило нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ Грековъ, которые подготовляли своихъ земляковъ къ возстанію. Они убѣждали Спиридова спѣшить къ берегамъ Турціи, предлагали ему лоцмановъ, обѣщали снабжать его провіантомъ и увѣряли, что при появленіи его все православное населеніе Турецкой имперіи возстанетъ какъ одинъ человѣкъ. Но Спиридову было не благоразумно одному рисковать — встрѣтить весь турецкій флотъ; онъ выждалъ прибытія Эльфинстона, и тогда обѣ эскадры направились къ бере-

гамъ древней Греціи. Весь флотъ нашъ состоялъ изъ 9 линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ, съ 5000 десантнаго войска. Къ несчастію, наши адмиралы перессорились между собою, и успѣхъ всего предпріятія могъ бы отъ этого сильно потерпѣть, еслибы вскорѣ не прибылъ Орловъ. На военномъ совѣтѣ, собранномъ со всего флота, ему было предложено принять главное начальство не столько для того, конечно, чтобъ управлять морскими эволюціями, (такъ онъ былъ не морякъ) сколько для того, чтобы давать общее направленіе дѣйствіямъ флота.

Въ началѣ 1770 года наши эскадры успѣли выгрузить на различныхъ мѣстахъ турецкаго берега оружіе, порохъ и маленькія команды прибывшаго съ нимъ десанта, около которыхъ немедленно образовались значительныя толпы Грековъ, провозглашавшихъ истребленіе Турокъ и освобожденіе отечества. Греческое ополченіе было раздѣлено на два отряда, изъ коихъ одинъ назывался Спартанскимъ, а другой Восточнымъ. Возстаніе не замедлило обхватить всю Морею (древній Пелопонезъ) и, не ограничиваясь одними прибрежьями, проникло внутрь полуострова. Русскій флотъ между тѣмъ подвигался вдоль морейскаго берега и овладѣвалъ одной за другою крѣпостями и портами Навариномъ, Модономъ, Корономъ, Наполи-ди-Романіа. Эльфинстонъ имѣлъ удачную встрѣчу съ нѣсколькими турецкими кораблями.

Успѣхи были быстры, но должно признаться, что они не обѣщали большой прочности. Мѣстныя народонаселенія охотно принимались за оружіе, но не охотно переносили военные труды и съ такою же легкостію оставляли знамена, съ какою собирались вокругъ нихъ. „Подъ Модономъ,—пишетъ князь Долгоруковъ, прибывшій на эскадру вмѣстѣ съ Орловымъ,—узнавъ о приближеніи турецкаго отряда, я послалъ сказать Грекамъ,

моихъ человѣкъ 700 было, чтобъ они перешли налѣво, прикрывать мой лѣвый флангъ, но получилъ рапортъ, что ни одного Грека не осталось, а всѣ ушли ночью." Можетъ быть, болѣе серіозное содѣйствіе можно было ожидать отъ славянскихъ племенъ, вообще воинственныхъ и стойкихъ,—Черногорцевъ, Босняковъ и Албанцевъ, возстаніе которыхъ вѣроятно не замедлило бы сообщиться Сербамъ, живущимъ на Дунаѣ, гдѣ оно могло быть поддержано арміей Румянцова; но петербургскій дворъ не принялъ этого въ соображеніе и обратилъ главное вниманіе на Грековъ, увлеченный блестящею мыслію воззвать къ новой жизни страну классическихъ воспоминаній.

Графъ Орловъ между тѣмъ получилъ извѣстіе что, въ Архипелагѣ собрался весь турецкій флотъ. На бывшимъ по поводу этого извѣстія военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ нему на встрѣчу и дать сраженіе. Поднявъ паруса, наши корабли поплыли отыскивать Турокъ, и 24 іюня увидѣли весь ихъ флотъ, въ числѣ 16 линейныхъ кораблей, кромѣ другихъ судовъ, стоящій на якорѣ въ проливѣ между азійскимъ берегомъ и островомъ Хіо. Положено было аттаковать его немедленно. Передовыми кораблями командовалъ Спиридовъ. Послѣ горячей перестрѣлки корабль *Евстафій*, на которомъ находился этотъ адмиралъ, потерпѣвъ поврежденіе въ парусахъ, былъ нанесенъ на капитанъ-пашинскій (адмиральскій) турецкій корабль, который уже былъ объятъ огнемъ. Пылающая мачта упала съ него на *Евстафій* и искры съ нея посыпались на приготовленный для боя порохъ. Оба адмиральскіе корабля взлетѣли на воздухъ. Этотъ страшный взрывъ привелъ въ ужасъ Турокъ. Обрубивъ якоря, они поспѣшно отступили и стали въ тѣсной бухтѣ подъ выстрѣлами крѣпостцы Чесмы.

Этимъ кончился первый актъ кровавой драмы, извѣстный подъ названіемъ Чесменскаго боя. Второй актъ долженъ былъ разыграться 26 числа. На бывшемъ послѣ сраженія совѣтѣ, капитанъ Грейгъ, пріобрѣтшій почетную извѣстность въ русскомъ флотѣ, подалъ мысль воспользоваться скученнымъ положеніемъ турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ и сжечь его посредствомъ брандеровъ, или судовъ, наполненныхъ зажигательными веществами. Это предложеніе было одобрено, и четыре корабля положено было обратить въ брандеры. 25 число прошло въ этихъ приготовленіяхъ, а на слѣдующую ночь капитанъ Клокачевъ подвелъ ихъ къ турецкому флоту. Нѣсколько выстрѣловъ зажигательными снарядами произвели въ немъ пожаръ, послѣ чего были спущены брандеры. Объятые огнемъ, наполненные бомбами и гранатами, которыя лопались одна за другой, они врѣзались въ среду непріятельскихъ кораблей. „Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ, пишетъ Долгоруковъ. Вода, смѣшанная съ кровію и золою, получила прескверный видъ. Трупы людей, обгорѣлые, плавали по волнамъ, и такъ ими портъ наполнился, что съ трудомъ можно было въ шлюбкѣ разъѣзжать.“ Отъ всего турецкаго флота остался одинъ корабль, который былъ взятъ въ плѣнъ.

Извѣстіе объ этомъ громкомъ дѣлѣ дошло въ Петербургъ, когда тамъ едва успокоивалось радостное волненіе, возбужденное побѣдами Румянцова. Чесменскій бой сдѣлалъ при дворѣ и въ публикѣ едва ли еще не болѣе впечатлѣнія, чѣмъ Кагульскій. Современные стихотворцы, теперь мало извѣстные, Херасковъ и В. Майковъ, *воспѣли* его въ высокопарныхъ стихахъ, въ которыхъ Нептунъ и Спиридовъ съ Орловымъ, тритоны и сирены заодно съ Грейгомъ состязались за честь русскаго флага. Екате-

рина была въ восхищеніи. „Дивенъ Богъ въ чудесѣхъ Своихъ!“ поспѣшила она написать Румянцову. „Дѣла мои, какъ видите, идутъ довольно успѣшно,“ писала она къ Вольтеру, съ которымъ въ это время находилась въ дѣятельной перепискѣ. Торжественная паннихида была отслужена надъ могилой Петра, создателя русскаго флота. Что касается до главнаго предводителя русскаго флота, графа Орлова, то кромѣ другихъ наградъ, къ его фамиліи было присоединено наименованіе *Чесменскаго*.

Справедливость обязываетъ насъ сказать однакожъ, что въ отношеніи военнаго искусства, побѣда графа Орлова не представляетъ ничего особенно поучительнаго. Со стороны русскаго флота обнаружено было несравненно болѣе отваги, нежели искусства, что̀ впрочемъ ни чуть не умаляетъ славы этой побѣды. Русскіе моряки были новичками въ своемъ ремеслѣ; самъ адмиралъ Спиридовъ, хотя и старый морякъ, едва ли когда нибудь имѣлъ случай участвовать въ морскихъ сраженіяхъ; кораблями командовали нѣкоторые сухопутные офицеры, напримѣръ, упомянутый выше князь Долгоруковъ; графъ Орловъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о морскомъ дѣлѣ. Эти случайные адмиралы и капитаны сдѣлали что могли; они были въ бою настоящими героями,—и большаго отъ нихъ требовать нельзя.

Но невозможно не пожалѣть, что дѣло, которое могло принять огромные размѣры и повести за собою необъятныя послѣдствія, ничѣмъ не кончилось. Движеніемъ, обнаружившимся между Славянами, вовсе не воспользовались, а обратили все вниманіе на Грековъ, которые, будучи менѣе воинственны чѣмъ Славяне, не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя были ими же возбуждены. Можно думать, что еслибы послѣ Чесменскаго боя Орловъ сдѣ-

лилъ новую высадку въ Морeѣ, то возстаніе приняло бы гораздо значительнѣйшіе размѣры. Несомнѣнно также, что еслибъ онъ со всѣмъ своимъ флотомъ, прямо изъ-подъ Чесмы, явился передъ Константинополемъ, то дѣла приняли бы не только совершенно иной оборотъ, но и самое существованіе Турецкой имперіи подверглось бы вопросу.

Этого не случилось. Мусульманское владычество и до сего времени тяготѣетъ надъ юго-востокомъ Европы; но съ увѣренностію можно сказать, что Морейская экспедиція, хотя далеко не соотвѣтствовавшая своему назначенію, дала однакожь сильный толчекъ пробуждающемуся стремленію къ независимости христіанскихъ племенъ, особенно Грековъ. Въ числѣ сподвижниковъ графа Орлова были отцы многихъ изъ тѣхъ, которые, лѣтъ пятьдесятъ спустя, сдѣлались вождями новаго возстанія, освободившаго Грецію. Примѣръ Россіи не остался безъ вліянія и на западную Европу: если соперничество нѣкоторыхъ дворовъ, а особенно французскаго, постоянно противодѣйствовавшаго видамъ Императрицы, стремилось въ описываемое время поддержать Турцію, то въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка тѣ же самые дворы, и между прочимъ французскій, уже дѣйствовали съ нами заодно. Руководствовались ли они чистымъ желаніемъ возстановить Грецію, или желаніемъ не допустить Россію одну совершить это дѣло, — все равно. Греція была возведена ихъ общими усиліями на степень независимаго государства, и несомнѣнно, что очередь дойдетъ и до Славянъ сдѣлаться политическими народами. Сербы, при помощи Россіи, уже пріобрѣли значительную долю независимости.

VIII.

Появленіе чумы въ арміи и потомъ внутри Россіи.—Чума въ Москвѣ.—Еропкинъ.—Умерщвленіе архіепископа Амвросія.—Прибытіе въ Москву князя Орлова.—Политическое положеніе Европы.—Кампанія 1771 года.—Занятіе Крыма княземъ Долгоруковымъ.—Виды Екатерины въ отношеніи восточной Европы.—Противодѣйствіе этимъ видамъ.—Фокшанскій конгрессъ. — Паденіе Орлова.—Конгрессъ въ Букарештѣ.—Провозглашеніе независимости Крыма.—Приготовленія Швеціи къ войнѣ.—Прекращеніе переговоровъ.

Выше было уже сказано, что въ Дунайской арміи обнаружилась чума. Первыя ея признаки были замѣчены еще въ 1769 году, въ летучемъ отрядѣ генерала Штофельна, который и самъ умеръ отъ этой болѣзни. За тѣмъ, эпидемія появилась и въ другихъ частяхъ арміи, распространилась по всей Молдавіи и Бессарабіи, а оттуда проникла въ Подолію и на Украйну. Когда развитіе ея сдѣлалось уже довольно сильно, приняты были мѣры, чтобъ она не распространялась далѣе внутрь имперіи, и съ этой цѣлію близь Кіева учреждены были заставы. Но, при безпрестанномъ движеніи между Кіевомъ и арміей, не легко было удержать заразу. Чума появилась въ Кіевѣ, Черниговѣ, Брянскѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,—словомъ въ 1770 году, когда на Дунаѣ и въ Архипелагѣ торжествовало наше оружіе, на Россію надвигалось страшное бѣдствіе.

Дабы предохранить не зараженныя мѣста, въ Калугѣ, Серпуховѣ, Коломнѣ устроены были карантины; но всѣ эти мѣры, предписываемыя благоразуміемъ, вводимыя у насъ еще впервые, казались стѣснительными

и безполезными и не строго исполнялись, вслѣдствіе чего чума обнаружилась осенью и въ Москвѣ.

Московскимъ главнокомандующимъ былъ въ это время П. С. Солтыковъ, побѣдитель при Куннерсдорфѣ, — теперь уже семидесятилѣтній старикъ, утратившій всю энергію. Императрица, получивъ донесенія о появленіи заразы въ Москвѣ, поручила сенатору Еропкину принять на себя особое завѣдываніе всѣми мѣрами относительно охраненія общественнаго здравія въ столицѣ. Москва была оцѣплена, то-есть по всѣмъ расходящимся изъ нея дорогамъ выставлены были караулы, чтобъ никого не пропускать въ нее, а изъ нея дозволять выѣздъ лишь по выдержаніи карантина. Учреждены были больницы; пожитки и утварь домовъ, въ которыхъ чума показывалась, сожигались. Для погребенія умиравшихъ отведены были за городомъ кладбища, такъ какъ старинный обычай, хоронить при всѣхъ приходскихъ церквахъ, среди города, способствовалъ усиленію заразы.

Всѣ эти мѣры, вызываемыя необходимостію, казались не только тяжелыми,—чѣмъ онѣ и дѣйствительно были,—но и безполезными. Не привыкшіе къ больницамъ и видя, что въ нихъ умираетъ много народа (что весьма естественно), жители утаивали больныхъ, которые, оставаясь безъ помощи, не только умирали сами, но и заражали свои семейства; одежду больныхъ, которую велѣно было сожигать, ихъ родственники прятали или носили сами — и заражались. Заставы, расположенныя вокругъ Москвы, затрудняли доставку къ ней продовольствія. Народъ начиналъ роптать и, приписывая болѣзнь волѣ Божіей, находилъ беззаконнымъ противиться ея дѣйствію. Между тѣмъ зараза усилилась съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ; ужасъ жителей во-

же увеличивался; не рѣдко бывало, что заболѣвшихъ покидали всѣ, даже ихъ ближніе; трупы ихъ оставались безъ погребенія, и отъ гніенія ихъ чума получала новую пищу; другіе выносили больныхъ на улицу и оставляли ихъ умирать безъ призрѣнія, боясь около нихъ заразиться. Еропкинъ организовалъ изъ преступниковъ, осужденныхъ на тяжкія наказанія, команду погребальщиковъ; но одинъ видъ этихъ несчастныхъ, въ особомъ, данномъ имъ одѣяніи, съ телѣгами, нагруженными мертвыми тѣлами, внушалъ ужасъ. Въ августѣ 1771 года число умирающихъ доходило до 400 и даже до 500 въ день. Вмѣстѣ съ усиленіемъ эпидеміи возрастало въ народѣ раздраженіе. Докторамъ, которыхъ, какъ это нерѣдко бываетъ во время эпидемій, народъ почиталъ виновниками всему злу, начинали угрожать; одного едва не убили. Еропкинъ убѣждалъ, успокоивалъ, являлся на улицахъ и въ больницахъ; но довѣрія къ своимъ распоряженіямъ внушить не успѣлъ. Что касается до главнокомандующаго, то онъ самъ раздѣлялъ всеобщій ужасъ и, оставивъ Москву, скрылся въ одномъ изъ подмосковныхъ имѣній. Тогда страхъ обуялъ все народонаселеніе. Дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ пріостановились; народъ повалилъ изъ бѣдствующаго города, не обращая вниманія на карантины и заставы, разнося съ собою заразу въ смежные уѣзды. Эти побѣги, равно какъ и самая смертность, значительно уменьшили населеніе Москвы; но болѣзнь такъ развилась, что въ сентябрѣ, не взирая на малолюдство, умирало отъ 700 до 800 человѣкъ въ день. Можно сказать что вся Москва считала себя обреченною на жертву. Многіе, будучи еще совершенно здоровыми, исповѣдывались и пріобщались, какъ будто приговоренные къ смерти. Другіе спѣшили въ церкви, думая что эта молитва ихъ будетъ, можетъ-быть, послѣднею.

Въ это время распространился слухъ, что выставленный у Варварскихъ воротъ образъ Боголюбской Богородицы имѣетъ силу исцѣлять и предохранять отъ заразы. Полагаютъ, что этотъ слухъ пущенъ былъ однимъ священникомъ, разсчитывавшимъ на доходы отъ молебствій. Если такой разсчетъ имѣлъ мѣсто, то онъ вполнѣ оправдался; священники не успѣвали служить молебствій; народъ стекался массами къ Варварскимъ воротамъ. Но между богомольцами случались такіе, которыхъ зараза уже коснулась; они ее сообщали другимъ, такъ что столпленіе народа у Боголюбскаго образа угрожало новымъ развитіемъ болѣзни. Бывшій въ это время архіепископомъ московскимъ, пр. Амвросій, понимая, какую пищу заразѣ подаютъ эти столпленія, приказалъ убрать образъ. Это распоряженіе взволновало народъ, безъ того уже раздраженный, у котораго, какъ ему казалось, отнимаютъ послѣднее средство спасенія. 15 сентября, лишь только посланные отъ архіерея начали дѣлать свое дѣло, раздался, пишетъ одинъ современникъ „нелѣпой вопль"; народъ бросился на исполнителей архирейскаго приказанія и избилъ ихъ. Другіе кинулись къ колокольнямъ и ударили въ набатъ. На этотъ звукъ отвсюду сбѣжался народъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, устремился въ Кремль, гдѣ (въ Чудовскомъ монастырѣ) проживалъ архипастырь. Требуя обратно образа, взволнованная толпа угрожала въ противномъ случаѣ не оставить камня на камнѣ. Амвросію удалось спастись, но келiи его были разграблены и только появленіе Еропкина съ нѣсколькими сотнями солдатъ положило конецъ грабежу. Но на другой день безпорядки возобновились; толпы всякаго сброда двинулась къ Донскому монастырю, куда укрылся Амвросій, и прежде чѣмъ вооруженная сила могла прибыть къ нему

на помощь, чернь ворвалась въ монастырскую ограду и умертвила архипастыря.

Эти плачевные безпорядки могли повести къ новымъ. Императрица увидѣла необходимость предупредить ихъ и успокоить народъ присылкою въ Москву какого-нибудь очень значительнаго лица, которое могло бы говорить народу и дѣйствовать ея именемъ. Она выбрала для этого князя Гр. Орлова. Князь Орловъ пріѣхалъ въ концѣ сентября. Будучи снабженъ всевозможными полномочіями и имѣя по своему положенію огромный вѣсъ, онъ оказалъ однимъ появленіемъ своимъ благотворное вліяніе; умы нѣсколько успокоились; мѣры, принятыя Еропкинымъ, были усилены, и болѣзнь начала мало-по малу уступать; къ началу зимы она почти совершенно прекратилась въ Москвѣ. Но она обошла едва ли не всю Россію и похитила много жертвъ, хотя нигдѣ не свирѣпствовала такъ сильно, какъ въ Москвѣ.

Это былъ первый случай, когда князю Орлову довелось испытать труды и опасности, сопряженныя съ высокимъ положеніемъ; до сего времени онъ пользовался только его выгодами. Произведя строгое слѣдствіе о сентябрскихъ безпорядкахъ и наказовъ наиболѣе виновныхъ, онъ возвратился въ Петербургъ. Императрица рада была случаю выставить заслуги своего любимца. Она приказала выстроить въ честь его тріумфальныя врата въ Царскомъ Селѣ съ надписью: *Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва*, и вычеканить медаль съ изображеніемъ Курція, кидающагося въ пропасть для спасенія Рима... Говоря по справедливости, Еропкинъ гораздо болѣе Орлова заслужилъ названіе спасителя Москвы, а идти на опасность для спасенія отечества обязанъ всякій солдатъ.

Бѣдствія, разразившіяся надъ Россіей, сильно попра-

чили радость прошлогоднихъ побѣдъ. Императрица надѣялась, что эти побѣды проложатъ путь къ миру съ Портою, и по ея приказанію, Румянцевъ сдѣлалъ мирныя предложенія еще предшествующею осенью, требуя лишь, прежде всѣхъ переговоровъ, освобожденія Обрескова. Но враждебное намъ вліяніе, господствовавшее въ Константинополѣ, отклонило султана отъ всякихъ соглашеній. Успѣхи русскаго оружія были слишкомъ велики; они встревожили всю Европу. Англія, доселѣ взиравшая довольно равнодушно на дѣла восточной Европы, послѣ истребленія нашимъ флотомъ турецкаго, отозвала всѣхъ своихъ подданныхъ, служившихъ на нашихъ корабляхъ. Франція, не ограничиваясь денежными пособіями, вела съ Турціей переговоры о вспомоществованіи ей вооруженною рукой и вызывалась заинтересовать въ ея пользу и другія государства. Такимъ образомъ весь Западъ принималъ въ отношеніи Россіи угрожающее, или по крайней мѣрѣ, явно неблагосклонное положеніе. Въ Швеціи умеръ въ началѣ 1771 года король Адольфъ—Фридрихъ, обязанный престоломъ Императрицѣ Елисаветѣ и постоянно бывшій нашимъ доброжелателемъ; но преемникъ его, Густавъ III, молодой человѣкъ честолюбивый и предпріимчивый, извѣстенъ былъ какъ горячій приверженецъ Франціи, ея литературы и ея политики. Постоянный союзникъ нашъ по польскимъ дѣламъ, Фридрихъ II, давалъ чувствовать, что онъ тяготится платить намъ субсидіи, какъ это было условлено договоромъ 1764 года, и находилъ, что война съ Турціей слишкомъ продолжительна. Вѣнскій дворъ, наконецъ, убѣждая наше правительство быть умѣреннымъ въ побѣдѣ, домогался нѣкоторыхъ земельныхъ уступокъ отъ Турціи, за которыя предлагалъ ей свою помощь противъ Россіи.

Такимъ образомъ наши военные успѣхи были причиною новыхъ для насъ затрудненій. Но они же обязывали русское правительство удерживать свою политику на высотѣ своихъ военныхъ успѣховъ. Императрица, въ одномъ изъ писемъ Румянцеву, упоминая о неблагопріятномъ оборотѣ дѣлъ въ Швеціи, выражалась такъ: „Еслибъ же они (Шведы) дерзнули на злостное предпріятіе, то я персонально готова оборонять и умереть въ оборонѣ той части границы нашей, коей никому уже не уступлю.“

Военныя дѣйствія должны были возобновиться. Въ предшествующемъ году занято было Румянцевымъ все пространство между Днѣстромъ и Дунаемъ. Что̀ же предстояло дѣлать далѣе? Наступать въ глубину Турецкой имперіи? Но такое движеніе могло быть не безопасно, пока Польша не была успокоена и пока, съ другой стороны, крымское ханство съ его воинственнымъ народонаселеніемъ оставалось въ тылу арміи. Въ эту послѣднюю сторону и рѣшено было направить сильнѣйшіе удары. Обстоятельства этому благопріатствовали. Румянцевъ могъ удерживать Турокъ на Дунаѣ и не допустить ихъ подать помощь Крыму, съ которымъ затѣмъ намъ пришлось бы перевѣдываться одинъ-на-одинъ. Итакъ, планъ кампаніи 1771 года состоялъ въ томъ, чтобъ овладѣть Крымомъ. Это важное порученіе возложено было на вторую армію. Графъ Панинъ уже не командовалъ ею; онъ просилъ объ увольненіи, находя себя недостаточно вознагражденнымъ за взятіе Бендеръ. Преемникомъ его былъ князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ, родной племянникъ того Долгорукова, который отличался подъ Полтавой и участвовалъ въ составленіи „кондицій“ посланныхъ Императрицѣ Аннѣ при ея избраніи. Дорога въ Крымъ была знакома

новому главнокомандующему: еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ подъ Перекопомъ въ арміи Миниха.

Въ концѣ апрѣля онъ собралъ двѣ дивизіи своей арміи и потянулся внизъ по Днѣпру, гдѣ примкнула къ нему и третья дивизія, отдѣливъ отъ себя лишь небольшой отрядъ для дѣйствія по Арабатской косѣ. Не далеко отъ Кременчуга Долгоруковъ оставилъ Днѣпръ и по той дорогѣ, по которой нѣкогда слѣдовали нестройные полки князя В. В. Голицына, (Вып. I, царств. Петра, гл. IV и VI) степью, направился къ Перекопу. Тамъ его ожидало отъ 60 до 70 тысячъ Турокъ и Татаръ предводительствуемыхъ самимъ ханомъ,—армія многочисленная, но, какъ увидимъ, не достаточная для обороны Крыма.

Оборонительныя работы, возведенныя на Перекопскомъ перешейкѣ, намъ уже извѣстны (цар. Ан., гл. V); онѣ состояли изъ вала со рвомъ, перерѣзывавшихъ перешеекъ и обороняемыхъ зàмкомъ,—главнымъ пунктомъ обороны. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ зàмокъ, и главныя силы непріятеля находились ближе къ Сивашу, чѣмъ къ Черному морю, Долгоруковъ предположилъ атаковать лѣвую оконечность линіи, занявъ непріятеля фальшивыми движеніями противъ зàмка, а небольшому отряду приказалъ, воспользовавшись ночною темнотой и отливомъ, пробраться по дну Сиваша и отрѣзать Туркамъ отступленіе. Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе ночью съ 13 на 14 іюня. Гарнизонъ зàмка былъ развлеченъ фальшивыми аттаками, и главная колонна безъ большаго затрудненія овладѣла невысокимъ валомъ, составлявшимъ линію. Между тѣмъ обходная колонна пробралась моремъ, къ немалому удивленію непріятеля, но нѣсколько опоздала, такъ что онъ, по большей части, имѣлъ возможность отступить. Въ то же время отдѣльный отрядъ вступалъ въ Крымъ чрезъ Арабатскую косу.

Затѣмъ начались дѣйствія на самомъ полуостровѣ. Три главные тогдашніе приморскіе города, Евпаторія, Өеодосія и Еникале были заняты Долгоруковымъ, равно какъ и часть горнаго хребта, который тянется вдоль южнаго берега Крыма. Овладѣвъ этими четырьмя пунктами, Русскіе пріобрѣли господство надъ всею страной. Татары пришли въ уныніе; вознегодовали на султана, не оказавшаго имъ помощи, взбунтовались противъ своего хана, весьма непріязненно расположеннаго къ Россіи и, слегка руководимые княземъ Долгоруковымъ, возвели на его мѣсто Сагибъ-Гирея, почитавшагося нашимъ доброжелателемъ.

Это были очень важные успѣхи. Крымскій полуостровъ, съ его полудикимъ населеніемъ, былъ самъ по себѣ не опасенъ Россіи; но онъ былъ всегда готовымъ орудіемъ противъ нея въ рукахъ Порты. Поэтому чрезвычайно важно было утвердить въ немъ наше вліяніе и устранить турецкое. Но виды, которые при этомъ открывались, состояли не въ одномъ только устраненіи опасности крымскихъ набѣговъ для сосѣдственныхъ областей Россіи: передъ нами открывалось наконецъ обладаніе Чернымъ моремъ, къ которому первоначально стремилась мысль Петра I. Екатерина, желая выразить, какое значеніе она придаетъ занятію Крыма, присоединила къ фамиліи его покорителя наименованіе *Крымскаго*, а между тѣмъ поспѣшила воспользоваться своимъ завоеваніемъ. Едва были заняты нашими войсками устья Дуная и Дона, какъ она уже приступила къ построенію въ нихъ судовъ, выписавъ для этого англійскихъ офицеровъ.

Но война продолжалась уже четыре года, и притомъ, какъ мы видѣли, сопровождалась бѣдствіями внутри Имперіи; прекращеніе ея было дѣломъ весьма желательнымъ.

Съ другой стороны, успѣхи одержанные русскими войсками въ 1770 и 1771 годахъ были таковы, что они не могли расположить наше правительство къ скромнымъ требованіямъ въ отношеніи Турціи. Король Прусскій, имѣя, какъ выше сказано, причины желать мира, просилъ Императрицу сообщить ему, на какихъ условіяхъ миръ могъ бы состояться. Въ отвѣтъ на это Екатерина написала, что она требуетъ уступки Россіи Кабарды и Азова съ его округомъ, признанія независимости Крыма и другихъ татарскихъ ордъ, которыя составили бы одно независимое владѣніе; признанія независимости Дунайскихъ княжествъ, то-есть Молдавіи и Валахіи, и уступки Россіи какого-нибудь острова на Архипелагѣ, какъ морской станціи для ея торговли на Черномъ и Средиземномъ моряхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія были чрезвычайно тяжелы для Турціи. Нельзя однакожь не замѣтить, что они были внушены сильнымъ желаніемъ блага не только въ отношеніи Россіи, но и тѣхъ странъ, до которыхъ относились. Признаніе независимости Дунайскихъ княжествъ положило бы начало освобожденію христіанскихъ народовъ отъ турецкаго владычества. Островъ на Архипелагѣ, который выговаривала для себя Екатерина, безъ сомнѣнія послужилъ бы при первомъ удобномъ случаѣ точкою опоры для освобожденія Грековъ, послѣ котораго, безъ сомнѣнія, очередь дошла бы и до Славянъ Черногоріи, Босніи и Сербіи. Неужели это освобожденіе христіанскихъ народовъ, на половину совершенное впослѣдствіи, не было и тогда дѣломъ желательнымъ и полезнымъ для всего человѣчества? Неужели интересамъ Европы и цивилизаціи было противно, чтобъ на Черномъ морѣ, до того времени совершенно пустынномъ, возникла торговля? Неужели про-

тивно было благу народовъ, чтобъ сосѣдственныя съ крымскими владѣніями русскія области, дотолѣ постоянно подвергавшіяся набѣгамъ и раззореніямъ, заселились, процвѣли и посылали свои произведенія по Дону и Днѣпру, въ южную Европу; чтобъ эти области, изъ пустынь, обратились въ жилище образованныхъ гражданскихъ обществъ? Европейскіе дворы опасались, что Крымъ и Дунайскія княжества подпадутъ подъ власть Россіи? Относительно княжествъ это опасеніе не имѣло основаній: Екатерина думала образовать изъ нихъ независимое государство, на которое она, конечно, имѣла бы большое вліяніе; что же касается до Крыма, то поглощеніе его Россіей должно было неизбѣжно случиться потому что онъ составляетъ не что иное, какъ продолженіе русскаго материка и, ни по географическому своему положенію, ни по свойствамъ своего населенія, не представляетъ условій для самостоятельнаго государства. При томъ, всякая пядь земли, извлеченная изъ-подъ турецкой власти, есть завоеваніе Европы у Азіи, успѣхъ христіанства надъ исламизмомъ, цивилизаціи надъ варварствомъ. Какъ нѣкогда римскія завоеванія раздвигали границы цивилизованнаго міра, такъ и въ наши дни завоеванія европейскими державами турецкихъ областей вносятъ жизнь туда, гдѣ ее не было.

Такъ слѣдовало бы, кажется, смотрѣть на предположенія Екатерины съ точки зрѣнія интересовъ Европы и человѣчества вообще; что касается въ частности до Россіи, то они открывали необъятный горизонтъ величія и благоденствія. Призванныя ею къ самостоятельной жизни христіанскія племена естественнымъ образомъ должны были бы войдти, такъ сказать, въ политическую орбиту Россіи, сдѣлаться ея опорою и союзниками. Такимъ образомъ, еслибъ эти предположенія осуществились, на

востокѣ Европы образовалась бы могущественная группа народовъ, связанныхъ единствомъ происхожденія или вѣроисповѣданія; Россія не осталась бы одинокою представительницею славянскаго элемента и восточнаго православія, а турецкіе христіане не томились бы до настоящаго дня подъ чуждымъ игомъ, теряя мало-по-малу и свой языкъ и свою религію.

Но могущество, которое пріобрѣла бы Россія, устрашало, и дѣйствительно могло устрашить Европу. Доля вліянія, обнаруженнаго Россіей въ дѣлахъ европейской политики, казалась нѣкоторымъ старымъ державамъ захватомъ; еще прежде чѣмъ нашъ перевѣсъ надъ Польшею и Турціей обнаружился такимъ несомнѣннымъ образомъ, политическая система Франціи состояла въ томъ, чтобъ вовсе устранить Россію отъ обще-европейскихъ дѣлъ (*). Естественно, что въ настоящихъ обстоятельствахъ подобныя побужденія должны были обнаружиться болѣе чѣмъ когда-нибудь. Нашъ союзникъ Король Прусскій нашелъ, какъ и можно было ожидать, условія мира, сообщенныя ему Императрицею, чрезмѣрными. Никогда, писалъ онъ ей, Турція не согласится на уступку Дунайскихъ княжествъ и острова въ Архипелагѣ; ограничьте нѣсколько ваши требованія, и тогда я употреблю все мое вліяніе въ Константинополѣ, чтобъ доставить вамъ миръ, который нуженъ и Россіи, истощенной войною. Если вы не умѣрите вашихъ требованій, продолжалъ онъ, Турція привлечетъ на свою сторону вѣнскій дворъ. Лучше для Рос-

---

(*) Въ инструкціи, данной Французскимъ королемъ своему посланнику при вступленіи на престолъ Екатерины, сказано: «цѣль моей политики относительно Россіи заключается въ томъ, чтобъ устранять ее сколь возможно отъ участія въ дѣлахъ Европы».

сіи оказать нѣкоторое снисхожденіе Портѣ: а если выгоды, которыя вы отъ нея получите, покажутся вамъ недостаточными, вознаградите себя на счетъ Польши. Подобныя же убѣжденія о снисходительности къ Портѣ слышались и со стороны вѣнскаго двора, который, дѣлая исподоволь вооруженія для оказанія ей дѣйствительной помощи, склонилъ между тѣмъ султана къ освобожденію Обрескова.

Это послѣднее обстоятельство, заодно съ необходимостью подчиниться обстоятельствамъ, побудили Екатерину начать переговоры при посредствѣ берлинскаго и вѣнскаго дворовъ. Въ 1772 году уполномоченные воюющихъ державъ съѣхались въ Фокшанахъ, въ Молдавіи. Однимъ уполномоченнымъ съ русской стороны былъ Обресковъ, проведшій около трехъ лѣтъ въ плѣну и, частію, въ тяжкомъ заключеніи. Другимъ, и при томъ первымъ уполномоченнымъ, назначенъ былъ Григорій Орловъ, пріобрѣвшій поѣздкою въ Москву, въ минувшемъ, году репутацію, которую онъ надѣялся значительно увеличить доставленіемъ Россіи желаннаго мира. Вмѣстѣ съ дипломатами воюющихъ державъ прибыли въ Фокшаны и повѣренные отъ дворовъ прусскаго и вѣнскаго. Турецкіе полномочные никакъ не соглашались признать независимость Крыма, ниже уступить турецкія крѣпости Керчь и Еникале, безъ чего, очевидно, входъ въ Черное море оставался бы для насъ закрытымъ. Съ своей стороны, посредники, имѣвшіе причины не желать чрезмѣрнаго усиленія Россіи, не оказывали поддержки нашимъ требованіямъ. Положеніе наше въ Фокшанахъ было невыгодно; но можетъ быть, при помощи настойчивости и терпѣнія, оно могло бы улучшиться. Къ несчастію, первый уполномоченный, Орловъ, былъ болѣе въ состояніи поражать собраніе бле-

скомъ своего, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайнаго великолѣпія и пышности, нежели руководить переговорами; они вскорѣ, и безъ достаточныхъ оснований, были прекращены Орловымъ, который съ необыкновенною поспѣшностію, удивившею всѣхъ, ускакалъ въ Петербургъ.

По извѣстіямъ, сообщаемымъ иностранными писателями, причиною этого быстраго отъѣзда и прекращенія переговоровъ было обстоятельство, совершенно чуждое политикѣ. Графъ Панинъ, постоянно препиравшійся съ Орловымъ, и графъ Чернышевъ воспользовались, по этимъ извѣстіямъ, его отсутствіемъ, чтобъ поколебать расположеніе къ нему Императрицы. При дворѣ заговорили о новомъ фаворитѣ, Васильчиковѣ,—и эти слухи, дойдя до Орлова, побудили его прервать порученное ему дѣло и поспѣшить въ Петербургъ, чтобъ личнымъ появленіемъ возстановить свой кредитъ. Но разсчетъ его оказался не вѣренъ: ему было запрещено являться ко двору. Впрочемъ Екатерина, какъ говорила сама, не любила удалять людей огорченными: Орлову даны были имѣнія, дома и деньги, съ приглашеніемъ съѣздить за границу, гдѣ онъ и дѣйствительно провелъ нѣсколько времени, удивляя богачей, и даже принцевъ крови, блескомъ своихъ брилліантовъ. Впослѣдствіи онъ возвратился ко двору, но прежнее расположеніе къ нему Императрицы не возвратилось.

Все лѣто 1772 года прошло въ приготовленіяхъ къ переговорамъ и въ переговорахъ; войска отдыхали и оправлялись послѣ болѣзней, сильно между ними свирѣпствовавшихъ. Разрывъ переговоровъ, послѣдовавшій въ сентябрѣ, засталъ ихъ въ крайне разстроенномъ положеніи, да и самого главнокомандующаго—больнымъ. По счастію, дѣло не дошло до возобновленія военныхъ дѣйствій. Обресковъ, а равно и турецкіе уполномочен-

ные, пожелали возобновить переговоры и, съ разрѣшенія своихъ правительствъ, съѣхались осенью того же 1772 года въ Букарештѣ. Дѣла пошли здѣсь лучше. Обресковъ, привыкшій къ дипломатическимъ формамъ и къ турецкимъ нравамъ, легко расположилъ къ себѣ турецкихъ дипломатовъ, миролюбіе которыхъ усилилось еще вслѣдствіе извѣстій, полученныхъ изъ Крыма.

Благодаря недавнимъ побѣдамъ и дѣйствію искуснаго агента, генерала Щербинина, вліяніе наше въ Крыму сдѣлалось весьма сильно. Щербининъ, безъ большаго труда, успѣлъ возбудить между татарскими мирзами желаніе полной независимости и провести, такъ сказать, мысль Екатерины объ образованіи подъ властію Сагибъ-Гирея независимое государство изъ всѣхъ татарскихъ племенъ, живущихъ по Черному морю. Прельщеные этою мыслію, Татары провозгласили независимость Крыма и отпаденіе отъ завимости султана.

Это просишествіе сильно подѣйствовало на ходъ переговоровъ въ Букарештѣ. Турецкіе уполномоченные согласились на нѣкоторыя изъ условій, которыхъ требовала Екатерина, и между прочимъ ни одно изъ важнѣйшихъ: на признаніе независимости Крыма; въ Петербургѣ уже предвидѣли близкое заключеніе славнаго мира,— но этимъ надеждамъ еще не суждено было осуществиться. Главнѣйшею причиной внезапнаго измѣненія въ политикѣ турецкаго правительства было, по прежнему, вліяніе Франціи. Для достиженія этой цѣли, версальскій дворъ, не взирая на свои разстроенныя финансы, тратилъ огромныя суммы въ Константинополѣ и Варшавѣ. Онъ точно также сыпалъ деньгами и въ Швеціи. Король французскій издавна дѣлавшій значительныя расходы для поддержки въ Швеціи партіи, враждебной Россіи, пріостановился было ихъ выдачею, видя невозможность

увлечь правительство Адольфа-Фридриха, и прекратилъ выдачу своихъ вспоможеній. Но вступленіе на престолъ Густава III измѣнило положеніе дѣлъ. Ему обѣщано было выдать разомъ всѣ удержанныя въ послѣдніе годы субсидіи, лишь бы онъ далъ шведской политикѣ направленіе, согласное съ видами Франціи. Обстоятельства казались молодому королю весьма благопріятными для возвращенія завоеваній, сдѣланныхъ Петромъ и Елисаветою; онъ началъ готовиться къ войнѣ—а французское посольство въ Константинополѣ, указывая на эти приготовленія, еще разъ не допустило Турокъ до заключенія мира. Весною 1773 года уполномоченные на букарештскомъ конгрессѣ получили приказаніе не дѣлать уступокъ и извѣщеніе, что диванъ не соглашается на тѣ, которыя они уже сдѣлали. Переговоры прекратились, и послѣ продолжительнаго перемирія надо было снова приняться за оружіе.

IX.

Польскія дѣла.—Кн. Репнинъ отозванъ.—Кн. Волконскій.—Сальдернъ.—Суворовъ.—Виды Фридриха II на Польшу.—Поѣздка принца Генриха въ Петербургъ.—Переговоры между Пруссіей и Россіей о Польшѣ.—Положеніе вѣнскаго двора по вопросу о польскихъ дѣлахъ.—Трактаты трехъ союзныхъ правительствъ относительно раздѣла Польши (1772 г.).—Протесты противъ него.—Приведеніе его въ исполненіе.—Какъ отнеслось къ раздѣламъ Польши общественное мнѣніе западной Европы?

Мы видѣли, что князь Репнинъ провелъ сквозь тысячи затрудненій и привелъ къ желаемому концу дис-

сидентскій вопросъ. Между тѣмъ диссидентскій вопросъ и договоръ съ Россіей 1768 года[*] произвели Барскую конфедерацію, которая вызвала коліевщину, а коліевщина втянула насъ въ войну съ Турціей. Едва ли можно обвинить Репнина въ этихъ послѣдствіяхъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ результатомъ тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ былъ главнымъ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе виднымъ лицомъ, оказались новыя затрудненія для Россіи, то онъ подвергся въ Петербургѣ нареканіямъ; его упрекали въ чрезмѣрной рѣзкости, раздражавшей Поляковъ. Противъ самой политики, которой Екатерина слѣдовала въ Польшѣ, обнаружилось неодобреніе.[1] Права, дарованныя диссидентамъ по договору 1768 года, нѣкоторые находили чрезмѣрными и, главное, не оправдываемыми дѣйствительною потребностію. Диссиденты допущены теперь, говорили эти порицатели, ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и къ участію въ сеймахъ; но между православнымъ населеніемъ польскаго государства почти нѣтъ шляхтичей, нѣтъ вліятельныхъ людей: какія же должности они будутъ занимать? Кто изъ нихъ будетъ засѣдать въ сенатѣ? Даже на сеймахъ они явятся въ ничтожномъ меньшинствѣ и будутъ играть по необходимости, жалкую роль. Стоило ли дѣлать такъ много шума изъ-за такихъ убогихъ результатовъ?... Эти возраженія были довольно справедливы; но тѣ, которые ихъ дѣлали, забывали, что эта именно слабость православныхъ на сеймахъ и въ правительствѣ подавала Россіи поводъ и ставила ее въ обязанность употреблять собственное свое вліяніе для ихъ поддержанія, и что на этомъ-то и основывалось то господствующее положеніе, которое она пріобрѣла трактатомъ 1768 года. Умалить права диссидентовъ значило отказаться отъ вліянія въ Польшѣ и, можетъ быть, уступить его Пруссіи.

Къ сожалѣнію, затрудненія, въ которыя вовлекло Россію покровительство диссидентамъ, были весьма сильнымъ аргументомъ противъ этихъ соображеній. Тѣ, которые выставляли эти аргументы, совѣтовали сдѣлать уступку Полякамъ и увѣряли, что она послужитъ къ ихъ успокоенію, а тѣмъ самымъ развяжетъ намъ руки въ отношеніи Турціи. Эти внушенія превозмогли; рѣшено было, сохраняя по возможности достоинство Россіи, сдѣлать нѣкоторыя уступки въ отношеніи гарантіи, которую приняла на себя Россія, а также и по вопросу о диссидентахъ. Это щекотливое дѣло поручено было исполнить князю М. Н. Волконскому, бывшему уже посломъ въ Варшавѣ во время управленія дѣлами Бестужева. Пріѣхавъ въ Варшаву въ 1769 году, новый посолъ нашелъ, что надежды Поляковъ сильно возбуждены помощію Турціи, тайными интригами Франціи и благосклонностію вѣнскаго двора. Смѣщеніе Репнина они почитали побѣдою, а малоуспѣшная кампанія на Днѣстрѣ князя Голицына вселяла въ нихъ увѣренность въ могущество Турціи. Король Станиславъ прямо объявилъ Волконскому, что просьба о гарантированіи Екатериною новой конституціи Польши, уступки диссидентамъ и вообще весь трактатъ 1768 года были вынуждены силою. Чарторыйскіе съ неменьшею безцеремонностію говорили, что пока не опредѣлится, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ въ войнѣ Россіи съ Турціей, они ничего не предпримутъ рѣшительнаго. Другіе громко заявляли увѣренность, что вся Европа подниметъ оружіе за Польшу, и эта увѣренность была такъ сильна, что даже побѣды Румянцева и Орлова-Чесменскаго не могли ее поколебать. Подстрекаемые этой надеждою, которую подъ рукою поддерживали многочисленные французскіе агенты, Поляки составляли конфедерацію за конфедераціей; отряд-

цы въ нѣсколько сотъ человѣкъ появлялись то здѣсь, то тамъ, страшно утомляя наши войска. Впрочемъ ничего общаго и серіознаго изъ этого не выходило; самъ великій покровитель Польши, французскій министръ Шуазёль, приходилъ въ отчаяніе отъ этого безсвязнаго и безцѣльнаго образа дѣйствій, и рѣшился наконецъ послать въ Польшу, подъ видомъ искателей приключеній, нѣсколько отборныхъ офицеровъ съ деньгами и полномочіями, въ надеждѣ, что они успѣютъ придать какое нибудь единство дѣйствіямъ польскихъ конфедератовъ. Эти офицеры, между которыми былъ весьма прославившійся впослѣдствіи Дюмурье, дѣйствительно успѣли сообщить нѣкоторую опредѣленность отдѣльнымъ конфедераціямъ. Литовское и бѣлорусское шляхетство составило (1771 г.) отрядъ тысячь въ шесть и избрало своимъ маршаломъ князя Огинскаго; одинъ изъ первыхъ барскихъ конфедератовъ, Пулавскій, цѣлымъ рядомъ отважныхъ и успѣшныхъ дѣйствій на Украйнѣ и близъ Карпатскихъ горъ пріобрѣлъ значеніе и могъ, казалось, собрать вокругъ себя большое количество вольныхъ дружинъ, рыскавшихъ по краю безъ всякой между собою связи.

Дѣло, по видимому, начинало быть серіозно. Новый посолъ въ Варшавѣ, смѣнившій Волконскаго, Сальдернъ, человѣкъ весьма умный, но больной и раздражительный, еще болѣе преувеличивалъ затруднительность нашихъ дѣлъ въ Польшѣ. Онъ представлялъ, что во всей Польшѣ есть одинъ только человѣкъ, на котораго Россія можетъ положиться, хотя сотни людей получаютъ отъ нея пенсіи или подарки,—это Браницкій, о которомъ упоминалось по поводу усмиренія гайдамаковъ. Желчный Сальдернъ не болѣе благосклонно отзывался и о русскихъ войскахъ, бывшихъ въ Польшѣ; потребовалъ

смѣщенія ихъ начальника, Веймарна, и изъ общаго осужденія исключилъ одного лишь Суворова.

Этотъ человѣкъ, пріобрѣтшій впослѣдствіи такую громкую славу и почитающійся до сего времени первымъ полководцемъ русскимъ, теперь является передъ нами въ первый разъ. Можно сказать, не опасаясь впасть въ ошибку, что Суворовъ переданъ потомству въ крайне одностороннемъ и каррикатурномъ видѣ; большая часть обращающихся о немъ анекдотовъ и разсказовъ представляютъ его оригиналомъ, чудакомъ, почти шутомъ, такъ что съ этимъ представленіемъ какъ-то не вяжется понятіе о высокихъ дарованіяхъ. Дѣйствительно, Суворовъ кричалъ пѣтухомъ, странно одѣвался и говорилъ иногда еще страннѣе; но упоминая объ этомъ, надо не забывать, что между его современниками въ Ро сіи было не много людей такъ солидно образованныхъ, какъ онъ, и едва ли хоть одинъ, такъ глубоко изучившій военныя науки. Прибавимъ къ этому, что лучшіе наши генералы,—Румянцевъ, Панинъ, Чернышевъ,—усвоили съ бóльшимъ или меньшимъ успѣхомъ военную систему Фридриха Великаго и гордились названіемъ его подражателей; Суворовъ же, изучивъ ее не менѣе своихъ сотоварищей, остался самостоятельнымъ. Гораздо ранѣе Наполеона I изумлялъ онъ военныхъ людей безпримѣрною до того времени быстротою. Его пѣхота дѣлала переходы до 70 верстъ въ сутки и вступала прямо въ бой послѣ такихъ переходовъ,—за которыми и осталось названіе *суворовскихъ*.

Этой своеобразности Суворова, какъ полководца, кромѣ природныхъ его свойствъ, вѣроятно не мало способствовало и то обстоятельство, что во время Семилѣтней войны онъ, будучи еще въ малыхъ чинахъ, командовалъ партизанскими отрядами, гдѣ пріучался къ быстротѣ, неожи-

даннымъ ударамъ, находчивости и рѣшительности. Когда война кончилась, онъ получилъ полкъ. Многіе баричи того времени, командуя полками, проживали большую часть времени въ столицѣ, у двора: Суворовъ весь предался своему полку, пекся о его благосостояніи, устроилъ для солдатскихъ дѣтей школу, самъ училъ въ ней и составлялъ учебники. Обучая солдатъ военной экзерциціи, онъ изъ этого, по видимому, чисто механическаго упражненія, выработалъ ту тактику, которую съ такою славой примѣнялъ потомъ на боевомъ полѣ и которая состояла въ силѣ натиска и въ дѣйствіи штыкомъ. „Пуля дура—штыкъ молодецъ", говорилъ Суворовъ на своемъ неподражаемомъ нарѣчіи. Никто не умѣлъ такъ пріучить солдатъ къ перенесенію трудовъ и лишеній какъ Суворовъ; но эти труды и лишенія онъ самъ съ ними раздѣлялъ; онъ былъ строгъ, но и попечителенъ и всегда имѣлъ въ запасѣ одну изъ тѣхъ шутокъ, которыя его прославили почти столько же, какъ его побѣды. Поверхностные люди долго считали Суворова только чудакомъ; Екатерина одна изъ первыхъ оцѣнила его по достоинству. Мы видѣли, что и Сальдернъ отдавалъ ему справедливость.

Дѣйствительно, гдѣ только оказывалось скопленіе конфедератовъ,—Суворовъ налеталъ на нихъ неожиданно и разсѣевалъ однимъ ударомъ. Его кругъ дѣйствій былъ у подошвы Карпатовъ; но когда усилилась конфедерація Огинскаго, онъ какъ будто однимъ прыжкомъ перескочилъ отъ Красностава и Люблина въ Литву и подъ Становичами (въ сентябрѣ 1771 г.) нанесъ ей одинъ, но окончательный ударъ, послѣ чего безъ отдыха и устали опять перенесся къ подошвѣ Карпатовъ.

Въ началѣ 1772 года конфедераты, предводимые французскими офицерами, овладѣли Краковымъ, благодаря

оплошности русскаго комменданта: они провели свою партію чрезъ отверстіе, оставленное въ стѣнѣ, для стока нечистотъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Суворовъ кидается къ Кракову и штурмуетъ его. Приступъ не удался. Но Суворовъ былъ однимъ изъ тѣхъ военныхъ людей, которые никогда не покидали разъ задуманнаго предпріятія; онъ повелъ противъ замка правильную осаду, простоялъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и принудилъ непріятеля къ сдачѣ. Тогда онъ предложилъ гарнизону, и французскимъ офицерамъ во главѣ его, выйдти изъ крѣпости *тѣмъ же путемъ, которымъ они вошли.*

Такимъ образомъ ни на сѣверѣ республики, ни на югѣ не удалось, какъ желалъ бы французскій дворъ, организовать серіознаго возстанія. Да оно и не могло никогда произойдти, потому что масса народа какъ въ Литвѣ и русскихъ областяхъ, такъ и въ самой Польшѣ оставалось совершенно равнодушною къ оборонѣ своего отечества. Законами и обычаемъ это почетное дѣло возлагалась на одну шляхту, а шляхетское сословіе было слишкомъ малочисленно и непривычно къ трудамъ, чтобы вести упорную войну противъ регулярныхъ войскъ. По этому, опасенія, которыя внушалъ своему двору старикъ Сальдернъ, были въ значительной долѣ преувеличены, и Бибиковъ, присланный вмѣсто Веймарна, смотрѣлъ на дѣло гораздо правильнѣе, утверждая, что въ теченіе года можно окончательно прекратить всѣ эти возстанія.

Впрочемъ не болѣе или менѣе удачнымъ преслѣдованіемъ конфедератскихъ отрядцевъ должна была разрѣшиться судьба Польскаго государства, а путемъ дипломатическихъ переговоровъ. Въ глазахъ тѣхъ, которые близко знали положеніе Польши, она давно уже перестала быть чѣмъ либо серіознымъ. Цесарскія войска въ 1770

году безъ всякихъ объясненій заняли небольшой участокъ польскихъ владѣній близъ Карпатъ. Густой кордонъ войскъ Фридриха II занялъ польскую границу подъ предлогомъ обнаружившейся въ ней чумы и взыскивалъ все нужное для своего продовольствія въ пограничныхъ польскихъ областяхъ, какъ въ завоеванномъ краѣ. Такимъ образомъ республика со всѣхъ сторонъ была занята войсками сосѣднихъ державъ. Чѣмъ же должно было кончиться это занятіе?.. Надъ нею совершился одинъ изъ тѣхъ грозныхъ приговоровъ исторіи, которые должны служить урокомъ для народовъ и научить ихъ, что сила и слава государствъ состоятъ въ единодушіи всѣхъ сословій, что ихъ независимость можетъ быть обезпечена только крѣпкимъ союзомъ всего народа съ своимъ правительствомъ. Польша во все продолженіе своей долгой, и не рѣдко, славной исторіи, не выработала этихъ понятій. Между политиками этой страны сложилось странное убѣжденіе, что ея независимое существованіе необходимо для блага Европы; что не ея граждане, а народы и правительства всей Европы призваны ее защищать. Событія доказали, что это было горькое заблужденіе. Наступила минута, когда интересы сосѣднихъ народовъ оказались противоположными ея интересамъ,—и она была не завоевана даже, а просто раздѣлена.

Новѣйшія изысканія доказали неоспоримо, что первая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ Фридриху II. И это весьма естественно; ни одна изъ трехъ сосѣднихъ державъ не имѣла такой дѣйствительной надобности въ части польской земли, какъ Пруссія. Древняя столица этого государства, Кенигсбергъ съ нѣсколькими другими городами, былъ отдѣленъ отъ прочихъ его частей широкой полосою польскихъ вла-

дѣній. Пруссія не представляла, слѣдовательно, цѣлаго, пока эта полоса польскихъ владѣній не была къ ней присоединена. Фридрихъ II, со свойственною ему проницательностію, замѣтилъ это еще будучи наслѣднымъ принцемъ и выразилъ сожалѣніе, что не былъ королемъ во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смертію Августа II: „я непремѣнно вмѣшался бы въ польскія дѣла“, сказалъ онъ однажды по этому случаю. Сдѣлавшись королемъ и окончивши долгія войны съ сосѣдями на западѣ и югѣ, онъ не преминулъ обратить вниманіе и на востокъ. Мы видѣли (стр. 86 и 136) что его политика по польскому вопросу увлекала за собою и русскую, и что онъ сѣтовалъ на Екатерину за то, что она допускаетъ правительству Станислава-Августа усиливаться; онъ желалъ бы оставить Польшу въ ея летаргіи, какъ онъ выразился въ разговорѣ съ Сальдерномъ. Въ настоящее время если не летаргія, то анархія въ Польшѣ была полная: плодъ былъ вполнѣ зрѣлъ; оставалось его сорвать, и Фридриху хотѣлось тѣмъ болѣе сдѣлать это, что война Россіи съ Турціей не могла принести Пруссіи никакой выгоды, а стоила ей издержекъ: чѣмъ же вознаградить эту послѣднюю? Присоединеніемъ той части Польши, которая врѣзывалась въ Прусскія владѣнія и разобщала ихъ. Нужно только было на это согласіе Русской Императрицы,—и Фридрихъ принялъ мѣры, чтобъ склонить ее къ своимъ видамъ (*).

Еще въ 1769 году онъ сообщилъ петербургскому двору сообщенный будто бы ему проектъ раздѣленія Поль-

(*) Сношенія по этому поводу превосходно изложены, на основаніи подлинныхъ документовъ, Шмидтомъ, въ его сочиненіи: Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne.

ши; но у насъ не обратили на это вниманія. Между тѣмъ, какъ сказано, лѣтомъ 1770 года имперскія войска заняли небольшую польскую область, на которую вѣнскій дворъ заявилъ старинныя претензіи. При безденежьи польской казны, при слабости Польскаго государства, это занятіе могло весьма легко изъ временнаго обратиться въ постоянное; вѣнскій дворъ, который менѣе всѣхъ, по видимому, обнаруживалъ честолюбія въ польскихъ дѣлахъ, въ дѣйствительности отрѣзывалъ у Польши область, не обнажая меча. Узнавъ объ этомъ, Фридрихъ рѣшился позаботиться и о себѣ, связавъ свои интересы съ русскими. У него былъ братъ Генрихъ, пріобрѣтшій громкую извѣстность участіемъ въ войнахъ брата своего и обширнымъ, просвѣщеннымъ умомъ. Рѣшено было устроить свиданіе между нимъ и Екатериной и поручить ему вывѣдать ея мнѣніе относительно раздѣленія Польши,— но очень осторожно, чтобы не возбудить заранѣе никакихъ толковъ. Принцъ Генрихъ посѣтилъ сначала сестру свою, Королеву Шведскую, и уже изъ Стокгольма, какъ бы по сосѣдству, пріѣхалъ въ Петербургъ, замаскировывая такимъ образомъ истинную цѣль своей поѣздки.

Никогда можетъ-быть Петербургъ не былъ въ такомъ одушевленіи какъ въ это время, когда съ Дуная и изъ Архипелага приходили одна за другою радостныя вѣсти. Пріѣздъ принца Генриха,— одной изъ первыхъ знаменитостей въ Европѣ,— былъ еще новымъ удовлетвореніемъ національной гордости. Празднества въ его честь чередовались съ празднествами въ честь Чесмы, Кагула, Бендеръ. Графъ Чернышевъ, между прочимъ, далъ ужинъ, на которомъ десертъ изображалъ разныя крѣпости, взятыя Русскими у Турокъ. Принцъ Генрихъ и нѣкоторые генералы, прибывшіе изъ арміи (меж-

ду прочимъ, Потемкинъ), были героями этихъ праздниковъ. Принцъ былъ не красивъ собою и довольно молчаливъ; его занимали не балы и не праздники; онъ искалъ не свѣтскихъ успѣховъ. Ему нужно было сблизиться съ вліятельными людьми русскаго двора и найдти случай затронуть передъ самой Императрицей занимавшій его вопросъ. Случай къ этому наконецъ представился; это произошло, по словамъ современниковъ, слѣдующимъ образомъ. Однажды будучи у Императрицы, принцъ замѣтилъ, что военные успѣхи въ Польшѣ не дорого обходятся. „Стоитъ лишь протянуть руку и подбирать, замѣтила Императрица“. Затѣмъ она стала жаловаться на императрицу-королеву, которая ввела свои войска въ Польшу и овладѣла нѣкоторыми землями республики: „это легко могли бы, прибавила она, сдѣлать и другіе“. — „Да, живо подхватилъ принцъ; стоило бы только *всунуть три головы въ одинъ колпакъ*, — и тѣмъ хуже для того, кому этотъ колпакъ принадлежитъ“.

Намеки на раздѣленіе между русскимъ, берлинскимъ и вѣнскимъ дворами нѣсколькихъ областей возобновляемы были принцомъ Генрихомъ и при другихъ случаяхъ, но дѣло однакожь не пошло далѣе намековъ; и если, какъ можно полагать, что Императрица не пропустила ихъ безъ вниманія, то несомнѣнно, что эти намеки встрѣчены были сильнымъ разногласіемъ въ ея совѣтѣ. З. Чернышевъ горячо ухватился за мысль, выраженную принцемъ Генрихомъ; но Панинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возставалъ противъ нея. Мы не знаемъ, какія именно возраженія онъ представлялъ, но извѣстно, что когда, въ проѣздъ черезъ Варшаву, принцъ Генрихъ закинулъ было слово Сальдерну о желаніи брата своего получить земельное вознагражденіе, то этотъ

старикъ, всегда крутой и рѣзкій, сказалъ ему напрямикъ: „прекрасно, лишь бы это было не на счетъ Польши“,— а Сальдернъ не могъ бы выразиться подобнымъ образомъ, еслибъ не зналъ мнѣнія объ этомъ предметѣ своего министра.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и мысль, мелькнувшая въ разговорахъ Императрицы съ принцемъ не имѣла видимыхъ результатовъ, когда вдругъ, въ мартѣ 1771 г., прусскій посолъ въ Петербургѣ графъ Сольмсъ получилъ отъ своего государя депешу, въ которой она была довольно ясно высказана. „Вѣнскій дворъ, писалъ Фридрихъ, занялъ польскія земли очевидно съ цѣлію не возвращать ихъ; это наводитъ меня на мысль, что и мы съ Россіей должны воспользоваться настоящими обстоятельствами и, подражая примѣру вѣнскаго двора, позаботиться также о собственныхъ своихъ интересахъ“. Вмѣсто того чтобы Россіи дѣлать такія усилія для завоеваній надъ Турціей, не гораздо ли проще, заключалъ онъ, было бы ей получить вознагражденіе изъ пограничныхъ земель Польскаго королевства.

Графъ Сольмсъ сообщилъ эту депешу Панину. Но Панинъ, какъ уже замѣчено, держался относительно Польши прежней политики: оставлять ее неприкосновенною и даже содѣйствовать установленію въ ней порядка, съ сохраненіемъ надъ нею лишь русскаго вліянія. Но самыя событія доказали несостоятельность такой политики. При первомъ энергическомъ заявленіи этого вліянія, противъ насъ обнажено было оружіе въ Польшѣ, и другіе дворы приняли участіе въ нашей распрѣ. Это и представлялъ Чернышевъ, поддерживавшій прусскія предложенія; но поколебать авторитетъ Панина было не легко. Совѣтъ Императрицы раздѣлился на двое. Пренія и споры продолжались нѣсколько не-

дѣль. Графъ Сольмсъ возобновлялъ свои представленія, негодовалъ на апатію русскаго двора и наконецъ, уже въ половинѣ мая, получилъ приглашеніе изъяснить подробнѣе мысль короля; переговоры съ этого времени начались дѣятельно, но съ величайшею тайной.

Оставалось привлечь къ этимъ переговорамъ вѣнскій дворъ, что казалось очень легко, такъ какъ его дѣйствія были точкою исхода для обмѣна мыслей между Россіей и Пруссіей. Это оказалось однакожъ весьма труднымъ дѣломъ. При вѣнскомъ дворѣ въ это время были два сильныя вліянія; вопервыхъ, самой Императрицы Маріи-Терезіи, горячей католички, а потому дружелюбно расположенной къ Польшѣ, и, вовторыхъ, наслѣдника престола, эрцъ-герцога Іосифа, *философа* въ религіозныхъ дѣлахъ, врага папства, молодаго человѣка одержимаго завоевательнымъ духомъ. Между этими двумя вліяніями старому министру Маріи-Терезіи, князю Кауницу, приходилось,—и конечно не безъ большаго труда, — удерживать равновѣсіе. Узнавъ отъ превосходныхъ агентовъ, которыхъ онъ имѣлъ при всѣхъ дворахъ, о переговорахъ въ Петербургѣ относительно Польши, онъ вдругъ сдѣлался особенно любезенъ съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, княземъ Голицынымъ, и какъ бы вызывалъ его на объясненія. Голицынъ, которому при вѣнскомъ дворѣ обнаруживали холодность во все продолженіе волненій въ Польшѣ и войны съ Турціей, — особенно же послѣ того, какъ Россія потребовала отъ Турціи нѣкоторыхъ земельныхъ вознагражденій, — воспользовался этимъ поворотомъ, и однажды сказалъ Кауницу, что если правительство королевы-императрицы такъ недовольно пріобрѣтеніями, которыхъ Россія добивается отъ Турціи, то какія же соотвѣтствующія выгоды оно могло бы предложить ей? Тогда ста-

рый дипломатъ, съ видомъ совершеннаго простодушія, отвѣчалъ ему, что вѣнскій дворъ готовъ содѣйствовать Россіи, но только не относительно раздѣла Польши, и съ своей стороны обѣщаетъ вывесть свои войска изъ этого государства, — исключая только того небольшаго владѣньица, на которое вѣнскій дворъ имѣетъ неоспоримое право (*). „Однако занятіе этого владѣньица вами очень похоже на первый шагъ къ раздѣлу", замѣтилъ удивленный Голицынъ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ октябрѣ 1771 года. Странныя слова Кауница были съ его стороны первымъ приступомъ къ дальнѣйшимъ разговорамъ о Польшѣ: по старой своей привычкѣ хитрить, этотъ ветеранъ дипломатовъ хитрилъ даже тогда, когда въ этомъ не было никакой надобности. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ послѣдующихъ разговоровъ съ княземъ Голицынымъ, онъ не только совершенно вошелъ въ виды Пруссіи и Россіи, но прибавилъ еще, что еслибы Польша была недостаточна для вознагражденія всѣхъ трехъ сосѣдственныхъ державъ, то можно бы найдти потребныя земли и гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Объяснившись такимъ образомъ, оставалось только условиться на счетъ подробностей. Для этого уполномочены были отъ русскаго двора Панинъ и вице-канцлеръ князь Голицынъ; отъ прусскаго — графъ Сольмсъ и отъ вѣнскаго—князь Лобковичъ. Переговоры производились въ Петербургѣ, и съ такою тайной, что ни французскіе, ни польскіе дипломаты ничего о томъ не знали. Договаривающіяся державы предполагали сдѣлать слѣ-

(*) Это владѣньице, называлось графство Ципсъ. Еще въ XV вѣкѣ одинъ изъ венгерскихъ королей отдалъ его Польшѣ подъ залогъ занятой у нея суммы денегъ, и съ того времени оно не было выкуплено.

дующія пріобрѣтенія: Россія желала получить Бѣлоруссію съ городами Витебскомъ, Полоцкомъ, Оршею, Могилевомъ, Мстиславомъ и др.; граница ея изъ-подъ Великихъ Лукъ должна была передвинуться на Западную Двину и съ Сожа на Днѣпръ; по переволоку же между этими двумя рѣками границею назначалась рѣчка Друецъ. Пруссія хотѣла припрѣзать себѣ ту полосу польской земли, которая раздѣляла прусскія владѣнія, съ городомъ Кульмомъ и н. др.; такимъ образомъ она получила бы сплошное и широкое прибрежье по Балтійскому морю, непрерывное, за исключеніемъ лишь Данцига, который Пруссія соглашалась оставить Польшѣ. Что касается до вѣнскаго двора, то онъ проводилъ свою границу слѣдующимъ образомъ: по Вислѣ, начиная отъ силезской границы до Сандомира, откуда черезъ Замостье къ Бугу, внизъ по этой рѣкѣ и дальше на Днѣстръ, близъ Хотина.

Самая обширная изъ этихъ трехъ частей доставалась Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая бѣдная: мѣстность, гдѣ находятся Невель, Полоцкъ, Витебскъ, песчана и болотиста и богата только лѣсомъ; сѣверная часть нынѣшней Могилевской губерніи тоже не представляетъ большихъ естественныхъ богатствъ, и только тотъ ея уголъ, который заключается между Днѣпромъ и Сожемъ, составляетъ продолженіе Малороссіи и плодороденъ. Вообще главное достоинство этого пріобрѣтенія состояло въ томъ, что къ великому ядру русскому возвращалась долго отъ нея отдѣленная часть русскаго народа, возбуждая подобныя же надежды и въ остальныхъ русскихъ областяхъ Заднѣпровья и осуществляя наконецъ мысль, нѣкогда скромно выраженную Өеофаномъ Леонтовичемъ (стр. 75). Пруссія тоже получала страну не богатую дарами природы; но она чрезвычайно важна была

тѣмъ, что устанавливала связь между двумя разрозненными частями государства и при томъ ставила внутреннюю торговлю Польши и сношенія ея съ Данцигомъ въ совершенную зависимость отъ Пруссіи, такъ какъ нижнее теченіе Вислы находилось въ предѣлахъ этой послѣдней державы. Самая богатая и истинно прекрасная доля доставалась Маріи-Терезіи: юго-восточный уголъ бывшаго королевства Польскаго, прилегающій къ Подоліи, съ богатѣйшими соляными копями. Но это была исконная русская земля, населенная или православными, или уніятами, говорящими малороссійскимъ нарѣчіемъ. Новое пріобрѣтеніе вѣнскаго двора еще болѣе увеличивало разноплеменность подвластнаго ему народонаселенія, — неудобство, которое обнаруживается въ настоящее время.

Договоры о раздѣлѣ Польши были подписаны 14 іюля 1772 года. Оставалось привести ихъ въ исполненіе. Подчинится ли Польша рѣшенію сосѣднихъ державъ—этого нельзя было знать. Но во владѣніяхъ этого государства находилось 12.000 русскаго войска; у Пруссіи и Австріи на-готовѣ было гораздо болѣе. Требованія, которыя должны были предъявить посланники союзныхъ дворовъ, были слѣдовательно подкрѣплены дѣйствительною силой. Со стороны Россіи предъявилъ трактатъ о раздѣлѣ баронъ Штакельбергъ, преемникъ Сальдерна въ Варшавѣ. Сдѣланное имъ заявленіе поразило какъ громомъ и короля, и его министерство. Это не завоеваніе, а грабежъ, говорили Штакельбергу болѣе откровенные и болѣе раздраженные. Правда, отвѣчалъ посланникъ Екатерины, что мы не вели съ вами формальной войны; но развѣ для васъ было бы лучше, еслибъ это случилось? Откажитесь признать договоръ трехъ союзныхъ державъ — и война будетъ!... Польское правительство не

рѣшилось на войну, но почло нужнымъ заявить предъ всѣми европейскими дворами свой протестъ противъ насильственнаго завладѣнія его областями. „Оно торжественно провозглашаетъ, — писали польскіе министры,— занятіе польскихъ областей дворами с.-петербургскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ, несправедливымъ, насильственнымъ, и противнымъ законнымъ правамъ польской короны". Король въ письмахъ къ королямъ французскому и англійскому, старался внушить, что сохраненіе Польскаго государства, есть дѣло для нихъ самихъ крайне важное: вся Европа, писалъ онъ, раскается, если не устранитъ отъ Польши угрожающаго ей бѣдствія; сама же Польша, прибавлялъ онъ, — увы, слишкомъ слаба, чтобы защищать себя и погибнетъ, если Европа не придетъ къ ней на помощь.

Не трудно угадать, какія послѣдствія имѣли эти воззванія. Англійскій король весьма вѣжливо отвѣчалъ Станиславу-Августу, что одно только Провидѣніе въ состояніи ему помочь. Франція продолжала раздражать Поляковъ противъ союзниковъ, но подать имъ дѣйствительную помощь и не рѣшалась, и не была въ состояніи. Сосѣднія державы между тѣмъ требовали созванія сейма, для того чтобы дать законную форму принятію Польшею трактатовъ о раздѣлѣ. Фридрихъ II давалъ очень сильно чувствовать, что онъ владычествуетъ надъ торговлею на нижней Вислѣ; Екатерина угрожала занять предположенныя къ отдѣлу области вооруженною рукой. Турецкая война не приводила къ ожидаемымъ въ Польшѣ результатамъ; нація не вставала на защиту своей родины, а конфедераціи начинали терять всякое значеніе. Въ такомъ положеніи Польшѣ ничего не оставалось болѣе, какъ подчиниться всѣмъ требованіямъ. Въ концѣ лѣта 1773 года организовано было

какое-то подобіе конфедераціи, которая, обратившись въ сеймъ, назначила уполномоченныхъ для подписанія договора съ тремя державами и для опредѣленія границъ. При этомъ очень замѣчательно, что правительство императрицы-королевы, которая ни прежде, ни послѣ раздѣла не могла говорить безъ слезъ о судьбѣ Польши, дѣлало наиболѣе затрудненій и предъявляло наиболѣе требованій при окончательномъ размежеваніи, которое поэтому окончилось не ранѣе, какъ въ 1774 году.

Такъ совершился первый раздѣлъ Польши, происшествіе, о которомъ исписаны тысячи книгъ, брошюръ и газетныхъ статей. Весьма замѣчательно, что въ первые годы, послѣдовавшіе за раздѣломъ, нѣкоторые изъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе, гордились этимъ участіемъ. Принцъ Генрихъ, напримѣръ, любилъ приписывать себѣ первоначальную мысль раздѣла, оспаривая ее у своего брата; онъ даже почелъ нужнымъ испросить у Императрицы формальнаго засвидѣтельствованія, такъ сказать, аттестата, что мысль о раздѣлѣ принадлежитъ ему. (*) Вольтеръ, видя въ торжествѣ Россіи надъ Польшею, торжество религіозной терпимости надъ фанатизмомъ, горячо привѣтствовалъ Екатерину. Но вскорѣ въ общественномъ мнѣніи началъ совершаться поворотъ. Во Франціи явился талантливый писатель, Рюльеръ, съ которымъ сблизились нѣкоторые знатные Поляки, которому французское правительство

(*) Этотъ аттестатъ недавно нашелъ и напечаталъ профессоръ Соловьевъ; Императрица, говоритъ онъ, написала принцу: «По принятіи во владѣніе губерніи Бѣлорусской, считаю справедливымъ засвидѣтельствовать вашему королевскому высочеству, сколь чувствую себя ему обязанною за всѣ заботы, употребленныя имъ при совершеніи этого великаго дѣла, котораго ваше высочество можетъ считатся первымъ виновникомъ».

дозволило воспользоваться дипломатическою перепиской по польскимъ дѣламъ и который, черпая изъ этихъ двухъ источниковъ, написалъ сочиненіе, изображавшее дѣло Польши въ самыхъ сочувственныхъ чертахъ, а дѣйствія трехъ сосѣднихъ державъ, и особенно Россіи, въ самомъ отталкивающемъ видѣ. Очевидно, сочиненіе Рюльера, основанное на помянутыхъ источникахъ, не могло быть безпристрастно; но оно было написано съ талантомъ и съ одушевленіемъ, и будучи прочитано еще въ рукописи во многихъ знатныхъ домахъ въ Парижѣ, произвело глубокое впечатлѣніе. Императрицу Екатерину смутило это сочиненіе; она хлопотала, чтобъ оно не появилось въ печати по крайней мѣрѣ при ея жизни, и тѣмъ придала ему еще болѣе значенія. Съ своей стороны, соучастники ея въ раздѣлѣ Польши, удовлетворивъ интересамъ своей страны, или своему личному честолюбію, сочли не лишнимъ оказать удовлетвореніеи общественному мнѣнію. Марія-Терезіяпродолжала проливать слезы надъ несчастіями Польши; Фридрихъ II, въ *Запискахъ*, которыя онъ оставилъ послѣ себя, старался уменьшить свое участіе въ раздѣлѣ Польши, приписывая его главнѣйше къ русской политикѣ.

Направленное въ эту сторону общественное мнѣніе пошло далѣе. За раздѣлами Польши было усвоено названіе *великаго беззаконія XVIII вѣка*, и виновницею его признана была единогласно Россія. Впослѣдствіи французскіе, саксонскіе и прусскіе архивы дали новые матеріалы новымъ сочиненіямъ, еще болѣе укрѣпившимъ это убѣжденіе, а польскіе писатели распространили его въ безчисленномъ множествѣ книгъ и брошюръ. Наконецъ уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка въ первый разъ раскрылись русскіе архивы,

и г. Шмидтъ, которому было дозволено пользоваться ими для исторіи перваго раздѣла, нашелъ въ нихъ положительныя доказательства, что дѣло происходило такъ, какъ оно выше разказано. Онъ опровергъ не только показанія тѣхъ, которые отталкивали отъ себя иниціативу въ польскомъ раздѣлѣ, но и тѣхъ, которые ее себѣ приписывали: такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что мнимый проектъ графа Линара былъ сообщенъ Фридрихомъ, котораго почитаютъ его сочинителемъ, ранѣе чѣмъ принцъ Генрихъ имѣлъ объясненія съ Императрицею о *трехъ головахъ въ одномъ колпакѣ.* Подбирая свои доказательства съ неотразимою силой, почтенный историкъ съ радостью и торжествомъ возвѣстилъ міру, что первая мысль о *великомъ беззаконіи* принадлежитъ не Екатеринѣ, а Фридриху.

Нельзя не радоваться открытію, сдѣланному Шмидтомъ, какъ и всякому открытію, способствующему торжеству истины надъ вымысломъ; но современное русское общество, кажется, принимаетъ открытіе Шмидта только какъ объясненіе, а не какъ оправданіе. Оно находитъ, что Россіи не въ чемъ оправдываться. Россія нуждалась бы въ оправданіи, еслибы всякая война и всякое завоеваніе было признано преступленіемъ, и еслибы правительствамъ было вмѣнено въ обязанность пещись не о своихъ, а о чужихъ народахъ; завоеванія давно порицаютъ, войны называютъ бѣдствіемъ; но такого рода мнѣнія остаются еще и до настоящаго времени лишь въ области теорій и идеаловъ. Теперь, также какъ и сто лѣтъ тому назадъ, правительства почитаютъ первою обязанностію дѣйствовать въ виду интересовъ управляемыхъ ими народовъ и прибѣгаютъ для этого и къ войнѣ, и къ другимъ, болѣе скрытымъ, но не болѣе почтеннымъ средствамъ. Россіи было не-

обходимо придвинуться къ западу, чтобы сдѣлаться соучастницею европейской жизни,—и она придвинулась. Мы скорѣе должны были бы, можетъ-быть, сожалѣть, что это сдѣлалось не столько по собственному побужденію нашему, сколько по внушеніямъ Фридриха II, хотя при этомъ нельзя еще разъ не вспомнить записку, поданную виленскимъ игумномъ, Леонтовичемъ.

Но, говорятъ наши порицатели, раздѣлъ Польши совершенъ былъ даже безъ войны, простымъ захватомъ! Трудно допустить, можемъ мы отвѣтствовать, чтобъ человѣчество выиграло отъ новаго ряда сраженій, который послѣдовалъ бы за рядомъ ошибокъ, происходившихъ въ Польшѣ въ продолженіе пяти лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, почему Поляки не прибѣгли къ оружію, чтобы защищать свое государство, какъ сдѣлали мы въ 1812 году, Испанцы при нашествіи на нихъ Наполеона, или Французы во время своей революціи, — дѣло ихъ, а не наше.

X.

Устройство, данное присоединеннымъ отъ Польши землямъ.— Сестренцевичъ. — Іезуиты. — Экономическое положеніе Россіи.— Рекрутскіе наборы.—Монетная система.—Ассигнаціи.—Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Недоброжелатели Румянцова.—Компанія 1773 года.

Присоединяя, или правильнѣе, возвращая Бѣлоруссію, Императрица не хотѣла однакожь связывать частныя лица, которыя могли не желать вступить въ число русскихъ подданныхъ. Имъ данъ былъ срокъ, чтобы при-

сти свои дѣла въ порядокъ и удалиться за границу; но за то отъ тѣхъ, которые рѣшались принять вѣрноподданническую присягу, требовалось точное ея исполненіе. Съ своей стороны, правительство принимало на себя обязательство не дѣлать никакого различія между новыми и прежними своими подданными. „Мы желаемъ, писала Екатерина въ инструкціи для губернаторовъ присоединенныхъ земель, чтобы нетокмо сіи провинціи силою оружія были намъ покорены, но чтобы всѣ сердца людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ, снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ (вы) Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отверженіе свое отъ анархіи республики Польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію.“

Главное управленіе Бѣлоруссіей было поручено графу Чернышеву, который, какъ сказано, принималъ самое энергическое участіе въ ея присоединеніи. Такъ какъ въ это время еще составлялись проэкты общаго для всей Россіи провинціальнаго управленія, то нѣкоторыя польскія учрежденія были пока сохранены, а чтобы законодательная власть могла ближе ознакомиться съ нуждами края, то изъ Бѣлоруссіи велѣно было прислать депутатовъ въ комитеты коммиссіи уложенія, продолжавшіе еще свои работы. (стр. 117). Впрочемъ, правительственнымъ языкомъ признанъ былъ русскій, который могъ затруднить лишь нѣкоторыхъ шляхтичей, но который былъ природнымъ относительно массы населенія. Такимъ образомъ, въ настоящемъ случаѣ избѣгнута была ошибка, допущенная Петромъ относительно Прибалтійскаго края (стр. 63). Введеніе русскаго языка въ правительственныя сношенія и распространеніе на Бѣлоруссію общихъ для имперіи учрежденій не замедлили бы въ короткое

время совершенно слить ее съ остальною Россіей и совершенно истребить наложенный на эту исконн русскую страну польскій отпечатокъ, еслибы Императоръ Павелъ не произвелъ радикальной перемѣны въ управленіи этою областью.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ гражданскаго управленія въ Бѣлоруссіи, предстояло устроить другое, болѣе трудное дѣло—управленіе каталической церковью въ Россіи. Для всѣхъ правительствъ католическая церковь и ея управленіе представляютъ большія затрудненія, потому что глава ея, папа, есть въ то же время независимый государь, имѣющій огромное вліяніе на все подчиненное ему духовенство, къ какой бы странѣ члены его не находились; будучи подданными того или другаго правительства, они остаются безусловно подчиненными папѣ во всемъ, касающемся не только религіи но и церковнаго управленія. Но отдѣлить сферу чисто духовную отъ дѣлъ чисто мірскихъ не легко. Извѣстно, какое грозное господство имѣлъ римскій дворъ надъ всѣми свѣтскими дѣлами и надъ всѣми правительствами въ средніе вѣка. Впослѣдствіи католическія правительства старались освободиться отъ этой зависимости и заключали съ римскимъ дворомъ договоры, называемые конкордатами, въ которыхъ съ возможною точностію опредѣлялась и разграничивалась степень подчиненія католическаго духовенства свѣтской и высшей духовной власти. Но какъ бы ни были точно сдѣланы эти разграниченія, недоразумѣнія между свѣтскою и духовною властію не могли быть устранены.

Получивъ вмѣстѣ съ провинціями, бывшими подъ властію Польши, и массу католиковъ, церкви, монастыри, цѣлое духовное управленіе, Екатерина должна была подумать, какимъ бы образомъ, не нарушая интересовъ

религіи, всегда священныхъ, остаться однакоже независимою и сохранить надъ католическими своими подданными ту власть, которая принадлежитъ правительству. Избѣгнуть сношеній съ Римомъ и устранить его вліяніе было не легко: посвященіе епископовъ зависѣло отъ папы и безъ его согласія не могло быть совершено; черное духовенство, принадлежащее ко множеству различныхъ орденовъ, подчинялось, чрезъ своихъ провинціаловъ, генераламъ этихъ орденовъ, проживающимъ въ Римѣ; а какъ римскій первосвященникъ всѣми силами поддерживалъ борьбу Польши противъ Россіи, то должно было ожидать, что всѣ вліянія, исходящія изъ Рима, будутъ враждебны Россіи.

Вотъ весьма серіозное затрудненіе, передъ которымъ очутилось русское правительство послѣ присоединенія Бѣлоруссіи. Польское духовенство было во главѣ враждебной намъ партіи всегда, а тѣмъ болѣе со времени возбужденія вопроса о диссидентахъ. Успѣетъ ли подчинить его правительство? Одолѣетъ ли оно эту силу, опирающуюся на нравственное могущество главы католическаго міра?

Все что можно было съ этой цѣлію сдѣлать, Екатерина сдѣлала, и успѣхъ ея былъ возможно полный. (*) Самымъ важнымъ дѣломъ было найдти въ средѣ бѣлорусскаго духовенства человѣка, котораго можно было бы облечь довѣренностію и поставить въ главѣ духовнаго управленія. Екатерина умѣла найдти такого человѣка или правильнѣе, она умѣла дать ему надлежащее направленіе, потому что въ послѣдующія царствованія этотъ

(*) Тотъ, кто видя участіе польскаго духовенства въ послѣднихъ политическихъ безпорядкахъ, усомнился бы въ успѣшности мѣръ предпринятыхъ Екатериною, долженъ припомнить, что онѣ были отмѣнены Императоромъ Павломъ.

самый человѣкъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ при великой Государынѣ. Человѣкъ этотъ, замѣчательный по своему уму и просвѣщенію, искренній католикъ, но безъ фанатизма,—по крайней мѣрѣ въ первую половину своей карьеры,—былъ Сестренцевичъ. Екатерина, которой онъ былъ рекомендованъ, желала его видѣть сама и замѣтила, что онъ честолюбивъ: это была слабая сторона, которою она умѣла воспользоваться. Государыня объяснила ему, что стѣснять католической религіи она не желаетъ, но не желаетъ допустить, чтобы католическіе ея подданные служили оружіемъ непріязненной политики. Сестренцевичъ нашелъ, что это весьма справедливо и охотно взялся управлять католическою паствой по указаннымъ ему видамъ. Безъ согласія папы нельзя было сдѣлать его епископомъ: духовный санъ даетъ глава церкви; но никто не могъ отнять у Императрицы права ввѣрить церковную администрацію лицу духовному, хотя и безъ высокаго сана. Молодой монахъ былъ сдѣланъ главою всей католической паствы въ Россіи и, что̀ придавало ему еще большее значеніе, всѣ католическіе монастыри были подчинены ему, съ устраненіемъ генераловъ, проживавшихъ за границей: Екатерина не хотѣла, чтобъ свѣтская власть вмѣшивалась въ духовное управленіе, но желала, чтобъ это управленіе не ускользало изъ-подъ ея руки; ксендзы и монахи могли оставаться усердными католиками, но отъ нихъ требовалось, чтобъ они были вѣрноподданными и настоящими русскими гражданами. Сестренцевичу представлено было сноситься съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ посредство русскаго правительства; точно также всѣ распоряженія папы были, прежде ихъ обнародованія въ Россіи, разсматриваемы правительствомъ. Разумѣется, тѣ изъ нихъ, которыя касались исключительно

религіи и догматовъ, были обнародованы безъ малѣйшихъ затрудненій; но если они малѣйше нарушали права верховной власти, то оставались безъ оглашенія. Такимъ образомъ не было въ Россіи опубликовано бревѐ, (указъ) папы Климента XIV (въ 1774 году), уничтожившее орденъ іезуитовъ, которые въ одной только Россіи и оставались до новаго ихъ возстановленія.

За эту послѣднюю мѣру вообще порицаютъ Екатерину, такъ какъ іезуитскій орденъ возбуждаетъ противъ себя очень много и очень справедливыхъ нареканій. Но къ подобнымъ нареканіямъ Россія не имѣла основаній; іезуиты никогда не производили въ ней ни какихъ политическихъ интригъ: за что же было русскому правительству не дозволить имъ существовать у себя? Іезуитскій орденъ справедливо почитался самою просвѣщенною корпораціей въ Европѣ и не было школъ лучше устроенныхъ, чѣмъ іезуитскія: почему же было этимъ не воспользоваться? Правда, іезуиты были самыми усердными и самыми искусными распространителями католичества, что̀ впрочемъ и весьма естественно со стороны католическихъ монаховъ; но православное духовенство имѣло не менѣе ревности относительно соблюденія чистоты православія и безъ сомнѣнія было въ состояніи удержать свою паству въ вѣрности ея природной религіи. Вести борьбу противъ іезуитовъ было дѣломъ и обязанностію русской церкви, вмѣшиваться же въ нее свѣтскому правительству едвали прилично. Оно обязано смотрѣть на католическое духовенство лишь съ той точки зрѣнія и въ той мѣрѣ, въ какой это послѣднее вмѣшивалось въ свѣтскую борьбу Польши съ Россіей. Но іезуитскій орденъ вовсе не принималъ въ ней участія. Исключительно преданный служенію римскому католичеству, этотъ орденъ, можно ска-

зать, не имѣетъ отечества, состоитъ изъ людей всѣхъ націй и отличается полнѣйшимъ космополитизмомъ. Въ этомъ отношеніи несравненно болѣе недовѣрія должны были возбуждать другіе монашескіе ордена въ Польшѣ, состоящіе изъ Поляковъ, и лица, которыя, подобно Солтану и Залусскому, явно становились въ ряды нашихъ враговъ.

Таковы были важные вопросы, которые разрѣшались въ это время по дѣламъ внутренней политики и разрѣшались, надо не забывать, среди величайшихъ затрудненій, — когда еще продолжалась Турецкая война и когда вся восточная часть имперіи была взволнована страшнымъ мятежомъ (Гл. XI.) Но Пугачевщина было далеко не единственнымъ затрудненіемъ, съ которымъ приходилось бороться правительству. Напряженія, которыя Россія принуждена была дѣлать, чтобы быть готовою для отпора ожидаемому нападенію Швеціи, чтобы доставить торжество своей политикѣ въ Польшѣ и, наконецъ, чтобы принудить Турцію къ выгодному для себя и почетному миру, были огромны и глубоко потрясли то благосостояніе, которымъ она начинала пользоваться передъ началомъ Турецкой войны.

Это развитіе благосостоянія въ первые годы царствованія Екатерины изумительно. Надо припомнить, что за нѣсколько мѣсяцевъ до ея вступленія на престолъ окончилась тяжелая война, не доставившая Россіи ни малѣйшихъ выгодъ, и что тотчасъ же потомъ начались приготовленія къ новой войнѣ, вызванной политикою Петра III. Все это, вмѣстѣ съ различными монополіями, которыя щедро раздавала Елисавета своимъ придворнымъ, и съ неурядицею и грабительствомъ, существовавшими во всѣхъ частяхъ управленія, отягощали народъ и казну. Въ послѣдніе годы покойной Императрицы рас-

ходъ превышалъ доходы на 5.000.000 рублей, что составляло едва не четверть всего бюджета, да кромѣ того на правительствѣ числилось много недоплатъ по различнымъ подрядамъ. Все это до такой степени поколебало за границей довѣріе къ финансамъ Россіи, что Елисавета Петровна не могла найдти въ Голландіи 2 м. р., которые она желала занять во время Семилѣтней войны. Даже жалованье войску выдавалось неисправно, за недостаткомъ наличныхъ суммъ. Но прошло три года новаго царствованія, — только три года, — и почти всѣ недоимки казны были уплачены, всѣ текущіе платежи начали производиться исправно, а въ сундукахъ штатсъ-конторы скопилась экономія въ пять съ половиною милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря прекращенію войны, прекращены были и рекрутскіе наборы.

Къ несчастію, дѣла въ Польшѣ, принимая болѣе серіозный оборотъ, сношенія съ Турціею, запутываясь все болѣе, принудили увеличить армію, и слѣдовательно сдѣлать рекрутскій наборъ. Въ продолженіе пятилѣтія, до окончанія войны, то-есть до 1774 года включительно, было восемь рекрутскихъ наборовъ, которые должны были стоить народу до 600.000 человѣкъ Не говоримъ о томъ, сколько изъ этого числа погибло, но постараемся вообразить сколько матеріальнаго благосостоянія на всемъ пространствѣ Россіи утратилось отъ того, что эти 600 т. человѣкъ были оторваны отъ земледѣлія и вообще отъ производительнаго труда! Сколько денегъ было потрачено на приготовленіе пороха, сожженнаго въ сраженіяхъ, снарядовъ, выпущенныхъ противъ непріятеля, пушекъ, ружей и другаго оружія, аммуниціи всякаго рода, въ короткое время приходившихъ въ негодность и которые надо было доставлять на Дунай и на Вислу! Промышленность пользовалась,

новыми потребностями, образовавшимися отъ войны; но эта была промышленность, вызванная случайностію и которая не могла и не должна была развиться. Если мы прибавимъ къ этому чуму и Пугачевщину, которыя тоже истребили множество народа и изъ которыхъ особенно послѣдняя сильно должна была отразиться на благосостояніи обширнаго края, справедливо почитающагося житницею Россіи, то принуждены будемъ согласиться, что величіе и слава не дешево намъ достались.

Но если правительство было принуждено дѣлать громадныя издержки, а съ другой стороны, если народное богатство, источникъ казенныхъ доходовъ, было разстроено всѣми вышеозначенными причинами, то какими же средствами это правительство довело до конца войну и какъ оно выпуталось изъ затрудненій? Это очень любопытный вопросъ, который, для лучшаго его разъясненія, мы захватимъ нѣсколько выше и поставимъ въ связи съ дѣйствіями предшествовавшихъ правительствъ.

Откуда брались деньги на тяжелыя войны въ царствованіе Петра I? И при немъ, а еще болѣе до него, Россія имѣла мало денегъ и ея финансы были въ безпорядкѣ; еще при Царѣ Алексѣѣ нѣкоторые изъ бунтовъ, ознаменовавшихъ его царствованіе, имѣли причиною финансовыя затрудненія, которыя правительство разрѣшало безъ малѣйшаго вниманія къ интересамъ частныхъ людей. Петръ также слишкомъ часто не обращалъ вниманія на частные интересы. Одно изъ главныхъ средствъ, которыми онъ доставилъ казнѣ возможность удовлетворять чрезвычайнымъ тогдашнимъ расходамъ, мы могли бы назвать прямо нечестнымъ, еслибъ это средство не было освящено временемъ и еслибъ его не оправдывали отчасти необходимость, а еще болѣе господствовавшія тогда неправильныя понятія: это средство со-

стояло въ произвольномъ возвышеніи цѣнности денегъ. Главною и, можно сказать, единственною въ то время монетой у насъ была мѣдная. Мѣдь стоила 5 — 6 р. за пудъ; Петръ велѣлъ чеканить монеты изъ пуда мѣди гораздо болѣе чѣмъ на 5 — 6 рублей и довелъ до того, что ея чеканилось 40 р. съ пуда, то-есть въ восемь разъ болѣе, чѣмъ допускала настоящая цѣнность металла. Что же произошло? Всеобщая дороговизна, отъ которой страдала между прочимъ и казна. Вообразимъ себѣ, на примѣръ, что торговецъ металлами продаетъ частному покупщику мѣдь; если онъ возьметъ за нее рыночную цѣну, то-есть 5 — 6 р., то получая за нее плату вновь узаконенною, малоцѣнною монетою, онъ получитъ уже не на 5 — 6 р. а въ восемь разъ менѣе. Чтобъ не терпѣть такого страшнаго убытка, онъ принужденъ набавить на свой товаръ цѣну, тоже въ восемь разъ превосходящую прежнюю. А какъ надбавка цѣны на одинъ родъ товара всегда отражается и на всѣхъ другихъ, то всѣ покупщики, въ томъ числѣ и казна, должны были платить за всѣ предметы торговли дороже чѣмъ платили бы, еслибъ не произошло произвольнаго возвышенія цѣнности монеты.

Зло, которое отъ этого происходило, такъ ясно, что его скоро поняли и пожелали исправить. Съ одной стороны послѣдовали строгія запрещенія противъ обращенія денегъ въ товаръ, а съ другой приказали чеканить монету болѣе высокаго качества, то-есть такую, которая приближалась бы къ дѣйствительной цѣнности металла. Но являлись новыя чрезвычайныя потребности въ деньгахъ, — и опять начиналось чеканеніе низко-пробной монеты.

Такія измѣненія во внутренной цѣнности монеты повторялись нѣсколько разъ. Отъ этого произошло, что въ

обращеніи находилось множество денегъ, совершенно различныхъ по своему достоинству и хотя, напримѣръ на каждомъ пятакѣ вычеканена была одна цифра *пять копѣекъ*, но разумѣется всякій охотнѣе бралъ, и получивъ, припрятывалъ хорошую монету, или тайкомъ, обращалъ ее въ товаръ. Во всякомъ случаѣ она исчезала изъ обращенія и оставалась низкопробная, поддерживавшая дороговизну.

Стали говорить, что у насъ мало денегъ. Дѣйствительно ихъ было въ началѣ царствованія Екатерины въ обращеніи не болѣе 60 м. р., то-есть съ небольшимъ по 2 р. на человѣка, кругомъ; находили, что нельзя приступить ни къ какому предпріятію по невозможности достать денегъ иначе, какъ за непомѣрные проценты. Это привело къ мысли *о кредитѣ*. Кредитъ значитъ довѣріе. Кто пользуется кредитомъ, или довѣріемъ въ денежныхъ дѣлахъ, тотъ не рѣдко можетъ обходиться нѣкоторое время и безъ денегъ; онъ даетъ вмѣсто монеты, росписку, и эта росписка имѣетъ ходъ, какъ бы въ ней заключалась дѣйствительная цѣнность. Случайные недостатки въ деньгахъ и желаніе увеличить ихъ количество противъ дѣйствительно существующаго, побудили и правительства, подобно частнымъ людямъ, пускать въ ходъ свои расписки.

Графъ П. Шуваловъ первый возъимѣлъ намѣреніе примѣнить въ Россіи мысль о кредитѣ. По его предложенію 2.000.000 р. мѣдною монетой было разослано въ пятьдесятъ важнѣйшихъ городовъ, съ тѣмъ, чтобы раздавать ихъ за умѣренные проценты [illegible]нымъ людямъ подъ росписки или векселя, уплата по которымъ взималась въ Петербургѣ. Это было учрежденіе хорошее, хотя, особенно по новости своей, не имѣло большаго успѣха. Затѣмъ, въ кратковременное царствованіе Петра III

предполагалось выпустить *бумажныя деньги*. Это предположеніе тогда не состоялось, а Екатерина, занявшись въ первые годы своего царствованія приведеніемъ въ порядокъ и единообразіе звонкой монеты, приступила къ выпуску въ обращеніе денежныхъ бумагъ или знаковъ не ранѣе того времени, какъ последовалъ разрывъ съ Турціей. Эти бумаги, подъ именемъ *ассигнацій*, были выпущены въ декабрѣ 1768 года.

Въ Москвѣ и Петербургѣ было основано два ассигнаціонные банка, съ конторами въ 22 другихъ городахъ въ которые было положено 1.000.000 р. мѣдными деньгами. На милліонъ изготовлено было и ассигнацій, по предъявленію которыхъ банки и конторы должны были выдавать желающимъ соотвѣтствующую сумму монетой, Этотъ первый опытъ бумажныхъ денегъ удался вполнѣ. Видя, что выдача противъ нихъ монеты производится исправно, публика получила къ ассигнаціямъ величайшее довѣріе и предпочитала ихъ неудобной существовавшей у насъ монетѣ. Довольное этимъ успѣхомъ правительство сдѣлало новые выпуски ассигнацій, и постоянно увеличивая ихъ число, довело его къ концу Турецкой войны до огромной суммы 20.000.000 р., впрочемъ не поколебавъ къ нимъ довѣрія. Въ дѣйствительности однакожъ финансовое положеніе страны было сильно разстроено. Огромное количество денегъ, внезапно появившееся въ Россіи, производило лишь обманчивое богатство, потому что соразмѣрно ихъ умноженію, увеличивались цѣны на всѣ товары; такъ напримѣръ, по свидѣтельству современника кн. М. М. Щербатова, всю жизнь свою собиравшаго статистическія свѣдѣнія о Россіи, четверть ржи, стоившая въ 1760 году въ московской губерніи 86 к., въ 1773 возвысилась до 2 р. 19 к. Про-

порціонально этому основному продукту должны были возвыситься цѣны и на всѣ прочіе предметы.

Причиною, по крайней мѣрѣ главнѣйшею, всѣхъ этихъ тягостей была война, и прекращенія ея нельзя было не желать народу. Но, какъ сказано, два послѣдовательные конгресса не привели къ соглашенію. Весною 1773 года военныя дѣйствія возобновились. Но дѣйствія наши на Дунаѣ были не рѣшительны. Судя по жалобамъ Румянцева, можно думать, что распоряженія военной коллегіи были весьма неудовлетворительны. Онъ писалъ Императрицѣ, что ко времени открытія кампаніи, рекруты едва лишь прибывали въ армію, что онъ можетъ располагать не болѣе какъ 13 т. человѣкъ и что съ такими ничтожными силами невозможно отважиться дѣйствовать наступательно за Дунаемъ. Онъ горько жаловался на своихъ недоброжелатей, подразумѣвая, по видимому, въ томъ числѣ графа З. Чернышева, и наконецъ положительно просилъ объ увольненіи. Дѣйствительно, нельзя не удивиться что армія его не была усилена съ окончаніемъ волненій въ Польшѣ, съ прекращеніемъ войны противъ Крымцевъ и съ уменьшеніемъ вѣроятности разрыва со Швеціей; но фельдмаршалъ былъ всегда мнителенъ и болѣзненно самолюбивъ; въ настоящемъ же случаѣ недугъ, который не покидалъ его съ прошедшаго года, усиливалъ его мрачное настроеніе. Императрица поспѣшила успокоить и обласкать заслуженнаго воина и этимъ возвратила ему часть его энергіи. Онъ перешелъ Дунай и, послѣ успѣшнаго дѣла съ Турками, приблизился къ Силистріи, въ намѣреніи обложить эту крѣпость. Но скоро узнавъ, что главныя турецкія силы находятся въ нѣсколькихъ переходахъ отъ нея, почелъ за лучшее возвратиться на лѣвый берегъ Дуная.

Этимъ и окончилась весенняя кампанія. Она была не

блистательна и конечно не заставила примолкнуть петербургскихъ недоброжелателей фельдмаршала. Глубоко огорчаясь этимъ, онъ писалъ кн. Орлову: „Я несчастливъ въ благоволеніи къ себѣ публики. Еслибы такой былъ парламентъ, въ который бы можно было позвать общество на судъ, и еслибы теперь рѣшались дѣла примѣромъ судилища, что древняя Греція имѣла подъ именемъ ареопага, я бы счетъ повелъ съ нашею публикою, — кто изъ насъ противъ кого неблагодаренъ: я ли еще оной, или уже она мнѣ должна?“

Продолжая хворать и хандрить, Румянцовъ сдѣлалъ однакожъ въ сентябрѣ новый поискъ за Дунаемъ, такъ какъ въ это время турецкая армія частію распускалась а частію разбредалась по домамъ. Но отправленные имъ генералы, имѣя всего 5.000 человѣкъ, вздумали еще раздѣлить свои силы; одинъ двинулся на Варну, къ Черному морю, а другой на Шумлу, въ Балканамъ — и, разумѣется, ни тотъ ни другой не имѣли успѣха.

XI.

Пугачевщина. — Мѣстность, на которой развернулась Пугачевщина; инородцы; разбойничество; раскольники; заводскіе крестьяне. — Яицкое казачье войско. — Внутренніе его раздоры и сопротивленіе властямъ. — Пугачевъ. — Его связи съ раскольниками. — Кожевниковъ. — Пугачевъ принимаетъ имя Петра III. — Многочисленность самозванцевъ въ Россіи и расположеніе, замѣчаемое въ народѣ вѣрить имъ. — Прибытіе Пугачева на Яикъ. — Его арестъ, бѣгство изъ тюрьмы и вторичное появленіе на Яикѣ. — Первые его успѣхи. — Бибиковъ. — Поворотъ, который онъ далъ дѣламъ. — Смерть его. — Новые успѣхи Пугачева. — Михельсонъ. — Взятіе Казани. — Движеніе Пугачева за Волгу. — Возмущенія крѣпостныхъ крестьянъ. — Окончательное пораженіе Пугачева. — Графъ Панинъ и Суворовъ. — Казнь Пугачева и его сообщниковъ.

Въ то самое время, когда всѣ наши силы были напряжены для войны съ Турціей, когда можно было еже-

дневно ожидать взрыва въ Польшѣ, когда едва успокоивалось волненіе въ Москвѣ и полъ-Россіи чувствовало еще послѣдствія чумы,—страшный мятежъ обхватилъ все низовье Волги, начиная съ южныхъ границъ нынѣшнихъ Нижегородской и Владимірской губерній и пронесся бурею по губерніямъ (нынѣшнимъ) Казанской, Симбирской, Пензенской, Самарской, Оренбургской, Пермской, по землѣ Яицкаго (нынѣ Оренбургскаго) войска, привелъ въ волненіе Киргизовъ и Башкиръ и, наконецъ, коснулся западныхъ частей Сибири. Это была Пугачевщина.

Прежде чѣмъ разказывать самое происшествіе, называемое этимъ именемъ, познакомимся поближе съ мѣстностію, которая послужила ему театромъ, и которая заключала въ себѣ особенности, дѣлавшія ее болѣе всѣхъ прочихъ доступною подобнаго рода волненіямъ. Мы видѣли, что Екатерина, прибывъ въ Казань во время своего плаванія по Волгѣ, писала: „это совершенно особое царство", (стр. 110). Еслибъ она спустилась еще нѣсколько ниже, къ Саратову и Астрахани, или еслибъ, оставивъ Волгу, вздумала проникнуть въ нынѣшнюю Самарскую губернію и въ Оренбургскій край, она увидѣла бы міръ еще болѣе новый и оригинальный. Прежде всего, кидается въ Приволжскомъ краѣ въ глаза инородческая примѣсь въ народонаселеніи. Начиная съ Нижегородской губерніи, человѣкъ проѣзжающій по этимъ мѣстамъ, встрѣчаетъ Татаръ, потомковъ Батыевыхъ кочевниковъ. Вмѣстѣ съ ними перемѣшаны остатки первоначальныхъ здѣшнихъ туземцевъ: Мордвы, Чувашей и иныхъ финскихъ племенъ Всѣ эти инородцы и теперь еще находятся, а еще болѣе въ описываемое время находились, на весьма низкой степени развитія, такъ, что про наименѣе дикихъ изъ нихъ

можно было сказать только, что они живутъ осѣдло. Всѣ эти племена были либо магометанами (Татары), либо язычниками, и мы уже имѣли случай замѣтить, какіе слабые успѣхи дѣлало между ними христіанство. (Цар. Елис.гл. IV). Далѣе, за Камою и въ Уральскихъ горахъ, жили Башкиры, между которыми кочевой бытъ еще спорилъ съ осѣдлымъ; наконецъ Калмыки, занимавшіе приволжскія степи за Саратовомъ, и Киргизы, жившіе за Яикомъ(Ураломъ), были вполнѣ кочевники.

Кочевой бытъ не только служитъ признакомъ непросвѣщенія, но онъ заключаетъ въ себѣ условія, противящіяся гражданскому благоустройству. Кочевникъ никогда не пойметъ той свободы, огражденной законами, но и ограниченной ими, къ которой стремятся гражданскія общества: его стремленія—безграничный просторъ и воля,—и именно таковы были стремленія племенъ, обитавшихъ на окраинахъ занимающаго насъ теперь края. Не многимъ болѣе сочувствія къ гражданскому порядку обнаруживали и прочіе вышеупомянутые инородцы Само русское населеніе Поволжскаго и Закамскаго края заключало въ себѣ множество противо-общественныхъ началъ. Волжскій край, издревле извѣстенъ былъ подъ именемъ *воровскаго края*. Дѣйствительно, нигдѣ разбойничество не было такъ сильно, какъ на этой рѣкѣ и на прилегавшихъ къ ней степяхъ. Шайки удальцовъ разъѣзжали по ней на стругахъ и не только грабили торговые караваны, но и нападали на воинскія команды шайки въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ людей рыскали по саратовскимъ пустынямъ, и цѣлый рядъ разбойничьихъ атамановъ пріобрѣли въ этой мѣстности громкую извѣстность. Правительство предпринимало противъ нихъ самыя энергическія мѣры во все продолженіе XVIII вѣка, но безуспѣшно, потому что само

народонаселеніе имъ покровительствовало, частію изъ страха, частію изъ сочувствія ихъ молодечеству и изъ корысти *).

Противо-общественному характеру населенія описываемой мѣстности способствовало и большое число проживавшихъ въ ней раскольниковъ. Сюда убѣгали они частію отъ гоненій, частію по свойственному имъ расположенію къ вольницѣ и желанію укрываться отъ законовъ, издаваемыхъ правительствомъ, которое, по ихъ понятіямъ, утратило свое древнее благочестіе. Въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ было ихъ старинное гнѣздо; въ половинѣ XVIII вѣка и на р. Иргизѣ, въ нынѣшней Самарской губерніи, образовался одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ ими центровъ. Всякій бѣглый охотно былъ у нихъ принимаемъ, всякій преступникъ находилъ у нихъ пріютъ—и цѣлыя толпы людей, укрывавшихся отъ закона, стекались на Волгу, или за Волгу на Иргизъ, Бузулукъ и Медвѣдицу.

Далѣе, съ начала XVIII вѣка развилось въ Уральскихъ горахъ горнозаводское дѣло; въ землѣ Башкиръ возникло большое количество казенныхъ и частныхъ заводовъ, при чемъ работы производились приписанными для этой цѣли крестьянами; этотъ видъ крѣпостнаго права былъ едва ли не самый тягостный, и безпорядки между горнозаводскими крестьянами нѣсколько разъ возобновлялись въ царствованія Императрицы Елисаветы, Императора Петра III, и наконецъ Екатерины. Ихъ прекратилъ извѣстный уже намъ А. И. Бибиковъ, отчасти строгостію, отчасти убѣжденіемъ. Но какъ ни искусны были мѣры генерала Бибикова, онъ не могъ

---

*) О Волжскомъ и Заволжскомъ краѣ, см. царст. Петра. гл. IV и XVII, царст. Ан., гл. VI и царст. Елис., гл. IV.

вырвать зло съ корнемъ и заставить горнозаводскихъ крестьянъ полюбить обязательный трудъ. Сѣмена неудовольствія остались между ними, и если къ этому мы присоединимъ все, что̀ сказано о другихъ частяхъ народонаселенія описываемаго края,—старинное озлобленіе раскольниковъ, сильно распространенное въ немъ разбойничество, наконецъ буйный духъ инородцевъ, дикая натура которыхъ не уживалась со строгимъ гражданскимъ порядкомъ, если, наконецъ, примемъ во вниманіе, что въ этомъ отдаленномъ краѣ самое управленіе подавало еще болѣе причинъ къ жалобамъ, нежели въ мѣстностяхъ, подверженныхъ ближайшему надзору, и что военная сила была въ немъ ничтожна,—то поймемъ, почему мятежъ, извѣстный подъ именемъ Пугачевщины, такъ быстро, сильно и широко здѣсь развернулся.

Этотъ мятежъ возникъ въ самой отдаленной части описываемаго края, въ землѣ нынѣшнихъ Уральскихъ, или по-тогдашнему, *Яицкихъ* козаковъ. Еще давно, со временъ Императрицы Анны, начались между собственно войскомъ и *старшиною* (казачьимъ начальствомъ) взаимныя неудовольствія. Казаки жаловались на своихъ атамановъ и старшинъ за различныя ихъ неправды, за недодачу жалованья, за стѣсненіе и присвоеніе барышей въ рыбныхъ промыслахъ, которые составляютъ главный источникъ благосостоянія всего войска. Со вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, для разбора этихъ жалобъ было послано изъ Петербурга нѣсколько коммиссій, но если онѣ иногда и дѣйствовали справедливо, то стоило имъ только удалиться, чтобы прежнее теченіе дѣлъ вступило въ свою силу.

Казалось бы, что казаки должны желать совершеннаго преобразованія своего управленія и подчиненія общимъ для всей имперіи порядкамъ. Но въ дѣйстви-

тельности было совершенно другое. Терпя отъ своего управленія, они однакоже были сильно къ нему привязаны. Оно было старинное, держалось на древнихъ преданіяхъ казачества и, въ свою очередь, поддерживало казачество. Атаманы и старшины грабили казаковъ, это правда: но за то каждый казакъ могъ расчитывать, что и самъ будетъ атаманомъ. Притомъ, во всемъ устройствѣ казачества сохранялись еще остатки старинной вольницы, которые также дороги казаку, какъ свобода гражданину благоустроеннаго общества. Поэтому, охотно прибѣгая подъ покровительство верховной власти въ своихъ домашнихъ ссорахъ, Уральцы однакожъ очень опасались, чтобъ она не предприняла подчинить ихъ общимъ законамъ имперіи и особенно военной службы. Вотъ почему во всемъ казачествѣ,— Донскомъ и Запорожскомъ, какъ и Яицкомъ,—такъ тревожно ходили слухи о замышляемыхъ правительствомъ преобразованіяхъ казачества, о введеніи между ними регулярнаго строя, и объ обращеніи ихъ будто бы въ солдатъ или крестьянъ. (Вып. II, 123.)

Передъ самымъ описываемымъ здѣсь временемъ тревожное состояніе Яицкихъ козаковъ достигло крайнихъ предѣловъ. Новая присланная для разбора домашнихъ ихъ жалобъ коммиссія, состоявшая изъ генераловъ Дурнова и Траубенберга, не успѣла ихъ успокоить. Противъ этихъ коммиссаровъ произошло даже явное, вооруженное возстаніе, причемъ Траубенбергъ и нѣсколько яицкихъ старшинъ лишились жизни, а Дурновъ былъ изувѣченъ. Когда же, по полученіи извѣстія объ этихъ безпорядкахъ, явилась военная команда для ихъ усмиренія, то казаки выступили противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ, и вступили въ открытый бой. Они были разбиты, а затѣмъ учреждена была въ Оренбургѣ слѣд-

ственная коммиссія, которая приняла противъ бунтовщиковъ строгія мѣры. Оренбургскія тюрьмы были переполнены казаками, а за неимѣніемъ тамъ мѣста, ихъ запирали въ лавки гостинаго и мѣноваго дворовъ... Весь городъ обратился въ какой-то огромный застѣнокъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожено было прежнее правленіе; начальство надъ войскомъ было поручено полковнику Симонову, имя котораго намъ придется не разъ упоминать.

Казаки однакожь не унимались и не думали о покорности; они мрачно молчали или подозрительно шушукались, а тѣ, которые чувствовали за собой особливые грѣхи и которыхъ не успѣли захватить въ первую минуту страха и неудомѣнія, разбѣжались по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и хуторамъ. Тамъ, встрѣчаясь между собою и не боясь быть подслушанными, они говорили: „То ли еще будетъ! Такъ ли тряхнемъ Москвою!" И вотъ, между ними явился самозванецъ, который вознамѣрился дѣйствительно „тряхнуть Москвою." Этотъ человѣкъ былъ донской казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ.

Пугачевъ родился въ Зимовейской станицѣ Донскаго казачьяго Войска. Смышленый и расторопный по природѣ, онъ имѣлъ случай, участвуя въ Семилѣтней и Турецкой войнахъ, пріобрѣсть практическія свѣдѣнія по военной части, которыя послужили въ пользу большимъ природнымъ его военнымъ способностямъ; можно думать, что еслибы Пугачевъ не былъ самозванцемъ и предводителемъ мятежниковъ, то онъ пріобрѣлъ бы извѣстность, какъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ партизановъ. Но бивачная жизнь, принесшая ему пользу въ одномъ отношеніи, развила въ немъ любовь къ приключеніямъ и отучила отъ мирнаго труда и осѣдлости. Возвратясь на

родину изъ походовъ, онъ сталъ отлучаться изъ дому, пропадалъ по цѣлымъ недѣлямъ, бродилъ по степямъ и входилъ, во время этихъ скитаній, въ сношеніе съ людьми, которые въ разныя времена убѣгали и на юго-западныя окраины Россіи, какъ и на восточныя, тяготясь вводимыми правительствомъ порядками.

Такіе люди были большею частію раскольники. Пугачевъ не былъ самъ раскольникомъ, но встрѣчаясь съ ними не только не противорѣчилъ ихъ вѣрованьямъ, но, сочувствуя ихъ стремленію къ вольницѣ и отчужденію отъ гражданскаго общества, выдавалъ себя за раскольника, зная что безъ этого трудно съ ними сблизиться. Сближеніе Пугачева съ раскольниками играетъ очень важную роль въ его дальнѣйшей судьбѣ. Вступивъ въ сношенія съ ними, онъ попалъ въ такую среду, въ такое братство, въ которомъ каждому всѣ помогаютъ и гдѣ, слѣдовательно, человѣкъ выдвинутый своими личными качествами, или обстоятельствами, можетъ располагать огромными силами.

Между тѣмъ частыя отлучки Пугачева обратили на себя вниманіе казачьяго начальства. Дознано было, что онъ не только отлучается самъ, но и подбиваетъ другихъ къ бродяжничеству и даже къ выселенію куда-нибудь, гдѣ „земли вольныя", на Кубань, или еще далѣе, къ подножью Кавказа. Онъ былъ за это арестованъ и отправленъ за карауломъ въ Черкасскъ, гдѣ находилось войсковое управленіе, для преданія суду. Но дорогой, онъ встрѣтилъ одного изъ тѣхъ, съ которыми сблизила его бродячая жизнь и мнимая принадлежность его къ расколу. Этотъ пріятель выпросилъ его на поруки, обѣщаясь доставить въ Черкасскъ, но вмѣсто того выпустилъ на свободу и указалъ ему другихъ пріятелей, жившихъ внѣ закона, на пустынныхъ въ то время равни-

нахъ, отдѣляющихъ Донъ отъ Днѣпра. Всѣ эти пріятели были раскольники; они охотно давали пріютъ Пугачеву и снабжали его рекомендаціями, такъ что Пугачевъ, переходя отъ одного къ другому, достигнулъ наконецъ до знаменитыхъ раскольничьихъ Вѣтковскихъ скитовъ и очутился за границей, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ.

Въ это время между заграничными раскольниками обращались указы Петра III и Екатерины, приглашавшіе ихъ возвращаться на родину. Иные изъ числа переселенцевъ не рѣшались покидать свою осѣдлость, въ другихъ желаніе возвратиться въ Россію превозмогало. Пугачевъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Явясь на одинъ изъ пограничныхъ форпостовъ, онъ объявилъ себя раскольникомъ, желающимъ возвратиться на родину и получилъ пропускъ; но, по причинѣ бывшей въ Польшѣ чумы, долженъ былъ выдержать карантинъ, во время пребыванія въ которомъ имѣлъ встрѣчу, рѣшившую его судьбу. Его уговорили принять на себя имя Петра III.

Появленіе самозванцевъ въ Россіи дѣло не новое. Замѣчательно, что очень часто, когда смерть кого-либо изъ лицъ царскаго семейства сопровождалась какими-либо особыми обстоятельствами, поражавшими народное воображеніе, въ народѣ являлись самозванцы. Такъ являлись люди, принимавшіе имя царевича Дмитрія, а потомъ Алексѣя Петровича; также являлись въ описываемое время многіе, принимавшіе на себя имя Петра III. Объ одномъ изъ такихъ самозванцевъ, явившемся въ Черногоріи, было уже упомянуто; но подобныхъ ему было нѣсколько въ Россіи; только, къ счастію, имъ не удавалось произвести серіозныхъ безпорядковъ (*). Во всякомъ слу-

(*) Всѣ обстоятельства интереснаго эпизода о Пугачевѣ разсказаны подробно въ брошюрѣ: «Начало и характеръ Пугачевщины.»

чнѣ несомнѣнно, что въ народѣ ходили въ это время слухи, будто Императоръ Петръ III живъ и гдѣ-то скрывается отъ своихъ гонителей.

Человѣкъ, внушившій Пугачеву мысль сдѣлаться самозванцемъ, былъ раскольникъ, купецъ Кожевниковъ. Онъ имѣлъ случай видѣть Пугачева и изучить его: однажды, вступивъ въ разговоръ съ нимъ, Кожевниковъ сталъ распрашивать, что онъ намѣренъ дѣлать, выйдя изъ карантина и гдѣ полагаетъ поселиться. Пугачевъ сказалъ ему, что еще не знаетъ этого и самъ, но что хотѣлось бы ему пробраться на Кубань. „Слушай, мой другъ, сказалъ ему на это Кожевниковъ; бѣжать тебѣ одному на Кубань не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди, которые находятъ въ тебѣ подобіе Государя Петра Ѳеодоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собой.“

Этотъ разговоръ происходилъ въ августѣ 1772 года, въ то самое время, когда на Яикѣ производилась расправа за бунтъ противъ Дурнова и Траубенберга. Пугачеву понравилось сдѣланное ему предложеніе и онъ рѣшился ему послѣдовать. Выйдя изъ карантина, онъ направился, но не прямо на Яикъ, а въ новоотстроенные на Иргизѣ раскольничьи скиты, куда и прибылъ осенью. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени и объяснясь откровенно съ тамошнимъ настоятелемъ, старцемъ Филаретомъ, онъ отправился, по его совѣту, въ Яицкій-городокъ, нынѣ Уральскъ. Тамъ господствовало величайшее волненіе. Казаки не столько были устрашены производившимся надъ ними слѣдствіемъ, сколько раздражены. Это настроеніе было, какъ говорится, на руку Пугачеву, и онъ началъ заговаривать съ нѣкоторыми изъ казаковъ, чтобъ

они покинули Яикъ и выселялись на Кубань. Но рѣчи Пугачева дошли до войсковаго начальства; онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Казань, гдѣ его предали суду.

Но и здѣсь принявшая его подъ свою защиту рука, не оставила его. Одинъ богатый раскольникъ выхлопоталъ, чтобъ его заключеніе было облегчено, а ровно за три дня до полученія въ Казани конфирмаціи по дѣлу Пугачева, этотъ послѣдній ушелъ изъ тюрьмы. Попавъ однажды подъ покровительство раскольниковъ, онъ и теперь, вырвавшись на волю, обратился къ нимъ же и при ихъ содѣйствіи очутился (лѣтомъ 1773 года) въ окрестностяхъ Яицкаго-городка, гдѣ, на одномъ изъ тамошнихъ уметовъ, нашелъ себѣ пріютъ.

Уметъ, на которомъ пріютился Пугачевъ, стоялъ на бойкомъ мѣстѣ; казаки часто наѣзжали туда и Пугачевъ имѣлъ, слѣдовательно, случай наблюдать расположеніе ихъ умовъ. Однажды онъ попросилъ своего хозяина истопить баню и, отправившись туда съ нимъ, указывая на шрамы, находившіеся у него на груди, сказалъ, что это „знаки государевы", а на вопросъ, что такое значитъ *знаки государевы*, напрямикъ объявилъ ему: „я самъ Государь Петръ Ѳедоровичъ."

Словоохотливый и простоватый хозяинъ умета, какъ водится, разсказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, что за человѣкъ у него скрывается, не зная еще хорошенько, вѣрить или нѣтъ такому странному дѣлу; но Пугачевъ съ совершенною увѣренностію подтверждалъ свое самозванство и поручалъ тѣмъ, съ которыми онъ вступалъ въ сношенія, осторожно сообщать его тайну „надежнымъ людямъ." Молва о пребываніи государя въ окрестностяхъ Яицка незамедлила распространиться въ этомъ городѣ, и нѣсколько дней спустя на уметъ прі-

ѣхало трое казаковъ для свиданія съ лже-Петромъ. Встрѣча ихъ произошла на степи, въ сторонѣ отъ умета. Они пообѣдали вмѣстѣ, а потомъ одинъ изъ нихъ, обратясь къ нему, сказалъ: „Покажи намъ царскіе знаки, чтобы намъ было чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что васъ о томъ просимъ". Пугачевъ обнажилъ свою грудь, и показалъ на ней шрамы, причемъ объяснилъ что, когда гвардейцы возмутились противъ государя, то они будто бы кололи его штыками, отъ чего онъ однако вылѣчился; что потомъ онъ находился въ заключеніи, что какой-то офицеръ тайно выпустилъ его и что вмѣсто истиннаго государя похороненъ другой. Слушая эти сказки, казаки говорили: „И намъ слышно было, что государь скончался; однако болѣе поговаривали, что онъ живъ, да гдѣ взять, не знали."

Затѣмъ Пугачевъ счелъ нужнымъ объяснить, что со времени вступленія на престолъ Императрицы, онъ (т. е. государь) скитался, тайно скрываясь въ разныхъ мѣстахъ; былъ въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Іерусалимѣ, въ Египтѣ и на Терекѣ, потомъ будто бы онъ вышелъ на Донъ и оттуда пробрался на Яикъ; услышавъ, прибавилъ онъ, „что вы и вся чернь обижены, хочу заступиться за васъ и удовольствовать. Не время еще было бы мнѣ явиться, да видно Богъ привелъ." Казаки вѣрили, или дѣлали видъ, что вѣрятъ всѣмъ этимъ росказнямъ и рѣшили укрыть мнимаго государя до времени, а между тѣмъ распускать молву о его появленіи, подговаривать народъ и приготовлять знамена.

Итакъ дѣло было пущено въ ходъ! Но оно такъ странно, такъ выходитъ изъ границъ обыкновенныхъ понятій, что мудрено дать себѣ отчетъ, какъ оно могло такъ легко уладиться. Неужели казаки, бесѣдовавшіе съ Пугачевымъ вѣрили, что онъ точно государь, чудесно из-

бѣгнувшій отъ смерти? Неужели они надѣялись, что этому повѣритъ весь народъ?... Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ весьма частое у насъ появленіе самозванцевъ. Мы мало знаемъ подробностей о всѣхъ этихъ самозванцахъ, но тѣ, о которыхъ сохранились подробныя извѣстія, точно также, какъ Пугачевъ, разсказывали легковѣрнымъ людямъ, что они спаслись отъ смерти чудеснымъ образомъ, что совершили дальнія странствія и, въ доказательство своего царскаго происхожденія, показывали у себя на тълѣ какіе-нибудь знаки. Все это доказываетъ, что въ простомъ народѣ есть какой-то кругъ понятій, которому соотвѣтствуетъ чудесное появленіе людей, или ихъ неумираемость: на Волгѣ, говорятъ, существуетъ преданіе, что Стенька Разинъ живъ и до сихъ поръ. Такимъ настроеніемъ массъ и ихъ готовностію поддаваться чудесному ловкіе люди пользовались и прежде и послѣ Пугачева.

Расположеніемъ вѣрить чудесному и невѣроятному отличались особенно раскольники, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить. Изъ среды ихъ выходили всѣ нелѣпые разсказы о происхожденіи Петра I, прорицанія о томъ, что Петербургъ провалится и т. п. Между ними же сложилось вѣрованіе и даже ученіе, что Петръ III не умеръ, а скитается въ Сибири и нѣкогда явится оттуда въ силѣ и славѣ и снова возсядетъ на престолъ. Это ученіе принадлежитъ сектѣ *скопцовъ*, которые и донынѣ ожидаютъ возвращенія Петра III, какъ Евреи ожидаютъ Мессію. Они за большія деньги достаютъ его портреты, зажигаютъ передъ нимъ свѣчи и лампады, сохраняютъ, подобно святынѣ, старинные рубли съ его изображеніемъ и т. п.

И такъ мы должны придти къ выводу, что въ Россіи было много людей, расположенныхъ повѣрить появленію

15

чнѣ несомнѣнно, что въ народѣ ходили въ это время слухи, будто Императоръ Петръ III живъ и гдѣ-то скрывается отъ своихъ гонителей.

Человѣкъ, внушившій Пугачеву мысль сдѣлаться самозванцемъ, былъ раскольникъ, купецъ Кожевниковъ. Онъ имѣлъ случай видѣть Пугачева и изучить его; однажды, вступивъ въ разговоръ съ нимъ, Кожевниковъ сталъ распрашивать, что онъ намѣренъ дѣлать, выйдя изъ карантина и гдѣ полагаетъ поселиться. Пугачевъ сказалъ ему, что еще не знаетъ этого и самъ, но что хотѣлось бы ему пробраться на Кубань. „Слушай, мой другъ, сказалъ ему на это Кожевинновъ; бѣжать тебѣ одному на Кубань не можно. Хочешь ты пользоваться и начать лучшее намѣреніе? Есть люди, которые находятъ въ тебѣ подобіе Государя Петра Θеодоровича. Прими ты на себя это званіе и поди на Яикъ. Я точно вѣдаю, что яицкіе казаки притѣснены; объявись тамъ подъ симъ именемъ и подговаривай ихъ бѣжать съ собой.“

Этотъ разговоръ происходилъ въ августѣ 1772 года, въ то самое время, когда на Яикѣ производилась расправа за бунтъ противъ Дурнова и Траубенберга. Пугачеву понравилось сдѣланное ему предложеніе и онъ рѣшился ему послѣдовать. Выйдя изъ карантина, онъ направился, но не прямо на Яикъ, а въ новоотстроенные на Иргизѣ раскольничьи скиты, куда и прибылъ осенью. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени и объяснясь откровенно съ тамошнимъ настоятелемъ, старцемъ Филаретомъ, онъ отправился, по его совѣту, въ Яицкій-городокъ, нынѣ Уральскъ. Тамъ господствовало величайшее волненіе. Казаки не столько были устрашены производившимся надъ ними слѣдствіемъ, сколько раздражены. Это настроеніе было, какъ говорится, на руку Пугачеву, и онъ началъ заговаривать съ нѣкоторыми изъ казаковъ, чтобъ

они покинули Якъ и выселялись на Кубань. Но рѣчи Пугачева дошли до войсковаго начальства; онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Казань, гдѣ его предали суду.

Но и здѣсь принявшая его подъ свою защиту рука, не оставила его. Одинъ богатый раскольникъ выхлопоталъ, чтобъ его заключеніе было облегчено, а ровно за три дня до полученія въ Казани конфирмаціи по дѣлу Пугачева, этотъ послѣдній ушелъ изъ тюрьмы. Попавъ однажды подъ покровительство раскольниковъ, онъ и теперь, вырвавшись на волю, обратился къ нимъ же и при ихъ содѣйствіи очутился (лѣтомъ 1773 года) въ окрестностяхъ Яицкаго-городка, гдѣ, на одномъ изъ тамошнихъ уметовъ, нашелъ себѣ пріютъ.

Уметъ, на которомъ пріютился Пугачевъ, стоялъ на бойкомъ мѣстѣ; казаки часто наѣзжали туда и Пугачевъ имѣлъ, слѣдовательно, случай наблюдать расположеніе ихъ умовъ. Однажды онъ попросилъ своего хозяина истопить баню и, отправившись туда съ нимъ, указывая на шрамы, находившіеся у него на груди, сказалъ, что это „знаки государевы", а на вопросъ, что такое значитъ *знаки государевы*, напрямикъ объявилъ ему: „я самъ Государь Петръ Ѳедоровичъ."

Словоохотливый и простоватый хозяинъ умета, какъ водится, разсказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, что за человѣкъ у него скрывается, не зная еще хорошенько, вѣрить или нѣтъ такому странному дѣлу; но Пугачевъ съ совершенною увѣренностію подтверждалъ свое самозванство и поручалъ тѣмъ, съ которыми онъ вступалъ въ сношенія, осторожно сообщать его тайну „надежнымъ людямъ." Молва о пребываніи государя въ окрестностяхъ Яицка незамедлила распространиться въ этомъ городѣ, и нѣсколько дней спустя на уметъ прі-

ѣхало трое казаковъ для свиданія съ лже-Петромъ. Встрѣча ихъ произошла на степи, въ сторонѣ отъ умета. Они пообѣдали вмѣстѣ, а потомъ одинъ изъ нихъ, обратясь къ нему, сказалъ: „Покажи намъ царскіе знаки, чтобы намъ было чему вѣрить, и не прогнѣвайся, что васъ о томъ просимъ". Пугачевъ обнажилъ свою грудь, и показалъ на ней шрамы, причемъ объяснилъ что, когда гвардейцы возмутились противъ государя, то они будто бы кололи его штыками, отъ чего онъ однако вылѣчился; что потомъ онъ находился въ заключеніи, что какой-то офицеръ тайно выпустилъ его и что вмѣсто истиннаго государя похороненъ другой. Слушая эти сказки, казаки говорили: „И намъ слышно было, что государь скончался; однако болѣе поговаривали, что онъ живъ, да гдѣ взять, не знали."

Затѣмъ Пугачевъ счелъ нужнымъ объяснить, что со времени вступленія на престолъ Императрицы, онъ (т. е. государь) скитался, тайно скрываясь въ разныхъ мѣстахъ; былъ въ Кіевѣ, въ Польшѣ, въ Іерусалимѣ, въ Египтѣ и на Терекѣ, потомъ будто бы онъ вышелъ на Донъ и оттуда пробрался на Яикъ; услышавъ, прибавилъ онъ, „что вы и вся чернь обижены, хочу заступиться за васъ и удовольствовать. Не время еще было бы мнѣ явиться, да видно Богъ привелъ." Казаки вѣрили, или дѣлали видъ, что вѣрятъ всѣмъ этимъ росказнямъ и рѣшили укрыть мнимаго государя до времени, а между тѣмъ распускать молву о его появленіи, подговаривать народъ и приготовлять знамена.

Итакъ дѣло было пущено въ ходъ! Но оно такъ странно, такъ выходитъ изъ границъ обыкновенныхъ понятій, что мудрено дать себѣ отчетъ, какъ оно могло такъ легко уладиться. Неужели казаки, бесѣдовавшіе съ Пугачевымъ вѣрили, что онъ точно государь, чудесно из-

бѣгнувшій отъ смерти? Неужели они надѣялись, что этому повѣритъ весь народъ?... Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ весьма частое у насъ появленіе самозванцевъ. Мы мало знаемъ подробностей о всѣхъ этихъ самозванцахъ, но тѣ, о которыхъ сохранились подробныя извѣстія, точно также, какъ Пугачевъ, разсказывали легковѣрнымъ людямъ, что они спаслись отъ смерти чудеснымъ образомъ, что совершили дальнія странствія и, въ доказательство своего царскаго происхожденія, показывали у себя на тѣлѣ какіе-нибудь знаки. Все это доказываетъ, что въ простомъ народѣ есть какой-то кругъ понятій, которому соотвѣтствуетъ чудесное появленіе людей, или ихъ неумираемость: на Волгѣ, говорятъ, существуетъ преданіе, что Стенька Разинъ живъ и до сихъ поръ. Такимъ настроеніемъ массъ и ихъ готовностію поддаваться чудесному ловкіе люди пользовались и прежде и послѣ Пугачева.

Расположеніемъ вѣрить чудесному и невѣроятному отличались особенно раскольники, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить. Изъ среды ихъ выходили всѣ нелѣпые разсказы о происхожденіи Петра I, прорицанія о томъ, что Петербургъ провалится и т. п. Между ними же сложилось вѣрованіе и даже ученіе, что Петръ III не умеръ, а скитается въ Сибири и нѣкогда явится оттуда въ силѣ и славѣ и снова возсядетъ на престолъ. Это ученіе принадлежитъ сектѣ *скопцовъ*, которые и донынѣ ожидаютъ возвращенія Петра III, какъ Евреи ожидаютъ Мессію. Они за большія деньги достаютъ его портреты, зажигаютъ передъ нимъ свѣчи и лампады, сохраняютъ, подобно святынѣ, старинные рубли съ его изображеніемъ и т. п.

И такъ мы должны придти къ выводу, что въ Россіи было много людей, расположенныхъ повѣрить появленію

Офицерамъ, въ качествѣ *благородныхъ*, рѣдко оказывали пощаду. Всему, что̀ въ какомъ бы то ни было отношеніи возвышалось надъ уровнемъ простонародья, объявлена была непримиримая война. Точно также безпощадно истреблялись письменныя дѣла, шнуровыя книги и архивы.

Въ первыхъ числахъ октября Пугачевъ былъ уже подъ Оренбургомъ, главнымъ городомъ края, снабженнымъ довольно сильнымъ гарнизономъ. Онъ не рѣшился брать его открытою силой, но обложилъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣзалъ всѣ сообщенія съ нимъ и заперъ такимъ образомъ въ его стѣнахъ главнаго начальника всего мѣстнаго управленія. Напротивъ того, самъ Пугачевъ имѣлъ вполнѣ развязанныя руки. Одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ, каторжникъ Хлопуша, возбуждалъ къ мятежу заводскихъ крестьянъ, другіе волновали Башкиръ, Калмыковъ, дворцовыхъ и иныхъ крестьянъ и приглашали къ союзу киргизскаго хана.

Въ такомъ положеніи край находился три мѣсяца. На всемъ пространствѣ за Камой, отъ Перми до Каспійскаго моря, мятежъ господствовалъ, не встрѣчая никакого противодѣйствія. Онъ проникъ даже въ Сибирь, въ ближайшіе уѣзды тобольскаго намѣстничества, и правительство не находило, не имѣло средствъ его подавить. Всѣ войска были либо въ Польшѣ,—гдѣ хоть не было уже войны, но было однакожь далеко не спокойно,—либо на Дунаѣ, или наконецъ на шведской границѣ. При первомъ извѣстіи объ успѣхахъ отважнаго самозванца велѣно было разнымъ мелкимъ командамъ слѣдовать изъ Москвы, Твери, Петербурга и съ западной границы. Но скоро ли можно было, особенно при наступившемъ осеннемъ бездорожьи, собрать съ этихъ отдален-

ныхъ пунктовъ достаточное количество войска, чтобъ отважиться на бой съ Пугачевымъ, который считалъ уже десятками тысячъ свой вооруженный сбродъ и которому болѣе или менѣе сочувствовало все народонаселеніе! Благодаря всѣмъ этимъ причинамъ мятежъ развился съ чрезвычайною быстротой и обхватилъ весь Закамскій край и Поволжье до Казани.

Не ранѣе, какъ въ началѣ января 1774 года начали подходить къ Казани всѣ эти команды. Около того же времени прибылъ туда и назначенный главнымъ начальникомъ ихъ, извѣстный уже намъ А. И. Бибиковъ. Пріѣхавъ въ Казань, онъ нашелъ ее почти пустою. Кто имѣлъ только возможность, спасался либо въ отдаленныхъ имѣніяхъ своихъ, либо въ Москвѣ. И дѣйствительно, было отъ чего бѣжать. Уфа была въ тѣсной осадѣ, Самара въ рукахъ Пугачевскихъ атамановъ. Еще одинъ шагъ—и мятежъ коснулся бы Казани, а здѣсь, какъ и вездѣ, конечно не было бы недостатка въ людяхъ, готовыхъ передаться тому, кто сулилъ волю и полную безнаказанность!

Прибытіе Бибикова нѣсколько ободрило казанскихъ жителей. Сосѣдніе помѣщики поспѣшили пріѣхать. Въ день Новаго Года (1774) было торжественное богослуженіе, а потомъ большое собраніе у Бибикова, на которомъ рѣшено было составить мѣстную милицію, а дворянство вызвалось вооружить ее и предводительствовать ею. Узнавъ объ этомъ, Императрица пожелала принять и сама участіе въ этой милиціи, въ качествѣ *казанской помѣщицы* (по дворцовымъ имѣніямъ, находившимся въ этой губерніи).

Въ теченіе января Бибиковъ былъ обрадованъ нѣкоторыми успѣхами; Самара была освобождена, а главное, войска собралось уже столько, что онъ могъ пред-

принять наступленіе. Генералы Мансуровъ, князь Голицынъ и полковникъ Михельсонъ двинулись за Каму тремя колоннами. Узнавъ о ихъ наступленіи, Пугачевъ съ огромною партіей кинулся на встрѣчу колоннѣ (средней) князя Голицына. Бой былъ жестокій и мятежники потерпѣли первое и сильное пораженіе. Они усилились было новыми шайками, но снова, не далеко отъ Оренбурга, были настигнуты Голицынымъ и на голову разбиты. Оренбургъ былъ освобожденъ въ концѣ марта. Въ половинѣ апрѣля Мансуровъ освободилъ Яицкій-городокъ, въ которомъ храбрый Симоновъ и его команда доведены были до послѣдней крайности, такъ что питались падалью. Михельсонъ, съ своей стороны, разбилъ одного изъ главныхъ атамановъ Пугачева, Чику, подъ Уфою. Таковъ былъ толчекъ, данный дѣлу энергическимъ, неутомимымъ Бибиковымъ.

Къ несчастію, этотъ знаменитый человѣкъ былъ похищенъ смертію при самомъ началѣ своихъ успѣховъ, едва узнавъ о побѣдахъ Голицына,—именно въ началѣ апрѣля. Кѣмъ замѣнить его? Императрица остановила свое вниманіе на Суворовѣ и потребовала его изъ Дунайской арміи. Но въ это время тамъ возобновились военныя дѣйствія, прерванныя неудавшимися переговорами въ Фокшанахъ и Букарештѣ. Румянцевъ имѣлъ въ виду нанести рѣшительные удары Туркамъ и не пустилъ Суворова, полагая вѣроятно, что послѣ пораженій, нанесенныхъ Пугачеву, дѣло на Яикѣ приходитъ къ концу. Соображеніе это оказалось, къ несчастію, совершенно ошибочнымъ. Смерть Бибикова опять дала дѣлу совершенно другой поворотъ. Голицынъ и Мансуровъ, успокоились на своихъ первыхъ успѣхахъ и слабо преслѣдовали Пугачева, который, ударившись въ горы, въ нѣсколько дней собралъ вокругъ себя новыя

толпы заводскихъ крестьянъ и Башкиръ и началъ раззорять заводы и мелкія крѣпостцы на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта. Дѣйствовавшій съ этой стороны генералъ Декалонгъ гонялся за нимъ, но нигдѣ не успѣвалъ его предупредить, и крѣпостцы одна за другою либо сдавались самозванцу, либо были имъ забираемы силою. Одинъ только Мехельсонъ не потерялъ энергіи. Узнавъ, что Пугачевъ послѣ своего двукратнаго пораженія снова ожилъ и грозитъ краю новыми бѣдствіями, Михельсонъ, освободивъ Уфу, устремился на него. Не взирая на весеннюю распутицу, не взирая на разливъ горныхъ рѣчекъ, онъ пустился поперегъ гористой полосы, которая отдѣляетъ европейскую Россію отъ Сибири, шелъ почти безъ отдыха, настигъ Пугачева и нанесъ ему жестокое пораженіе.

Ни мало не унывая, Пугачевъ въ нѣсколько дней набралъ новую шайку и круто повернулъ къ западу. Какой-то раскольникъ Иванъ Ивановъ внушилъ ему мысль кинуться не Казань. Онъ увѣрялъ, что тайно присланъ будто бы отъ великаго князя Павла Петровича, отъ котораго привезъ ему *сапоги* и *шапку*, а отъ великой княгини *) *два камня*, и что великій князь ждетъ только его появленія у Казани, чтобъ присоединиться къ нему съ своимъ войскомъ.... Такіе росказни не могли, конечно, заслужить вѣроятія со стороны самого Пугачева и тѣхъ изъ его окружающихъ, которые были поумнѣе, но внушили бодрость и надежды толпѣ. Пугачевъ пустился по направленію только-что пройденному Михельсономъ, съ быстротою, которая приводила въ отчаяніе всѣхъ высылаемыхъ противъ него генераловъ, и въ ко-

*) Великій князь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вступилъ въ бракъ.

торой не уступалъ ему одинъ только Михельсонъ. Этотъ замѣчательный военный человѣкъ кинулся вслѣдъ за нимъ, нѣсколько разъ настигалъ его, нѣсколько разъ наносилъ ему жестокіе удары, но наконецъ принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, потому что разстрѣлялъ всѣ свои заряды. Онъ пошелъ къ Уфѣ, чтобъ освѣжить свой отрядъ и приготовиться къ новымъ трудамъ, довольный уже тѣмъ, что предупредилъ самозванца въ этомъ городѣ, лежащемъ по дорогѣ въ Казань,—а Пугачевъ между тѣмъ повернулъ къ сѣверу, взялъ нѣсколько незначительныхъ городковъ и переправился черезъ Каму у Осы, откуда путь къ Казани былъ ему совершенно открытъ.

Въ Казани пришли въ ужасъ, когда узнали объ этомъ. Весь край по сю сторону Камы былъ обнаженъ отъ войскъ и крестьяне отвсюду сбѣгались толпами къ самозванцу. Онъ быстро подвигался къ Казани. На-скоро собранный и плохо вооруженный отрядъ выведенъ былъ изъ этого города, чтобъ заградить ему дорогу, но не устоялъ противъ натиска многочисленной толпы самозванца,—и Казань осталась безъ всякой защиты. Когда (12 іюля) Пугачевъ приблизился къ городу и толпы его направились къ предмѣстьямъ, то ихъ встрѣтили тамъ гимназисты, фабричные работники и другіе обыватели съ дубинами и даже съ голыми кулаками. Очевидно, они не были въ состояніи отстоять города. Казань была взята, разграблена и зажжена. Груды всякой добычи свозились оттуда въ таборъ мятежниковъ; плѣнники приводились тысячами.

Къ удивленію однакожъ, грабежъ продолжался лишь нѣсколько часовъ. Что же помѣшало сволочи, сопровождавшей Пугачева, продолжать грабить? Разъѣзды дали знать, что Михельсонъ приближается. Дѣйствительно,

онъ былъ въ пятидесяти верстахъ отъ Казани, когда Пугачевъ къ ней подступилъ. Едва давъ перевести духъ своимъ солдатамъ, онъ продолжалъ путь къ этому городу; но густой дымъ со стороны Волги издали возвѣстилъ ему, что Казани уже болѣе нѣтъ. Отважный послѣ своего успѣха болѣе нежели когда нибудь, Пугачевъ не думалъ отступать передъ грознымъ своимъ противникомъ; напротивъ, онъ кинулся къ нему на встрѣчу, далъ сраженье, былъ разбитъ, снова вступилъ въ бой, и опять потерпѣлъ неудачу, послѣ чего всѣ бывшіе при немъ Башкиры его оставили. Даже Яицкіе казаки, главная его опора, находя положеніе его отчаяннымъ, задумали было выдать его. Но самъ Пугачевъ съ нѣсколькими приближенными своимине унывалъ. Тотъ же Иванъ Ивановъ, который подалъ мысль о движеніи на Казань, разыгралъ передъ смущенною толпой новую комедію, которая придала ей бодрости.

— „Пора бы мнѣ, надёжа-государь,—сказалъ онъ самозванцу, — въ Москву, къ *твоему Павлу Петровичу* возвратиться и объявить ему, чтобъ онъ поспѣшилъ съ обѣщанною арміей. Да какъ велишь ему быть: одному или съ великою княгиней?

— „Пусть пріѣзжаютъ вмѣстѣ.“

Четыре дня спустя послѣ своего пораженія, Пугачевъ уже слѣдовалъ по дорогѣ къ Нижнему, разбрасывая воззванія, въ которыхъ сулилъ крестьянамъ волю, — и новыя толпы собрались вокругъ него. Онъ переправился на правый берегъ Волги и направился, по видимому, къ Москвѣ.

При этомъ извѣстіи Москва пришла въ ужасъ; многіе начали собираться въ путь, чтобъ искать спасенія въ Твери. Императрица, собравъ свой совѣтъ, выразила намѣреніе сама принять начальство надъ войсками, кото-

рыя дѣйствовали противъ неукротимаго мятежника. Но Панинъ всегда спокойный и осторожный, представилъ, что это подало бы поводъ недружелюбнымъ къ намъ дворамъ догадаться, какъ велики внутреннія наши смуты, и напрячь всѣ усилія, чтобъ недопустить Турцію до мира. Онъ прибавилъ, что если Государыня не имѣетъ въ виду болѣе способнаго человѣка, то пусть поручитъ главное начальство надъ войсками противъ Пугачева его брату: „мой братъ дряхлъ, сказалъ онъ, но не откажется спасать отечество, и если надо, то велитъ нести себя на носилкахъ.“

Петръ Панинъ, оставивъ армію послѣ взятія Бендеръ, жилъ въ Москвѣ и примкнулъ къ кружку людей, которые по разнымъ причинамъ были устранены, или сами устранились отъ служебной дѣятельности и, не принимая участія въ дѣйствіяхъ правительства, занимались ихъ порицаніемъ. Это была своего рода оппозиція, которая существовала и существуетъ вездѣ и во всѣ времена, но которая въ прежнія царствованія, когда слова подвергались такому же преслѣдованію, какъ и поступки, не смѣла такъ громко, какъ въ описываемое время, выражать свои мнѣнія. Екатерина не преслѣдовала московскихъ *недовольныхъ*, но разумѣется и не любила ихъ и называла ихъ *вралями*. Тѣмъ болѣе не любила она Панина, который занималъ между ними самое видное мѣсто. Но принадлежать къ оппозиціи незначитъ еще быть врагомъ своего государя, который изъ ея среды не рѣдко слышитъ добрые совѣты и предостереженія, а тѣмъ менѣе это значитъ быть врагомъ отечества, которому она то же желала бы послужить, но посвоему. Все это вполнѣ прилагалось и къ московскимъ *недовольнымъ*. Тотъ же самый Панинъ, который ворчалъ и брюзжалъ по поводу всякой мѣры, исходящей изъ Петер-

бурга, подалъ примѣръ дѣятельноности и энергіи, когда въ Москвѣ, подобно тому какъ въ Казани, рѣшено было вооружить милицію. Съ своей стороны и Императрица, побѣждая личное свое нерасположеніе къ ворчливому вельможѣ, поспѣшила отдать въ его распоряженіе всѣ отряды, дѣйствовавшіе противъ мятежниковъ. А какъ между тѣмъ миръ съ Турками былъ заключенъ, то въ помощь ему не замедлилъ прилетѣть отъ подножья Балканъ Суворовъ. Наконецъ вызванъ былъ изъ арміи и Потемкинъ и сдѣланъ вицъ-президентомъ военной коллегіи.

При извѣстіи о переправѣ Пугачева за Волгу, всѣ отряды, находившіеся у Казани и за Волгою, были двинуты вслѣдъ за Пугачевымъ, который между тѣмъ, едва ли имѣвъ серіозное намѣреніе кинуться на Москву, быстро повернулъ къ юго-востоку, на Саранскъ и Пензу. Это движеніе его было самымъ страшнымъ актомъ Пугачевщины. Слѣдуя по губерніямъ довольно густо населеннымъ, и однимъ приближеніемъ своимъ поднинамая крѣпостныхъ крестьянъ, онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу толпы, которыя рады были хоть на мигъ стряхнуть свою неволю и отмстить помѣщикамъ за все зло крѣпостнаго права. Путь Пугачева означался сожженными, разграбленными усадьбами и обезображенными трупами ихъ владѣльцевъ.

Но если Пугачевъ развернулъ при этомъ всю свирѣпость, до которой можетъ дойдти порвавшій всякія сдержки дикій произволъ, то и собственное его положеніе становилось очень затруднительнымъ. Михельсонъ гнался за нимъ по пятамъ, нѣсколько другихъ отрядовъ угрожали заградить ему дорогу. Онъ мчался съ изумительной быстротою, съ быстротою, которая

дѣлала его движеніе нѣсколько похожимъ уже на бѣгство. Онъ намѣревался, кажется, повернуть въ Землю Донскаго Войска, гдѣ, судя по прежнимъ примѣрамъ, можно было ожидать большаго къ нему сочувствія. Но времена Булавина (Вып. II, 100) уже прошли для Донскаго Войска; для значительной и лучшей части казаковъ дикая вольница потеряла свою прелесть. Атаманъ Сулинъ удержалъ въ порядкѣ свое войско, и Пугачевъ направился къ Волгѣ, гдѣ надѣялся встрѣтить поддержку между тамошними кочевниками и инородцами.

Истребляя помѣщичьи усадьбы и города, онъ достигъ Камышина, гдѣ ему удалось разбить небольшой отрядъ регулярнаго войска; но Царицынъ, въ то время укрѣпленный, далъ ему отпоръ,—а между тѣмъ неутомимый Михельсонъ настигалъ и, наконецъ, настигъ Пугачева подъ Чернымъ-Яромъ, 25 августа (1774 г.); между ними произошелъ бой, который кончился совершеннымъ пораженіемъ мятежнаго сборища. Калмыки и казаки разсыпались по степи: кавалерія Михельсона преслѣдовала ихъ безостановочно 40 верстъ. Опасаясь наткнуться на другіе, отвсюду сближавшіеся отряды, Пугачевъ съ нѣсколькими казаками, переправился черезъ Волгу—и здѣсь, посреди голой степи, лишенный пріюта, едва избѣгнувъ плѣна, этотъ неугомонный человѣкъ уже составлялъ новые замыслы: собирался овладѣть Гурьевымъ, пуститься на судахъ въ Каспійское море и поднять орды кочевыхъ киргизовъ.

Но въ это время въ отрядъ Михельсона примчался Суворовъ и вслѣдъ за Пугачевымъ переправился за Волгу, приказавъ всѣмъ ближайшимъ отрядамъ со всѣхъ сторонъ сближаться къ одному общему центру,—кучкѣ казаковъ, сопровождавшихъ лже-Петра. Тогда бодрость оставила и ближайшихъ подручниковъ самозванца: они

рѣшились выдать его, чтобъ спасти себя. 14 сентября, во время ночлега въ одномъ раскольничьемъ селеніи на Узени, они обезоружили Пугачева, связали его и въ такомъ видѣ „на худой лошади" (чтобъ онъ не могъ ускакать) привезли въ Яицкій-городокъ. Черезъ нѣсколько дней туда прибылъ Суворовъ, велѣлъ сдѣлать деревянную клѣтку и, посадивъ въ нее скованнаго самозванца, подъ сильнымъ конвоемъ повезъ его въ Симбирскъ, гдѣ находился графъ Панинъ. Когда Пугачевъ былъ привезенъ и выпущенъ изъ клѣтки, Панинъ сказалъ ему: какъ смѣлъ ты, *воръ*, назваться государемъ?—„Я не *воронъ*, отвѣтилъ Пугачевъ, а только вороненокъ: воронъ еще летаетъ".

Еще за долго до поимки самозванца, въ Оренбургѣ и Яицкѣ, а потомъ въ Симбирскѣ, учреждены были слѣдственныя коммиссіи, которыя должны были, свѣдѣніями получаемыми отъ плѣнныхъ, раскрыть правительству тайныя пружины этого страннаго и грознаго возстанія. Эти свѣдѣнія еще не обрародованы вполнѣ и безъ сомнѣнія откроютъ множество подробностей намъ неизвѣстныхъ, а между тѣмъ изъ нѣсколькихъ распросныхъ рѣчей какъ самаго Пугачева, такъ и его сторонниковъ, напечатанныхъ въ послѣднее время, сдѣлалось извѣстно то, что выше разскано; мы уже имѣемъ возможность пополнить многое, чего не зналъ первый историкъ Пугачевщины, знаменитый Пушкинъ, и опровергнуть нѣкоторые изъ толковъ, ходившихъ между современниками.

Многіе изъ современниковъ Пугачевщины думали, что самозванецъ былъ подготовленъ которымъ-либо изъ иностранныхъ, нерасположенныхъ къ намъ правительствъ. Это оказывается несправедливымъ. Отличаясь въ этомъ отъ Стефана Малаго и Таракановой, Пугачевъ былъ

никовъ созрѣвалъ планъ вызвать изъ могилы имя покойнаго Императора, другіе злоумышленники, внѣ предѣловъ Россіи, равномѣрно прибѣгали къ самозванству съ несомнѣнною цѣлію произвести замѣшательства въ Россіи. Имя, которымъ они для этого воспользовались, принадлежало княжнѣ Таракановой, дочери, какъ полагаютъ, Императрицы Елисаветы отъ тайнаго ея брака съ графомъ Разумовскимъ.

Любопытный эпизодъ о мнимой княжнѣ Таракановой принадлежитъ къ числу далеко еще не разъясненныхъ эпизодовъ XVIII вѣка; но вотъ что о немъ извѣстно. Послѣ перваго раздѣла Польши, довольно большое число Поляковъ, принимавшихъ участіе въ конфедераціяхъ, удалились за границу. Одинъ изъ нихъ, князь Карлъ Радзивиллъ избралъ мѣстомъ жительства Венецію и вскорѣ по прибытіи его туда, именно въ концѣ 1773 или началѣ 1774 года, прошелъ слухъ, что при немъ находится дочь покойной Императрицы, выдающая себя за законную наслѣдницу своей матери и предъявляющая духовное завѣщаніе, на которомъ она основывала свои права. Эта таинственная женщина, извѣстная подъ именемъ княжны Таракановой, пользовалась большимъ почетомъ со стороны Радзивилла и всей его свиты. Онъ самъ, его приближенные и нѣсколько увивавшихся вокругъ нихъ ксендзовъ не сомнѣвались, или дѣлали видъ, что не сомнѣваются, въ ея царственномъ происхожденіи и ея правахъ на русскій престолъ.

Въ это же время Алексѣй Орловъ, все продолжавшій управлять дѣйствіями русскаго флота въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ, проживалъ въ Италіи. До него дошли слухи о таинственной Таракановой и онъ поспѣшилъ обратить вниманіе на нее Императрицы Екатерины. Ея уже не было въ Венеціи; она отправилась съ

покровителемъ своимъ въ Константинополь, но не доѣхала до этого города, и остановилась въ Рагузѣ, гдѣ Радзивиллъ ее оставилъ. Пробывъ тамъ нѣсколько времени, она также внезапно оттуда исчезла, какъ и явилась туда; была въ Неаполѣ, потомъ повернула въ Римъ и здѣсь вошла въ тайныя сношенія съ однимъ изъ кардиналовъ, черезъ котораго ходатайствовала о содѣйствіи папы къ доставленію ей русскаго престола, обѣщая за то подчинить Россію главенству римскаго престола.

Кто была эта княжна Тараканова, — неизвѣстно съ достовѣрностью и донынѣ. Она, или ея руководители, кажется нарочно окружали ее таинственностью. Во всякомъ случаѣ почти несомнѣнно, что она была самозванкой и что настоящая княжна Тараканова была совершенно другое лицо (*). Ходили слухи про женщину, покровительствуемую Радзивилломъ, будто она была еще ребенкомъ похищена откуда-то и отвезена въ Персію, гдѣ и получила воспитаніе; о связяхъ своихъ съ персидскимъ и турецкимъ правительствами она любила распространяться; увѣряла, что не сомнѣвается въ содѣйствіи ея видамъ короля прусскаго, говорила, что имѣетъ обширныя владѣнія въ одномъ изъ германскихъ княжествъ. Въ Римѣ жила она довольно пышно, но выѣзжала не иначе, какъ въ каретѣ съ поднятыми стеклами и видалась съ людьми, которыхъ старалась заинтересовать собою, лишь въ тайныхъ аудіенціяхъ. Всѣ говорили о ней, но почти никто ея не видалъ. Говорили, что она красавица, что одарена большимъ умомъ, и что превосходно знаетъ состояніе современной политики.

(*) Настоящая княжна Тараканова умерла, какъ полагаютъ, въ Москвѣ, въ Старомъ Ивановскомъ монастырѣ, уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Все это происходило въ 1774 году, въ то самое время, когда полъ-Россіи было взволновано мнимымъ Петромъ III: если бъ мнимая княжна Тараканова появилась съ другой стороны, посреди турецкой арміи, очевидно могли бы возникнуть новыя затрудненія. Поэтому Екатерина дала Орлову приказаніе употребить всѣ мѣры, чтобъ похитить самозванку и тѣмъ прекратить начатую ею интригу. Орловъ неотступно слѣдилъ за нею посредствомъ своихъ эмиссаровъ и старался внушить ей довѣренность къ себѣ. Это было время, когда Григорій Орловъ находился въ удаленіи отъ двора и когда графъ Чесменскій могъ безъ нарушенія вѣроятія выдавать себя за одного изъ тайныхъ враговъ Императрицы, расположенныхъ оказать пособіе всякимъ противъ нея замысламъ. Сближеніе съ такимъ могущественнымъ союзникомъ какъ онъ, могло дѣйствительно показаться выгоднымъ для таинственной авантюристки, тѣмъ болѣе, что разставшись съ Радзивилломъ, она стала нуждаться въ деньгахъ; Орловъ, черезъ своихъ агентовъ, открылъ ей неограниченный кредитъ и, выдавая себя за человѣка, глубоко оскорбленнаго правительствомъ, уговорилъ ее наконецъ пріѣхать для свиданія съ нимъ въ Ливорно, гдѣ онъ имѣлъ пребываніе. Тамъ онъ окружилъ ее всевозможнымъ почетомъ, давалъ для нея балы и праздники, совершенно, казалось, вошелъ въ ея виды и наконецъ предложилъ ей даже свою руку,— а между тѣмъ выжидалъ случая, чтобъ арестовать ее, не дѣлая огласки. Этотъ случай представился. Тараканова однажды выразила желаніе посѣтить одинъ изъ русскихъ кораблей, стоявшихъ въ виду Ливорно. Орловъ поспѣшилъ предложить ей свои катеръ и самъ отвезъ ее на одно изъ судовъ; но едва лишь она вступила на бортъ этого судна, какъ оно подняло якорь и выса-

дило несчастную самозванку у Петербургской крѣпости (*).

Такова судьба женщины, называвшей себя княжною Таракановой. Весьма вѣроятно, что она была не что иное, какъ орудіе въ рукахъ католическаго духовенства и польскихъ нашихъ недруговъ: она появляется въ первый разъ въ свитѣ польскаго магната непріязненной намъ партіи и до самаго своего плѣна остается окруженною католическими монахами. Вмѣстѣ съ нею и съ княземъ Радзивилломъ пробирался и одинъ изъ предводителей враждебныхъ намъ конфедерацій, Пулавскій, въ Константинополь, гдѣ французское вліяніе не замедлило бы конечно сообщить имъ опасное для Россіи значеніе. Но, какъ сказано, и княжна Тараканова и Радзивиллъ не поѣхали далѣе Рагузы. Имъ было объявлено, что прибытіе ихъ будетъ непріятно Портѣ. Порта сдѣлала крутой поворотъ въ свооей политикѣ.

Эта перемѣна произошла вслѣдствіе кончины султана Мустафы (въ январѣ 1774 г.), руководствовавшагося совѣтами французскаго посольства и людей, преданныхъ этому посольству. Преемникъ его Абдулъ-Гамидъ обнаружилъ болѣе благоразумія. Еще до того времени, когда обыкновенно открываются военныя дѣйствія, ранней весною, Румянцеву дано было почувствовать, что расположеніе умовъ въ турецкомъ правительствѣ бла-

(*) Какъ жизнь, такъ и смерть Таракановой сдѣлались предметомъ многихъ таинственныхъ разсказовъ. Если вѣрить сочиненіямъ, писаннымъ иностранцами, и особенно Французами, то она, будучи заключена въ подземной тюрьмѣ, погибла во время бывшаго въ Петербургѣ въ 1777 году наводненія: ее залило водою. Но это не справедливо. Теперь достовѣрно извѣстно, что она скончалась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего заключенія; объ этомъ сохранилось свидѣтельство исповѣдовавшаго ее священника.

гопріятно миру. Съ своей стороны Императрица, озабоченная волненіями на Волгѣ, рѣшилась отступиться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ требованій и поручила главнокомандующему не уклоняться отъ сношеній съ Турками, если они обнаружатъ несомнѣнное расположеніе къ миру. Такимъ образомъ обѣ воюющія стороны искали примиренія; но такъ какъ двукратные переговоры не привели къ желанному концу, и какъ въ 1774 году легко могло повториться тоже, что̀ было въ предшествующіе, то съ обѣихъ сторонъ военныя приготовленія дѣлались съ удвоенною энергіей. Армія Румянцева была доведена до 46,000 человѣкъ и ей было дано повелѣніе перейдти черезъ Дунай и дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ.

Изъ числа трехъ корпусовъ, составлявшихъ армію Румянцева, два предназначены были для обложенія турецкихъ крѣпостей Рущука и Силистріи, а генералы Каменскій и Суворовъ должны были, перейдя черезъ Дунай, двинуться къ Балканамъ, гдѣ въ крѣпкой позиціи близъ Шумлы расположены были главныя турецкія силы. Эта часть арміи, назначеніе которой было главное, рѣшительное, состояла всего изъ 14,000 человѣкъ. Она была, очевидно, слишкомъ слаба для того, чтобъ соотвѣтствовать своей цѣли. И Фридрихъ II и Суворовъ, безъ сомнѣнія, отдѣлили бы въ нее несравненно болѣе значительныя силы на томъ основаніи, что Рущукъ и Силистрія не могли бы долго держаться, еслибъ главныя турецкія силы потерпѣли рѣшительное пораженіе и были бы прогнаны въ Балканы. Безъ сомнѣнія также, и Наполеонъ и Суворовъ сами предводительствовали бы этою частію своей арміи. Но нашъ фельдмаршалъ не въ состояніи былъ, какъ видно, вполнѣ отрѣшиться отъ старинной военной системы, придававшей дѣйствію противъ крѣпостей особенную важность.

Переправясь через Дунай, и отойдя отъ него нѣсколько переходовъ, Каменскій и Суворовъ опрокинули 25,000 непріятельскій корпусъ, который не отступилъ, а побѣжалъ къ Шумлѣ. Къ сожалѣнію, Каменскій, который, какъ старшій, принялъ командованіе и надъ корпусомъ Суворова, не поспѣшилъ воспользоваться своимъ успѣхомъ, а лишь нѣсколько дней спустя двинулся къ Шумлѣ, гдѣ его появленіе, вслѣдъ за толпами бѣгущихъ, могло бы имѣть рѣшительныя послѣдствія. Но верховный визирь имѣлъ время приготовиться къ встрѣчѣ непріятеля. Каменскій, не видя возможности прямо аттаковать визиря, принужденъ былъ маневрировать,— и должно отдать ему справедливость, сдѣлалъ это искусно: онъ обошелъ Шумлу и занялъ дорогу, идущую изъ этого города въ Константинополь. Такимъ образомъ онъ отрѣзывалъ отступленіе верховному визирю,—но, разумѣется, и самъ становился въ точно такое же положеніе. Разчетъ его состоялъ въ томъ, чтобъ своимъ движеніемъ выманить визиря изъ его укрѣпленнаго лагеря въ поле, гдѣ онъ надѣялся, не взирая на свою малочисленность, одержать верхъ. Разчетъ его основывался также и на нравственномъ впечатлѣніи, которое должно было произвести на турецкія толпы его появленіе у нихъ въ тылу.

Дѣйствительно, появленіе Русскихъ на дорогѣ въ Константинополь сильно встревожило Турокъ, армія визиря начала быстро уменьшаться; цѣлыя массы людей, ее покидали, чтобы горными окольными тропинками пробраться за Балканы Между оставшимися обнаружились и ужасъ и голодъ. Визирь предложилъ Румянцеву перемирье, но фельдмаршалъ потребовалъ мира. Въ такомъ положеніи, въ какомъ находилась главная турецкая армія, сопротивляться этому требованію

было мудрено: 5 іюля уполномоченные явились въ лагерь Румянцева, при селеніи Кучукъ-Кайнарджи (близъ Силистріи), а 10 числа мирныя условія были подписаны обѣими сторонами.

Кучукъ-кайнарджійскій договоръ хотя и не вполнѣ соотвѣтствовалъ тѣмъ видамъ, которые Императрица имѣла, открывая переговоры въ Фокшанахъ, но доставленныя имъ выгоды были однакожъ весьма велики. Крымскіе и всѣ обитавшіе на берегу Чернаго моря Татары, а также жители Кабарды были признаны свободными, и „ни отъ кого кромѣ единаго Бога независимыми“, образуя одно государство подъ управленіемъ особаго хана. Такимъ образомъ прекращалась возможность безнаказанности со стороны Татаръ, за набѣги которыхъ приходилось Россіи имѣть разчеты съ Портою. Турецкія крѣпости Азовъ, Керчъ и Еникале обладаніе которыми открывало русскимъ кораблямъ свободный выходъ изъ Азовскаго моря въ Черное, Россія удерживала за собою; Очаковъ, расположенный при устьѣ Днѣпра,—рѣки далеко не имѣвшей тогда важности, подобной Дону, оставленъ былъ Турціи, но лежащій насупротивъ его Кинбурнъ Россія удерживала. Порта торжественно обязывалась оказывать защиту христіанамъ; а какъ таковыми были въ турецкихъ владѣніяхъ почти исключительно православные, то Россія принимала и здѣсь тоже положеніе, которое она пріобрѣла еще въ XVII столѣтіи относительно своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ. Русскимъ купеческимъ кораблямъ предоставлено было свободное плаваніе по всѣмъ морямъ, принадлежащимъ Турціи, чѣмъ расторгалась вѣковѣчная неприступность Константинопольскаго и Дарданельскаго проливовъ. Россія пріобрѣтала право имѣть консуловъ во всѣхъ пунктахъ Турецкой имперіи, гдѣ признаетъ нужнымъ: право

важное вдвойнѣ, потому что консулы суть торговые агенты, которые могутъ быть въ то же время и агентами политическими. Водвореніе русскихъ консуловъ въ земляхъ Грековъ и Славянъ отчасти замѣняло какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи владѣніе островомъ въ Архипелагѣ, противъ чего вооружался даже ближайшій нашъ союзникъ, король Прусскій. Затѣмъ всѣ сдѣланныя у Турціи завоеванія возвращались ей; но относительно Молдавіи и Валахіи сдѣлана была особая оговорка: русскіе резиденты въ Константинополѣ были поставлены въ положеніе защитниковъ христіанскаго закона, блюстителями неприкосновенности церковныхъ имуществъ въ этихъ областяхъ и полнаго всепрощенія, объявленнаго тамошнимъ жителямъ Портою. Очевидно, какое огромное значеніе въ нихъ пріобрѣтала Россія и какое исключительное положеніе она для нихъ установляла; можно сказать, что кайнарджійскій договоръ былъ первымъ шагомъ къ ихъ нынѣшней, почти полной независимости. Совершенно то же выговаривалось и относительно Архипелажскихъ острововъ и Грузіи. Можно пожалѣть, что подобное же покровительство не было оказано Грекамъ твердой земли и Славянамъ; но связи, которыми договоръ 10 іюля опутывалъ Турцію, были и безъ того довольно сильны. Дальнѣйшее развитіе плановъ Екатерины откладывалось, но не далеко уже было время, когда Россія должна была выступить, въ качествѣ покровительницы Сербовъ и другихъ Турецкихъ славянъ, въ качествѣ державы, призывающей къ новой жизни своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

Такъ окончилась эта продолжительная, тяжелая война. Тучи, отовсюду надвигавшіяся на Россію, къ исходу 1774 года совершенно разсѣялись. Жестокая вой-

на кончилась славнымъ миромъ, покровительство оказанное нашимъ единовѣрцамъ, обитавшимъ въ польскихъ владѣніяхъ, усилило старинное влеченіе ихъ къ возсоединенію съ Россіей и возсоединеніе это даже началось; угрозы Швеціи не осуществились. Язвы нанесенныя продолжительными чрезвычайными усиліями, чумою и Пугачевщиною могли быть залѣчены нѣсколькими годами мира и хорошаго управленія, а между тѣмъ Россія пріобрѣла въ средѣ европейскихъ государствъ такое положеніе, какого она никогда, даже во время Петра I, еще не имѣла. Самая неблагосклонность, которую она почти повсюду встрѣчала, противодѣйствіе, которое со всѣхъ сторонъ оказываемо было ея политикѣ, и смущеніе, которое производили при иностранныхъ правительствахъ извѣстія о ея побѣдахъ, доказывали, что западная Европа видитъ уже въ Россіи силу, съ которой необходимо считаться и которую едвали уже возможно будетъ, какъ желалъ король Людвикъ XV, исключить изъ политической системы Европы. Вскорѣ, по полученіи донесенія отъ Румянцова о заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи, Императрица принимала весь находившійся въ Петербургѣ дипломатическій корпусъ и вотъ какъ она описывала этотъ пріемъ въ шутливомъ письмѣ къ б. Штакельбергу, посланнику своему въ Варшавѣ: „Я видѣла весь дипломатическій корпусъ въ Ораніенбаумѣ и замѣтила искреннюю радость въ одномъ англійскомъ и датскомъ министрѣ; въ австрійскомъ и прусскомъ менѣе. Вашъ другъ Браницкій смотрѣлъ сентябремъ. Испанія ужасалась. Франція печальная, безмолвная, ходила одна, сложа руки. Швеція не можетъ ни спать ни ѣсть.... Впрочемъ мы были скромны и не сказали имъ почти ни слова о мирѣ.“

Главные виновники послѣднихъ успѣховъ нашихъ,

какъ военныхъ такъ и дипломатическихъ, были награждены самымъ щедрымъ образомъ. Румянцевъ, кромѣ имѣній и денегъ, получилъ нѣсколько почетныхъ наградъ: шпагу *за храбрыя предпріятія*, лавровый вѣнецъ *за побѣды*, масличную вѣтъ (*) *за заключеніе мира* и, наконецъ, названіе *Задунайскаго*. Весьма щедро также награжденъ былъ Панинъ, руководившій въ это затруднительное время нашими дипломатическими сношеніями, и другіе первостепенные и второстепенные дѣятели. Очень многимъ изъ нихъ розданы были земли въ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши и гдѣ, какъ предполагала Государыня, они должны были сдѣлаться ядромъ чисто-русскаго дворянства.

Но окончаніе тяжкихъ трудовъ и усилій, слава и польза Россіи, пріобрѣтенныя кучукъ-кайнарджійскимъ миромъ были дѣломъ всероссійскимъ и народнымъ, которое Императрица пожелала отпраздновать въ центрѣ русской земли, рядомъ всенародныхъ торжествъ. Лѣтомъ 1775 года она прибыла съ цесаревичемъ Павломъ, съ дворомъ своимъ и съ иностранными дипломатами въ Москву. За нѣсколько дней передъ нею, прибылъ туда и Румянцовъ. Государыня желала, чтобъ онъ вступилъ въ древнюю столицу тріумфальными вратами, которые были для этого воздвигнуты; но Задунайскій, будучи врагомъ пышности и эфектовъ, отклонилъ этотъ тріумфъ. За тѣмъ послѣдовало торжественное шествіе въ Москву самой Императрицы. Дворянство и купечество соорудили на этотъ случай двѣ тріумфальныхъ арки, изукрашенныя различными аллегорическими изображеніями. За неимѣніемъ въ то время дворца въ Москвѣ (который

(*) Разумѣется, всѣ эти предметы были сдѣланы изъ золота и осыпаны брилліантами.

[illegible] помѣстилась въ
[illegible] на Пречистенкѣ),
[illegible] остававшійся
[illegible] лошадки въ окрест-
[illegible] вельможъ и пѣш-
[illegible]

[illegible] — годавщина подписанія
[illegible] празднествъ, продолжав-
[illegible] окруженная истинно пар-
[illegible] горскою мантіею, подъ
[illegible] пунцовымъ и послѣдуе-
[illegible] усланымъ краснымъ су-
[illegible] Успенскій соборъ, гдѣ со-
[illegible] огослуженіе. Оттуда тоже
[illegible] валось въ Грановитую па-
[illegible] виновникамъ морскихъ и
[illegible] рамъ и сотрудникамъ сво-
[illegible] было выше сказано. Затѣмъ
[illegible] лицъ начались празднества,
[illegible] не будемъ говорить, а перей-
[illegible] *Ходынскомъ полѣ*, какъ въ
[illegible] имѣлъ наиболѣе значенія.
[illegible] домъ былъ изъ легкихъ мате-
[illegible] зданія котораго имѣли видъ
[illegible] кіосковъ и т. п.; на этихъ по-
[illegible] надписи, долженствовавшія на-
[illegible] городъ города и крѣпости, перей-
[illegible] щіе достопримѣчательные слу-
[illegible] такъ, на одномъ зданіи было на-
[illegible] *Керчь*, на третьемъ *Кайнард-*
[illegible] фантастическомъ городкѣ и про-
[illegible] накрыты были для простанородья
[illegible] собраны были пѣсенники, ба-

лансеры, фокусники и т. п. Неизчислимыя толпы съ ранняго утра тѣснились здѣсь, ожидая прибытія Государыни. Она прибыла въ золотой парадной каретѣ, съ *пажами на ремняхъ*, съ гайдуками и скороходами, облаченная въ богатое платье русскаго покроя, — одежду, вполнѣ приличную національному торжеству; обозрѣвъ все приготовленное для угощенія народа и его увеселенія, она подала сигналъ къ начатію праздника и сама вступила въ *Азовскую крѣпость*, гдѣ для нея и для ея приближенныхъ накрытъ былъ столъ. Она посадила подлѣ себя Румянцева и выпила бокалъ шампанскаго за здоровье побѣдителя Турокъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Стр.

Стр.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ЧТЕНІЕ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

XIII.

Новая физіономія двора. — Орловы — Потемкинъ. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. — Его воспитаніе. — Интриганы пользуются именемъ Великаго Князя. — Первый бракъ Павла Петровича. — Недоразумѣнія между *большимъ* и *малымъ* дворами. — Кончина в. к. Натальи Алексѣевны. — Поѣздка цесаревича въ Берлинъ. — Второй его бракъ. — Жизнь его въ Гатчинѣ. — Облегченія сдѣланныя послѣ войны. — Законодательство Екатерины относительно раскольниковъ; преобразованія въ положеніи заводскихъ крестьянъ и въ устройствѣ казачьихъ войскъ. — Уничтоженіе Запорожья (1775). — Дальнѣйшая судьба Запорожцевъ.

Заключеніе мира съ Турціей, совершенное прекращеніе чумы, успокоеніе волненій въ Приволжскихъ губерніяхъ и окончаніе польскихъ дѣлъ, случившіяся одно вслѣдъ за другимъ, давали наконецъ возможность правительству возвратиться къ улучшеніямъ по внутреннему управленію и вообще къ тѣмъ занятіямъ, которымъ были посвящены первые пять лѣтъ царствованія Екатерины.

Мы не замедлимъ увидѣть, что новый, наступавшій теперь періодъ законодательной дѣятельности принесъ обильные плоды; но мы замѣтимъ также, что характеръ этой дѣятельности чувствительно измѣнился, въ сравненіи съ первыми годами настоящаго царствованія. Государыня приступала теперь къ своимъ трудамъ, окруженная многими новыми лицами, между тѣмъ какъ большая часть прежнихъ сошли со сцены. Изъ всѣхъ лицъ, нѣкогда ра-

счистившихъ Екатеринѣ путь къ престолу, единственнымъ близкимъ,-по крайней мѣрѣ, по положенію своему,-къ ней человѣкомъ оставался графъ Никита Панинъ. Григорій Орловъ, лишившись кредита при дворѣ (В. V, гл. VIII) и проскитавшись нѣсколько лѣтъ по Западной Европѣ, поселился въ Москвѣ, женился и умеръ въ сумашествіи; его братъ Алексѣй оставилъ службу, и хотя отъ времени до времени онъ показывался при дворѣ, былъ принимаемъ тамъ съ большимъ почетомъ и даже приглашаемъ снова возвратиться на службу, но видя что у престола образовалась совсѣмъ новая среда, переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву. Тамъ, на концѣ города, но въ виду Кремля, онъ построилъ великолѣпную усадьбу *), развелъ прекрасный паркъ и исключительно занялся коневодствомъ; приложивъ къ этому дѣлу большіе капиталы и всю свою энергію, онъ, можно сказать, создалъ особую породу лошадей, которая и стала извѣстна подъ именемъ *Орловскихъ*. Этотъ удалившійся отъ двора вельможа, этотъ близкій сподвижникъ Екатерины, человѣкъ съ именемъ котораго общественное мнѣніе соединяло и важныя заслуги и тяжкія преступленія, сначала какъ будто тревожилъ Москву своимъ сосѣдствомъ; но живя тамъ при совершенно новой обстановкѣ, онъ незамедлилъ обнаружить тѣже самыя качества, благодаря которымъ онъ былъ нѣкогда популярнѣйшимъ между гвардейскими молодыми офицерами. Не было въ Москвѣ человѣка болѣе хлѣбосольнаго, доступнаго и *простаго*, особенно съ людьми низшихъ классовъ; толпы народа стекались смотрѣть, когда онъ самъ наѣзжалъ своихъ рысаковъ и еще недавно живы были старики, которые съ восхищеніемъ разсказывали, какъ

*) Нынѣ дворецъ Александріи.

этотъ богатырь нерѣдко принималъ участіе въ кулачныхъ бояхъ. „Когда графъ пускался въ свалку", говорили его современники, „то самые сильные бойцы валились какъ снопы подъ его могучимъ кулакомъ". Вслѣдъ за Орловымъ оставилъ дворъ одинъ изъ старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ министровъ Екатерины, Чернышевъ. Мы знаемъ, что Румянцевъ горько жаловался во время Турецкой войны на недостатокъ и медленность въ снабженіяхъ всякаго рода. Точно также жаловался Бибиковъ на отсутствіе войска въ Приволжскомъ краѣ, охваченномъ Пугачевщиною; волненіе яицскихъ казаковъ, послужившее ближайшимъ поводомъ къ Пугачевщинѣ, было вызвано, какъ мы знаемъ, безпорядками въ ихъ управленіи. Все это вмѣстѣ взятое, обнаружило, что Чернышевъ не такой искусный администраторъ, какимъ его долго воображали; Государыня назначила ему сперва помощникомъ знаменитаго впослѣдствіи Потемкина, а по заключеніи мира съ Турками, и вовсе устранила его отъ управленія военною коллегіей, поручивъ ему устройство Бѣлоруссіи, въ возвращеніи которой къ Русской державѣ онъ принимался, какъ сказано (В. V, гл. IX), самое дѣятельное участіе.

Удаленіе отъ двора всѣхъ этихъ первостепенныхъ сотрудниковъ Екатерины не могло не измѣнить вида этого двора и остаться безъ вліянія на самый характеръ правительства. Ихъ замѣстили другія лица, около которыхъ составились новыя придворныя группы, внесшія съ собою новые правительственные пріемы и даже, до нѣкоторой степени, новыя понятія. Первымъ между ними мы должны назвать генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго; это былъ человѣкъ трудолюбивый и точный, исправный администраторъ и

предполагаемыя имъ къ исполненію оной". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ полною откровенностію говорилъ Государынѣ о затрудненіяхъ, которыя Румянцевъ встрѣчалъ со стороны главнаго управленія военными силами въ отношеніи комплектованія арміи рекрутами, разнаго рода снабженій и внушилъ ей самое высокое понятіе о своихъ способностяхъ.

Быстрое возвышеніе Потемкина и его вліяніе на всѣ части управленія обыкновенно приписываютъ личному расположенію къ нему Государыни. Этого расположенія нельзя отрицать, но ему одному невозможно приписывать того положенія, которое Потемкинъ занималъ въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ, тѣмъ болѣе что послѣ двух-лѣтняго постояннаго пребыванія при дворѣ, онъ его оставилъ и проводилъ большую часть времени въ Новороссійскомъ краѣ. Если разсматривая портреты современниковъ Екатерины, мы останавливаемся невольно на изображеніи Потемкина, какъ на типѣ мужественной красоты, съ высокимъ, гордымъ челомъ съ величавымъ профилемъ и энергически выступающимъ подбородкомъ, — то внимательно вчитываясь въ то, что имъ и о немъ написано, вдумываясь въ то, что имъ сдѣлано и замышлено, мы еще съ большимъ вниманіемъ остановимся на его нравственномъ образѣ. По свидѣтельству многихъ современниковъ, онъ плохо учился въ университетѣ и предавался шумнымъ удовольствіямъ; но гоняясь за ними, онъ однакожъ не отдавался имъ, а удивительная его память схватывала на лету и удерживала то, что другимъ, менѣе даровитымъ людямъ, дается лишь съ помощію усидчивыхъ трудовъ. Правда, этотъ недостатокъ усидчиваго труда не могъ не оставить послѣдствій, и одинъ изъ самыхъ справедливыхъ упрековъ Потемкину заключается въ томъ, что

онъ и впослѣдствіи, сдѣлавшись государственнымъ человѣкомъ, не былъ способенъ къ пристальной, копотливой, ежедневной работѣ, подобно князю Вяземскому. Говорятъ, онъ по цѣлымъ недѣлямъ не принималъ докладовъ, или, допустивъ къ себѣ докладчиковъ, не слушалъ ихъ, а вмѣсто подписи, выводилъ на представленныхъ ему бумагахъ какіе нибудь странные узоры; не выходилъ изъ халата, не чесалъ волосъ... Но можно съ увѣренностію сказать однако же, что мысль Потемкина работала во время этихъ дней кажущейся его апатіи и что именно это чрезмѣрное господство мысли, которая его занимала въ данную минуту, дѣлала его неспособнымъ заняться чѣмъ либо другимъ. Мысль его сильно работала въ эти дни кажущейся лѣни; это доказывается тѣмъ, что онъ внезапно выходилъ изъ своего оцѣпененія и тогда распоряженія лились рѣкой.

Мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ дѣятельностью Потемкина, а теперь возвратимся къ изображенію двора Екатерины по заключеніи мира съ Турціей.

Великому князю Павлу Петровичу было въ это время уже 20 лѣтъ*. По общему мнѣнію, онъ получилъ отъ природы весьма счастливыя способности, но воспитаніе его было крайне пренебрежено; оно было даже дурно направлено. Воспитаніе строгое, серіозное, пріучающее къ умственному труду, правда, не было въ то время еще общимъ требованіемъ, особенно въ высшихъ классахъ. Отъ воспитателя, приставленнаго къ ребенку знатной фамиліи требовалось, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ своего питомца, прежде всего, вполнѣ свѣтскаго человѣка, и потому танцы, фехтованье и верховая ѣзда, а также французскій языкъ стояли на пер-

*) Родился въ 1754 году.

вомъ планѣ учебной программы; затѣмъ слѣдовали военныя науки, а потомъ (нѣсколько) законъ Божій, исторія, географія, математика и пр. Къ сожалѣнію, Н. И. Панинъ, воспитатель великаго князя, не возвысился надъ общимъ уровнемъ современныхъ понятій. Но это не все. Выше уже было замѣчено (Вып. V, гл. V), что въ русскомъ обществѣ того времени обнаруживалось сильное сатирическое направленіе, которое главнѣйше обращалось на себя же, на русское же общество. Порицаніе всего своего, русскаго и возвышеніе чужаго, иноземнаго сдѣлалось какъ бы модою, нѣкотораго рода щегольствомъ, которому предавались весьма впрочемъ почтенные и достойные люди. Такіе люди были ежедневными собесѣдниками молодаго цесаревича и оставляли ядовитые слѣды въ его умѣ. Одинъ изъ нихъ, графъ А. С. Строгановъ, воскликнулъ однажды при великомъ князѣ: „Гдѣ у насъ сыщешь такого человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ"! На это Павелъ Петровичъ, тогда еще десятилѣтній, возразилъ ему съ неудовольствіемъ: „Чтожь, сударь, такъ развѣ честныхъ людей совсѣмъ у насъ нѣтъ"? Строгановъ принужденъ былъ замолчать, но онъ и другіе, повторяя свои порицанія передъ впечатлительнымъ ребенкомъ, успѣли мало по малу привить ему свой взглядъ. Читая однажды исторію Петра Великаго соч. Вольтера, онъ съ недовѣріемъ остановился на выраженіи автора, что Карлъ XII „достоинъ былъ быть первымъ солдатомъ въ арміи русскаго царя". — Неужеэто такъ? спросилъ съ сомнѣніемъ Павелъ Петровичъ; и это неудивительно, потому что онъ слыхалъ отъ своихъ собесѣдниковъ лишь о попойкахъ своего прадѣда и о палочныхъ ударахъ, которые онъ раздавалъ. Французскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ

доносилъ, когда великому князю уже было 15 лѣтъ: „мнѣ кажется, что онъ очень мало расположенъ къ Русской націи. Его собственная склонность, столько же какъ и духъ противорѣчія матери, побуждаютъ его говорить съ восхищеніемъ о Франціи и Франузахъ“.

Извѣстій о воспитаніи Павла Петровича нельзя пропустить безъ вниманія: какъ воспитывался молодой великій князь, такъ воспитывались и его сверсники знатныхъ фамилій, а этимъ молодымъ людямъ предстояло чрезъ нѣсколько лѣтъ выступить въ качествѣ руководителей судьбами отечества, въ качествѣ образцовъ для людей прочихъ состояній.

Здѣсь нельзя не указать и еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Екатерина вступила на престолъ, какъ сказано въ ея манифестѣ, „по общему желанію вѣрноподданныхъ“; но ея воцареніе нарушало обычный порядокъ престолонаслѣдія: послѣ Петра III слѣдовало бы царствовать Павлу. Это обстоятельство, когда великій князь вошелъ въ возрастъ, естественно должно было образовать между Императрицей и ея сыномъ особыя отношенія. Обыкновенно говорятъ, что Екатерина, съ самаго начала не обнаруживала материнскихъ чувствъ къ великому князю; это несправедливо. Конечно Екатерина не находилась съ своимъ сыномъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, какъ бываютъ матери съ своими дѣтьми въ частномъ быту и не слѣдила за его воспитаніемъ такъ внимательно, какъ этого можно было бы желать; но въ ея чувствахъ къ нему мы не находимъ повода сомнѣваться. Она искренно радовалась и даже утѣшалась, когда замѣчала съ его стороны успѣхи въ наукахъ или открывала въ немъ добрыя качества. Такъ напримѣръ, получивъ однажды отъ него, когда ему было 14 лѣтъ,

какое-то письмо хорошо написанное и проникнутое благородными чувствами, она поспѣшила написать его воспитателю: „Вотъ письмо краснорѣчивое, мужественное, благородное и полное такихъ чувствъ, какія я желаю въ немъ всегда видѣть. Я не рѣшаюсь вѣрить, чтобъ онъ самъ это написалъ, потому что это почти слишкомъ хорошо для его возраста; но вы увѣряете,— и я вѣрю, и поздравляю васъ.... Скучно безъ васъ и пусто".

Этотъ и другіе подобные факты не даютъ намъ права думать, будто Екатерина не любила своего сына съ самаго его рожденія. Между тѣмъ въ 1770 году иностранные посланники уже говорятъ, какъ о дѣлѣ давно извѣстномъ, „о духѣ противорѣчія" цесаревича въ отношеніи Государыни. Въ слѣдующемъ году въ Петербургѣ произошелъ какой-то уличный безпорядокъ: о немъ тотчасъ полетѣли во всѣ стороны Европы депеши съ объясненіемъ, что *чернь хочетъ низвергнуть Императрицу и возвести на престолъ цесаревича*. Предположеніе о какихъ-либо политическихъ побужденіяхъ петербургскаго рабочаго люда не заслуживаетъ вниманія, и объ этомъ случаѣ не стоило бы упоминать, еслибъ онъ не указывалъ, какіе толки ходили въ современномъ обществѣ. Общественное мнѣніе, какъ видно, допускало возможность соперничества изъ-за власти между Императрицею и ея наслѣдникомъ. О правахъ цесаревича, надо думать, говорили и не въ одномъ Петербургѣ, и не въ однихъ высшихъ слояхъ общества: вспомнимъ, что Пугачевъ, выставлялъ великаго князя какъ бы бѣгущимъ отъ матери къ нему, мнимому отцу своему. Почти въ тоже время одинъ иностранный искатель приключеній Беньёвскій, сосланный въ Камчатку, произвелъ въ одномъ изъ тамошнихъ

острожковъ возмущеніе, выдавая себя за человѣка, пострадавшаго будто бы за преданность къ великому князю *).

Всѣмъ этимъ злоумышленіямъ, которыя прикрывались его именемъ, великій князь конечно не былъ причастенъ; но въ Екатеринѣ должно было пробуждаться сознаніе, что онъ есть постоянная, хоть и невольная для нея угроза,—а это, естественно, не могло не поселить въ ней нѣкоторой холодности къ сыну. Такимъ образомъ, не безотчетная и противоестественная къ нему непріязнь съ самаго рожденія, а послѣдствія неправильныхъ между ними отношеній породили охлажденіе въ средѣ малочисленнаго въ то время царскаго семейства. Между тѣмъ Павелъ вступилъ въ бракъ (1773 г.) съ принцессою Вильгельминою Дармштатской, принявшею

*) Беневскій, сосланъ будучи въ Большерѣцкій острогъ, встрѣтился тамъ съ нѣсколькими лицами, сосланными въ разное время, и уговорилъ ихъ уйдти за границу; весною 1771 года они присоединили къ себѣ еще нѣсколько человѣкъ разнаго званія и, въ числѣ болѣе 100 чел. сдѣлали нападеніе на квартиру коменданта, умертвили его, овладѣли торговымъ судномъ и пустились въ открытое море; они приставали къ берегамъ Японіи, о. Формоза и Китая; въ Макао экипажъ Беневскаго отказался повиноваться ему, но былъ заключенъ мѣстными властями, по проискамъ Беневскаго, въ тюрьму, гдѣ нѣкоторые и умерли; остальные смирились и были привезены во Францію, гдѣ этотъ отважный искатель приключеній представилъ правительству проэктъ завоеванія о. Формозы съ помощію своихъ „волонтеровъ“. Однако изъ числа этихъ „волонтеровъ“ весьма немногіе согласились остаться съ нимъ; нѣкоторые рѣшились вступить во французскую службу, а большая часть пустились пѣшкомъ въ Парижъ, гдѣ, явясь къ русскому резиденту, просили исходатайствовать имъ дозволеніе возвратиться на родину. „Видно что *Руссакъ* любитъ свою Русь,—писала Императрица въ отвѣтъ на прошеніе странниковъ,— и надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна“. Имъ было объявлено прощеніе и дозволеніе возвратиться, а на путевыя издержки выдано 2000 р.

при переходѣ въ православіе имя Наталіи Алексѣевны. Великая княгиня, по отзывамъ современниковъ, имѣла большое вліяніе на своего супруга, и будучи женщиной честолюбивою, склоняла слухъ къ лукавымъ внушеніямъ, въ которыхъ не бываетъ недостатка ни при одномъ дворѣ. Есть извѣстія, что извѣстный намъ Сальдернъ и каммергеръ Матюшкинъ дѣлали попытки пробудить въ великомъ князѣ честолюбіе и возстановить его противъ Императрицы. Тоже самое говорятъ и про графа А. Разумовскаго (сына гетмана) человѣка весьма короткаго при маломъ дворѣ. Всѣ извѣстія, которыя дошли до насъ о великомъ князѣ, не допускаютъ мысли, чтобъ онъ хотя на минуту поддался подобнымъ внушеніямъ; но окружавшимъ его интриганамъ удавалось иногда побуждать его на поступки, которые можно назвать неосторожными при щекотливыхъ отношеніяхъ, установившихся между нимъ и Императрицей. Однажды онъ представилъ ей какую-то записку, въ которой рѣзко критиковалъ настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи и подавалъ совѣты относительно внѣшней политики, внутренняго управленія, а особенно устройства военной части, — что̀ показалось его опытной въ правленіи матери неприличною самонадѣянностію.

Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя усилили охлажденіе между большимъ дворомъ и малымъ до такой степени, что его уже невозможно было скрыть Между тѣмъ великая княгиня въ 1776 году скончалась. Великій князь, котораго всѣ чувства были чрезвычайно порывисты, но не продолжительны, былъ въ отчаяніи въ первые дни послѣ смерти своей супруги; но скоро онъ увлекся предложеніемъ принца Генриха Прусскаго съѣздить для развлеченія вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ. Хотя взаимныя отношенія между нашимъ и берлинскимъ дворами были уже далеко

не таковы, какъ лѣтъ восемь назадъ, Императрица охотно однакожъ согласилась доставить своему сыну случай познакомиться съ человѣкомъ, наполнявшимъ всю Европу славою своего имени. Для сопровожденія цесаревича назначенъ былъ фельдмаршалъ Румянцевъ, поклонникъ Фридриха и уважаемый имъ воинъ. Пріемъ оказанный въ Берлинѣ наслѣднику русскаго престола и Румянцеву былъ самый предупредительный; между прочимъ, Фридрихъ сдѣлалъ для нихъ большой смотръ своимъ войскамъ, на которомъ произведенъ былъ маневръ изображавшій Кагульское сраженіе.

Пребываніе Павла Петровича въ Берлинѣ имѣло вліяніе на всю его жизнь: онъ увидѣлъ тамъ ту, которая должна была сдѣлаться второю его супругой, принцессу Виртембергскую, принявшую впослѣдствіи имя Маріи Θеодоровны. Молодая великая княгиня была чужда политическихъ интригъ и вся предалась тихой прелести семейной жизни, но благотворное ея вліяніе не могло возстановить добрыхъ отношеній между цесаревичемъ и Императрицей. Въ его умѣ сложились понятія о правленіи рѣшительныя, безповоротныя и во многомъ расходившіяся съ системой Екатерины. Недовольные настоящимъ порядкомъ дѣлъ или самою Государыней группировались во кругъ него и злоупотребляли его именемъ. При большомъ дворѣ ему было не по себѣ; онъ искалъ устраниться отъ непріятныхъ ему сановниковъ Екатерины и, проводя большую часть времени въ Гатчинѣ, занимался тамъ, съ нѣсколькими своими приближенными, составленіемъ проэктовъ тѣхъ преобразованій, которыя онъ со временемъ предполагалъ сдѣлать. Въ 1781 году, онъ поѣхалъ за границу вмѣстѣ съ супругою своей, и подъ именемъ *графа Сѣвернаго* (comte du Nord), посѣтилъ важнѣйшія столи-

цы и первенствующіе дворы континента. И цесаревичъ и великая княгиня, по свидѣтельству современниковъ, оставили вездѣ весьма выгодную для себя память. Но возвратясь въ Россію, они испытали новыя непріятности: одинъ изъ самыхъ близкихъ къ великому князю людей, кн. Куракинъ, за переписку, въ которой заключались порицанія противъ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Екатерины, былъ удаленъ отъ двора. Съ того времени Павелъ Певровичъ почти не выѣзжалъ изъ Гатчины. Тамъ онъ со страстію предавался устройству и обученію маленькаго отряда войскъ, отданнаго въ его распоряженіе, и составленіемъ проэктовъ замышляемыхъ имъ преобразованій. Все это довало новую пищу оппозиціи.

Вездѣ есть люди, болѣе склонные порицать совершающееся дѣло, нежели приложить къ нему руки; такихъ людей особенно много тамъ, гдѣ, какъ въ тогдашней Россіи, причины побуждающія правительство дѣйствовать такъ или иначе, остаются неизвѣстными публикѣ; но независимо отъ того, были и основательные поводы къ жалобамъ. Положеніе страны, только что перенесшей двѣ войны, моръ и кровавый мятежъ, было крайне разстроенное. Народонлселеніе уменьшилось, а количество бумажныхъ денегъ возрасло; благосостояніе дворянъ на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ разыгралась Пугачевщина, было потрясено; поля остались по большей части незасѣянными, такъ что въ этой плодоноснѣйшей части Россіи оказался жестокій голодъ; цѣна на рожь возвысилась до 8 рублей, то есть поднялась слишкомъ вчетверо противъ обыкновенной. Народонаселеніе, взволнованное до дна, хотя и было приведено въ покорность, но далеко не успокоилось; особенно между Уральскими казаками и заводскими крестьянами сильно было раздраженіе.

Таково было положеніе дѣлъ, среди котораго Екатерина должна была приступить къ продолженію прерванныхъ внутреннихъ преобразованій. Прежде всего казалось справедливымъ прекратить взиманіе тѣхъ поборовъ, которые были вызваны войной и неизбѣжными при этомъ чрезвычайными расходами. Такъ, между прочимъ, уменьшена была цѣна на соль. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлены были значительныя облегченія въ мѣрѣ наказаній для военныхъ чиновъ, запрещены жестокія истязанія иначе какъ по суду, ибо,—сказано въ манифестѣ—„таковыя наказанія не суть исправленіе, но сущая казнь.“ Это было какъ бы вознагражденіе арміи за ея труды и за выгоды, добытыя ею для Россіи; но нельзя не замѣтить при этомъ, что частные начальники плохо подчинялись человѣколюбивымъ видамъ Екатерины, и еще долго послѣ ея смерти между военными существовало убѣжденіе, что дисциплину въ Россіи можно поддержать единственно съ помощію шпицрутеновъ и кошекъ...

Далѣе, слѣдовало обратить вниманіе на тѣ элементы, которые доставили силу Пугачевщинѣ и на которые она опиралась. Мысль о самозванствѣ была внушена Пугачеву раскольниками; они помогали ему въ разныхъ случаяхъ его жизни: какая могла быть тому причина? Почему и прежде въ разныя времена раскольники постоянно являлись подпорою и руководителями враждебныхъ правительству движеній? Петръ III уже указалъ на эти причины, сказавъ въ указѣ о раскольникахъ, что законъ, снисходительный къ магометанамъ и идолопоклонникамъ, неумолимъ только къ нимъ однимъ. Причина эта дѣйствительно заключается въ тяжеломъ и униженномъ положеніи, въ которое законъ поставилъ ихъ, какъ бы въ наказаніе за религіозное разномысліе; еще со временъ Петра I они обложены были двойными противу про-

чихъ податями, особымъ сборомъ за дозволеніе носить бороду и обязаны носить особаго рода одежду; они были лишены права занимать какія-либо должности и „быть въ начальныхъ людяхъ.“ Какъ какіе-нибудь уличенные злодѣи, они устранены были отъ права свидѣтельствовать передъ судомъ, и для завѣдыванія всѣмъ до нихъ касающимся, существовало особое учрежденіе, — словомъ, законодательство собственнаго ихъ отечества ставилъ ихъ въ положеніе иностранцевъ, и при томъ иностранцевъ вредныхъ или презрѣнныхъ. Такое положеніе конечно не могло ни располагать ихъ къ правительству, ни сближать ихъ съ остальными сословіями. Екатерина не могла не видѣть этого и не желать измѣненій въ законахъ о раскольникахъ; но у насъ было въ то время еще слишкомъ много людей, которые расположены были принять всякое снисхожденіе къ раскольникамъ за поощреніе расколу и за равнодушіе къ православію. По этому Екатерина принуждена былв дѣйствовать осторожно. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, она уничтожила Раскольничью Контору и повелѣла вѣдать дѣла о раскольникахъ въ обыкновенныхъ, общихъ для всѣхъ судахъ и присутственныхъ мѣстахъ. Впослѣдствіи, когда власть ея болѣе утвердилась, она пользовалась разными случаями, чтобъ снимать мало-по-малу съ этой немаловажной доли русскаго народа печать отверженія. Такъ, раскольники были, вскорѣ послѣ Пугачевщины, допущены свидѣтельствовать передъ судомъ, а въ восмидесятыхъ годахъ, и занимать общественныя должности по выборамъ. Такими мѣрами Государыня надѣялась отнять у раскольниковъ побужденія враждовать противъ правительства, предоставляя духовенству возвращать ихъ въ лоно церкви.

Но раскольники были не единственными участниками Пугачевщины: ее питало тоже и крестьянство приписанное къ заводамъ. Въ 1779 году объявленъ былъ манифестъ, который съ точностію опредѣлялъ отношенія заводскихъ крестьянъ къ владѣльцамъ заводовъ и плату, которую они обязаны производить рабочимъ; съ тѣхъ поръ, писала впослѣдствіи Екатерина, о заводскихъ безпорядкахъ болѣе не слышно было.

Казалось бы, что вслѣдъ за заводскими крестьянами правительству слѣдовало обратить вниманіе и на крестьянство вообще и на крѣпостное въ особенности, которое, какъ море ураганомъ, было взволновано манифестами самозванца, сулившими вольность. Но этого Екатерина не рѣшилась сдѣлать. Попытка ея въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Вып. V, гл. V) провести мысль объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей и мнѣнія, выраженныя по этому предмету въ средѣ Коммисіи объ Уложеніи (ibid. гл. IV) убѣдили ее, что касаться крѣпостнаго вопроса значило бы раздражать дворянство, и безъ того уже раздраженное Пугачевскимъ погромомъ. Крестьяне были оставлены въ прежнемъ положеніи; но за то тѣмъ энергичнѣе принялось правительство за преобразованія въ средѣ другаго сословія, тоже оказавшаго сильную поддержку Пугачевщинѣ, — сословія казачьяго.

Это преобразованіе было возложено на Потемкина, которому казаки были поручены въ спеціальное завѣдываніе. Его прежде всего поражало несоотвѣтствующее духу времени и потребностямъ устройство этихъ исключительно военныхъ обществъ. Волжское войско, очутившееся въ срединѣ государства съ тѣхъ поръ какъ Заволжье заселилось, было переведено на Терекъ, гдѣ казаки соотвѣтствовали прямымъ условіямъ своего существованія, въ виду вѣчно безпокойныхъ кавказскихъ

горцевъ. Донское войско, было оставлено, но въ его устройствѣ сдѣланы важныя перемѣны: власть атамана ограничена совѣтомъ, подобнымъ малороссійской коллегіи, и самая Земля Донскаго войска включена въ составъ Азовской губерніи, чѣмъ какъ бы давалось знать, что ея населеніе должно вступить въ кругъ всеобщаго русскаго гражданства, когда обстоятельства сдѣлаютъ не нужнымъ болѣе существованіе здѣсь казачества.

Но самый сильный ударъ нанесенъ былъ казачеству въ лицѣ Запорожья, этого „корени казачьяго". Съ того времени какъ Крымъ пересталъ быть опаснымъ Россіи, а недоразумѣнія между нами и Турціей рѣшались регулярными арміями, Запорожцы сдѣлались безполезны. Эта дикая вольница, напротивъ того, становилась для правительства причиною большихъ затрудненій: гайдамачество Запорожцевъ безпрестанно и безъ всякой пользы раздражало Польшу и еще недавно втянуло Россію въ войну съ Турціей. Запорожская община не хотѣла принять ни одного новаго понятія, ни отказаться отъ малѣйшаго изъ своихъ преданій. Поэтому всѣ послѣдовательныя правительства послѣ Петра I неблагосклонно смотрѣли на Запорожье, а со второй половины XVIII вѣка началось систематическое стѣсненіе ихъ правъ. На землѣ, которую казаки считали своею, войсковою, а не государственной, построена была, какъ мы знаемъ, (Вып. V, гл. VI) Елисаветинская крѣпость и поселены славянскіе выходцы; кошевой атаманъ былъ подчиненъ Кіевскому генералъ-губернатору и т. п. Запорожцы видѣли, что правительство намѣрено внести преобразованія въ ихъ старинный бытъ и, не понимая необходимости измѣненій въ немъ, были недовольны. При началѣ послѣдней Турецкой войны, происходили тайныя сношенія между Запорожской стар-

шиною и Крымскимъ ханомъ; по крайней мѣрѣ, видно изъ недавно опубликованныхъ бумагъ Румянцева, что онъ тогда же обращалъ на это обстоятельство вниманіе Государыни; а потому, какъ только война окончилась, она рѣшилась навсегда развязаться съ Запорожьемъ и прекратить его существованіе, какъ войска и особливаго сословія.

По окончаніи войны, запорожскіе депутаты прибыли въ Петербургъ съ жалобами на неправильное занятіе ихъ земель славянскими и другими переселенцами. Они расчитывали теперь на сильное при дворѣ покровительство Потемкина, который (подобно многимъ извѣстнымъ генераламъ) вписался рядовымъ казакомъ въ одинъ изъ запорожскихъ куреней и принялъ имя *Грицка Нечосы*. Къ нему-то и обратились съ своими жалобами запорожскіе депутаты, увѣренные, что „свой своему по неволѣ братъ". Но они горько ошиблись. *Грицко* балагурилъ съ своими побратимами, а между тѣмъ отъ него уже послано было приказаніе генералу Текелли, начальнику одного изъ отрядовъ возвращавшихся съ Дуная, вступить въ Запорожье и обезоружить казаковъ.

Распоряженіе это было исполнено въ точности. Одновременно, но съ разныхъ сторонъ, нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ вступили въ запорожскія земли и окружили ихъ, прежде нежели тамъ замѣтили опасность. Замѣтивъ ее наконецъ, казаки сбѣжались *въ кругъ*; иные хотѣли защищаться, другіе, понуривъ головы, указывали на наведенныя противъ нихъ пушки... Поспоривъ и пошумѣвъ „товариство" рѣшилось покориться. Кошевой атаманъ Колнишевскій и нѣсколько другихъ изъ числа старшины, заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ Татарами, были арестованы и отправлены въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ; войску было

со стороны кавказскихъ горцевъ, на низовьяхъ Кубани образовано было, нѣсколько лѣтъ послѣ уничтоженія Сѣчи, новое казачье войско подъ именемъ Черноморскаго. Охотники изъ прежнихъ Запорожцевъ явились на вызовъ правительства въ большомъ числѣ и перенесли свои старыя преданія на новое попелище, гдѣ имъ открылось широкое поприще для новыхъ заслугъ передъ отечествомъ.

XIV.

Князь А. А. Вяземскій. — Новое Учрежденіе о губерніяхъ (1775). — Сравненіе его съ прежнимъ провинціальнымъ устройствомъ. — Дворянская Грамота и Городовое Положеніе (1785). — Намѣстники и губернаторы. — Сиверсъ. — Екатерина желаетъ единствомъ управленія стереть опасныя особенности нѣкоторыхъ областей. — Нововведенія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Всѣ части государственнаго управленія были разсмотрѣны коммиссіей уложенія или комитетами, которые были оставлены послѣ ея распущенія. Судъ, администрація, управленіе казенными имуществами и разнаго рода поборами, устройство разныхъ сословій и корпорацій, — все это было разсмотрѣно, обсужено и представлено съ предположеніями о мѣрахъ для улучшенія. Оставалось воспользоваться этими работами; ими и воспользовались: начиная съ 1775 г., послѣдовалъ рядъ законодательныхъ мѣръ величайшей важности.

Главнымъ помощникомъ Екатерины въ этомъ дѣлѣ былъ кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій. Онъ обратилъ на себя вниманіе Императрицы строго и честно произведеннымъ слѣдствіемъ о безпорядкахъ, происходившихъ на горныхъ заводахъ еще за нѣсколько лѣтъ до Пугачевщины. Предоставивъ доканчивать дѣло

начатое Вяземскимъ, Бибикову, Государыня вызвала его въ Петербургъ и назначила генералъ-прокуроромъ вмѣсто Глѣбова, человѣка способнаго, трудолюбиваго, но преданнаго интригамъ и лихоимству. „Я весьма люблю правду,—писала она новому генералъ-прокурору при его назначеніи,—и вы можете ее говорить, не боясь ничего и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что всѣ васъ почитаютъ за честнаго человѣка; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что и у двора люди съ сими качествами живутъ благополучно.“

Генералъ-прокурорская должность, какъ она была установлена Петромъ I, имѣла чрезвычайную важность. Если сенатъ долженъ былъ какъ бы замѣнять особу государя во время его отлучекъ изъ столицы, если въ немъ сходились всѣ отрасли внутренняго управленія и если онъ обязанъ былъ наблюдать за всѣми ними, то генералъ-прокуроръ, будучи „окомъ и ухомъ государевымъ,“ до нѣкоторой степени господствовалъ и надъ сенатомъ. Послѣ Петра правительственное значеніе сената понизилось; Екатерина находила однакожь, что онъ все еще имѣетъ слишкомъ много власти, что онъ стѣсняетъ дѣятельность коллегій и другихъ подчиненныхъ ему мѣстъ, а иногда присвоиваетъ себѣ власть законодательную. „Россійская Имперія,—писала она въ инструкціи Вяземскому, — столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей.“ А такъ какъ она находила притомъ, что сенатъ не оправдывалъ своего чрезмѣрнаго перевѣса въ государственномъ управленіи ни особыми способностями, ни трудолюбіемъ своихъ членовъ, которые спорили не столько въ видахъ разъясненія дѣлъ, сколько по побужденію личныхъ между собою неудовольствій, то Госу-

дарыня желала, чтобъ ея генералъ-прокуроръ господствовалъ надъ партіями, раздѣлявшими сенаторовъ и уравновѣшивалъ своимъ вліяніемъ ихъ разногласія.

Таково было преобладающее положеніе генералъ-прокурора въ сенатѣ; если же примемъ во вниманіе, что въ сенатѣ сосредоточивалось все внутреннее управленіе государствомъ,--и судъ, и администрація, и финансы, и что доклады обо всемъ этомъ представлялись Императрицѣ не иначе какъ черезъ генералъ-прокурора, то увидимъ, что князь Вяземскій былъ поставленъ почти въ положеніе перваго министра; изъ-подъ его вліянія были изъяты только дѣла по внѣшнимъ сношеніямъ и военныя, по коимъ Панинъ и Чернышевъ, а потомъ Потемкинъ имѣли прямой доступъ къ Императрицѣ. Ему же было поручено разсмотреніе законодательныхъ работъ, подготовленныхъ коммиссіей уложенія, то есть, указана первая роль въ предположенныхъ преобразованіяхъ была ему предоставлена.

Онъ приступилъ къ нимъ съ большою энергіей и первымъ плодомъ его трудовъ было (1775 г.) положеніе, или „Учрежденіе" о Губерніяхъ *). Число губерній было значительно увеличено Екатериной. Она постановила, чтобъ губернія заключала въ себѣ не болѣе 400000 жителей; только при пространствѣ, соотвѣтствующемъ этому количеству населенія, признавалось возможнымъ губернатору или намѣстнику имѣть надзоръ за всѣми частями управленія, такъ какъ въ лицѣ главныхъ начальниковъ

*) Учрежденіе о губерніяхъ остается въ главныхъ чертахъ и донынѣ въ своей силѣ: за исключеніемъ земскихъ учрежденій и новаго судебнаго устава, — славныхъ памятниковъ настоящаго царствованія, — провинціальная администрація, равно какъ и разграниченіе губерній мало измѣнились.

губерній или намѣстниковъ, сосредоточено было вліяніе на всѣ части управленія. Мы видѣли (Вып. III, гл. II), что еще Петръ положилъ начало раздѣленію между администраціей, или распорядительною властью и властію судебной; но новый введенный имъ принципъ былъ слишкомъ тонкаго свойства и слишкомъ новъ у насъ, чтобы получить серіозное приложеніе. Немедленно послѣ смерти Петра возникла мысль о необходимости, по прежнему, подчинить губернатору всѣ части губернскаго управленія, какъ онѣ были подчинены нѣкогда намѣстнику. Защитники этой мысли говорили, что несравненно легче высшему правительству найти одно лицо, достойное полнаго довѣрія, которому и предоставить весьма обширную власть и всеобщій надзоръ въ извѣстной части Имперіи, нежели ввѣрять неизвѣстнымъ людямъ важное право суда и окончательнаго приговора. Такая мысль была практически справедлива. Люди охотнѣе шли къ воеводѣ, чѣмъ въ нижній земскій судъ ужъ потому одному, что воевода могъ рѣшить дѣло тутъ же, немедленно, тогда какъ судебныя обрядности обрекали тяжущихся на нескончаемыя проволочки. Такъ дѣлается и теперь еще въ восточныхъ государствахъ; такъ дѣлалось нѣкогда и въ Западной Европѣ.

Между тѣмъ для того, чтобъ судья былъ прозорливъ и правдивъ, нужно основательное юридическое образованіе и нужно, кромѣ того, чтобъ судья могъ не опасаться непріятностей за произнесеніе приговора, который, основанъ будучи на законѣ, можетъ однакожь быть несогласенъ съ видами лицъ власть имѣющихъ; только тогда народъ получитъ увѣренность, что надъ нимъ блюдетъ высшая, безусловная правда, и только при этомъ условіи можетъ развиться чувство закон-

ности въ народѣ, правдивость во взаимныхъ отношеніяхъ между гражданами и уваженіе со стороны каждаго изъ нихъ ко всѣмъ.

По новому учрежденію о губерніяхъ, суды были совершенно отдѣлены отъ учрежденій административныхъ (губернскихъ правленій и пр.); тѣмъ не менѣе намѣстнику вмѣнено было въ обязанность блюсти за точнымъ со стороны суда приложеніемъ законовъ; намѣстнику было запрещено наказывать безъ суда, но полиція, которая прямо была ему подчинена, имѣла право наказывать за нарушеніе благочинія, порочныя дѣйствія и мелкіе проступки. „Намѣстникъ не есть судія,—сказано въ положеніи,—но оберегатель изданнаго узаконенія, ходатай за пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ". Здѣсь очевидно просвѣчиваетъ та же мысль, которая была высказываема и въ прежнее время, т.-е, что скорѣе можно найдти благонадежнаго губернатора или намѣстника, чѣмъ большое число судей, нужныхъ для судебныхъ учрежденій цѣлой губерніи. Можетъ быть и при Екатеринѣ подобное соображеніе не лишено было основанія; но, съ другой стороны, при такихъ условіяхъ судъ не могъ пріобрѣсти необходимой для него самостоятельности, и это тѣмъ болѣе, что губернаторами и намѣстниками были самые важные, самые сильные сановники: Потемкинъ, Чернышевъ, фельдмаршалы Румянцевъ, Голицынъ. и т. п. Могъ ли какой-нибудь уѣздный судья противиться не только ихъ приказанію, но даже самомалѣйшему желанію ихъ?

По новому учрежденію о губерніяхъ распорядительная власть была сосредоточена въ губернскомъ правленіи и въ полиціи; суды, учрежденные во всѣхъ городахъ Имперіи, въ числѣ значительно увеличенномъ противъ прежняго, имѣли высшія инстанціи въ губернскихъ городахъ

и, наконецъ, въ сенатъ, куда дѣла, по жалобѣ обвиненныхъ, могли быть постепенно передаваемы. Завѣдываніе государственными доходами было поручено казеннымъ палатамъ, а для того чтобъ облегчить взносы подушныхъ и другихъ повинностей, открыты были казначейства въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Всѣ эти учрежденія не были прямо подчинены губернатору, но какъ сказано, всѣ они находились подъ его вліяніемъ и надзоромъ.

Закодательство коснулось также отношеній частныхъ лицъ ко власти и впервые въ Россіи организовало различныя сословія. Это важное нововведеніи получило окончательное устройство изданіемъ такъ называемыхъ *дворянской грамоты* и *городоваго положенія*, которыя хотя были изданы въ 1785 году, но здѣсь удобно ихъ разсмотрѣть въ совокупности съ положеніями, вошедшими въ учрежденіе о губерніяхъ. Дворянство было признано особымъ, и притомъ первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Въ грамотѣ, которая была по этому случаю издана, возвѣщалось, что Русскій народъ, который своими усиліями создалъ Имперію, постоянно находилъ въ продолженіе 800 лѣтъ, большею частію въ средѣ своего дворянства, предводителей и вождей, за коими, а потомъ и за потомками этихъ вождей и предводителей утвердились съ давнихъ временъ недвижимыя имѣнія, гербы и вообще нѣкоторыя наслѣдственныя особенности и отличія. „Дворянское званіе, — сказано въ грамотѣ, — есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, — чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное“; поэтому, — заключала Государыня, — „да пребудетъ на вѣки благо-

родное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются, а равно и тѣмъ, которые пріобрѣли бы его заслугами отечеству". Лишиться своего потомственнаго званія дворянинъ могъ лишь по суду и за преступленія, которыя признаны были несовмѣстными съ этимъ званіемъ, неиначе при томъ, какъ по разсмотрѣніи дѣла въ сенатѣ и по высочайшей конфирмаціи. Дворянству дано было исключительное право владѣть населенными имѣніями, но ему предоставлялось заниматься промыслами и производствами, которыя, по понятіямъ господствовавшимъ въ Западной Европѣ еще и въ описываемое время, составляли принадлежность людей торговыхъ. Съ другой стороны „Россійское дворянство, — сказано въ грамотѣ, данной этому сословію, — зависимо есть отъ безопасности отечества и престола: и для того во всякое таковое Россійскому самодержавію нужное время, когда служба дворянская общему добру нужна и надобна, тогда всякій благородный дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ самодержавной Власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы государственной".

Разсматривая дворянскую грамоту мы находимъ, что она, ничего не прибавляя и не отнимая, подтверждала и включала въ число основныхъ законовъ государства тѣ отличія, которыя были выработаны для русскаго дворянства предшествующими временами, особенно съ Петра I. Но важною особенностію законодательства Екатерины было то, что оно организовало дворянство въ особливое, довольно самостоятельное и первенствующее сословіе. Въ извѣстные сроки и для извѣстныхъ цѣлей предоставлено было дворянамъ съѣзжаться по губерніямъ и составлять *общество*, — не иначе однакожъ какъ по по-

зыву намѣстника. Эти дворянскія общества получили право дѣлать намѣстнику и даже сенату и самой Верховной Власти представленія о своихъ нуждахъ и пользахъ, — тогда какъ по Уложенію царя Алексѣя, всякое совокупное ходатайство признавалось „скопомъ и заговоромъ“. Этимъ обществамъ дано было право имѣть выбранныхъ изъ своей среды представителей или *предводителей*, голосъ которыхъ долженствовалъ быть не безъ значенія въ глазахъ администраціи; наконецъ, изъ числа дворянъ, и при томъ по выбору дворянскихъ собраній, замѣщались должности по судебной и полицейской части, такъ что значительная доля провинціальной администраціи отдавалась въ руки дворянства.

Подобно дворянству, особымъ сословіемъ признано было купечество съ мѣщанствомъ, или городскіе обыватели. Каждый городъ получилъ отдѣльное устройство и управленіе; жители его составляли передъ закономъ особую единицу, — *общество*, представителемъ котораго былъ выборный *голова*. Голова же предсѣдательствовалъ въ присутственномъ мѣстѣ, образованномъ подъ именемъ *думы* или *ратуши*, для управленія городскимъ хозяйствомъ и дѣлами городскаго общества. Городскому обществу предоставлено было собираться въ опредѣленные сроки, подобно какъ и дворянамъ, но съ правомъ ходатайствовать лишь предъ намѣстникомъ о своихъ нуждахъ. Какъ дворянскимъ, такъ и городскимъ обществамъ были дарованы особые гербы и разрѣшено завести книги для вписыванія дворянскихъ и торговыхъ или промышленныхъ родовъ. Тѣмъ и другимъ обществамъ было вмѣнено въ обязанность пещись о вдовахъ и сиротахъ своихъ сословій и даже открыты были особыя учрежденія (опеки и сиротскіе суды),

подъ предсѣдательствомъ предводителей и головъ, для наблюденія, чтобъ имущество сиротъ не расхищалось.

Таковы въ главныхъ чертахъ важныя узаконенія, извѣстныя подъ именемъ дворянской грамоты и городскаго положенія. Они завершали долгій рядъ мѣръ, помощію коихъ правительство, начиная съ Петра стремилось, *во первыхъ*, создать для дворянъ особое, первенствующее положеніе, *а во вторыхъ*, образовать въ средѣ народа особыя сословія или корпораціи, подобно тому, какъ онѣ издавна существовали на Западѣ. Главною обязанностію первенствующаго сословія была государственная служба, а занятіемъ — сельское хозяйство, втораго — торговля и промышленность. При этомъ дворянамъ не было однакожъ запрещено заниматься торговлею и промыслами, а горожанамъ владѣть землею (не населенною) и вступать въ службу: законодатель не позволилъ себѣ на столько отклониться отъ характера всей русской исторіи, чтобъ образовать непреоборимыя преграды между различными группами гражданъ. Но это раздѣленіе народа на сословныя группы, хотя и не разъединенныя неодолимыми преградами, снабженныя однакожъ особыми правами и отдѣльнымъ одна отъ другой существованіемъ, глубоко противорѣчили коренному, старинному строю нашего отечества (Вып. II, гл. VIII); это было заимствованіе сдѣланное у Западной Европы, и, — замѣтимъ, — сдѣланное несвоевременно, потому что въ концѣ XVIII вѣка сама Западная Европа начинала чувствовать неправильность такого устройства и стремиться къ слiянію всѣхъ сословій въ одномъ, всѣмъ имъ общемъ качествѣ гражданъ. Послѣдствія доказали, что нужно было организовать *земство*, а не сословія: сословныя общества не обнаружили той внутренней силы,

той дѣятельности и не принесли той пользы, которой, по видимому, ожидали. При томъ, собираясь въ три года разъ, люди одного сословія встрѣчались между собою какъ чужіе, особенно же дворяне, которые должны были съѣзжаться въ губернскій городъ иногда изъ очень далекихъ частей губерніи: — а при такихъ условіяхъ, не представлялось удобствъ изучать общественныя потребности, не могло развиться умѣніе обсуждать ихъ, не было поводовъ желать принимать участіе въ этихъ собраніяхъ. Вотъ почему мы замѣчаемъ въ сословныхъ собраніяхъ такъ же мало жизни, какъ въ судахъ — самостоятельности.

За то съ другой стороны, администрація обнаружила въ это время большую и,—надо быть справедливыми,— полезную дѣятельность. Екатарину справедливо прославляютъ за ея умѣнье выбирать людей. Большая часть ея намѣстниковъ были люди замѣчательные. Она предоставляла имъ обширную власть, но за то много и требовала отъ нихъ. Въ инструкціи, данной ею новгородскому губернатору (еще до введенія вышесказанныхъ преобразованій), ему поручалось обратить вниманіе на земледѣліе и совѣтами и убѣжденіями склонять помѣщиковъ къ совершенствованію своихъ хозяйствъ. „Не стыдно ли, — читаемъ мы въ этой инструкціи, — что новгородскій ленъ отвозится сырьемъ, а не выдѣлывается въ полотно на русскихъ фабрикахъ?“ Губернаторъ долженъ былъ обращать вниманіе и на всѣ отрасли народнаго богатства, содѣйствуя ихъ развитію совѣтами, оказаніемъ различнаго рода пособій и, наконецъ, содержаніемъ въ надлежащей силѣ изданныхъ въ прежнія времена, а особенно при Петрѣ, на этотъ предметъ указовъ. Онъ долженъ былъ заботиться объ исправности существующихъ путей со-

верса были обильныя мысли объ улучшеніяхъ, въ которыхъ край нуждался и о которыхъ онъ со всею откровенностію писалъ Императрицѣ.

Преобразованіе губерній началось съ 1775 года и исподволь обхватило всю Россію. Древняя Россія была небогата городами; ихъ, можно сказать, вовсе не было у насъ, со времени уничтоженія вѣчевыхъ собраній, въ томъ смыслѣ, какой имъ придается въ западной Европѣ, гдѣ города суть издревле центры торговой и промышленной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельныя общины, которыя сами управляютъ своими дѣлами. Самоуправленія не было, какъ извѣстно, въ городахъ Московскаго царства; какъ въ отношеніи административномъ, такъ и въ отношеніи образа жизни своихъ обитателей и ихъ занятій, да и въ отношеніи даже наружнаго своего вида, наши города мало отличались отъ селъ. Тѣже деревянныя, нерѣдко крытыя соломой дома, таже наклонность жителей къ земледѣлію преимущественно передъ ремеслами, такъ что нѣкоторыя большія торговыя села были и богаче и оживленнѣе многихъ городовъ. Новое городовое положеніе должно было произвести въ этомъ отношеніи нѣкоторую перемѣну. Изъ числа вышеупомянутыхъ селъ, 216 было обращено Екатериной въ города, которые, при преобразованіи провинціальнаго управленія, сдѣлались центрами городскихъ и уѣздныхъ управленій. Это должно было, казалось, сообщить городамъ нѣкоторое оживленіе. Государыня сверхъ того заботилась объ устройствѣ ремесленныхъ цѣховъ, во многихъ городахъ открыты были банковыя конторы, — словомъ, для городовъ сдѣлано было довольно много въ царствованіе Екатерины; но вообще говоря, они мало развились и долго еще сохраняли свой сельскій характеръ. Главнѣйшими

тому причинами надо, кажется, полагать 1) малолюдство Россіи въ сравненіи съ ея пространствомъ, которое препятствовало людямъ соединяться въ большія группы и затрудняло торговлю; 2) крѣпостное право, которое допускало помѣщиковъ, какъ главныхъ потребителей, имѣть всякаго рода мастеровыхъ изъ своихъ дворовыхъ людей, а слѣдовательно отнимало у горожанъ возможность заниматься ремеслами съ выгодой, и наконецъ 3) большое преобладаніе административной власти, бороться съ которою не пріучила горожанъ предшествующая исторія.

Учрежденія, вносившія преобразованія въ бытъ городовъ и земства, были распространены на всю вообще Россію; они были введены и тамъ, гдѣ до того существовали особыя учрежденія, какъ напримѣръ, въ Малороссіи, казачьихъ войскахъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ. Государыня была убѣждена, что вводимыеею порядки хороши и слѣдовательно не видѣла причины дѣлать изъятій. Она понимала, что нельзя вовсе не обращать вниманія на вѣковыя привычки народонаселеній въ той или другой мѣстности, но понимала и то, что особыя права и учрежденія поддерживаютъ разобщенность, которая замѣчалась между коренными частями Россіи и областями, въ разное время къ ней присоединенными. „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія,—писала она въ помянутой инструкціи князю Вяземскому,—суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма не пристойно было бы; однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостію. Сіи провинціи, а также Смоленскую, надлежитъ привести легчайшими

способами къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу".

Съ этой цѣлію Малороссія была уравнена съ прочими частями Имперіи относительно управленія; она была раздѣлена на губерніи, въ которыхъ введено было и общее губернское устройство, хотя нѣкоторыя особенности, освященныя временемъ и обычаемъ (напримѣръ, законы о наслѣдствѣ) и были тамъ оставлены. Тоже самое, какъ мы уже знаемъ, принято было и относительно Бѣлорусскихъ губерній, а отчасти и относительно Прибалтійскихъ, въ которыхъ существовало болѣе нежели гдѣ-либо мѣстныхъ особенностей. Къ сожалѣнію, система, которой держалась Екатерина въ отношеніи новоприсоединенныхъ областей, была измѣнена послѣ ея смерти; поэтому о степени ея полезности трудно привести положительныя доказательства; можно замѣтить однакожь, что нынѣшнія Витебская и Могилевская губерніи несравненно болѣе обрусѣли, чѣмъ другія, позднѣе присоединенныя отъ Польши и состоявшія подъ общимъ управленіемъ меньшее время. Что касается до Смоленской губерніи, то въ наше время многіе не безъ удивленія узнаютъ, что она заключала въ себѣ сто лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя особенности, сравнительно съ прочими частями Россіи, и конечно не найдется въ ней человѣка который бы пожалѣлъ объ утратѣ ею этихъ особенностей. Почти тоже можно сказать о Малороссіи и казачествѣ: позабывъ тѣ особенности, которыя побуждали ихъ считать себя чѣмъ-то чуждымъ Россіи, они внесли свои силы въ общую государственную и народную жизнь, дали общему отечеству государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, литераторовъ, свою долю умственнаго и матеріальнаго развитія; благосостояніе частное и интересы государственные сдѣла-

лись между ними всѣми общи, нераздѣльны, и каждая часть цѣлаго находитъ нынѣ себѣ поддержку во всѣхъ прочихъ.

Подобныхъ же послѣдствій можно было, по видимому, надѣяться и въ отношеніи Бѣлоруссіи; польское дворянство начинало, какъ сказано, сближаться съ новымъ своимъ отечествомъ. Не замѣчалось этого со стороны лишь дворянства Прибалтійскаго края.

Мы уже видѣли (Вып. V, гл. II), что населеніе этого края состояло изъ туземцевъ Финскаго племени и изъ пришлыхъ завоевателей, Германцевъ. Между тѣми и другими не было ни малѣйшаго племеннаго сходства, равно какъ не было ничего общаго между языкомъ тѣхъ и другихъ. Съ другой стороны, какъ туземцы такъ и ихъ завоеватели не имѣли ничего общаго съ Россіей ни въ отношеніи языка, ни въ отношеніи происхожденія; а такъ какъ все значеніе и вся власть предоставлены были старинными уставами Остзейскаго края дворянству и небольшому числу горожанъ, то интересъ господствующихъ сословій побуждалъ ихъ не допускать края до сближенія съ Россіей, а напротивъ, поддерживать упорно всѣ его особенности. Но еслибъ господство высшихъ сословій германскаго происхожденія въ Остзейскомъ краѣ продолжалось неопредѣленное время, то мало-по малу весь этотъ край, можно предполагать, сдѣлался бы германскимъ: а въ такомъ случаѣ не представлялось ли опасности, что онъ будетъ тяготѣть къ Германскимъ государствамъ, вмѣсто Россіи, что онъ станетъ въ такое же положеніе относительно какой-нибудь сосѣдней Германской державы, въ какомъ была Малороссія или Бѣлоруссія относительно Польши? Во время слабыхъ преемниковъ Петра Великаго, остзейское дворянство и магистраты нѣкото-

рыхъ остзейскихъ городовъ захватили много власти, не предоставленной имъ законами, и эта власть клонилась къ еще большему подчиненію другихъ сословій въ краѣ и къ ослабленію въ немъ русскаго вліянія. Такъ, напримѣръ, вслѣдствіе домогательства тамошняго дворянства, казенныя имѣнія въ краѣ стали поступать въ арендное содержаніе исключительно только мѣстнымъ дворянамъ, въ ущербъ всѣмъ другимъ русскимъ подданнымъ; дворянство Остзейскаго края присвоило себѣ право баллотировать въ своихъ собраніяхъ каждаго, желающаго купить тамъ имѣніе, то-есть сдѣлаться остзейскимъ дворяниномъ. Такимъ образомъ, тогда какъ помѣщику Орловской, напримѣръ, губерніи не предстояло ни малѣйшаго затрудненія пріобрѣсть имѣніе въ какой бы то ни было части Россіи и вписаться въ среду нижегородскаго, полтавскаго или инаго дворянства, Остзейскій край составлялъ исключеніе; русскій помѣщикъ долженъ былъ просить о допущеніи его сдѣлаться лифляндскимъ или эстляндскимъ дворяниномъ, тогда какъ, наоборотъ, для помѣщика этихъ губерній не было ни малѣйшихъ ограниченій относительно права пріобрѣтать имѣнія въ остальной Россіи и вписываться въ дворянскія общества. Такія исключительныя преимущества, соединенныя съ правомъ принимать болѣе широкое участіе въ дѣлахъ края, нежели предоставлялось русскимъ дворянскимъ собраніямъ, сдѣлали то, что Остзейскій край могъ казаться русскимъ дворянамъ особымъ, чужимъ, и при томъ привилегированнымъ государствомъ и что остзейскіе ландтаги (сеймы) стали выдавать нѣкоторымъ русскимъ вельможамъ остзейскіе дворянскіе дипломы, какъ знакъ отличія и почета. Въ подобное же положеніе стали нѣкоторые города края, особенно Рига. Все управленіе этими городами находилось въ рукахъ

небольшаго числа старинныхъ и богатыхъ купеческихъ фамилій и доступъ въ ихъ среду многочисленнымъ русскимъ купцамъ, поселившимся въ Ригѣ, былъ рѣшительно возбраненъ. Дѣлопроизводство происходило какъ въ городахъ, такъ и въ земствѣ, не иначе какъ на нѣмецкомъ языкѣ, который такимъ образомъ сдѣлался обязательнымъ не только для Эстовъ и Латышей, но даже и для Русскихъ, имѣвшихъ тамъ дѣла и торговыя конторы. Вотъ почему Екатерина и обращала особенное вниманіе князя Вяземскаго на Остзейскій край; вотъ почему также въ ея царствованіе было сдѣлано много усилій съ цѣлію, распространить въ этомъ краѣ изученіе русскаго языка. Но всѣ эти усилія встрѣчали весьма сильное противодѣйствіе. Богатые города посылали въ Петербургъ деньги и подарки, знатные дворяне пользовались своими связями, чтобъ ослабить значеніе Екатерининыхъ нововведеній; интриговали, даже клеветали, обзывали князя Вяземскаго,—строгаго исполнителя видовъ Императрицы, — взяточникомъ, печатали и распространяли брошюры, съ протестами противъ нововведеній и между прочимъ одну изъ нихъ представили императору Іосифу, во время проѣзда его черезъ Ригу, съ просьбою довести ее до свѣдѣнія Императрицы и быть ихъ ходатаемъ. Но всѣ эти домогательства не имѣли успѣха пока царствовала Екатерина. Но, повторяемъ, послѣ ея смерти система перемѣнилась; какъ въ Западномъ такъ и Прибалтійскомъ краѣ стремленіямъ къ обсобленію въ отношеніи управленія и языка не оказывалось противодѣйствія въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ.

XV

Новороссійскій край. — Дѣятельность Потемкина. — Безпорядки въ Крыму. — Сношенія съ Грузіей. - Устройство Линіи на Терекѣ и Кубани. — Политическое положеніе Европы. — Участіе Россіи въ вопросѣ о Баварскомъ наслѣдствѣ. — Понятія о свободѣ торговли на моряхъ. — Вооруженный Нейтралитетъ (1780). — Смерть графа Н. И. Панина.

При учрежденіи губерній, изъ Новой Россіи, земель бывшаго Запорожья и нѣкоторыхъ другихъ смежныхъ съ ними пограничныхъ земель, образовано было намѣстничество, управленіе которымъ было ввѣрено Потемкину. Это былъ край, совершенно дикій, чрезвычайно бѣдный населеніемъ, но онъ заключалъ въ себѣ большіе задатки для развитія. Его прорѣзываютъ Донъ, Днѣпръ, Ингулъ и Бугъ, — большія, судоходныя рѣки, по которымъ хлѣбныя и другія богатства Россіи могли отнынѣ устремиться къ Черному Морю и по теченію которыхъ должны были въ непродолжительномъ времени возникнуть и жизнь и поселенія; почва этого края принадлежитъ къ числу самыхъ плодоносныхъ въ Россіи и требовала только рукъ и трудовъ, чтобъ одними своими произведеніями (не говоря о тѣхъ, которыя двинулись бы изъ внутреннихъ губерній) дать обильную пищу торговлѣ.

Такимъ образомъ дѣятельности новаго намѣстника открывалось широкое поприще, и полное довѣріе къ нему Императрицы предоставило въ его распоряженіе всѣ необходимыя средства, чтобъ вызвать къ жизни этотъ прекрасный, но нетронутый жизнію край. Прежде всего надо было заселить его. На огромномъ пространствѣ, почти равномъ нынѣшнимъ Херсонской и Екатеринославской губерніямъ вмѣстѣ, по окончаніи Первой Турецкой войны, числилось не болѣе

100,000 жителей, — Запорожцевъ, рѣшившихся приняться за плугъ, перешедшихъ на эти земли въ разное время крестьянъ и выходцевъ изъ австрійскихъ и турецкихъ владѣній. Но откуда двинуть въ этотъ край колонизацію? Еслибы къ Новороссіи примыкали густо населенныя области, массы колонистовъ не замедлили бы хлынуть въ ея плодоносныя пустыни; но къ ней примыкали весьма небогатыя въ то время населеніемъ Малороссія и Воронежская губерніи, да и всѣ прочія, даже самыя многолюдныя части Россіи, далеко не имѣли такого избытка въ населеніи, чтобъ изъ нихъ могла двинуться свободная колонизація. Но въ средѣ Русскаго народа издавна было много непосидчивыхъ, безпокойныхъ людей, которые постоянно жаловались на тѣсноту, неохотно подчинялись порядку и всегда рады были двинуться „на вольныя мѣста". Преданіе гласитъ, что Потемкинъ открылъ свободный входъ въ Новороссійскія степи для разнаго сорта безпаспортныхъ людей, которые и получили тамъ осѣдлость. Императрица раздала въ Новороссіи обширныя земли нѣкоторымъ изъ своихъ сановниковъ, между прочимъ самому Потемкину, Вяземскому и др. Понимая, что эти земли не принесутъ имъ ни малѣйшей пользы безъ рабочихъ рукъ, новопожалованные помѣщики перевели туда крестьянъ изъ другихъ своихъ имѣній и завели въ нихъ хлѣбопашество въ огромныхъ размѣрахъ, а глядя на нихъ, и бывшіе Запорожцы, перебравшись въ свои зимовники изъ разрушенной Сѣчи, занялись воздѣлываніемъ утвержденныхъ за ними, вообще обширныхъ, но до того времени непроизводительныхъ земель.

Изъ внутреннихъ губерній въ Новороссію переселены были массы государственныхъ крестьянъ, принято было много Грековъ, не желавшихъ, послѣ участія въ войнѣ

противъ Турокъ, оставаться подъ ихъ властію; вызваны были также земледѣльцы изъ Германіи; множество Армянъ, издавна проживавшихъ въ Крыму, получили земли по берегамъ Азовскаго моря. Словомъ, никакія средства для заселенія края не были пренебрежены, и по истеченіи восьми лѣтъ, въ немъ насчитывалось уже болѣе полумилліона жителей.

Потемкинъ принялся за устройство ввѣреннаго ему намѣстничества съ тою пылкостію и страстностію, которыя его отличали, и сдѣлалъ для него очень много въ короткое время. Среди Новороссійскихъ степей Потемкинъ является совершенно не тѣмъ человѣкомъ, какимъ его изображаютъ и какимъ онъ дѣйствительно былъ въ Петербургѣ. Онъ проводилъ большую часть года въ разъѣздахъ, осматривалъ мѣста для предполагаемыхъ городовъ, указывалъ направленіе будущихъ дорогъ, ночуя, то въ какомъ-нибудь пограничномъ укрѣпленьицѣ, то на фермѣ иностранца-колониста, то просто въ кибиткѣ, посреди голой степи. Неприступный въ Петербургѣ для вельможъ, въ Новороссіи онъ проводилъ долгіе часы въ бесѣдахъ съ людьми простаго званія, съ овцеводами, земледѣльцами, старыми Запорожцами. Обладая необыкновенными физическими силами, онъ не зналъ усталости и будучи увѣренъ въ одобреніи со стороны Императрицы, не хотѣлъ знать препятствій. Воля его была непререкаемымъ закономъ на всемъ пространствѣ ввѣреннаго ему края. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ, онъ остановился на фермѣ одного иностранца, построенной на дарованной ему землѣ при сліяніи Буга и Ингула. Эта мѣстность, при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ и вблизи моря, показалась Потемкину необыкновенно удобною для большаго торговаго города и для военной верфи.

Не думая долго, онъ заложилъ здѣсь верфь и городъ, который назвалъ Николаевымъ, а иностранцу-фермеру велѣлъ отвести землю въ другомъ мѣстѣ, по его выбору.

При такой неограниченной власти, при возможности черпать полной рукой изъ государственнаго казначейства на нужды края и при кипучей своей дѣятельности, Потемкинъ, повторяемъ, много сдѣлалъ въ короткое время. Онъ положилъ основаніе овцеводству, — промышленности, такъ широко развившейся въ Новороссіи; завелъ правильную разработку соли; поощрялъ земледѣліе, скотоводство, винодѣліе, шелководство, и въ тоже время, на верфяхъ Азовскаго моря, Днѣпра и Буга сооружалъ военный флотъ. Коротко сказать: когда, послѣ 12 лѣтъ управленія Потемкинымъ Новороссіей, возгорѣлась съ Турціей новая война, этотъ край, еще недавно бывшій пустыннымъ и дикимъ, изъ котораго Румянцевъ не въ состояніи былъ извлечь никакой пользы для своей арміи, снабжалъ армію Потемкина провіантомъ и перевозочными средствами, а созданный въ новороссійскихъ портахъ флотъ оспаривалъ славу у нашихъ сухопутныхъ войскъ. Зная это, станемъ ли мы искать иныхъ причинъ необыкновенной привязанности Императрицы къ Потемкину? Станемъ ли, вслѣдъ за многими его современниками, повторять, что пребываніе его въ Новороссійскомъ краѣ было почетнымъ изгнаніемъ, и будемъ ли изумляться, замѣчая, что когда онъ наѣзжалъ иногда въ Петербургъ изъ этого мнимаго изгнанія, всѣ любимцы, царедворцы и сановники стушевывались передъ нимъ, какъ звѣзды передъ солнцемъ? Потемкинъ и среди запорожскихъ степей былъ ближе къ Екатеринѣ всѣхъ прочихъ ея сановниковъ; между нимъ и ею не прерывался самый

дѣятельный обмѣнъ мыслей и ничего серіознаго Императрица не предпринимала, не посовѣтовавшись съ нимъ: „еслибъ ты былъ здѣсь,—писала она ему, ожидая разрыва со Швеціей, — я рѣшилась бы въ пять минутъ“.

Изъ того, что сейчасъ сказано о пользѣ, извлеченной изъ Новороссійскаго края во время Второй Турецкой войны, легко понять, почему устройству его Екатерина придавала особое значеніе. Дѣйствительно, съ судьбами этого края были связаны самые важные политическіе вопросы, занимавшіе въ это время Императрицу. Кучукъ - Кайнарджійскій миръ прекратилъ войну съ Турціей; но онъ не удовлетворилъ стремленіямъ къ независимости между подвластными Портѣ христіанами, которыя пробудили въ нихъ возванія Екатерины; съ своей стороны Екатерина, чувствовала, что на ней лежитъ нравственная обязанность докончить начатое ею дѣло, а Порта не хотѣла примириться съ тяжкими условіями трактата 1774 года.

Изъ нихъ самымъ тяжкимъ находила она признаніе независимости крымскаго хана. Султанъ и его министры очень хорошо понимали, что независимость Крыма, при столь близкомъ сосѣдствѣ Россіи, будетъ мнимая. Вотъ почему, едва подписанъ былъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, какъ въ Крыму уже появились турецкіе агенты. Султанъ какъ глава мусульманъ, сохранялъ свое духовное значеніе въ Крыму и послѣ признанія его независимости, а потому ему не трудно было между тамошнимъ духовенствомъ и мурзами образовать сильную партію, вліяніе которой не замедлило обнаружиться. Происками ея, преданный Россіи ханъ Сагибъ-Гирей былъ въ 1775 году свергнутъ съ престола и сдѣланъ ханомъ приверженецъ Турціи Девлетъ-Гирей. Но и партія преданная Россіи въ свою очередь на-

прягла свои силы и возвела Шагинъ-Гирея, свергнувъ его предмѣстника. Шагинъ-Гирей былъ искренно и несомнѣнно преданъ Россіи. Побывавъ во время молодости своей въ Венеціи и потомъ въ Петербургѣ и вкусивъ отъ удобствъ и наслажденій европейской жизни, Шагинъ, сдѣлавшись ханомъ, пожелалъ преобразовать и свое ханство на европейскій ладъ. Къ несчастію, у него не было необходимыхъ для этого способностей, да и задачу свою онъ понималъ совершенно поверхностнымъ образомъ. Онъ выписалъ изъ Петербурга повара, серебряный столовый сервизъ, одѣлъ свою прислугу въ ливрею; ввелъ преподаваніе русскаго языка въ татарскихъ школахъ и вызвалъ русскихъ и англійскихъ офицеровъ для командованія частями своей арміи. Все это раздражало подданныхъ Шагинъ-Гирея, которые неоднократно дѣлали попытки къ низверженію его съ престола. Русское правительство, съ своей стороны, не могло отказать ему въ поддержкѣ, но не могло и не видѣть, что подобный союзникъ очень ненадеженъ, что рано или поздно онъ лишится престола и что до того времени онъ успѣетъ возбудить въ Крыму ненависть противъ правительства его поддерживающаго, и тѣмъ самымъ усилить турецкую партію, искусно пользовавшуюся его ошибками.

Крымъ только мѣшаетъ намъ, писалъ Потемкинъ Императрицѣ; онъ открываетъ доступъ турецкимъ проискамъ на самой границѣ нашей и препятствуетъ намъ дѣйствовать противъ Турціи; онъ у насъ „какъ бородавка на носу". Вообразимъ, напротивъ, что Крымъ нашъ,—продолжалъ Потемкинъ,—„и положеніе дѣлъ тотчасъ измѣнится; господству нашему на Черномъ морѣ не будетъ болѣе никакихъ преградъ; по Бугу Турки съ нами граничатъ непосредственно, а потому и дѣла

грамму „Восточной Системы", которую онъ выработалъ еще во время Первой Турецкой войны. Когда же эта система была одобрена Государыней, то Потемкинъ, вѣдѣнію котораго былъ порученъ и весь край простиравшійся къ Востоку отъ земли Донскаго войска, поспѣшилъ принять мѣры, чтобы прочнымъ образомъ утвердиться у сѣвернаго подножія Кавказа и быть въ состояніи оттуда подать помощь христіанскому Закавказью. Кабарда, подобно Крыму, была признана, еще по Бѣлградскому миру (Цар. Анны, гл. V), страною „ни отъ кого, кромѣ Бога, независимою". Поэтому кабардинцы дѣлались отнынѣ сами отвѣтственными за свои дѣйствія; а такъ какъ это воинственное и хищническое племя издавна безпокоило смежныя съ нею русскія земли и даже станицы Донскихъ казаковъ, то вдоль Кубани и Терека начато было сооруженіе *Линіи*, то-есть ряда небольшихъ крѣпостей, а казачье войско издавна въ этихъ мѣстахъ находившееся, по распоряженію Потемкина (стр. 17) было усилено новыми переселенцами съ Волги и Дона и, позднѣе, изъ Запорожья. Такое сосѣдство, естественно, не нравилось Кабардинцамъ и другимъ смежнымъ съ ними горскимъ племенамъ, а Турція, съ своей стороны, подсылала къ нимъ своихъ эмиссаровъ. Кабардинцы и закубанскіе горцы, стали толпами переходить въ исламизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непріязненныя ихъ дѣйствія противъ сосѣднихъ русскихъ поселеній приняли ожесточенный характеръ. Но это въ свою очередь побуждало и Потемкина дать всевозможное развитіе здѣсь русскому могуществу; онъ отдалъ подъ команду Суворова войска, которымъ было ввѣрено охраненіе Кавказской линіи, и съ того времени здѣсь начались безпрестанныя сшибки, продолжавшіяся многіе десятки лѣтъ.

Всѣ эти дѣйствія въ Крыму, равно какъ на Кубани и Терекѣ, имѣли не двусмысленный характеръ непріязненности противъ Турціи и могли бы почесться неосторожными, еслибы положеніе, въ которомъ находилась въ то время западная Европа не оставляло русской политикѣ полной свободы дѣйствія на Востокѣ.

Миръ, положившій конецъ Семилѣтней войнѣ, не успокоилъ раздраженія между различными дворами; не было недостатка въ поводахъ старымъ враждамъ вспыхивать съ новою силой. Въ обширныхъ американскихъ колоніяхъ Англіи произошло въ 1773 году возстаніе, которое превратилось въ упорную войну между Американцами и Англичанами. Первые изъ нихъ, не имѣя ни регулярной арміи, ни организованнаго правительства, мужественно боролись нѣсколько лѣтъ противъ англійскихъ войскъ; но опасаясь наконецъ изнемочь, они обратились къ Франціи, — старинной соперницѣ Англіи,— съ просьбою о помощи. И политическія соображенія и общественное мнѣніе высказывались тамъ за Американцевъ. Франція, вмѣстѣ съ Испаніей, приняла участія въ Англо - Американской войнѣ, которая кончилась лишь въ 1783 году и во все это время связывала руки двумъ первенствующимъ западнымъ державамъ, неблагосклонно взиравшимъ на усиленіе русскаго вліянія на Востокѣ. Центральная Европа точно также была раздѣлена, а слѣдовательно и обезоружена соперничествомъ между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. Императрица Марія-Терезія, а еще болѣе сынъ ея Іосифъ II, не могли примириться съ мыслію о высокомъ положеніи, пріобрѣтенномъ Пруссіей и, сблизившись съ Россіей по поводу раздѣла Польши, дорожили этимъ сближеніемъ, въ виду всегда возможнаго разрыва съ Фридрихомъ. Что касается до послѣдняго,

то этотъ знаменитый государь, употребивъ слишкомъ двадцать лѣтъ своей жизни на расширеніе предѣловъ Пруссіи, посвящалъ остальные свои годы упроченію въ ней внутренняго благоустройства, съ цѣлію, залѣчить тяжелыя раны, нанесенныя предшествующими войнами. Между нимъ и Екатериной уже не было прежнихъ тѣсныхъ связей, установившихся по поводу польскихъ дѣлъ, но система миролюбія, усвоенная Фридрихомъ въ послѣдніе годы, ручалась, что неудовольствіе его на нашу политику въ отношеніи Турціи (не затрогивавшую прямо интересовъ Пруссіи), не перейдетъ отъ словъ къ дѣлу и ограничится дипломатическими представленіями.

Таково было положеніе первенствующихъ державъ Европы, а безъ ихъ содѣйствія и второстепенныя государства, хотя и непріязненныя намъ, — Швеція, Польша и Турція, — были не опасны. При томъ, въ то самое время, о которомъ теперь говорится, Россія имѣла два важные дипломатическіе успѣха, необыкновенно возвысившіе ея международное положеніе. Первымъ изъ нихъ было участіе ея въ примиреніи Австріи и Пруссіи и въ прекращеніи войны, которая уже началась было между ними. Поводомъ къ этой войнѣ былъ вопросъ о баварскомъ наслѣдствѣ. Въ 1777 году умеръ, не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, владѣтельный курфирстъ баварскій; вѣнскій дворъ, изыскивавшій всѣ средства, чтобъ вознаградить себя за удары, нанесенные ему Пруссіей и уравновѣсить новыми пріобрѣтеніями усиленіе этой державы, устроилъ съ курфирстомъ палитиномъ, ближайшимъ наслѣдникомъ баварскаго престола, сдѣлку, по которой этотъ послѣдній уступалъ Іосифу II большую часть баварскихъ земель, а вслѣдъ за этою сдѣлкой, австрійскія войска заняли пріобрѣтенныя такимъ обра-

зомъ земли. Между тѣмъ различныя претензіи, болѣе или менѣе основательныя, были предъявлены на эти земли нѣкоторыми второстепенными германскими владѣтелями, которые поспѣшили обратиться къ Фридриху съ просьбою, оградить ихъ права. Положеніе покровителя германскихъ князей и желаніе, не допустить усиленія вѣнскаго двора, побудили короля Прусскаго не только принять дипломатическое участіе въ этомъ дѣлѣ, но и придвинуть свою армію къ австрійской границѣ. Пруссаки и Австрійцы уже обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами и очень можетъ быть, что не взирая на искреннее нежеланіе обоихъ правительствъ возобновлять кровопролитіе, они были бы вовлечены въ серіозную войну, еслибъ французскій и русскій дворы не явились между ними посредниками. Со стороны Россіи выдвинута даже была армія къ австрійской границѣ, а между тѣмъ открыты были въ Тешенѣ (1779) переговоры, на коихъ представителемъ Россіи явился извѣстный намъ князь Репинъ. Такой образъ дѣйствія увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Императорскій дворъ, а равно и другіе владѣтели, отказались, за небольшія вознагражденія, отъ своихъ претензій на Баварію, и оружіе, готовое уже обнажиться, было вложено въ ножны.

Едва кончился Тешенскій конгрессъ, какъ началось другое дѣло, несравненно болѣе важное, касавшееся интересовъ всего цивилизованнаго міра и честь котораго принадлежитъ безраздѣльно русской политикѣ. Мы говоримъ объ огражденіи свободы торговаго флага и системѣ такъ называемаго *вооруженнаго нейтралитета*. Но для яснаго уразумѣнія этого дѣла намъ необходимо сдѣлать маленькое изслѣдованіе въ области международнаго права.

Признано однимъ изъ основаній взаимныхъ отношеній

воюющихъ между собою державъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ право отнимать у другой принадлежащее ей имущество, при чемъ практика новѣйшаго времени дѣлаетъ различіе между имуществомъ казеннымъ, или государственнымъ, къ которому прилагается вышепомянутое правило во всей строгости, и имуществомъ частныхъ лицъ, которыхъ вообще не дѣлаютъ отвѣтственными за политику ихъ правительствъ. Взявъ крѣпость или занявъ область принадлежащую Австріи, напримѣръ, прусское правительство имѣетъ неоспоримое право на всѣ суммы, запасы и недвижимыя имущества австрійской казны; частныя же имущества австрійскихъ подданныхъ должны оставаться неприкосновенными. Такъ требуетъ современное международное право; но еще въ первой половинѣ XVIII вѣка частное имущество подвергалось во время войны такимъ же опасностямъ, какъ и казенное, на томъ основаніи, что богатство частныхъ людей служитъ основаніемъ государственному богатству. Это же правило примѣнялось съ большою строгостію къ морской торговлѣ. Воюющія державы снаряжали легкія суда, которыя рыскали по морямъ и забирали, какъ законную добычу, не только торговыя суда противника, но останавливали купеческія корабли нейтральныхъ державъ и приводили ихъ въ свои порты; здѣсь особые суды рѣшали, находятся ли на нихъ или нѣтъ предметы, подлежащіе конфискаціи, въ качествѣ военной контрабанды, и если при этомъ оказывалось, что подъ нейтральнымъ флагомъ провозились товары, принадлежащіе купцамъ противника, то конфисковали не только ихъ, но и принявшее ихъ судно. Такой образъ дѣйствій былъ, разумѣется, чрезвычайно стѣснителенъ для торговли, и въ этомъ отношеніи болѣе всего жалобъ было противъ Англіи, которая, обладая обширнымъ

военнымъ флотомъ, широко пользовалась правомъ дѣлать призы и подрывать, въ пользу собственной торговли, торговлю прочихъ державъ. Государственные люди и политическіе писатели того времени обратили серіозное вниманіе на этотъ предметъ и пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что война должна какъ можно менѣе стѣснять торговлю вообще и народовъ нейтральныхъ въ особенности, 2) что единственными предметами, которые, можно исключить изъ свободной торговли въ военное время, должны быть признаны военныя принадлежности, какъ-то оружіе и порохъ, къ которымъ еще нѣкоторые причисляли припасы, служащіе къ обмундированію войскъ, 3) что за тѣмъ прочіе предметы, кому бы они ни принадлежали, хотя бы и купцамъ одной изъ воюющихъ державъ, не могутъ быть задерживаемы другою воюющею державою, 4) что подобный грузъ не можетъ быть безпрепятственно доставленъ только въ тѣ порты, которые находятся въ дѣйствительной блокадѣ, то-есть доступъ къ которымъ прегражденъ кораблями одной изъ воюющихъ державъ.

Таковъ былъ принципъ, принятый большинствомъ европейскихъ державъ; но для того чтобъ онъ получилъ значеніе на самомъ дѣлѣ, необходимо было поддержать его силою. Поэтому, во время Семилѣтней войны, Россія и Швеція заключили между собою договоръ (1759 г.), которымъ онѣ обязывались дѣйствовать совокупными силами противъ судовъ той изъ воюющихъ державъ, которая вздумала бы на Балтійскихъ водахъ не подчиняться вышеприведеннымъ правиламъ.

Между тѣмъ во время возгорѣвшейся войны между Англіей съ одной стороны, и Франціей и Испаніей съ другой, два русскія торговыя судна были захвачены

испанскими военными кораблями Уже, говорятъ иностранные писатели, въ Петербургѣ сдѣлано было распоряженіе объ отправленіи эскадры къ Испанскимъ берегамъ, чтобъ требовать за то удовлетворенія, и можетъ быть новая война могла бы вспыхнуть; но графъ Панинъ умѣлъ отвратить войну, а между тѣмъ сдѣлалъ настоящій случай поводомъ къ возобновленію, но въ несравненно обширнѣйшемъ видѣ, соглашенія, которое состоялось за 20 лѣтъ предъ тѣмъ между Россіей и Швеціей; онъ вознамѣрился распространить вообще на всѣ моря то́, что было прежде условлено для одного Балтійскаго, и пригласить къ поддержанію свободной торговли всѣ державы Европы.

Можно было сильно надѣяться, что подобное предложеніе будетъ принято большою частію правительствъ, и что такимъ образомъ составится обширный союзъ съ истинно либеральною и благодѣтельною цѣлію, въ которомъ Россіи будетъ принадлежать первенствующая роль. Россіи случалось, съ начала XVIII вѣка, не разъ быть грозою державъ, съ которыми она состояла во враждѣ; но еще никогда не приходилось ей брать подъ свое покровительство частные интересы всей Европы и быть защитницею ихъ противъ тѣхъ самыхъ правительствъ, по словамъ которыхъ все значеніе Россіи заключалось лишь въ грубой силѣ. Екатерина не могла пропустить случая занять такое высокое положеніе и съ жаромъ одобрила мысль Панина. По ея приказанію, всѣмъ европейскимъ державамъ было сообщено въ началѣ 1780 года, что русское правительство не только вполнѣ признаетъ вышеприведенныя правила относительно торговли нейтральныхъ державъ, но намѣревается неизмѣнно съ ними сообразоваться, а если нужно, то и поддерживать ихъ всѣмъ могуществомъ своей Имперіи.

Это сообщеніе извѣстное, подъ названіемъ *декларацiи вооруженнаго нейтралита*, произвело величайшее впечатлѣніе. Англія отвѣчала на него съ едва скрываемою досадой, но всѣ прочія государства отозвались съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Швеція и Данія первыя заключили съ Россіей договоры о взаимной оборонѣ торговли своихъ подданныхъ и о снаряженіи нужныхъ для того военныхъ силъ. Послѣ того къ подобнымъ же соглашеніямъ приступили Голландія, Пруссія, Австрія, Неаполь и Португалія, — словомъ всѣ державы, не принимавшіе участія въ войнѣ и производившія морскую торговлю; изъ числа же трехъ воюющихъ державъ, Франція и Испанія вполнѣ и съ сочувствіемъ одобрили мысли, выраженныя русскимъ правительствомъ и распоряженія имъ сдѣланныя.

Вооруженный нейтралитетъ былъ дѣломъ Панина, но, къ сожалѣнію, однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ его. Этотъ замѣчательный сановникъ былъ еще не очень старъ (62 года), но здоровье его было сильно растроено, и три года спустя, въ 1783 г., онъ скончался, признанный всею Европой искуснымъ и просвѣщеннымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ завѣдывалъ иностранными сношеніями Россіи въ продолженіе 18 лѣтъ и во все это время политика ея дѣйствовала сознательно, логично, послѣдовательно; всѣ союзы наши были основаны на вѣрно понятыхъ интересахъ Россіи, всѣ войны имѣли цѣлію служить ея интересамъ. Такой характеръ русской политики былъ, конечно дѣломъ не одного Панина, но, можетъ быть еще болѣе, дѣломъ самой Екатерины; во всякомъ случаѣ Панину принадлежитъ та неоспоримая честь, что онъ честно служилъ вполнѣ національнымъ видамъ Екатерины и былъ изъ первыхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ во всей Европѣ, кото-

рые отказались отъ недостойнаго обычая получать подарки и пенсіи отъ чужихъ дворовъ.

XVI.

Греческій проектъ. — Сближеніе съ Австріей. — Свиданіе Екатерины съ Іосифомъ II. — Договоръ съ Портою. — Присоединеніе Крыма (1783). — Принятіе Грузіи подъ власть Россіи (1783). — Политическое положеніе Европы. — Устройство Крыма Потемкинымъ. — Дальнѣйшіе виды Екатерины.

Сначала одинъ Панинъ, а потомъ и Потемкинъ были главными совѣтниками Екатерины по дѣламъ внѣшней политики. Первый изъ нихъ имѣлъ первенствующій авторитетъ во всемъ, что касалось дѣлъ западной Европы; спеціальностію втораго были дѣла восточныя. Нельзя не согласиться, что главною исторической сценой была и есть до сихъ поръ старая, западная Европа; на отношеніяхъ между собою великихъ европейскихъ державъ отражаются всѣ, даже самыя отдаленныя отъ Европы, важныя событія, которыми вообще и руководствуютъ ея государственные люди. Такъ, напримѣръ, вражда между Франціей и Англіей отразилась продолжительнымъ кровопролитіемъ въ Сѣверной Америкѣ; на Индійскомъ океанѣ, по ту сторону тропиковъ, раздавались выстрѣлы лишь потому что французская и англійская политика считали это нужнымъ (гл. XV). И Россіи нельзя было уклониться отъ соотвѣтствующей ея значенію роли на великой европейской исторической сценѣ, но несомненно и то, что чрезвычайно важныя для нея интересы заключались на востокѣ Европы и въ ближайшихъ къ ней частяхъ Азіи, гдѣ обитали племена частію единовѣрныя, частію единоплеменныя съ нами. Къ

судьбѣ этихъ племенъ Россія не могла оставаться безучастною не только по причинѣ естественныхъ узъ, соединяющихъ ихъ съ нами, но и съ чисто политической точки зрѣнія. Всякому понятно, что еслибъ, напримѣръ, Турція окончательно подчинила себѣ закавказскія христіанскія владѣнія и обратила ихъ въ исламизмъ, еслибъ она утвердилась на Кавказѣ и оттуда обнаруживала бы свое вліяніе, какъ первенствующая магометанская держава, на кочующія племена Калмыковъ и Ногайцевъ, и далѣе, на заволжскихъ Татаръ, Башкиръ и Киргизъ, господствуя въ тоже время въ Крыму, на Дунаѣ и Днѣстрѣ, — то положеніе Россіи было бы весьма затруднительно. Точно также понятно, что напротивъ того, еслибъ вмѣсто магометанской державы, сосѣдство съ которою ставило насъ въ непріязненныя съ нею отношенія, на мѣстѣ Турціи, и благодаря нашимъ усиліямъ, возникло нѣсколько единоплеменныхъ и единовѣрныхъ намъ государствъ, — то мы пріобрѣли бы въ нихъ добрыхъ союзниковъ. Нельзя при томъ терять изъ виду и тѣхъ естественныхъ узъ, о которыхъ выше сказано; съ увеличеніемъ зрѣлости народовъ, общественное мнѣніе оказываетъ вліяніе на образъ дѣйствія ихъ правительствъ, — а народы, какъ и отдѣльные люди, имѣютъ свои сочувствія, желанія и страсти. Народу, какъ и отдѣльному человѣку, не можетъ быть все равно, раздѣляютъ ли другіе его религіозныя убѣжденія или нѣтъ, пользуется ли почетомъ природный его языкъ, уважаютъ его обычаи или смѣются надъ ними,—а обычаи, языкъ и вѣроисповѣданіе русскаго народа чужды западной Европѣ; сочувственно относятся къ нимъ лишь на Востокѣ. Вотъ сколько причинъ и политическихъ и естественныхъ имѣла Россія, не ограничивать круга своихъ дѣйствій сношеніями съ одними кабинетами западной Европы.

Никто не понималъ этого лучше Потемкина. Разрушить мусульманскій міръ въ восточной Европѣ, подобно тому какъ онъ былъ разрушенъ нѣкогда въ Испаніи, и вызвать къ жизни подавленные имъ христіанскія племена, — вотъ что должно было составлять, по мнѣнію Потемкина, великую задачу русской политики, и къ этой задачѣ ему удалось привлечь вниманіе Екатерины (гл. XIII). Странно было бы утвержать, что эту мысль изобрѣлъ Потемкинъ: она представлялась и самой Екатеринѣ, когда она приглашала Грековъ поднять, вмѣстѣ съ Россіей, оружіе противъ Турокъ, и Петру I когда онъ къ тому же приглашалъ задунайскихъ Славянъ; Потемкину принадлежитъ та честь и та слава, что онъ разработалъ эту мысль во всѣхъ подробностяхъ, начерталъ программу постепеннаго ея осуществленія и въ продолженіе 17-ти лѣтъ неуклонно ее преслѣдовалъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сведемъ итоги всей дѣятельности Потемкина, то увидимъ, что устройство Новороссійскаго края, сооруженіе Черноморскаго флота, постепенное расширеніе самостоятельности Молдавіи и Валахіи, присоединеніе Крыма, первые шаги къ утвержденію русскаго владычества за Кавказомъ и, наконецъ, Вторая Турецкая война такъ тѣсно связаны между собой одною мыслію, одной цѣлію, что нельзя не признать ихъ отдѣльными главами того великаго предположенія, который называютъ *Греческимъ проектомъ*. Мы уже знаемъ *первыя главы* этого проекта: устройство Новороссіи, присоединеніе Крыма и образованіе Линіи у сѣверныхъ предгорій Кавказа; теперь перейдемъ къ послѣдующимъ.

Въ концѣ осмидесятыхъ годовъ, какъ сказано выше, по поводу споровъ о баварскомъ наслѣдствѣ, Россія могла, по своему выбору, склониться на сторону Прус-

сіи или Австріи. Панинъ, да и самая справедливость, склонили рѣшеніе русскаго двора въ пользу первой. Но Потемкинъ настаивалъ и настоялъ, чтобы не связывать себя съ нею слишкомъ тѣснымъ союзомъ. Теперь, говорилъ онъ, не Польскій вопросъ на первомъ планѣ, а Восточный, въ которомъ Іосифъ можетъ быть намъ полезнѣе, чѣмъ Фридрихъ. Это было совершенно справедливо. Преслѣдуя неослабно мысль о вознагражденіи Австріи за неудачу послѣднихъ войнъ, и не успѣвъ усилиться на счетъ Баваріи, Іосифъ обратилъ свое вниманіе на Турцію. Раздвинувъ свои границы къ югу, онъ могъ пріобрѣсть морское прибрежье и доставить своему государству возможность имѣть и военный и торговый флотъ; выгоды были велики съ этой стороны, но ихъ нельзя было иначе достигнуть, какъ тѣснымъ сближеніемъ съ Россіей по Восточному вопросу. Вотъ почему, не взирая на несогласный съ его желаніями образъ дѣйствія Екатерины при Тешенскихъ совѣщаніяхъ, онъ вступилъ въ полное соглашеніе съ нею относительно Турціи и заключилъ въ 1779 году договоръ, коимъ гарантировалъ послѣдніе трактаты наши съ Портой, обязывался, въ случаѣ нарушенія ихъ съ ея стороны, защищать ихъ оружіемъ и оружіемъ же дѣйствовать противъ всякой европейской державы, которая вознамѣрилась бы сдѣлать нападеніе на Россію по поводу несогласій ея съ Турціей.

Сдѣлавъ такой крутой поворотъ въ австрійской политикѣ, молодой императоръ пожелалъ заявить міру о сближеніи своемъ съ Русскою Государыней и имѣть съ нею личное свиданіе. Екатерина собиралась въ это время посѣтить недавно присоединенныя отъ Польши области. Мы знаемъ, что ими управлялъ графъ З. Чернышевъ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ переговорахъ о

ихъ присоединеніи. Первоначально онъ управлялъ Бѣлоруссіей изъ Петербурга, но принужденъ будучи уступить Потемкину мѣсто президента военной коллегіи, переселился въ Могилевъ. Главнѣйшая его задача состояла въ томъ, чтобы ослабить произволъ мѣстныхъ магнатовъ и подчинить всѣхъ, безъ различія состоянія и званія, силѣ закона и авторитету правительственной власти. Такая перемѣна касалась глубокихъ вѣковыхъ привычекъ страны; истребить ихъ было мудрено, но современники свидѣтельствуютъ, что Чернышевъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи довольно много. Привлекая къ себѣ мѣстную знать роскошнымъ образомъ жизни, въ которомъ едва ли кто изъ бѣлорусскихъ магнатовъ могъ съ нимъ соперничать, намѣстникъ Екатерины являлся справедливымъ и строгимъ охранителемъ правъ каждаго гражданина. Вліяніе партій не могло уже обнаруживаться въ судебныхъ рѣшеніяхъ; вражда между собою знатныхъ фамилій перестала быть причиною смятеній въ цѣломъ краѣ; такъ-называемые *наѣзды*, совершаемые магнатами другъ на друга съ сотнями вооруженныхъ шляхтичей, охотниковъ и гайдуковъ, отошли въ область воспоминаній; широкія, обсаженныя деревьями дороги, которыми гордились наши дѣды, соединили между собой главнѣйшіе города Бѣлоруссіи и были образцомъ, принятымъ въ другихъ намѣстничествахъ. Императрица, прибывъ въ Бѣлоруссію весной 1780 года, осталась довольна положеніемъ, въ которомъ нашла ее, хотя непріятности, существовавшія между Чернышевымъ и Потемкинымъ, отразились на личныхъ ея отношеніяхъ къ первому изъ нихъ.

Между тѣмъ еще за нѣсколько дней до прибытія Екатерины въ Могилевъ, пріѣхалъ туда, подъ именемъ графа Фалькенштейна, Іосифъ II. Здѣсь, вдали отъ соглядай-

ства иностранныхъ дипломатовъ и не стѣсняемые этикетомъ двора, они проводили долгіе часы въ бесѣдахъ съ глазу на глазъ, и личнымъ знакомствомъ скрѣпили сближеніе своихъ кабинетовъ. Екатерина пригласила Германскаго императора въ свою столицу. Онъ принялъ это приглашеніе; но желая ближе ознакомиться съ народомъ и страною, такъ быстро выдвинувшимися изъ политическаго ничтожества, онъ проѣхалъ сначала въ Москву, въ которой пробылъ нѣсколько времени, и уже оттуда отправился въ Петербургъ, гдѣ ожидали его пышныя празднества.

Послѣдствія тѣснаго сближенія русской и австрійской политики по восточнымъ дѣламъ не замедлили обнаружиться. Еще въ 1779 году, при дружественномъ содѣйствіи австрійскихъ дипломатовъ, заключенъ былъ между нами и Турціей договоръ, который доставилъ новыя облегченія въ положеніи Дунайскихъ Княжествъ. Христіанамъ этой страны выговаривалось покровительство Порты, ослаблялось ея вмѣшательство во внутреннее управленіе княжествъ и усиливалась независимость господарей, которымъ, какъ независимымъ государямъ, дано было право содержать въ Константинополѣ своихъ представителей. Постепенное усиленіе самостоятельности одной изъ христіанскихъ областей Порты не могло быть, конечно, пріятно султану; но представленія Россіи были настойчиво поддерживаемы изъ Вѣны, и диванъ принужденъ былъ согласиться. Вскорѣ послѣ того онъ принужденъ былъ сдѣлать двѣ еще другія, несравненно важнѣйшія уступки.

Въ 1782 году во владѣніяхъ Крымскаго хана вспыхнуло, возстаніе вызванное частію неосторожнымъ образомъ дѣйствія Шагинъ-Гирея, частію же взаимною непріязнію русской и турецкой партій; когда безпоряд-

ки обнаружились, на Таманскій полуостровъ неожиданно высадился небольшой турецкій отрядъ, начальникъ коего приказалъ отрубить голову гонцу, присланному къ нему ханомъ для объясненій о причинахъ его прибытія. Турки начинали уже распоряжаться въ земляхъ Крымскаго хана, какъ въ собственныхъ, и сильная партія, руководимая мусульманскимъ духовенствомъ, поставила въ опасность не только власть, но и самую жизнь хана. Шагинъ поспѣшилъ удалиться въ русскія владѣнія и потребовалъ, чтобы Потемкинъ послалъ войско для усмиренія его подданныхъ. Это желаніе его было исполнено, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было предложено отказаться отъ престола, на которомъ онъ находилъ такъ мало безопасности, и принять вмѣсто того пенсію отъ Россіи. Въ первую минуту Шагинъ охотно принялъ это предложеніе и заявилъ о томъ письмомъ на имя Императрицы, а вслѣдъ затѣмъ, вступивъ въ Крымъ вмѣстѣ съ русскими войсками, торжественно объявилъ народу о своемъ отреченіи отъ престола. Но когда опасность миновала, мысли его перемѣнились; онъ съ нѣсколькими своими приверженцами удалился въ горы, окаймляющія южный берегъ полуострова и прекратилъ сношенія съ русскими властями. Между тѣмъ въ Петербургѣ были очень довольны такимъ исходомъ крымскихъ дѣлъ и прислали Потемкину манифестъ, основанный на письмѣ хана къ Императрицѣ. Въ этомъ манифестѣ (1783 г.) Государыня, исчисливъ затрудненія и расходы, которыхъ для Россіи причиною была кратковременная независимость Крымскаго ханства, объявляла о присоединеніи къ Россіи Таврическаго и Таманскаго полуострововъ съ частію материка, прилегающаго къ Новороссійскому намѣстничеству. Потемкину не

оставалось слѣдовательно уже возможности для переговоровъ съ Шагиномъ и нельзя было допускать долѣе двусмысленнаго съ его стороны поведенія. Противъ него посланъ былъ баталіонъ пѣхоты, появленія коего было достаточно, чтобъ обезоружить его и бывшихъ съ нимъ. Шагинъ-Гирей былъ отвезенъ въ Воронежъ, гдѣ дожилъ свой вѣкъ на счетъ дарованной ему пенсіи, а Крымъ, съ небольшою полосой материка, былъ обращенъ, въ губернію съ наименованіемъ Таврической.

Почти одновременно съ этимъ, другой, почти столь же чувствительный ударъ нанесенъ былъ Россіей Турціи, именно въ Закавказьи. Царь Карталиніи и Кахетіи Ираклій II, вѣрный союзникъ нашъ во время Первой Турецкой войны, не замедлилъ убѣдиться, что его слабыя владѣнія не могутъ существовать независимо и что ему необходимо быть вассаломъ или Персіи, или Турціи, или Россіи; между этими тремя державами выборъ его не могъ колебаться. Весь вопросъ заключался лишь въ томъ, согласится ли Россія принять на себя, вмѣстѣ съ покровительствомъ, и дѣйствительную защиту Грузіи, и согласясь на это, оставитъ ли за нимъ, Иракліемъ, царскую власть? Посланный для переговоровъ о всемъ этомъ знатный Грузинъ, князь Чавчавадзевъ, получилъ благопріятныя увѣренія со стороны русскаго правительства, которое затѣмъ заключило съ царемъ Иракліемъ (1783 году) договоръ, устанавливавшій покровительство Россіи надъ Грузіей и вассальную зависимость Грузіи отъ Россіи. Ираклій признавалъ за себя и своихъ наслѣдниковъ надъ собою верховную власть русскихъ государей, на вѣрность Императрицѣ далъ присягу, обѣщая по требованію ея быть всегда готовымъ на службу ея величества съ войсками своими. Съ своей стороны Императрица принимала

обязательство охранять Грузію отъ всякихъ внѣшнихъ покушеній, предоставляя какъ Ираклію, такъ и его преемникамъ, по утвержденіи ихъ въ царскомъ достоинствѣ, полную свободу управлять страною по ея законамъ и ихъ власти *.

Россія похищала такимъ образомъ, не обнажая меча, одну изъ провинцій Турціи; причемъ не трудно было предвидѣть, что сила обстоятельствъ принудитъ послѣдовать примѣру Ираклія владѣтелей Имеретіи, Гуріи, Мингреліи и другихъ частей бывшаго Грузинскаго царства; что между группою христіанскихъ владѣній покровительствуемыхъ Россіей и коренными частями имперіи трудно будетъ удержать свою независимость горскимъ народцамъ, что слѣдовательно все сѣверо-восточное прибрежье Чернаго моря рано или поздно неминуемо принуждено будетъ подчиниться Россіи, и что, наконецъ, эта послѣдняя начнетъ также сильно тяготѣть на малоазійскія, какъ и на европейскія владѣнія султана... Конечно, никогда еще Порта не имѣла такихъ серіозныхъ причинъ къ разрыву съ Россіей, какъ послѣ почти одновременно случившихся присоединенія Крыма и подчиненія Грузіи. Но тутъ-то и оказалось, какъ были полезны тѣ политическія связи, которыя въ послѣднее время сдѣлала Россія. Предвидя

---

*) Въ послѣдствіи, преемникъ Ираклія, Георгій, удручаемый семейными раздорами, ходатайствовалъ у Императора Павла о признаніи его царства „какъ одной, издавна Россіи принадлежащей земли или провинціи", выражая притомъ желаніе „предать себя и царство свое великому Всероссійскому Государю навсегда, въ полную зависимость и подданство, обязуясь свято исполнять все то, что исполняется россійскими подданными". Ходатайство это долго не получало удовлетворенія и принято уже Александромъ 1 по удостовѣреніи, что оно согласно и съ желаніями Грузинъ.

возможность разрыва съ Турціей, Императрица написала своему союзнику Іосифу письмо, въ которомъ предваряла его, что можетъ-быть скоро придется ей потребовать исполненія принятыхъ имъ обязательствъ. Іосифъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ письмомъ: „Получить письмо вашего императорскаго величества и отвѣчать на него въ продолженіи 24 часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни разчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, *моей* Императрицѣ, моему другу, моей союзницѣ, моей героинѣ“...

Разумѣется, ни въ Вѣнѣ, ни въ Петербургѣ не были такъ просты, чтобъ дѣйствовать безъ разчетовъ, когда дѣло могло дойдти до войны. Когда вмѣсто привѣтствій, которыми обыкновенно обмѣниваются государи въ перепискѣ между собою, начали переписываться ихъ министры, то оказалось слѣдующее. Въ случаѣ войны съ Турками и успѣховъ надъ ними, Россія желала пріобрѣсть устья Днѣпра, запертыя Очаковскою крѣпостью, одинъ или два острова на Архипелагѣ, въ видѣ морской станціи для своихъ судовъ; затѣмъ, съ русской стороны выражено было желаніе, чтобы дунайскія княжества образовали независимое государство, подъ именемъ Дакійскаго и подъ управленіемъ какого-либо принца православнаго исповѣданія (полагаютъ, что Императрица имѣла для этого въ виду своего внука, Константина Павловича). Въ возможномъ будущемъ предусматривалось при этомъ, наконецъ, и возстановленіе Греческаго государства. Съ своей стороны, вѣнскій дворъ заявлялъ претензіи на часть Валахіи и Бессарабіи и на земли по-сю сторону линіи, которая была бы протянута прямикомъ отъ Бѣлграда къ Адріатическому морю; въ

число этихъ земель должна была войдти и республика Венеціанская, отъ Порты независимая; но,—писали вѣнскіе дипломаты,—„этихъ республиканцевъ“ можно вознаградить Мореей и нѣсколькими островами на Архипелагѣ: мысль очень оригинальная! Какъ будто гражданамъ славной Венеціанской республики могло послужить вознагражденіемъ за потерю ихъ независимости то, что Морею провозгласили бы республикой и наименовали бы Венеціанскою!

Такимъ образомъ виды союзниковъ далеко не были одинаковы. Петербургскій дворъ, независимо отъ нѣкоторыхъ, весьма небольшихъ пріобрѣтеній, стремился къ образованію самостоятельныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, къ замѣнѣ государства мусульманскаго—христіанскими, къ возстановленію правъ туземнаго народонаселенія; вѣнскій дворъ, имѣлъ въ виду одни пріобрѣтенія и притомъ, пріобрѣтенія безразлично на счетъ какъ Турціи, такъ и иныхъ государствъ не имѣвшихъ ничего съ нею общаго. Успѣли ль бы союзные кабинеты дойдти до соглашенія между собою—неизвѣстно, но несомнѣнно, что безъ союза съ Іосифомъ, Екатеринѣ было бы гораздо труднѣе пріобрѣсть Крымъ и утвердить свое господство въ Грузіи.

Союзъ Россіи и Австріи, казавшійся еще болѣе тѣснымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, представлялъ для Порты такую опасность, кинуться на встрѣчу которой нельзя было, не оградившись и съ своей стороны надежными союзами,—а такихъ союзовъ нельзя было ожидать. Англійскій резидентъ въ Константинополѣ составилъ для турецкихъ министровъ очень краснорѣчивую ноту въ отвѣтъ на манифестъ о присоединеніи Крыма, но правительство его только что окончило долгую и упорную войну съ американскими колоніями и

Франціей, и потому никакъ не могло оказать Турціи дѣйствительной помощи. Прусскіе дипломаты тоже выражали Портѣ полнѣйшее сочувствіе и не находили словъ, достаточно сильныхъ для порицанія честолюбія Екатерины, но избѣгали вступать въ какія-либо обязательства съ Турціей. Съ другой стороны, французскій посланникъ въ Константинополѣ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ отклонить Турцію отъ разрыва. Правда, онъ сильно старался тоже отвлечь Германскаго императора отъ союза съ Россіей; но это было безуспѣшно. Выгоды, которыя императоръ надѣялся извлечь изъ войны съ Турціей, были слишкомъ велики, чтобъ его могло поколебать французское краснорѣчіе. Франція, оставаясь, слѣдовательно, вѣрною своей политикѣ,—поддерживать Турцію,—но не имѣя возможности пособить ей, только что окончивъ раззорительную войну, поставлена была въ необходимость рекомендовать ей осторожность, въ виду рѣшительнаго образа дѣйствія двухъ сильныхъ имперій. Совѣтъ былъ благоразуменъ. Порта ему послѣдовала и въ доказательство своего миролюбія, заключила съ Россіей договоръ, коимъ даровала русскимъ подданнымъ значительныя льготы по торговымъ дѣламъ.

Итакъ, многое было подготовлено для осуществленія Греческаго Проекта. Новороссійскій край заселялся и начиналъ развиваться въ экономическомъ отношеніи; пріобрѣтеніе Крыма отдавало во власть Россіи весь сѣверный берегъ Чернаго моря, на которомъ приступали уже къ сооруженію военнаго флота, а господство надъ Грузіей открывало Россіи возможность угрожать Турціи со стороны ея азійскихъ владѣній. Съ другой стороны, постепенное усиленіе дунайскихъ княжествъ должно было содѣйствовать увеличенію русскаго

вліянія между турецкими христіанами и возбуждать между ними стремленіе къ независимости и возрожденію. Но все это было лишь, какъ сказано, подготовленіемъ къ осуществленію Греческаго Проекта, и никакъ нельзя было разчитывать, чтобы дальнѣйшее развитіе его совершилось такъ же мирно, какъ совершилось его начало. Должно было предвидѣть, что Франція и Англія не всегда будутъ такъ благодушны, какъ были въ настоящихъ обстоятельствахъ. Поэтому благоразуміе предписывало, не теряя ни минуты, приготовиться ко всевозможнымъ случайностямъ и воспользоваться для этого важными выгодами, представляемыми Таврическимъ полуостровомъ, какъ въ военномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

До того времени единственнымъ сообщеніемъ Россіи съ Чернымъ моремъ были Донъ и Азовское море; ибо Днѣпръ былъ запертъ очаковскими укрѣпленіями и правый берегъ этой рѣки принадлежалъ Польшѣ. Но ни на Дону, ни на Азовскомъ морѣ не было ни одного пункта, удобнаго для помѣщенія военнаго флота. Напротивъ того, южный берегъ Крыма, обрывистый и снабженный многочисленными, глубокими бухтами, представлялъ къ тому большія удобства. Между этими бухтами одна обратила особенное вниманіе Потемкина по своей обширности, по приглубости береговъ и по защитѣ, доставляемой ею отъ вѣтровъ и волненія. Море длиннымъ заливомъ врѣзывается въ высокій, но не гористый берегъ и, близь селенія Ахтіаръ, отдѣляетъ вправо, къ востоку, глубокую, узкую, никогда не замерзающую бухту, достаточную для помѣщенія цѣлаго флота. Лучшей морской стоянки нельзя было ни найдти, ни желать. Потемкинъ предположилъ создать на мѣстѣ Ахтіара обширный военный портъ, который назвалъ Се-

вастополемъ и перевелъ сюда верфи изъ Херсона и Таганрога.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялся экономическимъ развитіемъ новопріобрѣтеннаго полуострова. Сѣверная часть этого полуострова есть, правда, нечто иное какъ степь, безлѣсная и безводная, мало удобная слѣдовательно для заселенія; за то долины хребта Яйлы и полоса земли, простирающаяся между нимъ и моремъ, не уступаетъ самымъ благословеннымъ странамъ южной Европы. Потемкинъ вызвалъ изъ Франціи и Италіи шелководовъ, садоводовъ съ цѣлію, развести на южныхъ склонахъ горъ, виноградники; фруктовые сады и шелковыя плантаціи; переселилъ массы крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, привлекъ раскольниковъ своею вѣротерпимостью, словомъ, дѣйствовалъ и здѣсь также настойчиво и также искусно, какъ въ Новороссіи, и потому чрезъ три года послѣ присоединенія Крыма, могъ уже писать Императрицѣ: „Что касается до области Таврической, тамъ хлѣбопашество годъ отъ году усиливается. Виноградъ венгерскій уже далъ первый плодъ; вино дѣлаютъ лучше прежняго, а водку французскую гонятъ лучше настоящей, и чрезъ годъ, конечно, большое количество оной будетъ.“

Потемкину и Екатеринѣ нуженъ былъ миръ, чтобъ утвердиться прочнымъ образомъ на Черномъ морѣ, чтобы докончить сооруженіе флота, чтобы положить надежное основаніе экономическому развитію края и привлечь въ него торговлю; но едва лишь поставивъ, такъ сказать, ногу на сѣверномъ берегу Чернаго моря, эти смѣлые политики летѣли уже мыслію далѣе, и подготовляли дѣло возсозданія Греческаго государства на Балканскомъ полуостровѣ. Что эта мысль сильно занимала ихъ, на это есть множество намековъ, — мелкихъ,

можетъ-быть, но значительныхъ въ своей совокупности. Изъ Грековъ, проживавшихъ въ разныхъ торговыхъ пунктахъ Крыма, и особенно въ Өеодосіи, составленъ особый баталіонъ, съ сохраненіемъ ему національной греческой одежды. Крыму, тотчасъ по его присоединеніи, возвращено его древнее наименованіе Тавриды; Кафѣ и Гизлефу (Козлову) — ихъ греческія имена Өеодосіи и Евпаторіи. Города, возникавшіе подъ рукою Потемкина (Херсонъ, Симферополь, Севастополь), должны были говорить воображенію Грековъ звуками своихъ именъ, не чуждыхъ, впрочемъ, и русскому уху. Новороссійскій край, въ предположеніяхъ его намѣстника, долженъ былъ проливать свѣтъ и силу на сопредѣльныя ему страны. Онъ желалъ основать въ Екатеринославлѣ университетъ и академію художествъ. „По сосѣдству Польши, Греціи, земель Валахской, Молдавской и народовъ иллирическихъ, — писалъ онъ Императрицѣ, — множество притечетъ юношества обучаться, которые возвратятся съ неизгладимою благодарностью къ вашимъ благодѣяніямъ и привязанностію къ Россіи". Таковыя были виды Потемкина. Проектируя для Екатеринославля рядъ великолѣпныхъ зданій, этотъ грандіозный въ своихъ предположеніяхъ человѣкъ восклицалъ: „Всемилостивѣйшая Государыня! гдѣ же индѣ, какъ не въ странѣ, посвященной славѣ вашей, быть городу изъ великолѣпныхъ зданій! А потому я предпріялъ проектъ составить достойный высокому сего града названію. Вопервыхъ, представляется, въ подраженіе Св. Петра и Павла, что̀ въ Римѣ, воздвигнуть храмъ великолѣпный, посвященный Преображенію Господню въ знакъ, что страна сія изъ степей безплодныхъ преображена попеченіями вашими въ обильный вертоградъ; судилище, на подобіе

древнихъ базиликъ (?), лавки полукружіемъ, на подобіе пропилей или преддверія аѳинскаго, съ биржею и театромъ, палаты государскія" и пр.

XVII.

Поѣздка Императрицы въ Новороссію и Крымъ. — Встрѣча ея въ Мстиславлѣ и пребываніе въ Кіевѣ. — Свиданіе съ королемъ Польскимъ. — Прибытіе Германскаго императора. — Новороссія и Крымъ. — Севастопольскій флотъ. — Возвращеніе изъ Крыма. — Голодъ въ Россіи. — Опасенія европейскихъ кабинетовъ. — Положеніе Польши послѣ Перваго Раздѣла: полезныя преобразованія; партія враждебная королю и Россіи. — Пруссія возбуждаетъ надежды Поляковъ. — Враждебный образъ дѣйствія Турціи. — Объявленіе войны (1787 г.).

Потемкину хотѣлось похвастать передъ Государыней своимъ созданіемъ, — Новороссійскимъ краемъ, а Государынѣ — взглянуть на это чудесное созданіе. Имъ обоимъ хотѣлось, кромѣ того, показать всему свѣту, какъ пользуется Россія дѣлаемыми ею завоеваніями и въ какихъ необычайныхъ размѣрахъ возрастаетъ ея могущество. Поэтому рѣшено было, что Императрица предприметъ путешествіе чрезъ всю Россію, посѣтитъ священный Кіевъ и проникнетъ до самыхъ береговъ Чернаго моря. Рѣшено было также сообщить этому путешествію всевозможную торжественность: пригласить нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ пословъ сопутствовать Государынѣ; устроить свиданія между нею и двумя изъ вѣнценосныхъ ея сосѣдей; въ разныхъ мѣстахъ назначены были, кромѣ того, сборы большихъ массъ военныхъ силъ, которымъ Императрица предполагала сдѣлать смотры; по всему протяженію ея пути, на мѣстахъ назначенныхъ для остановокъ, выстроены были дворцы (деревянные и весьма, впрочемъ, не затѣйливые, изъ коихъ нѣкоторые и донынѣ существу-

ютъ). Словомъ, приняты были всѣ мѣры, чтобъ этому путешествію придать значеніе *событія*:—и дѣйствительно оно признано было таковымъ за границею и донынѣ сохранилось въ памяти народа.

Екатерина выѣхала изъ Царскаго Села въ началѣ 1787 года. Кромѣ нѣсколькихъ Русскихъ, ея приближенныхъ, ее сопровождали послы германскій, англійскій и французскій, къ которымъ на пути присоединился извѣстный своимъ остроуміемъ Бельгіецъ по мѣсту рожденія, Французъ по языку и привычкамъ, и фельдмаршалъ австрійской службы, принцъ де-Линь. Огромный императорскій поѣздъ *) быстро несся по снѣжнымъ равнинамъ и останавливался въ каждомъ городѣ для торжественныхъ встрѣчъ, баловъ и представленій мѣстнаго дворянства. Вездѣ встрѣчали Екатерину толпы народа, духовенство выходило къ ней съ крестами и хоругвями. На порогѣ Бѣлоруссіи, въ древнемъ русскомъ городѣ Мстиславлѣ, встрѣтилъ ее престарѣлый уже въ то время архіепископъ могилевскій, Георгій Конискій, и привѣтствовалъ ее слѣдующими облетѣвшими всю Россію словами: „Оставимъ астрономамъ доказывать, — сказалъ этотъ блестящій витія, — что земля вокругъ солнца обращается: наше *солнце* вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ". Маститый іерархъ, двадцать лѣтъ видѣвшій утѣсненіе православія и униженіе русскаго народа, былъ, безъ сомнѣнія, искрененъ, уподобляя солнцу Екатерину, давшую иную жизнь бѣлорусскому краю... „Тецы убо,—сказалъ онъ въ заключеніе,—о солнце наше, спѣшно; тецы исполинными шагами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и

*) Онъ состоялъ изъ 14 возковъ и 124 саней.

руки и сердца наши простирая къ небу, возопіемъ: *стой, солнце, и не движись!*"

Въ концѣ зимы Екатерина прибыла въ Кіевъ. Отсюда предполагалось отправиться Днѣпромъ на галерахъ. Кіевъ, одиноко въ то время стоявшій на правомъ берегу Днѣпра, среди польскихъ владѣній, представлялъ, по справедливому замѣчанію французскаго посла, сопровождавшаго Екатерину, графа Сегюра, „воспоминаніе и надежды великаго города." Но ожидаемое прибытіе Императрицы сообщило ему такой блескъ, такую жизнь и движеніе, какихъ, конечно, онъ не имѣлъ и тогда, когда былъ стольнымъ городомъ Россіи. Изъ сосѣднихъ губерній, изъ-за польской границы наѣхало множество дворянства, — Поляковъ и Русскихъ, одинаково жаждавшихъ видѣть замѣчательную эту женщину; подобное же побужденіе привлекло сюда нѣсколько иностранцевъ-путешественниковъ, особенно Французовъ; изъ Варшавы пріѣхалъ тамошній представитель Россіи графъ Штакельбергъ, изъ Кременчуга—Потемкинъ; Суворовъ привелъ туда на смотръ баталіоны своихъ „чудо-богатырей". Хозяиномъ края былъ старый фельдмаршалъ Румянцевъ, окруженный заслуженною своею славой...

Императрица прожила въ Кіевѣ почти три мѣсяца Какъ скоро Днѣпръ вскрылся, она и ея свита сѣли на особо приготовленныя нарядныя галеры и пустились къ главной цѣли путешествія—Новороссійскому краю. Въ старинномъ запорожскомъ городѣ Каневѣ встрѣтилъ Императрицу Станиславъ-Августъ. Свиданіе ихъ было коротко, холодно и принужденно. Какъ король Польши, онъ не могъ съ искреннимъ дружелюбіемъ привѣтствовать Государыню, лишившую его части владѣній; она, съ своей стороны, знала, что только страхъ передъ ея силою и, еще больше, желаніе снискать ея

защиту противъ враждебной ему партіи въ Польшѣ, побудили его къ поѣздкѣ въ Каневъ.

Но вотъ, наконецъ, императорскія галеры вступили въ край, управляемый Потемкинымъ. Этотъ необыкновенный человѣкъ, между множествомъ своихъ качествъ, имѣлъ искусство *показать* то, что показать ему хотѣлось; одаренный чрезвычайнымъ воображеніемъ, онъ любилъ и умѣлъ поражать воображеніе, что, можетъ-быть, иногда не обходилось безъ ущерба сущности дѣла. Онъ издавна готовился къ пріему Императрицы; еще за нѣсколько лѣтъ до ея путешествія, онъ писалъ своему любимому и неутомимому помощнику Фалѣеву: „Дорогу отъ Кизикерменя (Бериславля) до Перекопа сдѣлать богатою рукой,—чтобы не уступала римскимъ: я назову ее *Екатерининъ путь*." На берегахъ Днѣпра и въ разныхъ отъ него разстояніяхъ, по высотамъ, которыя открывались съ плывущихъ галеръ, разбросаны были селенія, виднѣлись куполы церквей, паслись стада, двигались обозы. Степь обратилась, какъ бы волшебствомъ, въ мѣстность полную жизни и движенія. Изумленная Екатерина сказала Потемкину: „Отъ Петербурга до Кіева мнѣ казалось, что пружины моей имперіи ослабли отъ употребленія: здѣсь я вижу, что онѣ въ полной силѣ и дѣйствіи."

У пороговъ, императоръ Іосифъ, подъ именемъ графа Фалькенштейна, встрѣтилъ свою союзницу и продолжалъ съ нею путь до самаго Крыма. Они прибыли вмѣстѣ въ первый сооруженный Потемкинымъ городъ, Херсонъ, въ которомъ уже были устроены адмиралтейство, арсеналъ, обширное помѣщеніе для войскъ, множество лавокъ, снабженныхъ товаромъ, и 2000 домовъ. Спустивъ здѣсь на воду три военныя судна, Императрица поѣхала далѣе и вступила въ бывшую столицу Гире-

евъ, Бакчисарай, конвоируемая отрядомъ туземныхъ всадниковъ, — тѣхъ самыхъ Татаръ, которые нѣкогда были такими страшными врагами Россіи. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Бакчисараѣ, въ самомъ дворцѣ хановъ, были, можно думать, счастливыми днями для Екатерины: такъ осязательны были здѣсь великія заслуги ея передъ отечествомъ, такъ много уже было сдѣлано для осуществленія дальнѣйшихъ ея предположеній!.. Изъ Бакчисарая, лежащаго по-сю сторону хребта, который тянется вдоль южнаго берега, Потемкинъ повезъ Императрицу горными путями въ татарское селеніе Инкерманъ, близъ Севастопольскаго залива, гдѣ наскоро былъ приготовленъ путевой дворецъ: „Въ то время,—пишетъ графъ Сегюръ въ своихъ любопытныхъ Запискахъ, — какъ ихъ величества сидѣли за столомъ, при звукахъ прекрасной музыки, внезапно отворились двери большаго балкона, и нашимъ взорамъ представилось величественное зрѣлище: между двумя рядами татарскихъ всадниковъ, мы увидѣли заливъ верстъ на 12 въ длину и на 4 въ ширину; посреди этого залива, въ виду царской столовой, выстроился въ боевомъ порядкѣ грозный флотъ, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный въ два года. Государыню привѣтствовали залпомъ изъ пушекъ, и грохотъ ихъ, казалось, возвѣщалъ Понту-Эвксинскому о присутствіи его обладательницы и о томъ, что не болѣе какъ черезъ 30 часовъ, флаги ея кораблей могутъ развѣваться въ виду Константинополя.“ Эта эскадра, собранная въ Севастопольскомъ заливѣ, состояла изъ 25 военныхъ судовъ.

Обозрѣвъ южный берегъ Крымскаго полуострова, — эту прекраснѣйшую часть ея имперіи, — Государыня, вполнѣ довольная всѣмъ, что̀ она видѣла въ Новороссіи, и особенно въ Крыму, присоединила къ имени

Потемкина названіе *Таврическаю*; затѣмъ, оставивъ ввѣренный его управленію край, распрощавшись съ Іосифомъ II, она предприняла обратный путь черезъ Полтаву, гдѣ собранныя войска, на самомъ мѣстѣ великой побѣды Петра I, повторили бой 27 іюня 1709 г. Отсюда, черезъ Харьковъ, Орелъ и Москву, она возвратилась въ Петербургъ. Дни упоеній кончились; наступали дни тяжелыхъ заботъ и тревогъ мучительныхъ.

Въ 1785 году урожаи были скудны во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ приволжскихъ губерніяхъ, такъ что во время наступившей затѣмъ зимы въ нихъ обнаружился голодъ. Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, подобное же бѣдствіе поразило и ту полосу, которая была еще пощажена въ предшествующемъ: оттепель согнала весь снѣгъ съ полей, а отъ наступившихъ внезапно морозовъ, озимые хлѣба вымерзли. Голодъ сдѣлался всеобщимъ. Извѣстный М. М. Щербатовъ свидѣтельствуетъ, что рожь, которая продавалась лѣтъ пятнадцать передъ тѣмъ по 2 р. 19 к у Гжатской пристани, возвысилась до 7 рублей. „Ко мнѣ, пишетъ онъ, изъ алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, изъ мякины и изъ лебеды. Онъ въ ужасть меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четверикъ овсяной муки положено. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, то мнѣ сказали, что еще хорошъ, а есть гораздо хуже.“ Такого жестокаго и повсемѣстнаго голода давно не бывало въ Россіи; вотъ мрачная картина, которую рисуетъ находившійся тогда въ Москвѣ кн. Щербатовъ: „Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе отъ холода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе голода имѣютъ, безвинныя руки

протягиваютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно, ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ, а правительство глухо и слѣпо и не чувствительно на сіе является. То если истинѣ моихъ словъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?" Кн. Щербатовъ присовокупляетъ, что передъ прибытіемъ Императрицы въ Москву и „дабы видѣніе толикаго числа нищихъ ее не обезпокоило," тамошнее начальство всѣхъ ихъ выпроводило изъ столицы, не заботясь, впрочемъ, куда они дѣнутся и чѣмъ станутъ питаться... Послѣдняя черта весьма вѣроподобна; но нельзя повѣрить ворчливому, хоть и почтенному историку, будто правительство не принимало никакихъ мѣръ для предупрежденія голода и для поданія помощи нуждающимся; распоряженія были сдѣланы, но не вездѣ исполнены, между прочимъ, графъ Сегюръ говоритъ, что ко времени прибытія въ Москву Государыни, туда были вызваны губернаторы окрестныхъ губерній и нѣкоторые изъ нихъ, не принявшіе предписанныхъ мѣръ къ предупрежденію голода, получили строгія замѣчанія. Къ несчастію, много, повидимому, было мѣстностей, гдѣ администрація не выполнила своихъ обязанностей; современники упоминаютъ о какихъ-то безпорядкахъ, происшедшихъ въ Петербургѣ, вскорѣ по возвращеніи Императрицы изъ Крыма, между тамошнимъ рабочимъ народомъ, причиною которыхъ тоже былъ, какъ кажется, голодъ.

Но бѣдствіе голода было не единственное, которое въ это время угрожало Россіи. Весьма серіозныя затрудненія скоплялись въ дѣлахъ политическихъ. Правда, ничего явно-враждебнаго не обнаруживалось со сто-

роны первенствующихъ державъ Европы, но Россія имѣла особый барометръ, по которому можно было безошибочно узнавать, тихо ли въ высшихъ политическихъ сферахъ, или въ нихъ собираются бури: этотъ барометръ была Польша. Пока ничего враждебнаго противъ Россіи не замышлялось въ кабинетахъ Франціи, Англіи, Пруссіи или Австріи, Польша оставалась болѣе или менѣе спокойною; но какъ только который-либо изъ этихъ кабинетовъ находилъ нужнымъ выставить Россіи затрудненія, въ Польшѣ тотчасъ же начиналось броженіе. По тону рѣчей варшавскихъ сеймовъ, по болѣе или менѣе закрученнымъ усамъ и набекрененной конфедераткѣ польскаго рыцарства можно было безошибочно судить о дружелюбіи или враждебности къ намъ главныхъ дворовъ Европы.

Рѣчь Посполитая польская, послѣ Перваго Раздѣла хоть и значительно урѣзанная, была государствомъ довольно еще обширнымъ, съ 8 милліонами жителей. Послѣ всѣхъ побѣдъ и пріобрѣтеній Фридриха Великаго, Пруссія не имѣла восьмимилліоннаго населенія; не многимъ болѣе народа числилось въ Россіи, когда Петръ предпринялъ создать изъ нея первоклассное государство. Польшѣ, въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась въ описываемое время, нужно было прежде всего нѣсколько лѣтъ мира и нѣсколько сеймовъ болѣе дѣльныхъ, чѣмъ блестящихъ. Дальнѣйшая судьба этой страны была въ собственныхъ ея рукахъ. Державы, совершившія раздѣлъ, позаботились, чтобъ она не была на будущее время источникомъ затрудненій для своихъ сосѣдей; онѣ хотя и оставили избирательную форму правленія,—столь дорогую и столь пагубную для Поляковъ, — но постарались сообщить тамошнему правительству болѣе силы, чѣмъ оно имѣло прежде; съ

этою цѣлію Екатерина, гарантировавшая польскую конституцію (Вып. V, гл. III), допустила сдѣлать въ ней нѣкоторыя важныя измѣненія. Такъ, напримѣръ, сеймъ, утвердившій раздѣлъ, по внушенію Россіи, учредилъ при королѣ постоянный совѣтъ изъ сенаторовъ и сеймовыхъ пословъ, изъ среды которыхъ были образованы коммиссіи для руководства различными правительственными вѣдомствами. Такимъ образомъ, съ одной стороны, представители народа могли производить постоянный контроль надъ дѣйствіями правительства, а съ другой, правительство могло во всякое время совѣтоваться съ представителями народа, слѣдовательно избѣгать фальшивыхъ и непопулярныхъ мѣръ. Отъ учрежденія постояннаго совѣта можно было ожидать много полезнаго; а дабы уничтожить главную причину раздраженія въ Полякахъ—ту, которая и произвела Барскую конфедерацію,—Императрица рѣшилась отступиться отъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ требованій своихъ въ пользу диссидентовъ, а именно, отъ предоставленнаго имъ права, засѣдать въ сенатѣ и на сеймахъ. Эта уступка была сдѣлана въ томъ вниманіи, что православные польскіе подданные принадлежали вообще къ низшимъ классамъ и слѣдовательно, едва ли могли на самомъ дѣлѣ проникнуть въ сеймы, а тѣмъ болѣе въ сенатъ; вліятельнаго же положенія они никакъ не могли въ нихъ имѣть. Во всякомъ случаѣ это была большая уступка предубѣжденіямъ польской націи, доказывающая, что Русская Императрица искренно желала дать этой націи возможность оправиться отъ нанесенныхъ ей ударовъ и вступить на путь мирнаго развитія. Она считала, что независимая Польша нужна „какъ барьеръ между Россіей, Пруссіей и Австріей“.

Польскіе писатели утверждаютъ, что Польша дѣйстви-

тельно и вступила послѣ 1772 года на путь внутренняго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, въ промежутокъ между Первымъ и Вторымъ Раздѣлами, положено было серіозное основаніе исправленію въ Польшѣ финансовой системы, сдѣланы нѣкоторыя важныя общеполезныя сооруженія, прорыто, напримѣръ, нѣсколько каналовъ и значительно улучшено общественное образованіе (для высшихъ классовъ). Но помянутые писатели не говорятъ, кѣмъ именно произведены эти улучшенія. Изъ русскихъ же и нѣмецкихъ источниковъ оказывается, что всѣ благія начинанія исходили или отъ самого короля, или отъ постояннаго совѣта, руководимыхъ русскимъ посломъ графомъ Штакельбергомъ. Но мы узнаемъ изъ тѣхъ же источниковъ, что не взирая на это, противъ короля и совѣта съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ дѣйствовала огромная партія, присвоившая названіе патріотической. Не заботясь объ устройствѣ внутреннихъ дѣлъ, жалуясь на преобразованія, интригуя противъ Штакельберга не только въ Варшавѣ, но и въ Петербургѣ, эта партія умѣла лишь раздражать общественное мнѣніе и не думала приложить рукъ къ дѣлу.

Вскорѣ послѣ Перваго Раздѣла умеръ князь Михаилъ Чарторыйскій канцлеръ литовскій; кн. Августъ пережилъ его нѣсколькими годами, но не имѣлъ уже прежняго значенія, а сынъ этого послѣдняго, князь Адамъ, перешелъ на сторону такъ-называемыхъ патріотовъ, которые основывали всѣ свои надежды на иностранныхъ союзахъ. Къ этой же партіи примкнулъ и гетманъ Браницкій, нѣкогда другъ короля, точно также какъ Огинскіе, Ржевускіе, большая часть Потоцкихъ и мн. др. Передъ сеймомъ 1776 года, молодой Чарторыйскій, въ конфедераткѣ и въ кунтушѣ,—старинной одеждѣ польской,—подпо-

ясанный саблею, объѣзжалъ магнатовъ, привлекая ихъ въ свою партію этой вывѣскою *старожитной* Польши; на мелкое дворянство онъ дѣйствовалъ деньгами и раздалъ 435 т. франковъ для привлеченія ихъ на свою сторону. Но и Штакельбергъ не бездѣйствовалъ; для противодѣйствія Чарторыйскому, Браницкому и ихъ друзьямъ, онъ употребилъ 150 т. р., и,—благодаря ли деньгамъ русскаго посланника, или по другимъ причинамъ, сеймъ 1776 года былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ; онъ принялъ рѣшеніе пересмотрѣть и исправить законодательство страны въ смыслѣ требованій современности, и поручилъ это графу А. Замойскому. Но когда проектъ Замойскаго былъ представленъ послѣдующему сейму, то его отвергли съ негодованіемъ. Что же предлагалъ Замойскій? Ослабить, а отнюдь не уничтожить тѣ рѣзкія различія, которыя существовали между сословіями, облегчить положеніе крестьянъ, дать имъ право защищаться передъ судомъ и получать первоначальное образованіе, уменьшить зависимость судовъ отъ дворянскихъ партій, усилить правительственную власть и ограничить самовластіе гетмановъ: вотъ и все. И между тѣмъ, — говоритъ польскій историкъ Лелевель,— „едва былъ напечатанъ этотъ проектъ и сообщенъ сейму для прочтенія, все противъ него возстало: старосты, воеводы, генералы, маршалы, гетманы, папскій нунцій. Замойскій былъ объявленъ измѣнникомъ дворянскому сословію, а проектъ его — заслуживающимъ публичнаго сожженія“.

Итакъ, не смотря на уроки, данные исторіей польскому дворянству, весьма не многіе изъ этого сословія готовы были искренно отступиться отъ преимуществъ, обременявшихъ націю и подчиниться закону, когда онъ противорѣчилъ ихъ личнымъ выгодамъ. Свое-

воліе немногихъ находило большее число заступниковъ, нежели общая свобода націи. Саксонскій посланникъ при варшавскомъ дворѣ, Эссенъ, разсказываетъ, что нарушителями законовъ были самые высшіе сановники республики. „Одинъ министръ, говоритъ онъ, захватилъ имѣніе сосѣда. Постоянный совѣтъ рѣшилъ, что онъ долженъ возвратить захваченное; но несмотря на то, похититель велѣлъ зятю своему, полковнику, вооруженною рукой удерживать захваченное. И вотъ, загарается битва между жолнерами полковника и крестьянами законнаго владѣльца; полковникъ прогналъ, но 30 человѣкъ остались на мѣстѣ битвы". Эссенъ, въ любопытныхъ донесеніяхъ своихъ дрезденскому двору, приводитъ примѣры безпрестанно повторяющихся злостныхъ банкротствъ, обмановъ, мошенничествъ, даже простаго, грубаго воровства, совершаемыхъ людьми принадлежавшими къ высшей аристократіи. „Гдѣ живутъ эти преступники, восклицаетъ Эссенъ? Въ Варшавѣ; они постоянно бываютъ у короля, завѣдуютъ важными отраслями управленія, составляютъ высшее, лучшее общество, пользуются почетомъ". И дѣйствительно, въ это самое время открылось, что одинъ изъ важнѣйшихъ польскихъ сановниковъ, князь Понинскій, подскарбій, или министръ финансовъ, ограбилъ ввѣренную ему казну на нѣсколько милліоновъ злотыхъ.... Къ этому надо присоединить, что вражда партій въ этой странѣ доходила до чрезвычайнаго ожесточенія, что всѣ, даже самыя безчестныя средства допускались, чтобъ повредить своимъ политическимъ противникамъ и что въ подобныхъ случаяхъ клевета не имѣла предѣловъ. Мы уже видѣли образчики подобной клеветы противъ Россіи и русскихъ политическихъ людей, начиная съ

Императрицы *); но Саксонскій посланникъ, да и нѣкоторые другіе современники, разсказываютъ случай еще болѣе нахальной клеветы противъ своего собственнаго государя, противъ добродушнаго Станислава-Августа. Жена великаго гетмана, князя Любомірскаго, дочь Августа Чарторыйскаго и сестра кн. Адама, распустила слухъ, что король подсылалъ просить ее, чтобъ она отравила своего брата. Мало того, что она распустила этотъ слухъ, — она нашла людей, которые согласились свидѣтельствовать, что это дѣйствительно было такъ, что они сами видѣли и тѣхъ, которыхъ будто бы подсылалъ король и слышали дѣланныя ими предложенія. Однимъ изъ такихъ свидѣтелей былъ человѣкъ, принадлежащій къ знаменитой фамиліи Потоцкихъ. Князь Адамъ Чарторыйскій тотчасъ же послалъ деньги во всѣ костелы, чтобъ служить благодарственные молебны за свое спасеніе, разослалъ о томъ циркулярныя письма во всѣ воеводства, довелъ до свѣдѣнія дружественныхъ дворовъ, — словомъ поднялъ тревогу на всю Польшу, на всю Европу, — и все это для того, чтобъ умалить значеніе короля, чтобъ поразить противную партію!... Станиславъ, задѣтый за живое, нарядилъ слѣдствіе, назначивъ въ члены слѣдственной коммиссіи нѣсколькихъ человѣкъ изъ извѣстныхъ партизановъ Чарторыйскаго, и это слѣдствіе разоблачило гнусную интригу; судъ приговорилъ виновныхъ къ заключенію, но, — прибавляетъ Эссенъ, — общественое мнѣніе отнеслось къ нимъ очень снисходительно: „въ Польшѣ общество не наказываетъ мошенничества (Spitzbuberej)".

Въ странахъ, гдѣ нація принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, партіи неизбѣжны и неизбѣжна между

*) См. ложный манифестъ въ гл. III, Вып. V.

ними борьба; эта борьба можетъ иногда доходить до ожесточенія; но безнравственность высшихъ сословій есть признакъ опасный для самаго существованія государствъ. Картина, которую рисуетъ Эссенъ, наводитъ на мысль, что самыя основы польской націи были подорваны, а это было тѣмъ болѣе важно, что въ Польшѣ и спасеніе и погибель зависѣли не столько отъ правительства, сколько отъ самой націи.

Но, какъ сказано, благодаря доброй волѣ короля, и стараніямъ нѣсколькихъ честныхъ гражданъ, первые сеймы послѣ раздѣла были довольно успѣшны и преобразованія, хоть и не радикальныя, вводились постепенно. Совершенно иначе пошло дѣло, когда начали дѣйствовать нѣкоторыя иностранныя вліянія, всегда чрезвычайно могущественныя въ Польшѣ. „Мы республиканцы и государи, говаривали польскіе магнаты, — а государи, при сношеніяхъ другъ съ другомъ, имѣютъ въ виду одну собственную выгоду. Точно также и мы ничего не дѣлаемъ для другихъ государей безъ собственной выгоды“. Такимъ образомъ, стоило любому изъ иностранныхъ государей разсыпать нѣсколько золота, чтобъ имѣть между польскими „республиканцами„ союзниковъ и управлять судьбою ихъ отечества.

Прусскій дворъ зналъ это лучше всѣхъ. Сближеніе Екатерины съ Іосифомъ встревожило его и онъ тотчасъ же обратился къ Польшѣ и, поддерживаемый британскимъ правительствомъ, безъ труда составилъ партію, при помощи которой надѣялся связать руки Россіи и обезоружить ея союзъ съ Австріей. Казалось бы, прусскому королю менѣе нежели кому-нибудь могло быть возможно найдти союзниковъ въ Польшѣ. Отдѣливъ отъ нея въ 1774 году нѣсколько областей, оба императорскіе двора не обнаруживали дальнѣйшихъ претензій;

но Фридрихъ желалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Гданскъ,—этотъ единственный приморскій пунктъ, остававшійся у Польши, единственный путь къ морю для произведеній ея слабой промышленности. Многіе годы прошли однако въ нерѣшительныхъ попыткахъ со стороны Пруссіи такъ или иначе достигнуть пріобрѣтенія Гданска, — и въ продолженіе этого времени скончался знаменитый король (1786 г.), положившій прочное основаніе прусскому вліянію. Его преемникъ Фридрихъ-Вильгельмъ II наслѣдовалъ его виды на Польшу и стремился къ нимъ съ большою настойчивостью. Правительство его начало ласкать Поляковъ и внушать имъ розовыя надежды. Пруссія,—говорили Полякамъ прусскіе дипломаты, — не мотутъ допустить усиленія Россіи и Австріи; въ этомъ случаѣ она дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ Англіей, и обѣ эти державы употребятъ всѣ свои усилія, чтобы принудить императорскіе дворы, въ виду ожидаемыхъ ими завоеваній у Турціи, уступить Польшѣ Галицію и Бѣлоруссію... но, — присовокупляли они въ откровенныхъ бесѣдахъ съ наиболѣе довѣренными лицами, — Польшадолжна за это уступить намъ Торнъ и Гданскъ.

Такія выгоды были слишкомъ гадательны, чтобъ оказать какое-нибудь вліяніе на польское правительство; но гораздо легче было увлечь ими впечатлительные умы сеймовыхъ чиновъ и вообще рыцарство. Король Станиславъ, видя все усиливавшееся противъ себя раздраженіе, былъ принужденъ искать опоры со стороны Россіи и правительство его находилось подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго посла; но это, въ свою очередь, было лишнею причиною для негодованія противъ него со стороны польскихъ патріотовъ: ненависть къ своему и къ русскому правительству усиливалась въ нихъ одновременно.

Интриги прусскихъ дипломатовъ, производившіяся, разумѣется, тайно, можетъ быть не такъ скоро были бы разгаданы нашею дипломатіей, но Поляки сами, принимая рѣзкій и злонамѣрвый тонъ въ отношеніи Штакельберга, постарались, можно сказать, пробудить его вниманіе. Съ своей стороны и британское правительство, недовольное системою вооруженнаго нейтралитета, не пропускало случая воздвигать затрудненія Россіи; между тамошними государственными людьми уже утвердилось въ это время у бѣжденіе, что усиленіе Россіи на Востокѣ грозитъ величайшими опасностями британскому могуществу; знаменитый лордъ Чатамъ, долго управлявшій судьбами своего отечества, утверждалъ, что не стоитъ говорить о политикѣ съ Англичаниномъ, который не раздѣляетъ этого образа мыслей, и слова лорда Чатама незамедлили получить значеніе доктрины между государственными людьми Англіи. Подобно тому, какъ прусская дипломатія разработывала польскіе сеймы, англійское стало разрабатывать диванъ и имѣло не менѣе успѣха. Сосѣдніе съ Грузіей паши возбуждали народъ противъ царя Ираклія, подсылали къ немусамому, чтобы склонять его возвратиться подъ власть султана, высылали толпы Лезгинъ на страну, принявшую покровительство Россіи. Мусульманская проповѣдь усиливалась среди горскихъ племенъ, прилегавшихъ къ Черному морю и Кубани и взывала къ священной войнѣ противъ „невѣрныхъ“. Волнуемые такими воззваніями, закубанскіе горцы дѣлались все болѣе смѣлыми и предпріимчивыми и сильно затруднялиразвитіе осѣдлости въ поселеніяхъ, устраивавшихся на правомъ берегу Кубани. Въ Дунайскихъ Княжествахъ, которыя, какъ извѣстно, были поставлены Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ подъ нѣкотораго рода покровительство русскаго посла въ Констан-

тинополѣ, притѣсненія со стороны Турокъ усиливались; одинъ изъ молдавскихъ господарей, Гика, былъ умерщвленъ по повелѣнію султана; другому, Маврокордато, угрожала та же участь, но онъ успѣлъ уйдти въ Россію. Всѣми этими Порта очевидно отвѣчала на занятіе Русскими Крыма и принятіе Грузіи подъ покровительство. Наконецъ, въ то самое время, когда Екатерина совершала свое путешествіе въ Новороссійскій край, нѣсколько европейскихъ инженеровъ прислано было въ Очаковъ, для усиленія оборонительныхъ средствъ этой крѣпости и нѣсколько турецкихъ кораблей появилось въ устьѣ Днѣпра во время пребыванія Императрицы въ Херсонѣ.

Еслибъ Екатерина могла дѣйствовать единственно по внушенію своего смѣлаго духа, безъ сомнѣнія она пошла бы навстрѣчу вызову Турціи. Но положеніе Россіи, пораженной повсемѣстнымъ неурожаемъ, связывало ей руки. Съ другой стороны, союзникъ нашъ Іосифъ II былъ сильно озабоченъ въ это время волненіями, которыя, начавшись уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ его Нидерландскихъ провинціяхъ, становились все серіознѣе, благодаря политикѣ тѣхъ же враждебныхъ русско-австрійскому союзу дворовъ. Эти волненія начинали наконецъ принимать такіе размѣры, что угрожали обратить въ ничто обѣщанную имъ Россіи помощь Правда, въ самое послѣднее время,— именно, передъ поѣздкою Императрицы въ Крымъ, произошло нѣкоторое сближеніе французскаго двора съ нашимъ и французская политика, какъ выше сказано, побуждала Турцію къ осторожности; но во Франціи начинали обнаруживаться въ это время безпокойства, изъ которыхъ вскорѣ должны были произойдти страшныя потрясенія, ниспровергшія и престолъ Людовика XVI и весь общественный строй Франціи.

Такое положеніе дѣлъ не могло не обнаружить вліянія на образъ дѣйствія Россіи. Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Булгаковъ, былъ вызванъ для свиданія съ Государыней въ Херсонъ и получилъ миролюбивыя наставленія. Но тѣ же самыя причины, которыя наклоняли Россію къ миролюбію, побуждали Пруссію и Англію съ ихъ союзниками, всѣми силами вызвать разрывъ теперь, когда Россія и Австрія находились въ затруднительномъ положеніи. Болѣе выгодной минуты для этого дѣйствительно нельзя найдти. На миролюбивый образъ дѣйствія Булгакова министры Порты начали отвѣчать съ постепенно возрастающимъ высокомѣріемъ и наконецъ потребовали, чтобъ Крымъ былъ очищенъ и чтобъ Россія отступилась отъ покровительства Грузіи, — словомъ, отъ Россіи потребовали добровольнаго отреченія отъ послѣднихъ важныхъ успѣховъ ея. Булгаковъ отвергъ эти требованія, и былъ, подобно Обрескову, заключенъ въ Семибашенный замокъ. Императрицѣ не оставалось ничего болѣе, какъ отвѣчать на это манифестомъ о войнѣ противъ Турціи (7 сент. 1787).

Все это совершилось такъ быстро, что война застала насъ недостаточно къ ней готовыми и, — должно признаться, что вина въ этомъ падаетъ болѣе всего на Потемкина. Орудуя главными политическими дѣлами этого времени, онъ, больше чѣмъ кто-нибудь, долженъ былъ предвидѣть возможность разрыва съ Турціей; благоразуміе требовало слѣдовательно, либо заблаговременно принять мѣры дабы не быть застигнуту врасплохъ объявленіемъ войны, либо отложить поѣздку въ Крымъ Императрицы, ибо торжественное появленіе ея среди провинціи, о потерѣ которой такъ скорбѣла Порта, сборъ военныхъ силъ у Кременчуга и Херсона, залпы рус-

скихъ кораблей въ Севастопольскомъ заливѣ, легко могли быть, и дѣйствительно были приняты въ Константинополѣ за вызовъ со стороны Россіи. Къ сожалѣнію, въ это время при Екатеринѣ уже не было осторожнаго Панина.

XVIII.

Неудачное начало войны (1787). — Смущеніе Потемкина. — Планъ военныхъ дѣйствій. — Кампанія 1788 года: разрывъ и война со Швеціей; успѣхи на Черномъ морѣ; взятіе Очакова. — Кампанія 1789 года: греческіе корсары; нерѣшительныя дѣйствія Потемкина; побѣды Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ (11 сентября); Потемкинъ утверждается на Днѣстрѣ и овладѣваетъ Анапой.

Изложеніе Второй Турецкой войны снова выдвигаетъ Потемкина на первый планъ нашего разсказа. Эта война была послѣдняя, въ царствованіе Екатерины, глава Греческаго Проекта,—этого величественнаго дѣла, которому подножіемъ долженствовало служить устройство Новороссійскаго края и заведеніе военнаго флота на Черномъ морѣ, а приступомъ — присоединеніе Крыма и начало русскаго владычества на Кавказѣ. Дальнѣйшаго развитія этого дѣла должно было ожидать отъ начинавшейся войны.

Потемкину хотѣлось ко всѣмъ заслуженнымъ уже родамъ славы присоединить и военную, и, къ несчастію, Императрица воображала, что ея любимецъ обладаетъ всѣми родами способностей. Она ошибалась: Потемкинъ не былъ рожденъ полководцемъ, а безъ нѣкоторыхъ природныхъ качествъ хорошимъ полководцемъ быть невозможно. Важнѣйшія изъ этихъ качествъ суть вѣрность взгляда и быстрота рѣшенія. Еслибъ какое-нибудь изъ распоряженій, сдѣланныхъ по части дипломатической или по внутреннему управленію, оказалось ошибочнымъ, то

ошибки такого рода можно исправить; сдѣлавши шагъ по ложному пути, можно снова выдти на прямую дорогу. Напротивъ того, главнокомандующему приходится отдавать такія приказанія, послѣдствія которыхъ часто нельзя измѣнить. Дипломатъ и администраторъ, а тѣмъ болѣе законодатель почти всегда имѣетъ возможность совѣтоваться со своими помощниками, если находятъ данный случай затруднительнымъ; полководецъ, который любитъ прибѣгать къ военнымъ совѣтамъ, лишается части своего авторитета, а во время боя ему приходится принимать самыя важныя рѣшенія мгновенно: тутъ ужъ нѣкогда совѣщаться. Поэтому главнокомандующій долженъ обладать не только необыкновенной рѣшительностью, но нѣкотораго рода вѣрой въ свою непогрѣшимость; мало того: онъ долженъ не смущаться неудачей и на другой день послѣ пораженія дѣйствовать съ такою же самоувѣренностью, какъ послѣ побѣды. Человѣкъ впечатлительный не можетъ слѣдовательно быть хорошимъ полководцемъ,—а впечатлительность была отличительнымъ качествомъ Потемкина. Неудача убивала его нравственныя силы, какъ это не разъ случалось съ нимъ и до описываемаго времени. Одинъ изъ его біографовъ разсказываетъ, что потерявъ еще въ молодости зрѣніе на одинъ глазъ, онъ пришелъ въ такое отчаяніе, что полтора года не выходилъ изъ комнаты. Въ другой разъ, испытавъ какую-то неудачу при дворѣ, онъ хотѣлъ покинуть свѣтъ и пойдти въ монастырь. Очевидно, человѣкъ съ подобными свойствами, не могъ уже по самой природѣ своей, сохранять неизмѣнное спокойствіе, необходимое для главнокомандующаго. И дѣйствительно, мы увидимъ, что Потемкинъ, этотъ энергическій администраторъ, этотъ человѣкъ создававшій самые смѣлые политическіе планы, оказал-

ся нерѣшительнымъ и даже слабымъ предводителемъ арміи.

Передъ началомъ такъ называемой Второй Турецкой войны союзъ Россіи съ Австріей былъ во всей своей силѣ. По всей границѣ этого государства съ Турціей, то-есть, отъ Валахіи до Адріатическаго моря, были разставлены австрійскія войска. Россія, съ своей стороны, имѣла двѣ арміи: одна была расположена на Украйнѣ и командовалъ ею Румянцевъ, другая состояла изъ войскъ подчиненныхъ Потемкину и расположена была въ Новороссійскомъ краѣ. Обѣ онѣ находились вблизи тѣхъ пунктовъ, на которыхъ должны были начаться военныя дѣйствія. Но военныя дѣйствія начались прежде чѣмъ въ Петербургѣ былъ подписанъ манифестъ о войнѣ. 21 августа 1787 года, довольно сильная Турецкая эскадра, подъ начальствомъ того самаго Гассанъ-паши, который командовалъ подъ Чесмою, неожиданно вступила въ Днѣпровскій лиманъ и сдѣлала покушеніе, впрочемъ неудачное, противъ тамошней гребной флотиліи.

Такимъ образомъ, военныя дѣйствія открылись первоначально на морѣ. Потемкинъ, полный одушевленія, поспѣшилъ воспользоваться случаемъ, который открывался нашему молодому флоту испытать свои силы и написалъ командовавшему онымъ адмиралу Войновичу; „гдѣ увидите флотъ Турецкій, — атакуйте его во что бы-то ни стало, хоть бы всѣмъ пропасть“. Но на первомъ шагу Потемкину пришлось испытать жестокую неудачу. Едва корабли наши удалились отъ Крымскихъ береговъ, какъ поднялась (4 сентября) сильнѣйшая буря и разметала ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были разбиты и потоплены, другіе потерпѣли болѣе или менѣе важныя поврежденія; одинъ корабль, лишившись руля

и мачтъ, занесенъ былъ въ Константинопольскій проливъ и попалъ въ руки Туркамъ. Разстроенные остатки столь заботливо сооружавшагося флота возвратились по частямъ и въ жалкомъ видѣ въ Севастополь, гдѣ должны были долго чиниться, прежде чѣмъ снова выйдти въ море.

Между тѣмъ часть Очаковскаго гарнизона, значительно усиленнаго Гассанъ-пашею, переправилась черезъ Лиманъ и сдѣлала высадку на Кинбурнскую Косу. Суворовъ, находившійся тутъ, отразилъ Турокъ. 1 октября, высадка на Кинбурнскую Косу была возобновлена; пятитысячный турецкій дессантъ окопался и повелъ подступы къ Кинбургскому укрѣпленію, къ которому Турки подвели свои мелкія суда и открыли сильный огонь, какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря. Суворовъ кинулся на турецкія батареи, былъ два раза отраженъ, но въ третій разъ опрокинулъ Турокъ и втопталъ въ море, такъ что неболѣе десятой части дессанта успѣло спастись *).

---

*) Кинбурнская побѣда очень возвысила Суворова въ общественномъ мнѣніи до того времени онъ пользовался почетною извѣстностью только въ арміи, но публикамало его знала. Съ этого же времени онъ сталъ позволять себѣ болѣе прежняго чудачить и оригинальничать. Для обращика приводимъ отрывокъ изъ его писемъ, которыя онъ писалъ съ Кинбурнской Косы къ дочери своей, бывшей въ Смольномъ монастырѣ:

.......„У насъ были драки сильнѣе нежели вы деретесь за волосы; а какъ вправду потанцовали,—въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрѣлили: насилу часовъ черезъ восемь отпустили съ театра въ камеру... Какъ же весело на Черномъ морѣ, на Лиманѣ! Вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички!.. а въ водѣ стерляди, осетры, — пропасть!... Прости, мой другъ Наташа. Я чаю, ты, знаешь, что мнѣ моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность“.

Извѣстіе о бѣдствіи постигшемъ флотъ, какъ громомъ поразило Потемкина и совершенно разстроило его впечатлительную, нервную натуру. Въ противность установившемуся вездѣ обычаю, скорѣе ослаблять неудачи въ своихъ донесеніяхъ, нежели усиливать ихъ, Потемкинъ написалъ Государынѣ мрачное письмо, распространялся объ опасности, въ которой находится Кинбурнъ и говорилъ, что у него „отнялись руки". Получивъ это странное письмо, Екатерина не дала ему полной вѣры; она знала къ какимъ порывамъ отчаянія, равно какъ и радостныхъ увлеченій способенъ ея любимецъ. „Что Кинбурнъ осажденъ непріятелемъ и уже тогда четыре сутки выдерживалъ канонаду и бомбардираду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма,—отвѣчала Екатерина. — Дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ; то для того не

.......„Голубушка Суворочка, цѣлую тебя! Ты еще меня посчастливила письмомъ отъ 30 апрѣля. Радъ я съ тобой говорить о старыхъ и новыхъ герояхъ, лишь научи меня, чтобъ я имъ послѣдовалъ. Ай-да Суворочка! Здравствуй, душа моя, въ бѣломъ платьѣ, (означающемъ переходъ въ старшій классъ)! Носи на здоровье, рости велика. Ужь теперь-то, Наташа, какой у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой! Собачки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ! Я сплю на Косѣ, она тамъ далеко, въ морѣ Лиманѣ. Какъ гуляю, слышно что они (Турки) говорятъ. Они такъ, около насъ,—очень много; на такихъ привеликихъ лодкахъ. Шесты большіе, къ облакамъ; полотна на нихъ съ версту"...

...... „Ай-да охъ, какъ же мы подчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ, да желѣзными кеглями, въ твою голову величины. У насъ были такія длинныя булавки, да ножницы: кривыя и прямыя; рука не попадайся — тотчасъ отрѣжутъ, хоть и голову. Ну полно съ тебя, заврались. Кончилось иллюминаціей, фейерверкомъ. Хастатовъ весь изцарапанъ. Съ pesteir Турки ушли, не далеко! Богу молиться по своему и только. Больше нѣтъ ничего. Прости, душа моя Христосъ-Спаситель съ тобою".

унывать, а стараться, какъ ни на есть отомстить и брать *реванжъ*. Имперія останется имперіей и безъ Кинбурна; толи мы брали и теряли! Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли, а публика лжетъ въ свою пользу и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складываетъ, и Царьградъ бомбардируетъ; я слышу все сіе съ молчаніемъ и себѣ на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно. Молю Бога, чтобы далъ тебѣ силы и здоровья, и унялъ ипохондрію. Богъ тебѣ поможетъ, а Царь тебѣ другъ и покровитель".

Но прежде чѣмъ это успокоительное письмо,—царское по величію, и женское по нѣжной ласковости,—пришло къ Потемкину, онъ получилъ новыя донесенія о пораженіяхъ нанесенныхъ бурею его дорогому Черноморскому флоту. „Матушка", — написалъ онъ Государынѣ въ совершенномъ отчаяніи, — „я сталъ несчастливъ при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпріемлемыхъ все идетъ на выворотъ. Флотъ Севастопольскій разбитъ бурею; остатокъ его въ Севастополѣ, — все малыя и ненадежныя суда и лучше сказать, неупотребительныя; корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не Турки. Я, при моей болѣзни, пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей-ей, я почти мертвъ. Всѣ милости и имѣнія, которыя получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю къ стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человѣкомъ; но что я былъ вамъ преданъ,—свидѣтель Богъ"! Потемкинъ въ своемъ отчаяніи доходилъ до малодушія и предлагалъ вывесть войско изъ Крыма.

Недовольна будучи такимъ упадкомъ духа въ своемъ любимцѣ, Екатерина надѣялась, однакожь, что отчаяніе его пройдетъ и что онъ еще будетъ полезенъ отечеству. Она поспѣшила написать ему: „Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе имѣетъ расположенія, нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова".

Побѣда Суворова на Кинбурнской Косѣ излѣчила Потемкина. Послѣ этой побѣды, какъ бы оправляясь отъ тяжкой болѣзни и припоминая свои душевныя муки, онъ съ грустью, но уже спокойно писалъ Государынѣ: „Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце, и сколько я преодолѣлъ препятствій и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царьграду"! Этотъ флотъ былъ сильно разстроенъ; надо было вычинивать то, что еще могло быть вычинено и замѣнять погибшее новымъ. Потемкинъ между тѣмъ ожилъ и дѣятельность закипѣла. Вездѣ гдѣ только можно было найдти лѣсъ и плотниковъ, — на Дону, Днѣпрѣ, Ингулѣ и Бугѣ, — начались работы. Вѣрный помощникъ Потемкина, Фалеевъ, можно сказать, разрывался на части и все еще Потемкинъ безпрестанно торопилъ и понуждалъ его. „Вы не дивитесь, что я ворчу, писалъ онъ ему: „Богу извѣстно, что силъ не достаетъ; вездѣ самому быть нельзя, а все, до малѣйшихъ способовъ у меня требуютъ".—„Напрягите всѣ силы ваши, чтобы работа *Николая* шла успѣшна".— „Охъ, батюшка, спѣши съ фрегатами и кораблемъ"! Таково содержаніе записокъ, которыя почти ежедневно получалъ Фалевъ.

Но это была дѣятельность въ сферѣ администра-

тивной, а не чисто военной: флотъ возрождался послѣ испытаннаго имъ погрома, но военныя дѣйствія не открывались во всю осень 1787 года. Они были отложены до слѣдующаго лѣта. Для дѣйствій противъ Турціи заблаговременно составленъ былъ обширный планъ. Румянцевъ съ 37000 арміей долженъ былъ перейдти Днѣстръ и примкнуть къ австрійской арміи, угрожая Дунаю, но не предпринимая рѣшительнаго наступленія; подобныя же демонстраціи предположено было произвести и со стороны Кавказа; но главныя дѣйствія предназначались противъ Очакова, который доставлялъ ей возможность произвести высадку и вторгнувшись въ Новороссійскій край, поставить въ весьма опасное положеніе наши арміи, еслибъ онѣ предприняли наступленіе къ Дунаю. Рѣшительное наступленіе не возможно было прежде взятія Очакова. Но такъ какъ Очаковъ былъ весьма сильно укрѣпленъ въ послѣднее время, то армія Потемкина усилена была до 80000 человѣкъ. Независимо отъ того, предполагалось вывести въ Черное море флотъ, а въ Кронштадтѣ снарядить эскадру для отправленія въ Средиземное море съ цѣлію, какъ и въ предшествующую войну, поднять противъ Турокъ Греческое и Славянское народонаселенія.

Наступилъ 1788 годъ. Румянцевъ, согласно вышеизложенному плану, вступилъ въ Молдавію и занялъ Яссы и болѣе ничего не предпринималъ. Австрійскія войска, по своему растянутому положенію тоже не могли сдѣлать ничего рѣшительнаго. Что жекасается до Потемкина, то онъ, потерявъ половину лѣта въ приготовленіяхъ къ осадѣ Очакова, приступилъ къ этой крѣпости лишь 20 іюля и началъ осадныя работы въ исходѣ лѣта. Пылкій, настойчивый и неутомимый въ управленіи Новороссійскимъ краемъ онъ не цѣнилъ времени тамъ, гдѣ оно всего дороже,—

въ военномъ дѣлѣ. Между тѣмъ политическій горизонтъ сильно помрачился. Мы уже видѣли, что Англія и Пруссія относились неблагосклонно къ усиленію Россіи на счетъ Турціи. Мы видѣли также, что прусскій дворъ, въ союзѣ съ англійскимъ, возбуждалъ умы Поляковъ противъ Россіи. Подобнымъ же образомъ дѣйствовали они и въ Швеціи. Славолюбивый Густавъ всю жизнь свою мечталъ о томъ, чтобы возвратить области, завоеванныя Россіей у Швеціи со временъ Карла XII, и предвидя, что между Императрицей и султаномъ рано или поздно послѣдуетъ разрывъ, мало-по малу усиливалъ свою армію и вооружалъ свой флотъ. Прусское и англійское правительства поддерживали въ немъ это воинственное настроеніе и, въ надеждѣ на ихъ покровительство, Густавъ, съ начала войны нашей съ Турціей, принялъ рѣшительно угрожающее положеніе.

Общественное мнѣніе Швеціи не было расположено къ войнѣ и видѣло съ неудовольствіемъ воинственныя приготовленія своего короля. Сенатъ счелъ долгомъ представить ему, что для производимыхъ имъ вооруженій не предвидится достаточныхъ основаній и что нація желаетъ мира. Густавъ отвѣчалъ, что къ этому побуждаютъ его подобныя же вооруженія, дѣлаемыя въ Кронштадтѣ, и что онъ имѣетъ въ виду единственно быть готовымъ на случай неожиданнаго нападенія со стороны Россіи. Но говоря такимъ образомъ государственнымъ сановникамъ, онъ не скрывалъ отъ своихъ приближенныхъ, что намѣренъ воспользоваться настоящими обстоятельствами для возвращенія всѣхъ потерь, понесенныхъ Швеціей по Ништадтскому и Абоскому трактамъ. Графъ Разумовскій, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, подалъ королевскому правительству ноту, въ

которой объяснялъ, что вооруженія, производимыя въ Кронштадтѣ, никакъ не должны тревожить Швецію и что нелѣпо со стороны Россіи было бы начинать разомъ двѣ войны, а между тѣмъ, чтобы не допустить и общественное мнѣніе впасть въ заблужденіе, онъ дѣлалъ тѣ же самыя внушенія и вліятельнѣйшимъ между шведскими сенаторами, принадлежавшими къ миролюбивой партіи. Но эта миролюбивая партія была въ настоящихъ обстоятельствахъ партіей оппозиціонной. Опасаясь, чтобы при поддержкѣ русскаго посла, она не сдѣлалась слишкомъ сильна и не принудила его прекратить вооруженія, король поспѣшилъ разрывомъ. Подъ предлогомъ, что Разумовскій возбуждаетъ въ Швеціи духъ партій, онъ прислалъ ему приглашеніе выѣхать изъ Стокгольма въ теченіе 8 дней, а между тѣмъ, посадивъ на корабли войска свои, отплылъ съ ними къ финляндскимъ берегамъ, все еще не объявляя войны.

Всѣ эти тревожныя извѣстія быстро приходили въ Петербургъ одно за другимъ. „Остается рѣшить, — писала по этому поводу Екатерина къ Потемкину, — лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстраціи? Еслибы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ, что̀ дѣлать, переговоря съ тобой. Еслибы слѣдовать моей склонности, я бы флоту Грейгову, да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію! Въ сорокъ лѣтъ Шведы не построили бы корабли!“ Опасеніе вызвать новую войну на сѣверѣ, когда всѣ силы были оттянуты на югъ, удержало Екатерину отъ подобнаго образа дѣйствій; но Густавъ шелъ къ своей цѣли прямо и явно вызывалъ Россію. Вслѣдъ за оскорбленіемъ нашего посланника, онъ прислалъ требованіе (ультиматумъ), чтобъ Разумовскій былъ примѣрно наказанъ, чтобъ Швеціи были возвращены всѣ земли, прі-

обрѣтенныя по Ништадтскому и Абоскому договорамъ, чтобы съ Турціей заключенъ былъ миръ съ возвращеніемъ ей Крыма и завоеваній, сдѣланныхъ въ послѣднюю войну. Въ отвѣтъ на эти предложенія, требовалось одно изъ двухъ: *да* или *нѣтъ*. Такое донкихотство возбудило неудовольствіе даже въ союзникахъ Густава; французскій посланникъ въ Петербургѣ графъ Сегюръ сказалъ Императрицѣ, что предложенія, подобныя тѣмъ, которыя предъявила Швеція, можно было бы сдѣлать, выигравъ три большія сраженія. „Еслибъ и въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала Екатерина, король одержалъ три большія побѣды, еслибы даже онъ овладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я еще показала бы ему, что̀ можетъ сдѣлать, во главѣ храбраго, преданнаго народа, рѣшительная женщина на развалинахъ великой Имперіи!“ Отвѣтъ на шведскія предложенія не могъ быть сомнителенъ, тѣмъ болѣе, что еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ, получено было извѣстіе о высадкѣ шведскихъ войскъ въ Финляндіи и о появленіи ихъ подъ Нейшлотомъ.

Екатерина подписала манифестъ о войнѣ съ Швеціей 30 іюня. Но она не скрывала отъ себя, что дѣла очень затруднительны. „Правду сказать, — замѣтила она одному изъ своихъ статсъ-секретарей, — Петръ близко (отъ границы) сдѣлалъ столицу!“ Въ Петербургѣ и окрестностяхъ находилось очень мало войскъ; пограничныя крѣпости были ничтожны и Кронштатскій флотъ еще не вполнѣ былъ вооруженъ. Въ петербургскомъ обществѣ распространилось смятеніе; заговорили, что во дворцѣ укладываются и что по московскому тракту велѣно выставить лошадей для отъѣзда царской фамиліи въ Москву. Но это были пустые слухи. Желая разсѣять ихъ, Императрица, въ разговорѣ съ графомъ Се-

гюромъ, сказала: „Напишите вашему двору, что я остаюсь въ столицѣ и что если оставлю ее, то развѣ для того лишь, чтобы выйдти на встрѣчу королю Шведскому!“ Смущенiе, которое овладѣло Петербургомъ, уступило мѣсто горячему патрiотическому одушевленiю и быстро сообщилось всему государству. В. к. Павелъ отправился въ армiю; петербургское дворянство поспѣшило выставить рекрутъ, не ожидая манифеста о наборѣ; многiе города предложили деньги. Костромское дворянство прислало плотниковъ для адмиралтейства; въ Москвѣ, графъ Шереметевъ, не говоря о другихъ, далъ не въ зачетъ 500 рекрутъ. Государственные крестьяне выставляли подводы для стекавшихся отвсюду войскъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, вице-президентъ военной коллегiи, формировалъ наскоро, вооружалъ и отправлялъ въ Финляндiю команды, по мѣрѣ ихъ прибытiя; солдаты просили, чтобъ ихъ вели „на Шведа“ безъ дневокъ. Такимъ образомъ, въ короткое время сформировался на границѣ корпусъ войскъ, тысячъ въ 15 численностью, а между тѣмъ Густавъ терялъ время въ осадѣ Фридригсама и Нейшлота. Между тѣмъ Грейгъ, одинъ изъ Чесменскихъ героевъ, вывелъ свои корабли въ море и отправился отыскивать шведскую эскадру. Встрѣча между ними произошла 6 iюля, близь острова Готланда, въ Финскомъ заливѣ, и, хотя наши неопытные моряки не оказали особеннаго искусства, но принудили шведскiй флотъ поворотить назадъ и укрыться подъ выстрѣлы Свеаборгской крѣпости, въ виду которой взяли одинъ шведскiй корабль.

Извѣстiе объ этомъ первомъ успѣхѣ было принято въ Петербургѣ съ живѣйшею радостью, и вскорѣ стали приходить изъ Финляндiи извѣстiя еще болѣе утѣшительныя. Въ шведской армiи распространилось сильное неудовольствiе на короля за то, что онъ началъ войну

безъ всякаго къ тому повода и безъ согласія сейма. Офицеры отряда, осаждавшаго Фридрихсгамъ, въ числѣ которыхъ было особенно много недовольныхъ, сообщили свой образъ мыслей и солдатамъ, такъ что весь этотъ отрядъ самъ собою, безъ всякаго приказанія со стороны высшаго начальства, покинулъ осаду и отступилъ отъ города на 25 верстъ. Тоже самое произошло и подъ Нейшлотомъ. Отъ возмутившихся войскъ присланъ былъ въ Петербургъ депутатъ съ объясненіями, что начатая безъ всякаго повода и права война имъ противна и что они не намѣрены принимать въ ней участія. Жестоко уязвленный Густавъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ возвратиться въ Стокгольмъ; но здѣсь открылось, что возмущеніе, обнаружившееся подъ Фридрисгамомъ, имѣло корни во всемъ королевствѣ или, по крайней мѣрѣ, во всемъ дворянствѣ. Положеніе короля было, слѣдовательно, весьма опасно; онъ могъ бы погибнуть среди бури, неосторожно имъ самимъ возбужденной, еслибъ Екатерина могла воспользоваться выгодами своего положенія, не опасаясь серіозныхъ для себя затрудненій со стороны Пруссіи и Англіи. Но ни политическія соображенія, ни внутреннія затрудненія не допускали дѣйствовать слишкомъ смѣло. Екатерина могла себѣ дозволить только предать осмѣянію неудачную попытку Шведскаго короля и написала оперетку, представленную на придворномъ театрѣ, въ которой, подъ именемъ *Горе-богатыря Косометовича*, представленъ былъ Густавъ III, стремящійся по слѣдамъ Карла XII, и которая оканчивалась слѣдующимъ куплетомъ:

Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,

И море зажигать хотѣла...
Но море не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно.

На югѣ морскія военныя дѣйствія начались гораздо ранѣе сухопутныхъ. Въ Севастополѣ съ ранней весны была готова парусная эскадра, оправившаяся отъ прошлогодняго несчастія, а въ Херсонѣ—гребная, управляемая по большей части старыми запорожцами и командуемая поступившимъ въ русскую службу принцемъ Нассау, Въ началѣ мая произошло нѣсколько удачныхъ встрѣчь между нашими мелкими судами и турецкими, но серіозная война началась лишь въ концѣ этого мѣсяца, когда Гассанъ-паша явился съ многочисленнымъ и довольно хорошо на этотъ разъ устроеннымъ флотомъ въ устьяхъ Днѣпра. 7 іюня онъ былъ аттакованъ соединенными нашими эскадрами и послѣ жестокаго боя, принужденъ укрыться подъ выстрѣлами очаковскихъ батарей. Нѣсколько дней спустя, принцъ Нассау, съ своими гребными судами, снова напалъ на Турокъ, выступившихъ въ море, принудилъ ихъ опять искать спасенія подъ выстрѣлами крѣпости, и потопилъ нѣсколько отдѣлившихся отъ эскадры судовъ. На слѣдующую ночь Гассанъ предполагалъ отплыть къ турецкимъ берегамъ, чтобъ исправить свои поврежденія; но въ темнотѣ корабли его придержали слишкомъ близко къ кинбурнскому берегу, откуда немедленно открытъ былъ по нимъ огонь калеными ядрами. Отъ этихъ страшныхъ снарядовъ нѣсколько судовъ загорѣлось; охваченные пламенемъ и покинутые своими матросами, которые кидались въ море, чтобъ спастись отъ огня, эти суда неслись на всѣхъ парусахъ по волѣ вѣтра, угрожая зажечь весь флотъ, и взлетали на воздухъ, когда огонь доходилъ до пороховыхъ камеръ. Сторо-

нясь отъ нихъ, нѣсколько кораблей потеряли фарватеръ и сѣли на мель; на нихъ кинулись наши гребныя суда и нѣкоторые взяли въ плѣнъ, другіе же, которыхъ не могли сдвинуть съ мели, потопили. Лишь незначительная часть турецкаго флота успѣла спастись въ открытомъ морѣ, а другая—подъ батареями Очакова. Но эта послѣдняя не избѣгла погибели. Нассау атаковалъ ее своими лодками и истребилъ всю безъ остатка." Гассанъ-паша, собравъ немногіе корабли, избѣгнувшіе гибели и произведя наскоро въ нихъ исправленія, попытался было еще разъ возвратиться къ Очакову, но встрѣтилъ нашъ парусный флотъ и, послѣ боя, въ которомъ понесъ новыя потери, принужденъ былъ окончательно удалиться.

Морская кампанія 1788 года была окончена; но сухопутная едва начиналась. Лишь въ концѣ іюля Потемкинъ приблизился къ Очакову, давъ между тѣмъ, какъ сказано, возможность Гассанъ-пашѣ значительно усилить гарвизонъ этой крѣпости войсками, бывшими на его корабляхъ. Осадныя работы начались лишь въ августѣ, но онѣ производились неискусно и съ крайней медленностью. Нетерпѣливый Суворовъ просилъ главнокомандующаго позволить штурмовать Очаковъ; Потемкинъ не согласился, полагая, что правильная осада будетъ стоить войску меньше жертвъ. Это было заблужденіе: продолжительная осада истребляетъ больше народу, чѣмъ кровопролитный штурмъ. Суворовъ зналъ это очень хорошо. Онъ говорилъ—„сидѣньемъ крѣпостей не берутъ", и рѣшился на отважную попытку: воспользовавшись вылазкою, сдѣланною непріятелемъ, онъ вывелъ противъ нея всѣ подвѣдомыя ему войска, опрокинулъ Турокъ и кинулся къ укрѣпленіямъ, надѣясь, что главнокомандующій принужденъ будетъ поддержать его и что такимъ образомъ дѣло окон-

чится общимъ штурмомъ; но Потемкинъ не поддержалъ Суворова, который долженъ былъ отступить съ чувствительнымъ урономъ, а за самоволіе свое получилъ выговоръ *).

Наступила между тѣмъ сначала дождливая, а потомъ холодная осень. Армія, которую Потемкинъ не хотѣлъ подвергнуть чувствительнымъ уронамъ, штурмуя Очаковъ, таяла отъ болѣзней. Онъ видѣлъ это, и сознаніе неудачности своихъ дѣйствій опять, какъ въ прошломъ году, сковало его способности. Плохо защищенные отъ непогодъ и рано наступившихъ морозовъ, валяясь въ грязи и снѣгу, нерѣдко нуждаясь въ продовольствіи, подвозъ котораго затрудняла распутица, нуждаясь еще болѣе въ дровахъ, которые надо было доставлять издалека, солдаты заболѣвали массами. Только въ ноябрѣ, послѣ 3-хъ-мѣсячной осады, взятъ былъ укрѣпленный

*) Вотъ одно изъ писемъ, писанныхъ Суворовымъ къ Потемкину по этому случаю.

„Боже мой, какъ я обезпокоилъ вашу свѣтлость, моего благодѣтеля! Скромность, притворство, благонравіе, своенравіе, твердость, упрямство — равногласны. Что разумѣть изволите? Общій порокъ человѣчества (вѣроятно, намекая на неблагодарность)? На него для меня толкъ въ пятой заповѣди.

„По естеству или случаемъ, одинъ способенъ къ первой роли, другой — ко второй. Не въ своей роли — испортятъ. Обоимъ воинскіе законы руководствомъ. Счастіе отъ ихъ правилъ. Лизандръ льстивъ и лживъ, дома не сидѣлъ! Агезилай сдѣлалъ его гевальдигеромъ (полицейскій чинъ при войскахъ). Лаудонъ (австрійскій генералъ), добрый человѣкъ, взялъ шуткою Дубицу.

„Кто у васъ отнимаетъ, свѣтлѣйшій князь? Вы великій человѣкъ! Вы начальникъ начальниковъ!.. Вы говорите: ихъ (начальниковъ?) слава — ваша слава! Кто изъ нихъ за нею бѣгаетъ, — она бѣжитъ отъ того. Истина благосклонна одному достоинству... Милостивый государь! Добродѣтель всегда гонима; покровительство ближе всѣхъ вамъ! Вы вѣчны, вы кратки! Въ него я себя вручаю.“

островъ Березань, прикрывавшій Очаковъ со стороны Лимана. Императрица начинала быть серіозно недовольна своимъ главнокомандующимъ; армія роптала. Потемкинъ рѣшился наконецъ сдѣлать приступъ. 6-го декабря, до разсвѣта, войска были двинуты нѣсколькими колоннами и съ восходомъ солнца начался рукопашный бой, продолжавшійся половину дня. Послѣ жестокихъ потерь Русскіе овладѣли укрѣпленіями, и по старинному обычаю, начинавшему, впрочемъ, выходить изъ употребленія, разсыпались по городу для грабежа. Иностранцы съ ужасомъ говорятъ объ этомъ кровопролитномъ днѣ: на укрѣпленіяхъ и въ городѣ погибло до 10.000 Турокъ; около половины этого числа взято было въ плѣнъ. Значительна была и потеря Русскихъ, но она была мала сравнительно съ тѣмъ урономъ, который причинила ей четырехъ-мѣсячная осада. Во всякомъ случаѣ цѣль компаніи была достигнута; въ слѣдующемъ году можно было предпринять наступленіе къ Днѣстру: позади арміи не оставалось болѣе ни одного пункта, гдѣ Турки могли бы сдѣлать высадку, собраться въ силахъ и открыть военныя дѣйствія въ тылу наступающей арміи.

Поэтому на 1789 годъ были составлены слѣдующія предположенія: обѣ арміи, какъ Екатеринославская, такъ и Украинская, отъ которой Румянцевъ былъ отозванъ, соединились подъ общимъ начальствомъ Потемкина. Онѣ должны были предпринять наступленіе къ Днѣстру и овладѣть крѣпостями, находившимися на этой рѣкѣ; кромѣ того, на нихъ возлагалось охранять сѣверное прибрежье Чернаго моря, дѣйствовать наступательно за Кубанью и взять Анапу, для чего отдѣленъ былъ 30.000 корпусъ. Въ Финляндіи предполагалось ограничиваться обороной, чтобы движеніемъ

войскъ по Финляндіи не [illegible] ея жителямъ [illegible] въ [illegible], но за то [illegible] въ виду угрожать нашими эскадрами Шведскимъ берегамъ. Отправленіе флота въ Средиземное море было отложено, но мысль о возбужденіи къ возстанію Грековъ и юго-западныхъ Славянъ не была оставлена. Съ этою цѣлію отправленъ былъ генералъ Заборовскій, [illegible] во Флоренцію и вошелъ въ сношенія съ греческими [illegible], по большей части участниками возстанія [illegible] года. [illegible] распространены были между [illegible] Турціи [illegible] что [illegible] оружія ея [illegible] величества [illegible] Богу [illegible]. За [illegible] въ Средиземное море русскіе корабли, Заборовскій [illegible] изъ Греціи и Италіи [illegible] греческіе [illegible] Турціи. [illegible] греческіе [illegible] Турціи [illegible] на побѣду.

Костантинополь нѣсколько разъ, въ продолженіе войны, подвергался голоду, по милости греческихъ корсаровъ, а голодъ рѣдко не сопровождался возмущеніемъ константинопольской черни. Впрочемъ, этимъ и ограничились послѣдствія посылки Заборовскаго; возстанія не было ни между Греками, ни между Славянами.

Что касается до дѣйствій нашихъ въ Финляндіи, то онѣ были совершенно ничтожны. Густавъ занятъ былъ борьбою съ непріязненнымъ ему дворянствомъ, а графъ Пушкинъ, начальствовавшій финляндскимъ корпусомъ, частію по силѣ данныхъ ему инструкцій, частію по недостатку военныхъ дарованій, провелъ все лѣто въ передвиженіяхъ и незначительныхъ сшибкахъ. Принцъ Нассау, разсорившись съ Потемкинымъ и получивши, за смертію храбраго Грейга, командованіе надъ кронштадскою эскадрой, имѣлъ съ шведскими кораблями удачное дѣло, которое однакожь не принесло никакихъ послѣдствій. Черноморскій флотъ тоже не обнаружилъ въ кампанію 1789 года большой дѣятельности и энергіи. Парусныя суда ограничились нѣсколькими нападеніями на Анатолійскіе (малоазійскіе) берега, болѣе раззорительныя для мѣстныхъ жителей, нежели опасныя для турецкаго правительства. Полезнѣе дѣйствовала гребная эскадра; появляясь въ устьяхъ Днѣстра и даже въ Дунаѣ, она оказывала немаловажное содѣйствіе усиліямъ сухопутной арміи, отъ которой и ожидались главнѣйшіе успѣхи.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ умеръ въ это время и на престолъ взошелъ Селимъ III,—человѣкъ, оказавшійся въ послѣдствіи свирѣпымъ деспотомъ, но вначалѣ обнаружившій много энергіи и непреклонную рѣшимость продолжать войну. Поэтому можно было ожидать на Дунаѣ рѣшительныхъ дѣйствій. Пространство между Дунаемъ и

Днѣстромъ поручено было охраненію бывшей Украинской арміи. Она была раздѣлена на два главные отряда. Одинъ, подъ командою князя Репнина, былъ расположенъ между Прутомъ и Чернымъ моремъ, другой, которымъ командовалъ Суворовъ,—между Прутомъ и Серетомъ, а правѣе, за этою послѣднею рѣкой, находился принцъ Кобургскій съ австрійскимъ отрядомъ, составлявшимъ лѣвое крыло арміи Іосифа II. Всѣ эти войска должны были дѣйствовать оборонительно, потому что главнокомандующій, съ большею частію бывшей Екатеринославской арміи, предполагалъ обратить главныя усилія на овладѣніе Бендерами и другими турецкими крѣпостями на Днѣстрѣ. Не имѣя слѣдовательно права дѣйствовать наступательно, Репнинъ и Суворовъ довольствовались отраженіемъ Турокъ, когда они пытались вторгнуться въ дунайскія княжества, что и было ими блистательно исполнено. Суворову, вмѣстѣ съ принцемъ Кобургскимъ удалось даже нанести, при Фокшанахъ, (21 іюля) жестокое пораженіе 30.000 корпусу Турокъ, ворвавшемуся въ Валахію, при чемъ онъ обнаружилъ ту быстроту въ движеніяхъ и ту силу въ ударѣ, которыя доставили ему одно изъ первыхъ мѣстъ между военными людьми всѣхъ временъ и народовъ. Быстро перейдя пространство, отдѣлявшее его отъ австрійскихъ войскъ, онъ немедленно кинулся на непріятеля и отбросилъ его за Дунай; но, будучи связанъ предписаннымъ ему оборонительнымъ образомъ дѣйствій, принужденъ былъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе и возвратиться на прежнее мѣсто.

Желая загладить свою неудачу, верховный визирь, которымъ сдѣланъ былъ извѣстный уже намъ Гассанъ-паша, рѣшился начать серіозное наступленіе. Онъ пе-

реправился черезъ Дунай съ 90.000 войска и вступилъ въ Валахію, охраняемую отрядомъ принца Кобургскаго. Извѣстясь о наступленіи этой громадной силы, принцъ послалъ къ Суворову, просить о помощи. На это приглашеніе Суворовъ отвѣчалъ ему слѣдующею запиской: „Иду, Суворовъ“, и дѣйствительно, тотчасъ же двинулся на соединеніе съ Австрійцами, съ 7.000 человѣкъ, бывшихъ у него подъ рукою. Суворовъ былъ недоволенъ своею Фокшанскою побѣдой: одержать побѣду значило, по его понятіямъ, совершенно лишить противника возможности дѣйствовать. Поэтому онъ горѣлъ нетерпѣніемъ снова встрѣтиться съ Турками; шелъ почти безъ отдыховъ день и ночь дорогами, испортившимися отъ дождей и, едва соединившись съ Австрійцами, двинулся на встрѣчу Туркамъ. Число союзныхъ войскъ не превышало 25.000. Визирь между тѣмъ остановился за рѣкою Рымникомъ, выславъ къ этой рѣкѣ сильный авангардъ. Переправясь въ ночь на 11 сентября черезъ Рымникъ, Суворовъ тотчасъ же ударилъ на турецкій лагерь, не ожидая Австрійцевъ, которые, между тѣмъ, тоже переправились и спѣшили примкнуть къ нему справа. Русскіе быстро опрокинули непріятеля, который смѣшался было, но скоро оправившись, ударилъ на принца Кобургскаго. Суворовъ, раздѣлавшись съ Турками, поворотилъ вправо и успѣлъ выручить своего союзника. Къ полудню Турки были разбиты. Но это были лишь передовыя войска визиря; вблизи оставалась еще главная его сила. Гассанъ, узнавъ о пораженіи отдѣленныхъ имъ отрядовъ, собирался на слѣдующее утро напасть на союзниковъ, но они предупредили его. Давъ отдохнуть своимъ войскамъ, они въ тотъ же день показались въ виду главнаго и сильно укрѣпленнаго лагеря визиря; до 40.000 Турокъ

высыпало къ нимъ на встрѣчу и первый страшный ударъ ихъ пришлось выдержать Австрійцамъ. Русскіе между тѣмъ наступали на укрѣпленія подъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ, огибая ихъ слѣва. Первою ворвалась въ нихъ русская конница; за нею вступили русскіе и австрійскіе баталіоны. До наступленія вечера турецкій лагерь, вся артиллерія и все имущество Турокъ были въ рукахъ побѣдителей: непріятель бѣжалъ не останавливаясь, хотя никто его не преслѣдовалъ, потому что измученныя войска союзниковъ не въ состояніи были идти далѣе.

Рымникское сраженіе было блистательно, но оно не имѣло и не могло имѣть рѣшительныхъ послѣдствій. Главныя дѣйствія, какъ сказано, должны были происходить на Днѣстрѣ. Передовыя части войска, надъ которыми Потемкинъ непосредственно начальствовалъ, пришли на Днѣстръ лишь въ концѣ іюля, самъ же главнокомандующій прибылъ не ранѣе первыхъ чиселъ сентября. Главныя его силы обложили Бендеры, а отдѣльные отряды были направлены противъ другихъ небольшихъ турецкихъ укрѣпленій на этой рѣкѣ и вблизи ея. Ими взяты, и при томъ безъ особыхъ усилій, Аккерманъ и укрѣпленьице Гаджи-бей, на мѣстѣ котораго должна была вскорѣ основаться Одесса, краса Новороссійскаго края. Наконецъ дошла очередь до Бендеръ. Эта крѣпость, имѣвшая 13.000 гарнизона и такъ упорно оборонявшаяся въ 1770 году, сдалась теперь безъ боя и даже прежде чѣмъ подверглась серіозному обложенію. „Не могу я похвастаться, что досталъ ихъ (Бендеры) безъ кровопролитія,—шутливо писалъ Потемкинъ Государынѣ,—ибо ранено у меня четыре козака.“

Цѣль кампаніи 1789 года была достигнута; русская армія утвердилась на Днѣстрѣ. Кромѣ того, на кав-

казскомъ берегу одержаны нѣкоторые успѣхи. Потемкинъ былъ доволенъ; но едвали онъ имѣлъ на это полное право. Послѣ двухъ такихъ побѣдъ, какъ Фокшанская и Рымникская, энергическій главнокомандующій утвердился бы на Дунаѣ, а не на Днѣстрѣ; время употребленное на занятіе Бендеръ, Аккермана и пр. было въ сущности потеряннымъ временемъ, потому что всѣ эти крѣпости, очутившись среди мѣстности, занятой русскими войсками и лишены будучи, при бдительности русскаго флота, возможности получать подкрѣпленія и даже продовольствіе, неминуемо сдались бы одна за другою. Фридрихъ II и Суворовъ, безъ сомнѣнія, не стали бы заниматься блокированіемъ ничего не значущихъ крѣпостей; они не отдѣлили бы тридцатитысячнаго корпуса для овладѣнія Анапой, положеніе которой, вдали отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій, не могло имѣть ни малѣйшаго вліянія на ихъ ходъ. Фридрихъ и Суворовъ устремили бы всѣ свои силы на достиженіе главной цѣли, — а этою цѣлью могло быть одно: нѣсколькими сильными ударами разстроить военную силу султана и вторгнуться въ глубину его имперіи.

XIX.

Сеймъ (*Долгій*) 1788 года. — Настроеніе умовъ на этомъ сеймѣ. — Движеніе на Волыни. — Раздраженіе противъ Россіи. — Политика Пруссіи. — Рейхенбахскій конгрессъ. — Битва у Сескара. — Миръ со Швеціей (1790). — Побѣды Черноморскаго флота. — Взятіе Измаила. — Партіи въ Польшѣ. — И. Потоцкій, Коллонтай и др. — Конституція 3 мая. — Впечатлѣніе произведенное ею.

Осенью 1788 года собрался въ Варшавѣ сеймъ, дѣйствія котораго должны были получить огромное вліяніе на судьбы Польши. Открытіе этого сейма происходило въ минуту чрезвычайно критическую для Россіи,

когда она принуждена была вести двѣ войны на двухъ противоположныхъ концахъ государства, при томъ едва лишь оправляясь отъ жестокаго, почти повсемѣстнаго голода и въ виду крайне недружелюбнаго расположенія берлинскаго и лондонскаго дворовъ.

Среди всѣхъ этихъ затрудненій Императрица очень желала сохранить добрыя отношенія къ Польшѣ. Потемкинъ также сильно настаивалъ на этомъ: мы уже видѣли (Вып. V, гл. VI), что прямой путь изъ Кіева къ обычному театру нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи проходилъ черезъ польскіе владѣнія,—Волынь и Подолію, которыя могли кромѣ того снабжать нашу дѣйствующую армію провіантомъ и фуражемъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Потемкинъ убѣждалъ Императрицу употребить всевозможныя старанія, чтобы привлечь Рѣчь Посполитую на свою сторону и совѣтовалъ даже предоставить ей часть предполагаемыхъ завоеваній между Бугомъ и Днѣстромъ. Вполнѣ соглашаясь съ соображеніями Потемкина, Екатерина не находила однакожъ нужнымъ жертвовать Польшѣ предполагаемымъ Дакійскимъ королевствомъ, и приказала графу Штакельбергу предложить варшавскому сейму возобновить союзъ съ Россіей, обязываясь содержать на счетъ русской казны 12 тысячный корпусъ польскихъ войскъ, предоставить Польшѣ нѣкоторыя торговыя выгоды и, при заключеніи мира съ Портой, выговорить такія же выгоды со стороны этой послѣдней. Но настроеніе умовъ на сеймѣ было таково, что русскій посланникъ не рѣшился и представить ему о союзѣ съ Россіей.

При самомъ открытіи сейма, ему была представлена прусскимъ посланникомъ нота, которою Рѣчь Посполитая предупреждалась противъ опасностей русскаго союза и, взамѣнъ того, предлагался ей союзъ съ берлин-

скимъ дворомъ. Это заявленіе было принято съ восторгомъ; легко увлекающіеся умы Поляковъ обратились къ Пруссіи съ такими же надеждами, какія нѣсколько лѣтъ тому назадъ возлагались на Францію: она поможетъ имъ сбросить съ себя русское вліяніе и возвратить Бѣлоруссію, Кіевъ и даже Смоленскъ. Но, — говорили руководители сейма, — осуществленіе великихъ замысловъ польскаго народа можетъ потребовать съ его стороны нѣкоторыхъ усилій; поэтому Польша должна увеличить свою армію и сдѣлать ее способною дать отпоръ русскимъ войскамъ. Сеймъ принялъ это предложеніе съ неменьшимъ жаромъ, какъ прусскій союзъ, и положилъ возвести численность польской арміи до 100.000 человѣкъ . . . „Ваша милость, — доносилъ по этому поводу англійскій посланникъ своему министру,—будете безъ сомнѣнія поражены громадностію этого предположенія; но когда узнаете, что оно состоялось прежде нежели подумали о томъ, какимъ образомъ содержать эту армію, то будете еще болѣе удивлены легкомысліемъ, съ которымъ это рѣшеніе послѣдовало“. Дѣйствительно, безъ крайняго легкомыслія невозможно и помышлять о регулярной сто-тысячной арміи въ странѣ, имѣющей 8 мил. жителей и не болѣе 18 мил. злотыхъ (пяти-алтынныхъ) доходу. Но варшавскій сеймъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто эта армія была налицо, совершенно готовая къ бою. Онъ потребовалъ, чтобы русскія войска, слѣдуя отъ Кіева къ Днѣстру, не проходили чрезъ польскія земли. Далѣе, было заявлено о необходимости подвергнуть коренные законы страны (гарантированные русскимъ правительствомъ), радикальнымъ преобразованіямъ, — а именно: установить правильные налоги, назначить королю наслѣдника, расширить права городовъ и допустить на сеймъ ихъ пред-

[illegible] съ другой стороны требовалось уничтоженіе постояннаго совѣта и возстановленіе прежняго значенія министерскаго достоинства. Такимъ образомъ при прежнихъ замыслахъ было немало реформъ, согласныхъ съ духомъ времени и дѣйствительными пользами страны и такихъ, которыми уничтожалось бы все [illegible] значеніе [illegible] Чарторыйскихъ и въ краткую эпоху [illegible] преобразованій, послѣдовавшую за Первымъ Раздѣломъ.

Такое противорѣчіе въ желаніяхъ, выражаемыхъ сеймомъ, показываетъ, что сеймующіе чины далеко не были согласны между собою касательно того, что требовалось для блага ихъ отечества. Дѣйствительно, тогда какъ одна часть ихъ, во главѣ которой стояли старые магнаты — [illegible] Ржевускій, Браницкій и др. — видѣли политическій идеалъ въ [illegible] Польшѣ и въ безконечномъ расширеніи правъ аристократіи, другіе, руководимые Казимиромъ Сапѣгой, Игнатіемъ Потоцкимъ и др. — желали бы перестроить Польшу на тѣхъ основаніяхъ, которыя вырабатывали современные публицисты и которыя провозглашались въ парижскомъ *Учредительномъ Собраніи*. Въ одномъ только были согласны обѣ партіи варшавскаго сейма: въ непріязненномъ расположеніи къ Россіи и въ желаніи выразить это нерасположеніе. Штакельбергъ не могъ уклониться отъ обязанности представить сейму, что его правительство, гарантировавшее польскую конституцію, не можетъ видѣть равнодушно, что ее предполагается передѣлать въ самыхъ существенныхъ частяхъ. Но это представленіе не обратило на себя никакого вниманія и Штакельбергъ, получившій приказаніе дѣйствовать крайне осторожно, ограничился заявленіемъ своего протеста, а сеймующіе чины, дабы привести въ исполненіе всѣ

свои обширныя предположенія, положили: не расходиться до окончанія законодательныхъ своихъ работъ. Сеймъ начавшійся въ 1788 году продолжался безпрерывно четыре года, почему и получилъ названіе *Долгаго сейма.*

Между тѣмъ явилось одно обстоятельство, которое довело до крайнихъ предѣловъ раздраженіе варшавскаго сейма противъ Россіи. Весною 1789 года на Волыни нѣсколько помѣщиковъ было убито своими крестьянами. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчено было, что между тамошними крестьянами ходитъ преданіе, будто Гонта, — этотъ казакъ, такъ немилосердо истерзанный за участіе въ Коліевщинѣ, (Вып. V, гл. III) завѣщалъ сыну своему отмстить за себя и за народъ Русскій, и что сынъ Гонты рано или поздно исполнитъ завѣщаніе отца. Все это чрезвычайно встревожило дворянство волынскаго воеводства, которое поспѣшило собраться, чтобы подумать, какъ бы оградить себя отъ новой Коліевщины. Кто-то обратилъ вниманіе этого собранія на то обстоятельство, что изъ-за русской границы приходятъ на Волынь коробейники и приносятъ съ собою большое количество ножей, которые у нихъ раскупаютъ волынскіе крестьяне. Этого было довольно Полякамъ, чтобъ рѣшить, будто въ краѣ организованъ мятежъ „хлоповъ“ противъ дворянства и что помянутые коробейники суть агенты русскаго правительства.

Немедленно дано было знать сейму объ опасности будто бы угрожающей Волыни, и потребованы коронныя войска, а между тѣмъ назначена была слѣдственная коммиссія для раскрытія предполагаемаго заговора. Казалось бы, прежде всего слѣдовало сообразить, могло ли, безъ явнаго безумія, русское правительство желать умноженія своихъ враговъ, а во вторыхъ надо было бы

удостовѣриться. Увеличился ли приходъ войскъ изъ-за русской границы, или же этотъ странный промыселъ остается въ прежнемъ положеніи; но такъ какъ [illegible] ность русскаго правительства и умыселъ его вырѣзать всѣхъ польскихъ помѣщиковъ были въ ихъ глазахъ дѣломъ неподлежащимъ сомнѣнію, то поляки поставили себѣ задачею лишь свою [illegible] [illegible]. Почему-то [illegible] [illegible] [illegible] къ священникамъ, но не православнымъ, а уніатскимъ. Положеніе уніатовъ въ Польшѣ было самое жалкое. Православныхъ всегда поддерживала духовная связь [illegible] ихъ съ Русскимъ Государствомъ и не [illegible] между ними [illegible] на его покровительство; въ послѣднее время они въ такой степени [illegible] [illegible] [illegible] Русской Государынѣ, что называли [illegible] *Императрицей*, а просто *Императрицей* [illegible] [illegible] какъ бы своей императрицей въ Польшѣ, на Волыни и Украйнѣ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] какъ Турками, тогда какъ въ Варшавѣ, на сеймѣ [illegible] [illegible] для [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] по крайней мѣрѣ уніаты [illegible] [illegible] себя Русскими и во время Колiивщины [illegible] православные крестьяне убивали [illegible] наравнѣ съ католическими ксендзами они [illegible] [illegible] [illegible] гайдамаками, называя [illegible] [illegible] уніатскія церкви были осквернены наравнѣ съ костелами. Независимые православнымъ населеніемъ и не поддерживаемые Россіей, уніатскіе священники были въ то же время съ пренебреженіемъ отталкиваемы и католиками, для которыхъ они были „недовѣрками“. Много пострадавъ во время Колiевщины, они должны были потомъ оправдываться отъ подозрѣній въ соучастіи съ гайдамаками.

Они были заподозрѣны и въ настоящемъ случаѣ. Мно-

гіе изъ нихъ подверглись жестокимъ истязаніямъ отъ волынской слѣдственной коммиссіи; нѣсколько человѣкъ было предано смерти этою же коммиссіей, хотя она, разумѣется, не имѣла права судить, не только наказывать; другіе отправлены были въ Варшаву, ибо сеймъ пожелалъ взять въ свои руки это дѣло. Можетъ быть многіе изъ сеймующихъ чиновъ и дѣйствительно были увѣрены, основываясь на слухахъ доходившихъ съ Волыни, что обнаруженное тамъ броженіе умовъ есть дѣло политической интриги; но можно сказать съ увѣренностію, что большинство желало воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобъ раздражить противъ Россіи общественное мнѣніе и склонить на свою сторону колеблющихся эффектною мелодрамой (которая однакожь стоила жизни нѣсколькимъ человѣкамъ!). Для тѣхъ, которые сознательно лжесвидѣтельствовали противъ собственнаго короля, что̀ значило поддержать ложный слухъ противъ Русской императрицы? А тѣ самые, которые утверждали, что видѣли и слышали людей, подосланныхъ Станиславомъ склонять кн. Любомірскую къ отравленію ея брата, и были главными двигателями сейма. Въ засѣданіи 16 марта сейму былъ прочитанъ о волынскихъ происшествіяхъ докладъ, который заключалъ въ себѣ картину „коварной“ политики Россіи въ отношеніи Польши, со времени Московскаго договора. Русская императрица,—говорилось въ этомъ докладѣ, — управляетъ половиною Рѣчи Посполитой посредствомъ православнаго духовенства; указы петербургскаго синода имѣютъ между крестьянами русскихъ земель болѣе силы, чѣмъ повелѣнія варшавскаго правительства; Коліевщина была дѣломъ московской интриги и ею же произведено теперь покушеніе возмутить Волынь... Этотъ неистовый докладъ сдѣлалъ свое дѣло. Поднялись крики о ковар-

[illegible] ...ами. Одни требовали
... Штакельберга, дру-
...скопъ переяславскій
... былъ арестованъ и
... былъ священникъ
...скомъ домѣ Шта-
...хъ этихъ наси-
... но тѣмъ и огра-
...но получалъ пред-
... осторожностію.
... нормальному
... народнаго са-
... жертвѣ необ-
...дьскаго сейма
[illegible]

ныхъ отношеніяхъ, русское правительство не могло равнодушно смотрѣть. Екатерина считала кромѣ того полезнымъ сохраненіе „барріеры“ между Россіей, Австріей и Пруссіей, — то есть страны хотя бы и не сильной, но независимой, которая могла бы предотвращать прямыя столкновенія этихъ державъ. Съ этой цѣлію она предлагала французскому правительству гарантировать неприкосновенность польскихъ владѣній Но прусская политика, поддерживаемая въ это время англійскимъ дворомъ, дѣйствовала съ чрезвычайною настойчивостію и, казалось, имѣла много вѣроятностей успѣха. Въ началѣ 1790 года скончался вѣрный союзникъ Екатерины Іосифъ II; политика вѣнскаго двора тотчасъ же измѣнилась со вступленіемъ на престолъ его преемника, Леопольда. Новый императоръ пріостановилъ военныя дѣйствія противъ Турціи и заключилъ съ нею миръ. Пруссія, съ своей стороны, увидѣла въ миролюбивомъ образѣ его дѣйствія новыя надежды къ осуществленію своихъ видовъ на Польшу. Она вступила въ сношенія съ вѣнскимъ дворомъ и предложила ему уступить Польшѣ Галицію взамѣнъ вознагражденія со стороны Турціи, расчитывая, что польское правительство согласится тогда на уступку Данцига и Торна. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ происходили переговоры объ этомъ между двумя главными германскими дворами; замѣчая, что въ Вѣнѣ не оказываютъ слишкомъ горячаго расположенія къ такому обмѣну, Прусскій король начиналъ уже приводить въ движеніе свою армію, а между тѣмъ лѣтомъ 1790 года назначенъ былъ съѣздъ уполномоченныхъ Австріи, Пруссіи и Англіи для пріисканія средствъ ко взаимному сближенію двухъ первенствующихъ германскихъ державъ. Этотъ съѣздъ долженъ былъ имѣть мѣсто въ городкѣ Рейнхен-

[illegible]

[illegible]

цогомъ Зюдерманландскимъ, выступилъ въ море и быстро подошелъ къ Ревелю, гдѣ зимовала одна русская эскадра, съ цѣлію разбить ее отдѣльно, прежде чѣмъ кронштадтская эскадра съ нею соединится. Чичаговъ, командовавшій кораблями бывшими въ Ревелѣ, съ силами вдвое меньшими, далъ однакожь сильный отпоръ Шведамъ, и принудилъ ихъ къ отступленію. Но и за тѣмъ шведскій флотъ имѣлъ большія преимущества на своей сторонѣ; будучи гораздо сильнѣе каждой изъ нашихъ эскадръ и занявъ мѣсто между ними, у Свеаборга, онъ могъ разбить ихъ отдѣльно. Таковъ и былъ планъ герцога Зюдерманландскаго. Какъ только кронштадтская эскадра выступила въ море (ею начальствовавалъ, за смертію Грейга, адмиралъ Крузъ), герцогъ пустился къ ней на встрѣчу. Оба флота встрѣтились близь острова Сексара и вступили въ бой. Это было 23 мая. Подъ этимъ числомъ Храповицкій, одинъ изъ статсъ-секретарей Екатерины, записалъ въ своей памятной тетради слѣдующія выразительныя слова: „Ужасная канонада слышна съ зори почти во весь день въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ“. Этими выстрѣлами рѣшался вопросъ о томъ, быть или нѣтъ Петербургу въ блокадѣ. Вопросъ рѣшенъ отрицательно. Крузъ принудилъ шведскіе корабли поворотить назадъ и удалиться къ Выборгу. Чичаговъ между тѣмъ соединился съ Крузомъ и русскія эскадры. къ которымъ присоединилась гребная флотилія, превосходя силами шведскій флотъ, заперли его въ Выборгскомъ заливѣ. Его могла постигнуть здѣсь судьба, постигшая турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ; но Чичаговъ не имѣлъ рѣшимости Орлова и Спиридова. Онъ продержалъ въ блокадѣ шведскіе корабли почти мѣсяцъ и дожидался того, что воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ и темною ночью, непріятельскія суда,

... [illegible] была
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... ому не [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible]
... [illegible] Турац. [illegible]
... наступающимъ вой-
... [illegible] въ 40 шагахъ
... [illegible] дѣйствіе картечи
... [illegible] разстояніи, и про-
... [illegible] сверхъ того
... [illegible] нѣкото-
... [illegible] препятствія.
... одні [illegible] свое направ-
... гуть всему [illegible] были скоро
Въ конц... [illegible] мать уже на вер-
... [illegible] Между тѣмъ

по всему протяженію укрѣпленій кипѣлъ упорный бой, озаряемый пушечными выстрѣлами и разрывами бомбъ, которыя пускала флотилія. Турки дрались съ тѣмъ остервенѣніемъ, которое заставило военныхъ людей признать, что они дѣйствительно страшны внутри своихъ укрѣпленій. Обыватели рѣзались рядомъ съ янычарами; во многихъ мѣстахъ женщины, вооруженныя кинжалами, вмѣшивались въ группы сражающихся. Тѣмъ не менѣе укрѣпленія одно за другимъ переходили въ наши руки, и въ 9 утра, когда туманъ сталъ разсѣеваться, всѣ бастіоны были заняты Русскими, какъ со стороны сухого пути, такъ и со стороны рѣки. Турки однако держались еще въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ укрѣпленіяхъ внутри крѣпости; изъ домовъ, изъ мечетей стрѣльба продолжалась; въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ Турки и Русскіе рѣзались, такъ сказать, толкаясь головами. Не ранѣе 4 часовъ вечера, т.-е. послѣ 11 часовъ безпрерывнаго боя, можно было ударить отбой и прекратилось это страшное кровопролитіе. Но отдѣльныя сцены убійства еще продолжались. Согласно стариннымъ военнымъ обычаямъ, Измаилъ былъ отданъ на три дня въ добычу побѣдителей.

Въ военномъ отношеніи взятіе Измаила было дѣломъ блистательнымъ и важнымъ. „Не Измаилъ, но армія турецкая, состоящая въ 30 слишкомъ тысячахъ, истреблена въ укрѣпленіяхъ пространныхъ“, писалъ Потемкинъ Императрицѣ. Русскимъ досталось 245 пушекъ, равно какъ огромные запасы провіанта. Этотъ громкій подвигъ произвелъ радостное впечатлѣніе во всей Россіи. Старинные сподвижники Миниха, не допускавшіе никакихъ сравненій съ „яснымъ соколомъ“ Очакова и Ставучанъ, начинали признаваться, что никто не умѣлъ наносить такихъ ударовъ, какъ Суворовъ. Державинъ

написалъ на взятіе Измаила одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ одъ. Государыня благодарила Потемкина въ слѣдующихъ задушевныхъ выраженіяхъ: „Спасибо тебѣ, мой другъ сердечный и любезный, за всѣ добрыя и полезныя дѣла, тобою подѣланныя, за порядокъ и неустрашимость войскъ".

Такъ окончился тяжелый 1790 годъ. Нѣкоторыя изъ опасеній, грозившихъ въ началѣ этого года, не сбылись, но затрудненія были еще весьма велики. Политика Англіи и Пруссіи продолжала внушать опасенія; даже Швеція, не взирая на заключенный съ нею миръ, казалась такъ мало надежною, что Суворовъ былъ вызванъ изъ Дунайской арміи и посланъ осмотрѣть Финляндскую границу. Что же касается до Польши, то дѣла въ ней принимали самый раздражительный характеръ. Сеймъ, начавшійся въ 1788 году и продолжавшій засѣдать безпрерывно, принялъ какъ мы знаемъ, рѣшеніе преобразовать государственное и даже общественное устройство Польши; особая коммиссія, на которую были возложены приготовительныя работы по этому преобразованію, дѣйствовали съ большою настойчивостью. Взоры ея были обращены на Францію. Тамъ совершились важныя событія; съ 1789 года происходили въ Парижѣ засѣданія представителей французской націи, принявшія, какъ сказано, названіе учредительнаго собранія. Оно поставило себѣ задачею примѣнить къ Франціи тѣ начала государственнаго и общественнаго устройства, которыя, заимствованы будучи большею частію у Англіи, были провозглашены новѣйшими публицистами единственно - соотвѣтствующими современному состоянію европейскихъ народовъ. Эти начала были: совершенная свобода совѣсти въ дѣлахъ вѣры; такая же свобода въ выраженіи мысли изустнымъ

и печатнымъ словомъ; верховная власть, непосредственно завѣдующая лишь администрацiей страны; независимый судъ и особое законодательное собранiе, состоящее изъ представителей народа. Учредительное собранiе провозгласило всѣхъ Французовъ гражданами, равными передъ закономъ и равно имъ провительствуемыми, уничтоживъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ наслѣдственныя преимущества, какъ-то, почетныя титла, сословныя права и т. п.

Дѣйствiя парижскаго учредительнаго собранiя, провозглашавшаго *свободу, равенство и братство*, встрѣтили горячее сочувствiе въ части польскаго дворянства. Съ живѣйшимъ увлеченiемъ предались идеямъ, начинавшимъ торжествовать въ Францiи, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, между коими самыми даровитыми были выше названные: Коллонтай, К. Сапѣга и и особенно И. Потоцкiй. Опираясь на авторитетъ Францiи, всегда могущественно дѣйствовавшей на Поляковъ, съ жаромъ повторяя магическiя въ Польшѣ слова *свобода, братство и равенство*, эти молодые люди скоро сдѣлались главными двигателями Долгаго сейма. Король нѣкоторое время неблагосклонно смотрѣлъ на нихъ и на образовавшуюся вокругъ нихъ партiю, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще европейскiе дворы относились враждебно къ ученiю парижскаго учредительнаго собранiя; но Станиславъ - Августъ скоро замѣтилъ, что это ученiе, ограничивая права верховной власти, всетаки ставило ее въ условiя несравненно болѣе выгодныя и почтенныя, нежели преданiя старинной Польши; онъ незамедлилъ убѣдиться также, что его искреннее желанiе улучшить положенiе низшихъ сословiй своего государства, ввести въ немъ вѣротерпимость, устроить правильную систему управленiя и ограничить непомѣр-

написалъ на взятіе Измаила одну изъ самыхъ блестящихъ своихъ одъ. Государыня благодарила Потемкина въ слѣдующихъ задушевныхъ выраженіяхъ: „Спасибо тебѣ, мой другъ сердечный и любезный, за всѣ добрыя и полезныя дѣла, тобою подѣланныя, за порядокъ и неустрашимость войскъ“.

Такъ окончился тяжелый 1790 годъ. Нѣкоторыя изъ опасеній, грозившихъ въ началѣ этого года, не сбылись, но затрудненія были еще весьма велики. Политика Англіи и Пруссіи продолжала внушать опасенія; даже Швеція, не взирая на заключенный съ нею миръ, казалась такъ мало надежною, что Суворовъ былъ вызванъ изъ Дунайской арміи и посланъ осмотрѣть Финляндскую границу. Что же касается до Польши, то дѣла въ ней принимали самый раздражительный характеръ. Сеймъ, начавшійся въ 1788 году и продолжавшій засѣдать безпрерывно, принялъ какъ мы знаемъ, рѣшеніе преобразовать государственное и даже общественное устройство Польши; особая коммиссія, на которую были возложены приготовительныя работы по этому преобразованію, дѣйствовали съ большою настойчивостью. Взоры ея были обращены на Францію. Тамъ совершились важныя событія; съ 1789 года происходили въ Парижѣ засѣданія представителей французской націи, принявшія, какъ сказано, названіе учредительнаго собранія. Оно поставило себѣ задачею примѣнить къ Франціи тѣ начала государственнаго и общественнаго устройства, которыя, заимствованы будучи большею частію у Англіи, были провозглашены новѣйшими публицистами единственно - соотвѣтствующими современному состоянію европейскихъ народовъ. Эти начала были: совершенная свобода совѣсти въ дѣлахъ вѣры; такая же свобода въ выраженіи мысли изустнымъ

и печатнымъ словомъ; верховная власть, непосредственно завѣдующая лишь администрацiей страны; независимый судъ и особое законодательное собранiе, состоящее изъ представителей народа. Учредительное собранiе провозгласило всѣхъ Французовъ гражданами, равными передъ закономъ и равно имъ провительствуемыми, уничтоживъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ наслѣдственныя преимущества, какъ-то, почетныя титла, сословныя права и т. п.

Дѣйствiя парижскаго учредительнаго собранiя, провозглашавшаго *свободу, равенство и братство*, встрѣтили горячее сочувствiе въ части польскаго дворянства. Съ живѣйшимъ увлеченiемъ предались идеямъ, начинавшимъ торжествовать въ Францiи, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, между коими самыми даровитыми были выше названные: Коллонтай, К. Сапѣга и и особенно И. Потоцкiй. Опираясь на авторитетъ Францiи, всегда могущественно дѣйствовавшей на Поляковъ, съ жаромъ повторяя магическiя въ Польшѣ слова *свобода, братство и равенство*, эти молодые люди скоро сдѣлались главными двигателями Долгаго сейма. Король нѣкоторое время неблагосклонно смотрѣлъ на нихъ и на образовавшуюся вокругъ нихъ партiю, тѣмъ болѣе, что всѣ вообще европейскiе дворы относились враждебно къ ученiю парижскаго учредительнаго собранiя; но Станиславъ - Августъ скоро замѣтилъ, что это ученiе, ограничивая права верховной власти, всетаки ставило ее въ условiя несравненно болѣе выгодныя и почтенныя, нежели преданiя старинной Польши; онъ незамедлилъ убѣдиться также, что его искреннее желанiе улучшить положенiе низшихъ сословiй своего государства, ввести въ немъ вѣротерпимость, устроить правильную систему управленiя и ограничить непомѣр-

ное преобладаніе магнатовъ, найдетъ несравненно болѣе поддержки въ партіи И. Потоцкаго и Коллонтая, чѣмъ между представителями польской аристократіи, — а потому онъ и самъ примкнулъ къ нимъ. Съ другой стороны, старые магнаты, чѣмъ болѣе развивалась программа учредительнаго собранія, съ недовѣрчивостію относились къ заключающимся въ ней началамъ; въ дѣйствіяхъ партіи И. Потоцкаго они не замедлили увидѣть грозившую имъ опасность и, подобно своимъ противникамъ, тоже вооружась словами *свобода*, *братство* и *равенство*, которыми такъ долго злоупотребляла *старожитная* Польша, горячо возстали противъ нарушенія ея началъ. Самыми видными между представителями этой партіи были коронный гетманъ графъ Браницкій, графъ Феликсъ Потоцкій и графъ С. Ржевускій. Первый изъ этихъ вельможъ былъ женатъ на родной племянницѣ Потемкина и уже поэтому былъ склоненъ къ союзу съ Россіей, хотя въ продолженіе нѣкотораго времени онъ считался въ числѣ ея противниковъ; его единомышленники, Ф. Потоцкій и Ржевускій тоже расположены были искать въ настоящихъ обстоятельствахъ поддержки у Россіи, правительство которой не могло допустить нарушенія гарантированной имъ конституціи 1768 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть польскаго шляхетства не была расположена слѣдовать за И. Потоцкимъ и Коллонтаемъ на пути преобразованій, угрожавшихъ избирательной формѣ правленія, liderum veto и господству шляхества надъ страною; но партія преобразователей искусно пользовалась раздраженіемъ своихъ противниковъ противъ Россіи, которая нѣкогда поддерживала ненавистныя имъ преобразовательныя стремленія Чарторыйскихъ, противодѣйствовала Барской конфедераціи,

покровительствовала диссидентамъ, и которой приписывали Коліевщину и волненія крестьянъ на Волыни. Всѣми этими причинами раздраженія Поляковъ противъ Россіи партія И. Потоцкаго пользовалась и набрала себѣ много приверженцевъ въ средѣ тѣхъ, интересы которыхъ должны были бы, повидимому, сближать ихъ съ Браницкимъ и Ржевускимъ.

Тогда приверженцы старины стали искать сближенія съ русскимъ правительствомъ. Пока Екатерина имѣла на рукахъ двѣ войны, она, какъ уже сказано, держалась относительно Польши самой уклончивой политики; преемникъ Штакельберга, Булгаковъ, получилъ въ это время отъ Императрицы слѣдующее наставленіе: „Постарайтесь подъ рукою колико можно умы удержать, дондеже получите извѣстіе о заключеніи мира (съ Швеціей), послѣ котораго тонъ возвысимъ". Этотъ миръ былъ наконецъ заключенъ, къ крайнему неудовольствію партіи, начинавшей господствовать въ Польшѣ. Понимая, что онъ развязывалъ руки Россіи и обѣщалъ поддержку противной партіи, они начали работать съ еще большею настойчивостью и, съ беззастѣнчивостью которой мало подобныхъ, рѣшились представить сейму конституцію, составленную по ихъ программѣ въ такую минуту, когда сеймъ былъ не въ полномъ составѣ и когда большей части ихъ противниковъ не находилось на лицо. Для этого положено было избрать праздники пасхи (1791 г.). Большая часть богатыхъ пословъ сейма обыкновенно отправлялись въ свои имѣнія на время этихъ праздниковъ и возвращались на ѳоминой недѣлѣ, или даже позднѣе. Ничего не подозрѣвая, партія Браницкаго и Ф. Потоцкаго покинула Варшаву и разсыпалась по королевству, а противники ея остались, либо возвратились къ ѳомину воскресенью. Между тѣмъ въ

послѣдніе дни святой недѣли распущенъ былъ среди жителей Варшавы слухъ, что въ первое засѣданіе сейма представленъ будетъ проектъ конституціи, которая возвеличитъ Польшу, которой сочувствуютъ лучшіе умы западной Европы и которая распространитъ шляхетскія права на горожанъ. Поэтому въ ѳоминъ понедѣльникъ уже съ ранняго утра весь городъ былъ въ движеніи; густыя толпы тѣснились вокругъ королевскаго замка (въ которомъ засѣдалъ сеймъ) и на прилегающихъ къ нему улицахъ. Наконецъ, среди подготовленнаго такимъ образомъ народа, показались послы, слѣдовавшіе къ замку не въ экипажахъ, или верхомъ и не по-одиночкѣ, но подвигавшіеся торжественною процессіей, съ возвышающимся между ними на носилкахъ сеймовымъ маршаломъ... Зала засѣданія была наполнена посторонними лицами, изъ числа приверженцевъ замышленнаго преобразованія. Явился король и засѣданіе открылось. Прежде всего были прочтены депеши, полученныя отъ различныхъ дипломатическихъ агентовъ: всѣ эти донесенія свидѣтельствовали, что Польшѣ угрожаетъ новое бѣдствіе, — новый раздѣлъ. Собраніемъ овладѣло смятеніе. Тогда король, совершенно отдавшійся между тѣмъ въ руки преобразователей, воскликнулъ, что спасти отечество можетъ одно только: немедленное принятіе конституціи, выработанной И. Потоцкимъ съ товарищи. Начинается чтеніе проекта новаго устройства Рѣчи Посполитой, — акта обнимающаго весь государственный и общественный строй страны, — и онъ принятъ безъ преній, безъ обсужденія; онъ, можно сказать, *выкрикнутъ*. Нѣсколько голосовъ, которые рѣшились было замѣтить, что дѣло подобной важности не возможно рѣшать въ минуту порыва, въ отсутствіи большинства пословъ, безъ всякаго обсужденія, заглушены криками, ругательствами, угрозами, и конституція принята.

Новый законодательный актъ, извѣстный подъ именемъ *конституція 3 мая*, провозглашалъ вѣротерпимость, при господствѣ однакожь католической религіи; престолъ былъ признанъ наслѣдственнымъ; за шляхетствомъ сохранялись его древнія права, но къ участію въ этихъ правахъ открытъ былъ широкій доступъ прочимъ сословіямъ; городамъ было предоставлено присылать на сеймъ своихъ депутатовъ; покровительство закона было распространено на крестьянъ. Такимъ образомъ основанія конституціи 3 мая были вполнѣ хороши и дѣйствительно могли, по видимому, приготовить Польшѣ лучшую участь. Но для того, чтобъ законодательство могло оказать на страну благодѣтельное вліяніе, надо чтобъ его достоинства были признаны народомъ, или по крайней мѣрѣ, большинствомъ народа; но дабы общественное мнѣніе имѣло возможность убѣдиться въ достоинствахъ законодательства, необходимо допустить всеобщее предварительное его изученіе, а не вносить его на обсужденіе сюрпризомъ, не запугивать возражателей, не подготовлять заранѣе рѣшенія уличными демонстраціями и подобранною по извѣстному рецепту публикой. Энтузіазмъ хорошъ лишь тогда, когда онъ вспыхиваетъ самъ собой и обхватываетъ всю націю; напротивъ того, энтузіазмъ партіи если и можетъ на минуту принудить къ молчанію оторопѣлыхъ ея противниковъ, то въ слѣдующій за тѣмъ моментъ является ожесточенная оппозиція, противъ которой, въ свою очередь приходится дѣйствовать устрашеніемъ и насиліемъ.

Такъ случилось и теперь. Партія И. Потоцкаго воспользовалась тѣмъ, что 3 мая въ Варшавѣ было изъ числа 327 пословъ, на лицо только 157, между коими двѣ трети принадлежали къ приверженцамъ реформы. Лишь съ помощію этого случайнаго большинства и под-

готовленныхъ эффектовъ, конституція была утверждена. Это и понятно: естественно ли предполагать, чтобы рыцарство польское благодушно отказалось отъ господства надъ крестьянствомъ, или чтобъ законъ о вѣротерпимости не встрѣтилъ сильнѣйшихъ возраженій? Но, какъ сказано, возраженій не допускала возобладавшая партія. Когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ пословъ хотѣли заявить установленнымъ порядкомъ свой протестъ, заявленіе ихъ не было принято. Точно также не былъ принятъ протестъ и гр. Браницкаго, прибывшаго въ Варшаву на другой день послѣ подписанія конституціи. Недовольныхъ было множество, но однихъ отклоняли отъ заявленія своихъ протестовъ ласкательствомъ и обѣщаніями почестей, другихъ запугивали. Общественное мнѣніе Европы полагало, что конституція 3 мая принята была весьма единодушно; но такъ казалось только издали, и польскіе историки обманываютъ сами себя или же обманываютъ своихъ читателей, утверждаи что новое законодательство обновило бы Польшу, еслибъ сосѣднія державы тому не помѣшали. Конституція 3 мая неминуемо была бы низвергнута самими Поляками, или же оставалась бы мертвою буквой, чѣмъ впрочемъ она и оказалась тотчасъ послѣ того, какъ была провозглашена: какъ только послы отъ городовъ явились на сеймъ, шляхетскіе ихъ *паны-братія* обнаружили явное къ нимъ пренебреженіе; такъ громко провозглашенныя жертвы для усиленія средствъ казны былии взимаемы лишь съ большимъ трудомъ и сопротивленіемъ; многія лица изъ знати стали покидать Варшаву и уѣзжать за границу; въ Подоліи и на Волыни шляхество поговаривало о конфедераціи, а Ф. Потоцкій и Ржевускій прямо написали къ Екатеринѣ, прося ее принять недовольныхъ подъ защиту свою и помочь имъ образовать конфедерацію.

XX

Послѣдній пріѣздъ Потемкина въ Петербургъ. — Взятіе Анапы. — Побѣда при Мачинѣ. — Мирныя предложенія. — Морская побѣда. — Смерть кн. Потемкина (5 окт. 1792 г.). — Впечатлѣніе ею произведенное. — Безбородко. — Переговоры въ Яссахъ. — Мирный договоръ (29 декабр. 1792 г.). — Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу. — Усилія сторонниковъ конституціи 3 мая. — Торговицкая конфедерація. — Письмо Станислава къ Екатеринѣ. — Приступленіе его къ Торговицкой конфедераціи. — Соглашеніе между Россіей и Пруссіей. — Гродненскій сеймъ. — Договоры объ уступкахъ въ пользу Россіи (11 іюля 1793). — И о союзѣ съ нею Польши (10 окт). — Значеніе для Россіи пріобрѣтеній, сдѣланныхъ по Второму Раздѣлу. — Возсоединеніе въ нихъ уніатовъ.

Въ началѣ 1791 года Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ не былъ уже два года. Весь дворъ замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: здоровье его казалось сильно разстроеннымъ; онъ имѣлъ видъ озабоченный, разсѣянный и грустный. Одни приписывали это чисто физическимъ причинамъ, — еще болѣе безпорядочной жизни, которую велъ Потемкинъ въ арміи, чѣмъ военнымъ трудамъ; другіе видѣли въ этомъ послѣдствія охлажденія къ нему Императрицы.

Всѣ эти догадки имѣли основаніе. Потемкинъ находилъ, что блескъ и пышность придаютъ власти очарованіе; онъ любилъ ихъ, какъ человѣкъ съ художественными наклонностями; особенно льстило его воображенію окружать себя всѣми прихотями роскоши и утонченными наслажденіями искуствъ тамъ, гдѣ они казались наименѣе возможными, — среди степей Новороссіи, среди военнаго стана Этотъ *сѣверный Алкивіадъ*, какъ его справедливо называли, съ увлеченіемъ переходилъ отъ обаянія „прохладъ и нѣгъ“ къ образу жизни Спартанца, и на оборотъ. Его главная квартира во время Турецкой войны была наполнена знатными иностранцами;

ста различныхъ сочиненіяхъ и воспѣтъ поэтами, но который долженъ былъ дать новую пищу порицаніямъ. Императрица, какъ и всѣ, была поражена „Таврическимъ праздникомъ“; но она очень хорошо понимала, что легче дать этотъ праздникъ, чѣмъ выгнать Турокъ изъ Европы. Едва ли этотъ знаменитый праздникъ произвелъ на Императрицу то впечатлѣніе, какого Потемкинъ желалъ. По видимому, онъ это чувствовалъ и самъ; медлилъ отъѣздомъ не взирая на то, что давно уже наступила весна, а съ нею и время открыть кампанію; онъ говорилъ въ кругу близкихъ людей, что ему надо еще „зубъ вырвать“, и дождался того, что Императрица наконецъ напомнила ему, хотя и съ величайшею ласковостью, что его мѣсто въ арміи: „ежели хочешь камень свалить съ моего сердца,—написала она ему,—отправь скорѣе въ армію курьера и разрѣши силамъ сухопутнымъ и морскимъ произвести дѣйствіе наискорѣе“. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ іюля.

Отъѣзжая изъ арміи, онъ поручилъ командованіе ею кн. Репнину и далъ ему инструкцію, которая предписывала воздерживаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Между тѣмъ во время отсутствія главнокомандующаго произошло нѣсколько военныхъ событій, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на ходъ какъ войны, такъ и вообще политическихъ дѣлъ. Отряженный для дѣйствія на Кубани и со стороны Кавказа, генералъ Гудовичъ взялъ въ іюнѣ Анапу, довольно сильную крѣпость, важную впрочемъ лишь тѣмъ, что она была какъ бы постоянно открытою дверью для вліянія Турціи на закубанскія горскія племена. Почти одновременно съ покореніемъ Анапы, кн. Репнинъ нанесъ Турціи весьма сильный ударъ. Получивъ извѣстіе о появленіи на правомъ берегу Дуная 70 тысячной турецкой арміи, онъ переправился черезъ

эту рѣку 27 іюня и на слѣдующее утро встрѣтилъ ее близъ крѣпости Мачина. Непріятель примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ Дунаю, а правымъ къ небольшимъ возвышеніямъ. Направивъ аттаку на турецкій лагерь съ фронта, Репнинъ приказалъ генералу Кутузову (въ послѣдствіи князю Смоленскому) занять эти высоты и оттуда ударить на непріятеля, съ тѣмъ чтобъ опрокинуть его въ рѣку. Турки, съ своей стороны, пытались отрѣзать отступленіе Репнину и. нагрузивъ на суда часть своихъ войскъ, высадили ихъ у него въ тылу. Но эта высадка была безъ большаго труда отражена, а появленіе Кутузова на высотахъ, господствующихъ надъ правымъ флангомъ Турокъ, произвело такое смятеніе между ними, что они оставили позицію и бѣжали.

Побѣду при Мачинѣ нельзя назвать рѣшительною; она была одержана лишь надъ частію турецкой арміи, и Репнинъ, простоявъ три дня на полѣ битвы, принужденъ былъ возвратиться на лѣвый берегъ Дуная, не имѣя права продолжать наступленія. Но нравственныя пружины уже ослабли въ совѣтникахъ султана; постепенное охлажденіе къ Турціи ея союзниковъ и постоянные, хоть и не очень учащенные удары, наносимые ея арміи и флоту, дали наконецъ рѣшительный перевѣсъ миролюбивой партіи. По полученіи почти одновременно извѣстій о паденіи Анапы и о пораженіи при Мачинѣ, Селимъ III приказалъ верховному визирю открыть серіозные переговоры. Визирь сдѣлалъ о томъ предложеніе Репнину, и оно было принято, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заключено перемиріе. Но извѣстіе о перемиріи не могло скоро дойти до всѣхъ воюющихъ частей. Парусный флотъ нашъ, подъ командой Ушакова, находился въ это время въ морѣ и въ самый день принятія визиремъ условій Репнина, 29 іюля, встрѣтилъ непріятельскіе ко-

рабли близь румелійскаго берега, между Варной и Бургосомъ. Ушаковъ немедленно аттаковалъ его, и послѣ жестокаго боя принудилъ одну его часть укрыться подъ выстрѣлы Варны, а другую, направившуюся къ югу, преслѣдовалъ три дня и остановился лишь въ виду Константинопольскаго пролива, гдѣ наконецъ нашли убѣжище сильно пострадавшіе турецкіе корабли Полуразрушенные, едва держась на волнахъ, три изъ нихъ появились неожиданно передъ окнами султанскаго дворца, и видъ ихъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе и на народъ, и на падишаха. Весьма вѣроятно, что въ эту минуту Портою были бы приняты чрезвычайно выгодныя для насъ условія, но, къ несчастію, Потемкина не было въ главной квартирѣ, а инструкція, которую имѣлъ Репнинъ, была написана до одержанія нашими сухопутными и морскими силами послѣднихъ успѣховъ. Не считая себя въ правѣ отступать отъ нея, онъ открылъ мирные переговоры во ожиданіи прибытія главнокомандующаго.

Потемкинъ былъ уже въ Молдавіи, когда узналъ о начатыхъ Репнинымъ мирныхъ сношеніяхъ и отомъ, что они открыты не на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какія можно было бы въ настоящую минуту потребовать отъ Порты; это усилило душевныя страданія Потемкина; къ нимъ присоединилась злая молдаванская лихорадка, отъ которой онъ не хотѣлъ лечиться и которая наконецъ совершенно истощила его силы. Онъ почувствовалъ приближеніе смерти и пожелалъ возвратиться въ созданный имъ Новороссійскій край: „по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ“, говорилъ онъ. Любимая его племянница графиня Браницкая, жена короннаго гетмана, находившаяся при немъ въ это время, рѣшилась исполнить его желаніе; но на 38 верстѣ отъ Яссъ

онъ почувствовалъ себя очень дурно; вышелъ изъ кареты, легъ на плащь, разостланный близь дороги — и не вставалъ болѣе. 5 октября 1791 года, Государыня лишилась самаго преданнаго ей человѣка, Россія — самаго способнаго изъ государственныхъ людей XVIII вѣка.

Смерть Потемкина была тяжкимъ ударомъ для Императрицы. Если она иногда досадовала за медленность его военныхъ дѣйствій, если нѣкоторое охлажденіе къ нему замѣтно было въ послѣдній его пріѣздъ, то первое извѣстіе объ его опасности поразило ее; 11 октября Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „пріѣхалъ курьеръ, что 1 октября князю Потемкину опять хуже: опять слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустили кровь; въ 10 легли въ постель". Отношенія Екатерины къ Потемкину были часто описываемы, но почти всегда перомъ шаловливымъ и поверхностнымъ. Никто не обратилъ еще вниманія на серіозныя причины его вліянія на нее и на причины особой къ нему довѣренности ея, доходившей до пристрастія. Но эти причины выражены очень ясно въ нѣсколькихъ словахъ, вырвавшихся у Государыни вскорѣ послѣ его смерти. Вотъ что отмѣтилъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ подъ 16 октября 1791 года: „Продолженіе слезъ. Мнѣ сказано: „какъ можно мнѣ Потемкина замѣнить! онъ былъ настоящій дворянинъ; умный человѣкъ; его нельзя было купить". Къ принцу Нассау Екатерина писала о Потемкинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Это былъ дорогой мнѣ другъ, мой воспитанникъ, мой геніяльный человѣкъ; онъ дѣлалъ добро своимъ врагамъ и тѣмъ ихъ обезоруживалъ".

Такъ отзывалась Екатерина о Потемкинѣ, и подъ этими легкими штрихами возникаетъ образъ этого государственнаго человѣка гораздо болѣе правдивый, чѣмъ большая часть отзывовъ его современниковъ.

Императоръ Іосифъ, имѣвшій случай ближе, чѣмъ многіе писавшіе о Потемкинѣ, ознакомиться съ его качествами, какъ государственнаго человѣка, сказалъ о немъ: „Я понимаю, что этотъ человѣкъ, несмотря на свои странности, могъ пріобрѣсть вліяніе на Императрицу".

Смерть,—и смерть такая поразительная „великолѣпнаго князя Таврады", глубоко поразила его современниковъ: это должно заключить по большому числу одъ и другихъ стихотворныхъ завленій, вызванныхъ этимъ случаемъ, хотя при возраставшемъ могуществѣ князя Зубова подобныя заявленія могли почитаться не совсѣмъ безопасными. Вообще, стихотворенія написанныя по этому случаю посредственны, но яркій талантъ Державина высказался съ замѣчательнымъ блескомъвъ пьесѣ, внушенной ему кончиною Потемкина. Поэтъ изображаетъ дикую, но величественную мѣстность; близь водопада, низвергающагося четырью алмазными скалами, сидитъ старый воинъ (Румянцевъ):

Копье и мечъ и щитъ великій,—
Стѣна отечества всего,—
И шлемъ, обвитый павиликой,
Лежатъ во мху у ногъ его.

Въ воображеніи ветерана мелькаютъ картины его боеваго поприща, — и вдругъ

Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала...
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ!

Онъ зритъ одѣту въ ризы черны
Крылату нѣкую жену,
Власы имѣвшу распущенны...

Сѣдой воинъ очнулся и молвилъ:

„Знать умеръ нѣкій вождь"!

Въ заключительныхъ строфахъ этого блестящаго стихотворенія поразительны горькою правдою слѣдующіе стихи:

Единый часъ, одно мгновенье
Удобны царство поразить;
Одно стихіевъ дуновенье —
Гигантовъ въ прахъ преобразить.
Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ!
Въ пыли героевъ попираютъ!...

Дѣйствительно, болѣе полустолѣтія существовало сомнѣніе о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Потемкина. Онъ былъ похороненъ съ величайшею пышностію въ херсонскомъ соборѣ; но въ 1798 году, черезъ два года послѣ смерти Екатерины, склепъ въ которомъ знаменитый покойникъ положенъ, приказано было изгладить „такъ какъ бы его никогда не бывало", а поставленный надъ этимъ мѣстомъ памятникъ снять. Но между мѣстными жителями существуетъ преданіе, будто и самый прахъ Потемкина былъ перенесенъ въ другое какое-то мѣсто. Справедливо ли это преданіе? *Кажется* нѣтъ; во всякомъ случаѣ мы, потомство Екатерининскихъ сподвижниковъ, можемъ повторить вышеприведенный стихъ Державина:

Ихъ ищутъ мѣста — и не знаютъ!

Смерть Потемкина не должна была однакожь останавливать заключеніе мира съ Турціей. Какъ только извѣстіе о ней пришло въ Петербургъ, продолжать пріостановившіеся переговоры вызвался графъ Безбородко.

Александръ Андреевичъ Безбородко,—сынъ генеральнаго судьи бывшаго Малороссійскаго казачьяго вой-

ска, человѣка вліятельнаго на Украйнѣ и одного изъ сторонниковъ полнаго сліянія Малороссіи съ Россіей,— былъ, въ весьма молодыхъ еще лѣтахъ, взятъ Румянцовымъ въ его штабъ и управлялъ походною канцеляріей во время Первой Турецкой войны. Въ этой должности онъ пріобрѣлъ навыкъ къ письменнымъ дѣламъ, выработалъ дѣловой слогъ, и обнаружилъ необыкновенную память, неутомимость въ работѣ и способность ко всякаго рода кабинетнымъ занятіямъ. Рекомендованный фельдмаршаломъ Императрицѣ, онъ былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ, и вполнѣ оправдалъ рекомендацію своего покровителя. Екатерина, сдѣлавшаяся съ лѣтами довольно нетерпѣливою и взыскательною, никогда не заставала его, такъ сказать, врасплохъ: о чемъ бы ни спросила она въ кругѣ дѣлъ, проходившихъ чрезъ его руки, — онъ помнилъ все и на всякій вопросъ былъ у него готовъ отвѣтъ; никакая работа не пугала его и никакое порученіе, повидимому, не превышало его силъ; никто притомъ не умѣлъ съ такою стройностію, и даже изяществомъ излагать дѣла, какъ Безбородко: его слогу удивлялись современники, и редакторскія его способности были такъ велики, что онъ могъ импровизировать дѣловыя бумаги; разсказываютъ, что однажды Екатерина приказала ему составить какую-то бумагу; но Безбородко, ведя жизнь безпорядочную, забылъ о ней; когда же, при слѣдующемъ докладѣ, Государыня о ней спросила, то молодой статсъ-секретарь, вынувъ изъ портфеля первый попавшійся ему листъ бумаги, сталъ импровизировать, и притомъ съ такою плавностію, что обманъ не былъ замѣченъ.

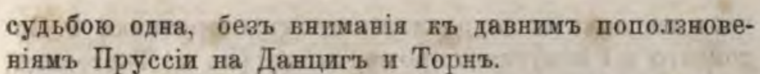
Все что извѣстно о Безбородкѣ, получившемъ впослѣдствіи графскій титулъ, даетъ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ очень дѣловомъ и даровитомъ, но не го-

воритъ въ пользу нравственныхъ его качествъ и не даетъ права предполагать въ немъ качествъ настоящаго государственнаго человѣка, какимъ былъ, напримѣръ, Потемкинъ. Сдѣлавшись членомъ иностранной коллегіи, онъ едва ли въ состояніи былъ оказать вліяніе на общее направленіе нашей политики, но могъ подать въ данномъ случаѣ дѣльный совѣтъ и превосходно обработать указанное ему дѣло. При всѣхъ открывавшихся переговорахъ съ Турками, со стороны Россіи предъявлялись постоянно одни и тѣже требованія, а именно: перенесеніе границы съ Буга на Днѣстръ, признаніе Портою договора 1774 года и всѣхъ послѣдующихъ, и нѣкоторое расширеніе правъ и льготъ дунайскимъ княжествамъ. Но такъ какъ въ продолженіе 1791 года политическое положеніе Европы приняло оборотъ несравненно болѣе для насъ благопріятный, и такъ какъ Пруссія, отказавшись признать польскую конституцію, стала явно искать сближенія съ Россіей, то Потемкину, при отъѣздѣ его изъ Петербурга, было разрѣшено возвысить требованія, если какія-либо новыя побѣды откроютъ къ тому случай. Мы знаемъ уже, что Потемкинъ не поспѣлъ въ Яссы къ началу переговоровъ, а князь Репнинъ, имѣя положительныя конструкціи, какъ ему поступать и какія предъявлять условія въ случаѣ мирныхъ предложеній, не счелъ себя въ правѣ возвысить ихъ послѣ Мачинской побѣды и взятія Анапы и подписалъ *прелиминаріи* (основанія къ соглашенію). Когда пріѣхалъ Потемкинъ, дѣло было уже испорчено. Но Турки сами едва не исправили,его сдѣлавъ Потемкину предложеніе отступить нѣсколько отъ требованій Репнина и оставить за ними узкую полосу земли по лѣвому берегу Днѣстра. „Не хотите границы на Днѣстрѣ, — воскликнулъ онъ съ яростію, —

предложу ее на Прутѣ, а станете еще медлить, — потребую земли по самый Дунай.“ На этомъ переговоры были прерваны смертію Потемкина. Гр. Безбородку оставалось только возобновить ихъ, но измѣнить ихъ основаній и возвысить требованій онъ едвали могъ, тѣмъ болѣе что впечатлѣніе гибнувшихъ въ виду Константинополя кораблей успѣло уже изгладиться. По этому, пренія продолжались не долго: 29 декабря 1791 года въ Яссахъ былъ подписанъ договоръ, коимъ Порта признавала силу всѣхъ трактатовъ заключенныхъ съ 1774 года, то есть утверждала за Россіей Крымъ и пр.; она уступала земли по Днѣстръ, обязывалась не допускать нападеній на земли Грузинскаго царя и на кубанскія наши поселенія, господство же ея надъ дунайскими княжествами признавалось *на извѣстныхъ условіяхъ.*

Извѣстіе объ открытіи переговоровъ въ Яссахъ имѣло огромное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Варшавское правительство поспѣшило (послѣ семимѣсячнаго промедленія) извѣстить русскій дворъ о преобразованіяхъ, сдѣланныхъ въ основныхъ законахъ королевства; дѣло о волненіяхъ на Волыни снова разсматривалось сеймомъ и уже не вызвало прежней запальчивости; напротивъ, арестованные по этому дѣлу русскіе подданные были освобождены и признаны невинными *). Но всѣ эти заявленія миролюбія не имѣли уже цѣны: наступало время, по словамъ Екатерины „возвысить тонъ“. Польшѣ нельзя уже было расчитывать ни на какую внѣшнюю помощь: Франціи самой угрожала война, а прусское правительство опасалось только одного, — чтобъ Россія, сокрушивъ Польшу, не распорядилась ея

*) Кромѣ епископа Виктора, который былъ освобожденъ нѣсколько мѣсяцевъ позже.

судьбою одна, безъ вниманія къ давнимъ поползновеніямъ Пруссіи на Данцигъ и Торнъ.

Такой поворотъ въ дѣлахъ европейской политики могъ бы, по видимому, дать перевѣсъ партіи недовольныхъ конституціей 3 мая; но партія, руководившая сеймомъ, напрягла всѣ свои усилія, грозила, запугивала, разжигала страсти и удержала свое господствующее положеніе. Сеймъ началъ рѣшительнымъ образомъ готовиться къ войнѣ: всѣ подати были удвоены; королю даны были чрезвычайныя полномочія; агенты И. Потоцкаго возбуждали между тѣмъ варшавскую чернь и разбрасывали прокламаціи, которыми надѣялись произвести возмущеніе между крестьянами Бѣлоруссіи. Система возбужденія и устрашенія произвела свое обычное дѣйствіе: одушевленіе болѣе или менѣе искуственное обхватило страну, и всѣ возраженія противъ образа дѣйствія воинственной партіи замолкли. Но Булгаковъ не безъ основанія доносилъ своему двору, что стоитъ показаться русскому войску — и многіе изъ горячихъ партизановъ конституціи 3 мая закричатъ: долой эту конституцію. Въ средѣ высшаго дворянства и духовенства она имѣла весьма многихъ, хотя по большей части и тайныхъ противниковъ; Ф. Потоцкій и Ржевускій сдѣлались центромъ довольно многочисленной группы людей, принадлежавшихъ частію къ числу высшей знати,—каковы графы Браницкій, Вельгорскій, Ожаровскій,—частію же къ провинціальному дворянству. Рыцарство волынскаго воеводства, напримѣръ, было все на сторонѣ оппозиціи.

Въ началѣ мая 1792 года, когда дѣла съ Турціей были совершенно кончены, двѣ русскія арміи,—одна, подъ начальствомъ Каховскаго, а другая—Кречетникова, получили приказаніе вступить въ Подолію и Литву. Тот-

епископъ Викторъ, пострадавшій по случаю волненій на Волыни и освобожденный изъ заключенія, когда обстоятельства позволили русской политикѣ заговорить въ Варшавѣ съ подобающею ей твердостію, написалъ воззваніе къ заднѣпровскимъ уніятамъ, увѣщевая ихъ возвратиться въ лоно церкви своихъ предковъ: „Пастырски увѣщеваемъ васъ, — писалалъ онъ, — возникните, чада церкви: насладитеся свободою православнаго исповѣданія! Прибѣгните во объятія церкви, матере вашей, да насладитеся тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы". Далѣе, намекая на разглашенія, будто новоприсоединенныя области будутъ скоро отняты у Россіи —„никто же да усомнится, продолжалъ онъ, въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ, или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными, братіею ихъ, вѣрноподданными Е. И. В—ва". Этотъ способъ обращенія, столь отличный отъ употребляемаго проповѣдниками уніи, оказалъ весьма сильное дѣйствіе; болѣе милліона уніятовъ приняло православіе вслѣдъ за воззваніемъ Виктора. Въ слѣдующемъ году большое количество уніатовъ возвратилось къ православію въ Бѣлоруссіи. И между тѣмъ эти милліоны людей, съ такою готовностію сбрасывавшихъ съ себя все, что затрудняло „соединеніе съ братіею ихъ", такъ долго домогавшіеся этого соединенія, отдавались, какъ увидимъ, въ крѣпостную зависимость — кому же?.. тѣмъ самымъ, которые не допускали этого соединенія, которые утѣсняли ихъ вѣру и готовились при первомъ случаѣ заявить себя врагами Россіи!

былъ начать повсемѣстное отступленіе. Вильна и Гродно съ одной стороны, а съ другой, Подолія и Волынь были заняты русскими безъ большихъ усилій. Весьма извѣстный впослѣдствіи польскій генералъ Косцюшко пытался было, ставъ въ крѣпкой позиціи за Бугомъ, остановить Каховскаго, но проигралъ сраженіе.

Это сраженіе произошло въ концѣ іюня и имъ рѣшена была судьба Польши. Партія, враждебная новому порядку дѣлъ, тотчасъ же поднялась, какъ предсказывалъ Булгаковъ, и въ свою очередь, И. Потоцкій, Коллонтай и ихъ приверженцы принуждены были умолкнуть. Многіе изъ тѣхъ, которые громко кричали за конституцію 3 мая, стали теперь забѣгать къ Булгакову и увѣрять, что они всегда были искренними приверженцами союза съ Россіей. Отъ имени польскаго правительства ему сдѣлано предложеніе, провозгласить наслѣдникомъ польскаго престола в. к. Константина Павловича, предоставляя Императрицѣ сдѣлать какія угодно измѣненія въ злополучной конституціи. Булгаковъ потребовалъ, чтобъ всѣ эти предложенія были изложены на бумагѣ, вслѣдствіе чего ему было доставлено, для препровожденія къ Императрицѣ, собственноручное письмо короля, въ которомъ онъ писалъ между прочимъ: „Вамъ нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ, вамъ нужно безпрепятственно проводить чрезъ нее свои войска, всякій разъ какъ вамъ угодно будетъ заняться или Турками или Европой. Намъ нужно освободиться отъ безпрестанныхъ революцій, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, когда всѣ сосѣди вмѣшиваются въ наши дѣла, вооружая насъ самихъ другъ противъ друга. Сверхъ того намъ нужно внутреннее правленіе болѣе правильное, чѣмъ прежде. Теперь удобная минута согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего

внука великаго князя Константина; пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ, взаимно полезный. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю васъ согласиться на это перемиріе какъ можно скорѣе, и отвѣчаю за остальное, если вы мнѣ дадите время и средства. Здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои, вамъ сдѣланныя, принимаются быть можетъ, съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на этомъ сеймѣ."

Въ отвѣтъ на это письмо, Екатерина писала, что она отклоняетъ предложенія относительносвоего внука и что такъ какъ она ведетъ войну не съ Польшей, а съ партіей овладѣвшею сеймомъ, то приглашаетъ и короля соединить съ нею свои усилія и стать во главѣ Торговицкой конфедераціи *). Король исполнилъ желаніе Императрицы и приступилъ къ Торговицкой конфедераціи, приказавъ кн. Понятовскому прекратить непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ. 10 августа Варшава была занята ими безъ сопротивленія.

Новый раздѣлъ Польши былъ, какъ мы видѣли, уже рѣшенъ; но такъ какъ поземельныя уступки можетъ утвердить единственно лишь то самое правительство, которое ихъ дѣлаетъ, и такъ какъ по польскимъ законамъ, для этого нужно было согласіе сейма, то польское рыцарство приглашено было выслать своихъ пословъ, къ концу весны 1793 года, въ Гродно. Въ сущ-

---

*) По имени конфедерація провозглашенной въ Торговицѣ, названы были вообще всѣ отдѣльныя конфедераціи, имѣвшія съ нею общую цѣль, точно также какъ называютъ Барскими конфедератами всѣхъ, принимавшихъ участіе въ конфедераціяхъ, современныхъ и единомышленныхъ Барской.

ности сеймъ не могъ, конечно, измѣнить рѣшенія, принятаго русскимъ и прусскимъ правительствами; но нельзя было ожидать, чтобъ онъ безъ всякаго сопротивленія согласился на уступки почти уничтожавшія Польшу. Поэтому русскія войска остались въ земляхъ Рѣчи Посполитой по-сю сторону Вислы, между тѣмъ какъ западныя воеводства, до самой Вислы, заняты были войсками Пруссіи. Въ Данцигъ введенъ былъ прусскій гарнизонъ, подъ предлогомъ производившейся тамъ будто бы революціонной пропаганды. Польша была на самомъ дѣлѣ уже не самостоятельнымъ государствомъ, а завоеванною провинціей, и хотя ея сейму не препятствовалось разсуждать по своему усмотрѣнію о предположенномъ раздѣлѣ, но отъ него требовалось непремѣнно утвердить его. Послы начали съѣзжаться въ апрѣлѣ; туда же прибыли посланники прусскій, Бухгольцъ и русскій — извѣстный намъ Сиверсъ, назначенный на мѣсто Штакельберга. Нѣсколько русскихъ баталіоновъ расположено было вокругъ Гродна. Сиверсъ и Бухгольцъ давали обѣды и праздники, которые были не бѣдны посѣтителями, но общее настроеніе пословъ было мрачно, а тайныя подсылки изъ Вѣны, гдѣ завидовали успѣхамъ прусской и русской политики, начинали дѣлать оное тревожнымъ.

Сеймъ былъ открытъ лишь въ іюнѣ. Посланники союзныхъ дворовъ, предъявивъ состоявшееся между ними соглашеніе, просили назначить коммиссію для переговоровъ съ ними, относительно поземельныхъ уступокъ Это предложеніе вызвало со стороны многихъ пословъ самыя пламенныя заявленія патріотизма; они говорили, что готовы пролить всю кровь, до послѣдней капли, за отечество; мы родились свободными и умремъ свободными, говорили они. Король старался дать имъ

почувствовать, что теперь, сложивъ оружіе и находясь во власти союзныхъ державъ, Польшѣ остается одно, — подчиниться силѣ обстоятельствъ. Ему отвѣчали съ горечью. „Намъ угрожаютъ Сибирью? воскликнулъ одинъ изъ пословъ: чтожь, отправимся въ Сибирь! Она будетъ для насъ не безъ прелести; ея пустыни обратятся для насъ въ елизей, потому что все, — самая даже тѣнь наша, будетъ говорить намъ о нашихъ доблестяхъ, о нашей любви къ отечеству. Веди насъ въ Сибирь, панъ-король!“ заключилъ пламенный ораторъ и, множество голосовъ повторило: „въ Сибирь, въ Сибирь!“ Въ отвѣтъ на эти пламенныя заявленія, равно какъ на упреки, король спросилъ съ горестію: „что̀ дѣлать предводителю арміи, половина которой положила оружіе?“....

Дѣло не подвигалось между тѣмъ ни въ интересѣ Польши, ни въ интересѣ союзныхъ дворовъ. Сиверсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ арестовать и выслать изъ Гродна нѣсколькихъ изъ самыхъ шумливыхъ пословъ; послѣ этого сеймъ назначилъ коммиссію для переговоровъ, которые были заключены трактатомъ 11 іюля, подтверждавшимъ уступку земель по-ту сторону линіи, проведенной отъ Друи, мимо Несвижа и Пинска, къ границамъ Галиціи. Тогда въ свою очередь Бухгольцъ потребовалъ назначенія коммиссіи для переговоровъ съ нимъ. Это требованіе вызвало сопротивленіе еще больше упорное, нежели требованіе Сиверса. „Король прусскій требуетъ отъ насъ нашей родной земли, воскликнулъ одинъ изъ пословъ: хорошо дадимъ же ему этой земли столько, сколько нужно для его могилы“! Въ залу собранія введено было нѣсколько русскихъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобъ не допускать выходокъ подобнаго рода, и коммиссія была назначена; но ей даны были лишь условныя полномочія. Бухгольцъ на-

ставвалъ, чтобъ коммиссіи дано было право сдѣлать требуемыя Пруссіей уступки. Противъ него и противъ обоихъ правительствъ посыпались ожесточенныя порицанія. По распоряженію Сиверса, наиболѣе безпокойные послы были удалены изъ залы; нѣсколько другихъ было арестовано ночью и вывезено изъ Гродна. Когда на слѣдующее утро, 12 сентября, сеймующіе чины собрались и узнали о происшедшемъ, они порѣшили между собою присутствовать въ засѣданіи, но оставаться безмолвными, и сидѣть не произнося ни слова. Пріѣхалъ Сиверсъ и заявилъ о прискорбной необходимости, въ которой онъ находился устранить людей, мѣшавшихъ ходу сейма и безполезно замедлявшихъ неизбѣжную развязку. Никто не отвѣчалъ ему. Никто не дѣлалъ никакого предложенія сейму, никакого запроса правительству. Всѣ сидѣли какъ окаменѣлые. Наступилъ вечеръ; наступила ночь: прежнее безмолвіе. Сиверсъ прислалъ объявить собранію, что оно не отиграется молчаніемъ и что ни одинъ посолъ не будетъ выпущенъ изъ залы, пока не послѣдуетъ рѣшенія. Гробовое молчаніе продолжается; король, вмѣстѣ съ послами оставался въ залѣ и дремалъ въ своихъ креслахъ. Наконецъ часа въ три ночи раздается голосъ: „Молчаніе есть знакъ согласія". Маршалъ сейма поспѣшилъ воспользоваться этой оригинальною развязкой, чтобъ вывести сеймъ изъ его безвыходнаго положенія. Онъ спросилъ, уполномочиваетъ ли собраніе коммиссію безусловно на переговоры съ Прусскимъ посланникомъ и на утвержденіе требуемыхъ имъ уступокъ? Три раза повторилъ онъ, согласно уставу, свой вопросъ и, не получивъ никакого отвѣта, провозгласилъ, что послѣдовало *единодушное* согласіе сейма. Черезъ два дня договоръ съ Пруссіей былъ подписанъ.

Послѣднимъ дѣйствіемъ Гродненскаго сейма было заключеніе союзнаго договора съ Россіей. Обѣ державы взаимно гарантировали свои европейскія владѣнія и обязывались помогать вооруженной рукою одна другой, въ случаѣ внѣшняго нападенія; главное начальство надъ соединенными арміями предоставлялось въ такомъ случаѣ начальнику многочисленнѣйшей изъ нихъ; король и республика признавали справедливымъ предоставить Императрицѣ Всероссійской нѣкоторую долю участія при обсужденіи мѣръ для безопасности и спокойствія страны, съ правомъ, въ случаѣ надобности, вводить свои войска въ польскія земли; съ своей же стороны, польское правительство обязывалось не заключать союзовъ и не вступать ни въ какія международныя обязательства иначе, какъ съ вѣдома и согласія русскаго правительства. Этотъ договоръ, заключенный 5 октября, ставилъ Польшу въ положеніе вассальнаго государства, въ положеніе близкое тому, въ которомъ находилась Грузія: да иного положенія уже и не могло имѣть это государство послѣ Втораго Раздѣла. Бугъ былъ его границей съ восточной стороны, а съ запада, новыя владѣнія Пруссіи, — заключавшія въ себѣ, кромѣ Гданска и Торуна, коренныя земли Польши, колыбель этого госусударства, — близко подходили къ Варшавѣ. Всѣ эти границы были совершенно открыты, море было отрѣзано; народонаселеніе Польши едва превосходило 3 милліона.

Что касается до Россіи, то сдѣланныя ею пріобрѣтенія были не только обширны, но и во многихъ отношеніяхъ очень важны. Россія получила огромное пространство плодоносныхъ по большей части земель, изъ коихъ Подолія и южная часть Волыни замѣчательны своимъ плодородіемъ. Первая изъ нихъ притомъ со-

предложу ее на Прутѣ, а станете еще медлить, — потребую зѐмли по самый Дунай.“ На этомъ переговоры были прерваны смертію Потемкина. Гр. Безбородку оставалось только возобновить ихъ, но измѣнить ихъ основаній и возвысить требованій онъ едвали могъ, тѣмъ болѣе что впечатлѣніе гибнувшихъ въ виду Константинополя кораблей успѣло уже изгладиться. По этому, пренія продолжались не долго: 29 декабря 1791 года въ Яссахъ былъ подписанъ договоръ, коимъ Порта признавала силу всѣхъ трактатовъ заключенныхъ съ 1774 года, то есть утверждала за Россіей Крымъ и пр.; она уступала земли по Днѣстръ, обязывалась не допускать нападеній на земли Грузинскаго царя и на кубанскія наши поселенія, господство же ея надъ дунайскими княжествами признанось *на извѣстныхъ условіяхъ.*

Извѣстіе объ открытіи переговоровъ въ Яссахъ имѣло огромное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Польшѣ. Варшавское правительство поспѣшило (послѣ семимѣсячнаго промедленія) извѣстить русскій дворъ о преобразованіяхъ, сдѣланныхъ въ основныхъ законахъ королевства; дѣло о волненіяхъ на Волыни снова разсматривалось сеймомъ и уже не вызвало прежней запальчивости; напротивъ, арестованные по этому дѣлу русскіе подданные были освобождены и признаны невинными *). Но всѣ эти заявленія миролюбія не имѣли уже цѣны: наступало время, по словамъ Екатерины „возвысить тонъ“. Польшѣ нельзя уже было расчитывать ни на какую внѣшнюю помощь: Франціи самой угрожала война, а прусское правительство опасалось только одного, — чтобъ Россія, сокрушивъ Польшу, не распорядилась ея

---

*) Кромѣ епископа Виктора, который былъ освобожденъ нѣсколько мѣсяцевъ позже.

судьбою одна, безъ вниманія къ давнимъ поползновеніямъ Пруссіи на Данцигъ и Торнъ.

Такой поворотъ въ дѣлахъ европейской политики могъ бы, по видимому, дать перевѣсъ партіи недовольныхъ конституціей 3 мая; но партія, руководившая сеймомъ, напрягла всѣ свои усилія, грозила, запугивала, разжигала страсти и удержала свое господствующее положеніе. Сеймъ началъ рѣшительнымъ образомъ готовиться къ войнѣ: всѣ подати были удвоены; королю даны были чрезвычайныя полномочія; агенты И. Потоцкаго возбуждали между тѣмъ варшавскую чернь и разбрасывали прокламаціи, которыми надѣялись произвести возмущеніе между крестьянами Бѣлоруссіи. Система возбужденія и устрашенія произвела свое обычное дѣйствіе: одушевленіе болѣе или менѣе искуственное обхватило страну, и всѣ возраженія противъ образа дѣйствія воинственной партіи замолкли. Но Булгаковъ не безъ основанія доносилъ своему двору, что стòитъ показаться русскому войску — и многіе изъ горячихъ партизановъ конституціи 3 мая закричатъ: долой эту конституцію. Въ средѣ высшаго дворянства и духовенства она имѣла весьма многихъ, хотя по большей части и тайныхъ противниковъ; Ф. Потоцкій и Ржевускій сдѣлались центромъ довольно многочисленной группы людей, принадлежавшихъ частію къ числу высшей знати,—каковы графы Браницкій, Вельгорскій, Ожаровскій,—частію же къ провинціальному дворянству. Рыцарство волынскаго воеводства, напримѣръ, было все на сторонѣ оппозиціи.

Въ началѣ мая 1792 года, когда дѣла съ Турціей были совершенно кончены, двѣ русскія арміи, — одна, подъ начальствомъ Каховскаго, а другая — Кречетникова, получили приказаніе вступить въ Подолію и Литву. Тот-

часъ же, подъ ея покровительствомъ, сторонники Ф. Потоцкаго и Ржевускаго провозгласили (въ м. Торговицѣ, нынѣшней Кіевской губерніи) конфедерацію. Изданный ею универсалъ приписывалъ обману и интригѣ всѣ дѣйствія противной партіи, объявлялъ эти дѣйствія разрушительными и незаконными, а потому и не имѣющими силы. Вслѣдъ за тѣмъ, подобная же конфедерація образовалась въ Литвѣ. Между тѣмъ графъ Штакельбергъ представилъ польскому правительству декларацію, въ которой выражалъ негодованіе Императрицы по поводу измѣненій, сдѣланныхъ въ гарантированныхъ ею законахъ страны, по поводу посягательствъ на личность русскихъ подданныхъ и по поводу оскорбленій, которыми сеймъ осыпалъ ее и Россію, а въ заключеніе, извѣщалъ о вступленіи русскихъ войскъ для оказанія покровительства „благонамѣреннымъ" гражданамъ противъ интригановъ и революціонеровъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, Станиславъ обратился съ письмомъ къ королю Прусскому, требуя его содѣйствія и защиты, на основаніи недавно заключеннаго союза. Но положеніе Пруссіи въ отношеніи Польши значительно измѣнилось съ того времени: между нею и Россіей, какъ мы видѣли, произошло сближеніе. Причиной этого сближенія были отчасти грозные размѣры, которые приняла Французская революція; тѣ же побужденія сблизили Россію съ Англіей и Австріей. Союзные монархи рѣшили между собою принять энергическія мѣры противъ распространенія революціоннаго пожара, и Пруссія вызвалась двинуть свои войска къ Французскимъ границамъ. Но за это она потребовала вознагражденія на счетъ Польши. Екатерина колебалась принять это предложеніе: когда же берлинскій дворъ объявилъ, что онъ не намѣренъ рисковать и дѣлать

усилій во ожиданіи невѣрныхъ благъ, что революцію происходящую въ Польшѣ, онъ почитаетъ для себя гораздо опаснѣе, такъ какъ она ближе, и что поэтому, онъ введетъ свои войска въ польскія, а не французскія владѣнія. Этотъ рѣшительный тонъ прекратилъ колебанія Императрицы; она согласилась на присоединеніе къ Пруссіи нѣсколькихъ польскихъ областей, и, съ своей стороны „указала въ высочайшемъ своемъ присутствіи и подъ собственнымъ ея усмотрѣніемъ, — какъ сказано въ одномъ современномъ актѣ, — протянуть черту на картѣ польской для показанія того удѣла, который предназначается къ Всероссійской Имперіи, въ удовлетвореніе убытковъ ея". Эта черта проходила отъ восточной границы Курляндіи, близъ г. Друи, и направлялась чрезъ Несвижъ и Пинскъ къ Австрійской границѣ, въ которую упиралась между Каменецъ-Подольскомъ и Бродами. Всѣ земли, находящіяся по-сю сторону этой линіи, предположено было отдѣлить отъ Польши и присоединить къ Россіи; Пруссія же имѣла получить Гданскъ и Торунь съ западными, смежными съ нею воеводствами.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Станиславъ-Августъ обратился къ мнимому союзнику Польши за помощью противъ Россіи. Отвѣтъ короля Прусскаго не трудно было предвидѣть. Фридрихъ Вильгельмъ, выражая неодобреніе конституціи 3 мая, заявлялъ, что провозглашеніе ея совершенно измѣнило отношенія между Польшей и Пруссіей. Оставленное при однихъ своихъ силахъ, польское правительство двинуло на встрѣчу русскимъ арміямъ свои войска; но они были плохо вооружены и совершенно не готовы къ войнѣ. Молодой ихъ главнокомандующій, племянникъ короля, князь Понятовскій, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, принужденъ

былъ начать повсемѣстное отступленіе. Вильна и Гродно съ одной стороны, а съ другой, Подолія и Волынь были заняты русскими безъ большихъ усилій. Весьма извѣстный впослѣдствіи польскій генералъ Косцюшко пытался было, ставъ въ крѣпкой позиціи за Бугомъ, остановитъ Каховскаго, но проигралъ сраженіе.

Это сраженіе произошло въ концѣ іюня и имъ рѣшена была судьба Польши. Партія, враждебная новому порядку дѣлъ, тотчасъ же поднялась, какъ предсказывалъ Булгаковъ, и въ свою очередь, И. Потоцкій, Коллонтай и ихъ приверженцы принуждены были умолкнуть. Многіе изъ тѣхъ, которые громко кричали за конституцію 3 мая, стали теперь забѣгать къ Булгакову и увѣрять, что они всегда были искренними приверженцами союза съ Россіей. Отъ имени польскаго правительства ему сдѣлано предложеніе, провозгласить наслѣдникомъ польскаго престола в. к. Константина Павловича, предоставляя Императрицѣ сдѣлать какія угодно измѣненія въ злополучной конституціи. Булгаковъ потребовалъ, чтобъ всѣ эти предложенія были изложены на бумагѣ, вслѣдствіе чего ему было доставлено, для препровожденія къ Императрицѣ, собственноручное письмо короля, въ которомъ онъ писалъ между прочимъ: „Вамъ нужно имѣть вліяніе въ Польшѣ, вамъ нужно безпрепятственно проводить чрезъ нее свои войска, всякій разъ какъ вамъ угодно будетъ заняться или Турками или Европой. Намъ нужно освободиться отъ безпрестанныхъ революцій, къ которымъ подаетъ поводъ каждое междуцарствіе, когда всѣ сосѣди вмѣшиваются въ наши дѣла, вооружая насъ самихъ другъ противъ друга. Сверхъ того намъ нужно внутреннее правленіе болѣе правильное, чѣмъ прежде. Теперь удобная минута согласить все это. Дайте мнѣ въ наслѣдники своего

внука великаго князя Константина; пусть вѣчный союзъ соединитъ обѣ страны; заключимъ и торговый договоръ, взаимно полезный. Сеймъ далъ мнѣ власть заключить перемиріе, но не окончательный миръ. Поэтому я умоляю васъ согласиться на это перемиріе какъ можно скорѣе, и отвѣчаю за остальное, если вы мнѣ дадите время и средства. Здѣсь теперь произошла такая перемѣна въ образѣ мыслей, что предложенія мои, вамъ сдѣланныя, принимаются быть можетъ, съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ все совершенное на этомъ сеймѣ."

Въ отвѣтъ на это письмо, Екатерина писала, что она отклоняетъ предложенія относительносвоего внука и что такъ какъ она ведетъ войну не съ Польшей, а съ партіей овладѣвшею сеймомъ, то приглашаетъ и короля соединить съ нею свои усилія и стать во главѣ Торговицкой конфедераціи *). Король исполнилъ желаніе Императрицы и приступилъ къ Торговицкой конфедераціи, приказавъ кн. Понятовскому прекратить непріязненныя дѣйствія противъ русскихъ войскъ. 10 августа Варшава была занята ими безъ сопротивленія.

Новый раздѣлъ Польши былъ, какъ мы видѣли, уже рѣшенъ; но такъ какъ поземельныя уступки можетъ утвердить единственно лишь то самое правительство, которое ихъ дѣлаетъ, и такъ какъ по польскимъ законамъ, для этого нужно было согласіе сейма, то польское рыцарство приглашено было выслать своихъ пословъ, къ концу весны 1793 года, въ Гродно. Въ сущ-

---

*) По имени конфедераціи провозглашенной въ Торговицѣ, названы были вообще всѣ отдѣльныя конфедераціи, имѣвшія съ нею общую цѣль, точно также какъ называютъ Барскими конфедератами всѣхъ, принимавшихъ участіе въ конфедераціяхъ, современныхъ и единомышленныхъ Барской.

ности сеймъ не могъ, конечно, измѣнить рѣшенія, принятаго русскимъ и прусскимъ правительствами; но нельзя было ожидать, чтобъ онъ безъ всякаго сопротивленія согласился на уступки почти уничтожавшія Польшу. Поэтому русскія войска остались въ земляхъ Рѣчи Посполитой по-сю сторону Вислы, между тѣмъ какъ западныя воеводства, до самой Вислы, заняты были войсками Пруссіи. Въ Данцигъ введенъ былъ прусскій гарнизонъ, подъ предлогомъ производившейся тамъ будто бы революціонной пропаганды. Польша была на самомъ дѣлѣ уже не самостоятельнымъ государствомъ, а завоеванною провинціей, и хотя ея сейму не препятствовалось разсуждать по своему усмотрѣнію о предположенномъ раздѣлѣ, но отъ него требовалось непремѣнно утвердить его. Послы начали съѣзжаться въ апрѣлѣ; туда же прибыли посланники прусскій, Бухгольцъ и русскій — извѣстный намъ Сиверсъ, назначенный на мѣсто Штакельберга. Нѣсколько русскихъ баталіоновъ расположено было вокругъ Гродна. Сиверсъ и Бухгольцъ давали обѣды и праздники, которые были не бѣдны посѣтителями, но общее настроеніе пословъ было мрачно, а тайныя подсылки изъ Вѣны, гдѣ завидовали успѣхамъ прусской и русской политики, начинали дѣлать оное тревожнымъ.

Сеймъ былъ открытъ лишь въ іюнѣ. Посланники союзныхъ дворовъ, предъявивъ состоявшееся между ними соглашеніе, просили назначить коммиссію для переговоровъ съ ними, относительно поземельныхъ уступокъ Это предложеніе вызвало со стороны многихъ пословъ самыя пламенныя заявленія патріотизма; они говорили, что готовы пролить всю кровь, до послѣдней капли, за отечество; мы родились свободными и умремъ свободными, говорили они. Король старался дать имъ

почувствовать, что теперь, сложивъ оружіе и находясь во власти союзныхъ державъ, Польшѣ остается одно, — подчиниться силѣ обстоятельствъ. Ему отвѣчали съ горечью. „Намъ угрожаютъ Сибирью? воскликнулъ одинъ изъ пословъ: чтожь, отправимся въ Сибирь! Она будетъ для насъ не безъ прелести; ея пустыни обратятся для насъ въ елизей, потому что все, — самая даже тѣнь наша, будетъ говорить намъ о нашихъ доблестяхъ, о нашей любви къ отечеству. Веди насъ въ Сибирь, панъ-король!“ заключилъ пламенный ораторъ и, множество голосовъ повторило: „въ Сибирь, въ Сибирь!“ Въ отвѣтъ на эти пламенныя заявленія, равно какъ на упреки, король спросилъ съ горестію: „что дѣлать предводителю арміи, половина которой положила оружіе?“....

Дѣло не подвигалось между тѣмъ ни въ интересѣ Польши, ни въ интересѣ союзныхъ дворовъ. Сиверсъ увидѣлъ себя вынужденнымъ арестовать и выслать изъ Гродна нѣсколькихъ изъ самыхъ шумливыхъ пословъ; послѣ этого сеймъ назначилъ коммиссію для переговоровъ, которые были заключены трактатомъ 11 іюля, подтверждавшимъ уступку земель по-ту сторону линіи, проведенной отъ Друи, мимо Несвижа и Пинска, къ границамъ Галиціи. Тогда въ свою очередь Бухгольцъ потребовалъ назначенія коммиссіи для переговоровъ съ нимъ. Это требованіе вызвало сопротивленіе еще больше упорное, нежели требованіе Сиверса. „Король прусскій требуетъ отъ насъ нашей родной земли, воскликнулъ одинъ изъ пословъ: хорошо дадимъ же ему этой земли столько, сколько нужно для его могилы“! Въ залу собранія введено было нѣсколько русскихъ офицеровъ съ тѣмъ, чтобъ не допускать выходокъ подобнаго рода, и коммиссія была назначена; но ей даны были лишь условныя полномочія. Бухгольцъ на-

стаивалъ, чтобъ коммиссіи дано было право сдѣлать требуемыя Пруссіей уступки. Противъ него и противъ обоихъ правительствъ посыпались ожесточенныя порицанія. По распоряженію Сиверса, наиболѣе безпокойные послы были удалены изъ залы; нѣсколько другихъ было арестовано ночью и вывезено изъ Гродна. Когда на слѣдующее утро, 12 сентября, сеймующіе чины собрались и узнали о происшедшемъ, они порѣшили между собою присутствовать въ засѣданіи, но оставаться безмолвными, и сидѣть не произнося ни слова. Пріѣхалъ Сиверсъ и заявилъ о прискорбной необходимости, въ которой онъ находился устранить людей, мѣшавшихъ ходу сейма и безполезно замедлявшихъ неизбѣжную развязку. Никто не отвѣчалъ ему. Никто не дѣлалъ никакого предложенія сейму, никакого запроса правительству. Всѣ сидѣли какъ окаменѣлые. Наступилъ вечеръ; наступила ночь: прежнее безмолвіе. Сиверсъ прислалъ объявить собранію, что оно не отиграется молчаніемъ и что ни одинъ посолъ не будетъ выпущенъ изъ залы, пока не послѣдуетъ рѣшенія. Гробовое молчаніе продолжается; король, вмѣстѣ съ послами оставался въ залѣ и дремалъ въ своихъ креслахъ. Наконецъ часа въ три ночи раздается голосъ: „Молчаніе есть знакъ согласія". Маршалъ сейма поспѣшилъ воспользоваться этой оригинальною развязкой, чтобъ вывести сеймъ изъ его безвыходнаго положенія. Онъ спросилъ, уполномочиваетъ ли собраніе коммиссію безусловно на переговоры съ Прусскимъ посланникомъ и на утвержденіе требуемыхъ имъ уступокъ? Три раза повторилъ онъ, согласно уставу, свой вопросъ и, не получивъ никакого отвѣта, провозгласилъ, что послѣдовало *единодушное* согласіе сейма. Черезъ два дня договоръ съ Пруссіей былъ подписанъ.

Послѣднимъ дѣйствіемъ Гродненскаго сейма было заключеніе союзнаго договора съ Россіей. Обѣ державы взаимно гарантировали свои европейскія владѣнія и обязывались помогать вооруженной рукою одна другой, въ случаѣ внѣшняго нападенія; главное начальство надъ соединенными арміями предоставлялось въ такомъ случаѣ начальнику многочисленнѣйшей изъ нихъ; король и республика признавали справедливымъ предоставить Императрицѣ Всероссійской нѣкоторую долю участія при обсужденіи мѣръ для безопасности и спокойствія страны, съ правомъ, въ случаѣ надобности, вводить свои войска въ польскія земли; съ своей же стороны, польское правительство обязывалось не заключать союзовъ и не вступать ни въ какія международныя обязательства иначе, какъ съ вѣдома и согласія русскаго правительства. Этотъ договоръ, заключенный 5 октября, ставилъ Польшу въ положеніе вассальнаго государства, въ положеніе близкое тому, въ которомъ находилась Грузія: да иного положенія уже и не могло имѣть это государство послѣ Втораго Раздѣла. Бугъ былъ его границей съ восточной стороны, а съ запада, новыя владѣнія Пруссіи, — заключавшія въ себѣ, кромѣ Гданска и Торуна, коренныя земли Польши, колыбель этого госусударства, — близко подходили къ Варшавѣ. Всѣ эти границы были совершенно открыты, море было отрѣзано; народонаселеніе Польши едва превосходило 3 милліона.

Что касается до Россіи, то сдѣланныя ею пріобрѣтенія были не только обширны, но и во многихъ отношеніяхъ очень важны. Россія получила огромное пространство плодоносныхъ по большей части земель, изъ коихъ Подолія и южная часть Волыни замѣчательны своимъ плодородіемъ. Первая изъ нихъ притомъ со-

ставляетъ въ экономическомъ отношенiи какъ бы дополненiе къ той полосѣ земли, которая прiобрѣтена была по послѣднему миру съ Турцiей, на берегу Чернаго моря: хлѣба Подольской губернiи составляютъ весьма существенную часть отпускной торговли Одесскаго порта, такъ что необыкновенно быстрое развитiе этого порта находится въ несомнѣнной зависимости отъ сосѣдства съ нимъ Подолiи. Но экономическiя выгоды были не единственными, прiобрѣтенныя чрезъ присоединенiе Волыни и Подолiи. Утвердившись въ этихъ областяхъ и занявъ довольно важную въ то время крѣпость Каменецъ, мы прiобрѣтали большiя преимущества въ отношенiи Турцiи и, въ случаѣ войны съ нею, доступъ въ ея владѣнiя не представлялъ уже тѣхъ затрудненiй, о которыхъ было сказано при описанiи кампанiи 1769 года. Наконецъ, нельзя терять изъ виду и того, что сдѣлавъ этотъ новый шагъ къ югу, придвинувшись къ самымъ Карпатамъ, Россiя прiобрѣтала новое значенiе въ глазахъ всего православнаго народонаселенiя Австрiи и Турцiи; роль ея въ такъ-называемомъ Восточномъ вопросѣ, теперь начинала обозначаться весьма ясно.

Новоприсоединенныя области получили устройство одинаковое съ коренными частями Россiи и, вслѣдъ за присоединенiемъ ихъ, тамъ обнаружилось сильное стремленiе къ полному ихъ слiянiю съ Россiей. Извѣстно, что по мѣрѣ ослабленiя государственнаго единства Рѣчи Посполитой, въ ней усиливалось стремленiе къ единству религiозному и что диссиденты были обращаемы въ католичество и унiю съ неслыханнымъ рвенiемъ. Подъ влiянiемъ извѣстныхъ намъ угрозъ и насилiй, до половины Русскаго и искони православнаго народа приняло унiю. Но насилiе — плохое средство для того, чтобъ дѣйствовать на совѣсть людей. Въ 1794 году

епископъ Викторъ, пострадавшій по случаю волненій на Волыни и освобожденный изъ заключенія, когда обстоятельства позволили русской политикѣ заговорить въ Варшавѣ съ подобающею ей твердостію, написалъ воззваніе къ заднѣпровскимъ уніатамъ, увѣщевая ихъ возвратиться въ лоно церкви своихъ предковъ: „Пастырски увѣщеваемъ васъ, — писалалъ онъ, — возникните, чада церкви: насладитеся свободою православнаго исповѣданія! Прибѣгните во объятія церкви, матере вашей, да насладитеся тишиною совѣсти, да шествуете путемъ истины, ведущимъ васъ къ состоянію благодати и славы“. Далѣе, намекая на разглашенія, будто новоприсоединенныя области будутъ скоро отняты у Россіи —„никто же да усомнится, продолжалъ онъ, въ семъ спасительномъ обращеніи страха ради угрозъ, или лживыхъ разглашеній объ отторженіи ихъ отъ обладанія россійскаго, пребывая въ полномъ удостовѣреніи, что власть Всевышняго не попуститъ и никакая рука человѣческая не сильна будетъ отъять ихъ отъ соединенія съ прочими единовѣрными, братіею ихъ, вѣрноподданными Е. И. В—ва“. Этотъ способъ обращенія, столь отличный отъ употребляемаго проповѣдниками уніи, оказалъ весьма сильное дѣйствіе; болѣе милліона уніатовъ приняло православіе вслѣдъ за воззваніемъ Виктора. Въ слѣдующемъ году большое количество уніатовъ возвратилось къ православію въ Бѣлоруссіи. И между тѣмъ эти милліоны людей, съ такою готовностію сбрасывавшихъ съ себя все, что затрудняло „соединеніе съ братіею ихъ“, такъ долго домогавшіеся этого соединенія, отдавались, какъ увидимъ, въ крѣпостную зависимость — кому же?.. тѣмъ самымъ, которые не допускали этого соединенія, которые утѣсняли ихъ вѣру и готовились при первомъ случаѣ заявить себя врагами Россіи!

XXI.

Число жителей въ послѣдніе годы царствованія Екатерины. — Количество государственныхъ доходовъ. — Развитіе торговли. — Усиленіе народной производительности. — Положеніе крестьянъ въ Россіи. — Распространеніе крѣпостнаго права на Бѣлоруссію и Малороссію. — Мысли Екатерины о народномъ образованіи. — Бецкій и Ангальтъ. — Коммиссія народныхъ училищъ. — Училища казенныя, духовныя и частныя.

Много говорятъ противъ войнъ и завоеваній, но не всегда прямо и точно ставятъ обсуживаемый вопросъ. Война есть безъ сомнѣнія великое бѣдствіе; можетъ быть когда-нибудь,—хоть это и мало вѣроятно,—народы найдутъ средство улаживать возникающія между ними недоразумѣнія безъ пролитія крови; но пока эта тайна еще не открыта, они могутъ желать одного: чтобъ предпринимаемыя войны имѣли цѣли, не чуждыя ихъ интересамъ. Шведскій народъ имѣлъ, напримѣръ, право сѣтовать на Карла XII, предпринявшаго войну изъ-за интересовъ своего родственника, герцога Голштинскаго; точно также наши предки могли съ недоумѣніемъ спрашивать: какой полезный для Россіи исходъ можетъ имѣть участіе русской арміи въ войнѣ противъ Фридриха II, Прусскаго? Когда одно ложно понимаемое славолюбіе, или побужденія хоть и болѣе почтенныя, но неимѣющія цѣлію благо ввѣренныхъ имъ народовъ, руководятъ правительствами и побуждаютъ ихъ начинать войны, тогда онѣ дѣйствительно заслуживаютъ осужденія. Но исторія представляетъ примѣры войнъ и другаго рода, такихъ войнъ, которыя начаты съ ясно сознанною цѣлію—доставить государству и народу какія-либо положительныя выгоды. Если Шведы могутъ сожалѣть объ усиліяхъ и жертвахъ, которыхъ имъ стоила Сѣверная война, то можемъ ли мы сказать о ней

тоже самое? И отъ Россіи эта война потребовала тяжкихъ жертвъ и усилій, но тяжесть этихъ жертвъ и усилій пала на одно поколѣніе Русскихъ, а плодами Петровыхъ завоеваній мы пользуемся и доселѣ.

Тоже можно сказать и о войнахъ, веденныхъ Екатериной Великою. Иностранные писатели твердятъ о ея ненасытномъ честолюбіи: мы не знаемъ ея побужденій, но осязаемые факты доказываютъ, что ея политика вознесла Россію на небывалую высоту. Петръ добылъ для Россіи Балтійское прибрежье, доставилъ ея сѣвернымъ областямъ возможность экономическаго развитія и далъ ея политикѣ значеніе въ дѣлахъ сѣверо-восточной Европы. Екатерина, овладѣвъ берегомъ Чернаго моря, оживила весь обширный южный край Россіи и развернула для русской политики широкую будущность на востокѣ Европы, гдѣ живутъ милліоны нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, естественныхъ союзниковъ нашихъ. Лишь при Екатеринѣ Россія сдѣлалась вполнѣ *великою державой*, такою державой, которая имѣетъ всемірное значеніе и важную историческую задачу, помимо общей всѣмъ задачи, внутренняго развитія. И для служенія этой задачи Екатериною же, ея завоеваніями были приготовлены средства. Эти завоеванія увеличили почти на 7 милліоновъ народонаселеніе Россіи, которое, къ концу ея царствованія, достигло почти 40 мил. *). Очевидно, держава располагающая силами 40 милліоновъ человѣкъ, твердо упирающаяся на два мо-

---

*) Въ дополненіе къ числу жителей въ Россіи по первымъ двумъ ревизіямъ (Вып. IV гл. IV), приводимъ свѣдѣнія о числѣ жителей по двумъ послѣдовавшимъ ревизіямъ.

Въ 1762 году	около	20 милл.
1782 „	„	28.
1793 „	„	36.

ря, должна была имѣть совершенно иное значенiе на вѣсахъ европейской политики, нежели держава въ 20 милліоновъ жителей, обладавшая однимъ моремъ, какою была Россія по смерти Елисаветы Петровны. Замѣтимъ приэтомъ, что количество и густота народонаселенія служатъ основаніемъ не только политической, но и экономической силы государства. Императрица Елисавета едва ли могла располагать годовымъ доходомъ свыше 20 милліоновъ рублей; въ послѣдніе годы царствованія Екатерины правительство получало до 50 милліоновъ въ годъ.

Правда, принимая въ свое подданство Крымъ и Грузію и приготовляясь къ разрыву съ Турціей, Екатерина возвысила нѣкоторыя денежныя повинности, но это увеличеніе повинностей взимаемыхъ съ народа, не обременило его, и однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что экономическое состояніе улучшилось при Екатеринѣ, въ сравненіи съ предшествующимъ временемъ, служитъ увеличеніе народонаселенія, увеличеніе которое изумляетъ своей быстротою, если даже и не принимать въ расчетъ жителей новоприсоединенныхъ областй. Другое важное доказательство того, что общее благосостояніе не падало, а возвышалось, заключается въ сильномъ возвышеніи при Екатеринѣ цѣнъ на недвижимую собственность. „Въ 1762 и 1763 годахъ, — доносила Государынѣ особо-составленная финансовая коммиссія, — цѣна деревнямъ самая извѣстная почиталась по 30 р. за душу, такъ что многіе, отъ щедротъ В. И. В—ва такого воздаянія удостоенные, цѣну предпочитали и самымъ деревнямъ; но въ нынѣшнія времена (1783 г.) менѣе 70 и до 100 р. ни одна россійская деревня куплена быть не можетъ.“ Такимъ образомъ, по отзыву людей знавшихъ дѣло и какъ лучшіе въ

свое время финансисты и какъ помѣщики, всякій землевладѣлецъ сдѣлался въ 1783 году втрое богаче, чѣмъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Подобно поземельной собственности возросли и другіе источники народнаго богатства, какъ напримѣръ, торговля. Мы не имѣемъ въ виду по этому предмету такихъ обстоятельныхъ извѣстій, какіе публикуются нынѣ, но знаемъ нѣкоторыя цифры, которыя могутъ дать понятіе о развитіи иностранной торговли въ описываемое время. Такъ напримѣръ, таможенные доходы Риги простирались въ 1773 году до 550 т. руб., а въ 1786 г. до 750.000; въ Ревелѣ таможенный сборъ равнялся въ 1763 году 17 т. руб. съ небольшимъ, черезъ 20 лѣтъ онъ возросъ до 190.000 слишкомъ; что касается до таможенныхъ доходовъ Петербурга, то они должны были возрастать, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ еще сильнѣйшихъ размѣрахъ, и нѣтъ причины думать, чтобы тоже самое не происходило, въ большей или меньшей степени, на другихъ торговыхъ пунктахъ. Правда, таможенный доходъ есть доходъ казны, правительства; но онъ указываетъ и на тотъ, который получаютъ съ своихъ оборотовъ лица, производящія торговлю; а усиленіе требованія на иностранные товары доказываетъ, что въ странѣ увеличились средства пріобрѣтать ихъ и что умножилось число людей, желающихъ улучшить обстановку своей жизни. Притомъ, выписывая заграничные иностранные товары, мы отпускали значительное количество и своихъ произведеній за границу. По свѣдѣніямъ, добытымъ собирателями статистическихъ данныхъ, изъ русскихъ портовъ, не считая каспійскихъ, въ 1793 году выпущено за границу разныхъ продуктовъ почти на 31 милліонъ. Между этими статьями отпуска занимали первое мѣсто различнаго рода

хлѣбныя произведенія: ихъ выпущено за границу слишкомъ на 10 милл., соли, слишкомъ на 5 милл., лѣснаго товара слишкомъ на $2^1/_2$ милліона. Вообще же вся наша отпускная торговля, по всѣмъ омывающимъ Россію морямъ, должна была достигать до 40 милл. руб. Но отпускъ моремъ далеко не исчерпывалъ всей нашей отпускной торговли; извѣстно, что съ Китаемъ и средней Азіей она производится чрезъ сухопутную границу; изъ Малороссіи ежегодно отправлялось въ Польшу большое количество скота и т. п. Торговля съ иностранными купцами, а также внутренняя торговля и разнаго рода откупа положили въ это время основаніе многимъ громаднымъ состояніямъ, каковы, по свидѣтельству современниковъ, были состоянія Лазаревыхъ, Лонгиновыхъ, Барышниковыхъ, Лукиныхъ, Мѣщаниновыхъ, Хлѣбниковыхъ, Гусятниковыхъ, Зубковыхъ, Твердышевыхъ, Турчаниновыхъ, Походяшиныхъ и мн. др.

Помянутыя лица принадлежали по происхожденію своему къ купечеству либо къ мѣщанству; но Щербатовъ называетъ и нѣсколько лицъ изъ дворянскаго сословія, которыя, вступивъ въ различныя промышленныя предпріятія, нажили большія богатства. Поэтому мы въ правѣ сказать, что духъ промышленности, который такъ усиливался вызвать Петръ Великій, начиналъ уже возникать въ описываемое время и что экономическія условія, въ которыхъ страна находилась, вообще благопріятствовали промышленной дѣятельности. Но это относится исключительно лишь къ свободнымъ сословіямъ. Крестьяне, и особенно крестьяне крѣпостные, находились въ совершенно иномъ положеніи; ихъ однихъ не коснулось всеобщее перерожденіе, которому въ XVIII вѣкѣ подверглась Россія. Съ исхода

XVI вѣка, а особенно со времени Петра I, помѣстное дворянство получало различныя преимущества, а Дворянская Грамота образовала изъ него особое, привилегированное, первенствующее въ государствѣ сословіе. Горожане также получили съ теченіемъ времени нѣкоторыя особыя права и Городовое Положеніе дало имъ болѣе или менѣе самостоятельную организацію. Менѣе ихъ испытало на себѣ заботливость правительства сословіе духовное; но сохранивъ и по отобраніи въ казну монастырскихъ имѣній, нѣкоторыя матеріальныя средства, пользуясь пособіемъ со стороны прихожанъ и, главное, располагая значительными суммами, принадлежащими церквамъ и монастырямъ, оно было въ состояніи и само кое-что сдѣлать для дальнѣйшаго своего развитія. За то положеніе крестьянъ не только не улучшилось съ теченіемъ времени, но въ нѣкоторомъ отношеніи ухудшилось: они мало по малу были лишены самаго званія гражданина и низведены до степени частной собственности. Исторія крестьянства есть безъ сомнѣнія самая печальная страница русской Исторіи.

XVII вѣкъ засталъ русскихъ крестьянъ уже прикрѣпленными къ землѣ, но собственниками земли и гражданами; классъ людей, не владѣвшихъ никакою собственностію и лично несвободныхъ, существовалъ, но онъ не имѣлъ ничего общаго съ крестьянствомъ и былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ *дворовыхъ* людей. Крестьяне отбывали, наравнѣ съ прочими сословіями, общія государственныя повинности и имѣли свое общинное управленіе, составлявшее часть общаго государственнаго механизма; они имѣли право заниматься всякими промыслами, владѣть землею и даже покупать и продавать людей. Въ концѣ XVII вѣка законодательство мало по малу перестало отличать ихъ отъ дворо-

раздо менѣе уступчивы. Они находили, что всякій контроль правительства надъ отношеніями между помѣщикомъ и крестьянами есть подстрекательство послѣднихъ къ возмущенію и требовали строжайшаго сохраненія крѣпостнаго права, въ интересѣ не только помѣщиковъ, но и самыхъ крестьянъ, которые безъ того, говорили они, предадутся всевозможному разврату, лѣни и бродяжничеству, оставятъ поля не засѣянными и подвергнутъ опасности страну. „Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными, нельзя,—утверждалъ извѣстный Сумароковъ: скудные люди будутъ ласкать своихъ слугъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиковъ и крестьянъ, ради усмиренія которыхъ потребны будутъ многіе полки; непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань; *нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій не имѣетъ*."

Несомнѣнно что большинство дворянства раздѣляло опасенія, выраженныя Сумароковымъ, и раздраженіе противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ было такъ сильно, что, — какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, — графу Шереметеву, вызвавшемуся освободить своихъ крестьянъ, грозили смертью. Съ такимъ настроеніемъ первенствующаго сословія мудрено было не считаться Екатеринѣ, особенно въ первые годы своего царствованія, когда противъ ея власти были дѣлаемы покушенія съ разныхъ сторонъ. Поэтому, въ наказѣ своемъ, она ограничилась лишь заявленіемъ желанія, чтобъ экономическое положеніе крестьянъ было улучшено. „Когда государственная какая причина, — сказано въ наказѣ,—или польза частная не дозволяетъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными въ томъ опасеніи, чтобъ земли не остались не оранными чрезъ ихъ

побѣгъ, то не можноль сыскать средства чтобы, какъ говоря, привязать къ землѣ и утвердить на ней самихъ земледѣльцевъ“.... „изъ чего слѣдуетъ, что помышлять надлежитъ о такихъ учрежденіяхъ, отъ коихъ бы сей родъ людей нѣкоторую пользу почувствовалъ въ облегченіе ихъ бремени“. — Въ другомъ мѣстѣ наказа сказано; что хотя и „не должно вдругъ, и чрезъ узаконеніе общее, дѣлать великое число освобожденныхъ“, но „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Вотъ все, что Екатерина считала возможнымъ предложить земскимъ депутатамъ. Но и эта весьма не широкая программа осталась не осуществленною. Екатерина старалась личнымъ примѣромъ кротости въ отношеніи своей прислуги и строгими мѣрами противъ слишкомъ громкихъ злоупотребленій помѣщичьей власти *) смягчать суровость крѣпостнаго права; но тѣмъ дѣло и ограничивалось. А между тѣмъ это право распространилось на такія части Россіи, гдѣ поредъ тѣмъ его никогда не существовало, — на Бѣлоруссію и Малороссію.

Лишеніе свободы нѣсколькихъ милліоновъ людей и отдача ихъ въ неволю безъ всякой вины, было бы дѣломъ истинно чудовищнымъ, особенно въ исходѣ XVIII

---

*) Таковъ былъ, напримѣръ, случай съ одной г-жею Солтыковой извѣстною подъ названіемъ *Солтычихи*, Эта замѣчательная по своимъ злодѣйствамъ помѣщица не только жестоко наказывала своихъ людей, и особенно свою прислугу, но изобрѣтала для нихъ истязанія и была причиною смерти болѣе 100 душъ. Болѣе 10 лѣтъ ея злодѣйства были прикрываемы со стороны мѣстныхъ властей; когда же они наконецъ огласились, *Солтычиха* была приговорена сенатомъ къ смерти; но смертная казнь была замѣнена публичнымъ прочтеніемъ ей приговора, въ которомъ исчислялись ея злодѣйства, лишеніемъ дворянскаго званія и вѣчнымъ заключеніемъ въ монастырѣ.

вѣка, когда люди начинали дорожить свободою, еслибъ нѣкоторыя обстоятельства не служили этому до извѣстной степени оправданіемъ. Мы уже знаемъ, что положеніе бѣлорусскаго крестьянина было въ высшей степени плачевно, хотя онъ, по закону, и не считался крѣпостнымъ. Но помѣщика и крестьянина раздѣляли тамъ, въ большой части случаевъ, религіозное разномысліе и національная вражда; угнетеніе послѣдняго первымъ можно приписать непріязни Поляковъ-католиковъ къ Рускимъ-*схизматикамъ*; по этому, оградивъ религіозныя вѣрованія бѣлорусскихъ крестьянъ и строго преслѣдуя злоупотребленія помѣщичьей власти, правительство не ухудшало, по крайней мѣрѣ, ихъ положенія. Но чѣмъ могло оно вознаградить крестьянъ малорусскихъ за отнятіе у нихъ свободы? Къ сожалѣнію, и тамъ простой народъ находился въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что крѣпостная зависимость едва ли могла ухудшить оное. Это засвидѣтельствовано множествомъ несомнѣнныхъ документовъ и между прочимъ запискою, которую представилъ Императрицѣ Елисаветѣ извѣстный академикъ и дѣлецъ, воспитатель гетмана Разумовскаго и членъ малороссійской коллегіи, Тепловъ. Въ Малороссіи, какъ и въ Московскомъ Царствѣ, всякій имѣлъ право владѣть землею, а безземельные могли переходить свободно отъ одного землевладѣльца къ другому. Но землевладѣльцы, по причинѣ малолюдности края, очень дорожили постоянными работниками и потому старались и всегда находили средства удерживать приходившихъ къ нимъ работниковъ, а тѣхъ крестьянъ, которые имѣли собственныя земли, втягивали въ долги и, въ видѣ уплаты, отбирали у нихъ эти земли; когда же этого было недостаточно для погашенія долга, то брали ихъ къ себѣ въ работу и такимъ образомъ какъ

бы закрѣпляли за собою. Даже казаки подвергались подобной же участи, по большой части за долги же. Надо замѣтить при этомъ, что казаки и *посполитые* (крестьяне) весьма часто жили въ перемѣшку въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ: а если половина села признавала зависимость отъ сосѣдняго пана, мудрено было и другой половинѣ не подпасть сначала вліянію, а потомъ и господству его. Это совершалось тѣмъ легче, что каждый панъ былъ въ тоже время какимъ-нибудь вліятельнымъ членомъ казачьей іерархіи,—т.-е. сотникомъ, судьей и т. п.,—и очень расположенъ былъ смѣшивать служебныя права съ неслужебными. „Всякій сотникъ, пишетъ Тепловъ, не успѣетъ только въ свою сотню пріѣхать, то казаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ". А если казаки работали на пана-сотника или на пана-судью, какъ его холопи, то какъ могли отказать въ томъ простые крестьяне?

При подобной двоякой зависимости отъ пановъ-чиновниковъ, малороссійское простонародье должно было находиться въ положеніи дѣйствительно едва ли предпочтительномъ крѣпостному. Очень не рѣдко бывали случаи, что казаки, даже безъ особенныхъ уловокъ со стороны землевладѣльцевъ, записывались за ними. Это случалось особенно часто во время войнъ: казаки, между которыми исчезала воинственность съ водвореніемъ мирныхъ занятій, тяготясь военною службой, сами убѣждали пановъ принять ихъ въ свое подданство, такъ что, по свидѣтельству Теплова, Малороссія въ его время едвали могла выставить 15 т. исправныхъ казаковъ, вмѣсто положенныхъ 60000.

Такими фактами весьма удобно было воспользовать-

ся заинтересованнымъ людямъ и представить Государынѣ, что введеніе крѣпостныхъ отношеній въ Малороссіи было бы дѣломъ желательнымъ для обоихъ сословій. И нельзя отрицать безусловно справедливости такого взгляда, ибо наслѣдственный владѣлецъ имѣнія болѣе заинтересованъ благосостояніемъ своихъ крестьянъ, чѣмъ сотникъ или эсаулъ, временный начальникъ казаковъ, ихъ благосостояніемъ; но не слѣдуетъ забывать при этомъ и того, что злоупотребленія не должны служить точкою исхода для законодательныхъ дѣйствій правительства. Правительства должны бороться съ беззаконіями, а не узаконять ихъ. Нельзя безъ прискорбія подумать, что въ царствованіе, ознаменованное торжествомъ либеральныхъ началъ почти по всѣмъ частямъ управленія, Государыней самодержавною, ясно сознававшею несправедливость, которая кроется въ самой сущности крѣпостнаго права, оно было распространено и утверждено въ такихъ областяхъ Россіи, гдѣ, по принципу по крайней мѣрѣ, его никогда не бывало! Никакого впрочемъ формальнаго закона объ этомъ не было издано: дѣйствіе Дворянской Грамоты, распространенное на всѣхъ дворянъ имперіи, со всѣми правами, предоставленными этой грамотой дворянскому сословію, сдѣлало бѣлорусскихъ и малороссійскихъ помѣщиковъ собственниками людей, жительствовавшихъ на ихъ земляхъ.

Много зла, много темныхъ сторонъ открывается человѣку, изучающему исторію государствъ и народовъ. Много было ихъ и въ отечествѣ нашемъ; но едва ли въ числѣ недуговъ, коими страдала Россія, былъ столь ядовитый и столь глубокій, столь вредный для государства и такъ пагубно отражавшійся на всѣхъ сторонахъ народной жизни, какъ крѣпостное право. Оно съуживало эту жизнь, изъемля изъ участія въ ней са-

мую многочисленную группу народа и нѣкоторымъ образомъ сообщало правительству характеръ и значеніе партіи. Лишивъ гражданскихъ правъ большую часть народонаселенія и предоставивъ правоспособность лишь небольшому числу лицъ, крѣпостное право ставило правительство въ необходимость видѣть лишь ихъ очами и дѣйствовать лишь ихъ руками, а потому самому принуждало его усиливать зло, вмѣсто того, чтобы лѣчить оное, — какъ мы это и видѣли нѣсколько строкъ выше. Обусловливая устраненіе многихъ милліоновъ людей отъ всякаго умственнаго развитія и насаждая просвѣщеніе лишь въ тонкомъ слоѣ однихъ высшихъ классовъ, оно тѣмъ самымъ препятствовало просвѣщенію пустить корни глубоко въ народную почву и черпать изъ нея силы. Могла ли Россія развить мощь, соотвѣтствующую ея громадности, если только часть ея народонаселенія была призвана къ дѣйствію? Какъ было у насъ явиться большому числу ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, промышленниковъ, торговцевъ, капиталистовъ, моряковъ, полководцевъ, государственныхъ людей, если они могли выходить единственно изъ свободныхъ сословій, тогда какъ масса народа оставалась безграмотною, лишена была всякаго нравственнаго воспитанія, устранена отъ торговой и промышленной дѣятельности и тогда какъ даже тѣ изъ простолюдиновъ, которые проливали кровь за отечество, не могли, говоря вообще, подняться выше солдатскаго или матросскаго званія? Развитіе крѣпостнаго права создало въ Россіи положеніе, подобное тому, которое въ другихъ странахъ образовалось вслѣдствіе завоеванія; можно было подумать, что Русскіе крестьяне составляютъ особое племя, покоренное пришельцами и обращенное въ рабство. Дѣйствительно, утверждая, что кре-

стьяне „никакихъ благородныхъ чувствій не имѣютъ“, Сумароковъ очевидно заявлялъ, что онъ и ему подобные не находятъ ничего общаго между ими и собой. А такихъ отчуждаемыхъ отъ себя лучшими людьми Россіи, было слишкомъ 17 милліоновъ по ревизіи 1793 года; это была большая половина Русской націи!..

Не сочувствуя мыслямъ Сумарокова и ему подобныхъ, но подчиняясь имъ, Екатерина предоставила будущимъ временамъ ввести многочисленный классъ крестьянъ въ кругъ общей исторической жизни и обратила все свое вниманіе на другія сословія. Мы уже знаемъ, что̀ сдѣлано было ею для улучшенія ихъ гражданскаго положенія; посмотримъ, что она сдѣлала для умственнаго ихъ развитія. При ней, кромѣ воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ (Вып. V, гл. I), открыты были въ столицахъ: коммерческое училище, кадетскій корпусъ (второй) и женскій институтъ (на бывшемъ Смольномъ дворѣ) съ отдѣленіями для дочерей дворянъ и мѣщанъ, не считая нѣсколькихъ другихъ менѣе извѣстныхъ учебныхъ заведеній. Но число ихъ не такъ важно, какъ мысли, положенныя въ основаніе этихъ учрежденій. Учреждая училища, Петръ I имѣлъ въ виду главнѣйше доставить юношеству нѣкоторыя свѣдѣнія и, по большей части, приготовить ихъ для опредѣленной, практической цѣли, то-есть, для службы во флотѣ или арміи, для писанія картинъ или для сооруженія зданій. Шуваловъ и Ломоносовъ имѣли понятія уже несравненно болѣе широкія (Царст. Елисав. гл. V); ихъ предположенія состояли въ томъ, чтобы, посредствомъ школъ доставлять Россіи не только морскихъ или сухопутныхъ офицеровъ, не только техниковъ или артистовъ, а вообще образованныхъ людей. Московскій университетъ и казанская гимназія поло-

жили начало тому, что можно по справедливвсти назвать системою *народнаго образованія*. Екатерина, слѣдуя господствовавшимъ въ то время за границей понятіямъ, взглянула на задачу правительства еще шире: ей хотѣлось не только распространить между Русскими свѣдѣнія, необходимыя каждому образованному человѣку, но и воспитать въ своихъ подданныхъ нравственныя качества. Говоря въ своемъ наказѣ о лежащихъ въ этомъ отношеніи на правительствѣ обязанностяхъ, она приходила къ заключенію, что оно должно „вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ основательнымъ и приличнымъ ихъ состоянію правиламъ, возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію, чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ“ и т. п. „Надо произвести способомъ воспитанія, — сказала она однажды Бецкому, усердному своему помощнику въ этомъ дѣлѣ, — такъ сказать, новую породу, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ также прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ своемъ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ бы дѣти передавали паки своимъ дѣтямъ, и такъ далѣе, слѣдуя изъ рода въ родъ“.

Это была задача чрезвычайно обширная и чрезвычайно трудная. По общему мнѣнію, Бецкій далъ однакожь дѣлу воспитанія превосходное направленіе въ тѣхъ заведеніяхъ, которыя были подчинены ему. Таковы же отзывы современниковъ и о начальникѣ кадетскихъ корпусовъ, родственникѣ Императрицы, принцѣ Ангальтѣ. По современнымъ свидѣтельствамъ, дѣти получали, подъ

руководствомъ этихъ достойныхъ педагоговъ, основательное образованіе; тѣлесныя упражненія соразмѣренныя съ ихъ возрастомъ, укрѣпляли ихъ физическія силы, надзоръ за ними былъ попечителенъ и, — что служитъ лучшей похвалою, — питомцы выносили изъ учебныхъ заведеній почтительное и благодарное воспоминаніе о своихъ воспитателяхъ.

Къ сожалѣнію, такія учебныя заведенія, въ которыхъ дѣти не только учатся, но и воспитываются, гдѣ они живутъ въ теченіе многихъ лѣтъ, стóятъ огромныхъ суммъ, а потому размноженіе ихъ было очень затруднительно. Между тѣмъ отвсюду слышались голоса, требовавшія отъ правительства средствъ для образованія юношества. Подобныя требованія, какъ мы видѣли, были заявлены въ весьма многихъ наказахъ, данныхъ депутатамъ коммиссіи уложенія. Сообразуясь съ этими требованіями, коммиссія выработала проектъ цѣлой системы учебныхъ заведеній, долженствовавшей распространиться на всю Россію, но учебныхъ заведеній уже не воспитательныхъ (закрытыхъ), а только образовательныхъ, т.-е такихъ, въ которыя дѣти приходятъ лишь учиться.

Проектъ коммиссіи объ уложеніи, какъ большая часть ея проектовъ, не остался безъ послѣдствій, хотя очередь его наступила и не весьма скоро. Въ 1782 году учреждена была особая коммиссія народныхъ училищъ, на которую было возложено, устроить училища, снабдить ихъ учителями и изготовить учебныя руководства. Бецкій былъ въ это время уже старъ, а потому предсѣдательство въ ней поручено было Заводовскому, образованному малороссіянину, выдвинутому, также какъ и Безбородко, Румянцевымъ; въ помощники ему данъ былъ австрійскій Сербъ, рекомендованный императоромъ Іосифомъ, Янковичъ, который пользуется боль-

шимъ уваженіемъ со стороны нынѣшнихъ русскихъ педагоговъ. Судя по учебникамъ, составленнымъ подъ руководствомъ коммиссіи народныхъ училищъ, дѣло на нее возложенное было начато ею правильно и основательно; что же касается до самыхъ учебныхъ заведеній, то о нихъ имѣется очень мало свѣдѣній. Извѣстно одно, что коммиссія сильно затруднялась пріисканіемъ удовлетворительныхъ учителей и принуждена была обращаться за ними главнѣйше въ духовное вѣдомство; но въ описываемое время наше духовенство уже не стояло такъ высоко, какъ прежде, надъ уровнемъ общественнаго образованія и утратило часть прежнихъ своихъ средствъ, вліять на оное.

Было время, когда единственныя учебныя заведенія въ Россіи принадлежали духовенству и состояли въ его завѣдываніи; но со времени Петра, главныя заботы правительства относительно образованія привлекло на себя дворянство. Екатерина, въ послѣдніе годы, отпускала на содержаніе казенныхъ (дворянскихъ) учебныхъ заведеній, (впрочемъ вмѣстѣ съ больницами и карантинами) слишкомъ 885 т. р.; на учебныя же заведенія духовнаго вѣдомства отпускалось изъ казны лишь 70.000 р. Эту скудную сумму духовенство пополняло собственными пожертвованіями; нѣкоторые изъ пастыреначальниковъ того времени оставили въ этомъ отношеніи особенно почетную память, каковы митрополитъ московскій Платонъ, Амвросій, сначала архіепископъ казанскій, а впослѣдствіи митрополитъ петербургскій, Евгеній, (Болгаръ) архіепископъ новороссійскій и н. др. Благодаря усердію и пожертвованіямъ этихъ просвѣщенныхъ іерарховъ, а также пожертвованіямъ бѣлаго духовенства, духовное вѣдомство содержало въ описываемое время двѣ духовныя академіи (въ Кіевѣ и въ Москвѣ) и 26 второстепенныхъ учи-

лицъ. Такимъ образомъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства было болѣе, нежели свѣтскихъ; но по отзыву историковъ русской церкви, они находились вообще въ состояніи неудовлетворительномъ. Притомъ, такъ какъ со временъ Петра, духовенство все болѣе и болѣе смыкалось въ особое замкнутое сословіе, и такъ какъ духовный регламентъ предоставилъ ему самому руководить духовными академіями и семинаріями, наконецъ такъ какъ духовныя училища совершенно отдѣлились отъ училищъ общенародныхъ и почти исключительно наполнялись дѣтьми священниковъ и причетниковъ, то естественно, умственная связь между духовенствомъ и остальными сословіями нѣсколько ослабѣла. Никто изъ свѣтскихъ людей не имѣлъ повода дѣлать вкладовъ для содержанія духовныхъ академій, какъ это дѣлалъ гетманъ Сагайдачный относительно кіевской; семинаристы вовсе не были такъ популярны, какъ кіевскіе бурсаки (В. III, гл. XVIII); взаимнодѣйствіе между народомъ и школою, получившею исключительный характеръ, уничтожилось.

Итакъ, независимо отъ училищъ, принадлежащихъ духовенству, содержимыхъ главнѣйше на собственныя средства духовенства и служившихъ этому сословію, въ описываемое время казенныя учебныя заведенія въ Россіи были двухъ категорій: военныя и общія, управляемыя коммиссіей народныхъ училищъ, къ которымъ надлежитъ еще причислить нѣсколько училищъ для торговаго сословія. Но эти учебныя заведенія далеко не соотвѣтствовали потребности въ образованіи, которая обнаружилась въ средѣ русскаго общества. Лишь небольшое число счастливцевъ попадало въ кадетскіе корпуса; большая же часть провинціальныхъ дворянъ принуждены были, по прежнему, поручать образованіе сво-

ихъ дѣтей сельскимъ священникамъ и дьячкамъ; тѣ изъ нихъ, которые жили въ городахъ, старались отдавать ихъ иностранцамъ, но весьма ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что эти иностранцы были вообще люди, знакомые съ дѣломъ, за которое брались и достойны имъ заниматься: развратный французъ-гувернеръ, о какомъ упоминаетъ Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, невѣжественный нѣмецъ, — вотъ каковы были по большей части руководители русскаго юношества. На долю Карамзина досталось счастливое исключеніе, попасть въ руки воспитателя „изъ нѣмцевъ", который оказался достойнымъ своего питомца; но такіе случаи были рѣдки.

Нѣкоторые изъ иностранцевъ, забредшихъ, по волѣ судебъ, въ Россію, въ виду сильной потребности въ ней къ образованію, открывали пансіоны; но они были вообще чрезвычайно плохи; весьма немногіе люди прошедшаго времени, описывая свою молодость, отзываются, подобно поэту Дмитріеву, съ похвалою объ иностранныхъ пансіонахъ, начавшихъ сильно размножаться во второй половинѣ Екатеринина царствованія. Даже тѣ изъ подобныхъ пансіоновъ, которые находились въ столицахъ и имѣли не только болѣе средствъ быть хорошими, но и были болѣе доступны всякаго рода контролю, и тѣ имѣли такую дурную славу, что правительство сочло нужнымъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, обревизовать столичные пансіоны, и эта ревизія открыла, что они находятся въ плачевномъ положеніи. Петербургскіе ревизоры донесли, что главнѣйшее вниманіе въ нихъ обращено на танцованье, рисованье и французскій языкъ; московская ревизія открыла, что во многихъ пансіонахъ вовсе нѣтъ учителей закона Божія и что всѣ остальные предметы проходятся крайне поверхностно.

XXII.

Покровительство Екатерины литературѣ. — Державинъ. — Россійская Академія. — Вольныя типографіи. — Предварительная цензура. — Случай съ Радищевымъ. — *Философы* и масоны. — Новиковъ и московское масонство. — Преслѣдованіе, коему оно подверглось. — Подражательность и національность въ литературѣ. — Дашкова, Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ, Голиковъ и др. — Лукинъ, Аблесимовъ, Капнистъ, Крыловъ. — Стремленія къ нравственному идеалу.

Мы видѣли, какъ недостаточны и неудовлетворительны были въ описываемое время средства къ образованію: между тѣмъ образованіе дѣлало быстрые успѣхи и литература (получила говоря относительно) широкое развитіе. Какъ же это могло случиться?

Если въ обществѣ пробудилась какая-нибудь потребность, то она во всемъ находитъ себѣ пищу. Скудны были средства для систематическаго образованія, но семейства дворянъ, даже небогатыхъ, уже составляли среду, въ которой молодое поколѣніе могло проникаться интересами умственной жизни. Извѣстный намъ Болотовъ, который съ такимъ трудомъ пріобрѣлъ въ молодости своей нѣкоторыя свѣдѣнія, не только былъ въ состояніи сдѣлать для своихъ дѣтей уже гораздо больше, чѣмъ самъ воспользовался отъ своего отца, но могъ самымъ примѣромъ своимъ пробудить въ нихъ желаніе узнать и научиться. Поэтъ Дмитріевъ разсказываетъ, что вкусомъ къ литературѣ онъ обязанъ своей матери, которая любила чтеніе: у отца его, равно какъ и у отца Карамзина, были шкафы съ книгами, хотя оба они были весьма небогатые люди. Державинъ, служа солдатомъ въ Преображенскомъ полку, читалъ книги и даже писалъ стихи въ казармѣ, среди заточныхъ солдатъ и ихъ женъ, и, — говоритъ онъ, — „тѣмъ угодилъ имъ“.

При такомъ, такъ сказать, совершенно уже назрѣвшемъ расположеніи къ литературѣ, достаточно было даже небольшаго толчка, самомалѣйшаго поощренія, чтобъ она двинулась; а толчекъ и поощреніе были довольно сильны. Екатерина не только интересовалась литературой и любила ее, но, какъ мы уже знаемъ, сама писала, иногда отдавала свои статьи въ журналы, а иныя сценическія ея произведенія были представляемы на театрѣ (Вып. V. гл. V). Что же касается до того покровительства, которое она оказывала литераторамъ, то вся жизнь Державина служитъ тому примѣромъ. Не взирая на неуживчивый нравъ и многіе недостатки его въ служебномъ отношеніи, Екатерина постоянно покровительствовала ему, уважая въ немъ высокое литературное дарованіе. Державинъ былъ незначительнымъ чиновникомъ въ сенатѣ, когда въ Петербургѣ начало ходить по рукамъ его стихотвореніе, обратившее на себя вниманіе всѣхъ интересовавшихся литературою. Это была *Фелица*, — стихотвореніе блестящее, остроумное заключавшее въ себѣ злую сатиру на современное петербургское общество и на царедворцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, правда, въ немъ восхвалялась Императрица, но въ такомъ легкомъ и игривомъ тонѣ, который многимъ казался несовмѣстнымъ съ уваженіемъ, подобающемъ царскому сану. По всѣмъ этимъ причинамъ Державинъ не рѣшался напечатать *Фелицы*. Однако она была напечатана и сдѣлалась извѣстна Императрицѣ, которая прислала автору золотую табакерку съ 500 червонцевъ, а стихотвореніе его разсылала къ тѣмъ, на которыхъ въ немъ заключались намеки, подчеркивая касавшіяся до нихъ мѣста.

Такая свобода, дарованная слову, одушевляла слово и окрыляла мысль, еще недавно придавленную подозрительною тираніей Бирона и опасными капризами

Елисаветина правительства. Литература заговорила при Екатеринѣ такимъ языкомъ и о такихъ предметахъ, какіе были немыслимы въ предшествующее и даже въ нѣкоторыя послѣдующія царствованія. Сановники и придворные не рѣдко смущались ими, негодовали; но Екатерина почти всегда отклоняла дѣлаемыя ей внушенія противъ свободы мысли и слова. Въ 1785 году на московскомъ театрѣ давали представленіе забытой нынѣ трагедіи писателя, пользовавшагося въ свое время извѣстностію, Николава. Въ этой трагедіи, одно изъ дѣйствующихъ лицъ, похваляя тѣ правительства, которыя уважаютъ установленные законы, произносило слѣдующіе стихи, произведшіе большое впечатлѣніе на слушателей:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
Который заключенъ въ одной монарха волѣ!
Льзяль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властію одной всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца.

Въ этихъ стихахъ, тогдашній главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Брюсъ, нашелъ нѣчто заслуживающее порицаніе и, представивъ рукопись Николева Государынѣ, доносилъ, что онъ нашелъ нужнымъ запретить представленіе его трагедіи. Но Екатерина написала московскому генералъ-губернатору въ отвѣтъ: „удивляюсь, что вы остановили представленіе трагедіи, какъ видно, принятой съ удовольствіемъ всею публикой. Смыслъ такихъ стиховъ, которые вы замѣтили, не имѣетъ отношенія къ вашей Государынѣ. Авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью“. Подобно Екатеринѣ смотрѣли на свободу мысли и лучшіе изъ ея помощниковъ. Молодой писатель Радищевъ, о которомъ далѣе будетъ сказано, напе-

чаталъ книгу, въ которой изобразилъ весьма [illegible]ми красками современное положенiе Россiи и сдѣлалъ ѣдкiе намеки на Потемкина. Прочитавъ ее, этотъ послѣднiй написалъ къ Государынѣ: „Не сержусь. Разрушенiемъ измаильскихъ стѣнъ отвѣчаю сочинителю. Кажется онъ и на васъ взводитъ какой-то поклепъ. Вѣрно и вы не понегодуете. Ваши дѣянiя вамъ щитъ".

Екатерина почитала литературу могущественнымъ воспитательнымъ средствомъ. Публичное осмѣянiе господствующихъ слабостей и странностей, обличенiе порока и воззванiе къ возвышеннымъ стремленiямъ, свойственнымъ человѣческой природѣ, не могли, справедливо полагала она, не оказывать полезнаго влiянiя на общество. По этому, въ ея царствованiе мы встрѣчаемъ много постановленiй, имѣющихъ цѣлiю содѣйствовать развитiю литературы. Таковы были между прочимъ учрежденiе Россiйской Академiи и разрѣшенiе частнымъ людямъ свободно заводить типографiи на тѣхъ же самыхъ основанiяхъ, на какихъ дозволялось всѣмъ устроивать фабрики. Монополiя казенныхъ типографiй была такимъ образомъ уничтожена и произвела обыкновенные результаты, связанные съ уничтоженiемъ монополiй, — усилила типографскую производительность. Не только въ столицахъ открылось въ короткое время нѣсколько частныхъ типографiй, но онѣ стали открываться и въ провинцiальныхъ городахъ, даже въ селахъ. Что касается Россiйской Академiи, то ей указана была двоякая цѣль: во первыхъ, совокупными усиленiями литераторовъ и филологовъ устанавливать правила русскаго языка и, второе—доставить почетное положенiе людямъ, оказавшимъ заслуги отечественному языку, а тѣмъ, отъ которыхъ можно было ожидать новыхъ полезныхъ трудовъ, открыть возможность серiознымъ образомъ тру-

[illegible], не прибѣгая къ другимъ занятіямъ для снисканія пропитанія. Первымъ предсѣдателемъ академіи была кн. Дашкова и первымъ дѣйствіемъ академіи, кромѣ печатанія сборниковъ стихотвореній и прозаическихъ статей лучшихъ тогдашнихъ писателей, было изданіе *Словаря*, впервые опредѣлившаго точное значеніе каждаго слова въ русскомъ языкѣ и установившаго окончательно его грамматическія формы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ учрежденіи, имѣвшемъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ умственнаго развитія въ Россіи. Литература, когда она достигла уже нѣкоторой зрѣлости, требуетъ единственно свободы; но когда умственное движеніе выражаемое литературой, только-что начинается, особенно въ странѣ, гдѣ, какъ у насъ, общественныя силы вообще не привыкли дѣйствовать сами собою, тамъ онѣ прежде всего требуютъ покровительства и не тяготятся, когда, покровительствуя, ими руководятъ.

Екатерина, какъ уже сказано, была убѣждена, что на правительствѣ лежитъ обязанность воспитывать народъ: могла ли она, съ своей точки зрѣнія, устраниться отъ участія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ ходъ умственнаго развитія? Взглядъ Екатерины на это былъ очень опредѣленъ: „Театръ есть школа народная, — выразилась она въ одномъ изъ своихъ указовъ, — и должна быть непремѣнно подъ моимъ надзоромъ; я старшій учитель въ этой школѣ, и за нравы народа мой первый отвѣтъ Богу“. Совершенно таковъ же былъ ввзглядъ Государыни на свои обязанности и относительно литературы, въ которой она почитала себя призванною не допускать возникновенія плевелъ. Такой взглядъ былъ совершенно въ духѣ преданій русскаго правительства, которое, еще при царяхъ, рѣшало, полезенъ или вреденъ

извѣстный образъ мыслей и можетъ ли онъ быть терпимъ, или нѣтъ. Разница лишь въ томъ, что во времена Московскаго Царства появлялось такъ мало книгъ и такъ мало заявлялась во всеуслышаніе самостоятельныхъ мыслей, что наблюденіе за ними не могло сдѣлаться постоянною заботою правительства и вызывало лишь случайныя его распоряженія. Единственный предметъ, который во всѣ времена живо интересовалъ нашихъ предковъ, была религія и все къ ней относившееся, и только касавшіяся этихъ предметовъ книги могли, до эпохи преобразованія, обнаруживать вліяніе на умы читателей; поэтому подобныя сочиненія печатались не иначе, какъ по предварительному ихъ одобренію духовенствомъ; когда же стала развиваться и свѣтская литература, то система предварительнаго просмотра примѣнена была и къ ней. Распоряженіе о томъ послужило началомъ широко развившейся впослѣдствіи системы предварительной ценуры.

Мало узаконеній, которыя подверглись бы у насъ такимъ единодушнымъ порицаніямъ, какъ система предварительной цензуры, особенно въ послѣдніе годы передъ ея упраздненіемъ; но было бы весьма несправедливо воображать, что она и при учрежденіи своемъ встрѣтила неблагосклонный пріемъ. Въ царствованія Анны и Елисаветы было нѣсколько случаевъ, что напечатанныя въ Россіи книги возбуждали негодованіе правительства, и тогда не только эти книги были конфискуемы, разоряя издателя и книгопродавцевъ, не только авторы или переводчики были строго наказываемы, но иногда и читатели подвергались непріятностямъ за то, что читали книги, не нравившіяся правительству. Поэтому не могло не быть пріятнѣе каждому издателю книги, чтобъ ее предварительно прочло лицо, уполномоченное признавать

ку XVIII вѣка были завязаны [illegible] меж-ду высшимъ русскимъ [illegible] [illegible] госуда-ря начинали [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] западной Европы. [illegible] было между [illegible] [illegible] извѣстный [illegible] Импера-тора [illegible] [illegible] изъ [illegible] Бур-[illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Карломъ I [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Такимъ образомъ, русское общество, даже и та его часть, которая не [illegible] [illegible] въ центральныхъ [illegible], [illegible] [illegible] участвовать въ общемъ умственномъ движеніи Европы. Правда, это участіе бы-ло, если такъ сказать, [illegible]: мы только со-зерцали [illegible] [illegible] умственнаго [illegible] Запада, ни-чего [illegible] [illegible] не [illegible] во [illegible] шагомъ было и то, что [illegible] [illegible] умственной жизни [illegible] западной Европы въ XVIII вѣкѣ не оста-навливалась у нашей границы, какъ прежде. Между тѣмъ въ этой западной Европѣ происходила необы-кновенно сильная и глубокая умственная работа. Дол-го лишенная свободы мысль развернулась съ большою смѣлостію и нѣкоторымъ ожесточеніемъ, провозглашая свое право все подвергать своему разсмотрѣнію, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Многое изъ того, чему вѣрили въ продолженіе столѣтій, было осмѣяно или опровергаемо. Мыслящая сила захотѣла замѣнить со-бою всѣ стороны духа, требовала во всемъ осязатель-ныхъ доказательствъ и обнаруживала явное прене-бреженіе къ присущему человѣческой природѣ чув-ству вѣры.

При такомъ характерѣ умственной дѣятельности въ западной Европѣ, естественно, самая горячая борьба

должна была завязаться на почвѣ религіи, въ которой заключаются всѣ основанія и нравственнаго и умственнаго развитія. *Философы*, — такъ любили называть себя люди, провозглашавшіе исключительное господство разума, — съ самодовольствомъ требовали доказательствъ въ томъ, что уразумѣвается чувствомъ, искали познать то, что составляетъ предметъ вѣрованія и, не находя удовлетворительныхъ отвѣтовъ, заявляли о правѣ человѣка на сомнѣніе въ дѣлахъ религіи, или даже на совершенное отрицаніе того, что признавалось священнымъ. Должно согласиться, что при этомъ съ ихъ стороны обнаружено было много блеска, много таланта и много смѣлости, — качествъ всегда обаятельныхъ, — тогда какъ ихъ противники, захваченные, такъ сказать, врасплохъ, не находили новыхъ средствъ обороны, соотвѣтствующихъ новымъ средствамъ нападенія, и прибѣгали нерѣдко подъ защиту матеріальной силы. Поэтому духъ сомнѣнія и отрицанія распространился съ страшною силой, грозя порвать всѣ связи настоящаго съ прошедшимъ, разрушить всѣ преданія и спустить на арену всѣ страсти и всѣ грубыя побужденія.

Но всякое слишкомъ сильное движеніе въ одну сторону неизбѣжно вызываетъ противодѣйствіе; оно незамедлило обнаружиться и въ настоящемъ случаѣ. Въ западной Европѣ издавна существовали общества или *ложи* франъ-масоновъ (вольныхъ каменщиковъ), которыя, развившись еще въ средніе вѣка, предавались страннымъ поискамъ за такъ называемымъ *философскимъ камнемъ*, или за искуствомъ выдѣлывать золото изъ другихъ предметовъ, за *жизненнымъ началомъ* и за прочими мечтами, завѣщанными еще временами младенчества наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ масоны сохрани и крѣпкія религіозныя преданія предшествующ

скій архіепископъ Бѣлорусскій, въ нѣсколькихъ переведенныхъ имъ съ французскаго языка сочиненіяхъ, подобно масонамъ, горячо обличали матеріализмъ и безвѣріе. Но ратуя противъ общаго врага, тѣ и другіе имѣли не одинаковыя цѣли; масоны не только уклонялись отъ пріемовъ, усвоенныхъ духовною литературой, но и черпали свои аргументы изъ источниковъ, которые казались подозрительными съ точки зрѣнія чистаго православія. Многимъ не нравился ихъ таинственный, неудобопонятный, условный языкъ. Тѣ, которымъ евангельская истина казалась проста и ясна, находили, что масоны затемняютъ и запутываютъ ее и, что спасая людей отъ безвѣрія, они вталкиваютъ ихъ въ какой-то особаго рода расколъ. Екатерина, ясному и прямому уму которой было ненавистно все туманное и запутанное, написала нѣсколько комедій, въ которыхъ осмѣивала ихъ и приравнивала къ шаманамъ или колдунамъ.

Но орудіе сатиры было уже недостаточно сильно противъ московскихъ масоновъ, литературная дѣятельность которыхъ приняла огромные размѣры, которые успѣли пріобрѣсти серіозное общественное значеніе въ Москвѣ и стали открыто провозглашать свое ученіе какъ бы какимъ-то очищеннымъ, усовершенствованнымъ христіанствомъ. Это смущало наше духовенство; но такъ какъ оно не вступало въ состязаніе съ этимъ страннымъ ученіемъ, то правительство приняло свои мѣры.

Въ 1785 году Императрица дала знать графу Брюсу, что въ типографіяхъ масоновъ печатаются книги, наполненныя „колобродствами, нелѣпыми умствованіямя и расколомъ“ и приказала не дозволять на будущее время печатать такихъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она при-

казала московскому митрополиту Платону удостовѣриться въ религіозныхъ понятіяхъ Новикова, и разсмотрѣть съ точки зрѣнія православія книги, изданныя масонами. Платонъ одобрилъ христіанскій образъ мыслей Новикова, о книгахъ же отзывался уклончиво, говоря, что онъ многихъ изъ нихъ не понимаетъ. Два года спустя сдѣланъ обыскъ въ книжной лавкѣ Новикова, и съ того времени послѣдовалъ рядъ правительственныхъ распоряженій, мало-по малу совершенно стѣснившій издательскую и книгопродавческую дѣятельность масоновъ. За тѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, масоновъ не тревожили, но тайно слѣдили за ихъ дѣйствіями, при чемъ было дознано, что они состояли въ сношеніяхъ съ масонами Пруссіи и Швеціи въ то время, когда Россія находилась съ этими державами въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Изъ числа заграничныхъ масонскихъ ложъ нѣкоторыя были между тѣмъ обличены въ стремленіяхъ чисто революціонныхъ; иныя изъ нихъ, преимущественно находившіяся во Франціи, обратились въ революціонные клубы, и хоть ничего подобнаго не было замѣчено со стороны московскихъ масоновъ и сношенія ихъ съ прусскими и шведскими ложами не подавали повода подозрѣвать ихъ въ измѣнѣ, правительство начинало смотрѣть на нихъ, какъ на политическихъ интригановъ. Между тѣмъ въ 1792 году открыто было, что Новиковъ находился въ какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ. Сколько можно судить по обнародованнымъ свѣдѣніямъ, эти сношенія ограничивались тѣмъ, что Новиковъ желалъ поставить свое общество подъ покровительство Павла Петровича, про котораго ходили слухи, что онъ расположенъ къ масонамъ и масонству. Какъ бы то ни было, это окончательно убѣдило Императрицу, что Новиковъ

жанiи Западу. Ихъ осмѣивала и сама Екатерина. Множество другихъ писателей шли гораздо далѣе; они преслѣдовали „галломанiю" (страсть къ Французамъ) съ истиннымъ ожесточенiемъ и противупоставляли французскому просвѣщенiю, въ которомъ видѣли одинъ лишь развратъ, простоту и чистоту нравовъ, которыми, по ихъ мнѣнiю, отличались наши праотцы. Фонъ-Визинъ, посѣтивъ въ восьмидесятыхъ годахъ западную Европу, написалъ о ней нѣсколько писемъ весьма остроумныхъ и оригинальныхъ, но въ которыхъ непрiязнь ко всему чужестранному доходитъ до крайностей. Онъ утверждалъ, что во Францiю надо посылать нашихъ галломановъ, чтобъ внушить имъ отвращенiе къ ней; изъ Германiи онъ писалъ, что „здѣсь во всемъ генерально хуже нашего". Совершенно такимъ же духомъ проникнута замѣчательная статья извѣстнаго намъ князя Щербатова *О поврежденiи нравовъ въ Россiи*, въ которой онъ усиливается доказать, что мы ничего добраго не заимствовали у западной Европы и что единственнымъ результатомъ нашего сближенiя съ нею былъ постепенный упадокъ нравственности. „Искренняя вѣра стала исчезать, писалъ онъ; твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести; роскошь и властолюбiе положили основанiе своей власти"; напротивъ того, во временахъ до-Петровскихъ князь Щербатовъ видитъ множество возвышенныхъ доблестей, — конечно, соединенныхъ съ недостаткомъ образованiя, при чемъ все прежнее и отжившее превращается подъ его предъубѣжденнымъ перомъ въ предметы достойные подражанiя. „За честь себѣ бояре считали, — говоритъ онъ, — когда ѣздятъ по городу, чтобъ ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни, не токмо куда

во знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ стоило не дорого: давали имъ пищу и весьма малое на содержаніе жалованье, а впрочемъ они содержались своимъ искусствомъ... Воспитаніе въ набожіи хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія; не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ, и тако скука и уединенная жизнь заставляли читать божественное писаніе“. Причиною утраты всѣхъ этихъ предлагаемыхъ въ примѣръ нравственныхъ доблестей была, по мнѣнію порицателей современности, Петрова реформа, а потому, со стороны значительной доли людей Екатеринина времени, она подвергалась горькому осужденію, самому же Петру эти люди отводили мѣсто гораздо ниже, чѣмъ Алексѣю Михайловичу. Извѣстная княгиня Дашкова, женщина обладавшая безспорно большимъ умомъ и образованіемъ, разсказываетъ въ своихъ *Запискахъ*, что она, во время одной изъ своихъ поѣздокъ за границу, имѣла съ княземъ Кауницемъ, министромъ императрицы Маріи-Терезіи, разговоръ о Петровой реформѣ и отзывалась о ней слѣдующимъ образомъ: „Какъ рабы, такъ и владѣльцы ихъ были въ равной мѣрѣ жертвой его необузданной тираніи. Первыхъ онъ лишилъ общиннаго суда, — ихъ единственной защиты отъ самопроизвольнаго угнетенія; у вторыхъ онъ отнялъ всѣ привилегіи. И за чѣмъ! чтобъ открыть дорогу военному деспотизму, самому гибельному и ненавистному изъ всѣхъ формъ правленія“. Когда князь Кауницъ замѣтилъ, что Петръ лично подавалъ примѣръ трудолюбія и дѣятельности, работая топоромъ, княгиня Дашкова отвѣчала: „Ваше превосходительство, вѣроятно шутите! Вы конечно знаете лучше другихъ, что мо-

флоту нѣтъ времени заниматься дѣломъ простаго ремесленника. Петръ I имѣлъ средства вызвать не только корабельщиковъ и плотниковъ, но и адмираловъ[4].

Ни порицаніямъ княгини Дашковой, ни элегическимъ похваламъ кн. Щербатова не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія. И та и другая принадлежали къ числу самыхъ просвѣщенныхъ у насъ людей своего времени, и еслибъ какимъ нибудь чудомъ они были перенесены въ эпоху царя Алексѣя, то увидѣли бы невозможность существовать съ присущими имъ умственными потребностями въ тогдашней средѣ, почти не ощущавшей этихъ потребностей, и поняли бы, что далъ Петръ взамѣнъ тѣхъ привилегій, которыя онъ будто бы отнялъ. Они идеализировали ту эпоху, которую противопоставляли современной и вовсе не знали ее. Но мнѣнія ихъ относительно западной Европы заслуживаютъ полнаго вниманія: Западъ былъ для нихъ не невѣдомымъ страшилищемъ, какъ для людей Петрова времени, а предметомъ достаточно ими изученнымъ. Не безотчетный страхъ передъ нравственной силою Европы, не слѣпое къ ней недоброжелательство и не тупая косность внушали имъ образъ ихъ мыслей, но сознаніе, хоть и преувеличенное, заблужденій, которыя они замѣчали на Западѣ и возвысившееся у насъ, вслѣдствіе блестящей и вполнѣ національной политики Екатерины, чувство народной гордости. Многимъ казалось, что роль подражательницы всему западному уже недостойна Россіи; въ обществѣ не было еще довольно силъ для самостоятельности, но ощущалась потребность въ ней. Людей съ образомъ мыслей Ломоносова (Вып. V, гл. II) было уже не мало въ Екатеринино время.

Такому пробужденію національнаго чувства много содѣйствовали безъ сомнѣнія и успѣхи, сдѣланные рус-

скимъ обществомъ въ изученіи отечественной исторіи: сознательно любить,—сказалъ Карамзинъ,—мы можемъ лишь то, что знаемъ. Мы уже видѣли, что русскою исторіей начали заниматься серіознымъ образомъ еще въ первой половинѣ вѣка и что знаменитый Шлёцеръ утвердилъ на незыблемыхъ основаніяхъ нѣкоторыя основныя положенія нашей исторической науки. Въ восьмидесятыхъ годахъ Екатерина сама принялась прилежно читать лѣтописи и узнавъ, что кн. М. М. Щербатовъ собираетъ матеріалы для исторіи Россіи, открыла ему доступъ не только во всѣ государственные архивы, но и въ такъ называемый *кабинетъ* Петра Великаго. Щербатовъ не вполнѣ оправдалъ надежды, которыя на него возлагались; но въ одно почти время съ появленіемъ въ свѣтъ его исторіи, вышло другое сочиненіе, обнаружившее, что знаніе русской исторіи не составляетъ монополіи нѣсколькихъ ученыхъ по ремеслу. По поводу книги о Россіи, написанной французомъ Леклеркомъ, одинъ бывшій гвардейскій офицеръ, Болтинъ, написалъ *Примѣчанія*, обнаруживающія серіозное знакомство автора и съ прошедшимъ Россіи и съ ея современнымъ положеніемъ. Около того же времени Новиковъ печаталъ, подъ заглавіемъ *Древней Русской Вивліоѳики* драгоцѣнное собраніе матеріаловъ относящихся къ до-Петровской Россіи, и другой чрезвычайно важный сборникъ матеріаловъ для эпохи Петра, подъ заглавіемъ *Дѣянія Петра Великаго*, составленный страстнымъ поклонникомъ преобразователя, Голиковымъ.

Эти весьма крупныя явленія въ русской исторической литературѣ не могли пройдти безслѣдно и не обнаружить вліянія на общественное мнѣніе. Въ свою очередь, появленіе ихъ заставляетъ предполагать, что въ современномъ обществѣ уже чувствовалась потреб-

13*

ность изучать не только „заморскую“ науку, но и свое, отечественное. Болтинъ и Щербатовъ изучали какъ прошедшее Россіи, такъ и различные современные, особенно экономическіе вопросы; ими занялся спеціально и съ успѣхомъ Чулковъ; петербургскій священникъ Андрей Журавлевъ напечаталъ за годъ до кончины Императрицы чрезвычайно любопытное изслѣдованіе о раскольникахъ, а между литераторами начало распространяться мнѣніе, что романъ и драма должны у насъ почерпать свои предметы изъ русскаго народнаго быта. Мы знаемъ, что именно такъ и дѣлали фонъ-Физинъ и Екатерина; но мысль, которой они послужили можетъ быть безсознательно, начинала возводиться въ систему. Эту мысль настойчиво провозглашалъ малоизвѣстный нынѣ писатель Лукинъ. Онъ писалъ, что „Русскимъ слѣдуетъ говорить о Русскихъ“, ибо, замѣчалъ онъ, „маркизъ на русскомъ театрѣ уши деретъ, а ко *свадебному контракту* *) тетушка моя и смысла не привязываетъ“. На этомъ основаніи написана была имѣвшая въ свое время огромный успѣхъ комедія, *Гостинный Дворъ*, доставившая театру большой денежный сборъ и замѣчательная между прочимъ тѣмъ, что авторомъ ея былъ крѣпостной человѣкъ. Но самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ была оперета Аблесимова *Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ*, представленная въ первый разъ въ 1779 году и еще нынѣ, почти черезъ сто лѣтъ, не утратившая ни своего интереса, ни достоинствъ. Въ этихъ пьесахъ, написанныхъ русскими *самородками*, не только содержаніе заимствовано изъ русскаго быта, не только языкъ взятъ

---

*) Въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ государствъ условіе жениха и невѣсты объ имущественныхъ отношеніяхъ свидѣтельствуется властями, какъ всякій контрактъ.

изъ той общественной среды, которая въ нихъ изображена, но устранены тѣ условные пріемы, которые казались въ то время необходимыми и которымъ подчинялся фонъ-Визинъ. Высшее общество Москвы и особенно Петербурга относилось нѣсколько надменно къ этимъ пьесамъ, выводившимъ на сцену „подлый“ (простой) народъ; но хотя народность нескоро еще должна была получить право гражданства въ нашей литературѣ, хоть еще долго не могло устанавиться убѣжденіе, что русскіе люди и русскіе нравы, что обороты народной русской рѣчи достойны находить мѣсто въ комедіи, въ романѣ и стихотвореніи, — мы не можемъ однакожъ не заявитъ объ этихъ первыхъ попыткахъ національнаго духа проникнуть въ литературу.

Въ заключеніе этого очерка различныхъ направленій тогдашней литературы нашей замѣтимъ, что какъ порицатели преобразованной, европейской Россіи, такъ и безусловные поклонники европеизма, какъ послѣдователи энциклопедистовъ, такъ и масоны, не взирая на различныя точки ихъ отправленія, сходились между собой въ стремленіи къ идеалу нравственнаго совершенства и въ уваженіи къ личности человѣка. Щербатовъ порицалъ современную ему Россію за распространившуюся въ ней будто бы порчу нравовъ и умилялся предъ временами минувшими, потому что тогда, предполагалъ онъ, нравы были чище; княгиня Дашкова негодовала на Петра, за то что онъ стѣснилъ свободу и обратилъ въ рабство всѣ сословія; фонъ-Визинъ изливалъ свою желчь на занадную Европу, находя ее развращенной. У Державина безпрестанно звучитъ мотивъ высокаго нравственнаго идеала. Рѣзкимъ и смѣлымъ словомъ клеймилъ онъ порокъ, хотя бы и обласканный фортуною, гремѣлъ противъ алчности, равнодушія къ

общественному благу и провозглашалъ, что царь долженъ быть „и на тронѣ человѣкомъ“. Самымъ блистательнымъ выраженіемъ этой стороны Екатерининской литературы была ода *Властителямъ и Судьямъ*, которая здѣсь и приводится, какъ яркая характеристика и самого Державина и его литературной эпохи.

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
„Доколѣ“,—рекъ,—„доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ“.

Не внимлютъ! Видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса...

Цари! я мнилъ — вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны
И также смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ,
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни Боже, Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь одинъ царемъ земли!

Это стихотвореніе должно остановить особенное наше вниманіе: въ немъ начертанъ нравственный идеалъ передовыхъ людей Екатерининской эпохи. Правда, желчное чувство, которое господствуетъ въ строфахъ Державина, доказываетъ, что идеалу вѣщаго поэта не соотвѣтствовала дѣйствительность; но съ другой стороны, должно замѣтить, что общество, въ средѣ котораго создаются подобные идеалы правды и добра, есть уже общество *европейское*, въ лучшемъ, благородномъ значеніи этого слова. Нравственные идеалы создаются не случайно, не пылкимъ воображеніемъ одного человѣка: они суть результаты внутренней работы самого общества; это признаки тѣхъ нравственныхъ понятій и той степени цивилизаціи, торжество которыхъ уже предвидится. Стремленія которыя мы замѣчаемъ въ Державинѣ и другихъ лучшихъ людяхъ той эпохи, какъ бы возвѣщали, что она родитъ Карамзина, — этотъ высокій типъ нравственной чистоты, невозможный ни въ началѣ вѣка, ни даже во второй его четверти.

XXIII.

Новая физіономія двора. — Гр. Остерманъ. — Гр. Самойловъ. — Гр. Н. И. Солтыковъ. — Князь П. А. Зубовъ. — Его политическія мечтанія. — Образъ жизни Екатерины. — Характеръ послѣднихъ годовъ ея царствованія. — Эмигранты. — Вліяніе ихъ на молодое поколѣніе.

Съ 1792 года началось четвертое десятилѣтіе царствованія Екатерины. Въ продолженіе этихъ тридцати лѣтъ она пережила, — какъ мы уже и видѣли, — многихъ изъ прежнихъ своихъ сотрудниковъ; давно не было близь престола Орловыхъ; Панины, Волконскій сошли въ могилу одинъ за другимъ. Умеръ Потемкинъ; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ Вяземскій (1793 г.). Изъ людей прежней эпо-

ки, бывшихъ болѣе или менѣе на виду въ періодъ коммиссіи уложенія, оставались трое: Румянцевъ, Репнинъ и Остерманъ. Но Румянцевъ жилъ постоянно вдали двора и теперь, какъ и всегда, не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія на общій ходъ дѣлъ въ государствѣ; почти тоже можно сказать про Репнина, который постоянно занималъ высокое положеніе какъ въ арміи, такъ и въ администраціи, но не принадлежалъ къ той группѣ людей, которая составляла правительство, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Что касается до графа Остермана, то хотя онъ носилъ званіе вицъ-канцлера, подобно знаменитому отцу своему, но не имѣя его способностей, онъ не имѣлъ и его значенія. Высокое положеніе первенствующаго лица по иностраннымъ сношеніямъ оставлялось за нимъ, — говоритъ одинъ изъ его современниковъ, — болѣе для поддержанія при дворѣ подобающаго этикета, нежели собственно для руководства русскою политикой. Домъ его (перешедшій къ нему послѣ гр. Воронцова, нынѣ пажескій корпусъ) былъ содержимъ на самой широкой ногѣ и въ высокоторжественные дни въ немъ давались балы для всего придворнаго общества и дипломатическаго корпуса; самъ старый вицъ-канцлеръ „держался высоко, но вѣжливо" и считалъ въ числѣ своихъ обязанностей, въ большіе народные праздники, являться среди толпы, неиначе однакожь, какъ въ золоченой каретѣ, запряженной цугомъ и окруженной скороходами.

Таковъ былъ первенствующій въ это время между сановниками Екатерины. Представительность его не скрывала ничтожности его вліянія на дѣла; въ этомъ отношеніи онъ былъ въ продолженіе многихъ лѣтъ совершенно заслоненъ графомъ Безбородкомъ,—человѣкомъ столько же отличавшимся отъ него живостью и быстротою своихъ способностей, сколько и внѣшними формами. Этотъ

толстый и неуклюжій Малороссъ былъ замѣчателенъ неряшествомъ своей одежды, безцеремонною развязностію своихъ манеръ и безпорядочностію своей жизни. Поступивъ къ Императрицѣ статсъ-секретаремъ, онъ имѣлъ доклады по важнѣйшимъ тяжебнымъ, откупнымъ и подряднымъ дѣламъ, управлялъ почтами и наконецъ, какъ извѣстно, орудовалъ иностранными сношеніями. Но оцѣнивая его способности, Екатерина съ неудовольствіемъ замѣчала, что онъ тратитъ страшныя суммы, несоразмѣрныя даже съ большимъ его состояніемъ, и не имѣла ни довѣрія къ его гражданской честности, ни уваженія къ его характеру. Послѣ Ясскаго мира вліяніе его стало ослабѣвать и до самой кончины Императрицы, онъ, оставаясь при дворѣ и даже принимая нерѣдко дворъ въ своей великолѣпной дачѣ, на Невѣ, не имѣлъ большаго вліянія на дѣла государственныя.

Въ должность генералъ-прокурора назначенъ былъ, послѣ смерти князя Вяземскаго, племянникъ Потемкина, графъ Самойловъ. О немъ извѣстно весьма немного; онъ заявилъ себя храбрымъ офицеромъ въ послѣднюю Турецкую войну, и находясь постоянно при знаменитомъ своемъ дядѣ, усвоилъ нѣкоторыя изъ его мыслей; но усвоить чьи бы то ни было мысли далеко не то, что самому ихъ выработать и выносить въ себѣ; чужія мысли не могутъ овладѣть человѣкомъ и возбудить въ немъ неопредолимой потребности привести ихъ въ исполненіе. Изъ написанной Самойловымъ біографіи Потемкина видно, что онъ хорошо понималъ сущность Греческаго Проекта; но когда Государыня назначила ему совершенно иную сферу дѣятельности, Самойловъ не усомнился приняться за дѣла, не имѣвшія ничего общаго съ рядомъ мыслей, клонившихся къ возстановленію христіанъ Балканскаго полуострова. За то въ качествѣ ге-

нералъ - прокурора дѣятельность его, сколько извѣстно, не оставила замѣтнаго слѣда. Императрица, соразмѣряя съ его силами и требованія свои, при назначеніи его въ эту должность сняла съ него нѣкоторыя изъ обязанностей лежавшихъ на кн. Вяземскомъ.

Подобно гр. Самойлову, но еще въ несравненно большей степени, терялъ въ сравненіи съ своимъ предшественникомъ новый президентъ военной коллегіи, графъ (впослѣдствіи князь) Н. И. Солтыковъ. Онъ, — по словамъ одного изъ современныхъ ему статсъ-секретарей Екатерины, Грибовскаго „твердо зналъ придворную науку, но о государственныхъ дѣлахъ имѣлъ знаніе непревосходное". Однакожь эта „придворная наука", уживчивый его характеръ и отсутствіе горячей преданности чему бы то ни было, оказались столь же полезными для графа Солтыкова, какъ и высокія способности; „въ продолженіе четырехъ лѣтъ, — продолжаетъ тотъ же Грибовскій,—всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уложеніе, хотя я не помню, чтобъ лишь по одному далъ мнѣніе противное". Онъ искалъ не вліянія на государственныя дѣла, а положенія при дворѣ, и вполнѣ достигъ своей цѣли. И Императрица и ея наслѣдникъ были къ нему равно благосклонны; а будучи назначенъ воспитателемъ къ молодымъ великимъ князьямъ Александру и Константину, онъ умѣлъ снискать и ихъ расположеніе, такъ что въ царствованіе Александра I, ему было предоставлено высшее положеніе въ русскомъ правительствѣ, — званіе предсѣдателя государственнаго совѣта. Но объ этой порѣ его государственной дѣятельности вотъ что говорилъ бывшій въ то время министръ юстиціи и извѣстный поэтъ Дмитріевъ: „я не помню, чтобъ онъ когда нибудь сказалъ въ совѣтѣ или комитетѣ (министровъ) рѣшительное соб-

ственное мнѣніе: бросся нѣсколько словъ ничего незначущихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто по его счету важнѣе прочихъ, т.-е. случайнѣе".

Но если графъ Солтыковъ, занимая первенствующее положеніе въ государственномъ управленіи, сообразовалъ свое мнѣніе съ образомъ мыслей людей наиболѣе „случайныхъ", то естественно, при началѣ своей карьеры онъ долженъ былъ обнаруживать еще менѣе самостоятельности. Дѣйствительно, онъ держался сначала покровительствомъ Потемкина, а потомъ, когда неудачи Турецкой войны заставили опасаться упадка его кредита, Солтыковъ сталъ искать себѣ новой опоры и обратилъ вниманіе на молодаго, очень красиваго кавалергардскаго офицера, Платона Александровича Зубова, на котораго, по свидѣтельству современниковъ, этотъ неуважавшій себя министръ указалъ Императрицѣ.

Изъ кавалергардскихъ секундъ-ротмистровъ, Зубовъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ прошелъ всѣ степени возвышенія; въ 1793 году, на двадцать пятомъ году отъ роду, онъ былъ уже генералъ-аншефомъ, андреевскимъ кавалеромъ, главнымъ начальникомъ всей артиллеріи, намѣстникомъ Новороссійскаго края, получилъ графскій титулъ и пріобрѣлъ вліяніе на дѣла внутренняго управленія и иностранной политики. Во дворцѣ, подъ собственными покоями Императрицы, для него было отведено помѣщеніе, куда, по прочтеніи Государыней депешъ полученныхъ изъ-за границы, онѣ были препровождаемы для его свѣдѣнія, и уже оттуда ихъ отсылали вицъ-канцлеру для надлежащаго исполненія. Сношенія по восточнымъ и по польскимъ дѣламъ происходили подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Зубова. *Фаворъ* Зубова былъ такъ силенъ, что, какъ мы знаемъ, Потемкинъ видѣлъ въ немъ себѣ соперника, хотѣлъ „вырвать зубъ" — и

не успѣлъ въ томъ. Значеніе Зубова какъ государственнаго человѣка, еще недостаточно разслѣдовано, а потому отъ рѣшительныхъ приговоровъ слѣдуетъ воздержаться. Мы знаемъ, съ одной стороны, что заселеніе и устройство Новороссійскаго края продолжалось при немъ успѣшно; Одесса возникла въ его управленіе; но съ другой стороны, до насъ дошли такія мечтанія его въ области политики, которыя едва уживаются со здравымъ смысломъ. Этотъ государственный дѣятель, обремененный, по видимому, самыми серіозными дѣлами и заботами, упражнялся въ сочиненіи проектовъ новаго устройства Европы, вычеркивалъ съ ландкарты одни государства, создавалъ новыя и произносилъ приговоры надъ народами и династіями. Вотъ, напримѣръ видъ и составъ Россійской Имперіи по проекту Зубова:

„Столицы первой степени: 1) Петербургъ, 2) Берлинъ, 3) Вѣна, 4) Константинополь, 5) Астрахань, 6) Москва. Государь столь обширной имперіи уподобляться долженъ солнцу, благотворнымъ взоромъ своимъ согрѣвающему все то, что лучи его досягать могутъ. Годовое присутствіе въ каждой изъ сихъ столицъ, особые почетные чины и дворъ той страны, но верховное правленіе одно и нераздѣльно.

„Города второй степени: 1) Гамбургъ, 2) Копенгагенъ, 3) Стокгольмъ, 4) Королевецъ, 5) Варшава, 6) Прага, 7) Офенъ, 8) Букарестъ, 9) Адріанополь, 10) Самаркандъ. Города третьей степени: 1) Любекъ, 2) Штетинъ, 3) Готенбургъ, 4) Христіанзандъ, 5) Архангельскъ, 6) Ярославль, 7) Вильна, 8) Рига, 9) Данцигъ, 10) Бреславль, 11) Брюнъ, 12) Клагенфуртъ, 13) Пресбургъ, 14) Дебречинъ, 15) Кашау, 16) Львовъ, 17) Кіевъ, 18) Одесса, 19) Варна, 20) Воло (?) 21) Солоники, 22) Аргосъ, 23) Коронъ, 24) Наполи-романія, 25) Рагуза, 26) Тріестъ, 27)

Абовъ, 28) Казань, 29) Тобольскъ, 30) Порты Восточнаго Океана, 31) Бухара, 32) Хива, 33) Астрабадъ, 34) Тифлисъ, 35) Кафа, 36) Таганрогъ, 37) Штральзундъ, 38) Познань, 39) Краковъ, 40) Тула".

Фантастическій проектъ князя Зубова доказываетъ, что онъ имѣлъ чрезвычайно странныя понятія о государствѣ. Государство не есть произвольное совокупленіе извѣстнаго числа земель и племенъ, но опредѣленная политическая единица, живой организмъ проникнутый единствомъ интересовъ и общностію цѣли. Эти условія ограничиваютъ извѣстными предѣлами размѣры государства и не допускаютъ безконечнаго разнообразія въ его народонаселеніи. Племенное разнообразіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда изъ среды онаго выдѣляется одно племя, несравненно болѣе многочисленное, чѣмъ всѣ прочія, и способное, заключающеюся въ немъ историческою силою, собрать ихъ вокругъ себя и мало-по малу уподобить ихъ себѣ. Въ нынѣшней Россіи числится до 55 милліоновъ Русскихъ, — населенія связаннаго единствомъ происхожденія, языка, религіи и тысячелѣтнею исторической жизнію. На эту плотную и обширную массу, составляющую основу націи, приходится не болѣе 4 милліоновъ Поляковъ, около 3 мил. жителей турко - татарскаго происхожденія, находящихся вообще на низкой степени просвѣщенія и частію кочевниковъ, менѣе 3 мил. Финновъ разсѣянныхъ отъ Торнео до Тобольска и нѣсколько болѣе $1\frac{1}{2}$ мил. принадлежащихъ къ особому литовско-летскому племени. Вотъ самыя крупныя инородческія группы Россіи. Каждая изъ нихъ составляетъ ничтожное меньшинство въ сравненіи съ ядромъ Русской націи, но и эти дробныя ея части не безъ затрудненія входятъ въ ея составъ: чтó же было бы, еслибъ половина Русскаго государства состояла изъ

странъ населенныхъ азіатскими племенами, еслибъ двѣ трети остальной половины состояли изъ Эстовъ, Латышей, Литовцевъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Мадьяръ, Румынъ, Болгаръ, Сербовъ, Грековъ и Италіянцевъ? Это было бы столпотвореніе Вавилонское, изъ котораго могло бы возникнуть съ одинаковою вѣроятностію и Русское, и Германское, и Греческое, и Хивинское или Татарское государство.

Таковы дошедшія до нашего времени свѣдѣнія о странномъ государственномъ человѣкѣ, замѣнившемъ, по обширности своего вліянія, Потемкина. Императрица питала къ нему неограниченное довѣріе и все предъ нимъ преклонялось; чиновные и родовитые вельможи были принимаемы имъ въ халатѣ; Державинъ, занимавшій въ это время высокое положеніе не только въ литературѣ, но и въ службѣ, стоя объяснялся съ фаворитомъ, полулежащимъ въ низкихъ креслахъ. Самъ Суворовъ,—этотъ знаменитый воинъ, сыпавшій свои оригинальные и ѣдкіе сарказмы на придворныхъ генераловъ, любившій давать чувствовать, что возвышеніемъ своимъ онъ никому не обязанъ, кромѣ себя самого, Суворовъ позволявшій себѣ дѣлать язвительные отзывы о Потемкинѣ, во время его силы,—почелъ не безполезнымъ вступить въ родственныя связи съ могущественнымъ временщикомъ и выдалъ дочь свою за одного изъ его братьевъ.

Въ годъ смерти Потемкина и заключенія Ясскаго мира Екатеринѣ было 62 года. Не взирая на нѣкоторые неизбѣжные въ такія лѣта недуги, она пользовалась прекраснымъ здоровьемъ и сохраняла еще весьма пріятную наружность; взглядъ ея голубыхъ глазъ былъ по прежнему оживленъ и ясенъ, разговоръ исполненъ одушевленія и, — что въ особенности замѣчательно, — умъ ея нисколько не потерялъ способности трудиться

и работать. Собственные покои Екатерины занимали небольшую часть Зимняго дворца, — именно ту, которая выходитъ на Дворцовую площадь и прилегаетъ къ Миллiонной улицѣ. Здѣсь жила Екатерина все время, исключая лѣтнихъ мѣсяцевъ, которые проводила частiю въ Таврическомъ дворцѣ, частiю въ Царскомъ Селѣ. Она вставала обыкновенно въ 7 часовъ и тотчасъ же принималась за какую-нибудь работу, одна, безъ секретарей и докладчиковъ. Въ 9 часовъ она начинала принимать доклады; камердинеръ находившiйся у дверей, впускалъ докладчиковъ поочередно, одного за другимъ. На Императрицѣ обыкновенно бывалъ въ это время шелковый бѣлый утреннiй капотъ и флеровый бѣлый же чепецъ. Она сидѣла передъ небольшимъ выгибнымъ столикомъ, къ которому приставленъ былъ другой такой же, но обращенный выгибомъ въ противоположную сторону; къ нему садился, по приглашенiю Императрицы, докладчикъ и раскладывалъ на немъ свои бумаги. Въ 12 часовъ доклады прекращались; Императрица переходила въ уборную, куда были допускаемы, для присутствованiя при волосочесанiи, нѣкоторые изъ приближеннѣйшихъ придворныхъ: какъ, напримѣръ, старинный членъ еще ея Ораніенбаумскаго кружка гр. А. С. Строгоновъ, Л. А. Нарышкинъ извѣстный своею веселостiю, мотовствомъ и остроумiемъ и н. др. По окончанiи уборки волосъ, Императрица одѣвалась и остальное до обѣда время занималась чтенiемъ или лѣпкою камеевъ, — занятiе, которое она полюбила въ послѣднiе годы своей жизни. За ежедневный обѣдъ, который начинался ровно въ 2 часа, садилось съ Императрицей очень небольшое число гостей. Она кушала вообще мало и выпивала рюмку вина; гости, вскорѣ по окончанiи обѣда разъѣзжались, а Екатерина, оставшись одна, распечатывала донесенiя полу-

ченныя изъ-заграницы, которыя читалъ ей кто-либо изъ статсъ-секретарей. Такъ проходило время до шести часовъ, когда начиналось обыкновенное „вечернее собраніе“ или спектакль во дворцовомъ *эрмитажѣ*. Въ 11 часовъ въ покояхъ Императрицы всѣ огни были потушены.

Этотъ чрезвычайно регулярный и простой образъ жизни давалъ возможность Екатеринѣ такъ много успѣвать сдѣлать каждый день. Онъ же былъ причиною, что она была еще крѣпка и даже красива не по лѣтамъ: 65 лѣтъ, она имѣла еще совершенно здоровые зубы, довольно густые волоса, прекрасныя руки, а такъ какъ въ то время и молодыя и пожилыя женщины румянились и пудрили волоса, то, разсматривая портреты Екатерины, сдѣланные въ описываемое время, невозможно не любоваться свѣжимъ, привлекательнымъ и вмѣстѣ, величественнымъ видомъ этой весьма уже пожилой женщины.

Но время измѣняетъ въ человѣкѣ не одинъ видимый, физическій, а и нравственный образъ; перемѣны происходящія съ этой стороны не такъ кидаются въ глаза, но онѣ неотразимы. Люди неизбѣжно сживаются мало-по малу съ тѣми несовершенствами, которыя нѣкогда ихъ возмущали, а когда эти люди суть государи долго и со славою царствовавшіе, то они нерѣдко берутъ эти несовершенства, такъ сказать, подъ свое покровительство, ищутъ и легко находятъ благовидныя причины оправдывать ихъ существованіе. Екатерина, стремившаяся въ началѣ своего царствованія, къ уничтоженію крѣпостныхъ отношеній и даже къ надѣленію крестьянъ землею, въ 1790 году находила, что „лучше судьбы нашего крестьянина у *хорошаго помѣщика* нѣтъ во всей вселенной“. Всякій намекъ, на то, что хотя и

много, но не все еще сдѣлано такими государями, легко можетъ представиться имъ назойливостію и неблагодарностію; министры, побуждающіе ихъ устремляться въ новыя сферы дѣятельности, имъ непріятны; не безъ основанія довѣрчивые къ своимъ силамъ, они нерѣдко предпочитаютъ въ своихъ помощникахъ безмолвную исполнительность всѣмъ прочимъ достоинствамъ, — и вотъ почему, между прочимъ, мы замѣчаемъ, что въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, ее окружали люди, не возвышавшіяся надъ посредственностію, злоупотреблявшіе властію безсовѣстно расхищавшіе казну и которыя виновны въ равнодушіи къ ней ближайшаго ея потомства.

Сила начинанія (инниціатива), — это свойство геніальныхъ людей, — замѣтно ослабѣла въ Екатеринѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это нерѣдко бываетъ, въ ней усилилась ревнивость къ власти. Этому явленію, довольно обыкновенному въ старѣющихся государяхъ, много способствовали событія совершавшіяся во Франціи, гдѣ революція окончательно порвала всѣ сдержки, низвергла престолъ, предала публичной казни короля и королеву, и простерла свое изступленіе до того, что торжественно провозгласила поклоненіе *разуму*, какъ бы нѣкоему божеству. Еще за нѣсколько лѣтъ до помянутыхъ неистовствъ революціи, многіе изъ тѣхъ, которые не раздѣляли образа мыслей, начинавшаго господствовать во Франціи, стали покидать эту страну. Эти люди, принадлежавшіе, по большей части, къ высшему дворянству и духовенству и извѣстные подъ именемъ *эмигрантовъ*, разсыпались по всѣмъ странамъ Европы и нашли покровительство при многихъ дворахъ, гдѣ они являлись въ качествѣ жертвъ монархическихъ своихъ убѣжденій. Множество эмигрантовъ прибыло и въ Петербургъ и ихъ

присутствіе было не безъ вліянія на судьбы нашего отечества.

До сего времени, каковъ бы ни былъ личный взглядъ Екатерины на внутреннія дѣла того или другаго государства въ Европѣ, она руководствовалась въ отношеніи ихъ исключительно интересами Россіи и одинаково пользовалась какъ благосостояніемъ ихъ, такъ и ихъ неустройствами. Но событія совершавшіяся во Франціи дали иное направленіе ея политикѣ; Екатерина приняла, какъ мы видѣли, участіе въ союзѣ противъ революціонной Франціи, хоть этотъ союзъ не обѣщалъ Россіи никакихъ положительныхъ выгодъ; въ виду принципа, который побуждалъ монархическую Европу ополчаться противъ республиканской Франціи, Екатерина разорвала заключенный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ торговый съ нею трактатъ, запретила русскимъ подданнымъ проживать въ Парижѣ, хотя бы даже для торговыхъ дѣлъ и приказала выслать изъ Россіи всѣхъ Французовъ, которые не дадутъ формальнаго отреченія отъ политическихъ теорій революціоннаго правительства. Это распоряженіе, которое должно было потрясти благосостояніе многихъ частныхъ людей, доказываетъ, какъ сильно раздражена была Екатерина противъ революціи, и нѣтъ сомнѣнія, что раздраженію этому много способствовали внушенія знатныхъ эмигрантовъ. Они желали бы вовлечь Екатерину въ открытую войну противу Франціи, а между тѣмъ выпрашивали для себя значительныя денежныя пособія и подавали неизвѣстный въ Россіи примѣръ интригъ, направленныхъ противъ собственнаго отечества.

Таковы были знатные эмигранты, вращавшіеся въ придворной сферѣ. Неменѣе вредны были остальные, состоявшіе изъ католическихъ священниковъ и монаховъ

и изъ лицъ принадлежавшихъ къ среднему дворянству. Лишившись, по большей части, всякихъ средствъ къ существованію, они не могли жить иначе, какъ на счетъ страны въ которой нашли пріютъ, а потому принимали должности гувернеровъ при дѣтяхъ русскихъ вельможъ, давали уроки, открывали пансіоны, предпринимали различныя спекуляціи, поступали въ управители имѣній и фабрикъ и т. п. Въ людяхъ способныхъ къ подобнаго рода занятіямъ Россія очень нуждалась, но дѣло въ томъ, что эмигранты вообще были не способны исполнять обязанности, котарыя принимали на себя. Непривыкшіе ни къ какому серіозному дѣлу и не имѣя ни малѣйшаго понятія объ экономическихъ условіяхъ Россіи, они очевидно могли лишь запутать хозяйства и разстроить промышленныя заведенія, которыя были имъ поручены. Но это было еще зло легко поправимое; несравненно важнѣе было то, которое они причиняли въ сферѣ нравственныхъ интересовъ. Изъ числа эмигрантовъ только лица духовнаго званія могли имѣть нѣкоторое право взяться за воспитаніе юношества, потому что только они одни имѣли болѣе или менѣе основательное образованіе; но въ качествѣ католическихъ священниковъ и монаховъ, они естественно должны были тайно (если невозможно было явно) дѣйствовать какъ проповѣдники римскаго котоличества, по свидѣтельству одного современника, въ Петербургѣ и Москвѣ не было почти ни одного знатнаго дома, въ которомъ католическій священникъ не находился бы въ качествѣ гувернера, учителя и т. п. Что же касается до эмигрантовъ изъ дворянъ, то это были люди вообще свѣтскіе и никогда не готовившіеся къ серіозному и строгому дѣлу воспитанія. Научить свободно говорить по французски, — вотъ единственно что они

могли сдѣлать; но взамѣнъ этой весьма небольшой пользы, они слишкомъ часто прикрывали безстыднымъ шарлатанствомъ свое невѣжество во всемъ остальномъ и приготовляли изъ своихъ питомцевъ не только невѣждъ, но невѣждъ самодовольныхъ и самоувѣренныхъ. Они дѣлали еще хуже: не зная Россіи, не имѣя возможности узнать ни ея прошедшаго, ни настоящаго, по незнанію ея языка, и не давая себѣ труда ему научиться, они отдѣлывались легкимъ способомъ пренебрегать тѣмъ, что имъ неизвѣстно — и это пренебреженіе естественно сообщали впечатлительнымъ умамъ своихъ воспитанниковъ. Французская нація (въ до-революціонную эпоху), французскіе писатели, французская армія, французскіе стихи и французское остроуміе — вотъ что носили они въ сердцѣ, что любили, чему поклонялись они, и что любить, предъ чѣмъ преклоняться научили молодое поколѣніе русскихъ дворянъ. Мы уже замѣтили (стр. 170) что подъ вліяніемъ исключительныхъ предоставленнымъ имъ правъ, нѣкоторые люди изъ высшихъ сословій говорили о простомъ („подломъ“, по тогдашнему выраженію) народѣ, какъ о чемъ-то для нихъ постороннемъ: благодаря воспитанію эмигрантовъ, люди новаго поколѣнія замѣнили слова простой или подлый народъ, словомъ *русскій народъ*, и немного лѣтъ спустя, міръ съ недоумѣніемъ услышалъ отъ русскихъ дворянъ, отъ русскихъ сановниковъ презрительные отзывы о *русскомъ народѣ*, изъ среды коего они очевидно себя исключали. Мало того: этому *русскому народу*, то-есть русскому крестьянству, такъ смиренно вѣрующему, такъ безгранично преданному своимъ царямъ, навязаны были свойства парижской черни: его представляли кровожаднымъ, ненавидящимъ всякую власть, готовымъ каждую минуту сорваться съ цѣпи; составилось мнѣніе, что его

можно удерживать въ повиновеніи единственно съ помощію страха и оставляя въ невѣжествѣ.

XXIV.

Настроеніе умовъ въ Польшѣ. — Начало заговора. — Килинскій. — Мятежъ въ войскѣ. — Универсалъ Косцюшка. — Особый характеръ польскаго возстанія. — Возстаніе въ Варшавѣ (6 апрѣля 1794 г.). — Русскіе оставляютъ Варшаву. — Возстаніе въ Вильнѣ. — Дѣйствія прусской арміи. — Высшее дворянство отклоняется отъ участія въ мятежѣ. — Суворовъ. — Его походъ. — Коллонтай. — Побѣда Ферзена при Мацѣіовицахъ и плѣнъ Косцюшка. — Штурмъ Праги (24 окт.). — Третій Раздѣлъ. — Дѣла Курляндскія. — Актъ о принятіи Курляндіей русскаго подданства (18 марта 1795 г.). — Разореніе Грузіи Ага-Магометъ-ханомъ.—Экспедиція гр. В. Зубова на восточной сторонѣ Кавказа.

Новое бѣдствіе, которому подверглась Польша, произвело глубокое впечатлѣніе въ западной Европѣ. Конституція 3 мая, довольно либеральная въ своихъ основаніяхъ, была встрѣчена искреннимъ сочувствіемъ со стороны нѣкоторыхъ ораторовъ англійскаго парламента; французскіе революціонные клубы превозносили ее выше мѣры, не зная или не желая знать, при помощи какой интриги она была навязана. Вообще дѣйствія Поляковъ были мало извѣстны въ западной Европѣ, но рѣчи произносимыя на польскихъ сеймахъ, пламенныя заявленія о своей любви къ родинѣ и къ свободѣ, на которыя Поляки такъ щедры, разносились всюду путемъ печати и располагали къ нимъ друзей свободы. Поэтому извѣстіе о Второмъ Раздѣлѣ вызвало къ нимъ вообще большое сочувствіе, которое, въ свою очередь сильно дѣйствовало на впечатлительные умы Поляковъ и возбуждало въ нихъ надежды на внѣшнюю помощь.

Рѣчь Посполитая подверглась расчлененію; но то что составляло польскую націю, то-есть, рыцарство во всѣхъ

его степеняхъ, отъ магната до мелкаго шляхтича, а также духовенство, въ какой бы части древней Польши они ни находились, продолжали жить еще общею жизнію. Такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ физіологовъ, голова и туловище, отдѣленныя другъ отъ друга, сохраняютъ еще нѣкоторое время одинаковыя ощущенія... Скорбь о бѣдствіяхъ постигшихъ Польшу, вражда противъ державъ, совершившихъ раздѣлы и желаніе возстановить республику въ ея прежнихъ границахъ было обще жителямъ какъ маленькаго польскаго государства, такъ и отторгнутыхъ, особенно по послѣднему раздѣлу, областей. Но эти послѣдніе могли дѣйствовать для достиженія своей цѣли неиначе, какъ тайно отъ правительствъ, подданными которыхъ они сдѣлались. Неиначе какъ тайными путями могли дѣйствовать и жители Польскаго королевства, потому что варшавское правительство, и особенно самъ король, окончательно ослабѣвшій отъ лѣтъ и отъ невзгодъ постоянно преслѣдовавшихъ его, вовсе не были расположены рисковать послѣднимъ призракомъ Польши.

По этому усилія людей, стремившихся вызвать между Поляками новое движеніе, должны были получить и получили характеръ заговора и мятежа. Въ Варшавѣ и Краковѣ образовались кружки заговорщиковъ; агенты ихъ тайно пробирались въ области отошедшія къ Пруссіи и Россіи, въ Вильну и вообще въ Литву и тайно же вступали въ сношенія съ людьми, которые имъ сочувствовали; такихъ людей оказалось много; заговоръ распространился быстро. Положено было произвести возстаніе одновременно и повсемѣстно во всѣхъ областяхъ бывшей Рѣчи Посполитой. Но кого сдѣлать руководителемъ этого возстанія? Общій голосъ указывалъ на генерала Косцюшка, обнаружившаго патріо-

тизмъ и военныя дарованія во время кратковременной войны 1792 года. Покинувъ Польшу послѣ приступленія Станислава къ Торговицкой конфедераціи, Косцюшко, равно какъ Коллонтай, И. Потоцкій и другіе вожди партіи реформы, проживалъ въ Саксоніи. Туда явились къ нему съ предложеніями уполномоченные отъ варшавскихъ заговорщиковъ. Косцюшко не отказался руководить возстаніемъ, но требовалъ, чтобы предварительно приготовлены были вѣроятности успѣха.

Между тѣмъ польское правительство приступило къ уменьшенію своей арміи. Это распоряженіе вообще очень неблагосклонно принято было въ арміи. Небольшой отрядъ которымъ командовалъ полковникъ Мадалинскій, рѣшительно отказатъ сдать свое оружіе и разойдтись; русскія войска были высланы, чтобъ его обезоружить, но онъ благополучно избѣгнулъ встрѣчи съ ними и пробрался въ Краковъ. Узнавъ объ этомъ, Косцюшко рѣшился не медлить болѣе, прибылъ въ Краковъ и 13 марта 1794 года обнародовалъ универсалъ о всеобщемъ возстаніи. „Екатерина II, — говорилъ онъ въ этомъ актѣ, устраняя всѣ общепринятыя формы, — вмѣстѣ съ клятвопреступникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II, положили истребить самое имя Польши“. — „Всѣ роды лжи, коварства и измѣны испробованы ихъ правительствами“, продолжалъ Косцюшко и приглашалъ Поляковъ присоединиться къ нему для спасенія родины, „забывъ предразсудки и всякое различіе сословій“.

Послѣднія слова этого универсала характеризуютъ тотъ образъ дѣйствія, которому Косцюшко намѣревался слѣдовать. Понимая, что одно дворянство, хотя бы многочисленное и одушевленное самымъ пылкимъ усердіемъ, не составляетъ еще всей націи и что безъ участія народной массы возстаніе невозможно, онъ озаботился

прежде всего привлечь на свою сторону крестьянское сословіе. Это удалось ему до нѣкоторой степени. Малочисленные его баталіоны были усилены толпами крестьянъ, вооруженныхъ отчасти ружьями, а болѣе пиками и косами; но зато рыцарство не безъ недовѣрчивости отнеслось къ этому вождю-демократу, и возстаніе 1794 года получило съ перваго же раза характеръ совершенно отличный отъ конфедерацій прежняго времени, въ которыхъ участвовало одно дворянство. Выигравъ съ одной стороны, Косцюшко потерялъ съ другой.

Какъ только универсалъ главы возстанія былъ полученъ въ Варшавѣ, начальникъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, баронъ Игельштромъ, и посланники прусскій и цесарскій протестовали противъ него самымъ энергическимъ образомъ. Король поспѣшилъ издать универсалъ, въ которомъ убѣждалъ своихъ подданныхъ не начинать безполезнаго кровопролитія. Но всякое подобное движеніе въ Польшѣ обнаруживается на первыхъ порахъ съ неудержимою силой. Въ Сендомирѣ, Люблинѣ, въ Литвѣ, въ Великой Польшѣ отошедшей къ Пруссіи, въ Галиціи, на Волыни, отразился толчекъ данный изъ Кракова и быстро составлялись конфедераціи.

Что касается до Варшавы, то присутствіе въ ней слишкомъ 10.000 русскихъ войскъ сдерживало народонаселеніе отъ явнаго возстанія, но броженіе умовъ было въ ней очень сильно; универсалы Косцюшка появились во множествѣ; невидимая рука наклеивала ихъ на стѣны домовъ, разбрасывала въ театрахъ, на рынкахъ. Игельштромъ арестовалъ нѣсколько лицъ, казавшихся ему подозрительными. Но онъ дѣйствовалъ очевидно на удачу: арестованныя имъ лица принадлежали къ высшимъ сословіямъ, между тѣмъ какъ главный очагъ мятежа заключался въ польскихъ войскахъ, квар-

тировавшихъ въ Варшавѣ, въ ремесленномъ кла
массѣ фабричныхъ работниковъ и мелкихъ торг
душою и руководителемъ которыхъ былъ сап
Килинскій. При томъ, когда Игельштромъ предп
нѣкоторыя мѣры противъ заговора, — въ заговор
уже вся Варшава и ждала лишь сигнала къ воз
Этотъ сигналъ былъ поданъ успѣхомъ одержанны
сками Косцюшка надъ небольшимъ русскимъ отр
Пользуясь возбужденіемъ, которое обыкновенно
ходитъ отъ подобныхъ извѣстій, Килинскій пус
тоже время слухъ, что Игельштромъ хочетъ за
народъ въ церквахъ и обезоружить заговорщико
происходило на страстной недѣлѣ: церкви дѣйст
но бывали постоянно наполнены народомъ, а
выдумка Килинскаго казалась вѣроподобною. М
хотятъ одновременно погубить патріотовъ и оскв
святыню, — говорили агенты Килинскаго: посп
же предупредить ихъ!

Шестаго апрѣля, въ великій четвергъ, *) въ
часа утра на одинъ изъ русскихъ карауловъ с
было нападеніе отрядомъ польской конной гвар
тоже время другія польскія войска овладѣли
ломъ и пороховымъ магазиномъ. Заблаговремен
дупрежденныя толпы рабочаго народа кинулись
стрѣлы. „До брони! ратуйте ойчизну", кричал
бросая цѣлыми охапками оружіе, пули и порох
оружась, массы черни кинулись къ домамъ, въ ко
квартировали русскіе офицеры, и къ казармамъ, в
рыхъ расположены были русскія войска; пуска
нями въ окна, осыпали выстрѣлами полусонн

*) Поляки держались *новаго стиля*; по этому у нихъ
тая недѣля.

дагъ. Одинъ русскій батальонъ, находившійся въ церкви для пріобщенія св. тайнъ, былъ окруженъ вооруженною черныю и частію перерѣзанъ, частію, какъ безоружный, забранъ въ плѣнъ. Нападеніе сдѣлано было и на домъ занимаемый самимъ Игельштромомъ; находившійся при этомъ домѣ караулъ едва былъ въ состояніи отбиваться отъ массы напиравшаго на него народа. Сообщенія между главною квартирой и мѣстами расположенія войскъ, равно какъ и между различными частями войскъ, были прерваны. Адъютантовъ, которыхъ посылалъ главнокомандующій, захватывали въ плѣнъ или умерщвляли; роты и баталіоны, когда они успѣвали вырваться изъ осажденныхъ казармъ, безъ начальниковъ, не получая никакихъ распоряженій, бродили на удачу, подъ выстрѣлами, которые сыпались на нихъ изъ домовъ.

Ни король, ни даже, повидимому, его министры ничего не знали о приготовлявшемся въ Варшавѣ мятежѣ. Станиславъ-Августъ былъ разбуженъ первыми выстрѣлами. Онъ посылаетъ за своею гвардіей: но она-то и подала сигналъ къ возстанію; онъ приказываетъ своему караулу изготовиться на всякій случай (не зная еще кому угрожаетъ мятежъ): оказывается, что этотъ караулъ покинулъ свой постъ. Король видитъ себя совершенно беззащитнымъ. Между тѣмъ начали съѣзжаться въ замокъ (дворецъ) министры и городскія власти. Искренно, или съ заднею мыслію, они убѣдили его просить Игельштрома о немедленномъ выступленіи изъ Варшавы, которую говорили они, легче тогда будетъ успокоить. Но русскія войска и безъ того, по чувству самосохраненія, оставляли Варшаву, а она и не думала успокоиваться; напротивъ, по мѣрѣ того какъ баталіоны одинъ за другимъ выступали за городъ, провожавшія ихъ толпы посиѣшали къ дому Игельштрома

и напоръ на него усиливался. Весь день 6 апрѣля, а равно и слѣдующій Игельштромъ отбивался сначала въ своей квартирѣ, а потомъ на одной изъ площадей. Наконецъ убѣдясь, что онъ остался въ Варшавѣ одинъ съ находящимся при немъ карауломъ, онъ рѣшился послѣдовать примѣру прочихъ и, очищая себѣ дорогу картечью и штыками, вышелъ изъ Варшавы.

Варшавскій мятежъ стоилъ жизни множеству русскихъ солдатъ и 160 офицерамъ; кровь ихъ взывала о мщеніи; честь русской арміи требовала громкихъ успѣховъ, чтобъ омыть позоръ бѣгства изъ Варшавы. Но Варшава была къ несчастію не единственнымъ мѣстомъ, гдѣ предательски пролита была русская кровь; варшавскія происшествія повторились въ Вильнѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Командовавшій тамъ русскими войсками генералъ Арсеньевъ, былъ такъ же безпеченъ и неостороженъ какъ и баронъ Игельштромъ, и не принималъ никакихъ мѣръ, хотя броженіе умовъ было уже весьма замѣтно. Литовскій гетманъ гр. Коссаковскій счелъ своимъ долгомъ предостеречь его, но довѣрчивый генералъ смѣялся, вмѣстѣ съ Поляками и Польками, которые нарочно усыпляли его, надъ опасеніями гетмана. Здѣсь, также какъ въ Варшавѣ, нападеніе на русскія войска было сдѣлано ночью. Они были частію перерѣзаны, частію взяты въ плѣнъ, а гетманъ Коссаковскій повѣшенъ за сношенія съ Русскими.

Какъ только Варшава была оставлена русскими войсками, въ ней образовалось временное правительство, подъ названіемъ верховнаго совѣта, однимъ изъ членовъ котораго и, нѣкоторое время, очень вліятельнымъ членомъ былъ Килинскій. Этотъ совѣтъ, тотчасъ по учрежденіи своемъ, заявилъ королю, что намѣренъ ни чѣмъ не нарушать должнаго ему уваженія, но буде

исполнять распоряженія одного лишь главнокомандующаго. Положеніе короля никогда еще не было такъ странно какъ теперь. И Барская конфедерація, и движеніе создавшее конституцію 3 мая, вначалѣ не были имъ одобряемы; но онъ успѣвалъ присоединиться къ нимъ съ соблюденіемъ нѣкоторой благовидности и достоинства. Теперь дѣло заведено было такъ далеко и приняло такой характеръ, что король едва ли могъ къ нему пристроиться, не отказываясь вовсе отъ авторитета королевской власти. Совѣтъ потребовалъ отъ него, чтобъ онъ далъ обѣщаніе не оставлять Варшавы, и независимо отъ того, окружилъ его соглядатаями: опасаясь чтобъ внушенія „измѣнниковъ“ не взяли верхъ надъ его волей, совѣтъ потребовалъ, чтобъ онъ далъ согласіе на арестованіе бискуповъ виленскаго и хелмскаго; когда же Станиславъ отказалъ въ этомъ, то оба бискупа были арестованы городскимъ начальствомъ. Партія Килинскаго не удовлетворилась однакожъ ихъ арестомъ: по ея настоянію эти духовные сановники были повѣшены, равно какъ нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ магнатовъ, между прочими, гетманъ графъ Ожаровскій и сенаторъ князь Четвертинскій.

Эти казни были вызваны извѣстіями о приближеніи къ Варшавѣ прусской арміи. Встревоженная этимъ приближеніемъ, варшавская чернь закричала объ измѣнѣ: чтобъ успокоить ее, нѣсколько человѣкъ вздернуто было на висѣлицу... Впрочемъ опасенія со стороны Пруссіи были преувеличены: при первомъ извѣстіи объ апрѣльскихъ событіяхъ сильная прусская армія двинулась къ Варшавѣ; но такъ какъ въ то же самое время обнаружилось волненіе и въ Прусской Польшѣ, то эта армія, простоявъ нѣсколько дней подъ Варшавой, поворотила назадъ. Это счастливое обстоятельство сообщило новое

одушевленіе варшавской черни и новую силу ея предводителямъ; но скоро должны были наступить дни испытанія твердости и искуству вождей революціи и энтузіазму Польши, о которомъ такъ много говорилось.

Генералъ Игельштромъ, тотчасъ же по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о случившемся въ Варшаѣ, былъ отозванъ, съ приказаніемъ удалиться въ свои имѣнія, а командованіе бывшимъ варшавскимъ отрядомъ возложено на генерала Ферзена. Новый начальникъ поспѣшилъ примкнуть къ Пруссакамъ, очень хорошо понимая опасность, которой онъ подвергался въ виду всѣхъ польскихъ силъ. Косцюшко погнался за нимъ, но не успѣлъ предупредить его соединенія съ прусскою арміей и потерпѣлъ самъ чувствительное пораженіе. Вскорѣ за тѣмъ получено было въ Варшавѣ извѣстіе о занятіи Пруссаками Кракова. Неудачи, такъ скоро послѣдовавшія за первыми успѣхами, а еще болѣе незамедлившая обнаружившаяся разнузданность варшавской черни, окончательно охладили къ революціи высшее польское дворянство, — а дворянство, и особенно высшее дворянство очень много значило въ Польшѣ: аристократическое начало развивалось въ ней вѣками и конституція 3 мая, написанная, такъ сказать, съ чужаго голоса, выдвинутая больше шумною чѣмъ сильною партіей, не могла измѣнить въ три года общественнаго строя цѣлой страны. Весьма многіе изъ польскихъ магнатовъ Украйны, Волыни и Бѣлоруссіи, каковы нѣкоторые изъ Потоцкихъ и Радзивилловъ, Ржевускіе, Грохольскіе, Сангушки, Четвертинскіе, — не только устранились отъ содѣйствія Косцюшку и Коллонтаю, но просили защиты у русскихъ войскъ и снабжали ихъ безденежно фуражемъ и провіантомъ; крестьяне областей отошедшихъ отъ Польши къ Россіи, тоже не при-

нимали ни малѣйшаго участія въ революціи, а потому возстаніе въ нихъ питалось единственно среднею и мелкою шляхтой, сельскимъ духовенствомъ и отчасти горожанами. Оно имѣло болѣе серіозный характеръ лишь въ воеводствахъ населенныхъ собственно Поляками и въ Литвѣ. По этому, какъ скоро опытная и твердая рука взялась за дѣло успокоенія волненій въ западномъ краѣ, они скоро прекратились. Это дѣло было возложено на князя Репнина; временно ему подчиненъ былъ весь присоединенный отъ Польши край. Собравъ въ важнѣйшихъ пунктахъ этого края находившіяся тамъ войска, онъ безъ труда нанесъ повстанцамъ нѣсколько пораженій въ первой половинѣ лѣта; 31 іюля сдалась Вильна.

Но, разумѣется, положеніе дѣлъ въ западномъ краѣ не могло почитаться упроченнымъ, пока мятежъ не былъ подавленъ въ Варшавѣ. Это предстояло совершить Суворову. Еще въ первый разъ ему представлялся случай дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, потому что, хотя главное начальство надъ всѣми дѣйствующими войсками возложено было на Румянцева, престарѣлый фельдмаршалъ оставался въ Кіевѣ во все время кампаніи. Суворовъ имѣлъ слѣдовательно возможность развернуть теперь весь свой военный геній и показать на самомъ дѣлѣ превосходство усвоеннаго имъ образа дѣйствій. Онъ прискакалъ въ исходѣ августа къ пункту, гдѣ были собраны подчиненныя ему войска (въ южной части нынѣшней Гродненской губерніи), и тотчасъ же отдалъ приказаніе готовиться къ походу. „Поставивъ себѣ цѣлію вторгнуться въ Польшу,—говоритъ одинъ французскій военный писатель, — Суворовъ долженъ былъ изумить своего противника и привести его въ смущеніе. Онъ не даетъ ему времени сообразить,

какое преимущество представляетъ Полякамъ отступленіе Пруссаковъ отъ Варшавы; онъ оставляетъ его въ сомнѣніи относительно численности двинутой противъ него арміи; не дозволяетъ ему отдѣлять отъ себя отряды и занимать позиціи и дабы препятствовать соединенію различныхъ частей русскихъ войскъ, и тѣмъ самымъ облегчаетъ это соединеніе". Вторгнуться въ страну, объятую, какъ увѣряли, всеобщимъ, поголовнымъ возстаніемъ, разбить регулярныя войска среди вооруженнаго народонаселенія, овладѣть Варшавой до наступленія глубокой осени, — таковъ былъ смѣлый планъ Суворова. „Надо признаться,—замѣчаетъ тотъ же французскій авторъ,—что составить и привести въ исполненіе такой планъ могъ только Суворовъ, — это чудное соединенія силы соображенія съ силою воли. Обыкновенный генералъ, который не былъ бы вполнѣ увѣренъ въ себѣ и въ своемъ вліяніи на солдатъ, далъ бы на его мѣстѣ возможность окружить себя; можетъ быть онъ одержалъ бы нѣсколько побѣдъ, но эти побѣды истощили бы его... Изучая образъ дѣйствія необыкновенныхъ людей, — заключаетъ нашъ авторъ, — нужно очень обдумывать преподаваемыя ими примѣры; нерѣдко эти люди составляютъ планы, которые одни они только и могутъ выполнить. Скажемъ болѣе: военачальникъ столь же искусный и опытный какъ Суворовъ, но не одаренный его рѣшимостью и его неодолимой настойчивостью, которая въ продолженіе пятидесяти лѣтъ ни передъ чѣмъ не останавливалась, но возрастала съ препятствіями,— военачальникъ, которому небо не отказало въ военныхъ дарованіяхъ, но которому оно не дало соотвѣтственнаго могущества воли, — такой военачальникъ непремѣнно испыталъ бы неудачу".

Въ первыхъ числахъ сентября Суворовъ ударилъ близъ Бобрина на корпусъ польскаго генерала Сѣраковскаго и нанесъ ему пораженіе. Сѣраковскій отступилъ, чтобъ перейти на новую позицію; но Суворовъ кинулся за нимъ, насѣлъ на него, вцѣпился въ него, снова поразилъ его у Крупчицы 6 сент., потомъ у Бреста 8 сент. и только тогда отъ него отсталъ. [illegible] корпусъ Сѣраковскаго исчезъ. Немедля ни минуты, онъ продолжалъ свое движеніе къ Варшавѣ. Тѣмъ временемъ тамъ господствовала [illegible] анархія. Чернь [illegible] Килинскимъ и [illegible] свое господство угрозами и насиліемъ. Килинскій, устрашенный все возраставшей необузданностью черни, хотѣлъ сдерживать ея порывы, но потерялъ только свое вліяніе на нее. Господствующее положеніе въ Варшавѣ получилъ Колонтай, который не стыдился никакихъ злодѣйствъ. [illegible] съ [illegible] народныя раздраженія. Онъ [illegible] и заставлялъ музыку играть патріотическія пѣсни, [illegible] и другія средства [illegible] для своихъ цѣлей. Костюшко же [illegible] такого образа дѣйствій, способнаго [illegible] руководимые имъ [illegible] въ Варшавѣ Колонтай имѣлъ болѣе власти, чѣмъ главнокомандующій, который [illegible] только по имени.

Послѣ того, какъ прусская армія отступила отъ Варшавы, Ферзенъ отдѣлился отъ нея и началъ маневрировать, чтобы соединиться съ Суворовымъ. Это была очень не легкая задача въ виду главныхъ силъ непріятеля въ [illegible] человѣкъ. Костюшко [illegible] воспользоваться, чтобъ захватить и уничтожить Ферзена при переправѣ черезъ Вислу и

для этого онъ приказалъ стягиваться къ селенію Мацѣіовицамъ разнымъ подчиненнымъ ему отрядимъ. Но подобное распоряженіе могло быть успѣшно исполнено лишь хорошо дисциплинированною арміей. Отряды, которыхъ ожидалъ Косцюшко, не пришли; онъ очутился передъ Ферзеномъ одинъ, съ отрядомъ не превосходящимъ численностью Русскихъ; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился вступить въ бой и смѣло ударилъ на Ферзена 29 сент.). Но его косинеры (крестьяне вооруженные косами), не выдержали огня русской артиллеріи; они начали колебаться и наконецъ побѣжали. Около половины польскаго отряда погибло; много вождей революціи и самъ главнокомандующій взяты были въ плѣнъ.

Пораженіе Косцюшка и его плѣненіе смутили Варшаву и всю Польшу. Верховный совѣтъ поспѣшилъ изгладить это впечатлѣніе пламеннымъ воззваніемъ и назначеніемъ генерала Вавржецкаго въ званіе главнокомандующаго. Этотъ генералъ не считалъ возможнымъ дѣйствовать въ полѣ съ польскими войсками, а потому рѣшено было обнести укрѣпленіями варшавское предмѣстіе Прагу, находящееся на правой сторонѣ Вислы, откуда должно было ожидать нападенія Русскихъ. Работы закипѣли; одушевляемыя Коллонтаемъ толпы рыли рвы и возводили насыпи день и ночь. Но Суворовъ былъ уже не далеко: 14 октября онъ соединился съ Ферзеномъ, а 22 былъ въ виду Варшавы.

Прагскія укрѣпленія вмѣщали до 30.000 вооруженныхъ всякаго рода людей, при 100 слишкомъ орудіяхъ; Суворовъ имѣлъ не болѣе 20.000 человѣкъ подъ ружьемъ; но эти люди были опытные боевые солдаты, полные вѣры въ непобѣдимость своего начальника и одушевленные цѣлымъ рядомъ успѣховъ; 24 октября до разсвѣта онъ повелъ свои войска на прагскія укрѣ-

ленія. Бой былъ жестокій и продолжался до вечера; съ обѣихъ сторонъ бились съ остервенѣніемъ. Около половины людей оборонявшихъ Прагу были перебиты. „До самаго берега Вислы, — пишетъ одинъ изъ участниковъ прагскаго штурма, — на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ убитыхъ и умирающихъ воиновъ, жителей, жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ". „При видѣ всего того, — замѣчаетъ очевидецъ, — сердце человѣка замираетъ, а взоры мерзятся таковымъ позорищемъ. Но во время сраженія человѣкъ не только не приходитъ въ сожалѣніе, но остервеняется".

Къ вечеру Прага была занята Русскими до самой Вислы. Побѣда Суворова была совершенная и несомнѣнная. Невзирая однакожъ на эту побѣду, положеніе его, съ малочисленною арміей среди взволнованнаго края, могло сдѣлаться крайне затруднительнымъ. Варшава была отдѣлена отъ него широкой рѣкою; приближалась глубокая осень съ ея непроходимою грязью и стужей. Но съ возвышеннаго берега, на которомъ находится Варшава, ясно было видно страшное зрѣлище штурма Праги; впечатлѣнія передавались въ настоящемъ случаѣ уже не при посредствѣ прокламацій составленныхъ Коллонтаемъ; массы народа сами слышали эти выстрѣлы, сами видѣли эти колонны, врывавшіяся неудержимымъ потокомъ внутрь укрѣпленій; вся Варшава видѣла непрерывный рядъ повозокъ, перевозившихъ въ продолженіе цѣлаго дня изъ-за рѣки раненыхъ и изувѣченныхъ людей, — и этого впечатлѣнія ничѣмъ нельзя было ни изгладить, ни ослабить. Такъ долго возбуждаемая нравственная сила варшавскаго народонаселенія мгновенно упала и никакія усилія уже не могли возбудить ее. Поэтому, едва прекратился бой въ Прагѣ, къ Суво-

рову явилась депутація изъ Варшавы съ мирными предложеніями. Я не дипломатъ, отвѣчалъ Суворовъ, и переговоровъ вести не умѣю; требую чтобъ меня впустили въ Варшаву и обѣщаю, что жизнь и имущество частныхъ людей останутся неприкосновенными. Народъ принялъ съ восхищеніемъ извѣстіе о готовности побѣдителя прекратить кровопролитіе: руководители мятежа поспѣшили удалиться за границу и русскія войска, съ музыкой и развѣвающимися знаменами, перешли мостъ соединяющій Прагу съ Варшавой. Безчисленныя толпы, кричали, пишетъ очевидецъ: „Виватъ Екатерина! виватъ Суворовъ"!

Послѣ покоренія Варшавы между правительствами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ начались сношенія относительно будущаго Польши: политическое существованіе ея должно было прекратиться. Сѣверозападныя воеводства предположено было отдѣлить Пруссіи, а юго-западныя — Австріи; границею между этими государствами должны были служить р. Пилица до впаденія ея въ Вислу, потомъ Висла и Бугъ до Бреста, у котораго соприкасались границы всѣхъ трехъ союзныхъ державъ. Теченіе Буга къ югу отъ Бреста было признано границей между Россіей и Австріей, а къ сѣверу отъ этого города, для означенія русско-прусской границы, проведена была черта отъ Бреста къ Гродну, за которымъ Нѣманъ отдѣлялъ владѣнія Россіи отъ владѣній Пруссіи. Формальный актъ о третьемъ окончательномъ раздѣлѣ Польши былъ подписанъ союзниками 13 октября 1795 года. Что касается до Станислава-Августа, то онъ въ январѣ (1795 г.) оставилъ Варшаву и, по предложенію Императрицы, переѣхалъ въ Гродно; тамъ 14 ноября онъ подписалъ отреченіе отъ престола и, принявъ пенсію отъ русскаго правительства, провелъ остальные дни своей

жизни въ Петербургѣ. Судьбы нѣкогда обширнаго и славнаго государства совершились: оно было стерто съ карты Европы.

Предположивъ произвести окончательный раздѣлъ Польши, необходимо было принять во вниманіе особыя къ ней отношенія герцогства курляндскаго. Могъ ли король Польскій передать другому государю права, которыя онъ имѣлъ на герцога курляндскаго? Политическія соображенія допускали ль образовать изъ этого герцогства особое независимое владѣніе? Вотъ важные вопросы, которые необходимо было разрѣшить въ связи съ судьбою Рѣчи Посполитой. Что касается до признанія Курляндіи независимымъ государствомъ, то такое рѣшеніе противорѣчило интересамъ Россіи. Курляндія находилась въ столь близкихъ историческихъ, географическихъ и племенныхъ отношеніяхъ съ Лифляндіей и Эстляндіей, что должно было, казалось, случиться одно изъ двухъ: или чтобъ Курляндія примкнула къ русскимъ Прибалтійскимъ губерніямъ, или чтобъ эти послѣднія примкнули къ Курляндіи. Весьма вѣроятно, что точно такое же взаимное стремленіе обнаружилось бы между ними и въ томъ случаѣ, еслибъ Курляндія присоединилась къ Пруссіи, странѣ единоплеменной остзейскому дворянству, и въ обоихъ этихъ случаяхъ Россія могла бы потерять балтійское прибрежье, котораго она домогалась въ продолженіе двухъ вѣковъ.

Итакъ съ разрѣшеніемъ курляндскаго вопроса должны были разрѣшиться чрезвычайно важные для Россіи интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно было получить исходъ и соперничество, бывшее изъ-за этой области между петербургскимъ и берлинскимъ дворами въ продолженіе всего XVIII вѣка. Оба эти двора заботливо поддерживали самостоятельность Курляндіи противъ притязаній Поль-

ши (Цар. Екатер. I, Цар. Анн. гл, IV и Вып. V, гл. I) и оба имѣли тамъ сильныя партіи. Можетъ быть, по чувству одноплеменности, курляндское рыцарство питало болѣе сочувствія къ Пруссіи; но тѣсныя его связи съ русскимъ дворомъ, образовавшіяся въ царствованіе Анны Іоанновны и громадное вліяніе, которое пріобрѣла Россія на рѣшенія польскаго правительства, а слѣдовательно и на судьбу Курляндіи, были причиной, что партія преданная Россіи, во главѣ которой стоялъ ловкій и вліятельный человѣкъ, баронъ Говенъ, была тамъ чрезвычайно сильна и многочисленна.

Герцогомъ курляндскимъ былъ въ это время старшій сынъ Эрнста Бирона, Петръ. Подобно большей части своихъ предшественниковъ на митавскомъ престолѣ, онъ имѣлъ постоянныя препиранія съ рыцарствомъ. Если не изъ властолюбивыхъ побужденій, то изъ желанія распоряжаться безконтрольно доходами герцогства и удѣльными имѣніями, онъ старался принудить ландтаги къ покорности и молчанію, но не успѣвалъ въ этомъ и лишь раздражалъ ихъ и подавалъ недовольнымъ право указывать на невыгоды власти слабой, мелочной и своекорыстной, свойственной вообще владѣтелямъ маленькихъ государствъ. При томъ у Петра не было сыновей и со смертію его должна была прекратиться герцогская династія, а этой смерти можно было ожидать въ непродолжительномъ времени, потому что герцогъ былъ старъ. Это обстоятельство не могло не озабочивать Курляндцевъ; оно повергало въ смущеніе тѣхъ, которые желали бы продлить полу-независимое существованіе герцогства и усиливало вліяніе Говена и русской партіи. Послѣднія событія были для насъ чрезвычайно благопріятны. Конституція 3 мая возбудила между курляндскимъ рыцарствомъ всеобщее неодобреніе, а на-

противъ того, положеніе которое приняло относительно ея русское правительство, увеличило число русскихъ партизановъ; когда же обнаружилось последнее революціонное движеніе въ Польшѣ и нѣсколько партій повстанцевъ вторгнулось въ Курляндію, въ надеждѣ увлечь ее за собою, то мѣстное дворянство прибѣгло подъ защиту русскихъ войскъ.

Въ ноябрѣ 1794 года, когда получено было извѣстіе о занятіи Варшавы Суворовымъ и объ окончаніи безпокойствъ въ Польшѣ, въ Митавѣ былъ собранъ ландтагъ, на которомъ между прочимъ постановлено было выразить Русской Императрицѣ благодарность за огражденіе спокойствія и безопасности въ герцогствѣ. На этомъ же ландтагѣ подано было заявленіе со стороны 32 депутатовъ о созваніи новаго ландтага для обсужденія вопроса о дальнѣйшей будущности Курляндіи. Это заявленіе не могло быть пріятно герцогу и такъ какъ оно оставлено было безъ послѣдствій, то партія преданная Россіи заявила, что она намѣревается послать въ Петербургъ депутацію, просить Императрицу о принятіи страны подъ свое покровительство. Ландтагъ былъ назначенъ и открылся въ мартѣ 1795 года. Предвидя его рѣшеніе, герцогъ не желалъ на немъ присутствовать и отправился въ Петербургъ, чтобъ устроить возможно-лучшимъ образомъ свои личныя дѣла.

При открытіи этого ландтага, русскій резидентъ въ Митавѣ заявилъ, что ему извѣстно желаніе значительной части рыцарства, принять русское подданство, и выразилъ надежду, что это желаніе, для пользы страны, будетъ одобрено собраніемъ. Дѣйствительно, программа Говена была принята огромнымъ большинствомъ и 18 марта составленъ былъ актъ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что герцогство, вступая въ вассальное под-

данство Польши, имѣло въ виду тогдашнее цвѣтущее положеніе этого государства; но,—заявлялъ ландтагъ,—надежды коими руковоридились наши предки, обманули ихъ; Польша постоянно стремилась нарушать наши права, защитниками же оныхъ были преимущественно русскіе государи, да и въ настоящее время только защитѣ Россійской Императрицы обязаны мы тѣмъ, что не сдѣлались жертвою послѣдняго польскаго мятежа. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, ландтагъ торжественно заявлялъ, что всякая связь съ Рѣчью Посполитою почитается отнынѣ прекращенною и обязательныя отношенія не существующими; вмѣстѣ съ тѣмъ, — писалъ ландтагъ, — „отрицаемся мы за себя и потомковъ нашихъ отъ состоявшей понынѣ ленной системы и происходящаго изъ оной посредственнаго управленія (mittelbaren Regierung) и потому безпосредственно повергаемся ея императорскому величеству Всероссійской и ея скипетру, и съ такимъ же благоговѣніемъ какъ и упованіемъ, предоставляемъ и совершенно предаемъ на волю ея императорскаго величества точнѣйшее опредѣленіе нашей будущей участи".

Съ этимъ важнымъ актомъ, который былъ подписанъ почти всѣми представителями курляндскаго рыцарства отправилась въ Петербургъ депутація предводимая барономъ Говеномъ. Она конечно не сомнѣвалось въ благосклонномъ пріемѣ со стороны Императрицы, но положеніе, которое приметъ герцогъ, озабочивало ее. Это затрудненіе было однакожь устранено ко времени прибытія депутаціи: торжественнымъ актомъ отъ 17 марта герцогъ отрекался отъ своего престола и разрѣшалъ своихъ подданныхъ отъ принесенной ему присяги, а собственность принадлежащую ему въ Курляндіи, уступалъ казнѣ за извѣстную сумму, сверхъ кой вытов

рилъ себѣ пожизненную пенсію. Тогда курляндская депутація, совершенно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, потребовала у Императрицы торжественной аудіенціи и, — какъ говорили въ старину, — ударила ей челомъ курляндскимъ герцогствомъ. Графъ Остерманъ отъ имени Государыни отвѣчалъ на это, что ея величество соизволяетъ на желаніе рыцарства и что права и преимущества, которыми пользуются разныя сословія Россіи, будутъ распространены и на соотвѣтствующія сословія вновь присоединяемой области, что существующія въ Россіи учрежденія будутъ приспособлены къ особымъ ея условіямъ и что за тѣмъ собственности каждаго и религіознымъ вѣрованіямъ оказано будетъ полное уваженіе.

Въ то время какъ вопросы такой важности разрѣшались на западныхъ окраинахъ Россіи, на совершенно противоположномъ концѣ ея возникали другіе вопросы не менѣе существенные, хотя и производившіе менѣе шума въ Европѣ. Положеніе, которое принялъ относительно Россіи царь Ираклій, было какъ бы попыткой доставить Грузіи болѣе выгодныя условія существованія, но попыткой, которая еще не разрѣшала задачи окончательно. Не легко было Россіи оказывать дѣйствительную защиту и покровительство странѣ, отдѣленной отъ нея хребтомъ горъ, совершенно непроходимыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году и населенныхъ племенами, которые недружелюбно смотрѣли на движенія русскихъ войскъ между Терекомъ и Тифлисомъ. А положеніе дѣлъ за Кавказомъ было таково, что Ираклію нужна была серіозная помощь.

На персидскомъ престолѣ, съ самаго начала XVIII вѣка переходившемъ отъ одного похитителя къ другому, утвердился Ага-Магометъ-ханъ, — одинъ изъ тѣхъ

азіатскихъдеспотовъ, которые владѣютъ тайной гальванизировать растлѣнныя племена Востока и сообщать имъ минутную, но страшную силу. Подчинивъ себѣ персидское государство, онъ вознамѣрился утвердить свое господство и надъ тѣми землями, которыя нѣкогда признавали надъ собою власть Персіи, но мало-по малу отъ нея освободились: таковы были владѣнія находившіяся къ востоку отъ Ахалцыха и Грузіи, по низовью Куры и вообще на западномъ прибрежьи Каспійскаго моря. Ага-Магометъ-ханъ простиралъ виды свои и на Грузію, которая неоднократно признавала надъ собою власть персидскихъ шаховъ. Предвидя грозу, нѣкоторые изъ мелкихъ владѣтелей восточнаго Закавказья и Кавказа, а также и царь Ираклій, обратились за помощью къ Россіи. Но по причинѣ ли безпокойствъ на западныхъ границахъ Россіи или потому, что гроза со стороны Персіи не казалась еще близкою, не только мусульманскимъ владѣтелямъ, но и самому Ираклію не было прислано помощи, а Магометъ-ханъ, овладѣвъ въ короткое время нѣсколькими ханствами по ту сторону Аракса и Куры, явился (въ сентябрѣ 1795 г.) передъ Тифлисомъ. Престарѣлый Ираклій сразился съ нимъ, былъ разбитъ и едва избѣгнулъ смерти или плѣна. Побѣдители овладѣли столицею Грузіи, разорили ее до основанія и предали всю эту страну огню и мечу. Народъ въ ужасѣ бѣжалъ въ горы или укрывался въ лѣсахъ, избѣгая попасть на глаза Персіянамъ, но за всѣмъ тѣмъ эти послѣдніе увели изъ Грузіи болѣе 10.000 плѣнныхъ.

Оставивъ опустошенную Грузію, Ага-Магометъ прислалъ спросить Ираклія, надѣется ли онъ еще на помощь Россіи и желаетъ ли оставаться подъ ея покровительствомъ? Вѣра въ Россію не покинула однакожь стараго ея союзника; онъ остался вѣренъ своимъ обязательст-

вамъ. возлагая нѣкоторымъ образомъ на честь и совѣсть Екатерины оказать ему и народу его защиту. Но чтобъ эта защита могла быть оказана во всякое время, необходимо было установить непосредственную связь съ Грузіей. Горный путь былъ неудобенъ для этой цѣли: удобнѣе казалось возвратиться къ мысли Петра I и установить непосредственную связь съ Грузіей. утвердивъ господство Россіи надъ мелкими владѣніями Каспійскаго прибрежья, гдѣ мѣстность несравненно менѣе гориста, гдѣ многіе владѣльцы заискивали покровительства Россіи и гдѣ, въ случаѣ войны, представлялась возможность поддерживать дѣйствія сухопутныхъ войскъ флотиліей. Эту мысль обдумывалъ и Потемкинъ: къ ней возвратилась теперь Екатерина.

Руководить этимъ важнымъ дѣломъ поручено было одному изъ братьевъ императрицына фаворита, Валеріану Зубову, — 25-ти лѣтнему красавцу, не задолго передъ тѣмъ лишившемуся ноги въ Польшѣ и выказавшему блестящую храбрость какъ противъ Турокъ, такъ и противъ Поляковъ. Весною 1796 года до 30000 войска переправилось черезъ Терекъ у Кизляра и вступило въ пустынную степь, которая тянется между Каспійскимъ моремъ и Кавказскимъ хребтомъ. Владѣтель тарковскій, — ближайшій сосѣдъ Россіи, — встрѣтилъ Зубова какъ союзника, но ханъ дербентскій. призвавъ на помощь нѣкоторыхъ другихъ горскихъ владѣтелей, далъ ему отпоръ. Это однако не остановило молодаго главнокомандующаго, который въ первыхъ числахъ мая приступилъ къ Дербенту и овладѣлъ передовыми укрѣпленіями этого города. Это заставило хана прекратить дальнѣйшее сопротивленіе; Зубовъ принялъ ключи Дербента отъ того самаго,—теперь старика,—который въ 1722 году подносилъ ихъ Петру I. Между тѣмъ не-

большая эскадра, отданная въ распоряженіе главнокомандующаго, приблизилась къ Баку и ханъ бакинскій призналъ надъ собою власть Россіи безъ всякаго сопротивленія; точно также поступили ханы Кубы и Ганджи (Елисаветполя). Еще нѣсколько подобныхъ успѣховъ — и Зубовъ вошелъ бы въ непосредственныя сношенія съ Иракліемъ; но кончина Императрицы пріостановила эту вторичную попытку Россіи утвердиться на Кавказѣ.

XXV.

Предположенія о брачномъ союзѣ между королемъ Шведскимъ и в. к. Александрой Павловною. — Переговоры о томъ и неожиданный ихъ разрывъ.— Кончина Екатерины (6 нояб. 1769 г.).— Похоронная процессія.— Впечатлѣніе произведенное кончиной Екатерины. — Заключеніе.

Ненадежный союзникъ Екатерины и постоянный, хоть иногда тайный врагъ ея, Густавъ III, началъ, въ девяностыхъ годахъ, искренно сближаться съ нею. Это произошло, подобно большей части значительныхъ политическихъ явленій той эпохи, подъ вліяніемъ всеобщей непріязни правительствъ Европы къ французской революціи. Берлинскій и лондонскій дворы, желая привлечь Швецію къ союзу противъ французскаго революціоннаго правительства, приняли на себя посредничество между Екатериной и Густавомъ, и старанія ихъ увѣнчались такимъ успѣхомъ, что между двумя сѣверными дворами открыты были даже секретныя сношенія о брачномъ союзѣ кронъ - принца съ великой княжною Александрой Павловною. Но во время этихъ переговоровъ король былъ умерщвленъ однимъ изъ своихъ подданныхъ (1792 г.). Кронъ - принцъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Густава IV Адольфа; а такъ какъ онъ в

имѣлъ еще полнаго совершеннолѣтія, то регентомъ королевства назначенъ былъ его дядя герцогъ зюдерманландскій, тотъ самый, который командовалъ шведскими эскадрами во время послѣдней войны.

Онъ былъ еще при жизни покойнаго короля главою партіи непріязненной Россіи и сопротивлялся сколько могъ сближенію съ этою державой, а сдѣлавшись регентомъ, поспѣшилъ устранить тѣхъ, которые содѣйствовали этому сближенію и началъ пріискивать для молодого короля другую невѣсту. Но партія желавшая дружбы съ Россіей была сильна въ Швеціи; она обнаружила не только сильную оппозицію противъ регента, но даже составила предположеніе устранить его отъ управленія государствомъ. Главнымъ дѣйствователемъ въ этомъ былъ любимецъ покойнаго короля графъ Армфельдъ. Но за дѣйствіями его слѣдили; было обнаружено, что онъ находился въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ приближенныхъ Екатерины, а это произвело окончательное охлажденіе между дворами стокгольмскимъ и петербургскимъ. Но такое положеніе дѣлъ разстроивало планы коалиціи противъ Франціи, а потому британское правительство употребило величайшія старанія, чтобъ снова сблизить между собой сѣверные дворы и эти старанія были такъ успѣшны, что герцогъ согласился возобновить рѣчь о бракосочетаніи молодого короля съ русскою великой княжною и, въ августѣ 1796 года, пріѣхалъ, вмѣстѣ съ Густавомъ-Адольфомъ, въ Петербургъ. Высокіе гости были приняты съ большимъ почетомъ; графъ Остерманъ и Безбородко давали въ честь ихъ великолѣпные праздники, а между тѣмъ князь Зубовъ велъ съ министрами шведскими переговоры о предполагаемомъ бракѣ. Дѣло приближалось, повидимому, къ желаемому окончанію; молодые люди нравились одинъ

другому; съ шведской стороны настаивали на томъ, чтобъ великая княжна приняла лютеранское исповѣданіе, но и это затрудненіе было, казалось, устранено. Торжественный сговоръ назначенъ былъ на 10 сентября и весь дворъ собрался для присутствованія при этомъ торжествѣ. Но къ удивленію, ни король, ни его дядя не явились въ назначенный часъ; когда же встревоженная Императрица послала узнать о причинѣ ихъ отсутствія, то получила отвѣтъ, что вопросъ о вѣроисповѣданіи великой княжны дѣлаетъ невозможнымъ предположенный бракъ.

Истинныя причины этого страннаго разрыва еще не вполнѣ извѣстны; ихъ должно искать или въ простомъ недоразумѣніи со стороны Зубова, который, слишкомъ понадѣялся на уступчивость Шведовъ и не заручился положительнымъ съ ихъ стороны обѣщаніемъ, или въ интригѣ тѣхъ Шведовъ, которые не желали сближенія съ Россіей; но такъ или иначе, этотъ громкій разрывъ, оскорбительный въ своей формѣ, не могъ не поразить Императрицу самымъ чувствительнымъ образомъ. Онъ и дѣйствительно поразилъ ее, и какъ свидѣтельствуютъ современники, былъ причиной ея кончины.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ послѣ 10 сентября. Екатерина казалась совершенно здоровою и еще наканунѣ памятнаго для Россіи дня 6 ноября, встала въ обыкновенный часъ, одѣлась, пила кофей и за тѣмъ отправилась въ свой гардеробъ, гдѣ обыкновенно проводила не болѣе 10 минутъ. Но въ этотъ день она не выходила оттуда болѣе получаса. Прислуга вообразила что она, какъ иногда случалось, прошла въ зимній садъ; но ея старый камердинеръ Зотовъ замѣтилъ, что легкая шуба, которую она въ такомъ случаѣ накидывала, находится на мѣстѣ. Подошли къ гардеробу: дверь заперта. Зотовъ попро-

бовалъ отворить ее и почувствовалъ сопротивленіе; тогда онъ сдѣлалъ усиліе и увидѣлъ, что Императрица лежитъ на полу, упираясь въ дверь своимъ тѣломъ. Она хрипѣла; глаза ея были закрыты и багровый румянецъ покрывалъ все лицо ея. Это были несомнѣнные признаки апоплексическаго удара. Государыню тотчасъ перенесли въ опочивальню; послали за докторами и за Зубовымъ. Этотъ послѣдній не дозволилъ пустить ей кровь до прибытія лейбъ-медика Рожерсона; но пока этотъ врачъ пріѣхалъ, протекло около часа; кровь пошла, но собравшіеся медики единогласно признали, что ударъ смертельный. Тогда одинъ изъ братьевъ Зубова поскакалъ въ Гатчину, гдѣ жилъ в. кн. Павелъ и сообщилъ ему о случившемся. Наслѣдникъ съ супругою пріѣхали въ Петербургъ въ тотъ же вечеръ. На слѣдующее утро Императрица была пріобщена св. таинъ, но крѣпкая ея натура еще до вечера боролась со смертію. „Въ 9 часовъ вечера,—пишетъ одинъ изъ приближенныхъ наслѣдника, графъ Ростопчинъ, — Рожерсонъ войдя въ кабинетъ, въ коемъ сидѣли наслѣдникъ и супруга его, объявилъ, что Императрица кончается. Тотчасъ приказано было войдти въ спальную комнату великимъ князьямъ, княгинямъ и княжнамъ, Александрѣ и Еленѣ, съ коими вошла и статсъ-дама Ливенъ, а за нею князь Зубовъ, гр. Остерманъ, Безбородко и Самойловъ. Сія минута до сихъ поръ и до конца жизни моей пребудетъ въ моей памяти незабвенною. По правую сторону Императрицы стояли наслѣдникъ, супруга и ихъ дѣти: у головы призванные въ комнату Плещеевъ *) и я; по лѣвую сторону доктора, лѣкаря и вся услуга Екатерины. Дыханіе ея сдѣлалось трудно и рѣдко: кровь то бросалась въ голову и пе-

*) Одинъ изъ любимцевъ Павла.

ремѣняла совсѣмъ черты лица, то опускалась внизъ и возвращала ему естественный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, взгляды всѣхъ, устремленные на единый важный предметъ, отдаленіе на сію минуту отъ всего земнаго, слабый свѣтъ въ комнатѣ,—все сіе обнимало ужасомъ, возвѣщало скорое пришествіе смерти. Ударила первая четверть одиннадцатаго часа: Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и, на ряду съ прочими, предстала предъ судъ Всевышняго".

Итакъ послѣ 34 лѣтняго громкаго царствованія, 6 ноября 1796 года для Екатерины наступило потомство. Приговоръ надъ нею исторіи еще не произнесенъ: для этого приговора едва начали собирать нужные матеріалы. Но общественное мнѣніе, пораженное какимъ-нибудь крупнымъ событіемъ, не ожидаетъ позднихъ рѣшеній исторіи и высказывается подъ вліяніемъ произведеннаго на него впечатлѣнія: какъ же высказалось оно по случаю кончины Екатерины?

Прежде чѣмъ отвѣтимъ на этотъ вопросъ, намъ надо обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, долженствовавшія обнаружить сильное вліяніе на общественное мнѣніе.

Покойный Императоръ Петръ III не былъ коронованъ, а потому прахъ его былъ преданъ землѣ не въ императорской усыпальницѣ (въ церкви Петербургской крѣпости), но въ Александро-невской лаврѣ. Вступивъ на престолъ, Павелъ тотчасъ же приказалъ извлечь изъ могилы прахъ отца своего и выставить рядомъ съ прахомъ Екатерины. Такимъ образомъ, толпы людей приходившихъ для послѣдняго поклоненія покойной Императрицѣ, не безъ удивленія видѣли два гроба вмѣсто одного. Затѣмъ, въ назначенный день, и тотъ и другой были препровождены съ подобающимъ торжествомъ въ крѣпостной с

боръ и преданы землѣ рядомъ. Повидимому, Императоръ Павелъ былъ руководимъ при этомъ естественнымъ желаніемъ воздать честь своему отцу, находя несправедливымъ исключеніе его изъ исторической усыпальницы царствующей династіи. Эта мысль выражена въ стихотвореніи, которое было напечатано въ современныхъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ и начиналось такимъ образомъ:

Два гроба и сердца, судьбою разлученны,
Соединяетъ сынъ, примѣрный изъ царей.

Но современники свидѣтельствуютъ, что это сопоставленіе праха Петра III съ прахомъ Екатерины произвело на однихъ тягостное впечатлѣніе, другимъ подало поводъ къ оскорбительному злорѣчію. Многіе объясняли это желаніемъ предать публичному и торжественному укору событіе 28 іюня 1762 года, а иные усматривали въ этомъ ядовитый намекъ на обстоятельства кончины Петра.

Во всякомъ случаѣ церемонія двойныхъ похоронъ произвела вообще тяжелое и прискорбное впечатлѣніе, и нѣтъ сомнѣнія, что она послужила сильнымъ аргументомъ для тѣхъ, которые возлагали на Екатерину отвѣтственность за кончину Петра III: это видно изъ многихъ современныхъ иностранныхъ мемуаровъ. Замѣтимъ далѣе, что первыя дѣйствія новаго Императора имѣли характеръ полнѣйшей реакціи въ отношеніи предшествующаго царствованія. Экспедиція графа Зубова была немедленно остановлена и завоеванные имъ земли оставлены; въ Лифляндіи и Эстляндіи, въ областяхъ поступившихъ отъ Польши, а равно и въ Курляндіи отмѣнены были введенныя въ нихъ при Екатеринѣ общія государственныя учрежденія и возстановлены ихъ преж-

нія, не-русскія установленія; большая часть лицъ приближенныхъ къ покойной Императрицѣ были или отставлены отъ службы, или же удалены въ свои имѣнія; по всѣмъ вѣдомствамъ произведены были самыя крутыя и рѣзкія преобразованія. Новый Государь ясно давалъ знать, что находитъ неудовлетворительнымъ все теченіе дѣлъ, что имѣетъ въ виду перестроить всю государственную машину. Люди окружавшіе его, приняли въ отношеніи своихъ предшественниковъ положеніе какъ бы восторжествовавшей партіи. Имя Потемкина предавалось поруганію; у самого Государя вырывались слова и дѣйствія, доказывающія глубокую къ нему непріязнь: припомнимъ для примѣра распоряженіе относительно могилы устроителя Новороссіи (стр. 141.). Наконецъ нѣсколько Поляковъ, находившихся въ числѣ приближенныхъ Павла, съ ненавистью отзывались и о самой Государынѣ, едва сошедшей въ могилу.

Таковы были явленія, ознаменовавшія первые дни послѣ смерти Екатерины. Люди, къ которымъ перешла власть, обнаружили такое давленіе на общественное мнѣніе, равное которому едвали было обнаружено послѣ смерти Петра III, — а это обязываетъ насъ быть въ отношеніи отзывовъ ближайшихъ потомковъ Екатерины столько же осторожными, сколько необходимо соблюдать осторожности и относительно отзывовъ о Петрѣ III людей, участвовавшихъ въ переворотѣ 1762 года. До насъ дошли чрезвычайно жесткіе отзывы о Екатеринѣ современниковъ ея кончины; читая эти отзывы можно подумать, что какая-то давящая тяжесть снята была съ Россіи въ день 6 ноября 1796 года и что русское общество ожидало лишь смерти Императрицы, чтобы ринуться по пути свободы, просвѣщенія, развитія всякаго рода... Но такимъ заявленіямъ не слѣ-

дуетъ придавать серіознаго значенія. Немного мѣсяцевъ или даже недѣль прошло, какъ уже совершился крутой поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Въ доказательство этого укажемъ на одно лишь обстоятельство: Императоръ Александръ I, съ большою горечью отзывавшійся въ кругу молодыхъ друзей своихъ, въ самый послѣдній годъ царствованія Екатерины, о ея дворѣ и управленіи, пять лѣтъ спустя, вступая на престолъ, считалъ нужнымъ торжественно возвѣстить Россіи въ своемъ манифестѣ, что онъ намѣревается царствовать „по законамъ и по сердцу" своей бабки: „да по ея стопамъ шествуя, — продолжалъ Государь, — достигнемъ возвести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ".

Такое заявленіе даетъ намъ мѣру того, какъ высоко уже стояло имя Екатерины въ сознаніи націи черезъ пять лѣтъ послѣ ея кончины. Да и гораздо ранѣе мы замѣтимъ тоже самое, если станемъ всматриваться ближе. Горькія порицанія, которыя послышались надъ ея могилой, раздавались со стороны лишь нѣкоторой части петербургскаго и особенно придворнаго общества. Въ Москвѣ, въ провинціальныхъ городахъ, въ помѣщичьихъ усадьбахъ вѣсть о кончинѣ Императрицы принята была какъ вѣсть о народномъ бѣдствіи и вызвала много слезъ и много благословеній.

Но непріязненное положеніе, принятое частію образованнаго русскаго общества къ памяти и правленію Екатерины не осталось безъ послѣдствій. Воспитанная эмигрантами и вообще иностранцами, эта часть русскаго общества утратила способность цѣнить по достоинству истинно національный характеръ Екатерининой политики. Лишь въ 1812 году глубокое патріотическое движеніе охватившее Россію низвергло эту космопо-

литскую партію; но оно выдвинуло на сея мѣсто людей, которые гнали науку во имя религіи и свободу во имя національности. Взаимодѣйствіе этихъ двухъ партій, одинаково не заслуживающихъ признательности, составляетъ характеристику части XIX вѣка. Первая изъ нихъ, любя свободу и просвѣщеніе, снабжала ими инородческія части Россіи, тогда какъ вторая старалась истребить самое стремленіе къ этимъ благамъ въ коренныхъ частяхъ Имперіи. Одна изъ этихъ партій, во имя разрушенной Польши, во имя потрясенной Порты и ослабленной въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкой національности, порицала Екатерину, другая признавала несвойственными будто бы русскому народному духу либеральныя начала наказа, созваніе коммиссіи уложенія, свободу печатнаго слова и возбужденіе къ независимости христіанскихъ подданныхъ султана... Такія недоразумѣнія окружали имя Екатерины въ продолженіе слишкомъ полувѣка и лишь въ наши дни, когда бо̀льшая степень свободы дала Россіи способность понимать благо заключающееся въ свободѣ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ начало снова возвышаться ея національное чувство, царствованіе этой славной Государыни становиться предметомъ прилежнаго изученія и правильной оцѣнки.

Кончина Екатерины послѣдовала почти годъ въ годъ черезъ столѣтіе послѣ принятія единодержавія Петромъ Великимъ. Если мы окинемъ взоромъ весь этотъ періодъ времени и спросимъ себя: чѣмъ была Россія въ концѣ XVII вѣка и чѣмъ она была столѣтіе спустя, то удивимся сдѣланнымъ ею успѣхамъ. Пространство ея значительно увеличилось; изъ глубины печальныхъ пустынь она придвинулась къ Западу, этому очагу всемірной жизни, и оперлась на два моря. Число ея жи-

телей возрастало съ 10 милліоновъ до 40; государственный доходъ возвысился съ 5 милліоновъ, которыми Петръ могъ располагать въ началѣ своего царствованія, до 50 слишкомъ и въ значительной степени увеличилось народное богатство. Россія, въ теченіе XVIII вѣка, соорудила два флота и создала армію, которая, въ самые послѣдніе дни истекавшаго вѣка, побѣдоносно сражалась съ лучшими войсками Европы (въ Италіи), тогда какъ ея старинная рать не выдерживала сравненія даже съ нестройными полчищами Турокъ и Поляковъ. Потилическое значеніе Россіи, едва замѣтное въ тѣсной сферѣ восточной Европы, сдѣлалось, со второй половины царствованія Екатерины, преобладающимъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Правительства западныхъ государствъ относились съ уваженіемъ къ этому возникающему могуществу; народы Запада взирали на него съ недоумѣніемъ, но еще безъ непріязни; племена восточной Европы радостно привѣтствовали его, чувствуя, что съ нимъ соединено ихъ возрожденіе.

Правда, это необычайно быстрое развитіе политическаго значенія Россіи стоило ей большихъ усилій, — огромныхъ тратъ людьми и деньгами; Екатерина оставила слишкомъ 125 м. руб. долгу, котораго не было бы, еслибъ политика этой Государыни не была такъ смѣла и предпріимчива, и число жителей въ Россіи возрасло бы, конечно, еще быстрѣе. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что различныя правительства, руководившія судьбами Россіи, не исключая и Екатеринина, еще болѣе заботились о дѣлахъ внѣшней политики и о международномъ величіи Россіи, нежели о внутреннемъ развитіи страны. Можно было бы сдѣлать весьма много и другихъ замѣчаній о неправильностяхъ историческаго развитія нашего въ XVIII вѣкѣ и объ ошибкахъ нашихъ правительствъ;

но объ всемъ этомъ указывалось въ своемъ мѣстѣ и въ новыхъ повтореніяхъ нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе что ни одно общество въ мірѣ не развивалось совершенно раціонально и ни одно дѣло рукъ человѣческихъ не чуждо несовершенствъ. Но мы должны еще разъ напомнить здѣсь о томъ явленіи, которое, можно сказать, характеризуетъ исторію Россіи въ XVIII вѣкѣ, которое господствуетъ надъ всѣмъ и во всемъ проглядываетъ, — а именно, о духѣ подражательности въ отношеніи западной Европы. Это прискорбное явленіе имѣетъ весьма глубокія и отдаленныя причины, кроющіяся во всемъ теченіи нашей исторіи.

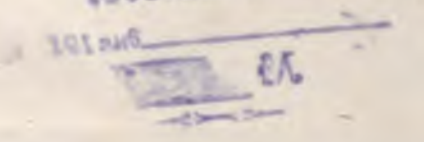
Народы западной Европы получили богатое наслѣдіе цивилизаціи отъ древняго міра. Всѣ тѣ страны, надъ которыми господствовалъ нѣкогда Римъ, испытали на себѣ просвѣтительное его вліяніе; въ Испаніи, Британіи, Германіи и особенно во Франціи, еще въ первые вѣка христіанской эры, уже существовали стройныя законодательства, правильное гражданское и церковное управленіе, были отлично устроенные пути, обширныя зданія для общественныхъ потребностей, распространялась христіанская проповѣдь и отдѣльныя личности изъ такъ называемыхъ *варваровъ* вступали въ кругъ образованныхъ людей. Въ IX вѣкѣ Франція, неговоря объ Италіи, имѣла уже ученыхъ по разнымъ отраслямъ наукъ, — по богословію, по юрисруденціи; она имѣла просвѣщенныхъ государей, ученыхъ епископовъ, историковъ и поэтовъ. А что было въ IX вѣкѣ въ странѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи Россіей? Эта страна была занята рѣдкимъ населеніемъ племенъ, самыя имена коихъ едва извѣстны исторіи и которые пребывали въ состояніи такой дикости, что пришедшіе и расселившіеся среди нихъ Славяне сдѣлались элементомъ цивилизующимъ. Жизнь на-

чиналась здѣсь, можно сказать, съ зародыша, какъ въ древнихъ азійскихъ государствахъ. Заимствовать было не у кого, помощи ожидать не отъ кого. Надо было создавать весь свой бытъ, всю свою исторію, переходить постепенно отъ устройства шалаша къ сооруженію хижины, отъ жизни *скотской*, по выраженію Нестора, къ понятію о бракѣ, семействѣ, родѣ, отъ кочеваго быта къ осѣдлому. Такимъ образомъ народонаселеніе, изъ котораго сложился Русскій народъ, было лишено плодовъ всего того, что выработалось тысячелѣтіями, протекшими со времени образованія первыхъ гражданскихъ обществъ, тогда какъ въ это же время на западѣ Европы совершалось лишь ея обновленіе, смѣшеніемъ старыхъ племенъ съ племенами юными и одухотвореніемъ цивилизаціи древняго міра помощію христіанства.

Такова исходная точка нашей исторіи. Россія моложе западной Европы многими тысячелѣтіями, и этой одной причины уже достаточно чтобъ объяснить себѣ, почему первая поддалась вліянію второй, когда онѣ встрѣтились и вступили въ сношенія между собою. Явленіе, которое при этомъ обнаружилось, повторяется теперь въ другихъ странахъ, вступающихъ въ кругъ всемірнаго историческаго движенія Это явленіе есть законъ, неизбѣжный и неотразимый; какъ бы ни былъ даровитъ юноша, онъ неминуемо подчинится вліянію зрѣлаго мужа, на котораго выпала задача просвѣтить его. Но слѣдуетъ ли изъ этого заключать, что для него было бы лучше ничего ни у кого не заимствовать, а достигать собственнымъ опытомъ и одинокою своею *работой* того, чего другіе уже достигли преемственнымъ трудомъ тысячи послѣдовательныхъ поколѣній? Относительно отдѣльнаго человѣка никому еще не приходила такая странная мысль: не слѣдуетъ прилагать ее

и къ народамъ. Не слѣдуетъ также и стыдиться явленія, происходящаго отъ нашей молодости; еще менѣе прилично опасаться за наше будущее. Подражательность и нѣкоторая степень нравственнаго подчиненія юноши въ отношеніи своего наставника, есть роковое условіе извѣстной эпохи въ человѣческой жизни, но отнюдь не есть условіе всей его жизни; онъ можетъ и долженъ сдѣлаться самостоятельнымъ и независимымъ, но лишь тогда, когда усвоитъ нужную степень образованія. Тоже самое должно сказать и относительно тѣхъ народовъ, которые, устранены будучи вначалѣ отъ участія въ общей исторической жизни, примыкаютъ къ ней впослѣдствіи,—народовъ первымъ между которыми былъ народъ Русскій.

XVIII вѣкъ былъ временемъ ученія нашего въ школѣ Европы, и должно признаться, едвали кто оканчивалъ въ ней курсъ съ полнымъ успѣхомъ; одни отталкивали отъ себѣ просвѣщеніе, оставаясь Русскими стараго закала, другіе становились болѣе или менѣе Европейцами, но за то вовсе переставали быть Русскими. Число первыхъ постепенно уменьшалось съ теченіемъ времени, число послѣднихъ постоянно увеличивалось по мѣрѣ того, какъ Европа все болѣе и болѣе захватывала насъ въ сферу своего движенія: *Европейцевъ* становилось болѣе, *Русскихъ* — менѣе. Послѣдніе годы XVIII-го и первые годы настоящаго столѣтія составляютъ въ нашей исторіи высшую точку этого безличнаго, безнароднаго европеизма, послѣ чего долженъ былъ начаться поворотъ въ другую сторону. Карамзинъ, въ самые послѣдніе годы вѣка, не только склонялся передъ авторитетомъ Европы, но признавалъ, что интересы Россіи должны подчиняться ея интересамъ; Русскій не совмѣщался еще въ немъ съ Европейцемъ и послѣдній бралъ верхъ надъ первымъ. Но

въ концѣ своей жизни этотъ замѣчательный человѣкъ написалъ слѣдующія слова, которыя мы желали бы запечатлѣть въ сердцахъ нашихъ читателей: „Для насъ Русскихъ съ душою, одна Россія самобытна, одна Россія истинно существуетъ; все иное есть только отношеніе къ ней, привидѣніе (призракъ). Мыслить, мечтать можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣлать — единственно въ Россіи, или нѣтъ гражданина, нѣтъ человѣка: есть только двуногое животное“. Въ этихъ прекрасныхъ словахъ заключается разрѣшеніе той задачи, надъ которою тщетно трудилась Россія въ продолженіе цѣлаго вѣка и которая состоитъ въ совмѣщеніи *Русскаго* съ *Европейцемъ*. Быть Европейцемъ по цивилизаціи и сыномъ своего отечества по сердечнымъ привязанностямъ, по интересамъ государственнымъ и народнымъ,—вотъ идеалъ человѣка и гражданина. Лучше всего можно служить человѣчеству, служа своей странѣ и своему народу; лучше всего можно служить своей странѣ и своему народу проникнувшись тѣми понятіями, которыя выработаны всею исторической жизнію человѣчества.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Изъ большаго, къ сожалѣнію, числа опечатокъ, чаемъ здѣсь тѣ, которыя могутъ подать поводъ къ мѣніямъ.

Стр.	*Напечатано*:	*Читай*:
24	преобразованіяхъ было ему указано.	преобразованія
87	Всѣми этими	Всѣмъ этимъ
95	Фалевъ	Фалѣевъ
154	единственными	единственныя
221	обнаружившаяся	обнаружиться
235	1769	1796

	DATE DUE		
JUL 7 1981			

